СУВОРОВЪ

И

ПАДЕНІЕ ПОЛЬШИ.

СОЧИНЕНІЕ

ФРИДРИХА ФОНЪ-СМИТТА.

ПЕРЕВЕДЕНО СЪ НѢМЕЦКАГО

И ИЗДАНО

ПРИ СОВѢЩАТЕЛЬНОМЪ КОМИТЕТѢ ГЛАВНАГО ШТАБА,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Генеральнаго Штаба Генералъ-Лейтенанта

КНЯЗЯ ГОЛИЦЫНА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ПОСЛѢДНІЯ СМУТЫ ПОЛЬШИ.

Съ двумя планами.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1867.

Напечатано по распоряженію Совѣщательнаго Комитета Главнаго Штаба.

Въ типографіи Эдуарда Веймара.

На Невскомъ проспектѣ, противъ Малой Морской, д. № 10.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ПОСЛѢДНІЯ СМУТЫ ВЪ ПОЛЬШИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ПОСЛѢДНІЯ СМУТЫ ПОЛЬШИ.

ПЕРВЫЙ ОТДѢЛЪ.

Суворовъ въ Финляндіи.—1791 г.

Введеніе.—Потемкинъ въ Яссахъ.—Раздоръ между Суворовымъ и Потемкинымъ.—Суворовъ въ Петербургѣ.—Столкновенія.—Сужденія.—Потемкинъ является въ Петербургѣ и дѣйствуетъ противъ Суворова.—Суворова удаляютъ въ Финляндію.—Ему велѣно укрѣплять границы Финляндіи.—Планъ его.—Дальнѣйшій ходъ Турецкой войны.—Театръ военныхъ дѣйствій и планъ на 1791 годъ.—Раздоръ съ Англіей и Пруссіей изъ-за Турокъ.—Рѣчи Фокса и Бурке по этому поводу.—Соглашеніе съ Англіей.—Побѣды Русскихъ надъ Турками (сраженіе при Мачинѣ).—Тогдашнія русскія войска.—Мирные переговоры.—Неудовольствіе Потемкина.—Его болѣзнь и смерть.—Безбородко заключаетъ миръ въ Яссахъ.—Причины, спасшія тогда Порту.—Войны Екатерины съ Турками.—Жизнь и занятія Суворова въ Финляндіи.—Извлеченія изъ его писемъ.—Заботы о его дочери.—Письма къ ней.—Набросанныя мысли.—Письмо полковника Сакена. 1

ВТОРОЙ ОТДѢЛЪ.

Польскія дѣла до 1788 г.

Введеніе.—Государственное устройство Польской республики.—Три основные недостатка его.—Планъ Станислава къ возвышенію своей страны.—Характеръ Поляковъ.—Неблагопріятныя для націи обстоятельства.—Три сосѣда.—Попытки къ преобразованію государственнаго устройства.—Онѣ разстроиваются Пруссіей и Россіей.—Дѣло диссидентовъ.—Сеймъ 1766 года.—Радомская конфедерація 1767 года.—Новое утвержденіе конституціи 1768 года.—Первый раздѣлъ Польши.—Общія замѣчанія.—Новая конституція 1775 года.—Постоянный совѣтъ.—Состояніе финансовъ.—Торговля и промышленность.—Военное устройство.—Политика, юстиція, полиція.—Учебно-воспитательная часть.—Искуства и науки.—Процвѣтаніе націи 57

ТРЕТІЙ ОТДѢЛЪ.

Польша съ 1788 до конца 1791 г.

Несогласія между тремя державами, участвовавшими въ раздѣлѣ.—Партіи въ Польшѣ.—Главные вожди ихъ.—Собраніе сейма 6-го октября 1788 г.—Совѣщанія по поводу союза съ Русскими.—Протестъ Пруссіи.—Броженіе умовъ противъ Россіи.—Планы партіи молодыхъ патріотовъ.—Первыя попытки къ низпроверженію всего существующаго.—Предостереженія короля.—Его рѣчь 6-го ноября.—О русской гарантіи.—Уничтоженіе постояннаго совѣта.—О такъ называемой русской партіи.—Причины проволочекъ.—Политика Герцберга.—Луккезини.—Пріисканіе поводовъ къ раздорамъ съ Россіей.—Процессъ Понинскаго.—Увеличеніе налоговъ.—Посольства.—Союзъ съ Пруссіей (29-го марта 1790).—Переговоры съ Турціей.—Предварительный проектъ новой конституціи.—Перемѣна въ политическихъ отношеніяхъ.—Законъ о городахъ.—Партія молодыхъ патріотовъ привлекаетъ короля на свою сторону.—Приготовленія къ введенію новой конституціи.—3-е мая 1791.—Еще нѣкоторыя черты изъ исторіи этого дня.—Конституція 3-го мая.—Конечный результатъ ея.—Совершенный переворотъ въ иностранной политикѣ.—Фридрихъ-Вильгельмъ прусскій сближается съ Россіей.—Польскія дѣла до конца 1791 года. . . 107

ЧЕТВЕРТЫЙ ОТДѢЛЪ.

1792 годъ.—Суворовъ все еще въ Финляндіи.

Суворовъ.—Первыя важныя событія въ году.—Союзъ Австріи съ Пруссіей 7-го февр. 1792 года.—Въ слѣдствіе убіенія Густава III, Суворовъ долженъ еще остаться въ Финляндіи.—Извлеченія изъ его писемъ оттуда (въ примѣчаніяхъ біографическія замѣтки о Каховскомъ, Кречетниковѣ, Прозоровскомъ, Поповѣ, Марковѣ, Альтести, Грибовскомъ).—Суворовъ переведенъ въ южную Россію.—Онъ оссіанизируетъ.—Расположеніе его къ благотворительности.—Отъѣздъ. . 183

ПЯТЫЙ ОТДѢЛЪ.

1792 годъ въ Польшѣ.—Переворотъ обстоятельствъ.—Тарговицкіе конфедераты.

Беззаботность въ Варшавѣ.—Двѣ крайне-противуположныя партіи.—Потоцкіе, Ржевускіе, Браницкіе обращаются къ Россіи.—Предостереженія Деболи изъ Петербурга.—Королю предоставляется почти неограниченная власть.—Разъясненіе тогдашняго положенія Польши.—Отказъ курфирста саксонскаго.—Императрица Екатерина вооружается съ цѣлію низпроверженія новой польской конституціи.—Она склоняетъ на свою сторону вѣнскій и берлинскій дворы.—Проектъ Тарговицской конфедераціи.—Инструкція Булгакову.—Настроеніе умовъ въ Варшавѣ.—Русскій манифестъ $^{7}/_{18}$ мая.—Ближайшія обстоятельства при пе-

редачѣ манифеста и послѣ.—Неудачная поѣздка Игнатія Потоцкаго въ Берлинъ.—Постановленія сейма и его отсрочка.—Учрежденіе конфедераціи въ Тарговицахъ.—Состояніе польской арміи.—Первыя мѣры Понятовскаго.—Русская армія и планъ дѣйствій ея.—Сила и распредѣленіе украинской арміи.—Русская армія переходитъ черезъ границы.—Дѣла при Любарѣ.—Очищеніе Полоннаго.—Бой 7 (18) іюня при Зѣлинцахъ.—Понятовскій отступаетъ къ Острогу.—Переговоры о перемиріи.—Дальнѣйшее отступленіе польской арміи.—Она отступаетъ за Бугъ.—Дѣйствія въ Литвѣ.—Планъ дѣйствій русско-литовской арміи Кречетникова.—Сила и распредѣленіе арміи.—Ходъ военныхъ дѣйствій.—Провозглашеніе Литовской конфедераціи въ Вильнѣ.—Дѣло при Мирѣ.—Михаилъ Забѣлло принимаетъ начальство надъ литовско-польскою арміей въ Гродно.—Онъ отступаетъ за Бугъ.—Верховный военный совѣтъ въ Варшавѣ.—Каховскій переходитъ черезъ Бугъ у Кладнева.—Бой при Дубенкѣ 7 (18) іюля.—Каховскій преслѣдуетъ польскую армію за Люблинъ.—Дѣло при Грабовѣ 15 (26) іюля.—Прекращеніе военныхъ дѣйствій. 221

ШЕСТОЙ ОТДѢЛЪ.

Продолженіе.—Событія въ Польшѣ до конца 1792 г.

Трудное положеніе.—Слѣдовало-ли королю отправиться въ армію?—Дурныя вѣсти изъ арміи.—Король обращается съ просьбой къ императрицѣ.—Письмо короля.—Россія заключаетъ съ Австріей и Пруссіей союзные договоры.—Причины уклончиваго отвѣта императрицы Станиславу.—Рѣзкая нота Остермана.—Затруднительное положеніе короля.—Голосованіе въ совѣтѣ министровъ.—Король приступаетъ къ Тарговицской конфедераціи.—Сильныя обвиненія партіи противъ короля.—Многочисленная эмиграція приверженцевъ партіи.—Двусмысленное поведеніе Коллонтая.—Достойное сожалѣнія положеніе короля.—Господство тарговицскихъ конфедератовъ.—Свиданіе императора Франца съ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ въ Майнцѣ.—Планъ территоріальныхъ вознагражденій.—Неудачный походъ герцога брауншвейгскаго въ Шампаніи.—Сличеніе обоихъ походовъ 1792 года въ Польшѣ и Франціи.—Пруссія возобновляетъ свои притязанія въ отношеніи къ Польшѣ.—Графъ Гаугвицъ.—Нота 25 октября 1792 года изъ Мерля.—Гаугвицъ отправляется въ Вѣну для довершенія переговоровъ о вознагражденіяхъ.—Соображенія русской императрицы.—Радость короля прусскаго по поводу согласія императрицы на раздѣлъ.—Доводы въ пользу онаго, предъявленные въ Лондонѣ. 289

ПЕРВЫЙ ОТДѢЛЪ.

СУВОРОВЪ ВЪ ФИНЛЯНДІИ.

1791.

Введеніе.—Потемкинъ въ Яссахъ.—Раздоръ между Суворовымъ и Потемкинымъ.—Суворовъ въ Петербургѣ.—Столкновенія.—Сужденія.—Потемкинъ является въ Петербургѣ и дѣйствуетъ противъ Суворова.—Суворова удаляютъ въ Финляндію.—Ему велѣно укрѣплять границы Финляндіи.—Планъ его.—Дальнѣйшій ходъ Турецкой войны.—Театръ военныхъ дѣйствій и планъ на 1791 годъ.—Раздоръ съ Англіей и Пруссіей изъ-за Турокъ.—Рѣчи Фокса и Бурке по этому поводу.—Соглашеніе съ Англіей.—Побѣды Русскихъ надъ Турками (сраженіе при Мачинѣ).—Тогдашнія русскія войска.—Мирные переговоры.—Неудовольствіе Потемкина.—Его болѣзнь и смерть.—Безбородко заключаетъ миръ въ Яссахъ.—Причины, спасшія тогда Порту.—Войны Екатерины съ Турками.—Жизнь и занятія Суворова въ Финляндіи.—Извлеченія изъ его писемъ.—Заботы о его дочери.—Письма къ ней.—Набросанныя мысли.—Письмо полковника Сакена.

Съ всесокрушительною силой палъ ударъ на турецкое войско въ Измаилѣ и распространилъ ужасъ и смущеніе между Османами, радость и торжество въ Россіи.—Громко было имя Суворова и на устахъ у всѣхъ, какъ ни различны были мнѣнія о самомъ этомъ событіи. Слѣдовало полагать, что за такой славный подвигъ, его ожидали необыкновенныя почести и награды; однако на его долю выпали многолѣтняя тайная немилость и униженіе: вмѣсто почестей, его ожидали только непріятности, вмѣсто болѣе широкаго круга дѣйствій, его поставили въ самый тѣсный. Тотъ, который открылъ ему дверь къ подвигамъ и славѣ, долженъ былъ и закрыть ему оную снова.

Суворовъ думалъ, что приблизился къ цѣли своихъ желаній; онъ усталъ, какъ онъ выражался, «служить кошачьей лапой, которая для другихъ вытаскиваетъ каштаны изъ огня». Его пламеннѣйшее

желаніе было стать независимымъ въ главѣ арміи, дабы доказать тогда своей государынѣ, своему отечеству, даже цѣлому міру, все, что̀ въ немъ заключалось; — возвыситься на степень тѣхъ немногихъ великихъ полководцевъ, которые постоянно носились предъ его воображеніемъ, не служить болѣе исполнителемъ мелкихъ плановъ и предпріятій или отдѣльныхъ военныхъ дѣйствій, которыя, безъ ближайшей связи съ цѣлымъ, силой выполненія имъ оныхъ лишь еще болѣе выставляли на свѣтъ вялость прочаго веденія войны. Но чтобы стать независимымъ въ главѣ арміи, рядомъ съ Потемкинымъ, Румянцовымъ, ему нужно было быть *фельдмаршаломъ*: онъ думалъ, что проложилъ себѣ дорогу къ этому своей побѣдой подъ Измаиломъ, бывшей только продолженіемъ его прежнихъ побѣдъ при Фокшанахъ и Рымникѣ, и ожидалъ теперь вѣрнаго исполненія своего пламеннѣйшаго желанія.

Чтобы скорѣе достигнуть этого, онъ, будучи призванъ императрицей, предпринялъ поѣздку въ Петербургъ, куда и отправился въ первыхъ числахъ января 1791, по расположеніи его войскъ на зимнихъ квартирахъ.

Князь Потемкинъ уже давно расположилъ свою главную квартиру или, лучше сказать, свой дворъ въ Яссахъ; отсюда онъ одною рукой управлялъ военными дѣйствіями, а въ другой въ тоже время держалъ нити политическихъ переговоровъ и обдумывалъ проекты, долженствовавшіе вполнѣ преобразовать сѣверовостокъ Европы. Онъ былъ, если и не главный виновникъ, то во всякомъ случаѣ ревностнѣйшій дѣятель *восточнаго проекта*, цѣлію котораго было изгнаніе Турокъ изъ Европы, гдѣ они, какъ чуждая ей воинская рать, были лишь временно расположены лагеремъ, но не могли содѣлаться туземцами на этой почвѣ; (1) и имѣя въ виду эту цѣль,

---

(1) Доомъ (Dohm) въ своихъ «Достопамятностяхъ» (Denkwürdigkeiten, II, 3 etc.) помѣстилъ длинное разсужденіе о происхожденіи восточнаго проекта, при чемъ по обыкновенію сдѣлалъ промахъ. Проектъ этотъ впервые зародился не въ головѣ Екатерины (стр. 6) или Миниха (стр. 12), какъ онъ полагаетъ, но императора Іосифа. Слѣдующее письмо короля Фридриха II отъ 30 окт. 1772 г. его посланнику въ Петербургѣ, графу Солмсу, для сообщенія Петербургскому кабинету, даетъ ближайшія объясненія касательно этого: «Il y a quelques jours, que j'ai vu à Neisse le Comte de Dietrichstein, qui à ce que je crois y a été envoyé pour me sonder. Voici ce que j'ai pu combiner de toutes les choses qu'il m'a dites. Je vois clairement, que l'Empereur et Lascy ne sont pas contents de ce bout de la Pologne qu'ils obtiennent. Ils voudraient chasser les Turcs de l'Europe et s'approprier toute la partie de la Hongrie, qui se trouve

онъ неустанно стремился достигнуть ея. Только не всегда прибѣгалъ онъ къ вѣрнѣйшимъ средствамъ для того. Два препятствія въ томъ предстояли ему на пути: во-первыхъ то, что у него не было личнаго военнаго искуства (при всемъ личномъ мужествѣ, онъ вовсе не имѣлъ высшихъ дарованій полководца), и во-вторыхъ его неровный, своенравный характеръ, державшій его цѣлые дни и недѣли въ полномъ бездѣйствіи и откладывавшій вдаль важнѣйшія предпріятія, отчего часто пропадали безъ пользы самыя благопріятныя мгновенія: ибо каждое дѣло имѣетъ свою степень зрѣлости, которой конечно нужно дожидаться, но и тотчасъ же пользоваться ею, дабы не опоздать.—Это перемѣнчивое расположеніе духа, этотъ недостатокъ послѣдовательности въ дѣйствіяхъ, равно какъ и отсутствіе истинной геніяльности полководца, умѣющей не только мудро начертать великіе планы, но и энергически и смѣло выполнять ихъ, помѣшали ему воспользоваться тѣми значительными выгодами и счастливыми случаями, которые сначала выпали на долю обѣимъ союзнымъ арміямъ, и энергическимъ веденіемъ войны ближе подойти къ предположенной цѣли. Военныя дѣйствія производились безъ всякаго плана; время, драгоцѣннѣйшій предметъ на войнѣ, было потрачено самымъ непростительнымъ образомъ, ничто и нигдѣ не дѣлалось послѣдовательно, по одному общему, великому

à la rive gauche du Danube. Ils seraient bien aises pour cet effet de voir les conférences de Foksiany rompues, pour seconder les Russes à expulser les Turcs de l'Europe, et dans ce cas ils consentiraient peut-être à laisser aux premiers la Moldavie et Wallachie. Je crois qu'ils auraient bien envie de se liguer pour cet objet avec la Russie, mais la crainte qu'ils ont, que les Français et les Espagnols ne leur fassent une diversion en Italie et en Flandres, les oblige à recourir à moi, et pour me mettre de leur parti, ils renonceront à tous les avantages qui leur ont été stipulés en Pologne en faveur de la cession du cours de la Warthe et de tout ce que je voudrais m'approprier au voisinage de Silésie.—J'ai été curieux de savoir, ce que l'on prètendait faire de la Grèce, mais ils n'y ont pas encore pensé jusqu' ici. Je souhaite donc que le C-te Orlow conclue la paix avec les Turcs, mais si cela n'a pas lieu, nous verrons une nouvelle scène s'ouvrir, et cela vise à un traité d'Alliance, par lequel la Cour de Vienne se propose probablement de régler tout avec ses nouveaux Alliés. Je me suis contenté d'entendre tranquillement tout ce qu'on m'a dit, et j'ai répondu, que tout cela était des choses possibles, qui pourraient s'exécuter, si l'on voulait s'entendre et agir de bonne foi, mais qu'il fallait au préalable consulter l'Impératrice de Russie sur tous ces articles. On a paru content de ma réponse, et je ne doute nullement, que le Prince de Lobkowitz n'ait sondé également la Cour de Russie à cet égard».

*

плану.—Правда, нѣсколько крѣпостей было взято частію открытой силой, какъ Очаковъ и Измаилъ, частію угрозами, а нерѣдко также и подкупомъ, какъ Бендеры; но четыре года уже продолжались военныя дѣйствія, а еще не было совершено даже перехода черезъ Дунай, ниже попытки—сильными ударами по ту сторону этой рѣки принудить Турокъ къ уступчивости.—Такимъ образомъ война могла быть ведена еще цѣлые годы, безъ достиженія цѣли: государства истощились бы и пролили бы много крови, одинъ Потемкинъ выигралъ бы, потому что постоянно оставался бы нужнымъ человѣкомъ и имѣлъ бы въ своемъ распоряженіи огромныя средства для постороннихъ цѣлей (2). Поэтому-то онъ и противился всякому миру.

Въ Яссахъ ожидалъ теперь Потемкинъ мужественнаго покорителя Измаила, своимъ блистательнымъ подвигомъ прославившаго и его, главнокомандующаго. Присвоивалъ же онъ себѣ заслуги всѣхъ подвиговъ подчиненныхъ ему генераловъ, какъ подвиговъ, повелѣнныхъ имъ. Онъ хотѣлъ почтить Суворова блистательнымъ пріемомъ, доставить ему награды и отъ государыни, но лишь на столько, чтобъ онъ могъ постоянно оставаться въ зависимости отъ него, потому что многократно извѣдалъ на опытѣ, какое отличное орудіе для исполненія труднѣйшихъ предпріятій имѣлъ въ Суворовѣ. Поэтому оба далеко расходились въ своихъ мысляхъ: Суворовъ хотѣлъ быть фельдмаршаломъ и независимымъ; Потемкинъ, хотя и желалъ, чтобъ Суворову досталась награда, но чрезъ него и не такая, которая по чину поставила бы Суворова на ряду съ нимъ.

Такъ наступилъ день свиданія. Потемкинъ велѣлъ устроить большой и торжественный пріемъ: по дорогѣ были разставлены люди, чтобъ извѣстить о приближеніи Суворова, и когда было получено извѣстіе, что онъ прибылъ на послѣднюю станцію, то любимому адъютанту Потемкина, полковнику Бауеру было приказано не отходить отъ окна въ замкѣ, откуда далеко была видна вся дорога, по которой онъ долженъ былъ пріѣхать. Суворовъ, врагъ всякой пышности, услыхавъ объ этихъ приготовленіяхъ, положилъ распорядиться такъ, чтобъ въѣхать въ Яссы окольными дорогами и ночью. Онъ пріѣхалъ, безъ шуму и огласки, прямо къ одному старинному знакомцу своему, Ясскому полиціймейстеру, и строжайше запретилъ ему давать знать о его прибытіи.—На слѣдующее утро

---

(2) Хотя подъ конецъ онъ все-таки долженъ былъ бы пасть, именно вслѣдствіе этого бездѣятельнаго веденія войны.

онъ надѣлъ свой мундиръ, сѣлъ въ старинную парадную карету своего хозяина, бывшую въ модѣ, можетъ быть, сто лѣтъ назадъ, съ молдавской упряжкой, съ кучеромъ молдаваномъ на козлахъ и съ лакеемъ молдаваномъ же сзади, и такимъ образомъ велѣлъ важно везти себя въ замокъ. Никто не подозрѣвалъ видѣть въ этомъ смѣшномъ поѣздѣ покорителя Измаила.

Когда карета подъѣхала и Суворовъ вышелъ, Бауеръ узналъ его. Тотчасъ даютъ знать Потемкину. Онъ спѣшитъ на лѣстницу, на встрѣчу идущему по ней, но едва успѣлъ сойти ступеньки двѣ, какъ уже Суворовъ въ нѣсколько прыжковъ очутился на верху. Потемкинъ заключаетъ его въ свои объятія, цѣлуетъ нѣсколько разъ и радостно спрашиваетъ: «Скажите, Александръ Васильевичъ, чѣмъ могу я наградить Ваши заслуги?» Безъ всякаго намѣренія оскорбить его, онъ хотѣлъ этимъ только узнать, къ какой наградѣ Суворовъ желалъ быть представленнымъ. Но Суворовъ понялъ это иначе. Онъ надѣялся получить званіе фельдмаршала, но слишкомъ хорошо зналъ Потемкина и что чрезъ него никогда этого званія не получитъ. Какъ ужаленный змѣей, отскочилъ онъ назадъ и отвѣчалъ съ запальчивостью. «Ничѣмъ, князь,—я не купецъ и не торговаться сюда пріѣхалъ; *наградить* меня, кромѣ Бога, можетъ только всемилостивѣйшая моя государыня, и больше никто.»—Потемкинъ поблѣднѣлъ: никогда еще не испытывалъ онъ такого глубокаго оскорбленія; гордость его и чувство мести пробудились въ немъ, и онъ положилъ дать почувствовать Суворову всю тяжесть своего гнѣва: онъ нашелъ, что онъ слишкомъ высоко превознесся, сталъ слишкомъ дерзокъ, и потому нужно было держать его въ униженіи, пока снова не представится, можетъ быть, надобность употребить его на какой нибудь необыкновенный подвигъ. Молча, съ стиснутыми губами и съ злобой въ сердцѣ, воротился онъ въ залу. Суворовъ, по наружности непринужденно, но внутренно взволнованный, слѣдуетъ за нимъ и вручаетъ ему рапортъ. Потемкинъ принимаетъ его холодно. Оба, подъ вліяніемъ душевныхъ ощущеній, которыя легко угадать, дѣлаютъ нѣсколько шаговъ взадъ и впередъ по залѣ, не говоря ни слова, и разстаются. Потемкинъ возвращается въ свои внутреннiе покои, Суворовъ—къ своему хозяину.

Кажется, что Суворовъ произвелъ эту ссору съ преднамѣреннымъ умысломъ, или, можетъ быть, не въ силахъ будучи превозмочь своего гнѣва, потому что Потемкинъ въ эту минуту вѣрно не думалъ оскорблять его или представлять себя награждающимъ. Онъ хотѣлъ и могъ быть только посредникомъ, однако выразился двусмысленно. Но

Суворовъ уже слишкомъ высоко оцѣнилъ славу, пріобрѣтенную имъ побѣдой подъ Измаиломъ, и думалъ, что послѣ того могъ уже освободиться отъ зависимости Потемкина. Онъ ошибался. Потемкинъ стоялъ слишкомъ высоко въ милости у своей государыни; она почитала его своей твердѣйшей опорой и имѣла такое высокое мнѣніе о немъ, что ему не трудно было устранять людей самыхъ знатныхъ, самыхъ любимыхъ императрицею, если они преграждали ему дорогу, что̀ напримѣръ онъ и сдѣлалъ съ Ермоловымъ, хотѣвшимъ свергнуть его, и что̀ долженъ былъ испытать на себѣ теперь и Суворовъ.

Такъ послѣдній бросилъ перчатку тому всемогущему человѣку, передъ которымъ все въ государствѣ трепетало или пресмыкалось; но, какъ ни мужественъ, какъ ни твердъ душою былъ онъ, ему нельзя было не страшиться послѣдствій опрометчиво сказанныхъ имъ словъ. По крайней мѣрѣ тотъ, котораго онъ такъ тяжко оскорбилъ, легко могъ его, находившаго все свое наслажденіе, все свое счастіе лишь въ напряженной военной дѣятельности, поставить въ вынужденное бездѣйствіе, а это было бы карой, чувствительнѣе которой ничто не могло быть для Суворова. Однако старый воинъ возлагалъ свою надежду на обожаемую имъ императрицу, знавшую всю цѣну его и часто заступавшуюся за него противъ его недоброжелателей; отъ нея ожидалъ онъ не только защиты, но и получить, въ видѣ награды за его воинскій подвигъ, то званіе, которое могло сдѣлать его независимымъ отъ Потемкина. Онъ даже умѣлъ тонкимъ образомъ намекнуть ей о своемъ желаніи, а именно, когда императрица, по его пріѣздѣ, велѣла спросить его: «желаетъ-ли онъ быть генералъ-губернаторомъ, и гдѣ?» онъ отвѣчалъ: «Я знаю, что наша матушка императрица слишкомъ любитъ своихъ подданныхъ и не захочетъ наградить какую бы то ни было провинцію моимъ генералъ-губернаторствомъ. Я соразмѣряю свои силы съ тяжестью, которую могу поднять. Не всякій напр. въ силахъ носить фельдмаршальскій мундиръ.»—Но онъ создалъ себѣ изъ Потемкина непримиримаго врага, и этотъ человѣкъ помѣшалъ ему во всемъ.

Съ большимъ отличіемъ, даже съ истиннымъ благорасположеніемъ принятый императрицей, признавшей его щитомъ и мечомъ своей имперіи, онъ не получилъ однако за свой великій подвигъ ничего, кромѣ званія подполковника лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, что̀ въ тогдашнее время, когда сама императрица одна носила званіе полковника всѣхъ полковъ гвардіи, безспорно состав-

ляло большое отличіе, достававшееся только самымъ заслуженнымъ генераламъ, но не доставлявшее кромѣ того никакихъ преимуществъ. Хотя участвовавшимъ въ штурмѣ были даны, офицерамъ золотые кресты, а солдатамъ серебряныя медали, какъ почетное свидѣтельство ихъ подвига, но этимъ все и ограничилось, а на все прочее, чего надѣялся достигнуть Суворовъ, было мало надежды, потому что могущественный врагъ его послѣдовалъ за нимъ и прибылъ въ Петербургъ вскорѣ послѣ него. Здѣсь онъ умѣлъ воспрепятствовать всему, что̀ могло быть благопріятнымъ Суворову, и послѣдній не былъ пожалованъ не только фельдмаршаломъ, но даже и генералъ-адъютантомъ, чего онъ желалъ, чтобы постоянно имѣть свободный доступъ къ императрицѣ; но и еще бо̀льшія униженія предстояли ему впереди. Удивительная игра судьбы! именно тогда, когда она, радостно улыбаясь человѣку, внушаетъ ему самыя выспреннія надежды, низвергаетъ она его въ бездну!

Ожидая дальнѣйшаго своего назначенія, Суворовъ прожилъ нѣсколько времени въ Петербургѣ, не совсѣмъ забытый, потому что подвигъ его слишкомъ громко говорилъ за него, но и не въ особенномъ предпочтеніи. Изъ всѣхъ его желаній ни одно не исполнилось. Его неудовольствіе, его обманутыя ожиданія часто высказывались тогда въ сарказмахъ надъ придворными и находившимися въ милости генералами; эти сарказмы попадали мѣтко и возстановляли противъ него новыхъ враговъ. Онъ сравнивалъ *ихъ* и *свои* подвиги, *ихъ* и *свою* службу и даже старшинство службы, на которое они особенно опирались, и не скрывалъ сознанія собственнаго своего достоинства, такъ мало постигаемаго другими. Особенно дава ло поводъ къ такого рода колкостямъ слово *тактика*, съ которымъ многіе соединяли весьма смутныя понятія. Такъ однажды къ нему подошелъ старый генералъ, возвысившійся только благодаря придворной милости, и спросилъ его съ притворнымъ участіемъ: «Правда-ли, Александръ Васильевичъ, говорятъ, будто вы мало смыслите въ тактикѣ?»—«Конечно,—возразилъ Суворовъ,—я не знаю тактики, да тактика знаетъ меня; а что касается до васъ, то вы не знаете ни тактики, ни практики!»—И это было вѣрно сказано. Большинство, и къ нему принадлежали даже очень высоко стоявшіе военные люди, видѣли въ тактикѣ не то, чѣмъ она была и чѣмъ она есть въ самомъ дѣлѣ, т. е. *образованіе солдата для войны*, но собственно высшее военное искуство побѣждать, словомъ высшее, какъ бы тайное и лишь немногимъ избраннымъ доступное искуство. И, по странному противорѣчію, они искали этой тайны побѣждать не въ ум-

ственномъ и нравственномъ превосходствѣ полководца, не въ высшихъ всеобъемлющихъ соображеніяхъ его, не въ искуствѣ сообразно съ цѣлію и въ общей связи управлять большими массами, но гораздо болѣе въ мелкихъ матеріальныхъ упражненіяхъ мирнаго времени, въ тонкостяхъ экзерциціи и въ сложныхъ, непрактическихъ маневрированіяхъ и движеніяхъ, какихъ никогда не бываетъ и быть не можетъ на войнѣ. Поэтому неизбѣжно было, что Суворовъ, военный инстинктъ и природный, вѣрный смыслъ котораго превосходно руководили имъ и позволяли ему всюду узнавать истинное и существенное, и отличать его отъ несущественнаго и непрактическаго, долженъ былъ имѣть частыя и сильныя столкновенія съ такими людьми, а они, надменно взиравшіе на него съ высока, должны были провозглашать его грубымъ невѣждой безъ тактическаго искуства и значенія, и при всякомъ случаѣ колоть его. Но такъ какъ онъ, по его словамъ, не позволялъ наступать себѣ на ногу, то щедро отплачивалъ имъ тѣмъ же и, при большей остротѣ своего ума, большею частію имѣлъ на своей сторонѣ смѣявшихся этому.

Много подобнаго рода изреченій его, равно какъ и сужденій его о генералахъ, которыхъ безсмысленная толпа предпочитала ему, было распространено въ то время въ обществѣ. Извѣстнѣйшими изъ нихъ суть мнѣнія его: о Кутузовѣ, «хитромъ, котораго самъ Рибасъ не обманетъ», и о Каменскомъ и Иванѣ Салтыковѣ. «Каменскій, говорилъ онъ, знаетъ войну, да война его не знаетъ,» чѣмъ онъ хотѣлъ, можетъ быть, сказать: Каменскій зналъ то, что̀ тогда называлось военнымъ искуствомъ, но мало оказалъ себя практическимъ генераломъ. Извѣстны его опустошенія огнемъ въ Турціи, а когда позже ему пришлось предводительствовать въ Пруссіи противъ Наполеона, то онъ своимъ неразуміемъ доказалъ, какою незаслуженною славою пользовался между людьми незнающими и какъ вѣрно оцѣнилъ его Суворовъ. «Я не знаю войны,» продолжалъ съ насмѣшливою скромностью Суворовъ, т. е. того, что̀ такъ высоко ставили тогдашніе экзерцирмейстеры — непрактическія и сложныя ученья и маневрированія, «но война знаетъ меня,» т. е. именно война, какъ она дѣйствительно должна быть ведена. «Что касается наконецъ Ивана Петровича Салтыкова, заключилъ онъ смѣясь, то ни онъ не знаетъ войны, ни война его не знаетъ.» А этотъ Иванъ Петровичъ былъ тогда одинъ изъ наиболѣе употреблявшихся въ дѣло генераловъ.

Въ концѣ февраля прибылъ Агамемнонъ Россійскихъ войскъ, полководецъ изъ полководцевъ, князь Потемкинъ Таврическій, и былъ

принятъ съ совершенно необыкновенною пышностью. Казалось императрица сохранила еще свое прежнее расположеніе, свое прежнее довѣріе къ нему, но положеніе его было поколеблено въ основаніи по собственной его винѣ, его эгоизмомъ, который былъ средоточіемъ всѣхъ его стремленій, и вліяніе его у императрицы было значительно ослаблено его долгимъ отсутствіемъ.—Онъ чувствовалъ это и, чтобъ скрыть это отъ всѣхъ глазъ, держалъ себя еще надменнѣе, еще высокомѣрнѣе, нежели прежде. Онъ устрашалъ, какъ выражался Суворовъ, «перуномъ своего всемогущества,» и снова привлекалъ къ себѣ сребролюбцевъ и честолюбцевъ «рогомъ изобилія милостей,» которымъ располагалъ. Все преклонялось передъ нимъ и его повелительнымъ величіемъ. Многочисленный дворъ окружалъ его; передъ нимъ благоговѣли придворные, генералы, министры; особенно женщины домогались благоволенія могущественнаго человѣка и употребляли всѣ средства кокетства, чтобъ привлечь на себя его взоры. Но онъ казался презиравшимъ все вокругъ себя и чѣмъ болѣе кто унижался передъ нимъ, тѣмъ болѣе попиралъ онъ того въ прахъ. Только графа Безбородко отличалъ онъ и удостоивалъ его даже разговора о дѣлахъ, но и то по неволѣ, дабы снова ознакомиться съ ставшимъ чуждымъ ему ходомъ дѣлъ и съ политическими обстоятельствами.

И въ послѣдній разъ—потому что солнце его уже склонялось къ западу—долженъ онъ былъ еще разъ явиться во всемъ своемъ изобрѣтательномъ блескѣ, въ превосходившемъ все и содѣйствіемъ всѣхъ искуствъ украшенномъ и убранномъ великолѣпіи, прежде нежели и блескъ, и великолѣпіе, и жизнь покинутъ его навѣки—послѣдній, мерцавшій лучъ угасавшаго свѣта!—Онъ давалъ пиры, праздники, которые цѣнностью и замысловатостью выполненія помрачали все дотолѣ виданное,—праздники, которые пріятно занимали его на одно мгновеніе, но потомъ оставляли по себѣ безотрадную пустоту. Тщетно старался онъ во внѣшнихъ наслажденіяхъ найти то счастіе, которое доставляютъ только внутреннее спокойствіе души и полезная дѣятельность ума. Уныніе, отвращеніе отъ жизни, вслѣдствіе пресыщенія, не покидали его ни на минуту; заботы, неудовольствіе и грызущая тоска сопровождали его въ дворцы и пышные покои.—Вліяніе Зубова у императрицы исполняло его зависти и злобы, а тщетныя попытки низвергнуть его, еще болѣе увеличивали его печаль. Его «зубная боль» была неизлечима; слишкомъ крѣпко держался «зубъ» для того, чтобы, при всемъ желаніи, можно было вырвать его. Съ этимъ жаломъ въ честолюбивомъ сердцѣ, не было

ничего, что̀ могло бы его удовлетворить, развеселить, привлечь. Что̀ было новаго для него, и чѣмъ онъ не насладился до пресыщенія! Свойство человѣческой природы заставляло его пренебрегать всѣми благами жизни, какихъ желаетъ толпа, и стремиться лишъ къ тому, въ чемъ ему было отказано, и потому именно, что онъ не могъ достигнуть этого, онъ и считалъ себя въ высшей степени несчастнымъ. Оттого въ нравъ его вкрались какое-то напряженное состояніе, какая-то раздражительность, всемъ оскорблявшаяся. Малѣйшее противорѣчіе приводило его въ гнѣвъ, на угодливое согласіе онъ досадовалъ, все было не по немъ. Властолюбивый, повелительный, онъ хотѣлъ имѣть только рабовъ, и однако презиралъ тѣхъ, которые низходили до этого.

Хотя онъ по прежнему утопалъ въ наслажденіяхъ, но былъ уже не тотъ, что̀ прежде. Это не скрылось отъ зоркаго глаза придворныхъ. Его крѣпкій тѣлесный организмъ, котораго онъ никогда не щадилъ, сталъ изнемогать, изнурительный недугъ вселился во всѣ его члены и тѣло его обнаруживало истощеніе. Это дѣлало его угрюмымъ, лѣнивымъ на дѣла, а нравъ его еще болѣе неровнымъ и измѣнчивымъ. И однако, не смотря на начинавшееся болѣзненное состояніе его, на нѣкотораго рода предчувствіе приближавшейся смерти, онъ все еще предавался своимъ обширнымъ планамъ, и его обвиняли въ томъ, что онъ втайнѣ противодѣйствовалъ заключенію мира, столь необходимаго для императрицы, котораго она такъ усердно желала: ибо онъ, съ честолюбивыми тайными замыслами, хотѣлъ мира только съ Молдавіей и Валахіей, тогда какъ императрица довольствовалась границей по Днѣстру.

Его умножавшіяся предчувствія смерти все чаще и чаще подвергали его припадкамъ печали и унынія. 28 апрѣля онъ далъ императрицѣ самый знаменитый праздникъ свой, который, по блеску, пышности и замысловатой изобрѣтательности, не имѣлъ себѣ равнаго. Всѣ искуства, не исключая и поэзіи (3), должны были расточить

---

(3) Державинъ долженъ былъ нарочно для этого празднества написать въ похвалу императрицы и ея оружія свое знаменитое стихотвореніе: «Громъ побѣды раздавайся», а капельмейстеръ Козловскій для этого стихотворенія—свой лучшій польской. Всѣ такты въ немъ выражались пушечной пальбой. Бывшій тогда въ большой славѣ балетмейстеръ Лепикъ исполнялъ свои лучшіе соло; другіе артисты балета, драматическаго театра, пѣнія и музыки поочередно украшали собою празднество. Въ немъ участвовало болѣе 300 пѣвцовъ и музыкантовъ, а въ промежуткахъ раздавались торжественно-заунывные звуки роговой музыки. Еще другія рѣдкія изобрѣтенія человѣческаго искуства явились въ дѣйствіи на этомъ празднествѣ—искуственные автоматы, какъ напр.

на немъ всѣ свои чары, чтобы доставить императрицѣ и двору непрерывный рядъ сладостнѣйшихъ наслажденій. Въ этотъ день Потемкинъ, какъ хозяинъ празднества, казалось превзошелъ самъ себя, и всѣ голоса соединились въ хвалу ему. Но даже и въ этотъ день имъ до такой степени овладѣло чувство ничтожества всего земнаго блеска, предчувствіе скорой смерти и, вмѣстѣ съ тѣмъ, скорбь при видѣ себя замѣненнымъ другимъ въ милостяхъ и довѣріи своей государыни, что онъ, будучи крайне разстроганъ, палъ къ ногамъ императрицы, когда она, въ радостномъ настроеніи, намѣревалась покинуть дворецъ, прижалъ ея руку къ своимъ губамъ и оросилъ ее своими слезами. Императрица была глубоко тронута, наклонилась къ нему, поцѣловала его въ лобъ, и слезы, которыя она тщетно старалась скрыть, навернулись и у нея на глазахъ. Предчувствіе не обмануло—шесть мѣсяцевъ спустя Потемкинъ былъ въ гробу.

Это празднество предназначалось преимущественно торжеству блистательнаго дня взятія Измаила. Гости, естественно, искали взорами героя этого дня, но—его не было. Здѣсь впервые обнаружилось нерасположеніе Потемкина къ нему. Зная, что Суворовъ на хорошемъ счету у императрицы, онъ, какъ ловкій царедворецъ, не явно возсталъ противъ него, но воспользовался усиліями враждебныхъ Россіи дворовъ Лондонскаго и Берлинскаго—снова побудить Швецію къ войнѣ послѣ только-что заключеннаго мира. Онъ внушилъ императрицѣ сильное недовѣріе къ этому, едва обезоруженному врагу, и предложилъ ей послать въ Финляндію столь испытаннаго полководца, какъ Суворовъ, для того, чтобы привесть въ хорошее и надежное оборонительное состояніе ту опасную границу, громъ орудій съ которой еще такъ недавно потрясалъ окна ея дворца. Казалось, устами его говорила искренняя любовь къ отечеству, и императрица согласилась на его коварное предложеніе. За нѣсколько дней до праздника у Потемкина, она призвала къ себѣ Суворова,

---

знаменитый слонъ, драгоцѣнныя мраморныя вазы, художественныя произведенія древности; и даже самый громадный залъ, не имѣвшій себѣ равнаго, залитый ослѣпительнымъ блескомъ массы свѣта, великолѣпные покои, наконецъ прекрасный садъ, украшенный самыми рѣдкими растеніями юга, сами по себѣ были уже художественными рѣдкостями, достойными удивленія. Но наибольшимъ блескомъ всего празднества была кадриль изъ 24 паръ самыхъ красивыхъ придворныхъ молодыхъ людей и дамъ, и въ главѣ ихъ оба молодые великіе князья, прекрасный какъ ангелъ Александръ и веселый Константинъ. Блескъ, пышность, разнообразіе и поперемѣнная послѣдовательность наслажденій распространяли всеобщее чувство полнаго довольства и дѣлали это празднество единственнымъ въ своемъ родѣ.

выразила ему свои опасенія и свое довѣріе къ нему, и заключила словами: «Вы будете мнѣ крайне нужны въ Финляндіи». Суворовъ тотчасъ понялъ въ чемъ дѣло, поспѣшилъ домой, послалъ за почтовыми лошадьми и на другой день писалъ изъ Выборга: «Всемилостивѣйшая матушка государыня, я въ Финляндіи и жду Вашихъ приказаній». Они не замедлили послѣдовать и заключались въ слѣдующемъ: «онъ долженъ былъ объѣхать Финляндскую границу и съ точностью опредѣлить пункты, которые могли служить для обороны ея противъ Швеціи» (4).

Придворные, которыхъ способность все развѣдывать старается проникнуть во всѣ тайны придворной сферы, вскорѣ разгадали причину этого внезапнаго недовѣрія къ королю шведскому, по видимому дружелюбно расположенному. Но какъ они не знали хорошо отношеній между Суворовымъ и Потемкинымъ со времени сцены въ Яссахъ, то приписали причину ссылки перваго желанію Потемкина избавиться отъ его присутствія на празднествѣ и при предстоявшемъ представленіи пашей, взятыхъ въ плѣнъ въ Измаилѣ (5). Каждый чувствовалъ сдѣланную ему несправедливость, и можно было бы сказать словами Тацита: имя Суворова блистало на праздненствѣ своимъ отсутствіемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, необыкновеннымъ явленіемъ было то, что героя, жертвовавшаго и жизнію, и славой при штурмѣ Измаила, наградили званіемъ подполковника лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, въ которомъ званіи онъ, ниже 10 другихъ генераловъ (Кирилла Разумовскаго, Румянцова, Потемкина, Ивана и Николая Салтыковыхъ, Брюса, Репнина, Прозоровскаго, Мусина-Пушкина и Юрія Долгорукова), стоялъ 11-мъ и послѣднимъ (the last not the least) (*), а между тѣмъ Потемкина, спокойно жившаго среди наслажденій въ Яссахъ во время великаго подвига, не знали какъ достаточно наградить. Императрица хотѣла построить собственно для него великолѣпный дворецъ, но онъ предпочелъ взять для себя уже готовый, по немъ названный Таврическимъ (въ которомъ онъ и праздникъ свой далъ), однажды уже подаренный ему императрицей и купленный ею у него обратно за полмилліона рублей. Кромѣ того положено было соорудить ему въ Царскосельскомъ саду обелискъ, подобный Румянцовскому; императрица подарила ему фельдмаршальскій мундиръ, богато украшенный по швамъ брилліантами, и 200,000 рублей. Кто имѣетъ, тому дается еще, и

(4) См. рескриптъ у Левшина, стр. 18.

(5) См. журналъ Храповицкаго подъ 26 апрѣля 1791 г.

(*) Т. е. послѣдній, но не меньшій.

кто находится въ изобиліи, тому жалуютъ новые преизбытки. Для скромныхъ заслугъ всякая малость кажется достаточною или даже слишкомъ большою наградой. Когда Суворовъ въ послѣдствіи жаловался, что его блистательный подвигъ подъ Измаиломъ былъ такъ мало оцѣненъ, то этому очень дивились, потому что его вѣдь пожаловали подполковникомъ Преображенскаго полка! Но главная вина въ этомъ падаетъ на Потемкина, который все употребилъ, чтобъ держать Суворова въ униженіи, между тѣмъ какъ онъ самъ, въ своихъ требованіяхъ для себя, доводилъ смѣлость даже до наглости.

Имѣлись-ли дѣйствительно въ виду опасенія по поводу Швеціи или это была только хитрость Потемкина, но, какъ бы то ни было, Суворовъ исполнилъ возложенное на него порученіе со всѣмъ свойственнымъ ему рвеніемъ и такъ, какъ будто война съ Швеціей была уже у порога. Въ теченіе четырехъ недѣль онъ объѣхалъ и изслѣдовалъ всю границу, опредѣлилъ важнѣйшіе пункты и позиціи, и начерталъ планъ укрѣпленія ихъ. Онъ представилъ его; его одобрили и 25 іюня дали ему предписаніе укрѣплять границу (6). Это было громовымъ ударомъ для него! Въ Турціи гремѣла еще война; Англія, Пруссія, Польша вооружались и грозили другой войной—какая дѣятельность, какіе подвиги имѣлись тутъ въ виду!—а онъ долженъ былъ здѣсь исправлять должность строителя крѣпостей, производить обширныя постройки, между тѣмъ какъ его соперники пожинали легкіе, по его мнѣнію, и обильные лавры. Такую пылкую душу, какъ душа Суворова, подобная мысль могла привесть въ отчаяніе, и его внутреннее неудовольствіе по этому поводу просвѣчиваетъ во всѣхъ его многочисленныхъ письмахъ этого періода.

Чтобъ подсластить ему пилюлю, всѣ находившіяся въ Финляндіи войска были поставлены подъ его начальство, даже и шхерный (гребной) флотъ, когда начальствовавшій имъ, искатель приключеній, принцъ Нассаускій, жаждая новыхъ успѣховъ, отправился на Рейнъ, чтобы французскимъ принцамъ въ Кобленцѣ предложить свой рыцарскій мечъ. Суворовъ долженъ былъ теперь усердно производить крѣпостныя работы и для производства ихъ употреблять находившіяся подъ его начальствомъ войска. Такъ отмстилъ Потемкинъ, безъ всякаго вниманія къ выгодамъ своей страны, удаливъ съ театра войны и обративъ въ пограничнаго стража и строителя крѣпостей воинственнѣйшаго и способнѣйшаго полководца, который съ величайшимъ успѣхомъ могъ бы быть употребленъ противъ того именно врага, котораго онъ былъ ужасомъ.

---

(6) См. рескриптъ отъ 25 іюня 1791 г. у Левшина стр. 19.

Какъ ни противна была Суворову данная ему задача, однако онъ покорился своей судьбѣ и тотчасъ приступилъ къ исполненію возложенныхъ на него порученій. Въ своемъ планѣ онъ предложилъ усилить укрѣпленія бывшихъ уже крѣпостей: Нейшлота, Вильманстранда, Давидштадта и Фридрихсгама, равно и соорудить новые форты въ недальномъ разстояніи отъ границы, на всѣхъ значительнѣйшихъ дорогахъ, которыя вели изъ Шведской Финляндіи, а именно, начиная съ юга: фортъ у Ликкола, на дорогѣ въ Фридрихсгамъ; далѣе къ сѣверу фортъ Утти—на дорогѣ въ Вильманстрандъ и фортъ Озерной—еще сѣвернѣе, на дорогѣ въ Завитайполь. За этими тремя фортами, для удержанія перваго натиска непріятеля, находились три болѣе сильные пункта: Фридрихсгамъ, Давидштадтъ и Вильманстрандъ; дорогу изъ Саволакса прикрывалъ укрѣпленный Нейшлотъ, и въ тоже время въ этой части страны, богатой озерами и утесами, были проведены многіе соединительные каналы. Наконецъ, чтобъ имѣть надежную и укрѣпленную станцію и убѣжище для шхернаго флота, и чтобы шведскому Свеаборгу противупоставить подобный же Гибралтаръ, онъ воспользовался выгоднымъ положеніемъ при Роченсальмѣ, гдѣ нѣсколько острововъ образуютъ превосходную гавань, для возведенія построекъ и сильныхъ укрѣпленій; а чтобъ лучше защитить подступъ къ ней съ сухаго пути, онъ заложилъ крѣпость Кименегардъ. Такимъ образомъ Роченсальмъ сталъ главнымъ укрѣпленнымъ пунктомъ южной границы Финляндіи, и императрица справедливо могла впослѣдствіи привѣтствовать Суворова словами: «вы мнѣ подарили новую гавань.»

Хотя его противъ воли употребили на дѣло, ему, практическому солдату, какъ онъ называлъ себя, совершенно чуждое и непріятное, однако онъ исполнялъ его не только добросовѣстно, съ полнымъ усердіемъ, но и съ осмотрительностью и искуствомъ, которыя не лучше могъ бы оказать и настоящій инженеръ, и въ тоже время обнаружилъ при этомъ вѣрный стратегическій взглядъ, равно какъ и необыкновенное знаніе инженернаго дѣла. Постоянно стараясь усвоить себѣ все, что только болѣе или менѣе относилось къ его истинному призванію, онъ пріобрѣлъ даже нѣкоторыя познанія въ морскомъ дѣлѣ, какъ уже и доказалъ это въ морскихъ бояхъ при Очаковѣ. Однажды онъ въ шутку заставилъ испытать себя на флотѣ въ своихъ морскихъ познаніяхъ, недурно выдержалъ испытаніе и въ свидѣтельство того получилъ дипломъ на званіе мичмана (7).

(7) Необыкновенные люди сходятся вездѣ и во всемъ: тоже, что съ Суворовымъ,

«Если Рибасъ,»—говорилъ онъ смѣясь,—«могъ вдругъ съ сухаго пути перескочить на море, то вы могли бы увидѣть, что и я, еслибъ захотѣлъ, могъ бы послужить Нептуну.» — И на этого-то человѣка, пріобрѣтшаго безъ шуму и хвастовства самыя обширныя познанія по всѣмъ отраслямъ военной науки, военные педанты его времени, знавшіе только свой строевой уставъ (и то едва-едва!) и въ немъ видѣвшіе всю сущность военнаго искуства, смотрѣли свысока, какъ на человѣка не вполнѣ образованнаго, непосвященнаго!

Частію вслѣдствіе своего энергическаго характера, побуждавшаго его всею душою предаваться всему, за что̀ бы онъ ни взялся, частію, можетъ быть, въ надеждѣ скорѣе развязаться съ кругомъ дѣйствій, вовсе не соотвѣтствовавшихъ его призванію, онъ старался какъ можно болѣе ускорить работы, такъ мало согласовавшіяся съ его наклонностями и для которыхъ, по его словамъ, потребно было бы цѣлой жизни человѣческой. Кромѣ туземныхъ рабочихъ, онъ долженъ былъ употреблять на эти работы еще и солдатъ, но сдѣлалъ при этомъ ту ошибку, что, при своемъ собственномъ безкорыстіи, усердно желая и для казны все сдѣлать какъ можно дешевле, сначала назначилъ рабочимъ весьма низкую плату, и тѣмъ навлекъ на себя со стороны одного довѣреннаго ему человѣка, прямодушнаго полковника Сакена (впослѣдствіи фельдмаршала), упрекъ въ томъ, что: «онъ хочетъ оказать заслуги на счетъ бѣдныхъ солдатъ.» Эта ошибка скоро невыгодно отозвалась ему, не только возбудивъ неудовольствіе, но и подавъ его врагамъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, поводъ къ горькимъ упрекамъ и клеветамъ.

Съ напряженною дѣятельностью занимаясь этими работами, онъ не могъ не обращать между тѣмъ жадныхъ взоровъ на югъ, гдѣ война съ Турками еще продолжалась и гдѣ не только его сверстники, Репнинъ, Гудовичь, Каховскій, но даже подчиненные ему прежде генералы, какъ-то Кутузовъ, Голицынъ и Волконскій, пожинали славу, почести и преимущества. Устремивъ глаза на карту, онъ слѣдилъ за ходомъ ихъ успѣховъ съ такою завистью, какую Ѳемистоклъ чувствовалъ къ подвигамъ Мильтіада. То, что̀ онъ такъ энергически началъ, должны были докончить другіе: всѣ его прежніе во-

---

было и съ Наполеономъ, который пріобрѣлъ весьма основательныя морскія познанія, и разительныя доказательства ихъ представилъ въ своемъ переѣздѣ на островъ Эльбу, къ удивленію англійскаго капитана Ушера (Usher). См. «Воспоминанія Лорда Голланда», нѣмецкое изданіе Рёдигера 1852, стр. 150.

енные сподвижники имѣли пожинать лавры, тогда какъ онъ долженъ былъ свозить щебень и камень для построекъ. Тогда видали его печальнымъ, задумчивымъ—всякая новая побѣда болѣзненно потрясала его, потому что онъ не участвовалъ въ ней. Съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ онъ за военными дѣйствіями, жадно и съ критическимъ взглядомъ читалъ реляціи; трогательно радовался подвигамъ бывшей его дивизіи, столько одушевленной имъ, и затѣмъ снова предавался въ жертву всѣмъ мученіямъ пламеннаго, воинственнаго духа, осужденнаго въ бездѣйствіи взирать, какъ тѣ, которыхъ онъ считалъ достойными пренебреженія, въ изобиліи пожинали славу и почести. Тогда онъ предавался порывамъ гнѣва, сочинялъ письма, въ которыхъ настоятельнѣйше просилъ назначенія въ дѣйствующія войска, потому что онъ не «военный строитель», не «Тучковъ (8)», какъ онъ выражался, а старый *практическій* солдатъ, и потому просилъ о практическомъ употребленіи его. Но пока живъ былъ Потемкинъ, нельзя было и думать о такомъ назначеніи, и это приводило его въ отчаяніе; тогда онъ лучше хотѣлъ выйти въ отставку, взять отпускъ за границу и даже поручилъ своему повѣренному, Хвостову, продать одно изъ его имѣній, чтобы добыть ему 10,000 руб. на путешествіе. Все было напрасно, онъ долженъ былъ *строить* и предоставить Голицынымъ, Кутузовымъ и Репнинымъ побѣждать съ созданными имъ «чудо-богатырями».

А это случалось весьма часто. Походъ 1791 г., не смотря на препятствія со стороны внѣшнихъ обстоятельствъ, былъ блистательный. Вслѣдствіе перемирія Турокъ съ Австрійцами, вся страна по правую сторону Серета до Дуная, слѣдовательно бо̀льшая часть Молдавіи и Валахіи, служившая до тѣхъ поръ театромъ военныхъ дѣйствій союзныхъ Австрійцевъ, была объявлена неутральною и долженствовала оставаться возбраненною Русскимъ. Поэтому военныя дѣйствія послѣднихъ были чрезвычайно затруднены и стѣснены, такъ какъ, послѣ совершеннаго покоренія нижняго Дуная отъ Галаца до его устьевъ, для нихъ оставалось только тѣсное пространство между этой рѣкой и Чернымъ моремъ. Дѣйствовать же наступательно тутъ Русскіе могли не иначе, какъ съ большою опасностью, потому что крѣпость Браиловъ, расположенная на правой сторонѣ Серета, но на самомъ берегу Дуная, по первой изъ этихъ причинъ

---

(8) Тучковъ былъ инженеръ-генералъ-поручикъ и главный начальникъ инженерной части.

была внѣ круга военныхъ дѣйствій, но по второй имѣла ту выгоду, что могла черезъ Дунай дѣйствовать наступательно противъ праваго фланга Русскихъ. Поэтому послѣдніе и не могли ни безопасно идти впередъ, ни атаковать крѣпость, лежавшую въ нейтральномъ пространствѣ. Согласіе на такой договоръ свидѣтельствовало о недальновидности, если не о злоумышленности. Булгарія между Дунаемъ и Чернымъ моремъ (такъ называемая Добруджа) оставалась, правда, открытою русскимъ войскамъ; но, чтобъ наступать въ ней, имъ слѣдовало оставить значительный корпусъ противъ Браилова, для обезпеченія своего праваго фланга. Обстоятельства же были не таковы, чтобы тутъ можно было употребить значительное число войскъ, въ то время, когда на западѣ грозила новая война со стороны какъ Пруссіи, такъ и Польши. Поэтому положено было вести тутъ лишь дѣятельную оборонительную войну и, не вводя въ дѣло главныхъ силъ, дѣйствовать лишь бо̀льшими или меньшими отрядами въ разныхъ направленіяхъ по другую сторону Дуная. Ничего важнаго, конечно, нельзя было достигнуть такими дѣйствіями; но за то Русскіе обладали тѣмъ, чего домогались—всею страною до Днѣстра, и не хотѣли наносить сильныхъ ударовъ, чтобъ не вооружить еще болѣе противъ себя непріязненныя державы, Англію, Голландію, Пруссію, Польшу и даже Швецію, и тѣмъ не затруднить продолжавшихся переговоровъ. Еслибы послѣдніе остались безплодными, то надлежало бы обнажить мечъ противъ этихъ державъ, повелительно хотѣвшихъ навязать императрицѣ миръ безъ вознагражденія. Поэтому Дунайская армія, силою около 60,000 ч. (76 баталіоновъ и 134 эскадрона), поддерживаемая другими 15,000-ми подъ начальствомъ генерала Кречетникова, была назначена для вступленія въ Польшу, и въ тоже время на Двинѣ собирался 30,000-ный корпусъ подъ начальствомъ графа Ивана Петровича Салтыкова, для вступленія въ Курляндію. Между тѣмъ какъ здѣсь, такимъ образомъ, при неопредѣленности политическихъ обстоятельствъ, Русскіе избѣгали всякихъ рѣшительныхъ дѣйствій, со стороны Азіи, напротивъ, война долженствовала быть ведена ими съ бо̀льшимъ напряженіемъ силъ, такъ какъ тамъ руки были болѣе развязаны.—Графъ Гудовичь, начальствовавшій 20,000-ми ч. (24 баталіона и 50 эскадроновъ) на Кубани, доженъ былъ прежде всего взять Анапу и затѣмъ идти дальше, поддерживаемый, въ случаѣ надобности, генераломъ Каховскимъ, охранявшимъ Крымъ съ 15,000 ч. (24 бат. и 50 эск.).

Раздоръ съ Пруссіей и Англіей находился теперь въ состояніи кризиса. Эти державы, сначала возбудившія Турокъ къ войнѣ, те-

перь, когда дѣла послѣднихъ шли плохо, считали себя обязанными не допускать Турціи до паденія и настаивали на посредническомъ вмѣшательствѣ своемъ, дабы достигнуть мира безъ потерь для покровительствуемыхъ ими. Австрія по смерти Іосифа попустила устрашить себя, и мирные переговоры были открыты въ Шистовѣ; но императрица Екатерина отвергла всѣ предложенія посредничества своихъ противниковъ и рѣшительно объявила, что «она требуетъ заключенія мира безъ посторонняго вмѣшательства и съ нѣкоторымъ вознагражденіемъ военныхъ издержекъ».—И такъ ее хотѣли силой принудить къ уступчивости. Прусская армія собралась въ Старой Пруссіи, а англійскій флотъ готовился вступить въ Балтійское море. Въ тоже время Англія и Пруссія подстрекали Поляковъ и старались склонить короля шведскаго снова извлечь только что вложенный въ ножны мечъ. Въ опасности и нуждѣ обнаруживаются истинное мужество души, истинное величіе. Екатерина, хотя внутренно сильно озабоченная, однако, не смотря на всѣ эти грозныя предвѣстія, пребыла непоколебимою и вооруженіямъ противупоставила вооруженія. Суворовъ долженъ былъ, какъ мы видѣли, укрѣплять шведскую границу, противъ Пруссаковъ былъ назначенъ Румянцовъ, а противъ англійской эскадры, долженствовавшей прибыть въ Балтійское море, были приняты всѣ мѣры предосторожности, и флотъ въ Ревелѣ и Кронштадтѣ приведенъ въ готовность къ дѣйствіямъ подъ начальствомъ адмирала Чичагова, съ такою славою дѣйствовавшаго въ послѣдней войнѣ. Никогда военные вѣсы не колебались болѣе грозно, но и никогда твердость не обнаруживалась съ большею честію и съ лучшимъ успѣхомъ.

Война съ Россіей не пользовалась сочувствіемъ англійскаго народа, и министрамъ приходилось выдерживать сильнѣйшую борьбу партій въ парламентѣ. Король прусскій уже цѣлый годъ домогался окончательнаго рѣшенія, для отвращенія дальнѣйшихъ опасностей отъ Порты. Англійскіе министры колебались. Король Фридрихъ Вильгельмъ съ давнихъ поръ негодовалъ, потому что почиталъ себя не довольно уваженнымъ въ бытность свою въ Петербургѣ (9); къ тому еще онъ былъ подстрекаемъ недальновидными министрами, которые руководились менѣе пользами страны, нежели мелкими страстями, какъ-то малодушною братскою ненавистью къ Австріи, за-

(9) О непріятной роли, которую онъ тамъ игралъ, см. Кокса исторію Австрійскаго Дома, IV, 408—9 (нѣмецкій переводъ Диппольда и Вагнера).

вистью и негодованіемъ противъ Россіи за то, что она австрійскій союзъ предпочла прусскому. Поэтому Фридрихъ Вильгельмъ со всемъ рвеніемъ страсти домогался войны противъ императрицы и представилъ англійскому министерству на выборъ, или отказаться отъ союза съ нимъ, или дѣйствовать съ нимъ за одно. Рѣшеніе о войнѣ и мирѣ зависѣло поэтому отъ англійскаго министерства или скорѣе отъ парламента, отъ англійскаго народа, такъ какъ само министерство раздѣлилось на двое и одна партія, съ королемъ Георгомъ въ главѣ, желала войны, а другая, къ которой тайно принадлежалъ самъ Питтъ—мира. Грозное предложеніе было сдѣлано императрицѣ: миръ съ Портою на основаніи прежнихъ владѣній, или война съ Англіей и Пруссіей. Она отвѣчала съ достоинствомъ: «какъ властительница независимаго государства, она никому не обязана отчетомъ; она поступитъ, какъ признаетъ за лучшее, и предоставляетъ и другимъ сдѣлать тоже самое.»—Казалось, слова эти были сигналомъ къ войнѣ, тяжкой, пагубной войнѣ почти со всѣми сосѣдями и къ тому еще съ повелителями морей.—Англія немедленно снарядила флотъ изъ 30-ти линейныхъ кораблей, 75-ти фрегатовъ и меньшихъ судовъ, подъ начальствомъ адмирала Гуда (Hood), дабы настойчиво дѣйствовать въ Балтійскомъ или Черномъ моряхъ; къ этому флоту Голландія должна была присоединить еще 12 линейныхъ кораблей. Казалось жребій былъ брошенъ, война была у порога. Но тутъ англійскій народъ положилъ свое мнѣніе на вѣсы, Фоксъ и Бурке возвысили свой голосъ—и Екатерина, не уступая угрозамъ, *твердо оставаясь при сказанномъ ею, одержала наконецъ верхъ*. Въ политикѣ, какъ и въ войнѣ, къ успѣху ведетъ твердость, если она соединена съ мудростью.

Не легка была однако побѣда надъ противоборствовавшими мнѣніями въ Англіи. Сильна была партія войны, имѣя даже короля на своей сторонѣ. Но народъ въ государствѣ не успокоивался: его ропотъ, его многочисленныя прошенія противъ войны имѣли много вѣса, но вопросъ рѣшило краснорѣчіе Бурке и Фокса. Фоксъ, представивъ положеніе дѣла, воскликнулъ: «Утверждаютъ, что война Турокъ противъ Русскихъ произошла по нашему наущенію. Это справедливо либо нѣтъ. Если справедливо, то спрашиваю: правосудно ли, честно-ли требовать, чтобъ атакованная Россія ничѣмъ не была вознаграждена за тяжкія издержки войны въ свою защиту?—Если же это несправедливо и мы не наущали Турокъ, то министры тяжко виноваты, что не воспрепятствовали войнѣ, къ исходу которой мы не можемъ оставаться равнодушными. Мы требуемъ, чтобы Россія

возвратила всѣ свои завоеванія, и однако въ тоже время настаиваемъ въ Индіи, чтобъ Типпо-Саибъ, какъ виновникъ войны противъ насъ, не только вознаградилъ намъ убытки, но, въ видѣ наказанія, дозволилъ отнять у себя столько земель, сколько намъ будетъ угодно.—Какой государь, обладающій душою, честью и силою для сопротивленія, не отвергнетъ съ глубокимъ негодованіемъ безстыднаго требованія, совершенно противуположнаго нашимъ требованіямъ въ Индіи?—Стеченіе благопріятныхъ обстоятельствъ, продолжалъ онъ, можетъ въ извѣстное время даровать государствамъ великую силу; но если они хотятъ, подобно Людовику XIV, гордо употребить ее во зло, то прошу сообразить, не въ природѣ-ли вещей и людей—возставать противъ несправедливости и высокомѣрія? Никогда въ нравственномъ мірѣ не былъ продолжительно счастливъ тотъ, кто превозносился; никогда не будетъ онъ имъ и впредь, доколѣ люди останутся людьми.»—Два съ половиною часа говорилъ Фоксъ съ такимъ жаромъ, съ такимъ краснорѣчіемъ, какихъ никогда еще не обнаруживалъ дотолѣ, и кончилъ убѣдительнымъ воззваніемъ ко всѣмъ патріотамъ собранія—всѣми силами воспротивиться предпріятію, столь вредному для государства ([10]).

Послѣ него съ бо̀льшей еще силой, съ бо̀льшей еще рѣзкостью выступилъ Бурке, его учитель, его образецъ. Онъ проклялъ Турокъ, вмѣстѣ съ ихъ приверженцами въ Евронѣ. «Что̀ дѣлать этимъ варварамъ между народами Европы, воскликнулъ онъ, развѣ вносить въ среду ихъ убійства и пожары, чуму и опустошенія, ибо лучшаго творить они не умѣютъ? Лишь съ ужасомъ узналъ я, что Римскаго императора принудили возвратить этой достойной отвращенія державѣ прекрасныя придунайскія земли, вѣроятно для того, чтобъ варварство и чума навсегда водворились въ нихъ» ([11]). Подъ ко-

---

(10) Императрица чувствовала себя крайнѣ обязанною Фоксу и приказала графу Воронцову, посланнику своему въ Лондонѣ, переслать ей мраморный бюстъ Фокса, работы знаменитаго скульптора Ноллекенса. По этому образцу она приказала сдѣлать другой бюстъ изъ бронзы и поставить его на колоннадѣ (Камероновой) въ Царскомъ Селѣ, между бюстами Цицерона и Демосѳена.—«Своимъ краснорѣчіемъ, говорила она, онъ отвратилъ отъ меня войну съ Англіей, чѣмъ же другимъ могу я выразить ему мою признательность?»—Это долженствовало въ тоже время быть униженіемъ для Питта, которое онъ и почувствовалъ глубоко, какъ можно было бы заключить изъ его ироническихъ выраженій.

(11) Мы буквально приводимъ слова Бурке, отвѣтственность за которыя предоставляемъ ему, не желая далѣе оправдывать ихъ. И безъ того 66 лѣтъ, протекшія съ тѣхъ поръ, многое измѣнили и улучшили. (Авторъ). Здѣсь уже не въ первый

нецъ онъ, достойно истиннаго государственнаго человѣка, указалъ, что союзъ съ русской императрицей былъ, при тогдашнемъ положеніи дѣлъ, всего выгоднѣе для Англіи.

Подъ вліяніемъ этихъ могучихъ ораторовъ, которые, зная, что общественное мнѣніе на ихъ сторонѣ, говорили съ тѣмъ большею энергіею, министерство увидѣло себя въ трудномъ положеніи и было наконецъ вынуждено исправить дѣло и еще попытаться заключить миръ. Оно послало въ Петербургъ своего уполномоченнаго, Фаукенера (Fawkener), и въ скоромъ времени произошло обоюдное соглашеніе. Фаукенеръ остался при русскомъ дворѣ въ качествѣ чрезвычайнаго посланника, и англійское министерство согласилось на требованіе Россіи удержать за собой Очаковъ съ лѣвой стороной Днѣстра, въ видѣ вознагражденія за военныя издержки. Это долженствовало быть основаніемъ будущаго мира. Еслибы Турки не согласились, то имѣли быть предоставлены на произволъ своей судьбы. Но неоднократныя побѣды надъ ними вскорѣ принудили ихъ уступить, такъ какъ они уже лишились той опоры, которую дотолѣ имѣли въ государствахъ, враждебныхъ Россіи.

Одинъ за другимъ обрушивались на нихъ тягчайшіе удары, побѣда за побѣдой радовала русскую императрицу и болѣзненно волновала грудь заточеннаго Суворова. Князь Сергій Ѳедоровичъ Голицынъ ([12]), женатый на племянницѣ Потемкина и начальствовавшій бывшею дивизіею Суворова, перешелъ съ храбрыми войсками ея въ концѣ марта у Галаца черезъ Дунай, разрушилъ нѣсколько окоповъ передъ Мачиномъ и Браиловымъ, и разбилъ толпы Турокъ, хотѣвшія воспрепятствовать ему въ томъ. Тоже сдѣлалъ въ апрѣлѣ Кутузовъ: отъ Измаила онъ пошелъ къ Бабадагу и разсѣялъ многочисленный турецкій отрядъ. Но уже приближались болѣе значительныя военныя силы и въ главѣ ихъ, съ турецкими высокомѣріемъ и неразуміемъ, Юсуфъ-паша, новый великій визирь, побѣдитель Австрійцевъ при Лугошѣ и опустошитель Баната. Уже онъ прибылъ со всѣмъ своимъ войскомъ къ Гирсову и выслалъ сераскира Руми-

---

разъ Смиттъ, съ какою-то непонятною деликатностію къ Туркамъ, намекаетъ, что у нихъ въ новѣйшее время (съ 1830 года и даже съ 1791) многое измѣнилось и улучшилось. Не будучи въ этомъ отношеніи такими оптимистами, какъ онъ, мы знаемъ, что и нынѣ почти ничто не измѣнилось и не улучшилось у нихъ. (Редак.).

(12) Тотъ самый, который въ послѣдствіи, въ 1809 году, предводительствовалъ русскою арміей въ Галиціи, гдѣ и умеръ въ слѣдующемъ году.

лійскаго болѣе нежели съ 70,000 чел. впередъ къ Мачину, чтобъ вскорѣ затѣмъ переправиться черезъ Дунай и приготовить и Русскимъ другой Лугошъ. Потемкинъ еще тратилъ драгоцѣнное для полководца время въ Петербургѣ на торжества или политическія козни къ низверженію своихъ противниковъ. Князь Репнинъ начальствовалъ вмѣсто него и, какъ опытный полководецъ, зная лучшій способъ дѣйствій противъ Турокъ, положилъ *быстро пойти имъ на встрѣчу и предупредить ихъ атакой*. Такъ все шло живо и энергически, коль скоро начальники войскъ, свободные отъ парализующаго присутствія Потемкина, могли дѣйствовать по собственному усмотрѣнію. Но побѣдитель долженъ былъ ожидать его гнѣва и зависти.

Счастіе увѣнчало успѣхомъ то, на что рѣшился Репнинъ. 26 іюня (7 іюля) онъ переправился у Галаца черезъ Дунай и четырьмя колоннами двинулся къ Мачину, небольшому мѣстечку почти насупротивъ Браилова. Правымъ крыломъ и центромъ начальствовали князья Голицынъ и Волконскій; лѣвое крыло Кутузовъ долженъ былъ вести отъ Измаила черезъ горы на правый флангъ Турокъ—опасное движеніе, возможное только противъ Турокъ, никогда не умѣвшихъ пользоваться благопріятными обстоятельствами. Они могли порознь разбить его отрядъ, отдѣленный горною цѣпью отъ главныхъ силъ, но только тогда вздумали атаковать его, когда онъ уже спускался съ высотъ имъ во флангъ. По примѣру Суворова при Рымникѣ, хотя отсутствовавшаго, но бывшаго въ памяти у всѣхъ и духомъ своимъ вдохновлявшаго начальниковъ войскъ, армія была раздѣлена на небольшія каре изъ одного или двухъ баталіоновъ, двинувшихся въ бой въ шахматномъ порядкѣ, имѣя кавалерію позади. 28-го іюня (9-го іюля) при Мачинѣ произошло сраженіе и хотя Турки сначала сражались храбро, но, по своему обыкновенію, безъ надлежащихъ порядка и связи, и наконецъ были побѣждены гордою прежними побѣдами самоувѣренностію русскихъ войскъ. Отрядъ Турокъ въ 9,000 чел. переправился у Браилова, въ тылу Русскихъ, черезъ Дунай; другая значительная часть Турокъ бросилась на спускавшагося съ горъ Кутузова и окружила его со всѣхъ сторонъ; и въ центрѣ, и на правомъ крылѣ также Турки дрались долго и упорно. Но исходъ былъ обыкновенный: такъ какъ они не могли прорвать русскихъ каре и претерпѣвали большой уронъ отъ ихъ огня, то наконецъ обратили тылъ и бѣжали назадъ такъ же поспѣшно, какъ сначала впередъ, бросивъ лагерь и 35 орудій, и оставивъ на мѣстѣ до 4,000 убитыхъ. Преслѣдованіе, при тогдашнемъ положеніи дѣлъ, было невозможно, и Репнинъ, пробывъ три дня на полѣ сраженія, чтобъ

сохранить за собою честь побѣды, воротился за Дунай. Не Юсуфъ, а подчиненный ему начальникъ, не все войско, а только часть его были побѣждены — доказательство глупости Турокъ, всегда допускавшихъ разбивать себя по частямъ, потому что между ними никогда не было единодушія, а въ дѣйствіяхъ ихъ—общей связи. Юсуфъ, исполненный неудовольствія, поспѣшилъ впередъ и вскорѣ снова сталъ съ 120,000 чел. войскъ при Мачинѣ, вѣроятно чтобъ потерпѣть новое пораженіе, еслибъ только дѣло дошло до боя. Но неожиданно прискакалъ изъ Константинополя татаринъ (курьеръ) и передалъ Юсуфу приказаніе заключить миръ на какихъ бы ни было условіяхъ. Удивительный переходъ отъ гордости къ трусости, произшедшій вслѣдствіе не столько боя при Мачинѣ, сколько почти одновременнаго, кровопролитнаго штурма Анапы, гдѣ Гудовичь, также въ точности придерживаясь Суворовскаго порядка штурма Измаила, 22 іюня (3 іюля) взошелъ на валы крѣпости, болѣе 8,000 Турокъ перебилъ, 6,000 взялъ въ плѣнъ и распространилъ ужасъ до глубины Азіи. Высокая Порта поколебалась въ основаніи и султанъ Селимъ убѣдился, что ему никогда не побѣдить такихъ противниковъ. И подлинно, тогдашнія русскія войска были истыя войска римскія, столь же твердыя, суровыя, неустрашимыя и увѣренныя въ побѣдѣ; Румянцовъ, Вейсманъ, Репнинъ и Суворовъ вдохнули въ нихъ весь воинственный духъ свой. Нижніе чины, большею частію настоящіе, коренные русскіе, съ тѣломъ, крѣпкимъ какъ желѣзо, офицеры, между которыми было много уроженцевъ Остзейскихъ губерній (*), суровые какъ ихъ климатъ, опытные и образованные многими войнами и тогдашнею военною мудростью. Солдаты—усердные, послушные, готовые на все; въ лагерѣ—агнцы, въ бою—львы, но разъ спущенные, такіе же свирѣпые, какъ львы. Что для римскаго воина былъ его короткій мечъ, то для нихъ былъ ихъ штыкъ; горе было противнику, ожидавшему сильнаго удара, направленнаго твердою рукою. Вейсманъ и Суворовъ безпрестанно твердили имъ, что они непобѣдимы. И они считали себя и были такими: вѣра въ непобѣдимость даровала имъ побѣду, ибо кто рѣшился не отступать, тотъ либо побѣж-

---

(*) У Смитта собственно «офицеры, въ большомъ числѣ имѣвшіе отличныхъ товарищей изъ Остзейскихъ провинцій». Эту дань, принесенную Смиттомъ духу роднаго провинціализма, нельзя не признать здѣсь не совсѣмъ умѣстною, и не вполнѣ приличною, и довольно обидною для тогдашняго корпуса Русскихъ офицеровъ вообще. Для такого писателя, какъ Смиттъ, гораздо лучше было бы, еслибъ онъ этого не говорилъ.

даетъ врага, либо умираетъ. Но коль скоро противникъ убѣдился въ этомъ, то скоро лишается мужества и отступаетъ, если только не можетъ подавить превосходствомъ силы. Такъ самопожертвованіе горсти храбрыхъ приноситъ плоды даже для будущаго времени, и непріятель, разъ имѣвшій дѣло съ Леонидовыми Спартанцами, Цезаревымъ десятымъ легіономъ, Суворовскими «чудо-богатырями» и Наполеоновской старой гвардіей, сохраняетъ глубокое впечатлѣніе ихъ непобѣдимости и въ страхѣ бѣжитъ отъ боевыхъ исполиновъ этого рода. Такъ возникаютъ воинственныя воспоминанія и преданія народа, долго и сильно поддерживающія мужество его воиновъ. Непредвидѣнныя неудачи могутъ на мгновеніе удручить народъ, но если онъ имѣетъ подобныя воспоминанія, то всегда сохраняетъ ту силу напряженія, которая даруетъ побужденіе и стремленіе къ новымъ подвигамъ.

Юсуфъ, великій визирь, получилъ отъ своего смирившагося властелина повелѣніе заключить миръ. Но какъ приступить къ этому, не удовлетворивъ сколько нибудь османской, еще высоко превозносившейся гордости?—Онъ пособилъ себѣ по своему и послалъ князю Репнину письмо, которымъ собственное желаніе влагалъ въ уста противнику: «До слуха Падишаха дошло, будто Русскіе весьма желаютъ мира и просятъ его.» Репнинъ, которому турецкіе пріемы не были чужды, отвѣчалъ спокойно: «Условія со стороны Россіи извѣстны всему міру; если Турки согласны принять ихъ, то ничто не препятствуетъ заключенію мира.»—Этимъ дѣлу было положено начало. Турецкіе уполномоченные явились въ Галацъ и сверхъ всякаго ожиданія обѣ стороны очень скоро пришли къ соглашенію. 31-го іюля (11-го августа), нѣсколько дней спустя послѣ открытія переговоровъ, съ обѣихъ сторонъ были подписаны предварительныя статьи договора, по которымъ султанъ, согласно съ требованіемъ Русскихъ, признавалъ Днѣстръ границей. Турокъ особенно побудила къ уступчивости морская побѣда, нѣсколько дней передъ тѣмъ одержанная адмираломъ Ушаковымъ надъ сильнѣйшимъ вдвое турецкимъ флотомъ, при входѣ въ Босфоръ, только въ 60-ти верстахъ отъ Константинополя, гдѣ внятно слышенъ былъ громъ пальбы. Мусульманская гордость, еще недавно надменно отвергавшая самыя умѣренныя предложенія, теперь едва могла дождаться заключенія переговоровъ, подобно всѣмъ грубымъ народамъ и умамъ, которые, дѣйствуя всегда подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія, въ счастіи не знаютъ границъ своей гордости, а въ несчастіи—страха. Подобно тому, какъ въ Константинополѣ извѣстія эти произвели упадокъ духа, такъ въ Петербургѣ они воз-

будили побѣдное торжество и радость. Превознесенная подвигами своихъ войскъ, императрица, полная упованія, уже послѣ Мачинской побѣды обратилась къ новому англійскому посланнику лорду Витфорту съ ироническими словами: «Ваши министры хотятъ изгнать меня изъ Петербурга, такъ пусть же позволятъ мнѣ водвориться въ Константинополѣ.»—Побѣды ея войскъ давали вѣсъ ея словамъ.

Только *одинъ* человѣкъ въ Петербургѣ, при этихъ радостныхъ извѣстіяхъ о побѣдахъ, былъ недоволенъ и исполненъ печали—Потемкинъ.—Какъ? подчиненный ему генералъ осмѣлился безъ него, безъ его позволенія, блистательно побѣдить и даже еще вступить въ мирные переговоры? Въ его глазахъ это былъ навсегда непростительный проступокъ! Что значило для него благо государства, если оно было противно его собственнымъ выгодамъ?—Подобно Суворову, и Репнинъ долженъ былъ теперь испытать весь его гнѣвъ. Забывъ противниковъ своихъ въ Петербургѣ, празднества, любовныя дѣла и интриги, онъ только и имѣлъ въ головѣ побѣду Репнина и опасеніе видѣть возвышеніе въ немъ, рядомъ съ собою, новаго Румянцова. Онъ, котораго прежде бывало самыя рѣшительныя повелѣнія не могли выжить изъ Петербурга, оказался теперь послушнымъ какъ агнецъ и, подстрекаемый злобою и завистію, сломя голову бросился вонъ изъ столицы. Онъ надѣялся еще воспрепятствовать миру, о которомъ велись переговоры; питая обширныя заднія мысли, онъ не иначе хотѣлъ его, какъ съ Молдавіей и Валахіей. 24 іюля (4 августа) выѣхалъ онъ изъ Петербурга, нетерпѣливо желая прибыть еще прежде заключенія начатыхъ безъ него переговоровъ: но, по прибытіи его въ Галацъ, ему уже были представлены только-что подписанныя предварительныя статьи. Онъ бѣсился, осыпалъ Репнина бранью ([13]), угрозами, всемъ взрывомъ своего гнѣва. Репнинъ трепеталъ передъ всемогущимъ, но въ свое оправданіе ссылался на высочайшія повелѣнія, полученныя имъ изъ Петербурга. Одна надежда оставалась еще Потемкину: предварительныя статьи не были еще окончательнымъ миромъ, а онъ долженствовалъ быть заключенъ въ Яссахъ, на глазахъ самаго Потемкина. Онъ отправился туда вмѣстѣ съ турецкими уполномоченными, твердо рѣшившись снова прибрать событія въ свои руки и заключить миръ толь-

---

(13) Онъ называлъ его не иначе, какъ маленькимъ, жалкимъ мартинистомъ, потому что Репнинъ (небольшаго роста) принадлежалъ къ числу усердныхъ приверженцевъ Сенъ-Мартина (St. Martin), автора темно-мистической книги: «Des erreurs et de la vérité».

ко такъ, какъ самъ того хотѣлъ. Но кому извѣстно будущее! и что значатъ предположенія даже могущественнѣйшаго человѣка! «Мимо идохъ, говоритъ св. писаніе о сильномъ, и се не бѣ». Часъ могучаго пробилъ, его предчувствія быстро близились къ исполненію: необыкновенные люди имѣютъ какъ бы инстинктъ грядущаго. Нѣсколько недѣль передъ тѣмъ новый случай исполнилъ его тайнаго страха. Молодой принцъ Карлъ Виртембергскій, братъ великой княгини Маріи Ѳеодоровны, скончался въ августѣ отъ горячки и его хоронили въ Галацѣ. Потемкинъ, выйдя изъ церкви, въ разсѣянности сѣлъ на печальную колесницу. Окружавшіе его, испуганные этимъ предзнаменованіемъ, пробудили его отъ думъ; онъ вздрогнулъ и, подъ вліяніемъ своихъ предчувствій, сказалъ: «А! понимаю, не пройдетъ и трехъ мѣсяцевъ, и меня вывезутъ такъ же».—Предчувствіе не обмануло его: точно, не прошло и трехъ мѣсяцевъ, какъ его уже покрывала земля.

Уже на пути изъ Петербурга почувствовалъ онъ упадокъ силъ, не измѣняя однако ни образа жизни, ни плановъ своихъ. Молдавія и Валахія все еще были его цѣлію. Но недугъ усиливался; къ этому присоединилась еще господствовавшая въ Яссахъ прилипчивая горячка; онъ началъ предугадывать предвѣстниковъ смерти, и настроеніе духа его сдѣлалось мрачнѣе. Избалованный счастіемъ и желѣзнымъ здоровьемъ, онъ не могъ выносить страдальческаго состоянія и безпокойствомъ своимъ измучилъ все, что окружало его. По первому извѣстію о его болѣзни, императрица прислала ему лучшихъ петербургскихъ врачей, Массо (Massot) и Тимана (Tiemann), но безъ всякой пользы для своенравнаго, потому что онъ насмѣхался надъ ихъ совѣтами и предавался своимъ прихотямъ, когда и какъ онѣ приходили ему въ голову, какъ прежде, такъ и теперь. По прежнему скакали по дорогамъ гонцы, чтобы привезть ему стерляжьей ухи изъ Петербурга, паштетовъ съ гусиными потрохами изъ Страсбурга, рѣдкихъ рыбъ изъ Астрахани или иныхъ лакомствъ всякаго рода. Онъ презиралъ всѣ предостереженія, надѣялся на свое крѣпкое тѣлосложеніе и—хворалъ все болѣе. Тогда онъ гнѣвался на врачей и обвинялъ ихъ въ невѣжествѣ, бранилъ своихъ любимцевъ, оскорблялъ придворныхъ и затворилъ толпѣ свою дверь. На родственниковъ онъ злился, если они ухаживали за нимъ, потому что видѣлъ въ этомъ алчность ихъ къ его наслѣдству, а если они держались поодаль, то называлъ ихъ безчувственными и неблагодарными. Все было не по немъ; состояніе его сдѣлалось наконецъ невыносимымъ для него, смерть со всѣми ужасами своими предстала гла-

замъ его. «Везите меня въ Николаевъ,» воскликнулъ онъ въ мрачномъ нетерпѣніи, «въ моемъ Николаевѣ хочу я умереть». Онъ заложилъ этотъ городъ, но не увидалъ уже его снова. 4 (15) октября поѣздъ двинулся изъ Яссъ; на 38-й верстѣ оттуда Потемкинъ почувствовалъ себя хуже, и оставаться въ каретѣ было для него невыносимо. Графиня Браницкая, его любимѣйшая племянница, сопутствовавшая ему, велѣла остановиться. Разостлали плащъ на травѣ и положили на него умиравшаго, а на грудь послѣднему образъ св. Николая чудотворца. Языкъ отнялся, силы изчезли, глаза помутились, и тамъ, на открытой равнинѣ, гдѣ «небо—кровъ, а степь—чертогъ», по словамъ поэта (14), испустилъ онъ 5 (16) октября послѣдній вздохъ, на рукахъ своей племянницы.

Такъ сошелъ онъ съ поприща міра, которое исполнилъ своимъ именемъ, явивъ образъ ничтожества всего земнаго величія, всего, что̀ называютъ счастіемъ. Кто болѣе его обладалъ этимъ счастіемъ, и кто болѣе его доказалъ, что счастіе жизни основывается не на однихъ внѣшнихъ благахъ?—Шестнадцать лѣтъ былъ онъ душою русскаго кабинета; глубокимъ слѣдомъ обозначался жизненный путь его; онъ умеръ—и скоро слѣдъ изчезъ, и забвеніе набросило свой покровъ и на него, и на его предположенія, надежды и планы.

Онъ умеръ почти неоплаканный. Кто себялюбиво обращаетъ все къ самому себѣ, тотъ не имѣетъ друзей, пожинаетъ, можетъ быть, холодныя похвалы, порою даже удивленіе, но никогда—привязанность, любовь и уваженіе. Его величіе угнетало, а не возвышало, не оживляло; кромѣ императрицы, почти никто не жалѣлъ о немъ; враги же его радовались. Обелискъ обозначилъ мѣсто, гдѣ онъ скончался, но былъ въ послѣдствіи разрушенъ Турками. Прахъ его—въ Николаевѣ, имя его—въ исторіи, памятникъ ему—въ Херсонѣ, и этотъ всѣхъ ихъ больше.

Суворовъ, узнавъ о смерти Потемкина, написалъ: «Се человѣкъ, се образъ земныхъ суетъ: бѣги отъ нихъ, мудрый!»—Слова, которыя прилично было бы начертать на надгробномъ камнѣ Таврическаго.

---

(14) Извѣстны стихи Державина, они рисуютъ и умершаго, и минуту смерти его;

Чей одръ—земля, кровъ—воздухъ синь,
Чертоги—вкругъ пустынны виды?
Не ты-ли, счастья, славы сынъ,
Великолѣпный князь Тавриды?
Не ты-ли съ высоты честей,
Внезапно палъ среди степей?

Природа надѣлила его большими дарованіями и силами, казалось она хотѣла создать колоссъ, но какъ дробящій молотъ мудраго образованія не коснулся его, то онъ и остался навсегда громадною, но неотесанною глыбою мрамора. Высшія дарованія, духовныя и нравственныя, не получили должнаго развитія, а низшія, животныя и себялюбивыя, пріобрѣли неоспоримое господство и властвовали надъ нимъ цѣлую его жизнь. Поэтому-то онъ, не смотря на всѣ свои превосходныя способности, ни въ какомъ случаѣ не былъ однако великимъ человѣкомъ. Полководецъ — посредственный, правитель — расточительный, государственный человѣкъ—коварный и насильственный, наконецъ собственно человѣкъ—безъ высшаго достоинства и нравственности.—Но дѣланіе и дѣла человѣческія изчезаютъ, превращаются въ прахъ; остается лишь одно то, что вѣчно укрѣпляетъ и возвышаетъ душу человѣческую—духовныя или нравственныя сила и величіе. Ихъ-то недоставало ему совершенно. И такимъ образомъ онъ переселился въ другой міръ, какъ и тысячи другихъ прежде него; дѣлалъ и совершилъ многое: сносилъ прахъ и камень для созиданія въ будущемъ времени, пока самъ не превратился въ прахъ, не оставивъ по себѣ имени, при звукѣ котораго сердце человѣческое могло бы согрѣваться и возвышаться.

Болѣе всѣхъ огорчена была его смертію императрица. Хотя она обнаружила нѣкоторое безпокойство по полученіи извѣстій о его болѣзни, но далеко не считала ее столь опасною. Тѣмъ прискорбнѣе, тѣмъ неожиданнѣе былъ для нея этотъ ударъ. То, чѣмъ Потемкинъ былъ для нея въ послѣднія пятнадцать лѣтъ, мощь его духа, сила его воли, его преданность, его привязанность къ ней, его планы, имѣвшіе цѣлію возвеличеніе государства — все предстало передъ нею въ душѣ ея; сличая всѣхъ окружавшихъ ее съ силой этого человѣка, она разсудила, сколь невозможно будетъ ей замѣнить его, и чувствовала себя глубоко и прискорбно огорченною. «Трудно,—такъ жаловалась она,—замѣнить Потемкина, онъ былъ дворянинъ въ истинномъ смыслѣ слова, уменъ и неподкупенъ.» Долго вспоминала она о немъ; малѣйшее обстоятельство напоминало ей о немъ. Когда шесть недѣль спустя она получила письмо изъ Яссъ, глаза ея исполнились слезъ, но, какъ бы стыдясь ихъ, она сказала: «Только друзья мои исторгаютъ слезы изъ моихъ глазъ, враги же мои—никогда ([15]).»

---

(15) См. журналъ Храповицкаго, октябрь и декабрь.

Смерть его совершенно прервала замедленные и затянутые имъ переговоры. Графъ Безбородко вызвался привести ихъ къ концу и 16 (27) октября отправился въ Яссы. Слѣдовало бы теперь ожидать скораго заключенія мира, такъ какъ тотъ, который всегда препятствовалъ ему, сошелъ со сцены. Случилось противное. Въ кончинѣ человѣка, такъ долго бывшаго бичомъ ихъ, Турки видѣли оборотъ судьбы своей къ лучшему. Значительная партія требовала поэтому возобновленія войны, новой попытки военнаго счастія. Но тутъ дружественныя державы вмѣшались, стараясь укротить и отговорить ее. Турки требовали по крайней мѣрѣ болѣе выгодныхъ условій, возбудили даже вопросъ о Крымѣ. Безбородко разомъ положилъ конецъ всѣмъ затрудненіямъ, спросивъ уполномоченныхъ съ римскимъ лаконизмомъ: «Хотите-ли войны или мира? Можете имѣть и то и другое. Миръ по Галацскимъ предварительнымъ статьямъ или войну до конечной гибели. Выбирайте!»—Знакъ, поданный начальникамъ войскъ, подкрѣпилъ его слова и двинулъ войска съ ихъ квартиръ. Это подѣйствовало: 29 декабря 1791 (9 января 1792) дѣло о мирѣ было кончено и мирный договоръ съ обѣихъ сторонъ подписанъ въ Яссахъ. Условія были прежде предложенныя. Очаковъ, стѣны котораго дважды въ столѣтіи обагрялись русскою кровью, остался съ своимъ округомъ за побѣдителями. Днѣстръ сталъ такимъ образомъ границей. Всѣ прочія завоеванія въ Азіи и Европѣ были возвращены: важныя Бендеры, Аккерманъ, Килія, почетный трофей Суворова—Измаилъ, и Анапа, которая стоила и должна была еще разъ стоить столько крови. Крымъ былъ формально признанъ русскимъ владѣніемъ; все прочее поставлено въ прежнее положеніе.— Одно требованіе замедлило подъ конецъ переговоры, именно денежное вознагражденіе въ 12 милліоновъ піастровъ за военныя издержки. Съ прискорбіемъ согласились наконецъ на это турецкіе уполномоченные. Но едва былъ подписалъ мирный договоръ, какъ Безбородко разорвалъ долговое обязательство, сказавъ: «Государыня моя не нуждается въ вашихъ деньгахъ.» — Это возбудило въ Туркахъ радость, удивленіе русскому великодушію и живѣйшую благодарность, а между Русскими—лестное для нихъ чувство, что въ чемъ отказано было вооруженному врагу, то даровано было обезоруженному.

Такъ кончилась эта война, долго возбуждавшая въ Европѣ, смотря по настроенію партій, надежды или опасенія. Одни съ полною увѣренностью ожидали осуществленія восточнаго проекта, изгнанія изъ Европы этихъ Азіятцевъ, жизненнымъ стремленіямъ, мнѣніямъ и обстоятельствамъ которыхъ такъ рѣзко противорѣчили евро-

пейскія. Другіе опасались нарушенія, если и не совершеннаго уничтоженія, всякаго равновѣсія, пріобрѣтеннаго съ такимъ трудомъ и столь заботливо охраняемаго дотолѣ, перевѣса императорскихъ дворовъ и всѣхъ послѣдствій преобладанія. Ни одна изъ этихъ надеждъ, ни одно изъ этихъ опасеній не сбылись. Полумѣсяцъ остался по прежнему на европейскомъ небѣ, мерцая въ тускломъ свѣтѣ своемъ и какъ бы застилаемый отъ времени до времени пасмурными облаками!

И Австрія также, незадолго передъ тѣмъ, заключила свой миръ съ Портой, не съ такою однако славой, какъ императрица, потому что была не столь свободна и упорна въ своихъ дѣйствіяхъ. Болѣе года длились переговоры въ Шистовѣ, гдѣ, кромѣ воюющихъ державъ, громко говорили также друзья и благопріятели Турокъ, особенно Англія и Пруссія. Австрія должна была наконецъ уступить угрозамъ Пруссіи. 24 іюля (4 августа) подписанъ былъ миръ между нею и Портою на основаніи прежняго владѣнія. Австрія должна была возвратить всѣ свои завоеванія, даже послѣдній лавръ Лаудона— Бѣлградъ, удержавъ за собой только Старую Оршову и нѣсколько пограничныхъ мѣстечекъ въ Кроаціи, въ вознагражденіе за всѣ свои огромныя усилія, громадныя вооруженія и многія тысячи человѣческихъ жертвъ, и единственнымъ плодомъ войны было усиленіе взаимнаго ожесточенія между обѣими братскими, но враждебными германскими державами.

Многіе удивлялись, что два могущественныя государства, съ громадными средствами и войсками, не могли совладать съ истлѣвшими развалинами разрушавшейся Оттоманской Порты. Это привело даже отличныхъ писателей ([16]) къ тому заключенію, будто сила естественныхъ границъ, равно какъ и османская храбрость, спасли потрясенное государство. Но это было не такъ. Если Турки не были совершенно низпровергнуты, если они вышли изъ борьбы почти безъ потерь, то причина этого заключалась частію въ ревностномъ посредничествѣ Англіи и Пруссіи, частію же и особенно въ ошибкахъ веденія войны. Удивительный способъ веденія наступательной войны длинными кордонами, съ раздробленіемъ сотенъ тысячъ вдоль обширной границы, какъ дѣлалъ Ласси, чтобъ прикрыть каждый пунктъ собственной страны, и изъ-за этого жертвовать всемъ войскомъ и всей страной! —или, какъ Потемкинъ, цѣлые мѣсяцы стоя передъ незначущими

(16) Напр. Лаверна, Геерена и проч.

крѣпостями и ничего не дѣлая, ничего не предпринимая, ни на что не отваживаясь! Съ обѣихъ сторонъ хотѣли одолѣть непріятеля *силою бездѣйствія*—самый превратный и пагубный способъ покорить противника своей волѣ, подобный японскому поединку, въ которомъ, чтобъ доказать свою твердость въ страданіи, соперники сами себѣ распарываютъ животъ. Безъ предпріимчиваго духа, безъ напряженной дѣятельности, безъ согласно-дружныхъ, рѣшительныхъ дѣйствій, на войнѣ далеко уйти нельзя, даже противъ Турокъ. Къ чему служили отдѣльные, смѣлые и мощные удары Суворова, Лаудона, когда высшее, общее управленіе войною было вяло и ошибочно. Бѣдный императоръ Іосифъ! онъ жаждалъ военной славы, а его менторъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, какъ тормазъ, мѣшалъ всякому подвигу, всякому дѣйствію. Оба союзные полководца постоянно приглашали другъ друга къ дѣйствію, тогда какъ сами, даже съ сильнѣйшими арміями, не отваживались ни на что. Естественными слѣдствіями были страданія: страданія отъ болѣзней, причиненныхъ бездѣйственнымъ пребываніемъ въ болотистыхъ низменностяхъ; страданія отъ непріятеля, предпріимчивость котораго была вызываема ихъ бездѣйствіемъ; страданія отъ отступленій, которыя дѣлали опасными и перепутанными прорванныя цѣпи постовъ. Какъ могло по этой причинѣ выйти что-нибудь изъ этого, когда Потемкинъ, потерявъ цѣлый походъ передъ Очаковымъ, въ слѣдующемъ походѣ воспользовался только немногими недѣлями поздней осени, чтобы произвесть нѣкоторыя движенія и взять или велѣть взять какія-нибудь двѣ незначущія крѣпости;—когда Ласси (а послѣ него Гаддикъ), раздробивъ на мелкія части прекрасную 200,000-ную армію на обширномъ пространствѣ, бездѣйствіемъ въ лихорадочныхъ, болотистыхъ мѣстностяхъ, тысячами обрекъ ее смерти и госпиталямъ; а затѣмъ принцъ Кобургскій, не смотря на блистательные успѣхи, неожиданно выпавшіе на его долю, все еще трепеталъ передъ непріятелемъ и какъ бы нарочно вызывалъ его на наступательныя дѣйствія противъ себя, — пока наконецъ угрозы завидовавшихъ державъ страхомъ не принудили Австрійцевъ удалиться съ театра войны и не удержали въ бездѣйствіи русское оружіе.—Еслибы, напротивъ, союзники дѣйствовали смѣло и энергически, предпоставили себѣ болѣе важную цѣль дѣйствій (а не крошечныя пограничныя крѣпости) и затѣмъ дѣйствовали дѣятельно и быстро, тогда дипломатія, прихрамывая, опоздала бы съ своими стращаніями и угрозами, дѣло было бы совершено, цѣль—достигнута. И еслибы дипломатія захотѣла тогда осуществить свои угрозы и взяться за оружіе, то къ это-

му времени союзники успѣли бы уже избавиться отъ одного непріятеля и съ возросшимъ сознаніемъ собственныхъ своихъ достоинства и силы, и съ грозною поддержкою всего могущества, славы и общественнаго мнѣнія, противустать новымъ противникамъ, которые вѣроятно раздумали бы иначе. Готовность къ борьбѣ всегда внушаетъ уваженіе и раздумье. Лучшимъ доказательствомъ, что не турецкая сила спасла Турокъ, было то, что гдѣ бы они ни показывались, вездѣ были разбиваемы. Нигдѣ сила ихъ не могла сопротивляться силѣ Русскихъ, даже и за ихъ грозными валами и стѣнами, гдѣ храбрость ихъ чувствовала себя совершенно на своемъ мѣстѣ. Стоило бы только быть въ главѣ армій способному, предпріимчивому полководцу, съ полною свободою дѣйствій—и мнимые оплоты турецкаго государства пали бы уже и тогда, какъ пали позже, и мужество чалмоносныхъ янычаръ столь же мало удержало бы побѣдителей, сколь мало впослѣдствіи ихъ удержало сопротивленіе Махмудовыхъ регулярныхъ войскъ въ Фесахъ. Нельзя не повторить еще и еще, что на войнѣ рѣшаютъ не сотни тысячъ, выступающихъ на бой, но тотъ одинъ, который стоитъ въ главѣ ихъ.

Первая турецкая война отодвинула русскія границы до Чернаго моря, проложила путь на Кубань и на Кавказъ, поставила Крымъ въ независимое положеніе, подготовила зависимость его отъ Россіи и исполнила Грековъ надеждой на будущее освобожденіе ихъ, Турокъ—опасеній и страха, а Русскихъ—чувствомъ своего превосходства и великаго предназначенія.

Въ промежуткѣ между первой и второй войной Екатерины противъ Османовъ, Россія пріобрѣла Крымъ, Тамань и Кубань, свободное плаваніе торговыхъ судовъ чрезъ Босфоръ и Дарданеллы, съ большими торговыми преимуществами, а сооруженіемъ флота въ Севастополѣ и Херсонѣ стала твердою ногою на Черномъ морѣ. Этими послѣдними выгодами она была особенно обязана Потемкину, и онъ получилъ за то прозваніе Таврическаго.

Во второй войнѣ все вращалось на утвержденіи за собой новопріобрѣтеннаго Крыма, завоеваніи Очакова и пріобрѣтеніи новой, лучшей границы на Днѣстрѣ. Въ прежней войнѣ Румянцовъ, хотя съ меньшими военными средствами, часто переступалъ черезъ Дунай; въ этой же, при Потемкинѣ, рѣка эта была крайнею линіей, которой достигали войска, за исключеніемъ послѣднихъ битвъ подъ Мачиномъ, происходившихъ по ту сторону. Главными театрами военныхъ дѣйствій были Бессарабія, Молдавія и Кубань. Совокупной побѣдой надъ визиремъ, Суворовъ пріобрѣлъ прозваніе Рымникскаго,

а принцъ Кобургскій—славу полководца, плохо поддержанную имъ въ послѣдствіи. Настоящая, болѣе важная цѣль обоихъ императорскихъ дворовъ собственно не была достигнута, благодаря вмѣшательству ихъ завистниковъ; однако Россія получила то, на чемъ настаивала—Днѣстровскую границу и голосъ въ дѣлахъ Молдавіи и Валахіи, а съ этимъ и средство, защитою ихъ интересовъ, усиливать и свое собственное вліяніе. Шведская война воспрепятствовала оказать Грекамъ болѣе дѣйствительную помощь. Улучшеніе ихъ участи предоставлено было будущности.

До временъ Екатерины Турецкая держава внушала весьма сильный страхъ, и еще Шуазёль хотѣлъ употребить ее для устрашенія Русскихъ;—Польша была державою издревле знаменитою и уважаемою за храбрость ея обитателей; Россія же—державою еще новою, стремившеюся возвыситься, молодымъ орломъ, долженствовавшимъ еще испытать силу своихъ крыльевъ. Со временъ Екатерины началась борьба этихъ трехъ державъ за преобладаніе: онѣ должны были пройти цѣлое поприще побѣдъ и пораженій, въ концѣ котораго ихъ манилъ вѣнецъ славы и могущества, свое собственное превознесеніе и отстраненіе прочихъ. Состязаніе свершилось—и обычный ходъ природы обнаружился и тутъ: юная сила преодолѣла отживавшую, и Екатерининская Россія, далеко опередивъ прочихъ, выиграла наградный вѣнецъ побѣды и могущества, со всѣми сопряженными съ нимъ выгодами и пріобрѣтеніями. Такимъ образомъ Россія, дотолѣ такъ мало уважаемая прочими великими державами и поставляемая на ряду съ второстепенными государствами: Польшей, Швеціей и Турціей, съ первыхъ же годовъ царствованія Екатерины стала одною изъ первостепенныхъ державъ Европы. А если разъ однимъ порывомъ достигнуто возвышеніе, то усугубленное сознаніемъ подвиговъ и славы чувство силы легко уже поддерживается на этой высотѣ, или возносится еще выше. Вотъ великая заслуга Екатерины передъ Россіей: она окончила то, что̀ началъ Петръ I, и потому съ гордостью и полнымъ правомъ могла на воздвигнутомъ ему памятникѣ помѣстить многознаменательныя слова: «Petro primo Catharina secunda».

Такова была главная основа обстоятельствъ 1791 года, того самаго, въ которомъ Суворовъ, скорбя, потому что не былъ занятъ согласно съ своимъ желаніемъ, напрасно тратилъ свой воинственный жаръ на мирныя искуства. Постройки, поѣздки изъ одного мѣста въ другое, осмотры оконченныхъ работъ, производство ученій и маневровъ поставленнымъ въ его распоряженіе войскамъ,

а съ другой стороны испытующая тщательность, съ которою онъ слѣдилъ за военными дѣйствіями своихъ счастливыхъ соперниковъ, и непрерывная переписка съ столицей, дабы въ ней достигнуть для себя освобожденія и согласнаго съ его желаніемъ назначенія—таковы были занятія Суворова въ теченіе этого и слѣдующаго годовъ, въ которыхъ ему предстояло еще томиться въ своемъ заточеніи. Все настроеніе души своей излилъ онъ въ этой перепискѣ ([17]), особливо съ мужемъ племянницы своей, подполковникомъ (въ послѣдствіи сенаторомъ) Димитріемъ Ивановичемъ Хвостовымъ, и въ ней читаемъ мы, какія чувства, мысли, мнѣнія и надежды поочередно волновали его.

Суворовъ называлъ это время своимъ «затмѣніемъ» (éclipse), и оно было имъ болѣе, нежели въ одномъ отношеніи. Не только то, что онъ отсталъ на поприщѣ чести и славы, и изъ бывшаго передъ тѣмъ предводителя войскъ и побѣдителя при Рымникѣ и Измаилѣ былъ разжалованъ въ простые строители крѣпостей, но и въ нравственномъ отношеніи, незаслуженное униженіе развило въ груди его настоящее возмущеніе чувствъ и этимъ обнаружило болѣе низкія страсти, которыхъ онъ всегда чуждался дотолѣ. Такъ его снѣдала досада по поводу его униженія, какъ онъ называлъ его, и сильная зависть къ предпочтеннымъ соперникамъ его, Репнину, Каховскому, Ивану Петровичу Салтыкову и другимъ (зависть, доходившая въ отношеніи перваго до настоящей ненависти), выражавшаяся въ страсти насмѣхаться надъ ними и надъ ихъ подвигами, при всякомъ случаѣ унижать ихъ и выставлять предъ ихъ мнимыми заслугами свои собственныя. Но и кромѣ этого нельзя оправдать его самаго въ томъ, что раздраженное негодованіе побуждало его домогаться достиженія цѣли даже побочными и окольными путями, какъ ни далеки они бывали прежде его солдатской прямотѣ, а именно стараться чрезъ посредничество Хвостова подѣйствовать на статсъ-секретарей Турчанинова и Державина, чрезъ нихъ на Платона Зубова и Николая Салтыкова, а чрезъ этихъ наконецъ и на самую императрицу. Но всѣ эти дѣйствія были расчитаны на то, чтобы произвесть оборотъ болѣе въ его пользу, нежели ко вреду его соперниковъ. Такова человѣческая природа: устраненіе, претерпѣнная

---

(17) Всѣ эти письма, изъ которыхъ здѣсь приводятся извлеченія, находятся въ большомъ собраніи ихъ, принадлежащемъ генералъ-адъютанту князю Александру Аркадіевичу Суворову, внуку Александра Васильевича Суворова.

несправедливость, безсиліе отомстить за себя или по крайней мѣрѣ заставить оцѣнить собственныя заслуги, все это возбуждаетъ всѣ болѣе безобразныя стороны ея, и съ этимъ наступаетъ настоящее затмѣніе души и въ нравственномъ отношеніи; и такимъ образомъ несчастіе, преслѣдованіе и притѣсненіе могутъ наконецъ нравственно унизить и лучшаго человѣка, если онъ не философъ-стоикъ.

Неудовольствіе, досада, укоры лицамъ, имѣвшимъ въ своихъ рукахъ власть, планы освобожденія своего, мысли объ отставкѣ, объ удаленіи отъ свѣта или о путешествіи за границу, о поступленіи въ иностранную службу, наконецъ заботы о его дочери и о выдачѣ ея замужъ занимали раздраженнаго Суворова почти непрерывно въ эти полтора года его финляндскаго заточенія, бывшаго наградой за его мощный военный подвигъ, одинъ изъ величайшихъ, когда-либо прославившихъ русское оружіе.

Нѣсколько извлеченій изъ его писемъ этого времени могутъ служить подтвержденіемъ сказаннаго.

Пока Потемкинъ былъ живъ, мысли Суворова въ заточеніи вращались около опасности его даже для государства и какимъ образомъ можно было бы найти противувѣсіе ему при дворѣ. Такъ отъ *8 августа 1791 г.* онъ пишетъ: «Непріятно слухъ уменьшаетъ побѣду К. Н. В. Р. (Репнина), перевѣсу нѣтъ: Армія побьетъ визиря, онъ генералиссимусъ. Г.А.Г.О.Ч. (Гр. Алек. Григ. Орловъ Чесменскій), Ѳ. (фаворитъ), паче какъ миръ Г.А.А. (Безбородко) кончитъ, вотъ и тріумвиратъ. Тогда коли связны опрокидываютъ, разгласны колеблютъ. Колоссъ сей власть свою держать долженъ и еще по правилу, что не возрастаетъ, упадаетъ: перунъ его грозитъ, его рогъ изобилія привлекаетъ. Какое-жъ средство? Надеждою питать... Титанъ безъ власти или съ уменьшеніемъ ея, чинъ страшенъ: хотя бы К.Н.И.С. (Салтыковъ) по побѣдѣ надъ визиремъ, хотя бы тогда К.Н.В.Р. (Репнинъ) и Ѳ. неудержитъ балансъ въ существенномъ, развѣ въ лицемѣрномъ патріотствѣ, что еще опаснѣе, нынѣ обузданъ его самолюбіемъ и ложнославіемъ Мачинской побѣды, которою мечталъ миръ! Буде унизилъ К.П. (Кн. Потемкинъ) блистаніе дѣла, сколькожъ онъ слабъ протягать выю. По побѣдѣ надъ визиремъ, чѣмъ далѣе К.П. пойдетъ, тѣмъ опаснѣе, я помню деж.(дежурный) приказъ—арнауты принадлежатъ Гетманской булавѣ: онъ имѣетъ инсигніи донскихъ и иныхъ казаковъ, его поминаютъ за выносомъ съ прибавленіемъ *Его* арміи, воен. газетчины даютъ ему Т-ду (Тавриду). Я легкой временщикъ и для него прахъ, развѣ быть въ такъ называемой его арміи помощникомъ К. Н. В. Р.

(Репнина). Какое-жъ было бы мнѣ полномочіе? вогнавши меня во вторую ролю, шагъ одинъ до послѣдней, я милости носилъ, но былъ въ ссылкѣ и прописаніи, не говорю о общемъ отдаленіи и странствованіи въ чужихъ краяхъ».

«Твердой дубъ падаетъ не отъ вѣтра или самъ, но отъ сѣкиры. Здѣсь колебался К. П. (Потемкинъ), тамъ К. Н. В. Р. (Репнинъ) далъ ему новыя силы, такъ что бы лучше во все не было Мачина. О предградѣ къ предосторожности упомянулъ выше».

Окидывая далѣе взорами дворъ, чтобъ видѣть, кого бы онъ могъ еще противупоставить Потемкину, онъ продолжаетъ: «Г. А. Р. В. (графъ Александръ Романовичь Воронцовъ) твердъ самъ и въ совѣтѣ, но долженъ быть усиленъ, П. В. З. (Завадовскій) добръ въ софизмѣ и сцептикъ мало догмы. К. К. Р. (Разумовскій) забрызжетъ. О другихъ противостояніяхъ К. П. (Потемкину) ищите въ прежнихъ моихъ письмахъ: хотя во всемъ спѣши по малу, но ожидать отъ времяни тожъ, что давать голову въ петлю».

Въ другомъ письмѣ также отъ *августа 1791 года* онъ говоритъ: «Г.Н.И.С. (графъ Николай Ивановичь Салтыковъ), нечто времянное и частное усиленъ мною и моею честью, мѣняетъ ту имъ-пулзію на petits interets и малодушіемъ уже поселяетъ раскаяніе прежней моей къ общему жъ благу связи, и съ какими жъ гусями (знаете эмблему) сей К. Г. А. (князь Григорій Александровичь Потемкинъ) имѣетъ дѣло; сего больше, я могу остаться между неба и земли, я въ счисленіи на югѣ, и по обстоятельствамъ легко исключусь: въ Нордѣ служу, но чужая команда не постоянная. Вотъ мое перспективное благосостояніе»!

«Разсмѣется К. Г. А. П. (князь Григ. Алекс. Потемкинъ):

«Бѣжа гоненіевъ, я пристань разорялъ,
«Оставя битой путь по воздухамъ летаю,
«Гоняясь за мечтой, я вѣрное теряю,
«Вертумнъ поможетъ ли? яжъ тотъ, что проигралъ»...

Нѣсколько недѣль спустя, въ письмѣ *отъ сентября* сказано: «Среди расходки К. П. (князя Потемкина) и К. Р. (князя Репнина), то и Г. Н. И. С. (графу Николаю Ивановичу Салтыкову) легче пр. (прочихъ?). Развѣ не можно, но и тогда дай крѣпость К. Р—у (князю Репнину) для пониженія другаго. Сей наровнѣ тамъ съ визиремъ, поправя чрезъ другихъ мнимыя ошибки К. Р—а (князя Репнина), не явится ли здѣсь полнымъ диктаторомъ, каковъ уже слыветъ въ чужестранныхъ кабинетахъ, временить никто лучше

не можетъ, разпрушивъ (вѣроятно: «разрушивъ») все: мнѣ же обратиться или съ прочими въ срамные невольники или быть Веселовскимъ въ воздатніе (воздаяніе) послѣдняго проекта К. П. Н—а (князя Петра Николаевича Долгорукова)» (послѣдняя фраза непонятна).

Такія и подобныя имъ мысли безпрестанно толпились въ головѣ его, и онъ восклицаетъ наконецъ: «Истинно я не могу утолить пожара въ души моей».

Въ другомъ письмѣ онъ снова изображаетъ лукавство Потемкина и какъ онъ, въ сомнительныхъ рѣшеніяхъ, умѣлъ отклонять отъ себя всякую отвѣтственность: «Есть таинство: К. П. (Потемкинъ) воля ваша, такъ надобно быть.—Какъ хотите, послѣ чтобъ не каяться.—«Ну какъ хочешь», и коли поважнѣе, документъ отъ Г. Безбородки, а потомъ: «не я, сами хотѣли, не моя воля», avec bonhommie, и сія пребываетъ! начальное жъ естественно забыто. Такіе документы и на странныя военныя операціи есть, яко то продремавши съ полгода, на штурмъ Очаковской иначе не рѣшился».

Отъ 20-го сентября: «Чтожъ я до сего выигралъ, кромѣ времянности, правда къ пользѣ доказалъ мои качества, но непріязненнаго мнѣ К. П. (Потемкина) сдѣлалъ или вѣчнымъ злодѣемъ, или обратиться мнѣ паки къ нему въ сателлиты, послѣдуя всѣмъ прочимъ до единаго, и въ обѣихъ видахъ ждать гибели.... Между тѣмъ знаю что Г. Безб. (Безбородко) мнѣ сюда предграждалъ, такъ нынѣ по наказу К. П. (Потемкина) «Див—ю (дивизіею) погодить его обременять, онъ потребенъ на важнѣйшее» (то есть совершенно поставить внѣ дѣятельности и въ забвеніе).

Наконецъ смерть избавила его отъ этого опаснаго врага, но другія заботы и непріятности остались. Потемкинъ не былъ его единственнымъ противникомъ и оставилъ по себѣ длинный хвостъ, раздѣлившій добычу одного, а именно: предпочтеннаго имъ министра Безбородко, племянника своего, генерала Самойлова, въ послѣдствіи генералъ-прокурора,—Попова, своего правителя канцеляріи, бывшаго правой рукой его,—Каховскаго, которому онъ завѣщалъ начальствованіе арміей,—и наконецъ всю польскую свиту, съ Браницкимъ въ главѣ. Сильнѣйшимъ и умнѣйшимъ изъ нихъ былъ Безбородко, и Суворовъ боялся, что онъ наслѣдуетъ все могущество Потемкина, но неосновательно, потому что не принималъ въ расчетъ болѣе склонный къ жизненнымъ наслажденіямъ, нежели честолюбивый, характеръ Безбородко. «Г. А. А. Б. (Безбородко), — писалъ онъ,—не столько хитръ, но больше мудръ, какъ покойный, и не такъ предателенъ, медлительнѣе Панина и слабозрачнѣе Бестужева,

хорошо коли бы онъ остался Остерманомъ-отцомъ ([18])»... И въ другомъ письмѣ: «Г. Без. (графу Безбородко) кого жъ употребить (въ) совѣтѣ (называть лицо)? — Остермана? За вистъ дастъ армію.—Воронцова?—Съ потачки propos passagers, его таланты лучше... Нечаятельно чтобъ и Chamillard'омъ (военнымъ министромъ) быть захотѣлъ, а министръ иностранной экспедиціи. —Г. Н. И. (Салтыковъ) по превосходству лучшій военной министръ, въ которомъ главномъ отвѣсѣ ни кто ему мѣшать не долженъ, Панинъ, Бестужевъ, Остерманъ черту не переходили. — Онъ (Репнинъ) семейной, Безбородко нѣтъ, и по прежнему не на кого опереться.— Безбородкѣ легче желать, чтобъ Г. П. Алек. Румянцовъ принялъ на югѣ обширную команду ([19]), то онъ и главной военной министръ! Тотъ тамъ, онъ здѣсь съ отвѣсомъ надъ военной коллегіей, и со временемъ оные малые департаменты къ нему войдутъ, опъ будетъ ими править страшнымъ терминомъ руководства, или господственіемъ наставленія, и Г. Н. И. (Салтыковъ) обратится въ экзекуторы, понеже онъ еще будетъ и министръ иностранныхъ дѣлъ, вотъ сообразная власть покойному, но съ лучшимъ онаго разумомъ».

Г. Пет. Алексан. (Румянцова) таланты я превозношу, онъ меня отличаетъ, я къ сему признателенъ: но не хотѣлъ бы мое зимнее время, какъ жертвующій общему благу, видѣть вновь ползающихъ по прежней привычкѣ предъ перуномъ и рогомъ изобилія чьимъ бы то ни было, а оной знаменитой мужъ тому будетъ токмо однимъ орудіемъ. Я доказалъ, что одинъ твердъ таковъ до конца буду, но воззрите на весь сей кругъ и подлинныхъ обезьянъ, то я одинъ и недостаточенъ».

И это опасеніе было неосновательно; но тутъ князь Репнинъ пробудилъ въ немъ негодованіе и опасеніе. Храбрый генералъ, но надменнаго и яростнаго нрава, Репнинъ, какъ великій почитатель прусской тактики, позволилъ себѣ насмѣшки и презрительныя выраженія на счетъ *натурализма* Суворова въ веденіи войны и тѣмъ въ высшей степени раздражилъ послѣдняго, и безъ того уже соперника его на высшія военныя званія. Съ тѣхъ поръ Суворовъ не щадилъ его въ своей перепискѣ и, видя въ немъ опаснаго противника, слѣдилъ за каждымъ его шагомъ, особенно боязливо опаса-

---

(18) Великій министръ Петра I и Анны.

(19) Румянцовъ былъ его покровителемъ и другомъ, и первый открылъ ему блистательное его поприще.

ясь, чтобъ онъ, Репнинъ, не былъ предпочтенъ ему, Суворову, въ начальствованіи арміею, почему охотно желалъ бы назначенія Репнина скорѣе генералъ-губернаторомъ или министромъ.

Такъ онъ пишетъ о немъ: «Никто какъ сей послѣдній (Репнинъ) (какъ я по страсти первымъ солдатомъ) не хочетъ быть первымъ министромъ, и ни у кого такъ на то талантъ—всѣхъ 1) стравить, 2) порицать, 3) унизить и стоптать: твердъ и долготерпѣливъ, не оставитъ плана, низокъ и высокъ въ свое время; но отвратительно повелителенъ и безъ наималѣйшей пріятности».

И въ другомъ позднѣйшемъ письмѣ: «Пуще мнѣ досажала нѣкоторая его (Репнина) ко мнѣ гордость и что я ни во что не мѣшаюсь... И какъ я хочу быть первой въ послѣдней деревнѣ, нежели второй въ Римѣ, то никому я не въ тягость въ С.П.Б. (С.П.Бургѣ).. Наконецъ чувствую непрестанно, что я за Измаилъ худо награжденъ, сколько ни философствую.»

Эта мысль, что за его высочайшій до тѣхъ поръ подвигъ—побѣжденіе цѣлой турецкой арміи за высокими крѣпостными валами, онъ былъ награжденъ пренебреженіемъ, преслѣдованіемъ, удаленіемъ отъ всѣхъ военныхъ дѣйствій, огорчала его до глубины души, и справедливо. Онъ неоднократно возвращается къ этому. Такъ отъ *21-го ноября* онъ пишетъ:

«Стыдъ Измаильской изъ меня не изчезъ, сколько времени тянется одно генералъ-адъютантство отъ Ирода къ Пилату, отъ Пилата къ Ироду, обѣщать можно до замиренія, до новой войны и до новаго замиренія, притяженіе жъ цѣло;—и съ тѣмъ когда бъ Турки ушли, но сдались бы варвары на акордъ, то мало, а по штурму жизнь и репутацію, сердце льется кровію, незабвено ко удовлетворенію. Измаилъ и послѣдствію услуга; генералъ, что взялъ Анапу ([20]), всѣми шагами той диспозиціи (Измаила) и мудръ. Безуменъ Мачинскій какъ жаба противъ быка въ сравненіи Рымника».

«Судите какъ мнѣ разстаться съ активной моей военной первой роли, къ которой я привыкъ почти чрезъ столько лѣтъ, какъ вы на здѣшнемъ свѣтѣ; разберите, вы найдете сію истину не лестну, хотя часто съ перваго виду я только за кулисомъ, и степени не препятствуютъ. (1)774 году моемъ генералъ-маіорствѣ привелъ я въ движеніе всю большую машину, отъ того Козлуджи, отъ того Кайнарджи, такъ прежде и послѣ, даже что въ прусской войнѣ я

---

(20) Гудовичь.

подполковникомъ имѣлъ тужъ колонну, какъ мой генералъ, но въ лучшемъ успѣхѣ. Отниму ли я того человѣка, какъ я, у отечества, чтобъ обратить его (въ) спекулативное. Я правилъ на Волгѣ до 100,000, къ югу и Крыму до 80,000. Какая жъ нынѣ здѣсь церемонія съ двѣнадцатью баталіонами! когда безъ чиновъ Каховскому даютъ лучшую армію. На то онъ никакого равенства со мною не имѣлъ, развѣ что оба мы баталіи не проигрывали. Сіе я соображаю безъ преступленія, только сказать до будушаго росписанія».

Затѣмъ старшинство по службѣ, которое ему постоянно противупоставляли въ родѣ оборонительнаго щита, ведетъ его, въ сознаніи собственнаго достоинства, къ сравненію своему съ другими покровительствуемыми и предпочтенными ему генералами, и онъ старается доказать, что, не принимая въ расчетъ и знаковъ отличія, они даже въ годахъ службы большею частію уступали ему. Такъ въ одномъ письмѣ безъ числа, но отъ ноября 1791 г., онъ пишетъ: (*) «*Эльмптъ* (21) былъ принятъ изъ иностранной службы капитаномъ; я былъ гвардіи сержантомъ (что давало также чинъ капитана).— *Князь Юрій Долгорукій* (22) вступилъ въ одно время со мною въ

(*) Переводъ съ нѣмецкаго, потому что подлинное не отыскано.

(21) Іоганнъ Эльмптъ, род. 1725 г. въ Клеве, поступилъ сперва въ французскую службу, въ которой 24-хъ лѣтъ отъ роду былъ уже маіоромъ, а потомъ въ 1749 г. капитаномъ въ русскую службу. Какъ человѣкъ способный, онъ быстро возвысился: въ 1755 г. былъ подполковникомъ, въ 1788 за отличіе на войнѣ—бригадиромъ, а въ 1762—генералъ-маіоромъ. Онъ былъ генералъ-квартирмейстеромъ арміи. При открытіи 1-й турецкой войны въ 1769 г. онъ былъ уже генералъ-поручикомъ и начальствовалъ 10,000-мъ корпусомъ; занялъ Хотинъ, Яссы, покорилъ Молдавію. Въ 1780 г. произведенъ въ генералъ-анъ-шефы, а при открытіи 2-й турецкой войны въ 1787 г. начальствовалъ въ арміи Румянцова 3-ю дивизіею въ 7,000 ч. Уважаемый за свои военныя способности, онъ былъ мало любимъ однако начальниками за свой острый языкъ, вспыльчивую горячность и гордое, высокое мнѣніе о себѣ; сама императрица не очень благоволила ему. (Въ послѣдствіи императоръ Павелъ, въ день коронованія своего, 5-го апрѣля 1797 г., произвелъ его въ фельдмаршалы и пожаловалъ ему орденъ св. Андрея Первозваннаго, однако 10 мѣсяцевъ спустя, въ январѣ 1798 г., за вольныя сужденія уволилъ его отъ службы, подъ предлогомъ старости. Онъ умеръ въ 1802 г.).

(22) Князь Юрій Владиміровичъ Долгорукій родился въ 1740 г. На 9 г. отъ роду былъ записанъ унтеръ-офицеромъ въ гвардію. Получивъ плохое, поверхностное образованіе, онъ самъ себя образовалъ въ послѣдствіи учеными занятіями, размышленіемъ и чтеніемъ.—Въ 1752 г. онъ произведенъ въ прапорщики, въ 1756 г. въ капитаны, въ 1757 при Гроссъ-Егерндорфѣ раненъ, въ 1758 въ секундъ-маіоры; былъ въ сраженіяхъ при Цорндорфѣ и Кольбергѣ; за Франкфуртское сраженіе произведенъ въ подполковники; былъ въ дѣйствіи при занятіи Берлина и Швейдница. Отвезъ Фридриху II рапортъ о присоединеніи къ нему корпуса Чернышева. Въ 1762—пол-

службу, но записанъ въ нее ребенкомъ въ колыбели. Я старше всѣхъ другихъ годами и службой; они были еще субалтернъ-офицерами, когда я былъ уже премiеръ-маiоромъ; но они всѣ перегнали меня: *графъ Брюсъ* ([23]), какъ гвардiи адъютантъ; *Иванъ Петровичъ Салтыковъ* ([24]),

---

ковникъ. Въ 1767—маiоръ преображенскаго полка. Въ 1769 отправился къ Орлову въ Италiю и долженъ былъ привести Черногорцевъ въ подданство Россiи. Принялъ присягу горцевъ, изобличилъ Лже-Петра III, грека по имени Стефанъ-Малый, и взялъ его въ плѣнъ, но позже освободилъ его, далъ ему офицерскiй патентъ и порученiе принять на себя, по его отъѣздѣ, управленiе Черногорiей, однако послѣднiй вскорѣ потомъ былъ умерщвленъ убiйцей, котораго подослалъ Скутарiйскiй паша. Долгорукiй возвратился назадъ къ Орлову въ Италiю и совершилъ съ нимъ славную морскую кампанiю 1770 года, въ которой особенно отличился при Чесмѣ, привезъ извѣстiе о побѣдѣ при ней императрицѣ и получилъ за то орденъ Св. Георгiя 3 ст., а вскорѣ затѣмъ и орденъ Св. Александра Невскаго. Снова отправился съ Орловымъ на флотъ, сжегъ нѣсколько турецкихъ судовъ у Митилена и наконецъ, по собственному желанiю, былъ переведенъ въ армiю Румянцова, гдѣ совершилъ походъ 1773 г. въ корпусѣ Потемкина (всегда принимавшаго «совѣтъ его какъ приказанiе»), не найдя однако случая особенно отличиться; напротивъ военныя дѣйствiя, предпринятыя имъ и Унгерномъ противъ Варны, имѣли неудачу. По заключенiи мира, произведенъ въ генералъ-анъ шефы. Во время путешествiя императрицы въ 1787 г.. представилъ ей, въ маневрахъ войскъ, примѣрное сраженiе, и былъ произведенъ въ подполковники лейбъ-гвардiи Преображенскаго полка. Походы 2-й турецкой войны онъ совершилъ въ армiи Потемкина, взялъ Аккерманъ и рѣшилъ сдачу Бендеръ, за что́ получилъ (1789) орденъ Св. Андрея Первозваннаго. Въ 1790 г. онъ былъ назначенъ въ Финляндiю подъ начальство Ивана Салтыкова, почему вышелъ въ отставку. (Позже, по смерти Кречетникова въ 1793 г., онъ получилъ начальство надъ войсками въ Волынiи; но за свою строгую законность навлекъ на себя неудовольствiе любимца Зубова и ябеды со стороны чиновниковъ его канцелярiи, что принудило его вторично выйти въ отставку. Императоръ Павелъ назначилъ его Московскимъ военнымъ губернаторомъ, а потомъ отозвалъ къ себѣ въ Петербургъ, гдѣ вскорѣ послѣ того уволилъ отъ службы. Долгорукiй былъ человѣкъ благороднаго, честнаго, но вспыльчиваго характера; онъ умеръ въ 1830 г. 90 лѣтъ отъ роду, оставивъ по себѣ въ рукописи «достопримѣчательности» (записки) своей дѣятельной жизни).

(23) Графъ Яковъ Александровичъ Брюсъ служилъ въ 7-ми лѣтней войнѣ и въ турецкой подъ начальствомъ Румянцова, и въ сраженiи при Кагулѣ начальствовалъ однимъ изъ кареевъ. Послѣ того былъ главнокомандующимъ въ Петербургѣ и Москвѣ и генералъ-губернаторомъ Новгородскимъ и Тверскимъ. Умеръ 30 ноября 1791 г.—Онъ имѣлъ крутой, горячiй нравъ, былъ властолюбивъ и упрямъ, и пользовался большимъ уваженiемъ при дворѣ, такъ какъ супруга его была сестрой фельдмаршала Румянцова и прiятельницей императрицы.

(24) Иванъ Петровичъ Салтыковъ родился въ 1730 г., былъ сынъ фельдмаршала, имени котораго приписана побѣда при Куннерсдорфѣ. Служилъ съ 1745 г. въ гвардiи, потомъ при дворѣ каммеръ-юнкеромъ; въ 1760 былъ бригадиромъ, въ 1761 генералъ-маiоромъ, въ 1766 генералъ-поручикомъ. Участвовалъ въ походахъ

въ званіи каммеръ-юнкера и какъ вѣстникъ побѣды при Франкфуртѣ (Куннерсдорфѣ); — *Николай Ивановичъ Салтыковъ* (25) въ зва-

---

1-й турецкой войны; при Ларгѣ (1770) начальствовалъ легкою кавалеріей, при Кагулѣ тяжелою; въ первомъ сраженіи заслужилъ порицаніе, а во второмъ похвалу Румянцова. Въ 1773 г. произведенъ въ генералъ-анъ-шефы, хотя мало слышно было о его подвигахъ. Въ 1780 г. онъ начальствовалъ арміей, собранной противъ Турокъ; въ 1784 г. былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ и генералъ-губернаторомъ Владимірскимъ и Костромскимъ. Въ 1788 г. снова начальствовалъ корпусомъ войскъ противъ Турокъ и въ соединеніи съ принцемъ Кобургскимъ взялъ крѣпость Хотинъ. Въ 1790 г. получилъ главное начальство надъ войсками противъ Шведовъ, но, кромѣ небольшихъ дѣлъ, ничего болѣе важнаго тутъ не произошло. При заключеніи мира былъ пожалованъ въ подполковники лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка и получилъ орденъ Св. Андрея Первозваннаго съ брилліантами. (По случаю ссоры съ Румянцовымъ, въ послѣдствіи вышелъ въ отставку въ 1795 г.; но императоромъ Павломъ снова опредѣленъ въ службу, въ 1796 г., генераломъ отъ кавалеріи, вслѣдъ затѣмъ произведенъ въ генералъ-фельдмаршалы и назначенъ генералъ-инспекторомъ кавалеріи; наконецъ въ 1797 г. Московскимъ генералъ-губернаторомъ, съ пожалованіемъ ему 6,000 душъ крестьянъ въ западныхъ губерніяхъ. Въ 1804 г. онъ вышелъ въ отставку и умеръ въ ноябрѣ 1805 г.—Онъ являлъ въ себѣ живой образъ и черты стариннаго русскаго боярина: роскошь, гостепріимство, постоянно открытый столъ на 60 человѣкъ, сотни слугъ и частые, блистательные праздники; при этомъ былъ не гордъ и ласковаго, добродушнаго нрава, но въ военномъ отношеніи не имѣлъ никакого значенія).

(25) Николай Ивановичь Салтыковъ родился въ 1736 г., поступилъ въ 1747 рядовымъ въ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ и сопутствовалъ отцу своему, бывшему генералъ-анъ-шефомъ, въ походѣ на Рейнъ передъ Аахенскимъ миромъ. Служилъ въ 7-ми лѣтней войнѣ, привезъ взятыя при Куннерсдорфѣ знамена и былъ произведенъ въ подполковники; въ 1761 г. былъ при взятіи Колберга и императоромъ Петромъ III произведенъ въ генералъ-маіоры. Начальствовалъ въ Польшѣ частію русскихъ войскъ отъ 1763 до 1768 г.; былъ при взятіи Хотина въ 1769 г., однако, по слабости здоровья, въ слѣдующемъ году долженъ былъ уѣхать изъ арміи. Послѣ трехлѣтняго путешествія за границей, онъ былъ произведенъ въ генералъ-анъ-шефы и назначенъ вице-президентомъ военной коллегіи; въ тоже время заступилъ мѣсто графа Панина при наслѣдникѣ. Онъ сопутствовалъ великому князю въ Берлинъ, по случаю бракосочетанія его съ принцессой Виртембергской (въ послѣдствіи императрицей Маріей Ѳеодоровной, глубоко чтимой въ Россіи за ея благотворительную дѣятельность и какъ родительница двухъ императоровъ), равно и позже въ его большомъ путешествіи по Европѣ. Въ 1783 г. ему былъ порученъ главный надзоръ надъ воспитаніемъ великихъ князей Александра и Константина Павловичей, а въ 1788 г. и главное управленіе военнымъ департаментомъ; въ 1790 г., при заключеніи мира съ Шведами, пожалованъ графомъ, а въ 1792 г. получилъ 5,000 душъ крестьянъ въ западныхъ губерніяхъ. Императоръ Павелъ, на второй день по восшествіи своемъ на престолъ, 8 ноября 1796 г., произвелъ его въ генералъ-фельдмаршалы и назначилъ президентомъ военной коллегіи.—И императоръ Александръ также

ніи оберъ-квартирмейстера и какъ привезшій франкфуртскія знамена; *Репнинъ* (26), въ званіи гвардіи адъютанта; *Камен-*

почтилъ старца: въ 1812 г. назначилъ его предсѣдателемъ государственнаго совѣта и комитета министровъ, и въ 1814 г. возвелъ съ потомствомъ въ княжеское достоинство. Онъ умеръ въ 1816 г. на 80-мъ году своей благотворительной жизни. Онъ былъ мягкаго, кроткаго, хотя нѣсколько утомительнаго мелочностью, характера, дѣлалъ столько добра, сколько могъ, и пособилъ въ возвышеніи многимъ въ послѣдствіи значительнымъ людямъ.

(26) Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, сынъ фельдцейгмейстера Василія Аникитича и внукъ фельдмаршала Аникиты Ивановича, родился въ 1734 г., и въ 1745 г. записанъ солдатомъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ. Два года спустя (1747) онъ сопутствовалъ на Рейнъ отцу своему, который велъ туда корпусъ русскихъ войскъ въ помощь Австрійцамъ, но умеръ въ слѣдствіе нервическаго удара 21-го іюля 1748 г. Въ слѣдующемъ году Н. В. былъ произведенъ въ прапорщики. Онъ усердно посвятилъ себя тогда учебнымъ занятіямъ для дальнѣйшаго образованія своего. Въ 1753 г. онъ былъ полковымъ адъютантомъ; отличился въ 7-ми лѣтнюю войну храбростью и въ 1758 г. былъ произведенъ въ гвардіи капитаны. Въ 1759 г. былъ посланъ во французскую армію и находился въ сраженіи при Минденѣ. Возвратясь оттуда, поступилъ въ 1760 г. полковникомъ въ полевой (армейскій) полкъ и былъ въ составѣ корпуса Чернышева. Въ 1762 г., 28 лѣтъ отъ роду, произведенъ въ генералъ-маіоры.—Императрица Екатерина послала его въ томъ же году полномочнымъ посланникомъ къ королю прусскому, гдѣ онъ имѣлъ случай близко ознакомиться съ прусскимъ военнымъ устройствомъ, какъ прежде съ австрійскимъ и французскимъ. Въ 1763 г. онъ былъ назначенъ полномочнымъ посланникомъ въ Польшѣ, въ качествѣ помощника Кайзерлинга, съ порученіемъ заставить избрать въ короли Станислава Понятовскаго. Тутъ онъ болѣе шести лѣтъ властвовалъ почти неограниченно именемъ своей государыни, былъ настоящимъ королемъ польскимъ, но своими насильственными поступками подалъ поводъ къ Барской конфедераціи. Отозванный изъ Польши и произведенный въ генералъ-поручики (1768), онъ участвовалъ въ походахъ противъ Турокъ подъ начальствомъ князя Голицына и Румянцова, начальствовалъ отдѣльнымъ корпусомъ въ Молдавіи, а при Ларгѣ и Кагулѣ однимъ изъ кареевъ, преимущественно способствовавшимъ побѣдѣ; покорилъ Измаилъ и Килію, и получилъ Георгіевскій крестъ 2-й степени. Въ 1771 г. начальствовалъ войсками въ Валахіи, но, не смотря на свою поспѣшность, не могъ спасти Журжи, за что навлекъ на себя неудовольствіе Румянцова. Вслѣдствіе того онъ уѣхалъ изъ арміи, отправился путешествовать и только въ послѣднемъ году снова явился на театрѣ войны и вмѣстѣ съ турецкими уполномоченными подписалъ Кайнарджійскій миръ 10-го іюля 1774 г.—Императрица пожаловала его вслѣдъ затѣмъ генералъ-анъ-шефомъ и подполковникомъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, а въ 1775 г. послала его въ качествѣ чрезвычайнаго посла въ Константинополь, куда онъ имѣлъ въѣздъ съ многочисленною свитой и большою пышностью, и вполнѣ поддержалъ достоинство своей государыни въ своихъ сношеніяхъ съ турецкими высшими сановниками. Воротясь въ слѣдующемъ году, онъ былъ назначенъ въ 1777 г. генералъ-губернаторомъ Смоленскимъ и Орловскимъ. Вскорѣ послѣ того онъ былъ посланъ съ 30.000 чел. войскъ въ помощь королю прусскому и прибылъ 9-го декабря въ Бреслау. Онъ игралъ важную роль на Тешенскомъ конгрессѣ, гдѣ былъ посредникомъ

скій (27), въ званіи квартирмейстера и въ артиллеріи;—*Мусинъ-Пуш-*

въ заключеніи мира между Пруссіею и Австріею. Онъ получилъ за это отъ императрицы Андреевскій орденъ и 3,000 душъ крестьянъ въ Бѣлоруссіи, отъ Фридриха II орденъ Чернаго Орла и портретъ его, украшенный брилліантами, и другіе цѣнные подарки отъ императора Іосифа и курфирста Саксонскаго. Къ его Смоленскому генералъ-губернаторству была присоединена еще Псковская губернія и ему пожалованъ Андреевскій орденъ съ алмазами. Въ 1784 г. онъ снова путешествовалъ за границей. При вновь открывшейся турецкой войнѣ, онъ оказалъ большое участіе во взятіи Очакова въ 1788, начальствовалъ въ слѣдующемъ году, до прибытія Потемкина, украинскою арміей и разбилъ на р. Салчѣ сераскира Гассана Пашу, котораго преслѣдовалъ до Измаила, гдѣ послѣдній и заперся. Потемкинъ отозвалъ его, изъ боязни, чтобъ онъ какимъ-нибудь отличнымъ подвигомъ не добылъ себѣ фельдмаршальскаго званія. Въ 1790 г. онъ продолжалъ начальствовать войсками въ Молдавіи подъ главнымъ начальствомъ Потемкина, который задерживалъ каждый смѣлый шагъ его, но въ 1791 г., въ отсутствіе Потемкина, одержалъ блистательную побѣду при Мачинѣ и подписалъ вслѣдъ затѣмъ 31-го іюля въ Галацѣ предварительныя статьи мира, съ границей по Днѣстру. На слѣдующій день прибылъ разгнѣванный Потемкинъ и осыпалъ его упреками. Но императрица пожаловала ему орденъ Св. Георгія первой степени и назначила его намѣстникомъ Рижскимъ и Ревельскимъ. (Въ 1794 г. ему было ввѣрено начальство надъ войсками въ Литвѣ, гдѣ онъ возстановилъ спокойствіе, и къ его званію генералъ-губернатора Лифляндскаго и Эстляндскаго присоединено еще управленіе Литовскими губерніями. Императоръ Павелъ, на другой день послѣ своего восшествія на престолъ, 8-го ноября 1796 г. произвелъ его въ генералъ фельдмаршалы, пожаловалъ ему 6.000 душъ крестьянъ и отправилъ его въ качествѣ чрезвычайнаго посла въ Берлинъ и Вѣну. Репнинъ не могъ однако склонить короля прусскаго къ войнѣ противъ французской республики. Онъ впалъ за это въ немилость и былъ уволенъ отъ службы. Онъ удалился въ Москву и умеръ тамъ отъ нервическаго удара въ маѣ 1801 г., 67 лѣтъ отъ роду. Съ нимъ пресѣкся знаменитый родъ его въ мужескомъ поколѣніи. Но сынъ дочери его, бывшей въ замужествѣ за генераломъ княземъ Волконскимъ, получилъ позволеніе носить его родовое имя и заслужилъ славу и признательность своимъ управленіемъ Саксоніи въ 1814 году.)

Репнинъ былъ небольшаго роста, но гордой, повелительной осанки; умъ сверкалъ въ его пламенныхъ глазахъ. Онъ зналъ большую часть европейскихъ языковъ, преимущественно нѣмецкій, французскій, итальянскій, польскій, и вообще отличался познаніями и большою начитанностью. Горячій, вспыльчивый, гордый, онъ былъ съ другой стороны миролюбивъ, незлопамятенъ и всегда готовъ загладить опрометчивость. Какъ военный человѣкъ, онъ былъ уменъ, образованъ, храбръ, но въ послѣднее время не довольно предпріимчивъ и слишкомъ преданъ прусской тактикѣ. Тѣмъ самымъ Суворовъ и доказалъ свой проницательный военный взглядъ и свой превосходный умъ, что вполнѣ разгадалъ и презрѣлъ мертвый, чрезъ мѣру искуственный механизмъ, который называли прусской тактикой и передъ которымъ лежали ницъ, поверженные въ прахъ, тогдашніе военные люди, въ томъ числѣ и Репнинъ.

(27) Михаилъ Ѳедотовичъ Каменскій, родившійся въ 1738 г. и воспитанный въ кадетскомъ корпусѣ, началъ свою службу въ немъ на 14 году (1754)

кинъ ([28]), *Юрій Долгорукій*———всѣ они были субалтернъ-офицерами, когда я былъ уже штабъ-офицеромъ».

капраломъ; въ 1756 г. произведенъ въ сержанты и переведенъ поручикомъ въ полевой полкъ, а изъ него въ артиллерію. Въ 1758 г. былъ уже капитаномъ, 1758 и 1759 годы онъ провелъ волонтеромъ во французской арміи; затѣмъ участвовалъ въ походахъ русской арміи 1760—61 годовъ. Въ 1762 г. онъ былъ произведенъ въ полковники и генералъ-квартирмейстеръ-лейтенанты, а въ 1767 г., не имѣя еще и 30-ти лѣтъ, въ бригадиры.

Будучи горячаго, суроваго и крутаго нрава, но имѣя проницательный умъ и самъ лично весьма храбрый, онъ пріобрѣлъ въ свое время значительную извѣстность. Фридрихъ II выразился о немъ: «c'est un jeune Canadien, mais assez policé».— Онъ нашелъ доступъ къ великому князю Павлу Петровичу, охотно бесѣдовавшему съ нимъ о военныхъ предметахъ. Въ 1769 г., въ началѣ 1-й турецкой войны, будучи генералъ-маіоромъ, онъ начальствовалъ авангардомъ князя Голицына и участвовалъ въ дѣлахъ этого похода. Послѣ того онъ былъ въ арміи генерала Петра Панина и отличился при штурмѣ Бендеръ (1770), получилъ орденъ св. Георгія Побѣдоносца 3-й степени и въ 1773 г. произведенъ въ генералъ-поручики. Самымъ блистательнымъ для него годомъ былъ 1774, въ которомъ онъ, кромѣ другихъ небольшихъ дѣлъ, одержалъ блистательную побѣду при Козлуджи (одержалъ ее собственно Суворовъ, но приписали ее тогда старшему генералу) и затѣмъ отрѣзалъ великому визирю въ Шумлѣ сообщенія, чѣмъ визирь принужденъ былъ заключить миръ.—Въ 1783 г. Каменскій былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Рязанскимъ и Тамбовскимъ; въ 1784 г. пожалованъ въ генералъ-адъютанты. Въ 1788 г. снова участвовалъ во 2-й турецкой войнѣ и въ декабрѣ 1789 г. одержалъ побѣду при Гангурѣ, но помрачилъ ее жестокимъ опустошеніемъ страны. По смерти Потемкина въ октябрѣ 1791 г., онъ, какъ старшій генералъ, объявилъ свои притязанія на главное начальствованіе арміей, вопреки распоряженію покойнаго, чтобы послѣ него арміей начальствовалъ генералъ Каховскій. Изъ-за этого произошла ссора обоихъ генераловъ, которую императрица рѣшила въ пользу Каховскаго, съ большимъ неудовольствіемъ противъ притязаній Каменскаго, который и получилъ отставку. (Императоръ Павелъ I, по вступленіи своемъ на престолъ, назначилъ Каменскаго, 24 ноября 1796 г., начальникомъ финляндской дивизіи, пожаловалъ ему орденъ св. Андрея-Первозваннаго, а въ день своего коронованія, 5 апрѣля 1797, чинъ генералъ-фельдмаршала и званіе графа; но вскорѣ послѣ того, 24 декабря 1797 г., уволилъ его отъ службы.—Его прежніе подвиги въ турецкой войнѣ, его строгость въ мелочныхъ строевыхъ упражненіяхъ, наконецъ изреченіе Суворова о немъ, снискали ему громкое имя, такъ что въ послѣдствіи, когда понадобилось противупоставить Наполеону способнаго генерала, на него обратили вниманіе и возлагали большія надежды. Однако онъ мало оправдалъ ихъ, а напротивъ, своими безразсудными распоряженіями въ позднее время 1806 г., поставилъ армію на край гибели. Тутъ вполнѣ обнаружилось, въ отношеніи и къ нему, и къ другимъ хваленымъ тактикамъ этого похода, какъ мало существеннаго скрывалось за этой громкой славой, пріобрѣтенной строевыми тонкостями и ученьями! Онъ удалился въ свои помѣстья, гдѣ наконецъ, за свою жестокость, въ 1809 году былъ умерщвленъ собственными крѣпостными людьми. Онъ былъ низенькаго роста, сухаго, но крѣпкаго тѣлосложенія, запальчивый, горячій, честолюбивый и при этомъ въ родѣ чудака. Изъ двухъ сыновей его, младшій, Николай Михайловичъ, блистательно отличился еще при Суворовѣ въ Польшѣ и Швейцаріи, потомъ противъ Наполеона въ Пруссіи въ 1807 г. и наконецъ въ званіи главнокомандующаго въ 1809 г. въ Финляндіи противъ Шведовъ и въ 1810 г. противъ Турокъ, но умеръ въ цвѣтѣ лѣтъ въ 1811 г., разрушивъ тѣмъ всѣ возложенныя на него великія надежды.

(28) Валентинъ Платоновичъ Мусинъ-Пушкинъ родился въ 1735 г., въ 1747 г. на 13-мъ году былъ записанъ въ гвардію; участвовалъ въ семилѣтней войнѣ; въ 1762 г. былъ секундъ-ротмистромъ лейбъ-гвардіи коннаго полка, каммеръ-юнкеромъ, а 7 лѣтъ спустя (1769) дѣйствительнымъ каммергеромъ. Участвовалъ въ Крымскомъ

«Я полевой солдатъ!—восклицаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—нѣтъ военнаго или сопряженно-политическаго театра, въ Херсонѣ я полезенъ, и имѣю на то права больше всѣхъ».

«Въ прежней (турецкой) войнѣ Г.И.Пе.Сол. Г. Ан—мъ (графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ генералъ-аншефомъ) командовалъ первою дивизіею, я командовалъ второю и резервнымъ корпусомъ, Ген.-М—мъ (генералъ-маіоромъ). Подвигъ части Арміи бился при Козлуджи (товарищъ мой бѣжалъ), съ многочисленнѣйшимъ войскомъ, присяжномъ на сенжакъ (санджакъ) шерифѣ, нежели при Мачинѣ, взято 100 знаменъ противъ тамошнихъ 15-ти: тутъ дѣйствовали Рымникскія и Измаильскія войска, но кавалерія была сбита за то, что стояла на воздухѣ. Такъ онѣжъ въ Польшѣ, гдѣ бы одна изъ вѣтренныхъ Арміевъ могла положить ружье. Не собственность моя говоритъ, польза службы! я давно себя забылъ».

«Софизмъ списочнаго старшинства: быть мнѣ подъ его игомъ, быть кошкою каштанною обезьяною, или совою въ клѣткѣ: не лучше ли полное ничтожество?»

Не сводя глазъ съ Репнина, онъ затѣмъ опять пишетъ въ другомъ письмѣ (безъ числа): «Ничто такъ не служитъ къ пониженію моему—какъ К. Н. В. (Репнина) оваженное списочное старшинство, склонное больше къ корпоральскому расчету... Прочіе всѣ мы не скороли будемъ старшинство наше и достоинство разбирать у престола Божія...»

Изъ этихъ различныхъ сужденій видно, какъ глубоко онъ былъ оскорбленъ предпочтеніемъ ему людей, которые никакъ не могли сравниться съ нимъ въ дѣйствительныхъ воѣнныхъ заслугахъ и выше которыхъ онъ стоялъ и самою продолжительностью своей службы,

---

походѣ 1771 г.; въ 1775 году былъ уже генералъ-поручикомъ, а въ 1782 генералъ-анъ-шефомъ и вице-президентомъ военной коллегіи; въ 1786 г. получилъ орденъ св. апостола Андрея Первозваннаго, а въ 1787 назначенъ членомъ верховнаго совѣта. Въ 1788 и 1789 г.г. начальствовалъ войсками въ Финляндіи противъ Шведовъ, но ограничился лишь обороной границы, однако получилъ за это алмазные знаки ордена св. ап. Андрея Первозваннаго, равно и орденъ св. Владиміра 1-й степени, хотя императрица не совсѣмъ была довольна его веденіемъ войны. (Императоръ Павелъ I произвелъ его въ 1797 г. въ генералъ-фельдмаршалы и пожаловалъ ему 4,000 душъ крестьянъ. Онъ умеръ въ 1804 г., въ Москвѣ, 69-ти лѣтъ отъ роду. Онъ былъ человѣкъ кроткій, пріятный, любезный, весьма честныхъ правилъ, но безъ особенныхъ дарованій, болѣе придворный, нежели военный; какъ главнокомандующій же—совершенно ничтожный человѣкъ).

но которые по особой милости возвысились надъ нимъ. Должно быть, что его жалобы были перетолкованы въ дурную сторону, потому что онъ говоритъ въ другомъ письмѣ:

«Зависть: да! 50 лѣтъ въ службѣ, 30 лѣтъ въ безпрестанномъ употребленіи, нынѣ ракъ на мели. Чтожъ? Развѣ абшидъ коли питать клевретовъ.—Старшинство: ему это незнакомо, до сей поры служитъ безъ разчету. Одного того нѣтъ достоинства, знаками сего старѣе другихъ—одолѣть тѣмъ же покоемъ, баталія мнѣ покойнѣе, нежели лопатка извести и пирамида кирпичей».

«Надлежитъ изподволь разогнуться, круто подняться вверхъ. Уже угнѣтенъ, предлежитъ по степенямъ страхъ конечнаго разтоптанія. Изготовся, атакуй честно, разумно и смѣло! Царь жалуетъ, псарь не жалуетъ;

«Стремись душа моя въ восторгѣ къ небесамъ,
«Или препобѣждай отъ козней стыдъ и срамъ».

Дочь его Наталія, выпущенная около этого времени изъ императорскаго воспитательнаго заведенія въ Смольномъ монастырѣ и имѣвшая 16 лѣтъ отъ роду, была предметомъ большой заботливости съ его стороны. Она жила сначала у одной изъ сестеръ Суворова, Маріи Васильевны, бывшей въ замужествѣ за Олешевымъ, а потомъ у своей двоюродной сестры Агриппины, въ замужествѣ Хвостовой, дочери другой сестры Суворова, Анны Васильевны, бывшей въ замужествѣ за княземъ Горчаковымъ въ Москвѣ. Надзоръ надъ дочерью имѣлъ сперва подполковникъ Корицкій, а потомъ онъ былъ порученъ подполковнику Хвостову, какъ мужу ея двоюродной сестры и вмѣстѣ съ тѣмъ довѣренному лицу ея отца.

Императрица въ мартѣ 1791 г. пожаловала его дочь во фрейлины. Это назначеніе, долженствовавшее быть знакомъ ея благоволенія къ старому воину, послужило лишь къ тому, чтобъ умножить его заботы и безпокойства. Онъ страшился за цѣломудріе своей дочери отъ жизни при дворѣ и составлялъ разные планы, какъ бы ее удалить оттуда. Многія изъ его писемъ къ Хвостову посвящены этому предмету. Такъ въ одномъ письмѣ безъ числа онъ говоритъ: «Если вы рѣшили Наташу—во дворецъ:—цѣломудріе, благочестіе, безпраздность, и въ искры проникать».

«По малой мѣрѣ достанется быть у театра въ Ге(Э)рмитажѣ, бѣдная Наташа, не обольстись утѣхами! вы изъ любомудрія и морали просвѣтите благовремянно въ тлѣнной заразѣ сихъ суетъ, гиблющихъ нравы и благосостояніе. Толкуйте иногда въ молитвахъ,

въ псалтири, мораль.—Когда пристойно и расположены, опишите живо нещастіе безнравія сколько знаете и навѣдаетесь, но деликатно и не вдругъ».

Наконецъ, лучше всего ему казалось выдать ее какъ можно скорѣе замужъ. Въ женихахъ недостатка не было. Хотя дочь его не была красавицей и не отличалась особеннымъ умомъ, однако, не смотря на это, знатнѣйшія фамиліи искали сродниться съ знаменитымъ отцомъ, не только имѣвшимъ независимое состояніе, но и обѣщавшимъ еще значительно умножить его своими великими служебными заслугами. Такъ въ перепискѣ этого года видимъ переговоры о бракосочетаніи дочери Суворова, Наталіи, съ однимъ изъ сыновей Николая Ивановича Салтыкова, а когда они не состоялись, то снова съ однимъ молодымъ княземъ Долгорукимъ.

«Наташу пора съ рукъ, выдать замужъ! не глотать звѣзды; довольно ея К. Серг. Ник. Долгорукова, не богатъ—не мотъ, молодъ—чиновенъ, благонравенъ, чтожъ еще скажите? Мнѣ онъ кажется лучше прочихъ, сродники не мѣшаютъ, бѣдности пособлю службою поелику здравствую, благопріобрѣтенное ужъ ей отсулено и укрѣпляю приданымъ! Самъ я безъ того сытъ».

Но Хвостовы съумѣли воспрепятствовать этому дѣлу, представивъ молодаго человѣка неимѣющимъ состоянія, въ долгахъ, а когда это не помогло, то плохимъ христіаниномъ. «Я почитаю ваше возвышеніе, — писалъ Хвостовъ—столько блистательно и законно, что всегда желалъ, имѣя подвигъ быть при графинѣ, и ей учредить по крайней мѣрѣ равное вашей степени состояніе; такихъ жениховъ, какъ сей, дюжины .. Лѣта графини дѣтскія. Я похвалюся, благонравіе всегда внѣ опасности, я въ отвѣтѣ».— И въ позднѣйшемъ письмѣ: «Графиня вамъ не можетъ быть бремя и препоною. Большее бремя, сохрани Боже, ея несчастіе. Я доказалъ вамъ, что онъ низокъ женихъ; сверхъ того не мое правило чернить никого—извольте узнать его поведеніе, благонравіе. Вѣра къ Богу, первѣйшее всего. Знаетъ ли онъ ее?» (Къ этому приписка Суворова: «Что жъ за чертъ или чертенокъ?»)

Это внушеніе подѣйствовало—и съ тѣхъ поръ уже не было болѣе рѣчи объ этомъ молодомъ человѣкѣ, какъ о женихѣ. Являлись и другіе, но, какъ увидимъ, Хвостовы своимъ вмѣшательствомъ воспрепятствовали и имъ, пока не устроили наконецъ брачнаго союза по своему желанію.

Въ заключеніе мы хотимъ привесть здѣсь еще нѣсколько писемъ

стараго и суроваго военнаго героя къ своей дочери, доказывающихъ всю нѣжность чувствъ и искренность любви его.

«Душа моя Наташа! Божіе благословеніе съ тобою. Будь благочестива, благонравна и убѣгай праздности. Благодарю тебя за письмо съ дядюшкою; тетушкѣ кланяйся. Какъ будто бы мое сердце у тебя покинулъ! (*) Ай-да здѣсь у насъ великое катанье на водѣ, въ лѣсу, на каменныхъ горахъ, и много очень хорошихъ вещей, рыбы, дикихъ птицъ, цвѣтовъ, маленькихъ цыплятъ. Какъ нашъ колдунъ подполковникъ Бееръ пріѣхалъ въ гости, то и время теперь хорошее: поютъ ласточки, соловьи и много птицъ. Мы вчера кушали на острову; завтра хочемъ плавать въ Нѣмецкую обѣдню; а тамъ пойдемъ далеко; я вездѣ буду тебя за глаза цѣловать. Кланяйся Софьѣ Ивановнѣ и Маргаритѣ Яковлевнѣ. Какъ пойдешь куда гулять и придешь назадъ домой и будешь скакать дома, то помни меня, какъ я тебя помню».

И опять *отъ 11 іюня 1791 г.*: «Ай-да душа моя Наташа, поѣзжай на корабликѣ, то-то тамъ весело кататься и вездѣ тамъ кошечки, какихъ же у насъ ловятъ прекрасныхъ лососей живыхъ, я въ пятницу пишу, а ты въ пятницу хотѣла поѣхать къ графинѣ Натальѣ Володимировнѣ, вотъ приходитъ въ одинъ день, и въ самый тотъ часъ какъ ты гдѣ нибудь кушаешъ, и мнѣ пора кушать, много писалъ, глаза будто въ стеклышкахъ, что на носъ надѣваютъ. Божье благословеніе съ тобою! Поцѣлуй за меня тетушку».

И *отъ 7 сентября*: «Сего числа въ темнѣйшую полночь выступилъ я къ Рымнику, отъ чего и ты Наташа Рымникская, я весьма благодарствую, что ты твоему бѣдному офицеру отдала для гостинца, ежели послѣ такъ будешь думать и дѣлать, то Богъ тебѣ станетъ давать два гостинца».

И *въ концѣ 1791 г.*: «Наташа! ахъ Боже мой, какъ я скучалъ что тебя долго не вижу. Ахъ Боже мой, какъ я радъ буду, что тебя увижу и ты стала больше велика. Молись Богу, то тебя и увижу».

Письма дочери представляютъ менѣе занимательности, потому что не заключаютъ въ себѣ ни мыслей, ни содержанія, и почти всѣ одинаковой формы. Вотъ два для примѣра. Суворовъ купилъ для нея новое имѣніе Ундалъ. Въ благодарность за то, дочь писала къ нему: «Милостивый государь батюшка! имѣю честь васъ благодарить, за всѣ ваши ко мнѣ милости. Я слава Богу здорова. Цѣлую ваши

(*) Прекрасное выраженіе! (Редак.). «Такъ говоритъ нѣжнѣйшая любовь, такъ говорилъ Суворовъ». (С. Н. Глинка, Жизнь Суворова и пр.).

ручки и остаюсь навсегда ваша послушнѣйшая дочь Г. Н. Суворова-Рымникская».—Приписка Суворова: «Имѣю честь васъ благодарить, сестрица Наташа, за вашу благодарность. Цвѣти и рости въ благочестіи, постоянствѣ и благонравіи».

Въ первой половинѣ видна иронія. Впрочемъ въ такомъ родѣ и очень наивны всѣ письма дочери. Вотъ еще одно: «Милостивый государь батюшка! Пріѣзжайте поскорѣе (Суворовъ: «неправда»), я очень скучаю безъ васъ (Суворовъ: «и мнѣ тожъ»). Батюшка Петра Григорьевича послалъ варенья, я съ вами передѣлилася (Суворовъ: «мнѣ не чѣмъ, спасибо, Богъ съ тобою!»). Остаюсь навсегда ваша послушнѣйшая дочь Г. Н. Суворова Рымникская». (*)

Вотъ неизмѣнная форма ея многочисленныхъ писемъ или скорѣе приписокъ къ письмамъ Хвостова, этого времени; онѣ состоятъ большею частію изъ трехъ фразъ : «Милостивый государь батюшка!,» «я слава Богу здорова» и» «цѣлую ваши ручки;» затѣмъ опять: «Милостивый государь батюшка, ваша покорнѣйшая дочь» и наконецъ полный титулъ: «Графиня Наталья Суворова Рымникская.» Изъ этой формы она не выходитъ.

Въ заключеніе приводимъ еще нѣсколько набросанныхъ имъ замѣтокъ, какъ указаніе на занимавшія его въ это время мысли и чувства. «Что вы это затѣяли? пишетъ онъ на одномъ листкѣ, (**) прошлаго года я считалъ князя Григорія Александровича Потемкина у себя по пятамъ... На что мое достоинство поручать зависимости? Искуство не можетъ терпѣть порабощенія... Ужели изъ угодности къ бабушкину старшинству? Но я имѣю законное старшинство лѣтами, вступленіемъ въ службу и самою службою. *Діалектику* (***) уступаю вашимъ деньщикамъ... Имъ бы надобно успокоиться, видя меня поравненнаго съ ихъ *побочными талантами*, а не кричать въ чертогахъ!» — Подъ «побочными талантами» этихъ господъ онъ

(*) Приписка сестры Суворова: «батюшка братецъ графъ Александръ Васильевичъ, мы всѣ здоровы, прошу Бога, чтобы Богъ сохранилъ твое здоровье, остаюсь покорная и благодарная сестра твоя Марья Одешева». Съ боку: «цѣлую твои руки». (Суворовъ: «и я твои секретно»).

(**) Въ Жизни Суворова и пр. С. Н. Глинки приведенная здѣсь замѣтка принадлежитъ къ письму, писанному въ 1792 году, по поводу тогдашнихъ произшествій во Франціи, и названному Суворовымъ грезою или сновидѣніемъ.

(***) Діалектикой (словопреніе или искуство пренія) онъ называлъ здѣсь страсть спорить о старшинствѣ.

ѣдко подразумѣвалъ военное искуство, тогда какъ главнымъ искуствомъ ихъ была гибкая придворная служба.

Еще читаемъ на лоскуткѣ бумаги, въ видѣ набросанныхъ мыслей: «Кто возвышается, угрожаетъ стоящимъ на верху униженіемъ; поэтому они стараются удержать его внизу, унизить его дарованія. Если имъ удастся, то они не допускаютъ на верхъ взбирающагося туда и смѣются надъ его заслугами. Приверженецъ партіи только тогда сходится съ истиннымъ патріотомъ, когда того требуетъ его личная выгода, иначе оба всегда далеко расходятся, какъ двѣ параллельныя линіи (*).»

Но что дѣлаетъ честь сердцу Суворова, такъ это слѣдующая черта. Мы видѣли выше, какъ строго онъ судилъ о Репнинѣ, въ возмездіе за надменныя сужденія послѣдняго о немъ. Подъ конецъ года онъ узналъ о его болѣзни, преувеличенной молвою. Онъ тотчасъ раскаялся въ рѣзкихъ словахъ своихъ и, смягчивъ тонъ, написалъ Хвостову: «К. Н. В. Р. (Репнинъ) слышу боленъ и жалѣю, что о немъ выше строго судилъ, персонально я ему усерденъ, но для общаго блага быть такъ это истинно. Не ему ли губерніи покойнаго? по сему званію имъ были (бы) довольны и онъ ихъ управить можетъ. Способенъ ли будетъ тамъ для отвѣсу факціевъ (партій?).»—Изъ этого видно, что онъ желалъ удаленія Репнина отъ начальствованія арміею (въ чемъ тотъ заграждалъ ему дорогу) и охотно видѣлъ бы его занятымъ въ иномъ мѣстѣ и инымъ дѣломъ.

Наконецъ мы хотимъ сообщить еще одно замѣчательное письмо, дѣлающее равную честь какъ писавшему, такъ и получившему его: писавшему—за ту благородную откровенность, съ которою онъ говоритъ непріятныя истины, а получившему—за то, что ему можно было говорить такія истины, не раздражая его чувствительнымъ образомъ. Получившій письмо былъ Суворовъ, писавшій его—подполковникъ баронъ Сакенъ, въ послѣдствіи графъ и князь, знаменитый какъ способный полководецъ и фельдмаршалъ ([29]).

(*) Переводъ съ нѣмецкаго, потому что подлинника не отыскано.

(29) Баронъ (потомъ графъ и князь) Фабіянъ Виллимовичъ фонъ-деръ Остенъ-Сакенъ происходилъ отъ курляндской баронской фамиліи и родился въ Ревелѣ 20-го октября 1752 г. Отецъ его былъ капитаномъ и адъютантомъ Миниха, по паденіи котораго переведенъ въ ревельскій гарнизонъ, гдѣ въ томъ же чинѣ оставался до смерти своей въ 1754 г.—Находившаяся въ бѣдности вдова его не могла дать приличнаго воспитанія сыну, который однако пріобрѣлъ его въ послѣдствіи собствен-

à Pétersbourg ce 11 Août 1791.

Monsieur le Comte! La Comtesse (дочь Суворова) demeure avec sa cousine, et cela passe autant que la cour n'est pas ici; mais aussitôt qu'elle revienne, il n'y a aucune raison à donner pour la retenir. Vous connaissez les couleurs, sous lesquelles vos ennemis avaient peint votre démarche, lorsque vous la redemandiez. L'amour-propre est une chose délicate et vous sa-

---

ми усиліями и стараніями. Въ 1766 г., 14-ти лѣтъ отъ роду, онъ поступилъ подпрапорщикомъ въ Копорскій полкъ; въ 1769 г., при открытіи 1-й войны съ Турками, былъ сержантомъ и за отличіе въ этомъ походѣ произведенъ въ прапорщики. Затѣмъ онъ былъ переведенъ въ Нашебургскій полкъ въ Польшу, гдѣ впервые вошелъ въ сношеніе съ Суворовымъ и образовалъ изъ себя дѣльнаго человѣка. Будучи прикомандированъ въ качествѣ ординарца къ русскому посланнику въ Варшавѣ, графу Штакельбергу, проворствомъ и расторопностью своими онъ пріобрѣлъ его благоволеніе и оставался долгое время при немъ. Тутъ, въ сношеніяхъ съ этимъ умнымъ дипломатомъ, и собственнымъ, ревностнымъ самообразованіемъ, онъ положилъ основаніе своему умственному развитію. Въ 1777 г. онъ былъ переведенъ капитаномъ въ Угличскій полкъ, а въ 1785 г., какъ образованный и отличный офицеръ, знавшій въ совершенствѣ службу—наставникомъ въ кадетскій корпусъ.—Здѣсь онъ въ 1786 г. былъ произведенъ въ маіоры, и подполковникомъ переведенъ въ Московскій гренадерскій полкъ. Въ 1789 г. онъ перешелъ въ Ростовскій полкъ и съ нимъ поступилъ снова подъ начальство Суворова, участвовалъ въ его походахъ и такъ отличился при штурмѣ Измаила, что обратилъ на себя особенное вниманіе и благоволеніе Суворова. Рано сойдясь съ старымъ героемъ, онъ умѣлъ при всякомъ случаѣ увеличивать уваженіе его къ себѣ.—Въ польской войнѣ 1794 г. онъ служилъ подъ начальствомъ Кнорринга въ Литвѣ и своею храбростью заслужилъ тутъ знаки отличія и полковничій чинъ.—По вступленіи на престолъ Императора Павла I, въ 1797 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ шефомъ Екатеринославскаго гренадерскаго полка, а вскорѣ послѣ того (11 іюля 1799) въ генералъ-лейтенанты. Онъ совершилъ швейцарскій походъ 1799 г. подъ начальствомъ Римскаго-Корсакова, оказалъ при Цюрихѣ опыты необыкновенной храбрости, но ни этимъ, ни своими разумными совѣтами, которыхъ не послушались, не могъ отвратить пораженія Римскаго-Корсакова. Тяжело раненый въ голову и перенесенный обратно въ Цюрихъ, онъ попалъ тутъ въ плѣнъ къ Французамъ. До чиста ограбленный ими, онъ былъ отправленъ въ Нанси и сверхъ того, какъ и всѣ плѣнные, исключенъ императоромъ изъ службы. Наконецъ, возвратясь въ 1801 г. изъ плѣна и вновь опредѣленный въ службу, онъ получилъ назначеніе охранять берега Балтійскаго моря отъ флота Нельсона. Война 1806 г. снова вызвала его на театръ военныхъ дѣйствій: начиная съ сраженія при Пултускѣ, онъ участвовалъ съ отличіемъ въ большей части дѣлъ, пока не поссорился съ Беннигсеномъ, приписавшимъ ему неудачу своего предпріятія противъ Нея при Гутштадтѣ. Онъ былъ преданъ военному суду и провелъ въ крайней нуждѣ пять тяжкихъ лѣтъ въ Петербургѣ.—Въ 1812 г. онъ снова получилъ назначеніе и начальство надъ резервнымъ корпусомъ на Волыни, а потомъ надъ бывшимъ передъ тѣмъ корпусомъ Каменскаго.—Когда Чичаговъ двинулся къ Березинѣ, Сакенъ долженъ былъ при

vez ménager même celui des particuliers. D'ailleurs l'homme, qui pouvait vous donner de l'ombrage (Потемкинъ), n'est plus ici. Mon avis est donc, qu'il faut agir avec la plus grande délicatesse, et que le jour que l'Impératrice rentre en ville, la Comtesse soit déja à la cour.

La paix ([30]) est sûre, et on parle déja du voyage de la cour pour la célébrer à Moscou. Cette occasion ne serait-elle pas la plus heureuse que toutes celles qu'on aurait pû imaginer, pour faire rester la Comtesse là-bas? Toutes les convenances seraient gardées et son innocence mise à jamais à l'abri de toute atteinte.

M-r Tausakoff est réellement malade; il est allé à 30 verstes d'ici pour se rétablir. J'avoue que votre maison ([31]) n'est pas un endroit, où l'on respire un air sain. Elle réunit plusieurs désagrèmens avec la plus grande malpropreté. Je sais, M-r le Comte, que votre modestie naturelle vous a fait préférer les cabanes des paysans aux palais des Princes. Un grand homme brille par ses vertus. Mais je connais aussi le cas que vous faites de la propreté; elle est l'emblême de la pureté de vos moeurs. Voulez-vous.

Брестѣ-Литовскомъ прикрывать его наступленіе отъ Шварценберга. Онъ имѣлъ 18,000 ч., а по соединеніи съ Эссеномъ 3-мъ 27,000 ч., между тѣмъ какъ Шварценбергъ съ Ренье считали у себя болѣе 40,000 ч. Узнавъ, что послѣдніе пошли вслѣдъ за Чичаговымъ къ Слониму, онъ поспѣшилъ за ними, дабы либо разбить ихъ порознь, либо отвлечь отъ Чичагова, отъ безпрепятственнаго движенія котораго въ тылъ Наполеону зависѣлъ весь успѣхъ войны.—Онъ одержалъ побѣду надъ Ренье 1-го и 2-го ноября при Волковискѣ, но вслѣдъ затѣмъ 4-го былъ опрокинутъ обратившимся противъ него Шварценбергомъ и вынужденъ отступить къ Бресту.—Въ послѣдствіи онъ участвовалъ въ побѣдномъ шествіи чрезъ Германію; занялъ Варшаву, покорилъ 25 марта (6 апрѣля) 1812 г. Ченстоховъ, вытѣснилъ Понятовскаго изъ Кракова въ Галицію и присоединился къ главной арміи въ Германіи.—Послѣ перемирія онъ начальствовалъ однимъ изъ русскихъ корпусовъ въ арміи Блюхера, много содѣйствовалъ побѣдѣ при Кацбахѣ, участвовалъ въ сраженіи при Лейпцигѣ, гдѣ произведенъ былъ въ генералы отъ инфантеріи; но особенно отличился въ 1814 г. во Франціи, въ жаркомъ сраженіи при Ла-Ротьерѣ (Бріеннѣ) 1-го февраля и въ невыгодномъ боѣ при Монмиралѣ и далѣе до окончанія похода, когда былъ назначенъ губернаторомъ Парижа.—По смерти Барклая въ маѣ 1818 г., онъ былъ назначенъ главнокомандующимъ 1-й арміи, сначала въ Могилевѣ, а потомъ въ Кіевѣ; въ 1821 г. пожалованъ въ графы, въ 1826 произведенъ въ генералъ-фельдмаршалы. Во время польскаго возстанія 1830—31 г. онъ усмирилъ волненія въ Волыніи и Подоліи; въ 1832 г. былъ возведенъ въ россійское княжеское достоинство, а въ 1835 г. уволенъ отъ начальствованія арміей (по случаю упраздненія оной). Умеръ 84 лѣтъ отъ роду, 7 (19-го) апрѣля 1837 г. въ Кіевѣ.

(30) Avec la Porte (приписка къ письму Сакена).

(31) Домъ Суворова въ Петербургѣ находился въ 3-й части, на Крюковомъ каналѣ, противъ Никольскаго рынка (2-й домъ отъ угла) (Авторъ).—Въ послѣдствіи принадлежалъ вышеупомянутому племяннику Суворова, графу Димитрію Ивановичу Хвостову; нынѣ № 21, перешелъ къ постороннимъ владѣльцамъ (Ред.).

qu'on dise, que vous ne souffrez des choses si contraires à votre caractère, que parce qu'elles vous coutent peu?

On vous charge de nouveaux ouvrages, parcequ'on est charmé de trouver un homme, qui s'en acquitte si bien et à si bon marché. Ce ne sont que des précautions lointaines et nullement amenées par la probabilité d'une nouvelle guerre; mais si on loue votre désintéressement, on vous donne aussi des torts, de ce que vous ne payez pas les soldats. J'ose vous rappeler ici ce proverbe allemand, dont on est pénêtré du bout du monde à l'autre, depuis la cabane jusqu'au trône: «Umsonst hat man nur den Tod». Votre justice, votre générosité doivent être blessées à entendre dire, que vous voulez vous faire mérite aux dépens de ceux, qui vous servent d'instruments.—M-r le comte Soltykow m'a reçu avec bonté et m'a promis sa protection; il faut en attendre le résultat. Tel qu'il soit, je suis toujours pénêtré de vos intentions bienfaisantes et j'ai l'honneur d'être avec les sentiments de respect et d'attachement, dont ma franchise fait foi, M-r le Comte, de Votre Excellence etc.

Переводъ.

Петербургъ, 11 августа 1791 года.

Ваше Сіятельство!—графиня (дочь Суворова) живетъ у своей двоюродной сестры, и это идетъ еще пока двора здѣсь нѣтъ; но какъ только онъ воротится, нѣтъ никакой причины удерживать ее. Вы знаете, какими красками Ваши враги изобразили поступокъ Вашъ, когда Вы просили взять ее отъ двора. Самолюбіе — щекотливо, а Вы умѣете щадить его даже въ частныхъ лицахъ. Да и того, который могъ дать Вамъ поводъ къ опасенію (т. е. Потемкина), здѣсь уже нѣтъ. И такъ, по моему мнѣнію, нужно дѣйствовать съ величайшею деликатностью и чтобы въ тотъ самый день, когда императрица воротится въ городъ, графиня была уже при дворѣ.

Миръ (съ Портою) — дѣло вѣрное, и говорятъ уже о путешествіи двора въ Москву, для празднованія мира. Этотъ случай не самый-ли счастливый изъ всѣхъ, какихъ ни придумать, чтобъ оставить графиню тамъ? Всѣ приличія были бы соблюдены, а цѣломудріе ея—навсегда избавлено отъ всякой опасности.

Г. Тоузаковъ дѣйствительно боленъ; онъ уѣхалъ за 30 верстъ отсюда, для выздоровленія. Признаюсь, что Вашъ домъ не таковъ, чтобъ въ немъ можно было дышать чистымъ воздухомъ. Онъ соединяетъ въ себѣ многія неудобства съ величайшею нечистотой. Я знаю, что природная скромность В. С. заставила Васъ предпочесть

крестьянскія хижины царскимъ чертогамъ. Великій человѣкъ сіяетъ своими добродѣтелями. Но я знаю также, какъ вы уважаете чистоту: она — вѣрный образъ чистоты Вашего нрава. Хотите-ли же, чтобъ говорили, будто Вы терпите столь противныя Вашему характеру вещи только потому, что онѣ немного стоютъ Вамъ?

Вамъ поручаютъ новыя работы, потому что весьма рады найти человѣка, который исполняетъ ихъ такъ хорошо и дешево. Это — лишь отдаленныя предосторожности, нимало не происходящія отъ вѣроятности новой войны; но если хвалятъ Ваше безкорыстіе, то и обвиняютъ Васъ, что Вы не платите солдатамъ. Смѣю припомнить Вамъ здѣсь ту нѣмецкую пословицу, въ истинѣ которой убѣждены всѣ отъ края до края свѣта, отъ хижины до престола: «Даромъ достается только смерть».—Ваша справедливость, Ваше великодушіе должны оскорбляться слухами, будто Вы хотите оказать заслуги на счетъ тѣхъ, которые служатъ Вамъ орудіями.—Графъ Салтыковъ принялъ меня благосклонно и обѣщалъ мнѣ свое покровительство; нужно ждать результата онаго. Каковъ бы онъ ни былъ, я всегда увѣренъ въ Вашихъ благодѣтельныхъ намѣреніяхъ и имѣю честь быть съ чувствами уваженія и преданности, порукою которыхъ моя откровенность, Вашего Сіятельства и пр.

Въ заключеніе, какъ рѣдкость, приводимъ еще указаніе тѣхъ газетъ и журналовъ, которые Суворовъ получалъ въ своемъ уединеніи въ Финляндіи. Онъ писалъ по этому поводу Сакену отъ 2 ноября 1791 года: «Баронъ Фабіянъ Вильмовичъ! Я держалъ газеты нѣмецкія, Гамбургскія, Вѣнскія, Берлинскія, Эллангерь (Эрлангенскія): французскія, Бареинъ (Bas-Rhin), курье де Лондъ (Courrier de Londres): варшавскія польскія: Санктпетербургскія или Московскія Русскія; Французской малой журналъ Анциклопедикъ дебульонъ (Journal encyclopédique de Bullion), нѣмецкой Гамбурской политической журналъ.—Какъ годъ въ исходѣ и надлежитъ заказать на будущій новые, то покорно прошу вашего высокоблагородія принять сей трудъ на себя съ тѣмъ—неизволите ли вы прибавить нувель экстраординеръ (Nouvelles extraordinaires). И по всѣмъ симъ вышеозначеннымъ газетамъ тѣли благопріимите или опредѣлите держать какія иныя—отдаюсь на вашу волю во всей моей покорности. Тако уже извольте заказать, хотя съ задаткомъ какъ водится, и меня о всей цѣнѣ увѣдомить для немедленной отъ меня заплаты денегъ.»

ВТОРОЙ ОТДѢЛЪ.

ПОЛЬСКІЯ ДѢЛА ДО 1788 ГОДА.

Введеніе.—Государственное устройство Польской республики.—Три основные недостатка его.—Планъ Станислава къ возвышенію своей страны.—Характеръ Поляковъ.—Неблагопріятныя для націи обстоятельства.—Три сосѣда.—Попытки къ преобразованію государственнаго устройства.—Опѣ разстроиваются Пруссіей и Россіей.—Дѣло диссидентовъ.—Сеймъ 1766 года.—Радомская конфедерація 1767 года.—Новое утвержденіе конституціи 1768 года.—Первый раздѣлъ Польши.—Общія замѣчанія.—Новая конституція 1775 года.—Безсмѣнный совѣтъ.—Состояніе финансовъ.—Торговля и промышленность.—Военное устройство.—Политика, юстиція, полиція.—Учебно-воспитательная часть.—Искуства и науки.—Процвѣтаніе націи.

И такъ, прошелъ 1791 годъ, и совершенно иначе, нежели надѣялся Суворовъ при его началѣ. Подвигъ, который долженъ былъ открыть передъ нимъ болѣе свободное поприще, напротивъ совершенно закрылъ ему и прежнее, ограниченное, и бросилъ его на новое, непріятное ему. Могущественный виновникъ того уже скончался, и однако все никакой перемѣны! Человѣкъ, созданный для дѣятельности, быстрый покоритель крѣпостей, долженъ былъ продолжать—строить крѣпости. Мучительно возмущался онъ отъ этого духомъ.

Начался новый, замѣчательный годъ, который долженъ былъ сообщить первое движеніе къ преобразованію Европы: на западѣ — въ слѣдствіе политическаго переворота во Франціи и начинавшейся всемірной войны ея; на востокѣ—въ слѣдствіе Тарговицской войны въ Польшѣ и проложенія пути къ второму раздѣлу.—Новая война, новая надежда быть употребленнымъ въ дѣло! Суворовъ ожилъ духомъ,—тщетно! Другіе полководцы выступили на поприще войны, а онъ остался въ своемъ изгнаніи.

Враги императрицы, одинъ за другимъ, должны были уступать ея перевѣсу: сначала, въ 1790 году, Шведскій король, съ наибольшею выгодой, потому что уступилъ первый; 1791 годъ былъ свидѣтелемъ смиренія Турокъ и подчиненія ихъ предписанному имъ ми-

ру. Новому 1792 году суждено было видѣть строгое наказаніе Поляковъ за ихъ наглые вызовы и оскорбленія, за ихъ дерзкое и гордое возстаніе противъ русской Самодержицы въ то время, когда она была занята Турками и Шведами. Ибо ничто не прощается труднѣе недоброжелательства, выказаннаго намъ въ нашихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, и, наоборотъ, ничто не возбуждаетъ такой благодарности, какъ дружеская услуга, оказанная въ то время, когда нельзя ни надѣяться на нее, ни вознаградить за нее. Поляки оскорбили императрицу въ теченіе послѣднихъ трудныхъ годовъ самымъ чувствительнымъ образомъ, тѣмъ чувствительнѣе, что государыня, по наружности, должна была казаться равнодушною къ нимъ; но минута отмщенія настала и ею не преминули воспользоваться.

Такъ какъ польскимъ дѣламъ суждено было послужить поводомъ и поприщемъ къ достиженію Суворовымъ всемірно-исторической славы, такъ какъ никакія другія дѣла не были до такой степени искажены ненавистью партій и ложью, то мы подольше остановимся на нихъ и въ сжатомъ изложеніи представимъ, какъ Польша въ теченіе послѣднихъ лѣтъ падала все глубже и глубже, пока наконецъ не изчезла совершенно изъ ряда государствъ.

Станиславъ Понятовскій былъ избранъ королемъ Польши содѣйствіемъ императрицы Екатерины: въ этомъ таился зародышъ всѣхъ несчастій его жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ поводъ къ паденію его государства.

Рѣдко случалось, чтобы польскую корону носилъ болѣе доброжелательный, мудрый и лучшій король, а между тѣмъ, печальная участь! никогда ни одинъ король не былъ болѣе его преслѣдуемъ, затрудняемъ въ своихъ дѣйствіяхъ и ненавидимъ ослѣпленными подданными, никогда ни одного не понимали такъ ложно, ни на одного не взводили столько хулы и клеветъ ядовитыя и желчныя перья туземныхъ и иностранныхъ писателей.

Когда Станиславъ Августъ, вслѣдствіе рѣшительнаго вліянія Россіи, поддержаннаго и Пруссіею, былъ возведенъ, 7-го сентября 1764 г., на польскій престолъ, ему было 32 года отъ роду, онъ получилъ тщательное воспитаніе, много путешествовалъ, близко узналъ Германію, Францію, Англію и Россію, а въ обхожденіи съ двумя мудрыми дядями своими, великимъ канцлеромъ Михаиломъ и русскимъ гетманомъ Августомъ Чарторыйскими, получилъ политическое образованіе и близко ознакомился съ государственнымъ устройствомъ своей страны.

Онъ обладалъ благороднымъ честолюбіемъ и вступилъ на пре-

столъ съ твердымъ намѣреніемъ (которое поддерживали его мудрые дяди) извлечь Польшу изъ той грязи и тины, въ которой она лежала, и возвесть ее на степень уважаемаго и заслуживающаго уваженіе государства. Но тутъ-то (и въ этомъ и заключается высокотрагическая сторона его судьбы) онъ встрѣтилъ безуміе, подозрительность и безразсудство своего народа (*), насильственныя вмѣшательства, хитрую политику и властолюбіе своихъ сосѣдей, и подъ конецъ, уже приблизившись къ цѣли, долженъ былъ пасть передъ совмѣстнымъ дѣйствіемъ этихъ соединенныхъ силъ и погибнуть вмѣстѣ съ государствомъ, которое хотѣлъ возвысить.

Чтобы легче понять, какъ все это произошло, намъ нужно ближе разсмотрѣть четыре обстоятельства:

Во-первыхъ: положеніе, въ которомъ находилась Польша, когда Станиславъ Августъ вступилъ на престолъ,—или *исходную точку* его дѣятельности.

Во-вторыхъ: планъ, составленный имъ для преобразованія своей страны и своего народа,—или *его цѣль*.

Въ-третьихъ: что̀, при выполненіи этого плана, главнѣйше преграждало ему путь къ цѣли,—или *препятствія*.

Въ-четвертыхъ: образъ дѣйствій его для приведенія своего плана въ исполненіе, или *историческій ходъ* , т. е. различныя измѣненія обстоятельствъ, успѣхи, результаты и наконецъ неудача, по собственной и чужой винѣ, въ то самое время, когда и онъ, и нація полагали себя уже достигшими пристани.

При этомъ мы будемъ имѣть случай замѣтить, какъ всѣ мудрыя и хорошо-разсчитанныя мѣры, исходившія отъ него, уничтожались и отмѣнялись сопротивленіемъ, легкомысліемъ, своенравіемъ, опрометчивостію и полнѣйшимъ отсутствіемъ разсудка въ его народѣ.

Поэтому мы подлинно имѣемъ право назвать его участь трагическою, видя, какъ, при благородныхъ намѣреніяхъ, онъ боролся съ судьбою и долгое время съ умомъ, настойчивостью и искуствомъ велъ эту борьбу, но постоянно встрѣчалъ затрудненія и препятствія со сто-

---

(*) Народъ, націю въ Польшѣ составляли, по собственнымъ же словамъ Смитта во 2-мъ отдѣлѣ I части его сочиненія, только высшія сословія народныя: высшее духовенство, дворянство высшее и низшее, и королевскіе министры и высшіе сановники;—горожане же и особенно крестьяне не имѣли политическихъ правъ и не считались въ составѣ націи или народа —Слѣдовательно, развѣ можно сказать, что Станиславъ Августъ встрѣтилъ противудѣйствіе со стороны своего народа? — Это замѣчаніе — общее для всего нижеизложеннаго (Редак.).

роны тѣхъ, которымъ онъ и которые ему должны были помогать, пока и онъ, и его народъ (послѣдній—не безвинно) не пали подъ ударами судьбы.

Discite justitiam moniti, nec temnere divos! (1)

Когда Станиславъ сдѣлался главою польской республики, она имѣла нижеописанное государственное устройство, носившее въ себѣ самомъ зародышъ погибели, такъ какъ высшими, основными началами его были себялюбіе и произволъ. Каждый видѣлъ государство только въ себѣ, а не себя въ государствѣ, ничего не хотѣлъ уступать цѣлому государству, но все хотѣлъ получать отъ него, не хотѣлъ жертвовать ни малѣйшею частицей своей личной свободы, ниже вносить малѣйшей лепты изъ своего достоянія для поддержанія цѣлаго государства. Поэтому, на всемъ государствѣ лежала печать необузданности и безсилія. Дворянинъ, смотря по мѣрѣ своего могущества, дѣлалъ все, что̀ хотѣлъ, и не признавалъ надъ собою никого, даже и закона.

Въ массѣ, въ толпѣ людской господствуетъ грубое лжеразумѣніе слова *свобода*: она видитъ въ немъ только необузданность и отсутствіе закона. Свобода есть право выбора между двумя предметами; но, чтобы рѣшать выборъ, должно имѣть побудительную къ тому причину, и, смотря по свойству этой причины, свобода нашего выбора будетъ либо разумною, либо неразумною. Но лишь одну разумную свободу можемъ назвать истинною, неразумную же—насиліемъ произвола и вожделѣнія. Какъ существа духовнаго свойства, мы имѣемъ право выбора только между двумя вещами: закономъ разума и влеченіями чувственности и похоти. Кто слѣдуетъ послѣднимъ, тотъ не есть свободный человѣкъ, онъ зависитъ отъ минутныхъ причудъ и вожделѣній своей чувственности; только тотъ, въ чьей груди глубоко начертанъ законъ нравственный, высшій законъ разума, кто ему одному послѣдуетъ при всѣхъ приманкахъ чувственности—только тотъ одинъ разумно-свободенъ, или просто свободенъ, потому что только одна разумная свобода есть свобода истинная. Тѣмъ именно онъ и доказываетъ свою свободу, что при

---

(1) Въ вольномъ переводѣ это значитъ: «Съ осторожностію научайтесь (умѣренности и) справедливости, учитесь не презирать боговъ;» (точнѣе: «съ осторожностію научайтесь поступать справедливо; о, научайтесь не презирать боговъ!»).

выборѣ умѣетъ тяжелый, суровый долгъ предпочесть заманчивымъ, прельщающимъ порокамъ. Какъ члену цѣлаго государства (2), человѣку точно также предоставленъ выборъ между законами государства и приманками произвола, себялюбія и всѣхъ, проистекающихъ изъ нихъ, низкихъ страстей. И тутъ также мы можемъ назвать свободнымъ человѣкомъ лишь *того*, который всегда умѣетъ слѣдовать предписаніямъ долга, справедливости и закона, вопреки порывамъ и стремленіямъ враждебныхъ похотей и вожделѣній, которыя наконецъ приводятъ къ преступленію. Только разумъ и законъ могутъ руководить имъ и давать ему направленіе: только корабль съ компасомъ и рулемъ (разумъ и законъ) имѣетъ вѣрный и твердый ходъ; безъ нихъ, предоставленный на произволъ всѣхъ вѣтровъ и морскихъ теченій, онъ вѣчно будетъ носиться туда и сюда, пока не разобьется о подводные камни. Поэтому, самый свободный человѣкъ, самый свободный народъ всегда бываетъ и самый послушный долгу и закону, потому что они служатъ путеводными звѣздами его дѣйствій. Такіе люди и народы идутъ вѣрнымъ, твердымъ и прямымъ путемъ, между тѣмъ какъ народъ, движимый необузданнымъ произволомъ, колеблется то туда, то сюда, то впередъ, то назадъ, сегодня разрушаетъ то, что̀ создалъ вчера, а завтра снова преслѣдуетъ иныя утопіи и мечты, всюду безъ компаса и руля, и потому безъ вѣрнаго, правильнаго хода. И такъ, хотите сдѣлать народы политически-свободными? сдѣлайте ихъ сначала нравственно-свободными, научите ихъ предпочитать предписанія долга приманкамъ чувственности, пріучите ихъ къ самообладанію и къ повиновенію правдѣ и закону — и вы можете быть увѣрены, что они тогда не употребятъ во зло и политической свободы.

Ничего этого не было въ Польшѣ, и польскій народъ погибъ, потому что произволъ и необузданность признавалъ за свободу, между тѣмъ какъ они всегда, рано или поздно, приводятъ къ погибели и паденію.

Польша была республикой, скроенной на старинный образецъ: она состояла изъ малаго числа дворянъ и большаго числа рабовъ (3).

---

(2) Мы не имѣемъ здѣсь въ виду того, что̀ называется политическою свободою и подъ чѣмъ разумѣется извѣстная доля участія въ управленіи государствомъ, хотя бы она состояла только въ подачѣ голоса при выборѣ должностныхъ лицъ и народныхъ представителей.

(3) Такъ какъ въ то время въ Польшѣ менѣе всего помышляли о статистическихъ таблицахъ, то трудно опредѣлить точное число дворянъ; показанія колеблются

Всѣ дворяне были равны между собою, оборванецъ безъ рубашки, съ соломою въ сапогахъ вмѣсто чулокъ (4), точно также какъ и владѣлецъ тысячъ рабовъ, одѣтый въ великолѣпный контушъ съ вышитымъ золотомъ поясомъ (пàсомъ)—всѣ были «братья,» единственные граж-

---

между 200,000 и до 800,000. Первою цифрою, можетъ быть, опредѣлялось число людей, способныхъ носить оружіе, а другою общее число дворянъ, со включеніемъ женщинъ, дѣтей и престарѣлыхъ. Вѣрнѣе, кажется, цифра 600,000 чел. дворянства обоихъ половъ и 150,000 дворянъ, способныхъ носить оружіе. Мальтъ-Брёнъ принимаетъ общую цифру только въ 500,000.

Показанія о всемъ вообще населеніи въ то время столько же противурѣчивы, сколько и о числѣ дворянъ; оно и естественно, потому что въ отношеніи государства, столь безпорядочно управлявшагося, какъ Польша, всѣ показанія могутъ быть основаны только на примѣрныхъ расчетахъ. Наиболѣе вѣроятною цифрою можно принять 12 милліоновъ, изъ коихъ 500,000 дворянства, 10 милліоновъ крестьянъ, а остальные 1½ милліона Евреевъ и обитателей большихъ городовъ. По мнѣнію Бюшинга (географія, 8-е изд., II, 121), число жителей до перваго раздѣла простиралось отъ 8-ми до 9 милліоновъ, а послѣ него отъ 6 до 7. Гаттереръ (Abriss der Geographie, 1775) полагаетъ, что обыкновенно принимаемая цифра отъ 12-ти до 15-ти милліоновъ, вѣроятно, на одну треть болѣе дѣйствительной, значитъ онъ довольно близко сходится съ Бюшингомъ. Конечно, позднѣйшихъ временъ Поляки, по своей привычкѣ преувеличивать все, что до нихъ касается, говорятъ о 15, 16, 18, даже 20-ти милліонахъ, не помышляя о томъ, что чѣмъ бо́льшую цифру они приводятъ, тѣмъ больше для нихъ позора. Земскій посолъ (депутатъ) Мощенскій представилъ польскому сейму 1790 года записку о современномъ народонаселеніи, по которой оно простиралось до 7.600,000 человѣкъ, что́, если принять въ расчетъ прибыль съ 1772 года, довольно близко сходится съ показаніемъ Бюшинга.

По газетамъ того времени, Россія во всѣ три раздѣла пріобрѣла

		5.765,000 чел.
Австрія	—	3.600,000 —
Пруссія	—	2.600,000 —
Всего	—	11.965,000 —

или круглымъ числомъ 12 милліоновъ, какъ и мы выше сего приняли. Конечно, 30 лѣтъ спустя, въ 1803 г., считалось:

Австрійской части		4.700,000 человѣкъ
Прусской	— —	3.150,000 — —
Русской	— —	6.760,000 — —
		14.610,000 человѣкъ

Но эти 2½ милліона излишка противъ вышеприведеннаго показанія, очень хорошо могли быть слѣдствіемъ 30-ти лѣтняго спокойствія, обезпеченности и хорошаго управленія.

(4) См. письма Г.Форстера.

дане государства и всѣ вообще составляли высшую народную власть. Крестьяне были ничѣмъ и не имѣли ничего, были совершенными рабами, подобно илотамъ въ Спартѣ, римскимъ бѣлымъ и американскимъ чернымъ невольникамъ. На нихъ лежали земледѣліе и нѣкоторыя ремесла, для удовлетворенія первыхъ нуждъ. Наконецъ Евреи были посредниками, торговцами, дѣловыми людьми, факторами; эти піявки крестьянъ услужливо доставляли дворянину все, чего требовали его нужда или вожделѣніе, и принимали избытокъ его произведеній для сбыта и продажи.

У гражданъ древности, въ Аѳинахъ, Спартѣ, Римѣ, жизнь проходила или въ общественныхъ совѣщаніяхъ и пиршествахъ, или въ воинскихъ занятіяхъ. И въ Польшѣ также. Знатнѣйшіе люди стремились къ честолюбивымъ и корыстолюбивымъ цѣлямъ, искали высшихъ званій или старòствъ; низшіе старались прислуживаться знатному «пану брату» (пани-брату) и образовать его кліентовъ или клевретовъ, быть ему угоднымъ, въ надеждѣ, что и на ихъ долю что-нибудь выпадетъ. Политическая жизнь проходила на сеймикахъ и сеймахъ, въ совѣщаніяхъ и выборахъ на судейскія и другія мѣста, а въ случаѣ войны — въ оборонѣ страны, потому что тогда всѣ должны были садиться на коня. Частная же жизнь, напротивъ, протекала въ пиршествахъ и попойкахъ, въ любовныхъ дѣлахъ, интригахъ и, вслѣдствіе сварливаго характера Поляковъ, въ тяжбахъ, обогащавшихъ только адвокатовъ и судей, и въ которыхъ богатѣйшій и сильнѣйшій всегда подъ конецъ оказывался правымъ.

Но во всей славѣ своего верховнаго господства чувствовалъ себя польскій шляхтичъ на шумныхъ, оглашаемыхъ бряцаніемъ оружія сеймикахъ и сеймахъ—тутъ-то онъ былъ владыкой и королемъ, да каждый изъ нихъ и видѣлъ въ себѣ все потребное, чтобъ быть королемъ. Хотя при избраніяхъ королей шляхтичи удовлетворялись, со стороны чужеземныхъ искателей, часто самыми незначущими подарками, напр. глоткомъ водки или монетой (5), но тѣмъ не менѣе чванились своими вольностію и равенствомъ, своимъ правомъ избирать королей и самимъ быть избранными въ короли.

Высшимъ правиломъ дворянина было — не позволять предписывать себѣ никакого закона, особенно же налагать на себя ника-

---

(5) Такъ Bizardière разсказываетъ (въ Histoire de la scission en Pologne etc., Paris, 1699, p. 153), что при выборѣ перваго Саксонскаго короля Августа въ 1697 г., каждый мазовецкій шляхтичъ, подавшій голосъ въ его пользу, получилъ по 1 талеру и по стакану водки.

кихъ податей, на которые онъ не изъявлялъ своего согласія. Каждый земскій посолъ (депутатъ), отправляемый на сеймъ, получалъ особенный наказъ: «*na podatki nie pozwalac*» (не соглашаться на подати). Король и государство могли дѣлать, какъ знаютъ.

Замѣчательны тѣ мѣры предосторожности, которыя дворянинъ, съ своимъ глубоко-укоренившимся недовѣріемъ къ правительству, принималъ противъ него. Въ благоустроенномъ государствѣ народъ и правительство составляютъ одно, и чѣмъ больше между ними единеніе, тѣмъ они сильнѣе: правительство дѣйствуетъ только въ смыслѣ желаній и потребностей народа. Въ Польшѣ было иначе. Изъ опасенія за безграничныя вольности, на правительство смотрѣли, какъ на врага народа, и высшимъ правиломъ было то, чтобы держать его въ сколь можно большей слабости. Поэтому основнымъ началомъ, вмѣсто единенія, былъ раздоръ. Такимъ образомъ личная свобода была неограниченна, а власть правительства, которая должна быть только соединенною властью цѣлаго государства—ничтожна. Гдѣ каждый самъ по себѣ господинъ и король, тамъ общая для всѣхъ королевская власть невозможна. Но гдѣ нѣтъ сильнаго правительства, тамъ нѣтъ и господства закона: оба идутъ только рука въ руку. Поэтому въ Польшѣ дѣйствовало только право сильнаго: сильнѣйшій вступалъ во владѣніе спорнымъ предметомъ и смѣялся надъ закономъ, который отказывалъ ему въ немъ,—потому что законъ не находилъ исполнителя онаго.

Чтобы сохранить это исключительное положеніе, которое такъ благопріятствовало гордости и чувству независимости дворянина, были приняты самыя тщательныя и наилучше-разсчитанныя мѣры. Польша, въ своемъ государственномъ устройствѣ, въ нѣкоторой степени осуществила безразсудныя желанія и стремленія новѣйшихъ преобразователей міра.

1) Король *избирается* гражданами, т. е. дворянствомъ, которое одно имѣло право гражданства.

2) Собравшіеся на сеймикахъ граждане избираютъ своихъ представителей (земскихъ пословъ) на государственный сеймъ.

3) Но эти послѣдніе получаютъ опредѣлительные наказы (мандаты).

4) По возвращеніи, они обязаны давать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ.

5) Государственный сеймъ собирается въ опредѣленные сроки (каждые два года) самъ собою, не имѣя надобности въ особенномъ созваніи.

6) Наконецъ, при избраніи новаго короля, первый или конвокаціонный сеймъ получаетъ непремѣнное препорученіе изслѣдовать, чего еще недостаетъ, чего желаютъ или какія условія, кромѣ прежнихъ, можно было бы еще возложить на новаго короля. Послѣдній обязанъ былъ утвердить присягой исполненіе этихъ, такъ называемыхъ, *pacta conventa*.

Такимъ образомъ желанія «широчайшаго основанія» со стороны преобразователей были здѣсь въ значительной мѣрѣ осуществлены: верховная власть гражданъ была полная, отъ нихъ исходили всѣ силы, имъ принадлежало всеобщее право голоса, они давали своимъ представителямъ съ точностію опредѣленные наказы и принуждали ихъ давать отчетъ въ исполненіи этихъ наказовъ; война, миръ, согласіе на всѣ денежныя назначенія зависѣли отъ нихъ и они же привлекали къ своему суду высшихъ государственныхъ сановниковъ; наконецъ, *pacta conventa* углаживали путь ко всѣмъ дальнѣйшимъ усовершенствованіямъ и преимуществамъ въ *демократическомъ* смыслѣ.

Тягостны были эти ограниченія королевской власти. Но еслибы какому-нибудь дѣльному королю вздумалось не потерпѣть ихъ, то какъ низвергнуть ихъ, какъ произвесть 18-е брюмера или 2-е декабря?— Республиканизмъ подозрителенъ; чѣмъ болѣе, чѣмъ позорнѣе, по собственному сознанію, онъ стѣснилъ правительственную власть, тѣмъ болѣе опасается онъ съ ея стороны сверженія такого ига. Слѣдовательно и на этотъ случай должно было принять мѣры и устроить вооруженное сопротивленіе. Въ этомъ польскій республиканизмъ превзошелъ самаго себя.

Поляки устроили и заранѣе узаконили (задолго передъ тѣмъ, что Лафайетъ высказалъ свое пресловутое правило) *постоянное возстаніе*, которое должно было полагать преграду всякому самовластному дѣйствію короля. Это узаконеніе вооруженнаго возстанія они называли *конфедераціею*. При этомъ основное ученіе, которое каждый отецъ внушалъ своему сыну, состояло въ слѣдующемъ: «Лучше сожги домъ свой и броди съ оружіемъ въ рукахъ по странѣ, нежели подчиниться самовластной силѣ.»

Конфедерація образовалась добровольнымъ приступленіемъ къ ней гражданъ. Они соединялись, излагали письменно свои жалобы и требованія, избирали вождя, маршала конфедераціи, съ совѣтомъ, подписывали конфедераціонный актъ, вносили его въ какой-нибудь «гродъ» (судебное мѣсто) и—конфедерація была готова и узаконена, становилась законнымъ дѣломъ. Своимъ появленіемъ она уни-

чтожала всѣ другія установленныя власти: суды прекращали свою дѣятельность, присутственныя мѣста закрывались вслѣдствіе междуусобной войны. То была диктатура народа, въ противуположность римской диктатурѣ, которая исходила отъ правительства. И естественно, гдѣ народъ—владыка, тамъ ему принадлежитъ и высшая, диктаторская власть.

Дальнѣйшимъ послѣдствіемъ этой народной или дворянской верховной власти и политическаго перевѣса одноличности надъ правительствомъ, было требованіе единогласія при выборахъ и на сеймахъ, знаменитое *liberum veto*, по которому противурѣчіе одного уничтожало рѣшеніе всѣхъ; но объ этомъ мы поговоримъ позже: это былъ, такъ сказать, замокъ въ сводѣ цѣлаго зданія.

И такъ два коренные недуга, которыми страдала Польша и которые погубили ее, состояли въ ошибочныхъ *республиканскихъ учрежденіяхъ* и, главное—въ *невозможности усовершенствовать ихъ въ монархическомъ смыслѣ.*

Разсмотримъ дальнѣйшее развитіе этихъ учрежденій, три коренныя бѣдствія, погубившія Польшу: *избирательное престолонаслѣдіе, независимость высшихъ государственныхъ властей* и наконецъ требованіе *единогласія въ рѣшеніяхъ.*

Во-первыхъ, *избирательное престолонаслѣдіе,* одна изъ главныхъ причинъ паденія Польши. Изъ всѣхъ утверждаемыхъ нелѣпостей самая невозможная состоитъ въ соединеніи наслѣдственности престола съ верховною властію народа. Одна необходимо исключаетъ другую. Наслѣдственному королю нельзя предписывать *pacta conventa*: онъ—король не по чьей-нибудь посторонней волѣ, но по *своему праву*. Такъ какъ въ Польшѣ была законно принята верховная власть дворянства, то неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого была *избирательная королевская власть*; это было такою необходимостію республиканскихъ нравовъ, что всѣ попытки, которыя были дѣлаемы въ Польшѣ для введенія наслѣдственности престола или хоть для назначенія наслѣдника при жизни короля, не удавались: такъ напр. когда хотѣли назначить наслѣдника Іоанну Казиміру (Кондэ), или Собіескому (его сына) и т. д.—«Избирать короля, или умереть!», вопила толпа, и посредствомъ *pacta conventa*, въ исполненіи которыхъ король долженъ былъ присягать, обезпечивали себя отъ всякихъ покушеній къ тому съ его стороны.

Первымъ слѣдствіемъ избираемости королей есть *разстройство* страны, потому что изнутри и извнѣ приводятся въ дѣйствіе всѣ средства интриги, подкупа и наконецъ открытаго, вооруженнаго наси-

лія, для возведенія на престолъ угодныхъ избирателямъ людей. Различныя республиканскія партіи, при своихъ внутреннихъ раздорахъ, рѣдко опускаютъ случай призывать чужеземную помощь, потому что дѣло партіи постоянно ставится выше дѣла всей страны. Вслѣдствіе того она скоро становится поприщемъ борьбы чужеземныхъ пришельцевъ. Иностранные посланники въ Польшѣ имѣли даже право выставлять и поддерживать передъ сеймомъ кандидата своего двора, такъ что иногда Франція, иногда Австрія, иногда Швеція, иногда Саксонія, иногда Россія и Пруссія давали Полякамъ короля. Такимъ-то образомъ чужеземцы твердою ногою становились въ странѣ, и тѣмъ легче, что республиканскія партіи, въ своей горячности и неодолимой волѣ достигнуть мгновенныхъ цѣлей своихъ, сами призывали иноземную помощь. А за этимъ вмѣшательствомъ, сначала призваннымъ, слишкомъ скоро слѣдовало насильственно-навязанное. Пути были открыты!

«И при подобной обстановкѣ думаете-ли вы спасти вашу страну отъ иноземцевъ?» На это Поляки отвѣчали: «Мы лучше хотимъ вторженія иноземцевъ, нежели малѣйшаго ущерба нашихъ вольностей».—Они и получили, чего хотѣли, не обдумавъ въ своей близорукости, что вторженія чужеземцевъ повлекутъ за собою и господство ихъ, а съ этимъ и уничтоженіе тѣхъ безсмысленныхъ вольностей, которыми они такъ чванились. «*Мы нужны для государственнаго равновѣсія народовъ*»,—«*мы оплотъ Европы,*»—«*мы защитники и передовые бойцы цивилизаціи*», такъ величались, хвастались и утѣшали себя въ своихъ ложныхъ мнѣніяхъ, когда ихъ предостерегали, эти безумцы—тѣ, которые уже давно утратили всякую силу и способность противудѣйствія даже самому незначительному народу,—тѣ, на чьихъ земляхъ уже 150 лѣтъ попеременно рыскали Шведы и Пруссаки, Трансильванцы и Турки, Казаки и Татары, Австрійцы и Русскіе, защитники же Европы и цивилизаціи не были въ состояніи ни себя защищать, ни удерживать чужеземцевъ. Всегда тоже явленіе: чѣмъ глубже упадокъ, тѣмъ выше самомнѣніе! Такъ и Византія, и падшая Италія презирали всѣхъ своихъ сосѣдей!

Второе коренное зло государственнаго устройства заключалось въ *независимости* и *несмѣняемости* высшихъ государственныхъ сановниковъ; это было совершенно въ томъ духѣ, который исполнялъ и все государственное устройство. Двѣнадцать высшихъ сановниковъ изъ сенаторскаго званія и четверо изъ сословія рыцарства или высшаго дворянства окружали короля и сосредоточивали въ себѣ всю силу правительства. То были: два великихъ маршала, два

великихъ канцлера и два вице-канцлера, два великихъ и два младшихъ казначея; наконецъ два надворныхъ маршала (гофмаршала); всѣ они принадлежали къ сенаторскому званію и назначались по одному для каждаго изъ соединенныхъ государствъ, Польши и Литвы; далѣе, такимъ же образомъ, изъ рыцарскаго или высшаго дворянскаго сословія избирались два великихъ и два польныхъ (полевыхъ) гетмана.

Оба великіе маршалы завѣдывали гражданскимъ управленіемъ и полиціей.

Оба великіе канцлеры, съ обоими *вице-канцлерами*, управляли судебными дѣлами; они передавали сейму королевскія посланія и отвѣчали иностраннымъ посламъ.

Оба великіе гетманы, съ обоими *польными*, завѣдывали войскомъ и всемъ вообще военнымъ управленіемъ.

Два *великіе* и два *младшіе казначея* управляли финансовою частію.

Наконецъ два *надворные маршала* управляли всѣмъ вѣдомствомъ королевскаго двора.

Эти сановники составляли королевское министерство, но,—о! образцовое произведеніе республиканской мудрости, которая никогда не успокоивается отъ боязни королевской власти!—всѣ эти министры были *независимы* не только *отъ короля*, но и *другъ отъ друга*. Это была государственная повозка, въ которую впрягли 16 лошадей въ различныхъ направленіяхъ и затѣмъ предоставили имъ везти ее какъ угодно, на право, на лѣво, впередъ, назадъ—какъ кому изъ нихъ ни вздумалось бы!

Еще болѣе: они избирались *пожизненно* и не могли быть ни отставляемы, ни замѣщаемы другими; были обязаны отвѣтственностію только передъ сеймами, которые, однако, будучи постоянно раздираемы своими ссорами, никогда не могли призывать ихъ къ отчету.—Король, и безъ того связанный, здѣсь былъ уже связанъ вполнѣ. Онъ не могъ тутъ исполнить ни одного твердаго плана, ни провесть ни одного полезнаго учрежденія, ниже слѣдовать опредѣленному направленію въ политикѣ или въ управленіи страною. Онъ зависѣлъ отъ министровъ, а министры дѣлали, что хотѣли. Но республиканцы кичились и въ своемъ ослѣпленіи хвалились тѣмъ, что «министры независимы отъ короля, слѣдовательно онъ не можетъ употребить ихъ для нашего притѣсненія; министры независимы другъ отъ друга, слѣдовательно намъ нечего опасаться, чтобъ они соединились между собою къ нашему вреду».—Такъ, глядя всегда

въ одномъ направленіи, они повсюду усматривали только особенности, а нигдѣ не видѣли общаго, видѣли деревья, но не лѣсъ, и безразсуднѣйшее безразсудство казалось этимъ слабоумнымъ людямъ самымъ глубокимъ соображеніемъ для поддержанія свободы.

Всю силу, всѣ жизненные соки извлекли они изъ королевской власти, до полнѣйшаго ея истощенія, а республиканское безразсудство все еще опасалось ея. Но таковъ обыкновенный ходъ въ республикахъ. Ослабьте королевскую или исполнительную власть сколько угодно, все еще будутъ находить ее слишкомъ сильною, теребить и общипывать, обрывая по кускамъ, пока она не обратится въ ничто или въ безжизненный призракъ, который либо исчезаетъ постепенно, либо уничтожается насильственно.

Третьимъ, уже выше упомянутымъ, зломъ было *единогласіе*, требуемое во всѣхъ окончательныхъ рѣшеніяхъ сеймовъ: это было самымъ любимымъ и наиболѣе цѣнимымъ изъ правъ Поляковъ, и чѣмъ безразсуднѣе, тѣмъ пріятнѣе для нихъ, потому что оно льстило ихъ республиканскому высокомѣрію; поэтому-то они и называли *liberum veto* своимъ «*jus cardinale, specialissimum et unicum*» (высшимъ, особеннѣйшимъ и единственнымъ правомъ), «зеницею ока,» «краеугольнымъ и основнымъ камнемъ свободы». — «Одинъ дворянинъ своимъ противорѣчіемъ остановилъ однажды (6) всѣ совѣщанія; его просили, умоляли отступиться отъ своего мнѣнія, иначе сеймъ долженъ былъ разойдтись. Послѣ долгаго сопротивленія, онъ наконецъ уступилъ. Тогда его спросили о причинѣ его сопротивленія. «Я хотѣлъ только видѣть, отвѣчалъ онъ, свободна-ли еще Польша.»—Вотъ съ какой точки зрѣнія смотрѣли они на это пагубнѣйшее изъ всѣхъ ихъ правъ, и для полноты безразсудства, одинъ отдѣльный протестъ уничтожалъ даже всѣ тѣ рѣшенія и законы, которые были постановлены сеймомъ въ теченіе всѣхъ предшествовавшихъ его засѣданій.—Чтобы *одинъ равнялся всѣмъ*— есть уже плохое правило; но *чтобъ одинъ значилъ болѣе всѣхъ*, чтобы сопротивленіе одного было достаточно для уничтоженія воли и рѣшеній цѣлаго собранія, и не въ особомъ только случаѣ, но и по всѣмъ, даже самымъ благодѣтельнымъ рѣшеніямъ, которыя цѣлое собраніе постановило прежде того, постановить такого рода безразсудство было предоставлено только однимъ Полякамъ, которые въ убѣжденіяхъ, рѣшеніяхъ и поступкахъ своихъ слишкомъ часто проявляютъ совер-

(6) Это случилось при избраніи въ короли Владислава IV. См. Komarzewski, Coup d'oeil etc., p. 60.

шенный недостатокъ разсудка.—Для принятія какого-либо закона требовалось общее единогласіе, а для отверженія его—только одинъ голосъ: это было все равно, какъ если бы заранѣе издали такое постановленіе: «да не будетъ у насъ никакого законодательства». Легко можно было отыскать какого-нибудь сумазброда, упрямца, корыстолюбца или члена партіи, и тогда уже нельзя было издать никакого закона, ни нарядить слѣдствія, ни потребовать отчета. А этого-то именно и желали всѣ тѣ, которые жили злоупотребленіями, несправедливостями, взятками и подкупами, и въ главѣ всѣхъ—высшіе сановники!

Для этого верховнаго права существовало, конечно, и противудѣйствующее средство, къ которому въ старину нерѣдко и прибѣгали: изрубятъ такого оппонента и, выживъ его самаго со свѣта, устранятъ вмѣстѣ съ нимъ и его противорѣчіе. Но это противудѣйствующее средство было столь же безразсуднымъ и варварскимъ, какъ и самое право; да и всякій оппонентъ умѣлъ принимать свои мѣры предосторожности.

Въ продолженіе тридцатилѣтняго царствованія втораго Августа Саксонскаго, всѣ сеймы до одного были сорваны такимъ образомъ; разсчитали даже, что въ теченіе 112 лѣтъ со времени утвержденія этого обычая или, лучше сказать, злоупотребленія, т. е. съ 1652 года до возшествія на престолъ Станислава Августа, 48 сеймовъ остались такимъ образомъ недѣйствительными.—Всякая верховная власть короля и націи была уничтожена этимъ и передана первому встрѣчному негодяю.

Таково было польское государственное устройство съ его существенными, коренными пороками и ничего лучшаго нельзя было пожелать для того, чтобы сдѣлать націю слабою и безсильною; одинъ взглядъ на него объясняетъ паденіе Польши. То было не государственное устройство, а разрушеніе всякаго устройства, полная распущенность и необузданность 150,000 дворянъ, повелѣвавшихъ 10-ю милліонами крестьянъ; то была полная анархія, безъ правительственной власти, безъ закона, безъ права (только сильнѣйшій всегда имѣлъ въ своей власти право).—И, повѣрятъ-ли тому, эта конституція, недостатки которой бросаются въ глаза, считалась у Поляковъ за совершеннѣйшій образъ правленія! Всеобщія порицанія иностранцевъ они приписывали ихъ слабоумію, ихъ рабскому духу и неспособности понимать высшія политическія соображенія.—А потому и всякое улучшеніе или измѣненіе было крайне затруднительно; при малѣйшей попыткѣ къ тому, толпа тотчасъ же вопила

объ измѣнѣ и преступленіи; а въ послѣдствіи, когда Польша была уже обезсилена, въ томъ препятствовали и иностранныя державы, политическимъ видамъ и выгодамъ которыхъ слишкомъ хорошо соотвѣтствовала такая, всякую силу уничтожающая конституція сосѣда.

Сказаннымъ выше мы достаточно, полагаемъ, доказали, что Польша должна была пасть, что она была обречена погибели, безъ всякой надежды на спасеніе, пока оставалась въ этомъ положеніи. Поэтому и мысль о ея раздробленіи часто возникала еще съ 1661 года, когда Іоаннъ Казиміръ изрекъ извѣстное пророческое предсказаніе объ окончательной судьбѣ своей страны.

Станиславъ Августъ очень хорошо понялъ, что для извлеченія Польши изъ ея анархіи и возвышенія ея на уровень съ прочими образованными народами, прежде всего нужно было дать твердое основаніе *власти*, *порядку* и *образованности*, а также ограничить свободу тамъ, гдѣ она обращалась въ необузданность и дерзость. Въ такомъ смыслѣ онъ уже съ самаго начала составилъ себѣ планъ, которому неуклонно слѣдовалъ въ продолженіе всего своего правленія и руководящія мысли котораго сохранены для насъ его довѣренными лицами (7). Сущность ихъ заключалась въ слѣдующемъ: «дабы быть *независимою державою*, государство должно имѣть *армію*; но дабы послѣдняя дѣйствительно служила и была полезна государству, она должна находиться въ непосредственномъ распоряженіи правительства.

(Въ Польшѣ она находилась подъ начальствомъ великихъ гетмановъ, которые были независимы отъ короля, и состояла изъ небольшаго числа войскъ, не получавшихъ ни жалованья, ни одежды, ни опредѣленнаго содержанія).

Чтобы создать и содержать армію, нужны деньги и слѣдовательно *хорошіе и вѣрные доходы и правильно устроенные финансы*. Если-же финансы должны быть хорошо устроены, то имъ не слѣдуетъ быть въ распоряженіи только двухъ частныхъ лицъ (какъ въ Польшѣ, гдѣ вся финансовая часть была въ рукахъ двухъ великихъ казначеевъ, которые были обязаны отчетомъ только сейму,—сеймы же никогда ничѣмъ не рѣшались).

Чтобы доходы соотвѣтствовали государственнымъ потребностямъ и въ особенности—большимъ издержкамъ на армію, которую нуж-

---

(7) Дюпонъ де Немуръ и Комаржевскій.

но еще было создать,—они должны быть *значительны*; но чтобы сдѣлать ихъ значительными, потребно согласіе націи. (Въ Польшѣ доходы были почти ничтожны и каждый земскій посолъ, при отправленіи своемъ на сеймъ, получалъ наставленіе: «не соглашаться ни на какого рода подати»).

Для того, чтобъ устранить отвращеніе отдѣльныхъ лицъ отъ всякаго рода податей, а волю всей націи на сеймахъ направить къ спасительнымъ постановленіямъ, нужно *положить предѣлъ личной волѣ* (слѣдовательно ввести рѣшенія большинствомъ голосовъ, а не по причудѣ и произволу перваго встрѣчнаго,—слѣдов. прекратить «*liberum veto*»).

Но дабы воля націи была дѣйствительно благодѣтельна, дабы правительство и сеймъ въ своихъ предположеніяхъ къ усовершенствованіямъ не впали въ ошибки, нужно всячески возбуждать и поощрять *дѣятельность ума* и *развитіе познаній*, слѣдовательно нужно *хорошее*, *основательное* и *сообразное съ цѣлію народное образованіе* (не такъ, какъ въ Польшѣ, гдѣ оно находилось вполнѣ въ рукахъ іезуитовъ, которые обучали только дурной латыни и варварскому, схоластическому Богословію).

Развитіе ума и познаній должны привести дворянъ къ тому, чтобъ уже *изъ расчета хорошо содержать своихъ крестьянъ*. Расчеты собственной пользы не обманываютъ и служатъ лучшимъ средствомъ наученія. (Въ Польшѣ крестьяне были *vilia capita*, рабочимъ скотомъ, который даже можно было убить, заплативъ ничтожную денежную пеню).

Съ другой стороны нужно было научить и крестьянъ,—въ чемъ дворяне, ссужавшіе ихъ землею и капиталомъ, были бы для нихъ дѣйствительно полезны.—Тѣхъ и другихъ нужно было привести къ чувствамъ взаимнаго доброжелательства, которыя раждаются только изъ правильныхъ отношеній, а черезъ это и къ уваженію обоюдныхъ правъ, къ вступленію во взаимно-выгодныя сдѣлки, дабы наконецъ дойти до формальныхъ свободныхъ договоровъ и этою законностію и увеличенною самостоятельностію пробудить и всеобщій патріотизмъ.

Всего этого нужно было достигнуть въ теченіе отъ 15-ти до 20-ти лѣтъ, потому что мнѣнія, воззрѣнія и привычки народа могутъ быть измѣняемы только постепенно, посредствомъ овладѣнія умами юношества и подростающаго поколѣнія, и направленія ихъ воспитанія въ означенномъ смыслѣ и духѣ.

Возрастающее благосостояіне возвысило бы здравыя силы народ-

ныя, а увеличеніе работы и капиталовъ—народное богатство, а вмѣстѣ съ тѣмъ и народонаселеніе, и могущество страны.

Такъ какъ прежде всего можно было бы расчитывать на хорошо снабженную и дисциплинированную армію, то не было бы недостатка и въ союзахъ для обезпеченія независимости. Всякій союзъ есть своего рода договоръ: нужно и съ своей стороны что-либо внесть и предложить, требуя отъ другихъ какихъ-либо выгодъ или обезпеченія. Если это невозможно, то союзный договоръ съ нашей стороны будетъ не болѣе, какъ полученіе, принятіе или ожиданіе, а съ другой — дарованіе, обѣщаніе и ручательство, слѣдовательно это уже не будетъ договоръ равнаго съ равнымъ, но повелителя съ повинующимся, господина со слугою. Тогда, хоть сто разъ перемѣнять союзниковъ, значитъ только перемѣнять господъ.

И такъ армія, финансы, народное обученіе и образованіе, безпрепятственное законодательство, наконецъ возвышеніе доселѣ угнетенной части народа и внѣшнія связи и союзы—таковы были его планъ, его *цѣль*. И хотя *руки его были связаны*, внутри страны—ея конституціей и страстями партій, а извнѣ—чужеземною завистію и политикою; хотя ему нужно было бороться съ безчисленными противурѣчіями и препятствіями, однако, не смотря на все это, онъ достигъ исполненія большей части этихъ плана и цѣли своихъ, и достигъ бы и совершеннаго исполненія ихъ, еслибъ на престолахъ сосѣднихъ государствъ не возсѣдали три могущественные и честолюбивые властителя, а внутри страны безразсудство, страсти, эгоизмъ и корыстолюбіе не заграждали ему на каждомъ шагу пути и не задерживали и совершенно не уничтожали его плановъ. Таковы были *препятствія*, которыя намъ нужно теперь разсмотрѣть поближе.

Они заключались частію въ немъ самомъ, частію въ его народѣ, частію въ чужеземцахъ.—Въ немъ самомъ—въ томъ отношеніи, что при самыхъ похвальныхъ качествахъ, при кроткомъ и благородномъ характерѣ, при глубокихъ познаніяхъ и прозорливомъ пониманіи обстоятельствъ, ему недоставало двухъ свойствъ, необходимыхъ для всѣхъ тѣхъ, которые желаютъ быть преобразователями своихъ народовъ: онъ не имѣлъ *рѣшительнаго, внушающаго невольное уваженіе, характера* и не былъ *воиномъ и полководцемъ*. Будучи властителемъ воинственнаго народа, онъ самъ не былъ воиномъ; находясь въ борьбѣ съ корыстолюбивыми, высокомѣрными и надменными вельможами, онъ самъ не обладалъ тѣмъ величіемъ, которое невольно внушаетъ страхъ и уваженіе къ себѣ. Это могло бы быть безвреднымъ въ спокойныя и мирныя времена, но долженствовало быть

пагубнымъ во времена бурныя и среди разгара страстей. И тѣмъ пагубнѣе, что ему пришлось имѣть дѣло съ народомъ, избалованнымъ долговременною анархіею, съ гордыми и властолюбивыми магнатами, питавшими чувства пренебреженія, зависти и ненависти къ выскочкѣ, котораго они видѣли равнымъ себѣ или и *ниже себя*; наконецъ съ фанатическимъ духовенствомъ, которое дотолѣ пользовалось почти диктаторскою властію и неограниченнымъ преобладаніемъ надъ всѣми духовными интересами. Впрочемъ, и трудно было имѣть дѣло съ массою гражданъ или дворянъ, въ слѣдствіе національнаго характера, такъ, какъ онъ выработался политическими учрежденіями Польши. Мы имѣемъ свидѣтельство современнаго писателя (8) о тогдашнемъ характерѣ націи—свидѣтельство, которое и теперь еще весьма замѣчательно и мѣтко. «Поляки, говоритъ онъ, тщеславны, въ счастіи надменны, а въ несчастіи раболѣпны; они способны на величайшія низости для того, чтобы пріобрѣсть деньги, которыя тотчасъ же затѣмъ снова бросаютъ полными пригоршнями; они легкомысленны и *безразсудны*; всегда готовы примкнуть къ какой-нибудь партіи и безъ всякой причины снова покинуть ее, и, по причинѣ недостатка послѣдовательности въ своихъ дѣйствіяхъ, впутываться въ самыя дурныя дѣла. У нихъ есть законы, но никто не исполняетъ ихъ, потому что нѣтъ понудительной силы.—Всѣ знатныя фамиліи въ раздорахъ между собою изъ частныхъ интересовъ своихъ и предпочитаютъ свои личныя выгоды общественному благу; если они собираются, то для того, чтобы проявлять тотъ же жестокій нравъ свой и угнетать своихъ крестьянъ, съ которыми обращаются не какъ съ людьми, а скорѣе какъ съ рабочимъ скотомъ». Изображеніе это не прикрашено, но вѣрно; въ немъ недостаетъ только свѣтлыхъ сторонъ: откровенности, ловкости, мужества, большой личной храбрости и сильнѣйшей любви къ отечеству. Но за то недостаетъ еще и нѣкоторыхъ другихъ чертъ, которыя пополняютъ картину, а именно: ихъ *самохвальство*, *хвастливость* и *недостатокъ правдивости* (9). Ни одинъ Полякъ не можетъ написать отечественную исторію безпристрастно: самую очевидную ложь, если только она служитъ къ прославленію его націи (слѣдовательно, косвеннымъ образомъ—и его самаго) или къ удовлетворенію страстей

---

(8) Этотъ писатель ни болѣе, ни менѣе—Прусскій король Фридрихъ II. См. Histoire de mon temps (Oeuvres, nouv. edit. 1846, Т. II. p. 24.

(9) «Полякъ и ложь—синонимы» сказалъ Репнинъ, знавшій ихъ изъ долгаго опыта. Донесеніе отъ 21 окт. 1766 г.

какой-либо партіи, онъ будетъ съ величайшею наглостію выдавать за правду, пріукрашивать, искажать ее и прибавлять къ ней всякаго рода черты, имъ самимъ придуманныя для бо̀льшаго правдоподобія. Такъ дѣлали уже древнѣйшіе ихъ писатели: Кадлубко, Длугошъ и пр., такъ продолжаютъ дѣлать и ихъ потомки, до новѣйшихъ, живущихъ въ Парижѣ и Брюсселѣ. Нигдѣ нѣтъ спокойнаго, неприкрашеннаго разсказа, въ которомъ и противнику отдавалась бы справедливость,—вездѣ самохвальство, пристрастіе и ненависть. Кто имѣлъ дѣло съ Поляками и поступалъ не такъ, какъ они хотѣли, или оскорбилъ ихъ тщеславіе, или иначе дѣйствовалъ, какъ ихъ противникъ, долженъ быть готовымъ къ гоненію ихъ, даже по смерти, съ безмѣрною ненавистію и съ неослабными злобою и гнѣвомъ. И эта ненависть ихъ употребляетъ тогда всякаго рода оружіе: и дерзкую ложь и клевету (semper aliquid haeret), извращеніе и искаженіе фактовъ, злостныя выдумки небывалыхъ обстоятельствъ и чертъ, которыя имѣютъ цѣлію представить изображаемое лицо въ крайне низкомъ, дурномъ и черномъ видѣ. Станиславъ Августъ, Суворовъ, Екатерина, Александръ, даже до новѣйшихъ ихъ героевъ, подвергшихся ихъ гнѣву, должны были испытать это.

Главную черту своей нравственной стороны—*недостатокъ разсудительности* обнаруживаютъ они въ томъ дѣтскомъ *легковѣріи*, съ которымъ принимаютъ за истинные и вѣрные самые необычайные разсказы, самыя нелѣпыя преувеличенія, и хотятъ навязать ихъ и другимъ. Далѣе: *безпокойство ихъ характера* столь велико, что они постоянно находятся въ какой-то почти лихорадочной дѣятельности, даже вслѣдствіе ничтожнѣйшихъ поводовъ. Чего сегодня они желали, то завтра бросаютъ; бѣгаютъ и гоняются за такими ничтожностями, къ которымъ сами оказываютъ презрѣніе, разъ достигнувъ ихъ; малѣйшая вещь приводитъ ихъ въ сильнѣйшее возбужденіе и затѣмъ они столь же скоро снова измѣняютъ расположеніе духа. Постоянно находясь въ безпокойствѣ и дѣятельности, они хватаются за дѣло, бросаютъ его, интригуютъ, пускаются въ козни, все видятъ въ преувеличенномъ фантазіею свѣтѣ и дѣйствуютъ по увлеченіямъ воображенія.

Наконецъ, послѣднею чертою ихъ характера есть вѣчно-живучая и дѣятельная *подозрительность* въ отношеніи къ правительству, властямъ, даже къ тѣмъ, которыя имъ благотворятъ и доброжелательствуютъ, также ко всѣмъ иностранцамъ; повсюду видятъ они себя окруженными шпіонами и измѣнниками, хотя тѣ и другіе большею частію существуютъ только въ ихъ воображеніи.

Таковъ былъ тотъ элементъ, на который задумалъ дѣйствовать Станиславъ Августъ,—элементъ, самъ по себѣ уже трудный, но для короля, связаннаго по рукамъ, и совершенно неодолимый. Этотъ противудѣйствующій элементъ, при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, долженъ былъ наконецъ раздробиться и обратиться въ развалины.

Но, къ несчастію для короля и его народа, неблагопріятныя обстоятельства соединились въ это время въ самыхъ ужасающихъ размѣрахъ. Сюда особенно принадлежала единовременность, на сосѣднихъ престолахъ, могущественныхъ умовъ, усильно стремившихся къ внѣшнимъ предпріятіямъ и ощущавшихъ въ себѣ внутреннее побужденіе къ распространенію, округленію или политическому возвышенію своихъ государствъ.

На югѣ молодой, честолюбивый императоръ, которому слава стариннаго врага его благочестивой матери не давала покоя, и который, постоянно занятый мыслію о томъ, чѣмъ была нѣкогда Германская имперія, хотѣлъ, если и не возстановить ея могущество и значеніе, то по крайней мѣрѣ воспользоваться ими для усиленія и увеличенія своихъ наслѣдственныхъ земель.

Поэтому всякій случай къ распространенію государства, гдѣ бы онъ ему ни представился, былъ для него какъ нельзя болѣе кстати.

На востокѣ высокодаровитая, сильная характеромъ жена, иностранкой вступившая на престолъ могущественнаго государства, хотѣла выразить свою благодарность воспріявшему ее народу благодѣяніями и увеличеніемъ его могущества и величія. Естественныя условія и обстоятельства страны опредѣлили ея политику. Петръ Великій искалъ ближайшаго морскаго сообщенія съ образующею Европою; и на сухомъ пути также онъ и его преемники, чрезъ посредство королей, посаженныхъ или утвержденныхъ ими на избирательномъ престолѣ Польши, открыто содержали свободное сообщеніе съ остальною, просвѣщенною Европою. Такимъ образомъ Польша обезпечивала русскую границу съ запада, но сама была открыта для всѣхъ русскихъ нападеній въ томъ же направленіи. Эту политику Екатерина положила продолжать и, для лучшаго успѣха, по примѣру своихъ предшественниковъ возвести на польскій престолъ такого короля, въ преданности и благодарности котораго она могла бы быть увѣрена. Она исполнила это, и Станиславъ Понятовскій сдѣлался королемъ; но властелиномъ въ Польшѣ былъ русскій посланникъ,

которому русское войско, призванное политическими партіями страны, придавало должный вѣсъ.

Третій сосѣдъ на сѣверѣ и западѣ былъ самый опасный, потому что слѣдовалъ опредѣленному плану разширенія, округленія и усиленія своей монархіи, лишь недавно еще возвысившейся изъ массы нѣмецкихъ имперскихъ владѣній, — притомъ личность котораго выходила изъ ряда обыкновенныхъ, который обладалъ блистательными дарованіями, какъ государь и полководецъ, и не слишкомъ былъ разборчивъ на средства для достиженія своихъ цѣлей. Онъ получилъ въ наслѣдство отъ своего отца не королевство, а только разсѣянныя части онаго—*disjecta membra*, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ полномъ порядкѣ государственное хозяйство и хорошо устроенное и обученное, воинственное и храброе войско. То и другое пришлось кстати честолюбивому царственному юношѣ, который превосходилъ всѣхъ современныхъ монарховъ остротою ума и силою воли; войско и казна должны были послужить ему для усиленія и округленія своего государства и для снисканія ему самому славнаго имени. Одинъ пробѣлъ особенно кололъ ему глаза: имя его было «королевская Пруссія,» которая однако принадлежала не ему, Прусскому королю, называвшему *своимъ* только «герцогство Пруссію.» То была богатая, плодородная полоса земли, преданная въ руки Полякамъ и ихъ внутреннимъ раздорамъ и ссорамъ. Наполнить этотъ пробѣлъ, отдѣлявшій его, такъ называемое, королевство отъ остальной части государства, было уже раннимъ помысломъ его юности ([10]), который самъ въ извѣстной степени оправдывался тѣмъ, что въ прежнее время обѣ «Пруссіи» составляли одну страну подъ властію Нѣмецкаго Ордена, и Фридрихъ былъ наслѣдникомъ послѣдняго орденсмейстера его и перваго герцога Пруссіи. Если его права на это и были нѣсколько спорныя, то и Поляки не имѣли лучшихъ, и что дано было имъ мятежомъ и силою оружія, то самое мятежъ и сила оружія могли снова отнять у нихъ. Къ этому праву силы присоединялось еще для Фридриха право *необходимости*, потому что, безъ обладанія этою страною, его владѣнія оставались разбро-

---

(10) По крайней мѣрѣ французскій посланникъ въ Вѣнѣ графъ дю-Шателе, въ донесеніи отъ 13 ноября 1763 г., говоритъ, что слышалъ отъ самаго Кауница, какъ Фридрихъ, будучи наслѣднымъ принцемъ, уговаривалъ отца своего, послѣ смерти Августа II, завладѣть Польскою Пруссіею и по этому случаю представилъ ему записку, въ которой изобразилъ важность и легкость этого пріобрѣтенія. См. St. Priest, Etudes diplomatiques. Paris, 1850, T. I, p. 34.

санными членами одного тѣла, безъ единства и связи, а потому слабыми и немощными. Эта необходимость дѣлала его опаснѣйшимъ врагомъ Польши, тѣмъ болѣе, что онъ тайныя свои цѣли скрывалъ подъ личиной дружескаго расположенія. Поэтому политика его относительно Польши не могла быть иною, какъ удерживать послѣднюю въ сколь возможно болѣе слабомъ состояніи, т. е. при ея анархическомъ государственномъ устройствѣ, дабы при первомъ удобномъ случаѣ (хотя бы и ему самому пришлось подать поводъ къ нему) привести свой планъ въ исполненіе.

Такимъ образомъ зародыши ближайшихъ событій лежали въ самыхъ обстоятельствахъ и во взаимно противуборствовавшихъ видахъ четырехъ монарховъ. Станиславъ Августъ желалъ преобразованія и усиленія своего государства, императоръ Іосифъ—славы и разширенія границъ, Екатерина—преобладающей силы своей въ Польшѣ, а Фридрихъ—слабости этого государства, дабы легче завладѣть полосою земли, необходимою для соединенія частей своего королевства. Эти противуположныя намѣренія прежде всего произвели, съ одной стороны—попытки къ преобразованію государственнаго устройства, для извлеченія Польши изъ анархіи, а съ другой—поднятіе вопроса о диссидентахъ, съ цѣлію повергнуть Польшу въ новыя смуты и, можетъ быть, пріобрѣсть предлогъ для выполненія завоевательныхъ плановъ.

Вопросъ о преобразованіи государственнаго устройства, признанномъ необходимымъ всѣми истинными патріотами (хотя названіе это и присвоивали себѣ исключительно тѣ именно, которые старались воспрепятствовать этому преобразованію), уже давно, на конвокаціонномъ сеймѣ въ маѣ 1764 года, возбужденъ былъ дядями Станислава, Чарторыйскими, и отчасти приведенъ въ исполненіе. Они имѣли при этомъ трудную задачу—скрывать свои намѣренія не только отъ иностранцевъ, но даже и отъ собственной націи, и потому не могли прямо, а должны были лишь изворотами и косвенными путями идти къ своей цѣли, которая на первый случай состояла въ усиленіи королевской власти и въ ослабленіи независимой силы высшихъ сановниковъ, равно и въ отмѣнѣ *liberum veto*. Средствами для выполненія этихъ намѣреній имъ должны были служить отчасти ихъ приверженцы, отчасти же находившіяся въ странѣ русскія войска.

Конвокаціонные сеймы, созывавшіеся по смерти короля, были временами улучшеній и измѣненій въ конституціи. Земскіе послы (депутаты) имѣли тутъ право предлагать націи новые законы, про-

екты которыхъ затѣмъ разсылались въ различныя воеводства, дабы, по обсужденіи ихъ на сеймикахъ, въ послѣдствіи, на избирательныхъ сеймахъ, быть либо принятыми *единогласно*, либо отвергнутыми протестомъ *одного* голоса. Но еслибы задуманные Чарторыйскими планы преобразованій сдѣлались извѣстными, то противудѣйствіе было несомнѣнно, а между тѣмъ земскіе послы, при собраніи сейма, долженствовали быть подготовлены къ нимъ и снабжены полномочіями. Чарторыйскіе пособили себѣ въ этомъ тѣмъ изворотомъ, что чрезъ посредство привлеченнаго ими на свою сторону примаса королевства, Лубенскаго, разсылавшаго призванія на сеймъ, представили крайне мрачную картину положенія страны и выразили желаніе улучшеній. Это средство помогло, не возбудивъ слишкомъ большаго вниманія къ ихъ планамъ, и повело къ тому, что депутатамъ даны были наказы помочь нуждамъ страны.

Съ другой стороны Фридрихъ II убѣдился, что можетъ осуществить свои виды на польскую Пруссію только при помощи Россіи, преобладавшей въ Польшѣ. Поэтому онъ усердно старался о заключеніи союза съ нею и достигъ этого 31 марта (11 апрѣля) 1764 года на *восемь лѣтъ*. Онъ съумѣлъ включить въ союзный договоръ важное условіе: «*чтобы попытки къ измѣненію государственнаго устройства въ Польшѣ отнюдь не были терпимы* (11)».—Это было еще однимъ препятствіемъ больше въ стремленіяхъ къ преобразованіямъ, еще однимъ основаніемъ больше для облеченія ихъ въ глубочайшую тайну. На конвокаціонномъ сеймѣ Чарторыйскіе, при помощи своей партіи, провели одно главное преобразованіе, въ силу котораго при четырехъ независимыхъ высшихъ сановникахъ впредь учреждались четыре верховные совѣта, каждый изъ 6-ти до 9-ти членовъ; эти совѣты сосредоточивали въ себѣ всю власть упомянутыхъ, дотолѣ почти самовластныхъ, сановниковъ, предоставляя имъ только предсѣдательство въ совѣтахъ. Изъ этихъ четырехъ верховныхъ совѣтовъ одинъ завѣдывалъ *казною*, другой—*военнымъ вѣдомствомъ*, третій—*юстиціею* и наконецъ четвертый—*полиціею* или *внутренними дѣлами*. Сначала были открыты дѣйствія только двухъ первыхъ. Это былъ важный шагъ, позволявшій на будущее время держаться опредѣленнаго направленія въ управленіи, потому что въ совѣтахъ дѣла должны были рѣшаться по *большинству голо-*

---

(11) См. Rhulière (édition de 1819) II. 160. «Il (Frédéric) fit insérer dans ce traité la condition expresse de ne point souffrir en Pologne les entreprises de ceux, qui tenteraient d'y changer la forme du gouvernement».

совъ, а король, раздаватель столькихъ милостей, легко могъ привлечь это большинство на свою сторону. Для устраненія всякихъ подозрѣній, члены этихъ совѣтовъ долженствовали быть назначаемы сеймомъ. Иностранные посланники, графъ Кайзерлингъ и князь Репнинъ съ русской стороны, и князь Шёнайхъ-Каролатъ и Бенуа съ прусской, были обмануты общими выраженіями, темными фразами, даже неточными переводами съ польскаго, или же просто мало что понимали изъ всей этой польской конституціонной путаницы. Труднѣе было обмануть ихъ при проведеніи второй, первостепенной важности реформы — отмѣны *liberum veto*, и едва только услышали они о возбужденіи этого вопроса, какъ тотчасъ же воспротивились ему. Вслѣдствіе того, дѣломъ этимъ перестали заниматься явно, и примасъ притворно объявилъ, что «по недостатку надлежащихъ полномочій у земскихъ пословъ, эту важную перемѣну должно предоставить будущему времени».—Но хитрый великій канцлеръ Михаилъ Чарторыйскій съумѣлъ однако обойдти и иностранныхъ посланниковъ, проведя, какъ бы въ дополненіе къ прежнимъ постановленіямъ, слѣдующее: «чтобы, въ отсутствіе сейма, король имѣлъ право назначать членовъ на свободныя мѣста въ четырехъ верховныхъ совѣтахъ». Но при liberum veto никакой сеймъ не былъ возможенъ, и важное право назначенія на эти мѣста, а съ нимъ въ тоже время и преобладающее вліяніе, оставались почти исключительно за королемъ. Такимъ образомъ, даже это противуборство двухъ державъ, разсчитанное на ослабленіе Польши, должно было, напротивъ, въ ловкихъ рукахъ Михаила Чарторыйскаго, послужить къ ея усиленію. Относительно предположеннаго порядка производства дѣлъ въ совѣтахъ, онъ прибѣгнулъ къ другимъ тонкостямъ: общія выраженія должны были прикрыть возстановленіе порядка. Всѣ предложенія *на пользу республики* долженствовали, въ самомъ началѣ сейма, быть представляемы коммиссіею казны и, прежде всѣхъ другихъ вопросовъ, рѣшаемы *судебнымъ порядкомъ* (т. е. большинствомъ голосовъ). Въ широкій объемъ этого закона можно было ввесть все, что угодно, и рѣшать большинствомъ голосовъ; наконецъ, посредствомъ другой прозорливой мѣры, въ случаѣ сорванія или несостоятельства сейма, всѣ такимъ порядкомъ произнесенныя рѣшенія долженствовали оставаться въ полной силѣ. Этимъ было безконечно много выиграно. Военная коммиссія, учрежденная на такомъ же основаніи, какъ и коммиссія казны, должна была вѣдать всемъ вообще военнымъ управленіемъ, какъ-то наборомъ, обученіемъ, дисциплиною и содержаніемъ войскъ. Въ предписаніяхъ, данныхъ коммиссіи юсти-

ціи, были предложены законы, благопріятствовавшіе крестьянамъ и ограничивавшіе самовластіе дворянъ надъ ними.

Такимъ образомъ Чарторыйскіе, подъ видомъ лишь введенія лучшаго порядка въ конституцію, съумѣли незамѣтнымъ образомъ измѣнить ее и приблизить къ монархическому правленію. А чтобы лучше скрыть ихъ улучшенія, сеймъ, въ своемъ послѣднемъ засѣданіи, былъ превращенъ въ конфедерацію, къ которой должно было приступить дворянство цѣлаго королевства. Этимъ Чарторыйскіе, даже и послѣ распущенія сейма, удержали въ своихъ рукахъ диктаторскую власть, такъ какъ успѣли достигнуть назначенія Августа Чарторыйскаго маршаломъ конфедераціи.

Иностранныя правительства не замѣтили бы ничего, еслибъ Мокрановскій, довѣренный другъ одного изъ ограниченныхъ въ своей власти высшихъ сановниковъ (гетмана Браницкаго), не открылъ всего положенія дѣлъ Прусскому королю. Онъ поѣхалъ въ Берлинъ и просилъ Фридриха, чтобъ онъ, для устраненія Понятовскаго, далъ имъ въ короли брата своего, Генриха. Фридрихъ, по основательнымъ причинамъ, не хотѣлъ и слышать о томъ. «Тогда, государь,—сказалъ Мокрановскій,—спасите по крайней мѣрѣ наши вольности.»— Король выслушалъ Мокрановскаго и онъ объяснилъ ему весь смыслъ, всѣ тонкіе извороты, употребленные Чарторыйскими для того, чтобы тайнымъ образомъ совершить реформу. Изумленный король обѣщалъ «вскорѣ положить конецъ этому, такъ какъ и союзъ его съ Россіей не имѣлъ иной цѣли ([12]).»

Онъ тотчасъ же ударилъ тревогу въ Петербургѣ ([13]) и, по избраніи Станислава Понятовскаго въ короли (7 сент. 1764), русскій посланникъ, вмѣстѣ съ прусскимъ, долженъ былъ, на коронаціонномъ сеймѣ (въ ноябрѣ 1764 г.), рѣшительно потребовать «чтобы конфедерація была распущена и законы приведены снова въ прежнее положеніе.» Чарторыйскіе твердо стояли на своемъ и, для привлеченія на свою сторону общественнаго мнѣнія, распространили въ націи летучіе листки, въ которыхъ излагалось, какъ благодѣтельны для нея произведенныя перемѣны. А какъ новый сеймъ, который

---

(12) Rhuliére. II. 233.

(13) Frédèric (Mém. de 1763—65, p. 14): «Le roi de Prusse craignit, que ces changements ne tirassent à conséquence, en introduisant un changement considérable dans ce gouvernement d'une république aussi voisine de ses Etats que la Pologne; il en avertit la cour de Pétersbourg, qui entra dans ses vues.»

одинъ могъ произвесть коренныя измѣненія, долженъ былъ собраться только черезъ два года, то по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ нововведенныя учрежденія были обезпечены. Притомъ Чарторыйскіе сохранили и всеобщую конфедерацію.

Но они сдѣлали важную ошибку, которая разрушила все, что было введено ими съ такою осмотрительностью. На коронаціонномъ сеймѣ Россія предложила оборонительный и наступательный союзъ; на этотъ конецъ Поляки должны были образовать войско, силою въ 50,000 человѣкъ. Это былъ счастливый случай, за который имъ слѣдовало ухватиться обѣими руками: это заинтересовало бы и самую Россію въ ихъ реформахъ и дозволило бы имъ увеличить доходы и войско, тогда можно было бы уже дѣйствовать смѣлѣе и съ большею самостоятельностью. Однако Чарторыйскіе сдѣлали ту непростительную ошибку, что отклонили этотъ союзъ, изъ опасенія, какъ они говорили, сдѣлаться зависимыми отъ Россіи и быть принужденными участвовать въ ея войнахъ.—Развѣ, оставаясь безоружными, они не были въ сто разъ зависимѣе, и не отъ одной Россіи? Въ союзѣ же съ Русскими они научились бы дисциплинѣ, порядку и болѣе совершенному военному искусству, и создали бы для себя хорошее войско, что все могло послужить только въ пользу ихъ плановъ и ихъ независимости. Тогда никто и не подумалъ бы отрывать частей ихъ страны: къ сильному, въ союзѣ съ сильнымъ, всякій чувствуетъ уваженіе. А разъ усилившись, они, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, легче могли бы достигнуть и независимости отъ союзника. Но отклоненіемъ союза они оскорбили Россію и изъ благопріятствовавшей ихъ преобразованіямъ державы обратили ее въ противоборствовавшую имъ—и тогда все пошло назадъ. Бывъ до сихъ поръ въ поступленіи впередъ, они теперь вдругъ были атакованы на иномъ поприщѣ и поставлены въ оборонительное положеніе. Всякая несправедливость влечетъ за собою свое возмездіе: несправедливыя религіозныя угнетенія диссидентовъ, отнятіе у нихъ политическихъ правъ, должны были теперь послужить предлогомъ къ тому, чтобы затронуть Польшу за самое больное ея мѣсто и повлечь вслѣдъ за этимъ мятежъ, междуусобную войну, опустошенія и вмѣшательство иностранцевъ, а это имѣло послѣдствіемъ первое раздробленіе страны и тѣмъ подготовило паденіе ея.

Увѣренные въ покровительствѣ Фридриха, протестантскіе диссиденты польской Пруссіи потребовали возстановленія отнятыхъ у нихъ вольностей и правъ; а въ соглашеніи съ этимъ и христіане

греческаго вѣроисповѣданія (*) въ восточныхъ областяхъ просили русскую императрицу ходатайствовать за нихъ. Эти требованія пріуготовлены были дальновиднымъ Фридрихомъ еще за два года передъ тѣмъ. Когда восторженный почитатель его, императоръ Петръ III заключилъ съ нимъ 8-го іюня 1762 года тѣсный союзъ, Фридрихъ съумѣлъ включить въ него условіе «принятія участія въ диссидентахъ и христіанахъ греческаго вѣроисповѣданія противъ угнетенія ихъ Поляками.» (14).—Въ слѣдствіе того, диссиденты и православные, увѣренные въ поддержкѣ Россіи и Пруссіи, представили уже на избирательномъ сеймѣ свои прошенія, которыя были еще болѣе подкрѣплены сопровождавшими ихъ нотами, переданными русскимъ и прусскимъ посланниками 14-го сентября 1764 г. Это было роковымъ косвеннымъ ударомъ для короля и Чарторыйскихъ: благопріятствовать требованіямъ диссидентовъ значило оскорбить фанатическую и могущественную партію духовенства, а сурово отказать въ нихъ— оскорбить покровительствующія державы. Пособили этому тѣмъ, что съ одной стороны Станиславъ старался успокоить русскую императрицу и написалъ ей «чтобъ она дала ему лишь нѣсколько времени на постепенное подготовленіе умовъ его народа и на пріобрѣтеніе его довѣрія», а съ другой стороны Чарторыйскіе предоставили дѣло диссидентовъ свободному рѣшенію сейма, которое, при господствовавшемъ настроеніи умовъ, естественно послѣдовало не въ ихъ пользу. Этимъ было посѣяно сомнительное сѣмя для буду-

---

(*) Т. е. православные.

(14) Подлиннаго текста этого союзнаго договора нигдѣ нельзя отыскать, ни у Мартенса, ни въ одномъ изъ другихъ сборниковъ. Шёлль (Hist. des traités, Brux. 1851. T. I. 358) говоритъ только слѣдующее: «Вскорѣ послѣ мирнаго договора 5-го мая 1762 года, былъ заключенъ болѣе тѣсный союзъ между императоромъ Петромъ и королемъ прусскимъ. Условія договора неизвѣстны; узнали только, что корпусъ Чернышева, бывшій на обратномъ пути изъ Польши, опять вернулся въ Силезію.»— Только у Рюльера можно найти слѣдующія дополнительныя свѣдѣнія. Союзный договоръ заключалъ въ себѣ относительно Польши 3 пункта: 1) «Возведеніе на польскій престолъ кого-либо изъ Пястовъ, для отстраненія саксонской династіи.» 2) «Покровительство диссидентовъ и христіанъ греческаго вѣроисповѣданія.» — Пруссія заступила мѣсто Швеціи, какъ покровительница протестантства. Баронъ Гольцъ, происходившій отъ диссидентовъ польской Пруссіи, былъ посланникомъ Фридриха въ Петербургѣ и заключилъ этотъ союзный договоръ; изъ этого легко можно догадаться, съ которой стороны явились эти условія, такъ какъ Петра III мало занимали польскія дѣла, а гораздо болѣе датскія.—Третій пунктъ договора исходилъ со стороны Россіи и предоставлялъ ей свободное распоряженіе герцогствомъ Курляндскимъ. (Въ другомъ мѣстѣ мы подробнѣе поговоримъ объ этомъ).

*

щаго произращенія. Требовать отъ людей, воспитанныхъ Іезуитами и въ ненависти ко всѣмъ иновѣрцамъ, чтобъ они не только терпѣли послѣднихъ, но и предоставили имъ равныя съ собою *политическія права*, значило огнемъ и пламенемъ возжечь всѣ ихъ фанатическія и своекорыстныя страсти. Покровительствующія же державы не только сохранили всегда готовый предлогъ къ вмѣшательству, но и кромѣ того пріобрѣтали передъ цѣлымъ свѣтомъ славу просвѣщеннаго намѣренія, человѣколюбія и справедливости. Величайшая политическая ошибка, которую можетъ сдѣлать правительство, состоитъ въ томъ, чтобъ отказывать противникамъ въ исполненіи требованій, основанныхъ на справедливости;—этимъ утрачивается всеобщее участіе и подъ конецъ все-таки приходится уступить. Поэтому согласнѣе съ правилами мудрости—какъ можно скорѣе удовлетворить ихъ. Въ слѣдствіе того, что Поляки не признавали или не хотѣли признавать этого, они навлекли на себя несказанныя бѣдствія.

Такимъ образомъ съ одной стороны положено было основаніе къ улучшеніямъ, а съ другой—къ вреднымъ безпокойствамъ.

Еслибы Станиславъ имѣлъ за собою хоть немного менѣе испорченный народъ, способный обуздывать свои страсти, вникать въ себя и постигать улучшенія, въ которыхъ нуждался, то могъ бы достигнуть исполненія своихъ плановъ. Но какъ онъ не нашелъ поддержки въ своемъ народѣ и подвергся нападенію превосходныхъ силъ, то исходъ не могъ быть сомнительнымъ.

Что проводится таинственнымъ образомъ, посредствомъ словъ, сказанныхъ обиняками, то рѣдко бываетъ прочнымъ, потому что возбуждаетъ всеобщую недовѣрчивость, которая, блуждая по свободному полю фантазіи, видитъ за этими словами всевозможныя опасности и потому успокоивается не ранѣе, какъ воспрепятствовавъ самому дѣлу. Чѣмъ менѣе открыто и прямо излагались проекты новыхъ учрежденій, тѣмъ болѣе недовѣрія и ненависти возбуждали они. Съ изумленіемъ увидѣли Поляки, что обѣ коммиссіи казны и военныхъ дѣлъ имѣли болѣе власти, нежели сколько они полагали предоставить имъ, и, объятые старинными предразсудками, трепетали при мысли, что король, посредствомъ увеличенія доходовъ, могъ получить въ свои руки слишкомъ много денегъ и еще болѣе подавить свободу. Такъ какъ, кромѣ того, король и его дяди не шли по старой дорогѣ, но, помимо высшаго дворянства, болѣе предпочитали дарованія низшей шляхты, и какъ приверженцы ихъ повсюду говорили о необходимости дальнѣйшихъ преобразованій, то еще болѣе усилилась подозрительность такъ называемыхъ *па-*

тріотовъ, т. е. тѣхъ, которые, коснѣя въ старинныхъ понятіяхъ, желали сохраненія прежней анархіи и въ самыхъ благодѣтельныхъ улучшеніяхъ хотѣли видѣть стремленіе къ тираніи.

Король, постоянно имѣя въ виду свои преобразовательные планы, воспользовался промежуткомъ времени до новаго сейма 1766 года, чтобы, въ силу полномочій, дарованныхъ ему такъ называемыми *pacta conventa*, учредить кадетскій корпусъ, для доставленія своей странѣ дѣльныхъ офицеровъ,—заложить литейный дворъ, для снабженія оной нужнымъ количествомъ артиллерійскихъ орудій,—наконецъ, дурную монету, введенную въ обращеніе Евреями, замѣнить вновь вычеканенною хорошею, и дать лучшее и болѣе полезное устройство сбору пошлинъ, составлявшихъ главный доходъ государства. Но здѣсь Фридрихъ снова заградилъ ему дорогу, воспротивившись какимъ бы то ни было повышеніямъ пошлинъ. Наконецъ, Станиславъ старался поставить въ лучшее положеніе общественное воспитаніе и всячески поддерживать науки и искуства. Это были первые начатки исполненія его великаго правительственнаго плана. Но намѣренія его были разгаданы и со всѣхъ сторонъ устремились на него сопротивленіе и препятствія.

Собрался сеймъ 1766 года, и король, преслѣдуя свои планы, старался провести законъ «чтобы на будущее время увеличеніе арміи и установленіе новыхъ налоговъ были рѣшаемы только большинствомъ голосовъ.»—Тутъ гроза разразилась. Русскій и прусскій посланники объявили «что ихъ дворы не согласятся на увеличеніе налоговъ и арміи»; вмѣстѣ съ тѣмъ они потребовали «точнѣйшаго объясненія новыхъ учрежденій и многихъ обманчивыхъ выраженій, подъ покровомъ которыхъ уничтожены liberum veto и другія важныя постановленія, и чтобы драгоцѣнное единогласіе было обезпечено на будущее время». Съ твердостью и рвеніемъ и не безъ угрозъ настаивали оба посланника на исполненіи этого и требовали распущенія общей конфедераціи, въ чемъ ихъ поддерживала могущественная партія такъ называемыхъ патріотовъ или враговъ реформы. Наконецъ король и Чарторыйскіе, къ крайнему прискорбію своему, увидѣли себя вынужденными уступить и должны были теперь сами по частямъ разрушать то зданіе, къ возведенію котораго ими было приложено столько труда и столько искуства, и это разрушеніе сопровождалось радостными воплями безсмысленныхъ патріотовъ, хвастовшихъ тѣмъ «что разрушили честолюбивые планы и отклонили грозившій деспотизмъ».—Однако королю удалось спасти учрежденіе четырехъ верховныхъ совѣтовъ или коммиссій, а съ ними и свое вліяніе на

управленіе страною; также было постановлено, чтобы впредь на провинціальныхъ сеймикахъ дѣла рѣшались по большинству голосовъ. Но всеобщая конфедерація, которая въ теченіе двухъ лѣтъ держала въ обузданіи всю страну, долженствовала быть распущена. Въ то-же время, какъ орудіе нападенія, снова былъ поднятъ вопросъ о дѣлѣ диссидентовъ и потребованы для нихъ справедливость и права; но фанатизмъ и своекорыстіе епископовъ, подстрекаемые папскимъ нунціемъ и поддерживаемые изувѣрствомъ и вѣроисповѣдническою ненавистію толпы, и на этомъ сеймѣ отклонили всѣ справедливыя уступки. Чѣмъ долѣе такимъ образомъ уклонялись отъ требованій справедливости, выставляемыхъ политически-мудрыми противниками въ видѣ западни, тѣмъ худшія готовили себѣ послѣдствія, которыя и не заставили себя долго ждать.

Зависть вельможъ и негодованіе ихъ противъ Понятовскаго, за то, что онъ благопріятствовалъ низшей шляхтѣ,—фанатическая злоба духовенства за то, что онъ, въ дѣлѣ диссидентовъ, совѣтовалъ дѣлать уступки,—наконецъ ненависть къ нему толпы за то, что онъ вступилъ на престолъ помощію Россіи, вслѣдствіе чего на него возлагали вину всѣхъ тягостей и жалобъ, причиняемыхъ пребываніемъ русскихъ войскъ въ Польшѣ; а съ другой стороны желаніе русскаго посланника Репнина дать почувствовать королю, хотѣвшему дозволить себѣ болѣе свободы дѣйствій, его зависимость и привести дѣло о диссидентахъ къ окончательному рѣшенію — всѣ эти причины повели за собою (лѣтомъ 1767 года) генеральную конфедерацію въ Радомѣ, которая, будучи созданіемъ противниковъ и враговъ, чувствительно поколебала королевскій престолъ. Когда короля достаточно устрашили и преклонили, тогда въ Варшавѣ былъ открытъ (5-го октября 1767 года) чрезвычайный сеймъ, для утвержденія, согласно обычаю, постановленій конфедераціи и, кромѣ того, для уясненія дѣлъ о диссидентахъ и о конституціи. Фанатическое противудѣйствіе епископовъ Солтыка и Залускаго, равно и обоихъ Ржевускихъ, побудило вспыльчиваго Репнина прибѣгнуть къ насильственной мѣрѣ: онъ велѣлъ схватить ихъ и отвезти въ Россію; затѣмъ назначенная сеймомъ делегація должна была разработать проектъ закона для приведенія въ правильный порядокъ всѣхъ спорныхъ религіозныхъ и конституціонныхъ вопросовъ. Негодованіе, возбужденное оскорбленіемъ свободы сейма, поношеніе, нанесенное національной независимости и, наконецъ, тайныя намѣренія фанатическихъ или честолюбивыхъ вождей партій, повели къ *Барской* конфедераціи, которая поставила себѣ цѣлію: низложеніе короля, по-

давленіе диссидентовъ и изгнаніе Русскихъ изъ Польши; Барская же конфедерація, помощію подстрекательствъ Шуазёля, повела къ турецкой войнѣ. Мы видѣли ходъ и исходъ обѣихъ (15). Теперь намъ предстоитъ разсмотрѣть, какъ эти смуты, при искусномъ пользованіи ими, привели наконецъ Фридриха къ давно желанной цѣли — пріобрѣтенію польской Пруссіи, но еще прежде того упомянуть объ исходѣ дѣлъ о диссидентахъ и конституціи.

Диссиденты получили то, чего желали, и даже болѣе, нежели требовали сначала, а именно: свободу вѣроисповѣданія и одинаковыя съ католическими собратіями своими политическія права. Относительно конституціи было постановлено: 1) всѣ *административныя* мѣры, предположенныя каждымъ сеймомъ, должны были рѣшаться въ теченіе первыхъ трехъ недѣль и по *большинству голосовъ*, и рѣшенія эти, даже въ случаѣ распущенія сейма, имѣли сохранять повсюду свою дѣйствительность; 2) напротивъ всѣ *политическія* мѣры, какъ-то увеличеніе числа войскъ, введеніе новыхъ податей и налоговъ, договоры съ иностранными державами и т. д. должны были рѣшаться въ теченіе послѣднихъ трехъ недѣль и лишь *единогласно*. Такимъ образомъ дозволялись административныя улучшенія, но не политическое усиленіе. Благодѣтельно было то, что распущеніе сеймовъ не должно было имѣть вліянія на административныя рѣшенія и что созданные Чарторыйскими четыре верховные совѣта или коммиссіи были сохранены, и наконецъ то, что, по настоянію короля, постановлены были нѣкоторыя условія въ пользу угнетеннаго крестьянскаго сословія и смертная казнь, вмѣсто отмѣненной денежной пени, за убійство крестьянина. Такимъ образомъ эта конституція, хотя и внушенная большею частію однимъ иностраннымъ посланникомъ, все-таки была шагомъ къ лучшему. Ею сеймъ заключилъ 5 марта 1768 года свои засѣданія.

Турецкая война обманула всѣ ожиданія тѣхъ, которые благопріятствовали ей; подъ могучими ударами Русскихъ затрепеталъ Стамбулъ. Побѣдительница, превознесенная сознаніемъ побѣдъ и могущества, захотѣла теперь разомъ сдѣлать такіе шаги, которые можно дѣлать только постепенно, и, чрезмѣрными требованіями своими, возбудила противъ себя зависть сухопутныхъ державъ, преимущественно Габсбурго-Бурбонскаго союза. Фридрихъ, ея союзникъ, и самъ озабоченный этимъ, предостерегалъ ее, удерживалъ, старался о соглашеніи, о посредничествѣ. Но когда военное счастіе

(15) Въ первой части этого сочиненія.

повсюду продолжало улыбаться ей, до того, что повергло въ ужасъ ея враговъ и безсильныхъ противниковъ, тогда Фридрихъ уговорился въ Нейштадтѣ съ Іосифомъ, императоромъ Германскимъ и ближайшимъ наслѣдникомъ Терезіи, и съ его упорнымъ и гордымъ министромъ Кауницомъ, своимъ старымъ врагомъ, какъ положить предѣлъ военнымъ успѣхамъ и требованіямъ Русскихъ. Австрія сначала хотѣла прибѣгнуть къ вооруженному вмѣшательству и уже завязала съ Турціею тайные переговоры. Но тутъ Фридрихъ умѣлъ съ неподражаемымъ искуствомъ такъ настроить умы, однихъ удерживая, другихъ подстрекая, и столь хитро возбудить приманками своекорыстіе, что когда довелъ дѣло, куда хотѣлъ, и различными путями внушилъ планъ вознагражденія себя на счетъ анархической Польши и притомъ такъ, чтобы всякій получилъ свою часть, въ избѣжаніе нарушенія равновѣсія, долженствовавшаго всегда служить извиненіемъ,—тогда его, наконецъ, охотно стали слушать ([16]). Это было мастерскимъ политическимъ дѣломъ, выше всѣхъ его военныхъ подвиговъ, направить совокупно къ одной и той же цѣли, съ одной стороны—гордыхъ побѣдителей, а съ другой—высокомѣрныхъ противниковъ, къ тому же—двухъ женщинъ, двухъ монархинь, съ противуположными характерами, и упорнаго, во всемъ ему противившагося министра. Ибо у Маріи-Терезіи пробудилась увѣренность, а въ императрицѣ Екатеринѣ сознаніе, что онѣ могли безъ сопротивленія господствовать надъ цѣлымъ и, слѣдовательно, при раздѣлѣ скорѣе потерять, нежели выиграть, у Кауница же, наконецъ, мысль, что его любимое дѣтище, Габсбурго-Бурбонскій союзъ, могъ быть сильно поколебленъ этимъ. Однако Фридриху уда-

---

(16) Коксъ, Враксаль, Сегюръ, вообще всѣ свѣдущіе иностранцы давно уже указывали и признавали достовѣрнымъ, что Фридрихъ былъ главнымъ зачинщикомъ и дѣятелемъ въ раздѣлѣ Польши. Только въ Германіи усердно оспоривали это. Однако, уже для внимательнаго читателя записокъ Фридриха 1763—65 годовъ, даже по старому ихъ изданію, оставалось мало сомнѣній въ томъ; новое же изданіе 1847 г., гдѣ исправлено поврежденіе текста, сдѣланное Герцбергомъ, почти вовсе не оставляетъ оныхъ. Подъ 1769 г. на 26 стр. значится именно: «Le roi avait envoyé à St. Pétersbourg un projet politique, qu'il attribuait à un comte de Lynar. Le projet contenait une esquisse d'un partage à faire de quelques provinces de la Pologne entre la Russie, la Prusse et l'Autriche». (Авторъ, въ другомъ своемъ сочиненіи, намѣренъ, на основаніи собственныхъ депешъ короля, поставить внѣ всякаго сомнѣнія, что предложенія о раздѣлѣ произошли единственно и исключительно отъ Фридриха и что Россія, равно какъ и Австрія, долго не соизволяли на нихъ).

лось осуществить это трудное дѣло съ такими осмотрительностью, умомъ и ловкостью, какіе могли быть внушены только самымъ близкимъ къ сердцу и горячимъ интересомъ. Скажемъ болѣе, когда собственное его чувство и голосъ современниковъ говорили ему, что планъ мирнаго раздѣла слабаго сосѣдственнаго государства не будетъ одобренъ, Фридрихъ съумѣлъ придать дѣлу такой видъ, что онъ, главный зачинщикъ, являлся совершенно невиновнымъ въ раздѣлѣ и принялъ въ немъ столь удобное для себя участіе только по необходимости и вынужденный къ тому своекорыстіемъ императорскихъ дворовъ. И это мнѣніе онъ такъ ловко умѣлъ распространить, что многіе честные Пруссаки, въ своемъ патріотическомъ уваженіи къ королю, совершенно серьозно и съ полнымъ убѣжденіемъ осмѣливались утверждать, что изъ трехъ властителей, Фридрихъ имѣлъ наименьшее участіе въ этомъ дѣлѣ и такъ сказать только для собственной защиты и самосохраненія долженъ былъ взять свою долю; первый же поводъ, первый толчекъ къ роковому раздѣлу данъ былъ, смотря по наклонности ихъ къ той или другой сторонѣ, то Австріею, которая завладѣла Ципсомъ, то Екатериною, которая заявила принцу Генриху, что «если Австрія дозволила себѣ такой захватъ, то и другія сосѣдственныя державы имѣли такое же празо взять что-нибудь» или, какъ она, говорятъ, выразилась: «наклониться и поднять». Нашему времени суждено было пріобрѣсть очевиднѣйшія доказательства противнаго и открыть, что настоящимъ зачинщикомъ и искуснымъ исполнителемъ раздѣла былъ—Фридрихъ,—не безъ удивленія впрочемъ необычайнымъ искуству и ловкости, и неподражаемымъ точности и послѣдовательности, съ которыми онъ умѣлъ привести въ исполненіе этотъ давно задуманный планъ, не теряя его ни на минуту изъ виду и не смотря на самыя противоборствующія обстоятельства и лица (17).

Такъ пала Польша жертвою за Турцію, потому что Фридрихъ, относительно первой изъ этихъ странъ, давно убѣдился, что величіе Пруссіи могло быть основано только на паденіи Польши, а величіе Польши—только на слабости Пруссіи (18). Нетерпимость, не-

---

(17) Лучше всего это доказалъ St. Priest въ его Etudes diplomatiques, T. I, и сдѣлалъ вѣроятнымъ даже до очевидности, хотя, впрочемъ, всякому внимательному читателю королевскихъ записокъ, даже до возстановленія ихъ истиннаго текста, мало оставалось сомнѣнія въ этомъ.

(18) Vita Corradini—mors Caroli,
Mors Corradini—vita Caroli!

дальновидность, страстная горячность и раздоры Поляковъ довершили остальное. И такимъ образомъ, въ ближайшіе 22 года долженствовало быть исполнено то, къ чему Фридрихъ только проложилъ путь и поставилъ указательныя вѣхи. Такова сила судьбы! Характеръ короля Станислава, его достохвальнѣйшія стремленія должны были еще послужить именно къ тому, чтобы содѣйствовать упадку и конечному паденію Польши и ускорить ихъ. Къ старымъ раздорамъ они присоединили новые, рядомъ съ старыми видами, нравами, обычаями и мнѣніями поставили новые, противуположные, перевернувшіе все вверхъ дномъ. Извѣстно, что въ природѣ, въ мірѣ нравственномъ, какъ и въ физическомъ, все находится въ состояніи вѣчнаго созиданія и постояннаго, хотя и незамѣтнаго, измѣненія, и какъ въ физической природѣ вещество самое твердое, подобно самому мягкому, съ теченіемъ времени измѣняется и замѣняется другимъ, такъ и въ мірѣ нравственномъ, одинъ рядъ мыслей за другимъ проникаетъ текущій вѣкъ въ его ходу, и движется, и роется, и работаетъ далѣе. И если обратить свой взглядъ на одно или два человѣческихъ поколѣнія назадъ, то нельзя не изумиться дѣйствію этой потаенной работы и полному измѣненію взглядовъ и мнѣній міра. Кто находится въ преклонныхъ лѣтахъ, пусть перенесетъ себя въ воображеніи за 25 или за 30 лѣтъ въ прошедшее время: какіе, совершенно иные интересы, мысли, стремленія и мнѣнія господствовали тогда въ человѣчествѣ! А однимъ поколѣніемъ позже, и наши потомки произнесутъ такое же сужденіе о нашемъ времени.

Въ здоровомъ тѣлѣ происходитъ постоянное, почти незамѣтное поступленіе впередъ (прогрессъ) и умѣренное, постепенное преобразованіе: нѣкоторыя старыя, негодныя, умершія частицы устраняются, другія, освѣженныя пищею, входящею извнѣ, занимаютъ ихъ мѣсто; это послѣдуетъ такъ незамѣтно, что въ теченіе ряда нѣсколькихъ лѣтъ устраняется безчисленное множество негодныхъ веществъ и взамѣнъ ихъ воспринимаются новыя, такъ что тѣло является почти въ совсѣмъ иномъ видѣ. Еслибы захотѣть насильственнымъ образомъ задерживать входъ новыхъ жизненныхъ веществъ и предоставить старымъ истощать тѣло, то наступили бы слабость, маразмъ (сухотка), гнилость и наконецъ полное разложеніе и распаденіе всѣхъ частей. —Такою, остановившеюся въ своей дѣятельности страною была Польша, гдѣ всякое умственное и нравственное движеніе было задержано іезуитскими хитростью и ложью, фанатизмомъ и матеріальною силою, и народъ впалъ въ совершенный нравственный и

умственный маразмъ.—Въ царствованіе Станислава, когда тормозящее могущество духовенства и дворянства было устранено иностраннымъ вмѣшательствомъ и вновь-возстановленнымъ умственнымъ движеніемъ, новые взгляды, мнѣнія и правила внезапно излились, съ чрезмѣрною, неудержимою силою, на неподготовленную къ тому націю: началась жестокая борьба стараго съ новымъ и наполнила собою весь періодъ правленія Станислава-Августа. Поборники стараго и новаго попеременно являлись то побѣдителями, то побѣжденными, и пали наконецъ всѣ вмѣстѣ подъ тяжестью времени и чужеземныхъ силъ, потому что отстали отъ времени и въ собственномъ могуществѣ оказались отсталыми.

Уже одинъ изъ древнихъ мудрецовъ ([19]) сказалъ, что паденію государствъ предшествуетъ упадокъ нравственности и справедливости. Польша представила новое тому доказательство: нравственности и справедливости мало можно было найти въ ней; повсюду были только эгоизмъ, своекорыстіе и упадокъ нравовъ. Въ продолженіе болѣе ста лѣтъ, вельможи и сильные люди продавали корону своей страны предлагавшимъ высшую цѣну за нее, принимали годовое жалованье отъ чужеземцевъ, чтобы прислуживать имъ и удовлетворять своимъ похотямъ, и издѣвались надъ нравственностью и законами; въ вѣчныхъ раздорахъ между собою, они устроивали свои дѣла посредствомъ подкуповъ или насилія. Милліоны людей были попираемы въ прахъ для того, чтобъ эти немногія тысячи могли дѣлать, что имъ вздумается, не уважая ни короля, ни правъ, ни законовъ, которые были безсильны. И эта зараза отъ высшихъ классовъ перешла и на непосредственно за ними слѣдовавшіе, и здѣсь ея распространенію и разработыванію въ ихъ пользу особенно служили жиды, которые, подобно гадамъ, обильно распложаются только въ гніющихъ тѣлахъ.—Нравственное состояніе страны было насквозь проникнуто порчей и подрыто въ основаніи, а въ такомъ случаѣ излечить его можно (если оно еще излечимо) только несчастіями и нуждой, огнемъ и мечемъ!

Несчастіе разразилось и послѣдствіемъ былъ первый раздѣлъ; подобно громовому удару, онъ пробудилъ народъ отъ его оцѣпенѣнія. Сеймъ, который долженъ былъ утвердить раздробленіе страны, имѣлъ собраться 19 апрѣля 1773 г., и лишь съ величайшимъ трудомъ удалось побудить его на соизволеніе раздѣльному договору. Приняты были самыя настойчивыя мѣры: королю угрожали низложеніемъ и заклю-

---

([19]) Полибій.

ченіемъ, Варшавѣ—предоставленіемъ солдатамъ на грабежъ, государственному сейму—полнымъ раздѣломъ остававшихся еще земель; и подкупы, здѣсь столь дѣйствительные, долженствовали быть пущены въ дѣйствіе, и маршалъ сейма Понинскій, вмѣстѣ съ другими сенаторами и депутатами, были подкуплены. Такимъ образомъ, посредствомъ угрозъ и подкуповъ, членовъ сейма довели наконецъ до подписанія договора, однако съ большинствомъ только шести голосовъ въ сенатѣ и одного въ палатѣ депутатовъ. Впрочемъ это вынужденное согласіе сейма было пустою формальностью, которая никого не обманула. Сила и власть отняли часть страны, сила и власть возвратили бы ее Полякамъ, еслибъ они имѣли перевѣсъ силы на своей сторонѣ. И потому именно, что это было лишь пустою формальностью, смѣха достойна та важность, которую польскіе писатели придаютъ подписанію договора и съ которою они за это подвергаютъ членовъ сейма вѣчному проклятію. Вынужденное подписаніе никогда еще не связывало того, кто имѣлъ силу его уничтожить, да и ихъ самихъ не связало въ послѣдствіи. Россія получила наибольшую часть страны, но только съ $1^1/_2$ милліономъ жителей, Австрія—лучшую и доходнѣйшую съ $2^1/_2$ милліонами населенія, Пруссія—самую промышленную и выгоднѣйшимъ образомъ расположенную, но менѣе нежели съ 1 милліономъ жителей. Но этотъ прусскій участокъ—вожделѣнное пріобрѣтеніе Фридриха—былъ самою тяжкою утратою, потому что лишалъ Польшу ея водяныхъ сообщеній, а Фридрихъ, своими пошлинами, почти уничожилъ торговлю Данцига, для отвлеченія оной къ Кенигсбергу и Мемелю. Но еще хуже раздѣла было то, что Польшу старались удержать въ состояніи анархіи и, подъ предлогомъ улучшенія конституціи, подтверждали ея злоупотребленія. Сеймовая делегація, заключившая раздѣльный договоръ, должна была, въ соединеніи съ посланниками трехъ дворовъ, Штакельбергомъ, Ревицкимъ и Бенуа, ввести необходимыя, такъ называемыя улучшенія въ коституцію. Засѣданія этой делегаціи тянулись съ мая 1773 г. до марта 1775 г. и только послѣ несказанныхъ, полтора года продолжавшихся споровъ, она могла быть подвигнута къ утвержденію новой конституціи.

Иностранные посланники, нотою отъ 13 сентября 1773-го года, предписали сеймовой делегаціи нижеслѣдующія основанія для новой конституціи:

1) Польша навсегда остается избирательнымъ государствомъ и никогда не должна быть наслѣдственнымъ.

2) Никто изъ иностранцевъ, а только природный Полякъ можетъ

вступать на престолъ (дабы страна не могла усилиться внѣшними союзами).

3) Конституція всегда должна оставаться свободною, независимою, республиканскою (т. е. всѣ прежнія, непомѣрныя преимущества дворянства, равно и *liberum veto*, имѣли быть сохранены и не слѣдовало предпринимать никакихъ исправленій недостатковъ конституціи).

4) Такъ какъ истинный принципъ предположенной конституціи заключался въ равновѣсіи трехъ государственныхъ чиновъ: короля, сената и рыцарства, то имѣлъ быть учрежденъ *постоянный совѣтъ*, въ составъ котораго, кромѣ короля и сената, входили бы члены и изъ рыцарскаго сословія. Этотъ совѣтъ долженъ былъ образовать *власть исполнительную*. (Католическая партія, поддержанная Австріею, достигла постановленія, чтобы ни одинъ диссидентъ не былъ допускаемъ ни въ постоянный совѣтъ, ни въ сенатъ, ни на сеймъ. Такъ какъ главныя цѣли уже были достигнуты, то средства, употребленныя для достиженія ихъ, были оставлены, и въ дѣлѣ диссидентовъ оказана бо́льшая уступчивость).

Согласно съ этими предписанными основаніями, новая конституція приняла слѣдующій видъ:

Высшая *законодательная* власть осталась за сеймомъ, состоявшимъ изъ трехъ государственныхъ чиновъ: короля, сената и рыцарства.

Исполнительную власть получилъ *постоянный совѣтъ* изъ выборныхъ отъ этихъ трехъ государственныхъ чиновъ. Онъ состоялъ изъ короля, 18-ти сенаторовъ ([20]) и 18-ти земскихъ пословъ или депутатовъ ([21]). Члены его имѣли быть избираемы на каждомъ новомъ сеймѣ, по большинству голосовъ. Онъ раздѣлялся на пять отдѣленій или коммиссій: 1) иностранныхъ дѣлъ, 2) полиціи, 3) военныхъ дѣлъ, 4) юстиціи и 5) казны, изъ которыхъ въ первой коммиссіи присутствовало четыре засѣдателя, а въ остальныхъ по восьми. Назначеніемъ его было: наблюдать за исполненіемъ законовъ и сосредоточивать въ себѣ всѣ дѣла; впрочемъ онъ не имѣлъ ни законодательной, ни судебной власти, которая принадлежала единственно *сейму*. Послѣдній продолжалъ оставаться высшею властію въ странѣ, рѣшалъ вопросы о войнѣ и мирѣ, о заключеніи союзовъ, о нало-

---

(20) А именно: примаса и 2-хъ епископовъ, 4-хъ министровъ, предсѣдательствовавшихъ въ отдѣленіяхъ совѣта, и 11-ти свѣтскихъ сенаторовъ, по 4 отъ каждой изъ главныхъ составныхъ частей королевства: Великой Польши, Малой Польши и Литвы.

(21) Маршала палаты пословъ или депутатовъ и 17-ти земскихъ пословъ.

гахъ и объ увеличеніи войска, былъ высшею судебною инстанціею и издавалъ законы, словомъ—верховная власть по всѣмъ отраслямъ принадлежала одному ему.

Король, вмѣстѣ съ постояннымъ совѣтомъ, созывалъ сеймъ и былъ предсѣдателемъ его; —прежде ему принадлежало также право свободнаго назначенія сенаторовъ; теперь же ему предоставленъ былъ только выборъ изъ трехъ кандидатовъ, предлагаемыхъ постояннымъ совѣтомъ. Разъ назначенные сенаторы могли быть отрѣшаемы только сеймомъ.

Третье чиноначаліе составляли депутаты отъ рыцарства. Единственнымъ условіемъ для избирателей или избираемыхъ было *дворянское достоинство*, т. е. самому владѣть землею или происходить отъ землевладѣльцевъ и не заниматься торговлею или промыслами.

За измѣненную такимъ образомъ конституцію должны были поручиться всѣ три державы, но поручилась только одна Россія. Гарантія эта обнимала не только неприкосновенность границъ и новаго законодательства, но и неизмѣняемость ихъ. Польша навсегда должна была оставаться въ предписанныхъ ей положеніи и пути, и подпала совершенной зависимости отъ Россіи.

Новая конституція преимущественно отличалась созданіемъ *постояннаго совѣта*. По видимому онъ ограничивалъ корольевскую власть и таково было мнѣніе противниковъ и враговъ, которые поэтому и настаивали на его учрежденія; но Станиславъ понималъ это лучше и въ слѣдствіе того давно уже желалъ и домогался учрежденія такого совѣта (22). Онъ слишкомъ хорошо сознавалъ, чего недоставало Польшѣ и что онъ имѣлъ цѣлію. Онъ хотѣлъ положить основаніе такой власти, которая, въ промежутки времени отъ одного сейма до другаго, держала бы бразды правленія твердою рукою и въ опредѣленномъ направленіи, ибо былъ втайнѣ убѣжденъ, что при тѣхъ средствахъ, которыя еще оставались ему, онъ всегда могъ быть увѣренъ—имѣть рѣшительное вліяніе въ этомъ совѣтѣ. Члены совѣта перемѣнялись при каждомъ новомъ сеймѣ, его же санъ и власть не прекращались; онъ держалъ въ своихъ рукахъ тотъ рогъ изоби-

(22) Онъ хотѣлъ ввести его еще на сеймѣ 1767 года, но Фридрихъ II, ревниво наблюдавшій за всемъ, что походило на усиленіе королевской власти, а съ нею и самой Польши, воспрепятствовалъ этому. Замѣчательна въ этомъ отношеніи громоносная нота, которую онъ, въ ноябрѣ 1767 г., передалъ чрезъ своего посланника въ Петербургѣ и въ которой истощилъ все искусство краснорѣчія для того, чтобы возстановить императрицу противъ учрежденія такого совѣта.

лія, изъ котораго сыпались милости, назначалъ на сенаторскія и министерскія мѣста, раздавалъ духовныя и военныя бенефиціи; наконецъ, онъ обладалъ высшимъ средствомъ привлеченія Поляковъ—раздачею староствъ ([23]). Онъ предвидѣлъ, что съ этими средствами ему легко будетъ направлять постоянный совѣтъ по своему желанію, и онъ дѣйствительно направлялъ его. Такъ какъ къ постоянному совѣту еще были присоединены прежде созданныя Чарторыйскими коммиссіи: казны, военныхъ дѣлъ, юстиціи и внутреннихъ дѣлъ, съ прибавленіемъ еще одной коммиссіи для иностранныхъ дѣлъ, то король и имѣлъ въ немъ полное орудіе для управленія; важнѣйшія отрасли администраціи можно было отбирать изъ рукъ своекорыстныхъ, лѣнивыхъ или упрямыхъ сановниковъ и сообщать имъ правильный ходъ. Для этого король, вмѣстѣ съ своими совѣтниками, сталъ принимать теперь весьма разумныя мѣры. Финансы, войско, учебно-воспитательная часть и улучшеніе участи крестьянъ оставались главными его цѣлями, которыя онъ ни на одно мгновеніе не упускалъ изъ виду.

Въ послѣднее время передъ раздѣломъ, годовые *доходы* Польши и Литвы простирались до 14 милліоновъ польскихъ гульденовъ или $2^1/_3$ милліоновъ талеровъ, *расходы* же—до 23 милліоновъ гульденовъ или $3^5/_6$ мил. талеровъ; слѣдовательно, ежегодный дефицитъ составлялъ 8 милліоновъ гульденовъ ($1^1/_2$ мил. талеровъ). Кромѣ того, въ слѣдствіе раздѣла, утрачено было болѣе половины доходовъ, такъ какъ они, кромѣ староствъ, преимущественно поступали изъ пошлинъ, взимаемыхъ на Вислѣ, и изъ большихъ соляныхъ копей въ Галиціи (однѣ копи въ Величкѣ доставляли $3^1/_2$ милліона гульденовъ, значитъ—почти четвертую часть всего вообще дохода). Для того, чтобы покрыть происшедшій такимъ образомъ дефицитъ, потребны были новыя подати, и Станиславъ съумѣлъ, на сеймѣ 1775 года, такъ хорошо распредѣлить налоги (уменьшивъ нѣкоторые, болѣе тягостные, а другіе, наоборотъ, возвысивъ), что доходы въ короткое время возросли до тѣхъ же размѣровъ, какіе имѣли до раздѣла. Съ независимымъ великимъ казначеемъ этого никогда не до-

---

(23) Однако и тутъ его ограничили. Четыре староства предоставили ему въ наслѣдственное владѣніе (по прекраснѣйшее изъ нихъ, Бѣлую Церковь, онъ долженъ былъ уступить Браницкому); остальныя же имѣли быть раздаваемы заслуженнымъ (или, скорѣе, пользовавшимся особенною милостію) дворянамъ, или въ видѣ наслѣдственныхъ ленныхъ помѣстьевъ, или въ пожизненное владѣніе, или по праву преемничества, или же въ 50-ти лѣтнее пользованіе.

стигли бы. Главные доходы происходили: 1) изъ поголовной подати съ Евреевъ, которая была возвышена съ 3 на 4 гульдена; 2) изъ кварты или четвертой части доходовъ со староствъ; 3) изъ питейнаго сбора; 4) изъ табачной монополіи; 5) изъ продажи гербовой бумаги, доходъ съ которой въ немногіе годы возвысился со 160,000 на 400,000 гульденовъ; 6) изъ таможенныхъ пошлинъ и наконецъ 7) изъ усовершенствованной дымовой подати, при чемъ, сообразно съ устройствомъ дома, платился бо̀льшій или меньшій налогъ, отъ 5-ти до 7-ми гульденовъ (съ крестьянскихъ домовъ) до 12—16 гульденовъ (съ лучше-устроенныхъ домовъ и дворцовъ). Этотъ налогъ, бывшій прежде въ употребленіи только въ Литвѣ, доставлялъ значительнѣйшій доходъ. Посредствомъ этихъ различныхъ налоговъ удалось довести годовой доходъ опять до $11^1/_2$ милліоновъ гульденовъ, а со включеніемъ доходовъ со столовыхъ имѣній и съ предоставленныхъ королю староствъ—до 16 милліоновъ гульденовъ. Изъ этого числа король получалъ 7 милліоновъ, а остальные 9 милліоновъ шли большею частію на содержаніе арміи, равно какъ и на жалованье высшимъ государственнымъ чинамъ, независѣвшимъ прямо отъ двора. Этой суммы было достаточно, потому что армія была невелика, а государственные чины награждались не столько высокими окладами жалованья, сколько староствами. Воеводы или намѣстники платили своимъ чиновникамъ изъ собственныхъ, частныхъ средствъ, а судьи и чиновники юстиціи обходились безъ жалованья, живя вымогательствомъ и притѣсненіями, при чемъ даже наживались еще.

Торговля и *промышленность* находились на весьма низкой степени и, при предубѣжденіи Поляковъ противъ нихъ, трудно было поднять ихъ. Торговля ограничивалась вывозомъ естественныхъ произведеній, какъ-то: преимущественно лѣса и зерноваго хлѣба, затѣмъ еще пеньки, льна, скота, сала, кожъ и т. д., и ввозомъ фабричныхъ товаровъ и предметовъ роскоши. Такъ какъ городское сословіе было сильно угнетено дворянствомъ, презиравшимъ всякаго рода промышленность, и повсюду ощущался недостатокъ въ большихъ капиталахъ и въ духѣ предпріимчивости, то торговля долго не была тѣмъ, чѣмъ могла бы быть. Польша могла бы половину Европы снабжать хлѣбомъ, еслибъ имѣла хорошіе исходы для внѣшней торговли и еслибъ у нея въ западной Пруссіи не были отняты ея единственныя морскія сообщенія. Теперь же всѣ торговыя дѣла находились въ рукахъ мелкихъ торгашей и Евреевъ, которые въ тоже время завѣдывали денежными дѣлами и корчемствомъ дворянства. О промышленности въ большихъ размѣрахъ почти не было и рѣчи. И здѣсь

Станиславъ пытался примѣромъ и поощреніемъ оказать благодѣтельное дѣйствіе. Онъ приказалъ, чрезъ посредство младшаго казначея Литвы, графа Тизенгауза, человѣка высоко-образованнаго и предпріимчиваго ума, устроить около Гродно самыхъ различныхъ родовъ фабрики и поощрялъ другихъ къ подобной же дѣятельности. Тизенгаузъ дѣлалъ невозможное, но вскорѣ понялъ, какъ неблагодарна была та почва, надъ которой онъ трудился. Зависть и интрига низвергли его, и созданныя имъ превосходныя промышленныя предпріятія, лишившись своего дѣятельнаго и дѣльнаго руководителя, черезъ нѣсколько лѣтъ снова рушились.

Военная часть, до начала правленія Станислава, была въ величайшемъ упадкѣ. Незначительная коронная армія считала въ рядахъ своихъ почти что болѣе офицеровъ, нежели солдатъ, и не имѣла обезпеченнаго содержанія; она жила, бо́льшею частію, на счетъ страны. Кромѣ короля, и другіе могущественные вельможи имѣли свои домашнія войска: напр. у Радзивилла было свыше 8,000 человѣкъ, у Чарторыйскихъ—около 4,000, столько же у Сапѣгъ, Огинскихъ и другихъ магнатовъ. Но всѣ эти войска мало приносили пользы на войнѣ, потому что неоднообразно были устроены, обучены, вооружены и дисциплинированы; они служили только орудіемъ для дворянскихъ усобицъ и преимущественно для пріобрѣтенія вліянія на сеймахъ и на выборахъ судей, или же—для овладѣнія спорными предметами и утвержденія себя въ ихъ владѣніи. Собственно армія должна была имѣть 19,000 человѣкъ: 12,000 для Польши и 7,000 для Литвы. Она состояла подъ начальствомъ двухъ великихъ гетмановъ. Послѣдніе вытягивали отъ великихъ казначеевъ столько денегъ, сколько могли, и, по удержаніи изъ нихъ приличной доли для себя, остальныя распредѣляли между пользовавшимися ихъ милостями, офицерами многихъ мнимыхъ полковъ. Другимъ они дозволяли носить титулы и мундиры, потому что назначеніе на всѣ офицерскія мѣста зависѣло отъ нихъ же. Королю оставлено было только распоряженіе 1,000 чел. его гвардіи.—Крѣпостей было только двѣ: Каменецъ-Подольскій и Замосць, да и тѣ были частною собственностью. Не существовало ни дорогъ, ни мостовъ, пока зима своимъ снѣгомъ не устроивала дорогъ, а своимъ льдомъ—мостовъ. Главная защита страны должна была лежать на дворянствѣ и его ополченіяхъ. Каждое воеводство дѣлилось на округи, надъ которыми были поставлены особые офицеры; каждый дворянинъ-землевладѣлецъ былъ обязанъ военною службою, или самолично, или съ дружиною служилыхъ людей, какъ во времена среднихъ вѣковъ. Но тѣ

времена прошли и ихъ учрежденія были уже непримѣнимы къ настоящему времени. Собранныя такимъ образомъ войска были скорѣе въ тягость, нежели на пользу странѣ, болѣе способны къ возстаніямъ и конфедераціямъ, нежели къ дѣльной службѣ въ полѣ.— И этой важной отрасли государственной силы также король посвятилъ особенное вниманіе и подготовилъ многія улучшенія, которыя частію и были осуществлены лишь позже, на длинномъ сеймѣ. Посредствомъ военной коммиссіи армія была изъята изъ рукъ великихъ гетмановъ и такимъ образомъ пріобрѣтено было ядро войска, для дальнѣйшаго образованія котораго король принялъ весьма разумныя мѣры. Военныя или кадетскія школы въ Варшавѣ и Вильнѣ были поставлены на весьма хорошую ногу и доставили всѣхъ лучшихъ офицеровъ, отличившихся въ послѣдующихъ войнахъ; учреждена артиллерійская школа, заложены литейные дворы и оружейныя фабрики и сдѣланы всѣ потребныя распоряженія для лучшаго содержанія, обмундированія, вооруженія и обученія войскъ. Бо́льшая правильность въ поступленіи доходовъ и лучшій надзоръ за употребленіемъ денегъ доставили королю, кромѣ того, средства къ пополненію арсеналовъ и цейхгаузовъ, а также къ устройству казармъ для лучшаго помѣщенія войскъ,—какъ напр. прекрасныхъ гвардейскихъ казармъ въ Варшавѣ. Кромѣ того, этотъ, ревниво наблюдаемый извнѣ, монархъ употребилъ, для созданія арміи, средство, къ которому часто прибѣгали въ послѣдствіи времени: ежегодно распускалось значительное число хорошо-обученныхъ солдатъ, для замѣщенія ихъ рекрутами. Такимъ образомъ король образовалъ себѣ сильный резервъ и, въ случаѣ нужды, можно было выставить армію вдвое сильнѣйшую противъ дозволенной договорами. Если подумать, что король повсюду трудился со связанными руками и въ особенности долженъ былъ остерегаться того, чтобы не возбудить вниманія и ревнивости своихъ сосѣдей, преимущественно-же самаго бдительнаго и своенравнаго изъ нихъ, то нельзя не одобрить его сообразной съ цѣлію дѣятельности и на этомъ поприщѣ.

Для установленія правильныхъ политическихъ связей съ другими державами, чего Польша была лишена уже болѣе ста лѣтъ, король испросилъ себѣ отъ сейма 1775 года полномочіе на то, чтобы, въ соглашеніи съ постояннымъ совѣтомъ, имѣть право вступать въ переговоры съ иностранными государствами. Остальные департаменты или коммиссіи постояннаго совѣта дѣйствовали съ такимъ же успѣхомъ, какъ и вышеупомянутыя коммиссіи: казны, военныхъ и иностранныхъ дѣлъ; успѣхъ ихъ преимущественно состоялъ въ положе-

ніи преградъ безпорядкамъ, хотя впрочемъ и тутъ не все хорошее, задуманное королемъ, могло быть достигнуто.

Въ столицѣ введены были лучшіе порядокъ и полиція; судебный порядокъ былъ упрощенъ, а для того, чтобы придать новое, лучшее движеніе всѣмъ отраслямъ внутренней администраціи и отправленію правосудія, всѣми уважаемому и почитаемому коронному канцлеру Андрею Замойскому на сеймѣ 1776 года дано было порученіе, при содѣйствіи избранныхъ помощниковъ, составить новое уложеніе. Оно было представлено сейму въ 1780 году. Въ немъ старались согласовать усовершенствованную теорію съ дѣйствительными обстоятельствами Польши, настаивали на равное для всѣхъ дѣйствіе закона и на гласное судопроизводство, уничтожали патримоніальный или вотчинный судъ и придавали каждому воеводству свой особенный земскій судъ, на который можно было имѣть право аппелляціи въ высшія судебныя учрежденія. Но потому именно, что это уложеніе опередило свой вѣкъ и было составлено въ духѣ благородномъ и свободномъ отъ предразсудковъ, въ особенности же обнаруживало участіе къ угнетеннымъ сословіямъ: городскому и крестьянскому, оно и не понравилось дворянству, еще коснѣвшему въ надменномъ своекорыстіи и въ предразсудкахъ, и на сеймѣ было встрѣчено воплемъ всеобщаго негодованія и, среди большаго шума, отвергнуто. Его попрали ногами, жестоко позорили благороднаго и достойнаго Замойскаго, приписывали ему еретическій образъ мыслей и укоряли его предателемъ отечества, который хотѣлъ уничтожить вольности и преимущества дворянства и возмутить крестьянское сословіе. Умы еще не созрѣли для лучшихъ порядковъ.

Наконецъ, для увѣнчанія своего дѣла, король въ 1775 году учредилъ учебно-воспитательную коммиссію и, на покрытіе расходовъ по обученію, предназначилъ отобранныя іезуитскія имѣнія, доходы съ которыхъ простирались отъ 3 до 4 милліоновъ гульденовъ. Онъ легко могъ устроить, чтобъ одна часть этихъ денегъ пошла на увеличеніе его собственныхъ доходовъ, а другая была употреблена на раздачу духовныхъ бенефицій и староствъ въ пользованіе его родственникамъ и друзьямъ; но онъ предпочелъ образованіе и просвѣщеніе своего народа. Дѣйствія означенной коммиссіи были такъ многозначительны и обнаружили столь твердое намѣреніе, посредствомъ мудраго и сообразнаго съ цѣлію воспитанія, пробудить націю отъ ея оцѣпенѣнія, что породили зависть, и, для воспрепятствованія имъ, управленіе имѣніями было передано особой коммиссіи (*rozdawnicza*, распредѣлительной), независимой отъ училищнаго со-

вѣта. Послѣдняя должна была заботиться не только объ управленіи имѣніями, но и о томъ, чтобы поземельные участки и денежныя суммы были довѣряемы надежнымъ людямъ; она сама имѣла право отдавать участки земли въ наслѣдственное арендное пользованіе, отчуждать ихъ и мѣнять на другія земли. Но какъ коммиссію эту составили изъ людей, очень обыкновенныхъ въ то время въ Польшѣ, т. е. такихъ, которые никогда не упускали подобныхъ случаевъ для своего обогащенія, то бо̀льшая часть доходовъ была отчуждена отъ училищнаго фонда и промотана. Станиславъ былъ глубоко огорченъ этимъ и говорилъ о томъ не иначе, какъ со слезами на глазахъ, но, при своемъ безсиліи, ничего не могъ перемѣнить. Хотя другой, такъ называемой юстицъ-коммиссіи и было поручено опять выручить промотанныя или отчужденныя суммы, но она не могла или не хотѣла этого сдѣлать, такъ какъ слишкомъ сильныя лица, и въ главѣ ихъ епископъ Виленскій, Масальскій, были замѣшаны въ упомянутыя низости. Впрочемъ это былъ обыкновенный ходъ дѣлъ, при всеобщемъ упадкѣ нравовъ въ Польшѣ: гдѣ только представлялся случай, хватались за него, грабили, присвоивали себѣ чужое, давали подкупать себя, брали деньги съ обѣихъ тяжущихся сторонъ и дѣлали правымъ того, кто больше предлагалъ и платилъ. Честныя, благородныя чувства составляли исключеніе: всѣ грабили, чтобъ самимъ не быть ограбленными. Всякій стыдъ и страхъ изчезли. Такъ какъ, кромѣ того, обѣ упомянутыя коммиссіи были обязаны отчетомъ только сейму, то и могли безнаказанно предаваться своей наклонности къ грабительству: сейма нечего было много страшиться.—Наконецъ, по предложенію Іоакима Хрептовича (бывшаго въ послѣдствіи канцлеромъ Литвы), была образована третья коммиссія, *воспитательный совѣтъ*, который долженъ былъ руководить общественнымъ обученіемъ; распредѣлительная коммиссія въ 1776 году была уничтожена, а юстицъ-коммиссія соединена съ воспитательнымъ совѣтомъ, которому предоставлены всѣ полномочія, до тѣхъ поръ принадлежавшія этимъ тремъ различнымъ учрежденіямъ. Этому воспитательному совѣту удалось изъ промотанныхъ имѣній спасти одну часть, приносившую 1 милліонъ гульденовъ дохода, и онъ хорошимъ управленіемъ съумѣлъ въ скоромъ времени возвысить этотъ доходъ до $1^1/_2$ милліона.

Воспитательный совѣтъ много потрудился для усовершенствованія обученія: старался поднять Краковскій и Виленскій университеты и оттуда получать учителей для остальной страны. Особому комитету дано было порученіе начертать планъ воспитанія, озаботиться

о хорошихъ элементарныхъ учебникахъ, приглашать заслуженныхъ писателей къ составленію ихъ, а представляемые учебники разсматривать.—Такимъ образомъ обученіе и воспитаніе были во всей странѣ поставлены въ лучшее положеніе и введенныя въ то время училищныя учрежденія бо̀льшею частію сохранены и послѣ раздѣловъ.

Искуства и науки нашли въ королѣ, который цѣнилъ ихъ и самъ предавался имъ, дѣятельнѣйшаго поощрителя и покровителя; иностранные художники и ученые были привлекаемы̀ въ страну, а туземные ободряемы и щедро вспомоществуемы. Король окружилъ себя образованнѣйшими лицами изъ своего народа и умными иностранцами. Литература и науки получили новое, усиленное движеніе, и Польша снова могла выставить отличныхъ дѣятелей, какъ въ изящной литературѣ, такъ и въ наукахъ — Нарушевича, Красицкаго, Трембецкаго, Нѣмцевича и многихъ другихъ. Албертъ Богуславскій основалъ національный театръ и образовалъ національныхъ артистовъ. Много было сдѣлано и для отечественной исторіи: Догіель издалъ свой дипломатическій кодексъ; Албертранди изслѣдовалъ иностранные архивы въ Швеціи и Италіи, другіе—туземные архивы; Вага, Островскій и Трембецкій собрали законы и наказы; къ иностраннымъ публицистамъ обращались за совѣтами касательно конституціи, Руссо и Мабли представили свои проекты по этому предмету. Переводили сочиненія Беккаріи, Филанджіери, Монтескьё и другія политическія и историческія сочиненія, преимущественно французскія.—Новая, возбужденная жизнь стала обнаруживаться на всѣхъ поприщахъ умственной дѣятельности, предразсудки постепенно изчезали и идеи образованной Европы получали доступъ въ страну. На сеймахъ сталъ господствовать лучшій порядокъ; начали тщательно наблюдать за ходомъ дѣлъ въ исполнительныхъ учрежденіяхъ, заниматься проектами и предложеніями касательно увеличенія арміи и возвышенія ея значенія, и наконецъ приведеніемъ управленія казною и общественными доходами въ благоустроенное положеніе. *Liberum veto*, именно потому, что иноземцы такъ ему благопріятствовали, пришло въ пренебреженіе и уже не примѣнялось болѣе на дѣлѣ. Такимъ образомъ король имѣлъ удовольствіе видѣть, какъ то̀, къ чему онъ стремился съ начала своего царствованія и что̀ задумано было имъ для возвышенія своей страны, исполнялось самымъ успѣшнымъ образомъ. Мертвое, оцѣпенѣлое тѣло польскаго народа стало пробуждаться отъ своего глубокаго сна, снова двигаться и шевелиться, принимать цвѣтъ, силу и свѣжесть здороваго состоянія и ожидало только бла-

гопріятствующихъ обстоятельствъ времени, для занятія снова подобавшаго ему мѣста въ ряду своихъ европейскихъ собратій.

Нѣтъ такого зла въ природѣ, которое не вело бы съ собою своего успокоительнаго и цѣлительнаго средства. Такъ и несчастіе перваго раздѣла долженствовало быть средствомъ къ улучшенію внутренняго состоянія страны. Фридрихъ, опаснѣйшій врагъ Польши (ибо, по причинѣ слабости собственнаго государства, былъ самый ревнивый къ могуществу ея), достигъ своего пламеннаго желанія, исключая Данцига и Торна, пріобрѣтеніе которыхъ было предоставлено послѣдующему времени, и потому оставлялъ Поляковъ въ покоѣ, будучи и безъ того занятъ, съ другой стороны, честолюбивыми планами Іосифа. Императоръ Іосифъ, въ слѣдствіе чрезмѣрнаго стремленія своего къ увеличенію собственныхъ могущества и владѣній, былъ занятъ и удержанъ своими дѣлами въ Германіи, Голландіи и Бельгіи. Екатерина, чрезъ посредство своего посланника, безспорно господствовавшая въ Польшѣ, чистосердечно желала исцѣленія ранъ, нанесенныхъ этой странѣ, ибо считала ее близко родственною Россіи. Такимъ образомъ все соединилось къ тому, чтобы благопріятствовать возобновленнымъ, возвышающимъ и совершенствующимъ планамъ Станислава, и онъ воспользовался пріобрѣтеннымъ пятнадцатилѣтнимъ спокойствіемъ («grande aevi humani spatium») отъ 1773 до 1788 года, для того, чтобы, какъ мы видѣли, вопреки всѣмъ возникавшимъ препятствіямъ, осуществить большую часть своего, прежде составленнаго, плана и этимъ совершенно преобразовать Польшу. Эти пятнадцать лѣтъ были однимъ изъ счастливѣйшихъ періодовъ Польской исторіи, въ которомъ нація сдѣлала одинаковые успѣхи и въ духовномъ, и въ матеріальномъ благосостояніи, и поднялась на такую степень, которая обѣщала вскорѣ поставить ее рядомъ съ самыми передовыми націями. Но среди счастія именно и постигаютъ насъ удары судьбы! Что можетъ сдѣлать отдѣльный человѣкъ или цѣлый народъ противъ прирожденныхъ ему натуры и характера, и того направленія, которое они даютъ ему!

Станиславъ радовался успѣху, вѣнчавшему его старанія; потребно было лишь еще немногое число лѣтъ, еще нѣсколько благопріятствующихъ обстоятельствъ (каковыя теченіе времени всегда и приноситъ съ собою) для того, чтобы возвысить Польшу на уровень вѣка и пріобрѣсть для нея полную независимость. И время, и обстоятельства оказали свое благопріятное вліяніе, но—тщетно, въ слѣдствіе недостатковъ національнаго характера. И все, что было такъ счаст-

ливо предначато, благодаря терпѣнію, осмотрительности и мудрымъ стараніямъ короля, было снова остановлено внезапно пробудившеюся дерзостію страстей, ложнымъ взглядомъ на обстоятельства и ошибочнымъ пользованіемъ ими, въ слѣдствіе недостатка разсудительности, и наконецъ взаимными ненавистію и раздорами партій, вновь вспыхнувшими, какъ только Поляки почувствовали себя немного посвободнѣе, и неразумными, опрометчивыми дѣйствіями—и Польша была насильственно низведена въ ту бездну, изъ которой Станиславъ задумалъ извлечь ее. И такимъ образомъ несчастный король, на закатѣ дней своихъ, увидѣлъ всѣ плоды трудовъ своей жизни уничтоженными виною тѣхъ, которымъ онъ хотѣлъ помочь, а государство, которому онъ хотѣлъ даровать образованность, могущество и величіе—исключеннымъ изъ ряда государствъ. Еще разъ повторяемъ: судьба этого несчастнаго короля была во всѣхъ отношеніяхъ трагическою, такъ какъ клевета взводила на него подъ конецъ еще и то, чему виною были другіе и чего онъ, не смотря на все доброе желаніе свое, уже не могъ болѣе отвратить!

Если онъ и былъ виновенъ, такъ лишь въ томъ, что сила его воли не равнялась проницательности его ума. Имѣя нравъ крайне мягкій, и потому будучи глубоко тронутъ и волнуемъ всякими впечатлѣніями, Станиславъ, въ обыденной жизни, былъ слабъ и гибокъ; однако онъ обладалъ тою умственною силою, которая, однажды признавъ что-нибудь справедливымъ и сообразнымъ съ цѣлію, крѣпко держится того и старается осуществить оное среди всѣхъ бурь и препонъ жизни. Такимъ образомъ, въ слѣдствіе собственной слабости и чувственности, будучи подчиненъ окружавшимъ его и, кромѣ того, конституціей своего государства и властію иноземцевъ связанный до совершеннаго безсилія, онъ, въ преслѣдованіи своихъ плановъ къ усовершенствованію отечества, выказалъ однако такую твердость характера и послѣдовательность, которыя навѣрное довели бы его до цѣли, еслибъ онъ стоялъ въ главѣ другой націи, менѣе обладаемой внушеніями страстей и минутныхъ увлеченій. Но тутъ, что могла сдѣлать мудрость одного противъ буйства толпы! Подобно Кассандрѣ, ему суждено было правильнѣе всѣхъ усматривать и совѣтовать все лучшее и все нужнѣйшее для своей націи, но, подобно ей же, никогда не находить ни вѣры себѣ, ни послѣдованія своему примѣру со стороны высокомѣрныхъ вождей народа!—и что онъ предсказалъ, то и случилось—ruit Ilium (палъ Иліонъ или Троя)!

Во время смутъ, произведенныхъ Барскою конфедераціею, мно-

гіе дворяне бѣжали за границу и тамъ научились сравнивать и исправлять свои понятія объ отечественныхъ порядкахъ. Они увидѣли теперь, на сколько эти, прежде презираемыя ими иностранныя земли стояли выше ихъ, поняли, что̀ значатъ порядокъ, твердость и послѣдовательность въ дѣйствіяхъ правительства. На длинномъ сеймѣ 1773—75 г.г., при разборѣ государственныхъ дѣлъ, они имѣли случай объяснить свои политическія понятія. Въ тоже время многіе изъ нихъ, въ слѣдствіе раздѣла, сдѣлались подданными другой державы и потому были вынуждены ознакомиться съ ея мѣстными законами—еще поводъ къ сравненію и исправленію государственныхъ воззрѣній. Такимъ образомъ въ ихъ мнѣніяхъ и понятіяхъ произошелъ сильный переворотъ и они научились не смотрѣть болѣе на предметы, какъ до сихъ поръ, исключительно съ односторонней точки зрѣнія. Столь же рѣшительное дѣйствіе имѣло и лучшее воспитаніе юношества, которое съ ранняго возраста вели къ болѣе здравымъ понятіямъ. Новый свѣтъ проникъ такимъ образомъ въ Польшу одновременно съ разныхъ сторонъ, и новыя идеи и взгляды произвели разительную перемѣну въ образѣ мыслей и въ нравахъ. Какъ и всегда, когда какая-нибудь нація возбуждается изъ состоянія оцѣпенѣнія, образовались двѣ, рѣшительно противуборствовавшія одна другой партіи. Одна, партія поборниковъ всего существующаго, стараго, но въ тоже время устарѣлаго и истлѣвшаго, поддерживалась и защищалась людьми пожилыми и любившими покой, или же богатыми и сильными, которымъ именно все старое доставляло столь большія преимущества. Другая, партія прогресса или движенія, состояла изъ людей болѣе молодыхъ, жаждавшихъ жизни и дѣятельности, которые, вмѣстѣ съ злоупотребленіями старины, хотѣли низпровергнуть и много хорошаго и полезнаго, и, въ своемъ бурномъ порывѣ, съ свойственными юношескому возрасту поспѣшностью и торопливостью, хотѣли все преобразовать. Они охотно и немедленно разрушили бы все старое зданіе, доставлявшее и кровъ, и защиту, и утѣшеніе ихъ предшественникамъ, для того, чтобы воздвигнуть совершенно новое, изъ новыхъ элементовъ, по французскимъ образцу и модѣ. Изъ Франціи, по преимуществу, проникли къ нимъ новый свѣтъ и новое ученіе; Францію посѣщали они чаще всѣхъ другихъ странъ, и, проникнувшись господствовавшимъ тамъ броженіемъ идей, горѣли желаніемъ и самимъ распространять тотъ свѣтъ, который возсіялъ для нихъ въ этой странѣ, и преобразовать свое отечество согласно съ французскими идеями. Другіе, болѣе благоразум-

ные и умѣренные, обратили свои взоры также и на Англію и отдавали предпочтеніе англійскимъ понятіямъ и учрежденіямъ. Къ этому присоединились еще нѣкоторые, которые воевали въ Америкѣ и принесли оттуда энтузіазмъ къ американскимъ учрежденіямъ. Всѣ эти различныя понятія перемѣшивались между собою и волновали умы. Другаго рода волненіе возбуждено было душевными наклонностями, вожделѣніями и страстями. Въ первое время царствованія Станислава, Россія, доколѣ Фридрихъ не далъ ей направленіе въ другую сторону, держалась Чарторыйскихъ и партіи прогресса, и имѣла своими противниками всѣхъ упорныхъ приверженцевъ старины. Съ ходомъ времени это измѣнилось, и Россія, довольствуясь господствомъ надъ цѣлымъ, отстранилась отъ борьбы партій. Но какъ другія, участвовавшія въ раздѣлѣ державы и преимущественно Фридрихъ, при всѣхъ ненавистныхъ мѣрахъ, навязываемыхъ ими Польшѣ, умѣли всегда выставлять впередъ Россію, а самихъ себя держать въ сторонѣ, то послѣдняя и явилась наконецъ какъ бы зачинщицею и виновницею всѣхъ бѣдствій, которыми въ послѣднее время страдала Польша. Выходки, иногда заносчивыя и повелительныя, русскихъ посланниковъ, какъ Репнина и Салдерна, которые не умѣли, подобно старому Кайзерлингу или Штакельбергу, строгія мѣры выполнять мягкою рукою; высокомѣріе и дерзость нѣкоторыхъ генераловъ, которые думали, что съ унижавшимися можно было все себѣ позволять; наконецъ тѣ тягости, которыя всегда причиняетъ пребываніе чужеземныхъ войскъ—все это утверждало народъ въ его заблужденіи, и вся ненависть, вся злоба націи сосредоточились на Россіи. Россіи не только приписывали раздѣлъ и уничиженіе отечества, но и при всякомъ препятствіи, о которое преты-кались, при всякой неудачѣ какого бы то ни было любимаго плана, указывали на Россію, Россія же, наконецъ, препятствовала Полякамъ быть или сдѣлаться великою націею. Такъ-то собралась и накопилась безмѣрная ненависть, въ особенности молодаго поколѣнія, противъ Россіи, и ни одинъ Полякъ, по свидѣтельству очевидца, не могъ слышать русскаго имени, не покраснѣвъ отъ гнѣва или не поблѣднѣвъ отъ злобы ([24]). Только страхъ еще удерживалъ ихъ, но съ страстнымъ нетерпѣніемъ ожидали они той минуты, которая должна была доставить имъ случай освободиться отъ господства этой державы.

---

(24) Ségur. Tableau de l'Europe. II. 34.

И эта минута настала—встрѣченная радостными привѣтствіями. Старую, затаенную злобу взорвало съ неудержимою силою.—Но злоба и страсти плохіе совѣтники и увлекли Поляковъ гораздо далѣе всякихъ границъ, и такимъ образомъ они, вмѣсто свободы и могущества, которыя имѣли въ виду, приготовили своему народу и самимъ себѣ лишь раннюю могилу.

ТРЕТІЙ ОТДѢЛЪ.

ПОЛЬША СЪ 1788 Г. ДО КОНЦА 1791 Г.

Несогласія между тремя державами, участвовавшими въ раздѣлѣ.—Партіи въ Польшѣ.—Главные вожди ихъ.—Собраніе сейма 6-го октября 1788 г.—Совѣщанія по поводу союза съ Русскими.—Протестъ Пруссіи.—Броженіе умовъ противъ Россіи.—Планы партіи молодыхъ патріотовъ.—Первыя попытки къ низпроверженію всего существующаго.—Предостереженія короля.—Его рѣчь 6-го ноября.—О русской гарантіи.—Уничтоженіе постояннаго совѣта. —О такъ называемой русской партіи.—Причины проволочекъ.—Политика Герцберга.—Луккезини.—Пріисканіе поводовъ къ раздорамъ съ Россіей.—Процессъ Понинскаго.—Увеличеніе налоговъ.—Посольства.—Союзъ съ Пруссіей (29-го марта 1790).—Переговоры съ Турціей.—Предварительный проектъ новой конституціи.—Перемѣна въ политическихъ отношеніяхъ.—Законъ о городахъ.—Партія молодыхъ патріотовъ привлекаетъ короля на свою сторону.—Приготовленія къ введенію новой конституціи—3-е мая 1791.—Еще нѣкоторыя черты изъ исторіи этого дня.—Конституція. 3-го мая.—Конечный результатъ ея.—Совершенный переворотъ въ иностранной политикѣ. — Фридрихъ-Вильгельмъ прусскій сближается съ Россіей.—Польскія дѣла до конца 1791 года.

Между тремя державами, участвовавшими въ раздѣлѣ, произошли, какъ мы видѣли, несогласія. Россія, въ слѣдствіе видовъ своихъ на Турцію, предпочла въ 1782 г. союзъ съ Австріей союзу съ Пруссіею и тѣмъ удвоила ненависть послѣдней къ своему нѣмецкому собрату, и ненависть эту, отчасти, навлекла и на себя, вмѣстѣ съ жаждой мщенія. Пруссія, еще поддерживаемая и устрашавшая великимъ именемъ Фридриха и руководимая въ своей политикѣ Герцбергомъ, ученикомъ Фридриха, стала съ этихъ поръ противодѣйствовать всѣмъ предначертаніямъ императорскихъ дворовъ. Такъ какъ Франція, въ слѣдствіе своего союза съ Австріей, склонялась на сторону императорскихъ дворовъ, то Англія, къ тому еще негодовавшая на Россію за уничтоженіе торговаго договора, обратилась къ Пруссіи; родственная и удерживаемая въ униженіи Голландія была вовлечена въ ихъ союзъ, и такимъ образомъ противъ императорскихъ дворовъ образовалась опасная коалиція, поставившая себѣ цѣлью униженіе

ихъ и старавшаяся возбудить противъ нихъ всѣхъ сосѣдей, Турокъ, Шведовъ, Поляковъ. Какъ мы видѣли, подстрекаемые ими Турки и Шведы возстали войной; но Польша, удерживаемая своимъ королемъ, колебалась. Станиславъ имѣлъ личное объясненіе съ императрицей Екатериной, во время ея путешествія, въ Каневѣ, а съ императоромъ Іосифомъ, во время его поѣздки къ Екатеринѣ, въ Карсунѣ, и отъ обоихъ получилъ успокоительнѣйшія удостовѣренія и обѣщанія; императрица предложила ему даже тѣсный союзъ съ Россіею (1), и онъ возвратился въ Варшаву съ тѣмъ, чтобъ устроить это дѣло, выгоды котораго не могли ускользнуть отъ него. Польша, въ союзѣ съ Россіей, могла усилиться, предпринять всѣ внутреннія, благодѣтельныя измѣненія и улучшенія, ибо, какъ естественно, русской императрицѣ, не могло не быть пріятно, еслибы, въ тѣхъ запутанныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ она очутилась, она нашла въ Полякахъ, не однимъ врагомъ болѣе *противъ* себя, но хорошихъ союзниковъ *за* себя. Безъ того уже не подстрекаемая болѣе ревнивымъ Фридрихомъ, Россія могла бы искренно сблизиться съ Польшей; и Польша, мудрыми внутренними мѣрами, скоро могла бы (хотя, въ слѣдствіе своей слабости, сначала и во второстепенной роли) возвысить свое могущество до того, чтобы съ честью, на равныхъ условіяхъ, вести переговоры и удерживаться. Россія была державой, которая болѣе всего могла вредить ей, но также и быть полезной, Австрія—менѣе, Пруссія, можетъ быть, всего меньше: поэтому здравая политика совѣтовала ей придерживаться преимущественно Россіи, если она хотѣла спасти отъ опасности свое поколебленное и угрожаемое существованіе. Это понималъ Станиславъ, въ этомъ духѣ старался онъ преобразовать свою

---

(1) Это Фридрихъ II совѣтовалъ ей уже въ 1777 г. на случай войны съ Турками, дабы имѣть покой со стороны Польши и воспользоваться страною для военныхъ дѣйствій. Письмо короля отъ 27 дек. 1777 г. (въ государственномъ архивѣ въ Москвѣ): «Jl me vient une idée dans l'esprit. Dès que la Russie verra, que toutes ses propositions de conciliation seront infructueuses et qu'une nouvelle guerre avec la Porte est inévitable, il me semble qu'il est de son intérêt d'engager la Pologne dans son parti et à prendre fait et cause en sa faveur. Ce n'est pas tant pour les grands avantages, qu'elle aurait à attendre d'un tel Allié; mais, pourvu que la Pologne joigne un millier d'hommes à l'armée Russe, le reste des Confédérés de Bar n'osera grouiller, et il me parait bien valoir la peine d'éloigner ce dernier et son remuement ultérieur en Pologne.» —Странно противорѣчило этому нѣсколько лѣтъ спустя то рвеніе, съ которымъ преемникъ его старался препятствовать тому, что совѣтовалъ дядя.

націю: но вожди юной партіи, вмѣсто того, чтобъ внимать голосу государственнаго благоразумія и мудрости, внимали лишь своей ненависти, своему ожесточенію противъ Россіи и, какъ школьники, избавившіеся отъ розги учителя, старались съиграть ей какъ можно больше плохихъ шутокъ.

При открытіи турецкой войны, въ Польшѣ произошло страшное броженіе: каждый чувствовалъ, что настала давно желанная минута извлечь отечество изъ его стѣсненнаго положенія, сдѣлать его сильнымъ внутри, уважаемымъ извнѣ; каждый былъ проникнутъ убѣжденіемъ, что будущая судьба Польши будетъ зависѣть отъ того, какимъ образомъ Поляки воспользуются этой минутой. Съ нетерпѣніемъ ждали созванія сейма, и когда происходили выборы земскихъ пословъ, различными партіями были приведены въ дѣйствіе всѣ пружины для того, чтобъ усилиться. Каждая изъ нихъ казалась довольною и надѣялась имѣть большинство на своей сторонѣ.

Это заставляетъ насъ бросить взглядъ на различныя партіи.

Во всѣ времена въ жизни народовъ существуютъ три партіи: прошедшаго, настоящаго и будущаго. Къ первой принадлежатъ старѣйшіе съ ихъ воспоминаніями; ко второй всѣ достигшіе зрѣлаго возраста и полноты силы или всѣ въ то время власть имѣющіе; къ третьей юношество съ его неопредѣленными желаніями и надеждами. Партіи эти распадаются на различные оттѣнки, подраздѣленія, но вышіе приведенное есть обыкновеннѣйшее выраженіе ихъ. Такъ было и въ Польшѣ. Въ главѣ *партіи прошедшаго*, партіи стараго порядка, добраго саксонскаго времени, когда вельможи и высшіе чиновники были всемогущи и неограничены, стоялъ богатый и сильный *Станиславъ-Феликсъ Потоцкій*, воевода Русскій и генералъ-фельдцейхмейстеръ. Но такъ какъ онъ хорошо понималъ, что, при положеніи дѣлъ въ его отечествѣ, только Россія могла доставить сильную, прочную опору, то онъ и придерживался Россіи. Къ его партіи принадлежали, кромѣ его приверженцевъ, нѣкоторые изъ старѣйшихъ сановниковъ.

Партію настоящаго образовали имѣвшіе въ своихъ рукахъ власть. Она распадалась на двѣ части, изъ которыхъ одна была болѣе привержена королю, а потомъ Россіи, а другая болѣе Россіи и потомъ королю. *Королевская часть партіи* состояла изъ его братьевъ и племянниковъ и другихъ близкихъ родственниковъ, съ ихъ длиннымъ хвостомъ въ странѣ; далѣе изъ двора и тѣхъ, которые ожидали счастія своего отъ короля; — *русская часть партіи* состояла изъ тѣхъ, которые надѣялись легче достигнуть удовлетворенія своихъ честолю-

бивыхъ и корыстолюбивыхъ замысловъ и полученія должностей, почестей и имѣній посредствомъ русскаго двора и русскаго посланника, и такъ какъ послѣдній пользовался тогда высшею степенью уваженія, то приверженцы его были крайне многочисленны.

Партія будущаго или младшая также распадалась на двѣ части. Обѣ хотѣли измѣненія существующаго порядка, обѣ хотѣли достигнуть этимъ уваженія и вѣса, съ тою только разницею, что одна изъ нихъ имѣла въ виду прежде всего честь и благо страны, а потомъ свои собственныя; другая же—сперва свои себялюбивыя цѣли, и лишь затѣмъ уже выгоды страны, если только имѣла ихъ въ виду. Въ главѣ первой стояли братья Игнатій и Станиславъ Потоцкіе, а въ главѣ второй—великій гетманъ Браницкій и его племянникъ Казиміръ Сапѣга.

Цѣлями, къ которымъ стремились вожди этихъ различныхъ партій, были: у *партіи Феликса Потоцкаго*—возстановленіе магнатства и стараго хозяйства, называвшагося польской свободой;—у *королевской*—увеличеніе королевской власти и возвышеніе и усиленіе страны;—у *партіи преданной Россіи*—тѣснѣйшій союзъ Польши съ Россіей, дабы подъ покровительствомъ послѣдней снова возвыситься;—у *партіи молодыхъ патріотовъ* или *Игнатія Потоцкаго*—полное преобразованіе старой конституціи и учрежденіе новой, которая даровала бы Польшѣ силу и независимость;—у *Сапѣго-Браницкой партіи*—прежде все перевернуть вверхъ дномъ, произвесть смуты и запутанности, для того, чтобъ пріобрѣсть значеніе, выгоды и преимущества для себя, все равно, на чей бы то ни было счетъ.

Поэтому изъ этихъ пяти различныхъ партій, *три* были за Россію и ея виды, *одна*, но очень сильная, потому что заключала въ себѣ образованнѣйшихъ и молодыхъ людей—за пользованіе обстоятельствами времени, для возвышенія страны, и слѣдовательно противъ Россіи, которую считала враждебною этому; наконецъ *пятая*—неопредѣленнаго цвѣта и готовая перейти туда, гдѣ мгновенно можно было ожидать наибольше вѣса или выгодъ.

Затѣмъ, дабы ближе ознакомиться съ дѣйствовавшими и вліятельными лицами въ великой драмѣ, которая должна была разъиграться, скажемъ прежде всего, что главу первой партіи, богатаго *Феликса Потоцкаго* обвиняли, можетъ быть несправедливо, въ стремленіи къ коронѣ. Безъ особенныхъ умственныхъ дарованій, тѣлесно болѣзненный, гордый и честолюбивый, но прямодушный и откровенный, и непоколебимый въ своихъ убѣжденіяхъ, онъ мало годился въ вожди партіи, потому что презиралъ хитрость и пронырства,

и внушалъ уваженіе къ себѣ только своимъ богатствомъ. Такъ какъ онъ съ одной стороны защищалъ преимущества и власть дворянства, а съ другой союзъ съ Россіей, то, при тогдашнемъ настроеніи умовъ, клонившемся въ совершенно противоположную сторону, онъ скоро утратилъ любовь народа, которою пользовался прежде, и раздраженный клеветами, которыхъ сталъ цѣлію, покинулъ затѣмъ сеймъ, чтобъ воротиться къ начальствуемой имъ арміи въ Украйнѣ, а потомъ удалиться въ свои имѣнія.

Стремленія и характеръ главы второй партіи, *короля*, намъ извѣстны. Будучи постояннымъ предметомъ подозрѣнія своей *свободной* націи, ревности своихъ сосѣдей, зависти и захватовъ своихъ вельможъ, алчности, притязаній и требованій своихъ ближайшихъ родственниковъ, онъ былъ связанъ такъ, какъ ни одинъ еще король до него. Его чрезмѣрная щедрость, при его ограниченныхъ средствахъ, обременила его огромными долгами, немало тяготившими его и связывавшими его еще болѣе. Его искательство любви народной, убѣгавшей отъ него, дѣлало его слабымъ и непостояннымъ, ибо вмѣсто того, чтобъ стараться пріобрѣсть эту любовь, какъ слѣдовало, твердостью, справедливостью и неуклоннымъ слѣдованіемъ по пути долга и права, онъ стремился достигнуть оной склоненіемъ своимъ къ мгновеннымъ настроеніямъ и мнѣніямъ, и тѣмъ подъ конецъ повредилъ дѣлу въ отношеніи ко всѣмъ, къ покровителямъ своимъ—уступчивостью предразсудкамъ своего народа, а къ своему народу—уступчивостью угрозамъ своихъ покровителей. Такимъ образомъ онъ не угодилъ никому и утратилъ наконецъ уваженіе всѣхъ. Онъ съ большою проницательностью распознавалъ то, что справедливо, живѣйше желалъ добра, и почти никогда не могъ привести этого въ исполненіе. И теперь онъ сознавалъ, что слабому пристойно, при столкновеніи съ сильными сосѣдями, либо держаться совершенно въ сторонѣ, либо, если это невозможно, присоединиться къ сильнѣйшему, хотя бы онъ и былъ въ эту минуту въ невыгодномъ положеніи. Народъ его разсуждалъ иначе, и онъ противъ своего убѣжденія уступалъ ему, именно по этому слабохарактерному стремленію заслужить его любовь. Его намѣренія въ настоящее время имѣли цѣлію союзъ съ Россіей, дабы, опираясь на нее, достигнуть выгодъ для возвышенія страны, а именно усиленія королевской власти, созданія надежной военной силы и улучшенія финансовъ. Но мы увидимъ, какъ онъ этимъ искательствомъ любви народной постепенно былъ склоненъ въ противную сторону и тѣмъ самымъ къ безднѣ, которой хотѣлъ избѣжать.

Третья партія тѣсно примкнула къ Россіи и ея посланнику, графу *Штакельбергу*. Послѣдній былъ человѣкъ высокаго образованія, весьма ловкій въ управленіи людьми и благороднаго, кроткаго характера, такъ что даже сами Поляки, всегда старавшіеся очернить и оклеветать своихъ противниковъ, ничего не могли взвести на него, кромѣ власти, которую онъ имѣлъ и которая истекала лишь изъ занимаемаго имъ званія. Въ слѣдствіе инструкцій своихъ, дабы, при возникшихъ смутахъ, держать Поляковъ въ покоѣ и воспрепятствовать ихъ участію въ конфедераціяхъ, онъ старался привязать ихъ помощію болѣе тѣснаго союза съ Россіей, въ замѣнъ чего онъ имѣлъ право обѣщать имъ желаемыя всѣми улучшенія и другія льготы. Къ самымъ твердымъ приверженцамъ этой партіи принадлежалъ прежде всего *примасъ*, братъ короля, характера твердаго, рѣшительнаго, вопреки воплямъ толпы оставшійся вѣрнымъ однажды принятому убѣжденію своему и искреннѣйшему союзу съ Россіей, такъ какъ Польша, при существовавшихъ обстоятельствахъ, только отъ этого союза могла ожидать дѣйствительной защиты и помощи, при изъявленіи же непріязни, напротивъ, съ трудомъ могла бы избѣжать своей участи. И именно твердость и послѣдовательность характера снискала ему то, чего напрасно искалъ король — уваженіе всѣхъ, даже его противниковъ.—Другими ревностными приверженцами этой партіи были: великій канцлеръ *Іакинѳъ Малаховскій*, во всемъ противоположный своему брату Станиславу, назначенному сеймовымъ маршаломъ,—человѣкъ рѣшительнаго образа мыслей и убѣжденный, что, только непоколебимо держась Россіи, можно было пособить Польшѣ;—Войничскій (Woinicz) каштелянъ *Ожаровскій* и братья *Коссаковскіе*. *Ожаровскій*, неустрашимаго характера, не отрекся отъ своихъ мнѣній даже и тогда, когда, изъ страха общественнаго настроенія, почти никто не отваживался открыто заявлять ихъ. Братья *Коссаковскіе*, *Симонъ* и *Іосифъ*, бывшіе приверженцы Барской конфедераціи и не изъ малозначущихъ, по плохомъ исходѣ тогдашнихъ усилій убѣдились, что искать-ли выгодъ для государства или для себя, но достигнуть ихъ можно было только помощію Россіи. Съ тѣхъ поръ они совершенно предались ей. Симонъ, храбрый воинъ, на ряду съ Казиміромъ Пулавскимъ—блистальнѣйшее явленіе конфедератской войны, но суровый, честолюбивый и корыстолюбивый, въ послѣдствіи былъ даже русскимъ генераломъ; Іосифъ, епископъ лифляндскій, но in partibus, такъ какъ небольшая часть польской лифляндіи (Маріенгаузенскій округъ) была отдѣлена раздѣломъ—способнѣйшая и ум-

нѣйшая голова въ государствѣ. Хитрый, ловкій, полный уловокъ, онъ умѣлъ тысячами путей достигать своихъ цѣлей. Благодаря своему близкому знанію всѣхъ государственыхъ и юридическихъ обстоятельствъ Польши, онъ собственно былъ вождемъ партіи и имѣлъ несравненный даръ, подъ наружнымъ видомъ согласія и уступчивости, незамѣтно доводить своихъ противниковъ до того, чего хотѣлъ.

Въ главѣ четвертой партіи молодыхъ патріотовъ стояли братья *Игнатій и Станиславъ Потоцкіе*, члены одной изъ первыхъ фамилій Польши, молодые, хорошо образованные, богатые и, въ слѣдствіе особенныхъ обстоятельствъ, лучше воспитанные, нежели тогда въ обычаѣ было въ Польшѣ. Игнатій, предназначавшійся къ духовному званію, получилъ высшее образованіе въ Римѣ, Станиславъ—отъ преобразователя народнаго обученія въ Польшѣ, Конарскаго; и такимъ образомъ первый сталъ самымъ образованнымъ между молодыми вельможами, второй — самымъ краснорѣчивымъ; другіе Гракхи, съ одинаковыми намѣреніями и взаимно пополнявшимися способностями. Игнатій довершилъ свое образованіе путешествіями, былъ потомъ членомъ воспитательнаго совѣта и уже рано нашелъ покровителя въ королѣ и сталъ его ученикомъ въ его планахъ преобразованій. Какъ блистательный молодой человѣкъ, столько же отличавшійся красотою тѣлесною, сколько умомъ и познаніями, онъ быстро возвысился и, имѣя едва 30 лѣтъ отъ роду, сталъ великимъ маршаломъ Литовскимъ. Исполненный пламеннаго честолюбія, которое скрывалъ подъ холодною, важною наружностью, онъ скорбѣлъ объ уничиженіи своей страны и для возвышенія ея не видѣлъ инаго средства, кромѣ совершеннаго измѣненія конституціи. Почерпнувъ свои политическія воззрѣнія и познанія преимущественно изъ сочиненій французскихъ государственныхъ ученыхъ людей, онъ незамѣтно, при господствовавшихъ тогда во Франціи демократическихъ мнѣніяхъ, усвоилъ себѣ убѣжденіе, что только возвышеніемъ городскаго и крестьянскаго сословій, въ противуположность господствовавшей въ Польшѣ аристократіи, можно было пособить странѣ. Къ этому-то и устремились его виды. Однако всѣ его планы были еще въ зародышѣ въ душѣ его и, чтобъ возрасти, ожидали лишь благопріятныхъ обстоятельствъ. Послѣднія казались теперь такими, какими ихъ желали.

Главными помощниками въ начертаніи и выполненіи его плановъ служили ему два лица, совершенно противуположныхъ характеровъ: маленькій, худенькій итальянскій аббатъ и тучный польскій кано-

никъ. Аббата звали *Піатоли*, онъ былъ прежде капуцинскимъ монахомъ, капелланомъ, потомъ дорожнымъ спутникомъ и воспитателемъ у княгини Любомірской; представленный ею ко двору, онъ постепенно сталъ собесѣдникомъ, чтецомъ, довѣреннымъ лицомъ и наконецъ другомъ и совѣтникомъ короля. Это была одна изъ тѣхъ тонкихъ, итальянскихъ головъ, которыя переполнены умомъ и идеями, и непреодолимы когда хотятъ убѣдить. Преданный направленію своего времени, безграничный почитатель Жанъ-Жака Руссо и его идей, онъ съ тѣхъ поръ, какъ былъ введенъ въ знатнѣйшіе круги польскаго общества, серьознѣе занялся политическими ученіями и въ особенности пріобрѣлъ хорошія познанія также въ польскомъ государственномъ правѣ. Онъ сталъ тогда оракуломъ политическихъ нововводителей и, помощію своей ловкости во владѣніи перомъ, главнымъ начертателемъ всѣхъ плановъ и работъ партіи. (2)

Второй главный помощникъ, но лишь въ позднѣйшее время, и совершенно противуположный аббату Піатоли, былъ референдарій *Гуо Коллонтай*. Также въ Римѣ приготовленный образованіемъ къ духовному званію и, по милости епископа Солтыка, каноникъ въ Краковѣ, онъ интриговалъ противъ своего благодѣтеля и сталъ склоняться къ только-что восходившей звѣздѣ примаса. По его представительству ставъ ректоромъ краковскаго университета, онъ оказался не изъ послѣднихъ въ обкрадываніи училищнаго фонда. Помощью своей ловкости и практической способности къ дѣламъ, равно и своего пресмыканія передъ сильными людьми, онъ затѣмъ былъ назначенъ короннымъ референдаріемъ и мѣтилъ въ канцлеры и епископы. Это былъ человѣкъ съ большими умственными дарованіями, но характера низкаго, грязнаго, вполнѣ себялюбиваго. Въ его большихъ, пламенныхъ, черныхъ глазахъ блисталъ умъ, но его багровое, раздутое лицо указывало на иную страсть, которая и навлекла на него раннюю, сильную подагру, такъ что онъ не могъ ходить безъ трости. Онъ работалъ легко, зналъ, какъ немногіе, всѣ потаенные пути польскаго закона; но, въ противуположность безкорыстному Піатоли, рука его была всегда разверзта, онъ бралъ гдѣ только могъ, по возможности съ двухъ, съ трехъ партій за-

---

(2) Позже, при совершенно иныхъ обстоятельствахъ, онъ служилъ также и Адаму Чарторыйскому, когда послѣдній былъ русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, для начертанія великихъ плановъ, имѣвшихъ тогда цѣлію политическое преобразованіе Европы. См. Thiers, Hist. du Consulat et de l'Empire, edit. de Bruxelles, V, 340 etc.

разъ, и за всякую услугу свою, даже малѣйшую, заставлялъ платить себѣ большія деньги. (3) Его цѣли были вполнѣ себялюбивыя; отечество мало озабочивало его и служило ему только средствомъ; поэтому онъ болѣе всѣхъ способствовалъ въ послѣдствіи его паденію. Онъ держался примаса и русской партіи, когда надѣялся возвыситься помощію ихъ, и перешелъ къ противуположной партіи, когда она пріобрѣла перевѣсъ. Его ловкое перо, его близкое знаніе всѣхъ отношеній польскаго права, дѣлали его важнымъ пріобрѣтеніемъ для той партіи, которую онъ затѣмъ защищалъ какъ на ораторской каѳедрѣ, такъ и въ своихъ сочиненіяхъ, и даже теперь еще защищаетъ, потому что сочиненіе его, въ которомъ онъ страстнымъ перомъ описываетъ исторію и паденіе начертанной этою партіею конституціи, (4) до сихъ поръ еще служило главнымъ источникомъ, изъ котораго польскіе и иностранные историки черпали свои разсказы.

Созвѣздіе двухъ братьевъ Потоцкихъ имѣло позади себя всю пылкую, стремившуюся вверхъ молодежъ, которая, будучи подстрекаема мыслію о тогдашнемъ позорѣ отечества, въ противуположность прежняго величія его, съ скрежетомъ зубовъ взирала на господство въ немъ тѣхъ націй, среди которыхъ они сами прежде играли роль властителей или были ими. По указанію болѣе образованныхъ, которымъ прочіе повиновались и послѣдовали, обративъ вниманіе на погрѣшности конституціи страны своей, они теперь столь же усердно поносили избирательное право, власть дворянства и единогласіе (liberum veto), сколько предки ихъ чванились ими; но еще болѣе ненавидѣли они постоянный совѣтъ, какъ навязанный имъ чужеземцами, хотя ему впервые были обязаны единствомъ правленія и господствовавшими теперь спокойствіемъ и порядкомъ. По плану вождей ихъ, все это долженствовало быть низпровергнуто, дабы вмѣсто того возвести зданіе, болѣе соотвѣтствовавшее новѣйшимъ заграничнымъ воззрѣніямъ государственнаго права. При своей слабости они хорошо сознавали, что для выполненія этихъ плановъ сначала нуждались въ покровительствѣ сильной державы, и надѣялись найти его со стороны Пруссіи, подобно тому, какъ старѣйшая партія искала его со стороны Россіи.

---

(3) См. Friedrich Schulz, Reise eines Livländers, 4 Heft, S. 178.

(4) Извѣстное сочиненіе: О происхожденіи и паденіи польской конституціи 3-го мая 1791 г. (нѣмецкій переводъ Линде, 1793). Коллонтай—главный авторъ его, какъ то видно уже и изъ его слога. Игнатій Потоцкій и другіе доставили только матеріалы.

Послѣдняя или пятая партія имѣла въ главѣ своей короннаго великаго гетмана *Франца Ксаверія Браницкаго* и племянника его, князя *Казиміра Сапѣгу*,— людей даровитыхъ, но безъ всякихъ правилъ и преданныхъ своимъ интересамъ, какъ единственному своему идолу. Браницкій (род. въ 1735), высокій, красивый мущина, въ пламенныхъ, черныхъ глазахъ котораго блисталъ умъ, но также и хитрость, неустрашимый, храбрый до дерзости, весьма дѣятельный и при этомъ хорошо знакомый со всѣми обстоятельствами своего отечества, имѣлъ однако въ виду не столько его благо, сколько свое собственное, и поэтому былъ или поочередно, или въ одно и то же время, приверженцемъ короля, Россіи, защитникомъ Потемкина и его замысловъ, а подъ конецъ даже ревностнымъ патріотомъ, словомъ — игралъ всѣ роли, поддерживалъ всѣ партіи, которыя были сильнѣе и выше, но никогда по внутреннему убѣжденію, а всегда лишь по своимъ своекорыстнымъ расчетамъ, Съ тѣхъ поръ, какъ онъ, въ слѣдствіе бракосочетанія своего съ племянницей Потемкина, зналъ, что имѣетъ опору въ этомъ могущественномъ человѣкѣ, онъ выступилъ смѣлѣе впередъ и сталъ сопротивляться даже самому королю. Россіи онъ благопріятствовалъ на сколько того требовали скрытые виды Потемкина, касались-ли они Курляндіи, Польши или независимаго Молдаво-Валахскаго княжества. Двухъ особъ онъ ненавидѣлъ всею силой пылкихъ натуръ, Феликса Потоцкаго и русскаго посланника графа Штакельберга: перваго потому, что онъ помрачалъ его общими уваженіемъ и любовью, которыми пользовался, и своимъ богатствомъ, и стоялъ впереди его на пути къ коронѣ; а послѣдняго потому, что онъ содѣйствовалъ учрежденію военнаго департамента при постоянномъ совѣтѣ, чѣмъ крайне ограничены были обширныя преимущества великихъ гетмановъ. Низвергнуть ихъ, а если можно, то и короля притомъ, было теперь поэтому одною изъ его главныхъ цѣлей, все равно, какими бы то ни было способами и средствами. Поэтому онъ желалъ безпорядковъ, смутъ, большихъ запутанностей, въ которыхъ ему можно было только выиграть, частію потому, что онъ рѣзко выставлялъ на свѣтъ важность свою и своихъ приверженцевъ, частію въ надеждѣ, помощію ихъ, найти случай къ низверженію ненавистныхъ противниковъ своихъ, равно какъ и къ снисканію снова старинныхъ гетманскихъ преимуществъ. Поэтому можно было предвидѣть, что онъ будетъ всѣми силами поддерживать партію, враждебную королю и посланнику, вопреки своей лицемѣрной преданности Россіи. Но слишкомъ хитрый для того, чтобы выставить себя и

тѣмъ подать поводъ къ обвиненію своему, онъ держалъ себя болѣе въ сторонѣ и выставлялъ впередъ племянника своего, *Казиміра Сапѣгу*, въ которомъ нашелъ ловкое орудіе для своихъ видовъ. Это былъ молодой человѣкъ пылкаго нрава и необузданной чувственности, истый представитель тогдашней польской молодежи: легкомысленный и восторженный; то страстно настроенный, то снова усталый духомъ; добродушный и снова полный ненависти; торопливо дѣятельный и снова съ опущенными руками, лѣнивый и боявшійся труда. Хотя онъ былъ одаренъ умомъ, остроуміемъ, огнемъ, но ему, какъ и его молодымъ товарищамъ, недоставало раченія, прилежанія, науки; поэтому онъ, какъ и они, остался одинаково поверхностнымъ какъ государственный человѣкъ и какъ ораторъ, ибо въ первомъ отношеніи обнаруживалъ лишь близорукость и незнаніе, а въ послѣднемъ, не смотря на отдѣльныя удачныя слова, ограничивался большею частію только пустыми декламаціями или страстными порывами. Подобно тому, какъ онъ былъ представителемъ природныхъ дарованій молодыхъ соотечественниковъ своихъ на каѳедрѣ сейма, такъ точно онъ былъ представителемъ и ихъ бурной склонности къ страсти наслажденій и удовольствій, въ своихъ ночныхъ оргіяхъ, между которыми и ораторскою каѳедрою дѣлилъ свое время. Его заспанныя, раздутыя, винобагровыя черты лица указывали тогда еще на излишество въ тѣхъ чувственныхъ наслажденіяхъ, въ которыхъ онъ и подобные ему, отвергая всякое высшее достоинство мущины, поставляли счастіе и цѣль жизни.

Выдвинутый впередъ Браницкимъ, надѣленный всѣми дарованіями народнаго трибуна, онъ сталъ теперь самымъ рьянымъ, самымъ страстнымъ противуборцемъ партій русской и королевской, подстрекаемый къ тому еще пренебреженіемъ, испытаннымъ имъ въ Кіевѣ, куда за годъ передъ тѣмъ стеклись польскіе вельможи для засвидѣтельствованія своего уваженія императрицѣ, во время ея путешествія въ Крымъ. Екатерина держала себя въ сторонѣ отъ нихъ и не допустила ихъ до своего внутренняго, довѣреннаго круга: «Я думала», сказала она иронически одному изъ приближенныхъ, «что эти господа хотятъ видѣть меня, но они пріѣхали, чтобъ быть моими собесѣдниками»: (5) Это не понравилось имъ и съ чувствами униженія и мести многіе изъ этихъ вельможъ покинули городъ. Браницкій и Сапѣга были въ томъ же числѣ и первый неоднократно

---

(5) Смотри Дневникъ Храповицкаго подъ 20 марта 1787: «Je croyais qu'ils veulent me voir, mais ils sont venus pour me tenir compagnie!»

съ горечью упрекалъ посланника: «что съ польскими вельможами и всегда обращались съ пренебреженіемъ, но особливо въ Кіевѣ, гдѣ испанскаго искателя приключеній (подразумѣвался либо принцъ Нассаускій, какъ испанскій грандъ, либо генералъ Миранда) предпочли отличнѣйшимъ людямъ Польши» (6).—Подобныя сердечныя изліянія приподнимаютъ многія завѣсы!

Къ партіи Браницкаго и Сапѣги принадлежали преимущественно кліенты и друзья обоихъ домовъ, слѣдовательно больше все земскіе послы изъ Литвы, которые и проживали большею частію во дворцѣ Браницкаго въ Варшавѣ; между ними особенно отличались ожесточеніемъ противъ Россіи такъ называемые земскіе послы изъ Лифляндіи, *Кублицкій* и *Вейсенгофъ*, затѣмъ *Забѣлло* и *Иѣмцевичъ*, сверхъ того *Суходольскій* изъ Хельма и *Сухоржевскій* изъ Калиша.

Замѣчательное указаніе на намѣренія партіи молодыхъ патріотовъ доставляютъ наказы, данные Люблинскимъ воеводствомъ представителямъ его на предстоявшемъ сеймѣ, Станиславу Потоцкому и Адаму Чарторыйскому, начертанные этими самыми представителями. Главными условіями были: 1) увеличеніе числа войскъ до 40,000 человѣкъ. 2) Они должны были находиться подъ начальствомъ независимой, внутри страны пребывающей военной коммиссіи (слѣдовательно изъяты отъ всякаго вліянія короля). 3) Сверхъ того провинціальная милиція, подъ предводительствомъ старостъ и подкоморныхъ (Podkomorzy). 4) Упраздненіе постояннаго совѣта, возстановленіе сенаторовъ ad latus (слѣдовательно уничтоженіе всякаго единовластнаго правленія). 5) Отозваніе всѣхъ посланниковъ, которые были бы чужеземцами, и замѣщеніе ихъ національными, изъ древнихъ фамилій, богатыхъ владѣніями, въ польской одеждѣ, съ бритой головой. 6) Запрещеніе канцлерамъ принимать продажу старостъ старшимъ младшему. 7) Польская одежда, бритая голова, подъ страхомъ, въ противномъ случаѣ, лишенія всякой дѣятельности (на основаніи одной пустой мечты Руссо, который признавалъ Польшу счастливою потому, что она имѣла свою національную одежду). 8) Продленіе сейма на все время турецкой войны (послѣдовавшая долговременная продолжительность сейма поэтому уже рано было замышлена). 9) Подвергнуть духовенство налогу въ 6 со ста. 10) Никто не долженъ пользоваться двумя епископствами или доходами съ нихъ (это было направлено преимущественно противъ

---

(6) Донесеніе Штакельберга отъ 31-го января 1789 г.

примаса, брата короля, который по смерти Солтыка, приключившейся около этого времени, домогался богатаго епископства краковскаго). 11) Право гражданства принцу Лудвигу Виртембергскому, такъ какъ это могло оказаться весьма полезнымъ странѣ (условіе это включилъ тесть его, князь Адамъ Чарторыйскій). 12) Запрещеніе носить иностранныя или свои орденскія ленты, какъ противное равенству (и оскорблявшее тщеславіе неукрашенныхъ ими).

Изъ этого видно, что требовалось много новаго—ожиданія были даже превзойдены!—Единодушнымъ требованіемъ всѣхъ частныхъ сеймиковъ было однако увеличеніе числительности арміи и улучшеніе финансовъ.

Таковы были воззрѣнія, мнѣнія, стремленія и цѣли различныхъ партій, когда сеймъ собрался 6 окт. 1788 въ Варшавѣ. По избраніи въ коронные маршалы Станислава Малаховскаго, брата канцлера, человѣка честнаго, безкорыстнаго, но нѣсколько мелочнаго, а въ литовскіе маршалы Казиміра Сапѣги, котораго мы знаемъ, предложеніе обратить сеймъ въ конфедерацію было принято единодушно.

Всѣ партіи не хотѣли быть стѣсненными въ своихъ стремленіяхъ дѣйствіемъ liberum veto; всѣ имѣли свои особенныя цѣли, которыхъ непремѣнно хотѣли достигнуть. При этомъ случаѣ партія молодыхъ патріотовъ съумѣла включить въ присягу маршала прибавку, что по востребованію долженствовала имѣть мѣсто и одна *рышать вопросы* также и *тайная подача голосовъ*—важное опредѣленіе, посредствомъ котораго, на случай нужды, пріобрѣтена возможность имѣть въ своей власти всѣхъ слабыхъ и двусмысленныхъ. Затѣмъ сдѣлано было предложеніе о союзѣ съ Россіей, гласно выраженною цѣлью котораго долженствовало быть *сохраненіе польскихъ владѣній* и оборона *противъ общаго врага*. Это былъ любимый планъ короля: о немъ совѣщались сперва въ Каневѣ, потомъ полтора года разъясняли его, переговаривались о немъ и наконецъ согласились во всѣхъ пунктахъ. Король сначала требовалъ многаго для того только, какъ онъ говорилъ, чтобы склонить націю, не смотря на ея отвращеніе отъ союза съ Россіей, къ-договору о томъ посредствомъ весьма выгодныхъ условій, а именно: *во-первыхъ*: Россія должна была содержать польскій вспомогательный корпусъ не только во время войны, но и послѣ того въ мирное время, снабжать оный оружіемъ, военными запасами, лошадьми и огнестрѣльными припасами; *во-вторыхъ*: дозволить многія измѣненія въ конституціи, для возвышенія королевскаго достоинства и облегченія хода дѣлъ; *въ-третьихъ*: предоставить торговыя выгоды; наконецъ *въ-*

четвертыхъ: также и участіе въ будущихъ завоеваніяхъ, а именно король требовалъ *земель между Серетомъ и Днѣстромъ* до Чернаго моря, дабы снова войти въ сообщеніе съ моремъ и пріобрѣсть исходы для торговли.—За содѣйствіе вспомогательнаго корпуса въ 12,000 чел. конницы, чему со стороны Россіи придавали мало значенія и желали этого только для того, чтобъ имѣть Польшу на своей сторонѣ и не быть вынужденными воевать съ ней, какъ въ первую турецкую войну,—это было слишкомъ большое требованіе, тѣмъ болѣе, что Россія, распространеніемъ польскихъ владѣній до Чернаго моря, была бы совершенно отрѣзана отъ Молдавіи и Валахіи и турецкихъ областей въ Европѣ.—Императрица отвергла это условіе самымъ мягкимъ образомъ, давъ замѣтить, что «Польша, сама еще будучи мало обезпечена, не должна была собственными завоевательными видами своими вызывать чужеземцевъ на завоеванія». Взамѣнъ того она согласилась на бо̀льшую часть прочихъ условій, обѣщала взять на себя полное вооруженіе 12,000 ч. войскъ, отпускать имъ жалованье и содержаніе во время войны и даже въ продолженіе шести лѣтъ по заключеніи мира вносить ежегодно 1 милліонъ польскихъ гульденовъ на содержаніе корпуса; сверхъ того предоставить наибо̀льшія торговыя выгоды, не только у себя, но и выхлопотать таковыя же и у Турокъ; и наконецъ она хотѣла послѣ мира дать Полякамъ еще другія льготы, смотря по обстоятельствамъ.—Столь выгодныя предложенія объясняютъ рвеніе Станислава заключить этотъ союзъ, долженствовавшій обезпечить угрожаемое существованіе Польши на много лѣтъ, въ продолженіе которыхъ, даже съ согласія Россіи, можно было бы трудиться надъ усиленіемъ и укрѣпленіемъ государства внутри. Но когда это предложеніе, этотъ якорь спасенія, на который надѣялся Станиславъ, было представлено сейму, король внезапно увидѣлъ преграду, поставленную этому предложенію, и всѣ свои надежды на спасеніе Польши разрушенными; гроза, которую давно уже предвѣщала сверкавшая вдали молнія, разразилась теперь со всею силой: Пруссія выступила съ препятствіемъ этому дѣлу.

Со времени вступленія на престолъ Фридриха Вильгельма II, новый прусскій кабинетъ, руководимый Герцбергомъ, выжидалъ только случая отомстить Россіи за предпочтеніе, сдѣланное ею Австріи, и за другія мнимыя несправедливости, и чтобъ показать, сколько онъ можетъ причинить вреда, въ соединеніи съ Англіею подстрека̀лъ Порту и Швецію къ войнѣ и положилъ теперь начало своимъ кознямъ также и въ Польшѣ. Уже въ теченіе лѣта прусскій посланникъ въ Варшавѣ,

Бухгольцъ, получилъ значительныя суммы, для составленія себѣ партіи. Съ этою цѣлію онъ долженъ былъ жить открыто большимъ домомъ, давать празднества и пиршества (потому что безъ нихъ ничего не дѣлалось въ Польшѣ) и въ особенности стараться привлекать съѣзжавшихся на сеймъ земскихъ пословъ. Въ тоже время Герцбергъ и прочіе прусскіе министры обратились къ значительнѣйшимъ, по положенію или вліянію, знакомымъ своимъ въ Польшѣ, съ словами ласкательства, лицемѣрными обнадеживаніями или тайными угрозами. Такъ напр. министръ Шуленбургъ писалъ къ литовскому великому гетману Огинскому: «Онъ не долженъ забывать, что для него настало время, и отечеству его дать возможность, и ему самому —играть роль». Когда Огинскій, для ближайшаго разъясненія этихъ словъ, послалъ въ Берлинъ своего адъютанта, послѣдній удостоился чести быть представленнымъ королю, который сказалъ ему:« Онъ искренно желаетъ Польшѣ добра, но никогда не допуститъ ее до союза съ другой державой. Если республика нуждается въ союзѣ, то онъ предлагаетъ ей свой и готовъ по востребованію ея двинуть 40,000 войскъ въ защиту ея , *ничего не выговаривая для себя.*» Герцбергъ присовокупилъ къ этому другія обнадеживанія: «Король, говорилъ онъ, могъ бы помочь Полякамъ возвратить себѣ Галицію, теперь, когда могущество Австріи преклонено Турками; поэтому они не должны бы были раздражать послѣднихъ». Подобныя, ловко мимоходомъ сказанныя слова и внушенія не могли не оказать своего дѣйствія на легковѣрный и легкоподвижный, всегда надѣющійся и никогда не удовлетворимый народъ сарматскій.

Ожиданія Поляковъ находились въ состояніи крайняго напряженія, какъ вдругъ отлично составленная и вполнѣ разсчитанная на успѣхъ прусская нота, переданная Бухгольцомъ сейму 13 окт. 1788 г., окончательно рѣшила дѣло. Въ ней было сказано : «король не видитъ ни пользы отъ союза съ Россіей, ни надобности въ немъ. Владѣнія Польши достаточно обезпечены послѣдними договорами. Такъ какъ нельзя предполагать, чтобы Россія или союзникъ ея, Римскій императоръ, хотѣли нарушить ихъ, то подозрѣніе въ этомъ пало бы лишь на Пруссію и союзъ долженствовалъ бы быть направленъ противъ нея. Но честность и достоинство политики короля опровергаютъ такое подозрѣніе. Поэтому король формально протестуетъ, если союзъ долженъ быть составленъ противъ него; но если подъ *общимъ врагомъ* разумѣютъ Порту, то онъ предлагаетъ размыслить, что послѣдняя всегда честно соблюдала Карловицкій миръ. Послѣдствія, опасныя не только для Польши, но и для пограничныхъ съ нею

владѣній короля, могли бы произойти, еслибы республика заключила союзъ, который подалъ бы Туркамъ поводъ наводнить своими войсками Польшу. Если Поляки хотятъ союза, то онъ предлагаетъ свой и полагаетъ, что не хуже иной державы можетъ обезпечить неприкосновенность Польши; сверхъ того *онъ сдѣлаетъ все, чтобъ избавить знаменитую польскую націю отъ всякаго чужеземнаго гнетенія* (oppression), равно какъ и *отъ враждебныхъ вторженій Турокъ*.—Еслиже Поляки не захотятъ обратить вниманія на эти дружелюбныя предложенія его, то онъ долженъ будетъ принять свои мѣры предосторожности и приглашаетъ въ такомъ случаѣ *всѣхъ истинныхъ патріотовъ* и *добрыхъ гражданъ Польши* быть съ нимъ за одно, дабы предохранить отечество ихъ отъ угрожающаго ему несчастія. Онъ обѣщаетъ имъ *всякое пособіе и всякую помощь*, дабы защитить и сохранить *независимость, свободу и безопасность Польши*». Можно-ли было требовать больше этого? за то и дѣйствіе, произведенное нотою, было необычайное, потому что она нашла самое вѣрное средство тронуть польскія сердца. Какъ льстила Полякамъ похвала *знаменитой націи*, обѣщанныя покровительство и помощь для устраненія *всякаго чужеземнаго гнетенія*; кто не хотѣлъ принадлежать къ *истиннымъ патріотамъ и добрымъ гражданамъ*, которые должны были возвратить Польшѣ ея независимость, свободу и безопасность! Чего всѣ пламенно желали въ глубинѣ души, то предлагалось имъ тутъ!—Пруссія на вѣки!—никакихъ разсужденій и колебаній болѣе! и кто отваживался на это или предостерегалъ, тотъ былъ измѣнникъ, подкупленникъ, врагъ своего отечества. Вся молодежъ съ поспѣшностью, стремглавъ обратилась къ Пруссіи; о Россіи и союзѣ съ ней и слышать больше ничего не хотѣли, радуясь, что могли дать просторъ долго сдерживаемому озлобленію. «Патріотическій» и «прусскій» стали синонимами, и Штакельбергъ, король и Феликсъ Потоцкій увидѣли, какъ приверженцы ихъ постепенно, одинъ за другимъ, переходили къ противникамъ.—Сапѣго-Браницкая партія рѣшительно соединилась съ партіей молодыхъ патріотовъ и даже превзошла ее, по обычаю ренегатовъ, въ рвеніи къ Пруссіи и ненависти къ Россіи. Взаимныя отношенія разъяснились, и партіи сейма, какъ и націи, стали одна противъ другой въ двухъ враждебныхъ станахъ, сначала еще съ довольно равными силами, но вскорѣ съ вполнѣ нарушеннымъ равновѣсіемъ. Отъ Пруссіи ожидали всѣ спасенія и воскрешенія Польши; къ Россіи чувствовали лишь злобу и жажду мести, и посланникъ ея долженъ былъ видѣть, какъ тѣ, которые только-что цѣловали ему платье и руки,

теперь дерзко угощали его щелчками, всячески старались оскорблять и вызывать его и Россію. Польскіе умы не знаютъ никакой мѣры!

«Невозможно описать волненіе, пишетъ русскій посланникъ (7), произведенное прусскимъ объявленіемъ. Королевская и наша партія въ унынiи; число и высокомѣріе оппозиціи возрасли такъ, что нечего и думать о предложеніи трактата, такъ какъ самые благомыслящіе люди не осмѣлились бы поддержать его. Оппозиція, увѣренная въ покровительствѣ, считаетъ себя теперь въ правѣ оскорблять короля и этимъ пріобрѣсть себѣ славу защиты національной свободы противъ правительства».

Русскій кабинетъ въ такихъ обстоятельствахъ отложилъ мысль о болѣе тѣсномъ союзѣ съ Польшей, и даже ранѣе (письмо Остермана отъ 11-го окт.), нежели буря разразилась на сеймѣ. Императрица объявила: «она полагала, что союзъ ея будетъ выгоденъ республикѣ, не воображая, чтобъ онъ могъ угрожать кому-либо. Въ этомъ смыслѣ онъ былъ предложенъ ей самой королемъ и постояннымъ совѣтомъ. Но такъ какъ онъ даетъ поводъ къ подозрѣнію, то она отказывается отъ своего намѣренія».

Теперь, когда Поляки считали себя обезпеченными покровительствомъ Пруссіи, должно было приступить къ выполненію давно желаемыхъ предначертаній.—*Во-первыхъ* должно было уничтожить ненавистную, поддерживаемую и гарантированную Россіей конституцію. *Во-вторыхъ* предполагали при этомъ, ободряемые и подстрекаемые Пруссіей, излить на Россію всю, долго сдерживаемую злобу свою и жажду мщенія. Но чтобы, *въ-третьихъ*, при этомъ твердо идти и снова подняться на высоту независимой державы, войско и финансы должно было поставить въ почетное положеніе. *Въ-четвертыхъ*, дабы усилиться также и политически, должно было войти въ болѣе тѣсныя сношенія съ иностранными державами, преимущественно съ врагами Россіи, Пруссіей, Англіей, Голландіей, Швеціей и Портой. *Въ-пятыхъ*, усиленные и поддержанные такимъ образомъ, Поляки хотѣли предпринять полное преобразованіе конституціи согласно съ новѣйшими идеями.—Обширные планы, часть которыхъ они могли бы, можетъ быть, осуществить, еслибы воспользовались благопріятными обстоятельствами и поступили съ быстротою и энергіей, въ согласіи и съ умѣренностію, съ твердостью, но никого не вызывая на борьбу, т. е. еслибы они не были Поляками. Но

(7) Отъ 15 окт. 1788 г.

поступки ихъ были такіе, какихъ только и можно было ожидать отъ нихъ: восторженные, высокомѣрные, оскорбительные, а затѣмъ снова полные себялюбія, раздора и вражды партій, болѣе направленные къ удовлетворенію личныхъ страстей, нежели интересовъ государства, стоявшихъ у нихъ лишь на второмъ планѣ, хотя слова добродѣтель и отечество были у нихъ постоянно на языкѣ; наконецъ медлительные, полные потери времени и ссоръ изъ-за побочныхъ дѣлъ, и сопровождаемые свойственною имъ лѣностью и отвращеніемъ отъ труда: Поляки думали, что имѣютъ достаточно времени впереди, и тратили его непростительнѣйшимъ образомъ; казалось, они воображали, что дѣла будутъ всегда оставаться въ томъ же положеніи, что и тогда. Но политическія обстоятельства, тамъ гдѣ они не основаны на естественныхъ, прочныхъ интересахъ, измѣнчивы и мѣняются смотря по вѣтру и теченію преобладающихъ въ настоящее время воззрѣній, мнѣній и страстей.

Пруссія и Англія, изъ старыхъ друзей Россіи, связанныхъ съ нею взаимными интересами, вдругъ, въ слѣдствіе раздраженія страстей, стали противниками ея, но на долго-ли? То были противники, весьма остерегавшіеся серьозно, всѣми силами *вредить* мгновенно отвергнутому ими другу; они хотѣли только показать ему, сколько *могли вредить* ему, еслибъ серьозно захотѣли того. Они хотѣли приготовить ему лишь небольшія затрудненія, нѣсколько смирить его гордость, но постоянно съ протянутой рукой для возобновленія старинной дружбы; борьба на жизнь и смерть была бы противна ихъ собственнымъ интересамъ. Императрицѣ Екатеринѣ стоило только немного уступить, выказать желаніе возстановить прежнія отношенія къ нимъ, и онѣ по прежнему стали бы друзьями Россіи. Но этого не видѣлъ юношескій, горячій пылъ польскаго патріотизма и хотѣлъ возвести прочное зданіе на кучѣ песка, навѣянной мгновеннымъ вѣтромъ—когда вѣтеръ сдулъ песокъ въ другую сторону, рушился съ нимъ и ихъ домъ.

Потоцкіе и молодые приверженцы ихъ чувствовали очень справедливо, что прежде всего имъ нужно было сильное войско, для охраненія своей независимости, и такъ какъ образованіе такого войска было сопряжено съ большими издержками, то и государственные доходы также долженствовали быть увеличены новыми налогами. Эти два предмета были болѣе всѣхъ нужнѣе. Безъ готоваго къ бою войска и безъ хорошо устроеннаго государственнаго хозяйства нѣтъ силы и независимости. Почти на всѣхъ сеймикахъ было заявлено требованіе этого, и 20 окт. воевода Сѣрадзскій, Валевскій,

старый Барскій конфедератъ, предложилъ сейму: «увеличить войско до 100,000 человѣкъ.» Какъ электрическая искра зажгло это слово, воспламеняющіяся подобно пороху чувства его соотечественниковъ. Клики, восторгъ, радостныя слезы и обниманія: Поляки ликовали, какъ будто войско существовало не въ одномъ только предложеніи, но уже стояло тутъ совсѣмъ готовое къ бою. Безъ голосованія, однимъ лишь бурнымъ zgoda было принято предложеніе; они думали, что этимъ подали голосъ за свою независимость и уже выиграли ее. «Король не осмѣлился возражать, пишетъ Штакельбергъ, и присоединился къ большинству, которое затѣмъ цѣловало ему руки; всѣ обнимались, увѣренные, что теперь получатъ армію и внушатъ Европѣ уваженіе къ себѣ. Но никто не подумалъ объ издержкахъ. Доходъ въ настоящее время простирается до 18 милліоновъ гульденовъ, которые поступаютъ лишь съ трудомъ; для положеннаго же увеличенія войска потребно было бы 50 милліоновъ.—Это дѣти, присовокупилъ онъ, они радуются теперь, но позже придется горевать, когда потребуется добывать деньги.»—Многіе вызвались на добровольныя пожертвованія, которыя въ первую минуту восторга показались очень значительными, но, при послѣдовавшемъ охлажденіи неисправно вносимыя, были лишь каплей въ морѣ и изчезли подобно ей. Вслѣдъ затѣмъ начались и совѣщанія о повышеніи налоговъ и податей; но на что легко согласился въ первую минуту вспыхнувшій энтузіазмъ, то оспоривали въ послѣдствіи расчетливый разсудокъ и скаредное своекорыстіе, и даже то, что̀ уже было утверждено общимъ согласіемъ, сельскій дворянчикъ въ провинціи вносилъ лишь съ неудовольствіемъ и медлительностью. Четыре года совѣщались о налогахъ и къ концу четвертаго года, не смотря на самыя диковинныя предложенія и планы выпутаться изъ затрудненія, не могли еще собрать столько, сколько нужно было для содержанія 100,000-наго войска, и не смотря на всѣ усилія и на грозившую опасность, числительность его никогда не превышала 60,000 человѣкъ.

Затѣмъ слѣдовало перейти къ низпроверженію стараго зданія.—Дабы легче поколебать цѣлое, положено было отрывать отъ него и низвергать одинъ изъ его столбовъ за другимъ. Вся исполнительная и охранительная власть сосредоточивалась въ постоянномъ совѣтѣ, который, въ своихъ пяти департаментахъ, подъ верховнымъ надзоромъ и руководствомъ короля, соединялъ различныя отрасли военныхъ дѣлъ, финансовъ, юстиціи, полиціи и иностранныхъ дѣлъ. Такъ какъ королю не довѣряли, вліяніе Россіи легче могло дѣйствовать на единоличную, нежели на

раздѣльную власть, и, наконецъ, этотъ постоянный совѣтъ состоялся преимущественно чрезъ соглашеніе короля съ Россіей, то онъ первый и долженствовалъ быть низвергнутъ, отнятіемъ у него одного отдѣленія дѣлъ за другимъ. Въ этомъ смыслѣ, въ первыхъ числахъ ноября сдѣлано было предложеніе: «отдѣлить отъ постояннаго совѣта (и тѣмъ изъять изъ подъ вліянія короля) военный департаментъ и передать управленіе войскомъ въ высшей инстанціи совершенно независимой военной коммиссіи, подъ очереднымъ предсѣдательствомъ четырехъ великихъ гетмановъ; слѣдовательно — шагъ къ старой системѣ независимыхъ и несмѣняемыхъ властей. Тутъ впервые рѣзко выступили одна противъ другой обѣ партіи: русская, состоявшая изъ трехъ партій: посланника, короля и Феликса Потоцкаго, и прусская, изъ сліявшихся партій молодыхъ патріотовъ и Браницкой. Послѣдняя утверждала, что: «для свободы націи небезопасно, если всѣ власти сосредоточены въ постоянномъ совѣтѣ». Но какъ этотъ постоянный совѣтъ произошелъ изъ среды собранной на сеймѣ націи и каждые два года мѣнялъ своихъ членовъ, то это значило тоже самое, что нація опасна свободѣ націи. Слѣдовательно тутъ мѣтили собственно на короля, утверждая, что «онъ руководитъ постояннымъ совѣтомъ по своей волѣ».—Король былъ камнемъ, замыкавшимъ зданіе, онъ сообщалъ цѣлому единство. Какъ могло существовать правительство безъ единства цѣли и дѣйствія? или какъ могло бы правительство, которое состояло бы, какъ того требовали, изъ однѣхъ независимыхъ коммиссій, продержаться даже самое короткое время, не впавъ въ ту же анархію, что и прежде? Анквичъ, кастелянъ Сандечскій, замѣтилъ весьма вѣрно: «по его мнѣнію, свобода гражданъ была бы болѣе обезпечена, еслибъ управленіе арміей оставалось, отъ одного сейма до другаго, въ рукахъ короля и 36 совѣтниковъ, выбранныхъ изъ сенаторовъ и высшаго дворянства, и отвѣтственныхъ передъ сеймомъ, нежели въ рукахъ независимой отъ короля и постояннаго совѣта коммиссіи.» *Я хочу лучше переносить тягчайшее иго стоящихъ выше меня*, сказалъ онъ между прочимъ, *нежели быть вынуждену трепетать передъ своими равными*. Учредить независимую коммиссію значитъ воздвигнуть два престола одинъ противъ другаго, изъ которыхъ одинъ имѣлъ бы всю власть, а другой лишь одинъ блескъ ея».—Другіе говорили: «безъ единовластія въ правленіи, въ минуту дѣйствія произойдутъ споры и въ нихъ безъ пользы пройдетъ благопріятное время. Независимая коммиссія могла бы предписать передвиженія и перемѣщенія войскъ, которыя подали бы сосѣднимъ державамъ поводъ къ жалобамъ, а король и

совѣтъ не были бы въ состояніи пособить тому».—Доводы защитниковъ существовавшаго порядка были слишкомъ убѣдительны, а потому и открытое голосованіе дало большинство 35-ти голосовъ противъ предложенія ([8]). Потребовали тайнаго голосованія и, пока оно происходило, распространили слухъ, будто «король прусскій протестовалъ въ новой нотѣ противъ пребыванія русскихъ войскъ въ Польшѣ и объявилъ, что если они останутся еще дольше, то онъ введетъ также и свои войска». — Тотчасъ возникли страхъ и опасенія, и этимъ настроеніемъ въ особенности воспользовались Сапѣга и его партія, дабы горячими рѣчами возбудить ожесточеніе противъ Россіи; въ тоже время употреблены были и другія парламентскія ловкости, прерывали защитниковъ громкимъ шиканьемъ и стукомъ, и не давали имъ выговорить ни слова. Такимъ образомъ, тайнымъ голосованіемъ удалось, къ удивленію всѣхъ, получить большинство 18 голосовъ (слѣдовательно противъ прежняго переворотъ въ 53 голоса) за предложеніе, которое тотчасъ же и было представлено къ рѣшенію. При послѣдовавшемъ броженіи умовъ, при чемъ противъ Россіи посыпались оскорбительнѣйшія слова и угрозы, нѣкоторые потребовали даже, чтобы, съ устраненіемъ совѣта, объявить сеймъ *постояннымъ*, подобно нѣмецкому въ Регенсбургѣ! Предложеніе это, хотя и было устранено, но нѣсколько дней спустя представлено въ другой формѣ, и наконецъ настояли (29-го ноября) на томъ, чтобъ сеймъ былъ продолженъ на неопредѣленное время (ad tempus bene visum).

Русскій посланникъ, оскорбленный событіями послѣдняго засѣданія, подалъ 5-го ноября ноту, въ которой протестовалъ противъ всякихъ нарушеній и измѣненій конституціи 1775 года, гарантированной Россіею и другими державами. Ему отвѣчали, что «измѣнять всю конституцію». — Король, чтобъ успокоить и воротить къ умѣренности волновавшіеся умы, въ ихъ бурномъ внѣ всякой мѣры разливѣ, и предостеречь ихъ отъ опрометчивыхъ поступковъ, произнесъ 6-го ноября одну изъ тѣхъ мудрыхъ рѣчей, которыя дѣлали такъ много чести его прозорливости, но, не бывъ подкрѣплены его личнымъ превосходствомъ, оставались безъ всякихъ послѣдствій. Представивъ, что ни съ одной державой не было важнѣе для Польши соблюдать доброе согласіе, чѣмъ съ Россіей, настоящее затруднительное положеніе которой есть лишь *временное*, онъ продолжалъ: «Постараемся со-

(8) 149 противъ и 114 за него.

хранить себѣ друзьями всѣхъ нашихъ сосѣдей; воздадимъ наше уваженіе личнымъ качествамъ монарховъ; но въ сношеніяхъ съ ними пусть руководитъ нами прежде всего благо государства. Громко и по глубокому убѣжденію объявляю я, что изъ сосѣднихъ державъ, Россія—та, интересы которой менѣе всего противорѣчатъ нашимъ. Кому больше, какъ не Россіи, обязаны мы, что прочія державы должны были возвратить отторгнутое отъ насъ сверхъ трактатовъ. Ни съ какой другой страной не представляетъ намъ торговля лучшихъ видовъ въ будущемъ, и я могу, кажется, утверждать, что Россія съ удовольствіемъ подала бы намъ руку къ увеличенію числа нашихъ войскъ. И такъ вмѣсто того, чтобъ оскорблять императрицу ея, мы должны бы были стараться упрочить за нами ея дружбу; когда же будемъ пользоваться сею послѣднею, то можемъ легче и надежнѣе улучшить наше положеніе, нежели раздражая и возстановляя противъ насъ великодушную и могущественную государыню.»

Важныя слова, они указывали путь, которому надлежало бы слѣдовать. Но уже давно король былъ пророкомъ, вопіющимъ въ пустынѣ: всѣ бросились въ противную сторону, пренебрегли предостереженіями разума и опыта, и когда наконецъ, однимъ ложнымъ шагомъ за другимъ, вогнали государственную колесницу въ безвыходный лабиринтъ, то всю вину сложили на короля: въ чемъ всѣ провинились, въ томъ долженъ былъ одинъ быть виноватъ (9).

Слова короля не послужили ни къ чему болѣе, какъ только къ возбужденію сильнаго смятенія въ палатѣ, во время котораго были гласно заявлены самыя оскорбительныя сужденія о королѣ. Ему прямо говорили: «хочетъ-ли онъ стоять за націю, или быть русскимъ? въ послѣднемъ случаѣ никто не останется при немъ.»—Король былъ вынужденъ закрыть засѣданіе, что причинило новое смятеніе, такъ какъ партія противниковъ долго не хотѣла покинуть своихъ мѣстъ.

Только что былъ низринутъ этотъ основный столбъ постояннаго совѣта, какъ приступили къ поколебанію другаго и потребовали отдѣленія отъ него департамента иностранныхъ дѣлъ. Это подало поводъ къ жаркимъ преніямъ о другомъ пунктѣ, глубоко оскорблявшемъ націю—*русской гарантіи конституціи 1775 г.* Безспорно, что государство перестаетъ быть *независимымъ*, когда другое имѣетъ

---

(9) Prospera omnes sibi vindicant, adversa uni imputantur, замѣтилъ уже Тацитъ (счастливое всякій присвоиваетъ себѣ, злополучное приписываютъ одному).

право совмѣстно съ нимъ говорить свое мнѣніе о его внутреннихъ дѣлахъ и объявлять нѣкоторыя учрежденія неизмѣнными. Собственное чувство говорило это Полякамъ, и потому эта русская гарантія, такъ часто упоминаемая въ раздорахъ партій, сдѣлалась предметомъ жесточайшихъ нападокъ. Прусскій кабинетъ воспользовался этимъ настроеніемъ, чтобы къ пожару противъ Россіи прибавить новаго огня. Посланникъ Бухгольцъ подалъ 19-го ноября ноту, въ которой было сказано: «Король ожидаетъ отъ благоразумія и твердости государственныхъ чиновъ, что они не дозволятъ удерживать себя, въ своихъ мудрыхъ мѣрахъ къ улучшенію правленія, ссылкой на особенную гарантію, тѣмъ менѣе, что она, вопреки первоначальнымъ постановленіямъ договоровъ 1773 г., была подписана только одною державою, которая именно и ссылается на нее. Король предлагаетъ свой союзъ и общее ручательство (гарантію), на сколько послѣднее могло бы обезпечить республику въ ея независимости, не желая впрочемъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Польши, ни препятствовать свободѣ совѣщаній и рѣшеній, которую онъ скорѣе желаетъ обезпечить.» — Когда эту ноту прочли сейму, то она была встрѣчена шумнымъ одобреніемъ. Валевскій потребовалъ немедленнаго заключенія союза съ Берлинскимъ дворомъ. «Еще ничего не отвѣчали, говоритъ Штакельбергъ ([10]), на это предложеніе, хотя ненависть къ намъ и упоеніе въ пользу Пруссіи вскружили всѣ головы. Даже приверженцы наши начинаютъ покидать насъ. Пренія въ засѣданіи были до того жаркія, что земскіе послы уже надѣли свои шапки, чтобъ обнажить сабли. Это постоянное вліяніе прусскаго кабинета служитъ къ поддержанію восторженности, ставшей уже настоящимъ съумасшествіемъ (frénésie) и до того увлекшей молодежъ, что умѣренные люди не смѣютъ разкрыть рта, изъ страха, чтобъ ихъ не обозвали измѣнниками и подкупленниками. Оппозиція и болѣе всѣхъ Сапѣги говорили такимъ неприличнымъ образомъ противъ Россіи, что не доставало только объявленія войны. Еслибъ эти люди были въ провинціи, то возбудили бы всеобщее возстаніе противъ насъ. Король—мученикъ ихъ нареканій.»

Сеймъ принялъ прусскую ноту поводомъ къ замѣчанію, что «ручательство (гарантія) можетъ быть дано только за независимость и владѣніе, и что только *тотъ* можетъ ссылаться на оное, кто обѣщалъ его, а всего менѣе если тотъ, кто обѣщалъ оное, хочетъ по-

(10) Въ своемъ донесеніи отъ 23-го ноября 1788 г.

средствомъ его препятствовать улучшенію существующихъ ошибочныхъ учрежденій.»—И дабы показать, какъ мало сеймъ заботится объ этой русской гарантіи, 17 декабря было рѣшено требуемое отдѣленіе департамента иностранныхъ дѣлъ отъ постояннаго совѣта, и вновь учрежденная, независимая депутація по иностраннымъ дѣламъ составлена единственно изъ враждебныхъ Россіи членовъ.

Какъ ни важны были приведенныя причины противъ всякой чуждой гарантіи, но противная партія имѣла также и свои причины, и русскій вице-канцлеръ, графъ Остерманъ, писалъ объ этомъ спорѣ посланнику отъ 10 (21) января 1789 слѣдующее: «Вы имѣете опровергнуть правдоподобный предразсудокъ, разработываемый пышною реторикой, будто гарантія сосѣднихъ державъ не можетъ обуздывать волненій польскаго либеральнаго сумасбродства и это послѣднее пользуется неограниченнымъ правомъ подвергать, по произволу, преобразованію всѣ внутреннія дѣла республики. Безспорно, что въ рукахъ разумной и умѣренной націи, которая не поддавалась бы злобнымъ совѣтамъ и пагубнымъ подстрекательствамъ, и во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ руководилась бы не неистовствомъ страстей своихъ, но только благомъ своей страны, подобное право не возбуждало бы сомнѣнія. Но приведенное въ дѣйствіе горячими головами, всегда готовыми предаться всѣмъ возможнымъ непослѣдовательностямъ и незрѣлымъ проектамъ, оно повело бы къ пагубнымъ внутреннимъ смутамъ и распрямъ, неоднократно уже оказывавшимъ вредное вліяніе на спокойствіе сосѣднихъ государствъ. Слѣдовательно послѣднія не могутъ оставаться равнодушными къ тому, какой образъ правленія и какую конституцію приметъ Польша, и что только та заслуживаетъ предпочтенія и должна быть поддержана, которая будетъ сохранять въ націи нѣкоторые извѣстные порядокъ, спокойствіе и безопасность.»

Къ этимъ причинамъ присоединялись еще и другія. Натура человѣческая такъ создана, что чувство одного порождаетъ подобное же чувство и въ другомъ, страсть одного—подобную же страсть и въ другомъ, напримѣръ кротость смягчаетъ, гнѣвъ раздражаетъ, ненависть раждаетъ ненависть, волненіе возбуждаетъ волненіе. Что относится къ отдѣльнымъ личностямъ, можетъ быть отнесено также и къ народамъ, и заразительность страстей простирается и на нихъ. Оттого мы видимъ, что если одинъ народъ приходитъ въ волненіе, то и сосѣди его становятся неспокойными; если онъ совершитъ неразумныя дѣла, то и сосѣди его получаютъ большую охоту къ тому же. Эта чрезвычайная сила заразительности страстей

увеличивается еще въ массахъ; оттого такъ легко разжигаются огонь и пламя въ большихъ собраніяхъ. Поэтому, если въ какомъ-либо народѣ вспыхнутъ безпорядочныя, политическія страсти, то сосѣди конечно должны быть осторожны. И если эти политическія страсти ведутъ за собой смуты, анархію, партіи и междоусобную войну, если зараза опасныхъ правилъ и ученій грозитъ распространиться на сосѣдніе народы, тогда правительства ихъ конечно имѣютъ право вмѣшаться и помогать тушить пожаръ въ сосѣднемъ домѣ, если огонь грозитъ охватить и ихъ домъ. Но если какая нація, въ продолженіе нѣсколькихъ человѣческихъ поколѣній, доказала, что не можетъ управлять сама собой и, своими внезапными бурями, угрожаетъ спокойствію своихъ сосѣдей, то почему послѣдніе, подобно тому, какъ легкомысленнымъ молодымъ людямъ по праву назначаютъ опекуновъ, не имѣли бы права и такую же легкомысленную, вѣчно безпокойную и тревожащую спокойствіе другихъ націю равномѣрно ставить подъ опеку, т. е. учреждать надъ нею соотвѣтствующее правительство и ручаться за соблюденіе его, дабы, при первомъ порывѣ страстей, оно не было низпровергнуто и все не было снова приведено въ безпорядокъ. Таковъ именно былъ случай и здѣсь. Три державы дали Польшѣ, на основаніи настоящаго положенія ея, конституцію, съ которою нація могла бы существовать спокойно и счастливо, пока не достигла бы способности самоуправленія. Это, нѣкоторымъ образомъ подъ главнымъ надзоромъ сосѣдей установленное правленіе, дѣйствительно и даровало Полякамъ спокойствіе, порядокъ и миръ въ продолженіе пятнадцати лѣтъ и значительно подвинуло развитіе націи. Но что Поляки и теперь, когда возставали противъ этой опеки или гарантіи, отнюдь не достигли еще той степени зрѣлости и возраста, чтобы вести себя самостоятельно, разумно и съ достоинствомъ въ средѣ другихъ государствъ, они доказали именно на этомъ сеймѣ, буйствомъ своихъ страстей и поношеніемъ, оскорбленіями и дерзкими вызовами своими противъ сосѣдей.

Сломивъ два главные столба постояннаго совѣта, департаменты военный и иностранныхъ дѣлъ, они думали, что уже достаточно поколебали его, для совершеннаго низпроверженія, а съ нимъ и русскаго вліянія. Но какъ партія противниковъ была еще сильна и многимъ представлялись въ умѣ и опасныя послѣдствія такого поступка, то къ нему приступили не безъ стѣсненія сердца, и нѣкоторые земскіе послы, вмѣшивая Всевышняго въ свои земныя распри, заказали обѣдни и молебствія о счастливомъ успѣ-

кѣ дѣла. Послѣ нѣкоторыхъ предварительныхъ поясненій, воевода Сѣрадзскій, Валевскій, человѣкъ неустрашимый, котораго выдвигали впередъ для всѣхъ отважныхъ предложеній, 19-го января 1789 года объявилъ, что «выраженіемъ: *подъ надзоромъ націи*, употребленнымъ при учрежденіи военной коммиссіи, было уже нѣкоторымъ образомъ высказано несуществованіе постояннаго совѣта, и что гарантированіе его русской императрицей не могло воспрепятствовать собранной на сеймѣ націи произвесть признанныя нужными преобразованія въ своемъ внутреннемъ правленіи, потому что эта гарантія именно, какъ и его прусское величество объясняетъ, имѣетъ цѣлію лишь сохраненіе государства. Поэтому онъ предлагаетъ немедленное *упраздненіе постояннаго совѣта* и затѣмъ установленіе нужныхъ налоговъ для образованія арміи». Онъ встрѣтилъ сильную поддержку, и зала сейма огласилась громовыми рѣчами противъ этого правительственнаго учрежденія. Станиславъ Потоцкій воскликнулъ: «если вы не уничтожите его перомъ, то онъ будетъ уничтоженъ мечомъ». Сапѣга, никогда не упускавшій случая выказать свое рвеніе противъ Россіи, назвалъ постоянный совѣтъ *«злосчастной мастерской*, въ которой ковались цѣпи Польшѣ; онъ самъ сидѣлъ тамъ и знаетъ это. Такъ какъ, сверхъ того, департаменты военный и иностранныхъ дѣлъ уже отдѣлены отъ него, а юстиція имѣетъ свои особенные суды, то ему остается только одна полиція. Поэтому, къ чему еще долѣе сохранять существованіе такого скелета? А что насается *гарантіи*, то она была установлена противъ воли націи, слѣдовательно незаконно, къ тому же только *съ одною державой*, тогда какъ делегація въ свое время должна была бы заключить ее только со всѣми тремя державами. Гарантія хочетъ вѣдь обезпечить свободу и верховную власть республики, поэтому на нее нельзя ссылаться противъ этой самой верховной власти. Поэтому пусть не доводятъ націю до отчаянія, пусть уступятъ всеобщему воплю ея и принесутъ постоянный совѣтъ въ жертву всесожженія (holocauste) на алтарѣ отечества.— Противъ этого замѣтили однако, что «ошибки конституціи существовали еще за долго до постояннаго совѣта, и величайшія несчастія, даже раздробленіе страны, постигли республику, когда постоянный совѣтъ вовсе не существовалъ еще, а вмѣсто него при королѣ состояли совѣты сената». Сапѣга, дабы поставить короля въ затрудненіе, потребовалъ, чтобъ онъ вступился въ это своею властію. Въ слѣдствіе того Станиславъ просилъ хорошенько обдумать, что они дѣлаютъ, особенно въ такую рѣшительную минуту: «Кто знаетъ, воскликнулъ онъ проро-

чески, можетъ быть минута эта есть *послѣдній срокъ*, назначенный нашему существованію Всевышнимъ Судіею. Подумайте о послѣдствіяхъ, будемъ дѣйствовать лишь по зрѣлому обсужденію. Можетъ быть какая-нибудь свѣтлая мысль пособитъ спасенію отечества, несчастіе котораго грозитъ намъ. Я желаю угодить націи, заключилъ онъ, но не на одну минуту, а *навсегда*, чтобъ ей не пришлось когда-либо упрекнуть короля своего, что *онъ не предостерегъ ее во-время*. Теперь, сдѣлавъ это, я повторяю: какъ въ счастіи, такъ и въ несчастіи я остаюсь неразлучнымъ съ моимъ народомъ. И такъ пусть рѣшаютъ государственные чины» ([11]). И они рѣшили и упразднили совѣтъ. И лишь только промолвлено было послѣднее слово, какъ съ ближней Бернардинской церкви раздался печальный погребальный звонъ колоколовъ. Это возбудило всеобщее вниманіе, удивленіе, тихій ропотъ... Погребальный звонъ былъ заказанъ и долженъ былъ относиться къ русскому преобладанію, на вѣки погребаемому этимъ закономъ! Насмѣшка судьбы, за выспренними мечтами скрывавшая близкое паденіе: не русскому преобладанію, а существованію Польши звучалъ погребальный звонъ.

Русскій посланникъ увѣдомлялъ о такомъ исходѣ дѣла слѣдующимъ образомъ: «болѣе 50 лицъ подали голоса противъ закона; другіе, какъ примасъ, епископы Коссаковскій и Масальскій и бо́льшая часть сената, равно какъ и нѣкоторые земскіе послы, вовсе не подавали голосовъ; Браницкій и Игнатій Потоцкій рѣшили вопросъ своими коварными и насильственными рѣчами. Этимъ они уничтожили единственное высшее учрежденіе, которое, подъ предсѣдательствомъ короля, разумно и согласно правило государствомъ. Отъ магнатовъ никогда нельзя ожидать какой-либо послѣдовательности. Они двуличны (doubles), корыстолюбивы и ежеминутно готовы пожертвовать благодарностью или пользою своего отечества интересамъ своихъ страстей, своей популярности или мелкихъ минутныхъ сдѣлокъ».

Этимъ было завершено дѣло: съ трудомъ возведенное въ 1775 году правительственное зданіе, которому Польша была обязана пятнадцатью годами безопасности и благосостоянія, было повергнуто въ прахъ, и почва уровнена для новыхъ построекъ. Но вмѣсто того, чтобъ тотчасъ же приступить къ дѣлу и воспользоваться благопріятными обстоятельствами, Поляки тратили время на сотни самыхъ несходныхъ вещей, какія имъ внушали прихоть, страсти и интересы

(11) Журналъ засѣданія сейма 19-го января 1789 г.

личные или партій, но только не на тѣ, въ которыхъ болѣе всего было нужды и которыя прежде всего должно было привести въ ясность и порядокъ. Въ послѣдствіи, когда они убѣдились, что потеряли драгоцѣннѣйшее время въ пустомъ разглагольствованіи и на побочныя дѣла, между тѣмъ, какъ главныя изъ нихъ оставляли неоконченными. или торопили ихъ, они извиняли себя по своему любимому обычаю, сваливая свои ошибки на своихъ противниковъ. Какъ нѣкогда во времена *реставраціи* во Франціи, когда озлобленіе противъ правительства вызвало столько заговоровъ, послѣдніе всегда ставились въ вину полиціи и ея кознямъ, такъ и теперь во всѣхъ учиненныхъ ошибкахъ, безумствахъ и грѣхахъ упущенія долженствовала быть виновною единственно русская партія, а въ добавокъ къ тому еще и король. Что касается собственно русской партіи, т. е. той, которая ожидала своихъ выгодъ отъ Россіи, то, такъ какъ большинство обратилось туда, откуда теперь свѣтило солнце, она состояла въ это время лишь изъ немногихъ членовъ, почти не смѣвшихъ раскрывать рта, потому что это навлекало на нихъ только поношенія и оскорбленія. Если же подъ этимъ подразумѣвается Браницкая партія, то ее несправедливо называютъ русскою, потому только, что нѣкоторые изъ ея членовъ позже, когда счастье и надежды обратились на сторону Россіи, перешли къ ней и удвоеннымъ рвеніемъ хотѣли загладить свои прежніе поступки. Напротивъ, эта партія, даже до половины слѣдующаго года (1790), когда она разсорилась съ партіей молодыхъ патріотовъ, была всѣхъ ожесточеннѣе и враждебнѣе Россіи. Ни на кого не жаловался столько посланникъ въ своихъ донесеніяхъ, сколько на Сапѣгу, Браницкаго и ихъ приверженцевъ, которые (исключая Браницкаго) съ самою необузданною страстью ратовали, писали, подстрекали противъ Россіи и даже грозили сицилійскими вечернями. И въ доказательство, что это было не одною личиной, а истиннымъ настроеніемъ ихъ, они позволяли себѣ также ненавистнѣйшіе и лично оскорбительнѣйшіе, труднѣе всего прощаемые, навѣты противъ Русскихъ и ихъ императрицы. Такъ говоритъ лишь явный врагъ, но никогда тайный, знающій, что личныя оскорбленія уязвляютъ глубже всѣхъ, и потому никогда не допускающій себя до нихъ. Къ тому же позже на сторону Россіи перешла лишь часть приверженцевъ Браницкой партіи.—Впрочемъ приверженцы Браницкаго, приверженцы Потоцкаго, Галиційцы, сторонники Россіи или сторонники Пруссіи, развѣ всѣ они не были тѣже Поляки, части одного и того же народа, ратовавшія между собою, однѣ противъ другихъ?—и если въ

самомъ дѣлѣ одна изъ этихъ партій была такъ дурна, какъ ее изображала противная партія, то это вѣдь относилось не къ Русскимъ, а къ ихъ собственной націи, и тутъ далеко не рѣшенъ вопросъ, которая изъ партій болѣе всѣхъ повредила странѣ своей.

Что было собственно причиной всѣхъ проволочекъ и траты времени, раскрылъ одинъ очевидецъ тогдашнихъ происшествій на сеймѣ и въ Варшавѣ. Вина лежитъ не на русской партіи, а на національномъ характерѣ. Пусть краткое извлеченіе изъ его замѣтокъ ближе докажетъ это ([12]). «Кромѣ себялюбія, высокомѣрія, властолюбія и иностраннаго вмѣшательства, говоритъ Шульцъ ([13]), причинами, почему польскіе сеймы столь бурны и безсильны, суть также *невѣжество и легкомысліе*. Двѣ трети земскихъ пословъ являются на сеймъ почти совсѣмъ необразованными, и чѣмъ они невѣжественнѣе, тѣмъ упорнѣе: въ такомъ случаѣ послѣднею причиною ихъ всегда: «не хочу» «или» «ale» (но). Довольно того, что на этихъ людей дѣйствовало первое впечатлѣніе, произведенное на ихъ скудный запасъ идей или на ихъ надменность и честолюбіе, и вожди партій, однажды склонивъ ихъ на свою сторону, могли вполнѣ расчитывать на нихъ. Не менѣе того вредило свойственное Полякамъ легкомысліе. Вихрь удовольствій, сопровождавшій сеймъ, развлекалъ пословъ и похищалъ у нихъ большую часть времени. Тѣ изъ нихъ, которые были помоложе и не могли еще играть главной роли, не находили никакого удовольствія въ работахъ, не льстившихъ ихъ тщеславію, а болѣе свѣдущіе, хотѣвшіе взять на себя работу, изнемогали подъ тяжестью ея и въ своемъ неудовольствіи предоставляли ее тогда адвокатамъ, аббатамъ и другимъ, такъ называемымъ искуснымъ людямъ, имѣвшимъ въ виду лишь плату и затѣмъ кропали кое-какъ. При томъ воспитаніи, какое было тогда въ обычаѣ, и при томъ способѣ, какъ велись дѣла, никто не былъ привыченъ къ серьознымъ работамъ, требовавшимъ сосредоточенности мыслей, размышленія или даже только усидчивости, и даже самыя природныя преимущества были имъ во вредъ, такъ какъ быстрая и легкая понятливость ихъ препятствовала имъ глубже вникать въ дѣла, но скорѣе побуждала ихъ говорить о предметахъ, о которыхъ они не имѣли точнаго понятія, хотя съ живостью, множе-

(12) См. Reise eines Livländers von Riga nach Warschau, durch Südpreussen über Breslau nach Bozzen in Tirol. 7 тетрадей. Берлинъ 1795. Авторъ его есть часто упоминаемый въ свое время, по своимъ описаніямъ, путешествій и другимъ сочиненіямъ, Фридрихъ Шульцъ.

(13) 3-я тетрадь. Стр. 154 и др.

ствомъ словъ и фразъ, но односторонно, поверхностно и безъ основательной проницательности въ сущность дѣла. Оттого первое неожиданное возраженіе и заставляло ихъ молчать. Далѣе, то обстоятельство, что они дѣла отечества производили *безвозмездно*, утверждало ихъ еще въ легкомыслiи и лѣности: каждую минуту, которую они жертвовали ему, каждое дѣйствіе, каждое слово въ его пользу, они считали милостью, оказываемою ему», (14) — и за это хотѣли участвовать въ тѣхъ выгодахъ, на которыя имѣла притязанія партія, стоявшая въ это время въ главѣ и называвшая себя отечествомъ. Но и въ этомъ случаѣ они не мучили себя работами или размышленіемъ; достаточно было ихъ голоса, усиливашаго партію. Къ этому присоединялось еще, наконецъ, преобладавшее вліяніе женщинъ, примѣшивавшихъ свои страсти къ страстямъ партій и, свойственными имъ прелестями и обольщеніями своими, вербовавшихъ приверженцевъ для своей партіи. Главную роль, напр., играла на этомъ сеймѣ жена князя Адама Чарторыйскаго, Изабелла Флеммингъ, извѣстная связями своими съ Репнинымъ и Лозёномъ (Lausun), и весьма желавшая возвысить зятя своего, принца Лудвига Виртембергскаго, по возможности до королевской короны. Она была душою прусской партіи; она почти ежедневно собирала у себя земскихъ пословъ, у ней обсуждались планы и рѣчи и предложенія, имѣвшія быть сдѣланными, получались инструкціи, распредѣлялись роли, вербовались и привлекались приверженцы. Еще болѣе увеличивала безпечность толпы привычка передавать болѣе важные предметы на обсужденіе комитетамъ, называвшимся здѣсь *депутаціями*, и затѣмъ, когда работа ихъ была представляема сейму, они рѣшали дѣло именно такъ, какъ имъ внушали ихъ личныя выгоды, годовые доходы, сдѣлки партій или легкомыслiе. Въ такіе комитеты каждая партія старалась втереть своихъ приверженцевъ и тѣмъ вносила въ среду ихъ свои раздоры. Но какъ точности и чувства долга именно и не было въ ихъ характерѣ, то много засѣданій проходило безъ всякаго результата, оттого что потребное для дѣйствительности засѣданія число членовъ, либо совсѣмъ не собиралось, либо сходилось лишь въ послѣднія минуты, когда слѣдовало закрывать засѣданіе, отчего тогда все и рѣшалось въ торопяхъ. Это собственно и было причиною проволочекъ самыхъ важныхъ предпріятій до тѣхъ поръ, пока не проходилъ благопріятный моментъ. Комитеты для начертанія проекта новой конституціи, для улучшенія

---

(14) Шульца путешествіе. III тетрадь, стр. 159.

состоянія государственной казны и для формированія войска были заняты цѣлые годы и дни, и ничего не сдѣлали до самой послѣдней минуты, когда ихъ настигла крайняя нужда и они тогда все сдѣлали въ торопяхъ. Напримѣръ, несогласія въ Курляндіи между герцогомъ и дворянствомъ съ 1788 года были передъ глазами у сейма, но только три года спустя (1791) назначена была особенная депутація для прекращенія ихъ. Она должна была имѣть по два засѣданія еженедѣльно, но въ продолженіе девяти мѣсяцевъ имѣла ихъ всего на все не болѣе десяти, въ которыхъ сверхъ того, по приведенной сейчасъ причинѣ, ничто не было подвинуто впередъ, и только по объявленіи Россіею войны, въ *одномъ единственномъ засѣданіи* пришли къ соглашенію на двусмысленно изложенный приговоръ, называвшійся конституціей (15), оставившій все въ неопредѣлительности и, послѣ четырехгодовой, напрасной траты времени, труда и огромныхъ денегъ, отправившій повѣренныхъ въ дѣлахъ какъ герцога, такъ и дворянства, недовольными домой. Такимъ же образомъ, какъ это дѣло, велись и всѣ прочія, которыя, откладываемыя отъ одной отсрочки до другой, лишь въ послѣднія минуты, когда вдали уже слышались глухіе раскаты приближавшейся грозы, были повершены во всей поспѣшности, кое-какъ, какъ напр. дѣло о продажѣ староствъ, которое, послѣ многолѣтнихъ обсужденій, было рѣшено только 6-го апрѣля 1792 года, непосредственно передъ началомъ войны.—Эти-то, въ національномъ характерѣ коренившіяся качества были причиной всѣхъ проволочекъ въ важнѣйшихъ дѣлахъ, а не Русскіе и ихъ приверженцы, какъ это хотѣли утверждать.

Какъ выше сказано о курляндскомъ комитетѣ, также точно было и съ прочими, и такимъ же образомъ случилось, что и столь важный изъ нихъ, для начертанія *новой формы правленія*, былъ назначенъ не ранѣе, какъ черезъ восемь мѣсяцевъ послѣ низверженія постояннаго совѣта, т. е. только 7 сент. 1789 года. Онъ состоялъ изъ просвѣщенныхъ патріотовъ, но также и изъ многихъ пустыхъ болтуновъ, а именно къ нему принадлежали: хитрый, многоопытный епископъ каменецкій *Красинскій*, нѣкогда бывшій душою Барской конфедераціи; Сталовичской памяти литовскій великій гетманъ *Огинскій*; литовскій великій маршалъ *Игнатій Потоцкій*; литовскій вице-канцлеръ *Хрептовичь*; казначей *Коссовскій*; ученый графъ *Мощенскій*, и Хельмскій (Холмскій) земскій посолъ *Суходольскій*, «Брутъ» республики, какъ его въ насмѣшку называлъ Штакельберъ, потому

(15) Рѣшенія и постановленія сейма назывались въ Польшѣ конституціями.

что онъ всегда горячился и при всякомъ случаѣ произносилъ длинныя, обильныя фразами рѣчи. — При учрежденіи этого комитета, посланникъ, по своему глубокому знанію народа и людей, замѣтилъ пророчески: «Онъ потребуетъ *много времени*, и если его предложенія даже и будутъ представлены на обсужденіе сейма, то въ этомъ пройдутъ мѣсяцы и мѣсяцы, если Поляки не рѣшатся покончить это дѣло безъ всякихъ дальнѣйшихъ разсужденій».—И то и другое оправдалось—сперва пренія, длившіяся многіе мѣсяцы и годы, а наконецъ внезапный скачокъ черезъ нихъ и нечаянное для всѣхъ введеніе конституціи.

Одна изъ главныхъ цѣлей ихъ была достигнута низверженіемъ прежняго образа правленія; теперь дошла очередь до дальнѣйшихъ цѣлей, съ помощію и при подстрекательствѣ Пруссіи. Пруссія господствовала теперь въ Польшѣ. Россія, вдоволь занятая въ иномъ мѣстѣ, держала себя поодаль, даже въ инструкціяхъ посланнику предписывалось вести себя пассивно и какъ можно менѣе выступать впередъ. «Наше время придетъ». — Патріотическая или прусская партія имѣла полную волю, потому что и король съ своими ближайшими приверженцами былъ доведенъ до совершеннаго ничтожества; она же, напротивъ, одна управляла всѣми государственными дѣлами на сеймѣ, которыя обсуждала, то въ особыхъ комитетахъ или депутаціяхъ, то въ полномъ собраніи, при чемъ, разумѣется, часто было довольно бурно. Многолюдныя собранія, особенно польскія, имѣютъ тотъ недостатокъ, что въ нихъ противныя стороны взаимно разгорячаютъ одна другую. Одинъ перебиваетъ другаго, никто не отвѣчаетъ за себя, все ставится на счетъ всѣхъ, и большинствомъ въ массѣ принимаются такія опредѣленія, которыя обильны важными послѣдствіями, но которыя каждый отдѣльно отвергнулъ бы лично.—Тысячи проектовъ были представлены, произнесены пышныя рѣчи, обо всемъ было говорено, но ни въ чемъ не разъяснились. Привыкнувъ быть управляемыми извнѣ и не ощущая подъ собой твердой почвы, Поляки прислушивались къ Берлину, изъ Берлина ждали побужденій для своихъ поступковъ. Но слѣпо довѣряя всѣмъ обѣщаніямъ, льстившимъ ихъ желаніямъ, они не распознавали ни людей, ни времени, сами себя отдали въ игралище политики и своихъ минутныхъ интересовъ, и изъ-за этого погибли.

Восемнадцатый вѣкъ не отличался нравственностію въ политикѣ. Примѣры недалеки; и Фридрихъ также дѣйствовалъ въ духѣ своего времени, когда, изъ жажды славы и изъ желанія округлить и усилить свое еще слабое государство, исхитилъ у безпомощной Маріи-

Терезіи Силезію. Но этотъ первый шагъ вызвалъ противъ него бурю; онъ долженъ былъ погибнуть или всѣми средствами, правыми или неправыми, держаться и возвыситься. Онъ боролся какъ истинный герой и дѣйствовалъ политически достойно нѣкогда имъ опровергнутаго наставника. Такъ онъ утвердилъ за собой Силезію и пріобрѣлъ западную Пруссію, посредствомъ чего только и достигло его королевство взаимной связи и внутренней твердости ([16]). Герцбергъ, воображавшій, что научился у него искуству его, хотѣлъ продолжать то, что онъ дѣлалъ. Оттого и происходила та громадная, великолѣпная политика въ первые годы по смерти Фридриха, которая могла вести къ величію, но также и къ глубокому униженію, подобно тому, какъ высота измѣряется глубиной, лежащей у подошвы ея.

Темная мысль, руководившая политикой Герцберга въ отношеніи къ Польшѣ, могла быть слѣдующая: «Польша настоящая страна, гдѣ можно въ мутной водѣ рыбу ловить, если только употреблять на это надлежащія сѣти. Фридрихъ, нашъ великій государь и наставникъ, выловилъ изъ мутной воды западную Пруссію; прекрасно! помутимъ и мы воду, и получимъ Данцигъ и Торнъ, а можетъ быть и еще что-нибудь больше. Польша, какъ она есть, безъ войска и доходовъ, въ этотъ вѣкъ большихъ регулярныхъ армій, не можетъ устоять сама собой, она нуждается въ покровительственномъ господствѣ. Россія, нашъ вѣроломный другъ, обладаетъ имъ теперь; отнимемъ его у нея, льстя желаніямъ, страстямъ и національнымъ особенностямъ Поляковъ. Изъ этого могутъ произойти только два рода послѣдствій: обстоятельства останутся благопріятными, и за нами будетъ покровительственное господство; или Россія, развязавъ себѣ руки, станетъ настойчиво требовать его назадъ. Ну тогда, если не можемъ удержать его за собой, мы сговоримся; мы имѣемъ что предложить и намъ должно кое-что перепасть».

Что Герцбергъ даже издалека не думалъ подлинно возвеличить Польшу, что онъ видѣлъ въ ней не самую цѣль, а только средство для достиженія цѣли, видно изо всего. Онъ столь же мало любилъ Поляковъ, сколько и великій наставникъ его, постоянно подсмѣивавшійся надъ ними. Даже Огинскій, хотя преданный всѣмъ заблужденіямъ своей націи, свидѣтельствуетъ о томъ ([17]). Герцбергъ очень

---

(16) Разсмотрѣніе тайныхъ переговоровъ о раздѣлѣ Польши, въ прусскомъ государственномъ архивѣ, доставило автору яснѣйшія доказательства, что все въ этомъ исходило отъ Фридриха, что онъ былъ первымъ и послѣднимъ двигателемъ этого.

(17) См. Mémoires de Michel Oginski sur la Pologne. Paris 1826. 4 vol. Въ ожиданіи найти министра, вполнѣ одушевленнаго въ пользу Польши, онъ явился

хорошо понималъ, какъ и Фридрихъ, что условіемъ величія Пруссіи было униженіе Польши. Могущественная Польша скоро подавила бы небольшую Пруссію и потребовала бы у нея обратно устьевъ своихъ рѣкъ и отторгнутыхъ областей. Была же прежде бо̀льшая часть того, чѣмъ владѣла Пруссія, даже Силезія, польскимъ владѣніемъ; а ни одинъ народъ не помнилъ и не помнитъ такъ хорошо, какъ Поляки, чѣмъ они когда-либо обладали, хотя бы временно; снова присоединить это—мечта ихъ величія въ будущемъ.

Глава прусскаго кабинета созналъ, что, для опутанія Польши тонко-сотканною сѣтью, честный нѣмецъ Бухгольцъ будетъ не способенъ, и потому назначилъ (съ 12-го апрѣля 1789) ([14]) ловкаго итальянца *маркиза Луккесини*, бывшаго Фридрихова камергера и собесѣдника, государственнаго человѣка чисто-итальянскаго отпечатка, для котораго успѣхъ тогда лишь казался имѣвшимъ цѣну, когда былъ пріобрѣтенъ хитростью, лукавствомъ и обманомъ, прямая же политика казалась глупостью или близорукостью. Такова была политика времени, когда величайшее торжество поставляли въ томъ, чтобъ другъ друга перехитрить; о славѣ же правды, честности и довѣрія къ своимъ обѣщаніямъ мало заботились. Однако же исторія доказываетъ, что прямая, простая и честная политика вѣрнѣе всего приводитъ къ цѣли, и что хитрецъ самъ бываетъ подъ конецъ перехитренъ и уловленъ въ собственныя сѣти. Доказательство тому представилъ и нашъ знаменитый итальянецъ, позже встрѣтившій подобнаго себѣ мастера дѣла и подъ конецъ оставившій по

съ поклономъ къ Герцбергу и немало былъ удивленъ, когда убѣдился въ противномъ. «Герцбергъ принялъ меня хорошо, разсказываетъ онъ (I, стр. 67), но съ досадой увидѣлъ я, что этотъ первый министръ нашего новаго союзника имѣлъ весьма неблагопріятное мнѣніе о польской націи. Всѣ вопросы, которые онъ мнѣ предложилъ касательно сейма, мнѣніе, высказанное имъ о различныхъ главныхъ лицахъ на немъ, и неудовольствіе, ощущенное имъ по поводу встрѣченныхъ затрудненій въ заключеніи договора между Пруссіей и Польшей, обнаружили только, что онъ не любитъ Поляковъ. Онъ искалъ союза съ ними только для того, чтобъ остаться при принятой системѣ ослабленія Австріи, пріобрѣсть Данцигъ и Торнъ для Пруссіи и подчиниться внушеніямъ лондонскаго кабинета». И въ другомъ мѣстѣ (I, 105): «Каково было мое удивленіе, когда я услышалъ горькія упреки Герцберга, чтобъ не сказать проклятія его противъ короля и сейма въ Польшѣ, и когда онъ сказалъ: «въ Варшавѣ потеряли голову и лишь слишкомъ поздно раскаются, что отказали Пруссіи въ Данцигѣ и Торнѣ».

(18) Луккесини былъ впрочемъ дѣятелемъ въ Варшавѣ, рядомъ съ Бухгольцомъ, уже съ открытія сейма 1788 года.

себѣ славу, что своими кознями и совѣтами довелъ два государства до погибели, сперва Польшу ради выгодъ Пруссіи, а затѣмъ Пруссію ради выгодъ Польши, и унесъ съ собою презрѣніе всѣхъ.

Аристократическій принцъ Фридрихъ Брауншвейгъ-Эльскій (Braunschweig-Oels), въ своихъ запискахъ, (19) не нашелъ ничего хуже, чѣмъ укорить итальянца, сверхъ страсти его къ кознямъ, какъ то, что дѣдъ его торговалъ гребнями, и что онъ дерзнулъ вмѣшаться также и въ военное дѣло. Гребенщикъ или нѣтъ, но высшее дворянство — то, которымъ Богъ запечатлѣваетъ человѣка при его рожденіи, и Наполеонъ, еслибъ его предки даже были ветошниками или гребенщиками, все таки носилъ бы на челѣ печать божественнаго благородства. А вмѣшательство Луккесини въ военныя дѣйствія доказало только вѣрное сознаніе имъ, что для этого нуженъ взглядъ болѣе обширный, нежели тотъ, который былъ свойственъ тогдашнему прусскому капральству (Korporalismus).

Какъ Наполеонъ и большая часть итальянскихъ государственныхъ людей, такъ и Луккесини страдалъ страстью къ витійству; она безспорно служила ему для достиженія его цѣлей въ сношеніяхъ съ людьми, ниже его стоявшими умственно и которыхъ онъ этимъ путалъ и сбивалъ съ толку; людямъ же, умственно стоявшимъ выше его, онъ, своимъ многорѣчіемъ, лишь слишкомъ часто обнаруживалъ то, что желалъ скрыть.

Для тогдашней Польши онъ былъ отлично избраннымъ орудіемъ; вскорѣ онъ вполнѣ забралъ въ свои руки предводителей партій и управлялъ ими по одному мановенію, усердно поддерживаемый въ этомъ англійскимъ резидентомъ *Хэльсомъ* (Hailes). Такъ осуществились планы Герцберга, и въ скоромъ времени сеймъ, Варшава, вся Сарматія стали болѣе преданы Пруссіи, нежели самъ Луккесини, и слѣпо слѣдовали всѣмъ побужденіямъ, которыя онъ давалъ имъ. Первымъ изъ нихъ было увеличить разрывъ между Россіей и Польшей, что ему отлично удалось съ помощію соединенныхъ партій молодыхъ патріотовъ и Браницкой. Нужно было ни съ того, ни съ сего начать ссору, и первымъ предлогомъ къ тому послужили обычные, безцеремонные поступки Россіи въ Польшѣ. Сто лѣтъ русскія войска привыкли, нимало не стѣсняясь, ходить по Польшѣ во всѣхъ направленіяхъ, оставаться въ ней, учреждать магазины и распора-

(19) Militairische Geschichte des Prinzen Friedrich August von Braunschweig-Lüneburg. Oels 1797. 4°, стр. 313 въ примѣчаніи.

жаться какъ въ собственной странѣ. Когда вспыхнула турецкая война, русскія войска, по предварительному соглашенію съ королемъ и постояннымъ совѣтомъ, прошли ближайшимъ путемъ чрезъ Украйну и Подолію противъ Турокъ; ибо тогда Русскіе надѣялись въ скоромъ времени привѣтствовать Поляковъ какъ союзниковъ и принять ихъ въ свои ряды. Это послужило Герцбергу и Луккесини первымъ поводомъ къ подстрекательству: «этого не должно было терпѣть», хотя сто лѣтъ терпѣли; «Польша—независимая держава, съ которою этого нельзя позволить себѣ»;—безъ сомнѣнія независимая, на сколько это позволяла покровительствующая держава, была ли она старая или новая. Теперь, по волѣ новой, изъ Варшавы и Берлина въ Петербургъ пошли жалобы и сѣтованія на пребываніе московскихъ (москальскихъ) войскъ, хотя послѣднія, непомѣрною платою наличными деньгами за продукты страны, доставляли ей большія выгоды. «Они подвергали опасности границы», говорилось, «не только польскія, но даже и прусскія,» жаловалась Пруссія, «тѣмъ что привлекали Турокъ и Татаръ дѣлать туда вторженія;» какъ будто ихъ присутствіе не было лучшимъ оплотомъ, какъ будто они не изгнали уже Турокъ изъ Молдавіи и не удалили всякую опасность отъ Польши. Предостереженія, требованія, угрозы и тысячи различныхъ придирокъ къ самимъ войскамъ стали подъ конецъ столь значительны, что императрица, связанная такъ, какъ въ то время, уступила и повелѣла очистить Польшу и вывезти изъ нея всѣ магазины.—Польша безспорно имѣла бы право требовать это, еслибъ была державой самостоятельной, независимой—но въ этомъ-то именно и былъ еще вопросъ!

Вторымъ поводомъ къ раздору послужили религіозныя распри. Поляки всегда были дурными господами своихъ иновѣрныхъ подданныхъ, а послѣднія событія значительно усилили ихъ злобу противъ дизунитовъ или диссидентовъ. Теперь послѣдніе, будучи увѣрены въ сильной защитѣ, выступили смѣлѣе и не такъ-то легко переносили все, какъ прежде. Потребованное удаленіе изъ польской земли дружественной арміи, приносившей первой, однако, столько прибыли, произвело ропотъ; духовенство заговорило свободнѣе и къ ропоту народа присоединило и свой; по предписанію предстоятеля его, епископа переяславскаго и архимандрита слуцкаго, Садковскаго, оно даже молилось въ церквахъ своихъ за высокую покровительницу свою въ Петербургѣ. Въ глазахъ ихъ польскихъ властителей это показалось преступленіемъ. Имѣя голову и сердце исполненныя памятью и ужасами недавно бывшаго возму-

щенія крестьянъ, временъ Барской конфедераціи, они воображали уже вездѣ видѣть возстаніе крестьянъ; въ каждомъ русскомъ купцѣ, маркитантѣ или извощикѣ, искавшемъ заработка, они видѣли подосланныхъ возмутителей, поджигателей, бунтовщиковъ: вѣдь найдены же были при нихъ «ножи», какіе обыкновенно носитъ при себѣ простолюдинъ. Ихъ сажали въ тюрьму, сѣкли розгами, мучили, старались вынудить признаніе ихъ въ томъ, о чемъ они ничего не знали; доносили въ Варшаву о большихъ заговорахъ, бунтахъ и предстоявшихъ рѣзняхъ дворянъ крестьянами, а въ Варшавѣ приверженцы партій ударили страшную тревогу, всю страну привели въ ужасъ и прямо обвиняли русскую императрицу въ возбужденіи мятежа въ польской землѣ ([20]). Яростнѣйшіе изъ нихъ, Сапѣги, Суходольскіе, Кублицкіе произносили противъ Россіи истинно «зажигательныя рѣчи», какъ выразился посланникъ, грозили вооружить націю и перерѣзать всѣхъ Русскихъ въ Польшѣ. Православныхъ священниковъ не только сажали въ тюрьму, но и казнили смертію; самъ епископъ Садковскій, хотя былъ коадъюторомъ архіепископа кіевскаго (*) и русскимъ подданнымъ, былъ заключенъ въ тюрьму, какъ простой преступникъ, потомъ перевезенъ въ Варшаву, гдѣ цѣлые годы содержался въ неволѣ, мучимый частыми допросами, подкупленными свидѣтелями противъ него, неоднократно угрожаемый повѣшеніемъ, хотя противъ него не могли взвести ничего серьозно преступнаго, и напослѣдокъ, при открытіи войны, былъ перевезенъ въ Ченстоховъ, гдѣ наконецъ освобожденъ русскими войсками. — Ни одна нація не кричитъ злѣе польской противъ деспотизма и угнетенія, ни одна не дѣйствуетъ деспотичнѣе, *гдѣ только можетъ*.

Нѣкоторыя извлеченія изъ донесеній посланника могутъ дать ближайшія поясненія этихъ событій. Отъ *31-го января 1789 г.* онъ пишетъ: «Въ Украйну посланы приказанія по поводу возстанія крестьянъ, которые однако вовсе не возставали. Но причиною тому: такъ угодно было Луккесини.» — Отъ *7-го февраля*: «У Браницкаго возста-

---

(20) Это случилось на самомъ сеймѣ.—Полное злобы сочиненіе Коллонтая (о происхожденіи и проч. конституціи 3-го мая) оправдываетъ однако (едва вѣрится тому) русское правительство, дабы тѣмъ ядовитѣе напасть за это на такъ называемую русскую партію. Ненависть партій превосходитъ еще ненависть народную!—Лелевель, впрочемъ буквально повторяющій слова Коллонтая, не такъ снисходителенъ. По мнѣнію его, императрица Екатерина возбудила всѣ бунты въ Польшѣ.

(*) Т. е. викаріемъ кіевскаго митрополита.

ніе крестьянъ постоянно на языкѣ, хотя донесенія начальника войскъ въ Украйнѣ, Феликса Потоцкаго, вполнѣ успокоиваютъ насъ на этотъ счетъ ([21]). За то онъ долженъ быть отозванъ.»—Отъ *18-го апрѣля*: «Сапѣга въ яростной рѣчи явно обвинилъ Россію въ возбужденіи бунта крестьянъ. Кублицкій поддерживалъ и превзошелъ его. Все это было подкрѣплено зажигательными рѣчами Суходольскихъ, Мѣржеевскихъ, которые всѣ живутъ у Браницкаго и получаютъ отъ него жалованье. Говорятъ, что Россія непремѣнно подстрекаетъ крестьянъ. Сухоржевскій, изъ той же партіи, хотѣлъ даже, чтобы выслали посланника и объявили войну.» — Отъ *25-го апрѣля*: «Слуцкій архимандритъ обвиненъ въ подстрекательствѣ къ бунту. Его хотѣли заключить въ тюрьму; моимъ протестомъ, что онъ — епископъ переяславскій, викарій кіевскій и подданный императрицы, я могъ добиться лишь того, чтобъ его не приговорили не выслушавъ.»— *Отъ 17-го іюня*: «Слѣдствіе продолжается. Еще не нашли никакихъ явныхъ уликъ противъ слуцкаго архимандрита. Два православные священника уже оправданы; третьяго, уніятскаго, казнили за нѣкоторыя рѣчи, хотя всякій зналъ, что этотъ человѣкъ былъ пьянъ съ утра до вечера. Это—каннибальское правосудіе! Но правда заключается въ томъ, что окаянные въ Варшавѣ утвердили вѣру въ бунтъ для того, чтобъ удовлетворить своему властолюбію и своей ненависти къ Россіи.»—*Отъ 3-го октября*: «Я ходатайствовалъ за несчастныхъ русскихъ подданныхъ, несправедливо присужденныхъ къ тяжкимъ работамъ за мнимое возмущеніе: бѣдные извощики и торговцы, занимавшіеся на Волыни своими промыслами, были схвачены и осуждены какъ участники воображаемыхъ возстаній, и это только потому, что Сапѣга и другіе возмутители сейма желаютъ, для своихъ особенныхъ цѣлей, смутъ въ воеводствахъ и войны съ Россіей.» — *28-го октября*: «Я говорилъ съ королемъ о продолжительности процесса противъ епископа переяславскаго и о характерѣ преслѣдованія, который онъ принимаетъ, равно и о томъ, что назначили вторую коммиссію, ибо первая не могла найти никакого дѣйствительно тяжкаго обвиненія противъ него, а нѣкоторые свидѣтели даже сознались, что были подкуплены. Не тиранство-ли это преслѣдовать невиннаго человѣка, дабы помощію низкой злобы поддерживать задачу о возмущеніи, которое адскою клеветою паріи

(21) А въ случаѣ дѣйствительной опасности, оно болѣе всѣхъ угрожало Феликсу Потоцкому, по причинѣ обширныхъ владѣній его въ Украйнѣ.

Сапѣги, приписывается Россіи, чтобъ призвать націю къ поголовному вооруженію противъ насъ и возстановить опять визирать великихъ гетмановъ».

Когда Штакельбергъ дѣлалъ Браницкому замѣчанія касательно его племянника, то онъ отвѣчалъ: «что прикажете дѣлать, Сапѣга ищетъ славы и поминаетъ пріемъ въ Кіевѣ». — Кто только осмѣливался еще говорить противъ непристойнаго образа дѣйствій, принятаго въ отношеніи къ Россіи, тому приходилось по крайней мѣрѣ слышать прозванія «измѣнникъ» и «подкупленникъ». Болѣе того, когда французскій дворъ въ особенной нотѣ, поданной агентомъ его Обером (Aubert), совѣтовалъ быть осторожнѣе въ своихъ поступкахъ и болѣе щадить сосѣднія державы, особливо Россію, то Сапѣга отвѣчалъ французскому агенту: «Совѣтъ, данный Франціей, не соотвѣтствуетъ теперешнимъ обстоятельствамъ республики, предлагая дружбу съ государствомъ, вреднымъ Польшѣ, и отсовѣтывая ее съ полезною ей державой. Французское министерство, вѣроятно, въ заботахъ о разстроенныхъ финансахъ своей собственной страны, недостаточно обдумало совѣтъ свой, данный Полякамъ. Французское же правительство подстрекало нѣкогда Поляковъ противъ Россіи умѣренными денежными суммами и тѣмъ большими обѣщаніями, и тѣмъ подало поводъ къ бѣдствіямъ, повергшимъ Польшу въ несчастіе».

Далѣе, дабы удовлетворить старинной жаждѣ мщенія, возбудить страхъ и ужасъ въ приверженцахъ Россіи и вмѣстѣ съ тѣмъ доставить одному изъ своихъ высшее государственное званіе, въ это время (лѣтомъ 1789) взведена была сильная жалоба на бывшаго маршала сейма о раздѣлѣ, теперешняго великаго казначея *Понинскаго*. «Его хотятъ лишить имущества, званія и жизни», писалъ Штакельбергъ 6-го іюня, «даже не судивъ, не выслушавъ его. Хотя онъ человѣкъ не особенно достойный уваженія, однако нельзя на него возлагать отвѣтственности за трактатъ, заключенный большинствомъ» (и который большинство конечно должно было заключить!). — Суходольскій и Сухоржевскій, изъ партіи Браницкаго, были главными обвинителями, что побудило и Понинскаго сказать при своей защитѣ»: «Онъ одинъ не могъ совершить дѣло раздѣла и хочетъ въ отношеніи какъ этого дѣла, такъ и еще нѣкоторыхъ другихъ, назвать весьма причастныхъ имъ лицъ, а именно великаго гетмана Браницкаго, князя Радзивилла, товарища маршала сейма 1773 года и еще человѣкъ 60 земскихъ пословъ, сенаторовъ и министровъ». — Въ слѣдствіе того — сильное смущеніе и тре-

вора въ семействахъ поименованныхъ лицъ, ссора и раздоръ среди провозглашеннаго возрожденія. Наконецъ угрожаемые сильные люди съумѣли провести дѣло такъ, что постановленіемъ сейма всѣ поименованные Понинскимъ, въ качествѣ участниковъ, были освобождены отъ судебнаго преслѣдованія. Съ сугубою яростью накинулись тогда на обвиненнаго, которому такимъ образомъ стѣснили свободу и средства къ оправданію, и потерявъ безконечно много времени надъ его процессомъ, длившимся почти годъ, объявили его виновнымъ въ измѣнѣ отечеству, лишили дворянства, званій, орденовъ и подъ страхомъ смертной казни изгнали изъ польскихъ земель. Его разжаловали публично и водили по улицамъ, говоря: «такъ наказываютъ измѣнниковъ отечества»! Это должно было служить намекомъ приверженцамъ Россіи, число которыхъ однако, въ слѣдствіе событій, произшедшихъ до этого времени, уже значительно уменьшилось; ибо нигдѣ, какъ въ Польшѣ, не имѣетъ столько вѣсу замѣчаніе, что минутному побѣдителю достается все. Понинскій удалился въ Галицію и три года спустя былъ возстановленъ въ своихъ правахъ Тарговицкими конфедератами.

Рядомъ съ этими нападками на Россію и вызовами оной, съ изслѣдованіями о мнимомъ бунтѣ и съ процессомъ Понинскаго, въ то же время продолжались совѣщанія объ арміи и финансахъ, при чемъ однако ни то, ни другое нимало не подвинулось впередъ. На помѣстья была наложена болѣе высокая оцѣнка—въ 10 со ста; отъ владѣльцевъ старостъ потребовали, вмѣсто четвертой части, половины доходовъ, отъ духовенства 20 со ста; забрали доходы богатаго епископства краковскаго (свыше 800,000 гульденовъ), за исключеніемъ 100,000 гульденовъ для новаго епископа, и декретомъ постановили: что впредь ни одинъ епископъ не долженъ имѣть болѣе 100,000 гульденовъ доходу, а излишекъ имѣетъ быть достояніемъ государственной казны.—Многіе плакали отъ радости, что теперь уже непремѣнно состоится сформированіе 100,000-наго войска. Но тысячи интересовъ и умовъ были оскорблены, и когда дошло до разсчета, то сумма, потребная на издержки для 100,000 человѣкъ войскъ и по смѣтѣ составлявшая 49 мидліоновъ польскихъ гульденовъ, далеко не была собрана. Поэтому рѣшено было на первыхъ порахъ ограничить войско числомъ 60,000 человѣкъ, а чтобъ добыть наличныхъ денегъ—прибѣгнуть къ займамъ. Переговоры объ этомъ были ведены въ Генуѣ и Амстердамѣ, продолжались долго—но и это не повело ни къ чему.

Но пока Поляки находились въ такой денежной нуждѣ и всѣми средствами старались добыть золота, они бросали, по свойственному странѣ ихъ обычаю, большія суммы денегъ на издержки ненужныя и служившія лишь къ пустому блеску. Постоянно руководимые мыслію о ненависти къ Россіи, объ усиленіи себя противъ нея, о возбужденіи непріязни къ ней и о заключеніи тѣснаго союза съ ея врагами, они назначили посланниковъ ко всѣмъ европейскимъ дворамъ, прежде всѣхъ къ бывшимъ въ разладѣ или враждѣ съ Россіею, чѣмъ, не смотря на то, что выбрали для этого большихъ баръ, скудные доходы были еще на значительную долю сокращены потребными на это большими издержками. Еще въ апрѣлѣ 1789 *Георгій Потоцкій* былъ посланъ въ Швецію, а въ іюнѣ *Петръ Потоцкій* къ Портѣ, какъ къ двумъ открытымъ врагамъ Россіи. Кромѣ того, осенью того же года были назначены: *Іосифъ Чарторыйскій* въ Берлинъ, *Непомукъ Малаховскій* въ Дрезденъ, *Францъ Букатый* въ Лондонъ, *Адамъ Ржевускій* въ Копенгагенъ, *Ѳаддей Морскій* въ Мадридъ, *Станиславъ Потоцкій* въ Парижъ, *Михаилъ Огинскій* въ Гаагу, не считая посланниковъ при императорскихъ дворахъ, графа *Воймы* въ Вѣнѣ и *Деболи* въ Петербургѣ. Названные выше должны были интриговать, возбуждать враговъ и, гдѣ можно было, вступать въ болѣе тѣсные союзы противъ Россіи. Они ошиблись только въ одномъ: эти кабинеты, большею частію руководимые искусными государственными людьми, пользовались, правда, польскими предложеніями и просьбами для собственныхъ того времени видовъ, но вступались въ нихъ на сколько это согласовалось съ интересами и цѣлями ихъ государствъ. Большая часть этихъ, дорого стоившихъ посольствъ не повела, такимъ образомъ, почти ни къ чему: Испанія была далеко и не хотѣла ни во что вмѣшиваться; Франція была волнуема внутренними смутами; Данія оставалась неутральною; Швеція помышляла о мирѣ, такъ какъ продолженіе войны мало обѣщало ей; Голландія, хотя и подъ вліяніемъ Англіи и Пруссіи, но интересами своими была привлекаема къ Россіи; Англія имѣла въ виду воспользоваться польскими предложеніями лишь на сколько они казались полезными ей. Только двѣ державы сблизились съ польскою республикою, *Пруссія* и *Турція*, та — первая между противниками, эта — между врагами Россіи. Обратимся сначала къ Пруссіи. Переговоры начались еще въ декабрѣ 1789 и тянулись долго: въ виду было заключеніе въ одно и тоже время торговаго и военнаго союза. Но тутъ цѣли и интересы разошлись: Пруссія хотѣла прежде всего военнаго союза,

чтобъ усилиться и прибавить новой тяжести на вѣсы противъ Россіи, и еще кое-чего; Польша же—преимущественно торговаго союза, чтобы дать свободно вздохнуть своей торговлѣ, стѣсненной и почти задушенной прусскими таможнями. На это пошло много времени, а противоборствующіе интересы не могли быть соглашены. Къ этому присоединилось еще то, что прусскій кабинетъ приподнялъ немного завѣсу, скрывавшую его тайные замыслы: кое-что, еще требуемое имъ—были Данцигъ и Торнъ, за что онъ обѣщалъ Польшѣ, сверхъ торговыхъ льготъ, возвращеніе Галиціи отъ Австріи, которая въ свою очередь имѣла быть вознаграждена на счетъ Турціи. Прежде Польша должна была терпѣть за Турцію, а теперь Турціи приходилось терпѣть за Польшу. Какъ ни выгодно было предложеніе и хотя союзники Пруссіи, Англія и Голландія, всевозможно старались поддержать его и обѣщали всѣ потребныя ручательства за обезпеченіе польской торговли, однако сеймъ отвергнулъ его: онъ не хотѣлъ ничего вѣрнаго уступить за невѣрное. Такимъ образомъ торговый союзъ, котораго именно желала Польша, былъ отложенъ въ даль, а заключенъ только оборонительный союзъ 29-го марта 1790 года. Въ немъ обѣщали другъ другу «взаимную помощь, Пруссія — въ 16,000, Польша — въ 12,000 челов. войскъ, которыя, по востребованію, имѣли быть усилены Пруссіею до 30,000, а Польшею до 20,000, а въ случаѣ нужды помощь имѣла быть оказана даже всѣми силами.—*Никто не долженъ былъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Польши*, а еслибы представленія по этому случаю остались недѣйствительными, то Пруссія обѣщала условленное вооруженное содѣйствіе. Наконецъ обѣ стороны взаимно гарантировали свои владѣнія и отказывались отъ всякихъ требованій и притязаній другъ къ другу». — Патріотическая партія торжествовала: она считала Польшу спасенною: внутри—вскорѣ 60,000 войскъ подъ ружьемъ, извнѣ—тѣсный союзъ съ воинственною Пруссіей, высокопрославленное войско которой стояло тутъ готовое къ бою. Не доставало ничего больше, кромѣ только приведенія въ исполненіе дальнѣйшихъ цѣлей преобразованія конституціи, къ чему Пруссія даже поощряла и что теперь, подъ защитой столь мощной военной силы, казалось, можно было совершить безъ всякой опасности. Горделиво провозглашала партія: «трактатъ съ Пруссіей возвращаетъ Польшѣ ея свободу, обезпечиваетъ ея бытіе и есть образцовое произведеніе политики». Но и тутъ оправдалось противоборство человѣческихъ надеждъ и ожиданій съ опредѣленіями судьбы. Что должно было соединить, то разъединило, что дол-

жно было усилить, то ослабило, и союзъ, долженствовавшій увѣнчать всѣ желанія Польши и проложить путь къ ея величію, повелъ именно къ ея паденію, не безъ собственной ея вины. Прусскій кабинетъ страстно желалъ владѣть Данцигомъ и Торномъ, ради выгодъ своей торговли и чтобы владѣть Вислой; тѣмъ страстнѣе, что цѣлые годы ему отказывали въ этомъ и только держали передъ нимъ эту приманку. Своимъ дружественнымъ сближеніемъ съ Польшей, столькими угодливостями, оказанными ей, обѣщаніями, обольщеніемъ воздушными замками, онъ думалъ навѣрное пріобрѣсть эти города, и въ рѣшительную минуту надежда обманула его, и съ этой стороны даже невозвратно, такъ какъ сеймъ, въ отношеніи этого требованія, 6-го сентября 1790 постановилъ неразумное рѣшеніе: «ни единаго клочка польской земли не отдѣлять впредь отъ территоріи республики». Постановленіе это было неразумно потому, что если Поляки имѣли достаточную силу для воспрепятствованія всякому отторженію, то (постановленіе) это было безполезно, а мудрый политикъ никогда не дѣлаетъ ничего безполезнаго; если же не было этой силы, то должны были пожать только стыдъ. Дѣйствіемъ этого постановленія было то, что прусскій кабинетъ вдругъ охладѣлъ въ своей горячей дружбѣ и началъ искать съ другихъ сторонъ, какъ бы достигнуть своихъ цѣлей и пріобрѣтенія желаемаго, а также и то, что когда пробилъ часъ рѣшенія, Польша, вмѣсто горячаго, усерднаго къ услугамъ друга, имѣла лишь однимъ, едва теплымъ, почти равнодушнымъ болѣе.

Не лучше шли дѣла со второй державой, Турціей. И туда въ іюнѣ 1789 года отправленъ былъ посланникъ, Петръ Потоцкій, который и старался усердно о заключеніи, съ этимъ открытымъ врагомъ Россіи, оборонительнаго и наступательнаго союза. Униженно просили Поляки здѣсь, у побѣжденныхъ, покровительства, которое надменно отвергли со стороны побѣдителей, и сносили всякаго рода униженія, оскорбленія, насмѣшки, которыя невѣжество и гордость Османовъ щедро изливала въ то время на посланниковъ христіанскихъ державъ, особенно менѣе сильныхъ. И всѣ эти униженія не повели ни къ чему. Правда, 6-го декабря 1790 г. состоялся проектъ оборонительнаго и наступательнаго союза, свидѣтельствовавшаго о безсильной ненависти къ Россіи и прямо направленнаго противъ нея, противъ той именно державы, съ которою два года передъ тѣмъ Поляки хотѣли вступить въ союзъ противъ этой же самой Порты. Но прежде, нежели этотъ проектъ могъ быть приведенъ въ

исполненіе, событія приняли такой оборотъ, что онъ навѣки остался неосуществленнымъ ([22]).

Такимъ образомъ ихъ посольства, ихъ искательства союзовъ принесли имъ лишь убытки, вредъ, униженія и—новые черные шары у ненавидимой ими державы. Такъ ничто не удалось имъ, потому что во всемъ, что они ни предпринимали, имъ недоставало здраваго разсудка, способности владѣть собою и спокойно взвѣшивающей мудрости. И какъ извнѣ, такъ, по тѣмъ же причинамъ, не удалось наконецъ и все то, что они предпринимали внутри.

По совѣщаніи въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, конституціонная депутація представила сейму, 17-го декабря 1789, предварительный проектъ въ восьми статьяхъ. Онѣ были слѣдующаго содержанія: 1) Націи сохраняется право *выбори короля*, законодательная власть и верховное рѣшеніе. 2) Но націю образуютъ и земскихъ пословъ избираютъ зажиточные граждане. 3) Государственные сеймы черезъ каждые два года, но также и чрезвычайные. 4) Главные законы рѣшаются единогласно (слѣдовательно liberum

---

(22) Такъ какъ ни у Мартенса, ни у Шёлля нѣтъ этого трактата, то мы приводимъ здѣсь въ краткихъ словахъ основныя черты его:

Статьи трактата: 1) Цѣлью союза должно быть обоюдное охраненіе независимости обоихъ государствъ и устраненіе посторонняго вліянія на ихъ внутреннія дѣла. Въ случаѣ нарушенія этого, обѣщается другъ другу помощь.—2) Не только тогда, когда Россія и Австрія дѣйствительно начнутъ наступательную войну, но и тогда даже, когда онѣ будутъ готовиться къ ней, должно другъ друга поддерживать. 3) Порта по первому востребованію выставляетъ 30,000 чел. конницы, число которыхъ, въ случаѣ нужды, увеличиваетъ до 45,000;—Польша—20,000 человѣкъ, на половину пѣхоты и конницы.—4) Обѣ державы гарантируютъ одна другой настоящее состояніе владѣній.—5) Взаимныя торговыя выгоды будутъ постановлены по Карловицкому трактату.—6) Трактатъ долженъ быть утвержденъ и размѣненъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. (Слѣдуютъ еще 3 менѣе важныя статьи).

Особенныя статьи: 1) Такъ какъ Россія отторгла области и отъ Порты, и отъ Польши, и Порта продолжаетъ войну противъ Россіи, а король прусскій также помышляетъ принять участіе въ ней, то Польша за одно съ Портой и Пруссіей будетъ изо всѣхъ силъ участвовать въ этой войнѣ противъ Россіи.

2) Союзники будутъ взаимно сообщать другъ другу свои планы военныхъ дѣйствій, безъ вѣдома и согласія короля прусскаго не будутъ заключать ни перемирія, ни мира, но будутъ продолжать войну до полнаго удовлетворенія Порты и Польши, и пока не достигнутъ выгоднаго мира.

3) По подписаніи этого трактата, король прусскій долженъ быть приглашенъ приступить къ его условіямъ.

Слѣдуютъ двѣ секретныя статьи о будущей свободной торговлѣ Поляковъ на Днѣстрѣ, Черномъ и Бѣломъ (Мраморномъ) моряхъ.

veto). 5) При заключеніи трактатовъ рѣшаетъ большинство трехъ четвертей. 6) Король съ отвѣтственными министрами имѣетъ власть исполнительную. 7) Всѣ административныя власти должны состоять подъ надзоромъ. 8) Конфедераціонные сеймы впредь не дозволяются и конфедераціонные законы никогда не обязательны.—Проектъ былъ принятъ, и опять прошли недѣли и мѣсяцы въ новыхъ совѣщаніяхъ. Измѣняли то, на что̀ согласились, предложили (7-го августа 1790 года) сдѣлать престолъ *наслѣдственнымъ*, но съ подтвержденіемъ присягой предложенныхъ условій (pacta conventa); противорѣчіе! Изъ-за этого волненіе и споръ. Согласились избрать курфирста саксонскаго, долженствовавшаго начать въ Польшѣ новую наслѣдственную династію, и постановили въ тоже время, такъ какъ двухъ-годичный срокъ возобновленія сейма миновалъ, произвесть выборъ новыхъ земскихъ пословъ въ ноябрѣ 1790 года. Но дабы не отнимать отъ начатаго дѣла преобразованія прежнихъ дѣятелей, рѣшили оставить и ихъ и присоединить къ нимъ новыхъ земскихъ пословъ: такимъ образомъ получали двойной сеймъ, двойное число земскихъ пословъ. 16-го дек. 1790 увеличенное такимъ образомъ собраніе сейма открыло свои засѣданія, не внеся однако въ нихъ, съ удвоеннымъ числомъ, также и удвоенныхъ дѣятельности и дѣйствующей силы; напротивъ, съ увеличеніемъ числа головъ, явилось и большее различіе въ видахъ и мнѣніяхъ, а съ тѣмъ и замедленіе. Какъ и прежде, говорили прекрасныя рѣчи обо всемъ, усердно занимались побочными дѣлами и смѣялись надъ тѣми, которые указывали на время и настаивали на необходимомъ: войскѣ и финансахъ, финансахъ и войскѣ. Это было, разумѣется, въ связи съ больнымъ мѣстомъ. На сеймѣ сдѣлали предложеніе потребовать назадъ и продать староства въ пользу образованія войска, и тѣмъ затронули всѣхъ владѣльцевъ и надѣявшихся. Оттого предложеніе это встрѣтило сильное сопротивленіе какъ на сеймѣ, такъ и въ обществѣ, въ которомъ даже женщины усердствовали противъ него, видя въ немъ разорителя ихъ шкаповъ съ нарядами и платьями, похитителя ихъ драгоцѣнныхъ камней и украшеній, такъ какъ большей части изъ нихъ издержки *на булавки* были назначены ихъ отцами и мужьями изъ доходовъ съ этихъ старостъ. А вліяніе женщинъ было во всякое время всемогуще въ Польшѣ. Такимъ образомъ онѣ съумѣли своими продѣлками надолго воспрепятствовать рѣшенію; оттого и веселость на сеймѣ, какъ только касались этого дѣла.

Между тѣмъ небо помрачилось—грозныя тучи собирались на отдаленномъ востокѣ: Россія заключила миръ съ Швеціей и тѣмъ осво-

бодила свою правую руку; съ Пруссіей и Англіей шли переговоры, война съ Турціей еще продолжалась, но уже съ благопріятными видами. Тяжкія невзгоды, висѣвшія надъ Франціей, тревожили государей, возбуждали новыя заботы и отвлекали отъ старыхъ. Очаковъ и его округъ уже не были жизненнымъ вопросомъ для Европы: Франція представляла болѣе важные. Англія и Пруссія стали сближаться съ Россіей; съ Австріей Пруссія заключила 27-го іюля 1790 года Рейхенбахскую конвенцію, завязавшую довѣренную переписку между обоими государями, Леопольдомъ и Фридрихомъ-Вильгельмомъ, въ слѣдствіе чего старинный ненавистникъ Австріи, неспокойный, все перепутывавшій Герцбергъ былъ устраненъ, и проложенъ путь къ миру и дружбѣ, а вскорѣ послѣ того и къ искреннему согласію и тѣснѣйшему союзу между государями сѣверной и южной Германіи. Такъ постепенно измѣнялось положеніе дѣлъ, въ то время, какъ Поляки, въ медлительныхъ совѣщаніяхъ занятые сотней пустяковъ разомъ, большею же частію пирами, пляскою, карточною игрою и чувственными наслажденіями, легкомысленно и съ отвращеніемъ отъ труда тратили краткій срокъ, дарованный имъ для того, чтобъ возродиться крѣпкими и сильными. Судьба испытывала ихъ, но они были слишкомъ легко созданы, и пока все еще предавались мечтаніямъ о будущихъ силѣ и величіи, благопріятныя обстоятельства уже миновались, вращавшееся колесо счастія повернулось болѣе и болѣе внизъ. Тогда это напомнило вождямъ, что нечего было терять времени, и они порѣшили теперь вывести на свѣтъ тайно начертанную и улаженную между ними конституцію, и навязать ее, посредствомъ неожиданности, своимъ сопротивляющимся, недовѣрчивымъ соотечественникамъ, увѣренные, что никогда не достигнутъ своей цѣли посредствомъ правильнаго совѣщанія и обсужденія на сеймѣ. Такъ было подготовлено 3-е мая 1791 года; наканунѣ его, такъ сказать—14-го апрѣля, дабы усилиться сословіемъ горожанъ, изданъ былъ законъ *о городахъ*.

Вольные или королевскіе города (въ противуположность принадлежавшимъ дворянству) уже 10-го дек. 1789 года подали прошеніе о возстановленіи ихъ правъ. Они указывали на то, что прежде имѣли мѣсто и голосъ на сеймахъ и участвовали во всѣхъ совѣщаніяхъ государственныхъ чиновъ. Въ архивахъ находится еще приглаcительная грамота къ нимъ Сигизмунда I отъ 1510 года, о присылкѣ пословъ (nuntii) на Петриковскій сеймъ. Дворянство съумѣло постепенно, особенно въ 16-мъ столѣтіи, лишить ихъ, какъ и сословіе крестьянъ, всѣхъ ихъ правъ и отнять у нихъ власть законо-

дательную, исполнительную и даже судебную; уже въ 1575 году они не были болѣе допущены въ совѣщанія чиновъ. До настоящаго сейма они падали все ниже и не могли пріобрѣсть ни старинныхъ вольностей своихъ, ни другаго какого пособія. И теперь имъ сначала отказали: не хотѣли образовывать новаго сословія, которое своимъ развитіемъ могло бы сдѣлаться опаснымъ дворянству. Однако, послѣ долгихъ переговоровъ и немалыхъ денежныхъ пожертвованій, они получили, по предложенію Сухоржевскаго, благопріятный повидимому отвѣтъ. Сухоржевскій указалъ увертку, устранявшую всѣ затрудненія и содѣлывавшую городское сословіе, нѣкоторымъ образомъ, приготовительной школой и источникомъ пополненія дворянства: его лишали всѣхъ лучшихъ членовъ его и возводили ихъ въ дворянство; такимъ образомъ остававшіеся затѣмъ, бездарные, безсильные и безсостоятельные, не могли внушать большихъ опасеній. Ихъ допускали въ военную службу и въ суды: кто возвышался въ первой до офицера, или прослужилъ нѣсколько лѣтъ въ послѣднихъ, или былъ представителемъ городскаго сословія на сеймѣ, становился дворяниномъ; кто учреждалъ фабрики и занимался болѣе обширными промышленными или торговыми предпріятіями, становился дворяниномъ; кто имѣлъ достаточно денегъ, чтобъ покупать села и земли, этимъ самымъ уже становился дворяниномъ: словомъ—всякій, отличившійся службой или заслугами, богатствомъ или предпріимчивостью, былъ изъемлемъ изъ городскаго сословія и включаемъ въ дворянское. Это льстило отдѣльнымъ горожанамъ, тщеславіе ихъ цѣнило это какъ большое преимущество, хотя это именно было средствомъ держать цѣлое сословіе въ состояніи униженія, безсилія и безъ всякаго вліянія. Дарованное представительство на сеймѣ было также лишь кажущееся: всѣ города государства должны были высылать на сеймъ только 24 представителей, и послѣдніе смѣли только заявлять желанія, но не обсуждать ихъ со всѣми, исключая дѣлъ, непосредственно касавшихся городскаго сословія; поэтому они остались по прежнему просителями, которыхъ по произволу выслушивали или нѣтъ. Наконецъ, дабы, при предстоявшихъ событіяхъ, можно было склонить ихъ на свою сторону и легче руководить ими, знатнѣйшіе изъ патріотической партіи, сеймовый маршалъ Малаховскій съ 42 земскими послами заставили принять себя въ число горожанъ, послѣ того, что съ городскаго сословія было снято лежавшее на немъ пятно и объявлено, что «дворянину не должно быть стыдомъ имѣть званіе горожанина и заниматься торговлей и другими промыслами

горожанъ.» Этимъ партія вполнѣ привлекла на свою сторону городское сословіе.

Четыре мѣсяца болѣе 60 лицъ патріотической партіи свято хранили тайну преднамѣреваемыхъ перемѣнъ; никто, даже русскій посланникъ, ничего не узналъ объ этомъ; теперь, когда наступала пора дѣйствовать, руководители ихъ ясно увидѣли, что если они хотятъ силою провести свои предложенія, то должны предварительно склонить короля на свою сторону.

Станиславъ въ продолженіе послѣднихъ двухъ лѣтъ держалъ себя почти въ пассивномъ, бездѣятельномъ положеніи: Россія не могла ему оказать никакой помощи, партія его, также какъ и русская, была сокрушена: и вѣтеръ, и волны благопріятствовали партіи молодыхъ патріотовъ, преобразовывавшей, передѣлывавшей, прогрессивной. Заключеніе союза съ Пруссіей прежде всего поколебало его прежніе: образъ мыслей и правила. Онъ объявилъ, что «не можетъ и не хочетъ разлучаться съ своею націей, онъ хочетъ только руководить ею». Въ Пруссіи надѣялся онъ найти ту опору, помощію которой можно было бы изторгнуть Польшу изъ ея состоянія униженія. Его старинныя желанія и надежды на устраненіе и улучшеніе неизцѣлимыхъ внутреннихъ обстоятельствъ пробудились вновь; вѣдь цѣли, къ которымъ стремилась партія молодыхъ патріотовъ, были тѣже самыя, къ которымъ и онъ самъ такъ долго стремился. Мысль о безчисленныхъ непріятностяхъ, ожидавшихъ ею, еслибъ онъ остался вѣрнымъ Россіи, такъ какъ все русское, благодаря кознямъ противниковъ, сдѣлалось крайне ненавистнымъ; надежда видѣть многіе существенные недостатки устраненными, а ему, какъ королю, пріобрѣсть съ этихъ поръ болѣе могущества и вліянія, и вмѣстѣ съ тѣмъ любовь націи; наконецъ то обстоятельство, что предводители патріотовъ, молодые люди средняго, 30-ти лѣтняго возраста, были большею частію его учениками, которыхъ онъ своими бесѣдами, увѣщаніями и наставленіями просвѣтилъ касательно недостатковъ стараго правленія, и что они, примѣтивъ первые слѣды его измѣнившагося образа мыслей, сблизились съ нимъ, и просьбами, представленіями, заклинаніями старались склонить къ переходу на ихъ сторону: все это, вмѣстѣ взятое, произвело то, что онъ постепенно началъ склоняться къ нимъ и перетянулъ съ собой и ближайшихъ приверженцевъ своихъ, дабы, заодно съ молодыми патріотами, произвесть полную реформу конституціи, не смотря на всѣ препятствія. Дабы завлечь въ дѣло и его собственное самолюбіе, отъ него потребовали, чтобъ онъ самъ на-

черталъ проектъ новой конституціи, какую желаетъ. Онъ вручилъ его какъ «мечту добраго гражданина.»—«Это не мечта», отвѣчали ему; «это—конституція, которую, если только серьозно захотѣть, легко можно привесть въ исполненіе». Такъ какъ проектъ его въ главныхъ чертахъ, какъ естественно, согласовался съ проектомъ патріотовъ, то его увѣрили, что новая конституція есть его твореніе, начертана по его мыслямъ, и если будетъ принята, то ему будетъ принадлежать слава спасенія Польши и, можетъ быть, направленія оной на путь величія и могущества. Съ этихъ поръ его окружили лицами, которыя сторожили его, подкрѣпляли въ минуты робости и, ради имѣвшихся въ виду цѣлей, умѣли возбуждать то разумъ, то сердце, то воображеніе его или его любовь къ славѣ. Такимъ образомъ онъ былъ постепенно увлекаемъ все далѣе и далѣе на пути, на который разъ ступилъ и на которомъ обратный ходъ наконецъ былъ сдѣланъ невозможнымъ для него.

Первые виновники и поборники новаго плана были немногочисленны; они съ намѣреніемъ держали себя скрытно, для того, чтобы не сдѣлалось гласнымъ, какъ столь незначительное число искуственно разжигаетъ націю и руководитъ ею къ тайнымъ цѣлямъ: трое главнѣйшихъ, настоящихъ составителей новой конституціи, были Игнатій Потоцкій, Гуго Коллонтай и Піатоли. Къ нимъ присоединился старый сеймовый маршалъ Станиславъ Малаховскій, на котораго дѣйствовали преимущественно чрезъ братьевъ Чацкихъ; далѣе, страстный Станиславъ Солтыкъ, наслѣдовавшій ненависть къ Россіи (хотя самъ былъ русскаго происхожденія) отъ дяди своего, покойнаго епископа; затѣмъ бо́льшая часть членовъ фамиліи: Потоцкихъ, многочисленной и могущественной, и Чарторыйскихъ, со всѣми ихъ приверженцами, даровитыми молодыми людьми, Нѣмцевичами, Вейсенгофами, Мостовскими, Матусевичами, Выбицкими, Забѣлло и т. д. Цѣлью стремленій ихъ теперь было пріобрѣтать въ народѣ и между членами сейма болѣе и болѣе приверженцевъ преднамѣреннымъ измѣненіямъ и всѣми способами дѣйствовать на общественное мнѣніе въ столицѣ и странѣ, то посредствомъ распространяемыхъ слуховъ, справедливыхъ, ложныхъ, ободрительныхъ или печальныхъ; то посредствомъ газетныхъ статей, въ которыхъ они обсуждали новѣйшіе современные вопросы или говорили о «преступленіяхъ Русскихъ противъ Польши»; то посредствомъ сочиненій, въ которыхъ они ближе разъясняли главные вопросы и обсуждали положеніе страны; то, наконецъ, посредствомъ способныхъ молодыхъ людей, которыхъ вводили, какъ поборниковъ мнѣній, въ

высшіе общественные кружки. Однако избирательный престолъ, liberum veto, конфедераціи и многіе другіе недостатки старыхъ временъ имѣли какъ въ средѣ сейма, такъ и въ странѣ, особливо между пожилыми и менѣе образованными лицами, многочисленныхъ приверженцевъ, которые считали ихъ неразлучными съ тѣмъ, что они называли польскою свободой: слѣдовательно должно было приготовиться къ сильному сопротивленію. Поэтому задача состояла въ томъ, чтобъ поразить нечаянностью, напасть врасплохъ и провести проектъ новой конституціи въ такую минуту, когда на государственномъ сеймѣ будетъ мало противниковъ. Для этого придумали слѣдующій планъ. На праздникъ Пасхи земскіе послы разъѣзжались, потому что бо́льшая часть изъ нихъ проводила этотъ праздникъ у себя дома. Этимъ обстоятельствомъ и хотѣли воспользоваться, и въ отсутствіи противниковъ, держа между тѣмъ въ совокупности собственныхъ своихъ приверженцевъ, привести въ исполненіе государственный переворотъ (coup d'état). Въ этомъ году (1791) первый день Пасхи приходился 24-го апрѣля. Засѣданія сейма были въ продолженіе всей предшествовавшей и всей послѣдующей недѣль закрыты и снова открылись лишь въ понедѣльникъ 2-го мая. Такъ какъ не было объявлено ни о чемъ важномъ, то отсутствовавшіе не слишкомъ торопились присутствовать при самомъ открытіи засѣданій. Этимъ обстоятельствомъ положено было воспользоваться и штурмомъ взять конституцію; сперва назначили для этого 5-е мая, но потомъ, для большей увѣренности въ успѣхѣ, 3-е мая или второй день по открытіи вновь палатъ, такъ какъ къ тому времени могли прибыть лишь немногіе земскіе послы ([23]). Планъ ихъ былъ—подѣйствовать на присутствовавшихъ страхомъ и надеждой: стра-

---

(23) Въ лживомъ пасквилѣ Коллонтая, извѣстномъ сочиненіи о происхожденіи и паденіи конституціи 3-го мая, I, 172, дабы однимъ разомъ поразить многихъ противниковъ, это объясняется слѣдующимъ образомъ: «Король сообщилъ этотъ планъ канцлеру Малаховскому, а этотъ, дѣйствуя предательски—приверженцамъ Россіи, которые вслѣдъ затѣмъ, чрезъ гонцовъ, съ величайшею поспѣшностью вызвали своихъ единомышленниковъ («сеймовыхъ забіякъ», какъ онъ ихъ называетъ) въ Варшаву. Поэтому хотѣли предупредить ихъ прибытіе». Этимъ истолкованіемъ онъ могъ разомъ нанести ударъ королю, какъ измѣннику, канцлеру Малаховскому, какъ второму измѣннику, наконецъ русской партіи, и безъ того уже бывшей, по его мнѣнію primum mobile (первою причиной) всего вреднаго и пагубнаго, что ни случалось когда-либо въ Польшѣ. И однако, еслибъ тутъ была измѣна, то русскій посланникъ узналъ бы что-нибудь обстоятельнѣе, но, какъ видно изъ его собственныхъ донесеній, онъ до самой послѣдней минуты не зналъ ничего положительнаго.

хомъ, возбуждая опасенія касательно судьбы страны, угрожаемой будто бы новымъ раздѣломъ; надеждой, что этой угрожающей опасности можно было избѣгнуть посредствомъ быстрой перемѣны образа правленія. Они доказали этимъ, какое низкое мнѣніе они имѣли о здравомъ разсудкѣ своего народа. Какъ могла перемѣна образа правленія, всеконечно находившаяся во власти Поляковъ, предотвратить проекты раздѣла, зависѣвшіе не отъ Поляковъ, а отъ иностранныхъ кабинетовъ? Еслибы тогда замышлялся раздѣлъ, какъ ложно утверждали, то всѣ ихъ перемѣны конституціи не могли бы воспрепятствовать ему. Но это была лишь одна пыль, брошенная въ глаза людямъ, неспособнымъ разсуждать ([24]).

Вторымъ средствомъ, употребленнымъ ими, было то, что они заготовили дипломатическія депеши и въ нихъ самыми мрачными красками изобразили положеніе Польши и грозившія ей опасности, какъ будто раздѣлъ страны уже предстоялъ въ ближайшемъ времени. Депеши эти были отправлены къ различнымъ посланникамъ при иностранныхъ дворахъ, для подписи и обратнаго доставленія. Такимъ образомъ случилось, что во всѣхъ различныхъ депешахъ, въ одинъ и тотъ же день, почти въ одинъ и тотъ же часъ полученныхъ изъ Берлина, изъ Вѣны, изъ Гааги, Дрездена, равно какъ и изъ Петербурга, и писанныхъ на одну и туже тему, говорилось о раздробленіи Польши, долженствовавшемъ воспослѣдовать немедленно, въ вознагражденіе за издержки турецкой войны, хотя именно въ это время всякая мысль о томъ была крайне далека, и между Петербургомъ и Берлиномъ лежала глубокая пропасть. Это было именно въ тотъ критическій моментъ (въ апрѣлѣ 1791), когда англійскій флотъ угрожалъ Кронштадту, а прусская сухопутная армія—Лифляндіи, и почти каждый гонецъ привозилъ извѣстія о походѣ и передвиженіяхъ прусскихъ войскъ.

Затѣмъ дали почувствовать, что злоумышленники сейма (русская партія, какъ ихъ называли) хотѣли лишить города дарованныхъ имъ преимуществъ, но что король намѣренъ въ засѣданіи 3-го мая торжественно подтвердить клятвой сохраненіе этихъ льготъ и правъ;

---

(24) Въ сочиненіи о происхожденіи и проч. I, 181, говорится: «Вскорѣ послѣ того отвѣтъ, данный иностранной депутаціей, и прочитанныя донесенія всѣхъ нашихъ посланниковъ при иностранныхъ дворахъ, доказали, какъ ужасно-велико несчастіе, угрожающее республикѣ, если она въ наискорѣйшемъ основаніи хорошей формы правленія не найдетъ единственнаго, остающагося еще ей, средства спасенія».— Вѣрили-ли сами авторы своимъ словамъ?

поэтому совѣтовали горожанамъ присутствовать въ этомъ засѣданіи государственнаго сейма, чтобъ быть свидѣтелями этого дѣла и устрашить противниковъ.

Не упустили ни одной мѣры предосторожности. Рано утромъ въ назначенный день площадь между замкомъ и рѣкою, равно какъ и смежные дворы были заняты войсками; другія были въ готовности въ казармахъ, съ заряженными ружьями; лошади запряжены въ орудія. На дворѣ замка было поставлено нѣсколько орудій, а рядомъ въ августинскую церковь ночью принесены 3,000 ружей и пистолетовъ, для вооруженія народа, который подкупили деньгами. Уланы, переодѣтые «товаржишами» (дворяне національной кавалеріи), были размѣщены въ самой сеймовой залѣ и должны были охранять всѣ входы и выходы замка. Наконецъ тѣхъ членовъ сейма, которымъ не довѣряли, назначено было окружить въ самой залѣ надежными людьми ([25]).

Наканунѣ вечеромъ партія собрала своихъ приверженцевъ въ палацѣ Радзивилла, въ которомъ находилась гостинница. Послѣ угощенія, былъ прочитанъ проектъ конституціи и принятъ шумнымъ zgodą. Затѣмъ его предложили къ подписи; имена епископовъ: Каменецкаго (Красинскаго) и Куявскаго (Рыбинскаго), уже написанныя на бумагѣ, склонили бо́льшую часть присутствовавшихъ подписаться не задумываясь. Рано слѣдующимъ утромъ посвященные въ тайну должны были собраться въ домѣ сеймоваго маршала. Всѣ дали другъ другу слово не дѣлать въ палатѣ никакихъ возраженій и избѣгать всего, что́ могло служить помѣхой.

Взошло наконецъ солнце 3-го мая. Уже съ ранняго утра примыкающія къ замку улицы наполнились народомъ; всякій спѣшилъ сюда, услыхавъ, что произойдетъ нѣчто необыкновенное, и, между страхомъ и надеждой, ожидалъ развязки. Вскорѣ не только прилегавшія улицы, но и замковый дворъ, лѣстницы, сѣни, галлереи и самая зала засѣданій были набиты людьми, многіе изъ которыхъ были вооружены дубинами.

Члены сейма собрались ранѣе обыкновеннаго. Непосвященные въ тайну земскіе послы направились, какъ и прочіе, въ залу, но были смущены необычными мѣрами, неизвѣстностью, что́ приготовлялось, и наконецъ видомъ пьяной черни на дворѣ и улицахъ, и

---

(25) Весь слѣдующій разсказъ мы излагаемъ на основаніи сеймоваго журнала, мѣстами дополняя его изъ донесеній русскаго посланника.

выставленныхъ орудій. Король былъ встрѣченъ радостными восклицаніями; тотчасъ же мѣсто его на тронѣ окружили до 200 генераловъ и офицеровъ. Даже камергеры опоясались саблями. При возраставшемъ напряженіи умовъ, въ 11 часовъ наконецъ сеймовый маршалъ открылъ засѣданіе, мрачными разсужденіями о превратности судьбы людей и народовъ. Недавно еще столь могущественный, великій народъ польскій теперь сдѣлался игрушкою сосѣдей. «Всевышній Богъ, воскликнулъ онъ въ заключеніе, да сохранитъ насъ отъ несчастія, снова намъ угрожающаго, какъ о томъ единогласно сообщаютъ наши посланники за границей».—Станиславъ Солтыкъ началъ тогда рѣчь патетическими восклицаніями:» Ужасныя извѣстія!—языкъ мой нѣмѣетъ выговорить ихъ! О отчизна, что предстоитъ тебѣ!—О Поляки, любящіе ее, спѣшите на спасеніе ея!—Не только наши посланники сообщаютъ эту вѣсть, но и наши друзья, наши родственники единогласно пишутъ изъ-за границы о раздѣлѣ.. Еще только краткій срокъ, еще только эта минута дарована намъ, чтобъ спасти отечество.»— Было въ обычаѣ удалять постороннихъ зрителей при чтеніи заграничныхъ депешъ. Но заговорщики потребовали оставить ихъ. «Если оставляли ихъ при маловажныхъ вопросахъ, почему же не оставить при этомъ наиболѣе важномъ,» воскликнулъ Солтыкъ. Тутъ король всталъ и началъ увѣрять: «Безъ сомнѣнія, полученныя извѣстія должны интересовать каждаго, такъ какъ они касаются неприкосновенности отечества; поэтому онъ требуетъ прочтенія ихъ.» Но прежде, нежели дѣло дошло до этого, произошелъ слѣдующій нечаянный случай. Сухоржевскій, прежній врагъ Русскихъ, покровитель городовъ, недавно еще украшенный отъ короля орденомъ св. Станислава, воскликнулъ: «онъ имѣетъ открыть ужасныя вещи и проситъ выслушать его.»—Ему отказали въ этомъ: онъ долженъ говорить послѣ; и Матусевичь, членъ иностранной депутаціи, приготовился читать. Сухоржевскій бросился на колѣни, проползъ, между ногами стоявшихъ впереди, до самаго трона и, то стоя на колѣняхъ, то распростершись крестомъ, между тѣмъ какъ длинныя пряди оборванной орденской ленты его висѣли на немъ, не переставалъ просить о выслушаніи его. Поднятый и приведенный на свое мѣсто, онъ, по ходатайству короля, получилъ наконецъ позволеніе говорить. «Не вотще,» сказалъ онъ затѣмъ, «проползъ я между вашими ногами до трона, потому что имѣю сообщить вамъ ужасныя вещи. Уже нѣсколько дней носятся глухіе слухи, будто эта палата должна сдѣлаться поприщемъ, на которомъ хотятъ посягнуть на наши вольности и защитниковъ ихъ поклялись предать смерти.

Я все это хочу доказать; если не буду въ состояніи сдѣлать этого, то охотно потерплю смерть. Свободный—защищу отечество; въ рабствѣ—я врагъ его. Дабы отчуждить отъ насъ горожанъ, имъ внушили, будто мы хотимъ низвергнуть дарованный въ пользу ихъ законъ; для того собраны здѣсь всѣ цѣхи, чтобы массами ихъ внушить страхъ. Не позволяйте обманывать васъ; ни одного изъ дарованныхъ вамъ правъ, мы не хотимъ отнять у васъ; вы наша опора. Мы не хотимъ только наслѣдственнаго престола.—Еще слово: я требую, чтобъ господинъ Литовскій маршалъ (Игнатій Потоцкій) и господинъ Люблинскій земскій посолъ (Станиславъ Потоцкій) объяснили намъ распространенный слухъ, будто посягаютъ на ихъ жизнь? (Слухъ этотъ былъ распространенъ съ намѣреніемъ, чтобъ возбудить сочувствіе къ Потоцкимъ, главнымъ виновникамъ проекта, и ненависть къ противникамъ ихъ). «Назовите, кто эти люди, которые хотятъ лишить васъ жизни?—Я сказалъ и не противлюсь болѣе чтенію депешъ.»

Тогда Матусевичь сталъ читать: «изъ *Гааги*: господа Колычевъ и Бухгольцъ (тамошніе русскій и прусскій посланники) увѣряли г-на Миддльтона, завѣдывающаго тамъ дѣлами республики, что «новый раздѣлъ Польши долженъ неминуемо воспослѣдовать!» — «Изъ *Петербурга*:» надѣятся вскорѣ заключить миръ на счетъ Польши. Пруссія дѣлаетъ тайныя внушенія (инсинуаціи) по поводу Данцига и Торна, хочетъ отвлечь Россію отъ союза съ императоромъ и заключить союзъ съ нею, что̀ однако разстроено Англіей.—Россія была виновницей перваго раздѣла; уже въ 1780 (когда именно между Россіей и Пруссіей царствовало полное охлажденіе) она предлагала второй раздѣлъ, но покойный король прусскій отклонилъ его (!). Деболи утверждаетъ даже, что читалъ это въ подлинномъ письмѣ короля (!). Политика дворовъ измѣнчива, нельзя полагаться ни на одинъ изъ нихъ.—Бездѣйствіе сейма служитъ къ посмѣянію. Потемкинъ имѣетъ частыя совѣщанія съ прусскимъ посланникомъ; въ Петербургѣ носится слухъ, что Польша должна будетъ заплатить военныя издержки. Тамъ приводятъ въ дѣйствіе всѣ пружины, чтобъ воспрепятствовать новой организаціи въ Польшѣ; пребывающихъ тамъ Поляковъ всѣми способами настроиваютъ на свой ладъ. Какая-то изобрѣтательная голова уже начертала планъ раздробленія Польши на шесть княжествъ, изъ которыхъ одно должно̀ выпасть на долю Потемкина». Депеша оканчивалась совѣтомъ именно того, что̀ имѣлось въ виду: «какъ можно скорѣе довершить великое дѣло національной конституціи.» — Изъ *Дрездена*: «Курфирстъ объявилъ, что онъ

принимаетъ живѣйшее участіе въ благоденствіи Польши, но, пока не будетъ введена твердая, прочная конституція, онъ постоянно долженъ находиться въ безпокойствѣ касательно судьбы Польши.» — Въ такомъ же родѣ и съ тѣмъ же расчетомъ были написаны и депеши изъ Вѣны и Берлина.

Теперь всталъ *Игнатій Потоцкій*: «Вы видите, дѣло идетъ не объ убійствѣ отдѣльнаго лица, но о совершенномъ паденіи нашего отечества. Въ такомъ критическомъ положеніи, обращаю мой голосъ къ королю: пусть его мудрость укажетъ намъ средства изторгнуть отечество изъ бездны, на краю которой оно стоитъ.»

Тогда *король* началъ говорить: «Мы погибли, если будемъ еще долѣе медлить утвержденіемъ новаго образа правленія. Уже нѣсколько мѣсяцевъ, ободряемый и побуждаемый нѣкоторыми благонамѣренными людьми, я занятъ тѣмъ, что̀ надлежитъ сдѣлать, чтобъ скорѣе и лучше привести въ порядокъ конституцію нашей страны. Это взаимное довѣріе навело на мысли, какъ желаемое привести въ дѣйствіе. Составили проектъ, представили его мнѣ и хотятъ осуществить его. Надѣюсь, что, по выслушаніи его, онъ будетъ принятъ *сегодня же*, чего я искреннѣйше желаю, потому что этимъ мы обезпечимъ нашу судьбу, что̀ черезъ двѣ недѣли будетъ, можетъ быть, уже слишкомъ поздно. Только одного мѣста въ этомъ проектѣ я не смѣю коснуться иначе, какъ по особенной волѣ сейма (престолонаслѣдіе). Прошу васъ, господинъ маршалъ, прикажите прочесть проектъ.»

Секретарь сейма сталъ читать его; онъ носилъ заглавіе: «Устройство правленія» и заключалъ въ себѣ извѣстные пункты новой конституціи ([26]).

По окончаніи чтенія маршалъ сказалъ: «Передъ нами двѣ республиканскія конституціи: англійская и американская; предлагаемая намъ, по моему мнѣнію, превосходитъ ихъ обѣихъ и служитъ намъ ручательствомъ свободы, безопасности и независимости ([27]). Поэтому заклинаю короля соединиться съ нами, дабы мы могли получить эту новую форму правленія и тѣмъ обезпечить будущее благоденствіе Польши».

Тутъ поднялись возраженія; многіе земскіе послы, а именно Мазовецкій—Малаховскій, Виленскій—Корсакъ, Подольскіе—Злотницкій и Орловскій, кастеллянъ Войничскій—Ожаровскій, кастел-

---

(26) Въ послѣдствіи—конституція 3-го мая.

(27) Можетъ-ли конституція быть ручательствомъ независимости?

лянъ Пржемысльскій—князь Четвертинскій и разные другіе воспротивились принятію проекта и ссылались на pacta conventa. Напротивъ защитники проекта, изъ которыхъ главнѣйшими были, сверхъ маршала Малаховскаго, земскіе послы: Познанскій—Закржевскій, Краковскій—Линовскій, Люблинскій—Станиславъ Потоцкій, Ливскій (Liw, Ливъ)—Кицинскій, Ковенскій—Минейко, Подольскій—Ржевускій, замѣтили»: «проектъ не заключаетъ въ себѣ ничего вреднаго для свободы, онъ указываетъ скорѣе средства успокоить озабоченное отечество.»—Съ обѣихъ сторонъ было говорено очень горячо въ пользу и противъ проекта.

Король нѣсколько разъ ободрялъ и заклиналъ собраніе принять проектъ еще въ продолженіе засѣданія и, чтобы скорѣе склонить ихъ къ тому, прибавилъ: «онъ узналъ, что пребывающіе здѣсь иностранные посланники употребляютъ всѣ усилія, чтобъ воспрепятствовать проекту; одинъ изъ нихъ втайнѣ признался даже, что если проектъ будетъ принятъ, то европейской политикѣ предстоятъ большія перемѣны, и дѣйствительно, прибавилъ онъ, мы должны будемъ тогда болѣе уважать Польшу».

Особенное чувство возбуждается въ душѣ, когда слышишь всѣ эти увѣренія, клятвы, паѳосъ, восклицанія и заклинанія столькихъ высокопоставленныхъ лицъ, которыя однако, въ глубинѣ души своей, очень хорошо знали, что все это было лишь ложъ, обманъ и обольщеніе!

Слова короля должны были служить поощреніемъ; однако многіе земскіе послы потребовали ближайшаго обсужденія проекта. Сеймовый маршалъ возразилъ»: «Нынѣшній день служитъ эпохой для польской конституціи; поэтому всѣ формальности должны быть устранены».—Такое необычайное предложеніе самаго маршала, прямаго блюстителя законности, возбудило весьма шумное движеніе въ палатѣ. Волынскіе земскіе послы объявили, что данные имъ наказы не дозволяютъ имъ принять наслѣдственное престолонаслѣдіе; другіе требовали времени на размышленіе и настаивали на законномъ двухдневномъ совѣщаніи; еще другіе, болѣе проницательные, говорили прямо: «донесенія иностранной депутаціи—сказки, которыми хотятъ напугать умы и побудить ихъ къ поспѣшному принятію проекта».—Противъ этого поборники новой конституціи, для которыхъ весь вопросъ заключался въ томъ, чтобъ воспрепятствовать обсужденію и двухдневной отсрочкѣ, дабы противная партія не усилилась вновь прибывшими земскими послами, утверждали: «что тутъ совѣщаться? проектъ вѣдь достаточно извѣстенъ, такъ какъ

онъ начертанъ по прежде-одобреннымъ восьми пунктамъ. Обсужденіе! Допускали же безъ обсужденія гораздо менѣе важныя вещи». (Одно нарушеніе формы не оправдываетъ другаго, и при менѣе важныхъ вещахъ было и менѣе опасности). И чтобъ наконецъ увлечь избитою и пошлою фразой, они воскликнули: «Кто не захочетъ охотнѣе погрѣшить противъ формальностей, нежели противъ отечества?» Настоящій революціонный способъ выраженія, предполагающій то, что̀ еще слѣдуетъ доказать. Вѣдь обсужденіе должно̀ было еще доказать, что новый проектъ будетъ спасителенъ для отечества. Формальности суть оплоты закона: опрокиньте ихъ, и вы опрокинете самый законъ, изъ предосторожности присоединившій ихъ къ себѣ. Если были такъ увѣрены во всеобщемъ одобреніи, какъ непрестанно увѣряли приверженцы проекта, то почему не было тогда дать дѣлу законный ходъ, почему стараться привести его въ исполненіе нечаяннымъ способомъ, въ расплохъ? Только дурное дѣло требуетъ поспѣшности, хорошее же выигрываетъ отъ ближайшаго разъясненія.

Уже нѣсколько часовъ длились шумъ и споры; тогда приверженцы партіи Потоцкихъ обратились къ королю съ просьбой «немедленно присягнуть конституціи; вѣдь мнѣніе и воля сейма очевидны, и всѣ Поляки, любящіе свою отчизну, послѣдуютъ этому примѣру». Какъ будто противники менѣе любили свою отчизну и не полагали, что также хорошо умѣютъ защитить его. Въ такихъ случаяхъ рѣшаетъ не призывъ къ чувству или страсти, но въ хладнокровномъ обсужденіи приговоръ разсудка.—Король, говоря въ томъ же смыслѣ, увѣрялъ, что «онъ дѣйствуетъ тутъ безъ всякаго вниманія къ себѣ или семейству своему, но только изъ искренней любви къ отечеству; ибо всякій, любящій свое отечество, долженъ быть за проектъ. И такъ, кто за него, пусть объявитъ».—Крикъ: всѣ, всѣ!—Сапѣга требуетъ покрайней мѣрѣ вторичнаго чтенія проекта. Поборники его не хотѣли этого; въ слѣдствіе того Забѣлло взываетъ къ королю: «пусть онъ только присягнетъ конституціи»; толпа повторяетъ это за нимъ, и многіе земскіе послы бросаются съ своихъ мѣстъ къ трону, чтобъ присягнуть вмѣстѣ съ королемъ; Сухоржевскій между ними, чтобъ воспрепятствовать имъ въ томъ, между тѣмъ, какъ противники кричали: «nie ma zgody!» (мы не согласны) и грозили протестовать противъ насилія. Среди этого волненія, Сухоржевскій, сильно суетившійся, былъ схваченъ и задержанъ. Многочисленные же зрители, вовсе не принадлежавшіе къ сейму, подняли нѣсколько разъ потрясавшій стѣны залы крикъ:

«да здравствуетъ новая конституція!» и выразили свою радость, что король и палата рѣшились принять ее. Король, ободренный этимъ, предлагаетъ краковскому епископу Турскому прочитать ему присягу, которую онъ охотно желаетъ принять. Повторивъ ее за нимъ, надъ Евангеліемъ, которое держалъ передъ нимъ епископъ смоленскій, онъ сказалъ: «Juravi Deo» (я поклялся Богу), я присягнулъ и не буду раскаяваться въ томъ ; иду въ церковь возблагодарить Бога за этотъ счастливый день и приглашаю всѣхъ, любящихъ отечество, послѣдовать за мною.» Съ этимъ словомъ, онъ всталъ съ своего мѣста. Друзья и поборники новой конституціи послѣдовали за нимъ, хотя Мельцынскій, земскій посолъ Познанскій, распростерся на полу передъ дверью, чтобъ воспрепятствовать ихъ выходу; всѣ стали шагать черезъ него и ранили его при этомъ до крови. Противники новой конституціи остались въ сеймовой залѣ. Литовскій сеймовый маршалъ Сапѣга, съ нѣкоторыхъ поръ оставленный патріотами безъ вниманія, колебался въ своихъ мнѣніяхъ и не хотѣлъ идти съ поборниками конституціи; но нѣсколько земскихъословъ подхватили его подъ руки и силой потащили въ церковь св. Іоанна, переполненную народомъ, потому что тамъ уже были собраны всѣ цѣхи съ своими знаменами и безчисленное множество народа. Между тѣмъ, какъ всѣ находившіеся тутъ земскіе послы и народъ, при чтеніи вслухъ присяги, держали два пальца поднятыми вверхъ, оба маршала громко произносили присягу; и Сапѣга также, но объявивъ прежде, что: «дѣлаетъ это только для того, чтобъ не отстать отъ своего сотоварища, которому имѣетъ обыкновеніе послѣдовать во всѣхъ важныхъ предметахъ, хотя конституція вовсе не кажется ему совершенною».

День уже склонялся къ вечеру и лишь слабымъ мерцаніемъ освѣщалъ еще древніе своды церкви св. Іоанна, когда въ этомъ священномъ мѣстѣ, между трофеями и памятниками древнихъ героевъ, ихъ предковъ, подъ возносившимися знаменами и значками цѣховъ и общинъ, король, епископы, сенаторы, министры и земскіе послы, окруженные густыми толпами тѣснившагося народа, произносили, съ поднятыми вверхъ указательными пальцами, присягу новой, спасительной, по ихъ мнѣнію, конституціи, и затѣмъ воспѣли хвалебную пѣснь св. Амвросія Медіоланскаго (Te Deum laudamus, Тебя Бога хвалимъ), которой вторили тысячи голосовъ, между тѣмъ, какъ снаружи гремѣли пушечные выстрѣлы и восклицанія собравшагося народа.

Между тѣмъ оставшіеся въ сеймовой залѣ противники новой конституціи (по однимъ отъ 10 до 15 человѣкъ, по другимъ око-

ло 50) ([28]) положили внести формальные протесты въ канцеляріи Варшавскаго града (суда) или ихъ воеводствъ, не заботясь о наказаніяхъ, которыми угрожалось въ новой конституціи. Изъ этого-то небольшаго зерна и должна была въ послѣдствіи произрасти бѣда.

По окончаніи Богослуженія, процессія воротилась въ сеймовую залу, и, послѣ сдѣланнаго распоряженія—привести къ присягѣ новой конституціи различныя депутаціи, собраніе разошлось. Горожане и цѣхи отправились на площадь саксонскаго дворца, гдѣ жилъ саксонскій посланникъ, чтобъ крикомъ niech żyie (да здравствуетъ)! выразить свою преданность новому наслѣднику престола, и затѣмъ еще къ домамъ сеймоваго маршала и другихъ любимыхъ лицъ. Послѣ 10 часовъ вечера все стихло, и знаменательный въ исторіи день кончился.

Къ приведенному выше разсказу, составленному по журналу сейма и другимъ свѣдѣніямъ, мы прибавляемъ еще нѣкоторыя дополнительныя черты изъ депешъ русскаго посланника:

Отъ 3-го мая. Вечеромъ. «Послѣдніе 4 дня здѣсь грозило совершиться необыкновенное произшествіе; его приготовляли къ четвергу (5-го мая), но привели въ исполненіе сегодня (во вторникъ). Я не знаю еще всѣхъ обстоятельствъ, ибо только-что кончается дѣло и перестаютъ стрѣлять ихъ пушекъ.

«При открытіи засѣданія, все вокругъ было переполнено народомъ, котораго считали до 20,000 человѣкъ. Читали депеши посланниковъ при иностранныхъ дворахъ, которыя однако были заготовлены здѣсь и заключали въ себѣ угрозы новаго раздѣла. Король объявилъ: если промедлить еще три дня, то Польша погибла; затѣмъ конституція была предложена и принята. Тогда онъ велѣлъ всѣмъ слѣдовать за нимъ въ церковь, гдѣ принесли присягу. Нѣкоторые изъ противниковъ были готовы обнажить сабли, но малѣйшая попытка подобнаго рода причинила бы большое кровопролитіе.—Въ проектѣ говорится: того, кто не присоединится къ нему, должно считать врагомъ отечества.—Около 50 сенаторовъ и земскихъ пословъ бросились въ канцеляріи, для составленія манифестовъ, но онѣ были заперты.—Не смотря на ночное время, жители толпами, съ знаменами и криками, проходятъ по улицамъ.—Какъ скоро узнаю больше, сообщу; сегодня всѣ еще внѣ себя.»

Отъ 7-го мая. Сообщивъ подробности принятыхъ мѣръ пред-

---

(28) Столько значится въ донесеніяхъ посланника.

осторожности, онъ продолжаетъ: «Планъ хранили въ большой тайнѣ; городское сословіе склонили на свою сторону льготами. Во вторникъ (3-го мая) рано утромъ король приказалъ извѣстить сенаторовъ и земскихъ пословъ, чтобъ они собрались у маршала Малаховскаго, гдѣ имъ дали подписать проектъ новой конституціи; однако многіе воспротивились, между ними Сапѣга.—Горожанамъ, для привлеченія ихъ, говорили, что въ палатѣ хотятъ обратно взять дарованныя имъ права. Вообще не пренебрегли ни ложью, ни обманомъ, чтобъ возбудить народъ. Депеши были заготовлены здѣсь и отправлены къ посланникамъ для подписи: раздѣлъ Польши, близость мира должны были напугать; боялись также скораго возвращенія земскихъ пословъ, отправившихся домой по случаю праздниковъ. Распространили слухъ, будто я истратилъ 60,000 червонцевъ на враждебныя цѣли. Я ни гроша не далъ на это, потому что предвидѣлъ исходъ.—Тронъ окружали генералы и офицеры, числомъ 200; даже камергеры опоясались саблями. Уланы, переодѣтые товарищами, не позволяли никому выходить; даже Браницкій, хотѣвшій выйти, былъ удержанъ.—Когда король пригласилъ послѣдовать за нимъ въ церковь, то Мельцынскій изъ Познани бросился передъ дверью на полъ и началъ кричать: но всѣ стали шагать черезъ него и при этомъ ранили его столь опасно, что кровь лилась у него изъ шеи. Кто только хотѣлъ сказать слово или дѣйствовать, былъ удерживаемъ стоявшими вокругъ.—Когда сеймоваго маршала Малаховскаго упрекали въ томъ, что онъ дѣйствуетъ противъ законовъ, конфедераціонныхъ актовъ и конституціи страны, онъ отвѣчалъ: *«нѣтъ болѣе ни сейма, ни конфедераціи, а есть только революція»*.—Къ этому шуму примѣшались зрители съ своими криками и угрозами. Войсками начальствовалъ и распоряжался племянникъ короля, Іосифъ Понятовскій (*).—Изъ земскихъ пословъ было въ этомъ собраніи не болѣе 100 человѣкъ, и когда король отправился въ церковь, то человѣкъ 50 оппонентовъ, сенаторовъ, министровъ и земскихъ пословъ, остались въ залѣ. Но тогда чернь начала тутъ безчинствовать.

Великій канцлеръ Малаховскій возвратилъ королю государственную печать и удалился въ свои помѣстья; тоже самое сдѣлали и многіе земскіе послы; Сухоржевскій отослалъ назадъ орденъ св. Станислава, только за четыре недѣли передъ тѣмъ полученный имъ. Въ тотъ же день сеймовый маршалъ Малаховскій собралъ консти-

---

(*) Въ послѣдствіи столь извѣстный, французской арміи дивизіонный генералъ, корпусный командиръ и наконецъ, подъ Лейпцигомъ, кратковременный маршалъ Франціи.

туціонную депутацію и настаивалъ, чтобъ она подписала новую конституцію. Предсѣдатель ея, епископъ Коссаковскій отвѣчалъ: «Члены депутаціи были обязаны поклясться, что не будутъ подписывать никакого закона прежде, нежели онъ не будетъ принятъ единогласно или большинствомъ голосовъ; но тутъ не было ни turnus (круговаго голосованія), ни единогласія, и потому они не могутъ подписать.» — Безпокойство зачинщиковъ продолжалось и въ четверговомъ засѣданіи (5-го мая), которое происходило при тѣхъ же толпахъ народа и вооруженныхъ людей, что̀ и во вторникъ. Малаховскій заявилъ о затрудненіяхъ, сдѣланныхъ депутаціей, и затѣмъ палата разрѣшила ее отъ прежней присяги и приказала подписать, что̀ и было исполнено.

«Изъ всего предъидущаго вы усмотрите, что всякое противодѣйствіе было невозможно, если кто не хотѣлъ быть изрубленнымъ или разтерзаннымъ на куски толпою.—Молодежъ въ восторгѣ; она думаетъ, что все кончено и Польша будетъ теперь великою и могущественною.»

Отъ 11 мая. «Здѣсь надѣятся, что Россія оставитъ новую конституцію неприкосновенною, говорятъ, что престолонаслѣдіе можно вѣдь передать одному изъ великихъ князей и т. д.—Короля я видѣлъ два раза. Онъ давно уже не говоритъ со мною о дѣлахъ, и теперь также; но другимъ онъ сказалъ: «Россія будетъ всѣмъ довольна,» — и выразилъ свои мысли о заключеніи союза съ ней.—Въ день его тезоименитства (8 мая) произошелъ небольшой случай, который однако боязливые умы принимаютъ за дурное предзнаменованіе: когда сенатъ, министры и земскіе послы вошли поздравить короля, онъ сидѣлъ на тронѣ (тоже нѣчто новое) и когда всталъ, то поскользнулся и съ такой силой упалъ на спину, что бумаги вылетѣли у него изъ-за пазухи и онъ на минуту потерялъ сознаніе. Прійдя въ себя и поднявшись, онъ сказалъ: «тоже самое случилось и съ папою Ганганелли!»

Что же такое была эта пресловутая конституція? Соотвѣтствовала-ли она дѣйствительно всѣмъ требованіямъ?—Далеко нѣтъ! Она была довольно безпорядочное произведеніе, безъ всякой логики, исполненное противорѣчій и старопольскихъ предразсудковъ, мѣстами разукрашенное разноцвѣтными лоскутками ([29]) изъ чужихъ консти-

(29) Assuitur pannus unus et alter, late qui splendeat!

туцій, которые должны были придать ему блеску, но только обличали ту ткань, отъ которой были отрѣзаны. Въ отношеніяхъ различныхъ сословій и властей другъ къ другу въ сущности ничего не было измѣнено. Но какъ нѣкоторыя дѣйствительныя злоупотребленія были устранены новою конституціей, такъ какъ ее пріубрали модными фразами, ошибки и недостатки ея скрыли подъ наборомъ словъ, то молодежью страны, мало размышлявшею и думавшею видѣть въ ней рецептъ будущаго величія Польши, она была встрѣчена съ повелительнымъ одобреніемъ, а за-границей — одобрительнымъ киваніемъ головы. Разсмотримъ ее ближе.

I. О религіи. «Мы обязаны ([30]) доставить всѣмъ людямъ, какого бы исповѣданія они ни были, спокойное пребываніе въ немъ и покровительство правительства.» —Но двумя строками выше говорится: «кто изъ римско-католическаго вѣроисповѣданія переходитъ къ какому-либо иному, тотъ подвергается наказанію за вѣроотступничество.» —Слѣдовательно не было полной свободы вѣроисповѣданія.

II. Дворянство. Всѣ возможныя права и преимущества, вольности, званія и владѣнія утверждаются и упрочиваются за нимъ «изъ уваженія къ предкамъ;» — когда $^{7}/_{8}$ націи отдаются на ихъ произволъ, какъ крѣпостные люди, то это дѣлается «изъ уваженія къ учредителямъ свободнаго правленія.»—«Равенство, собственность и личная безопасность обезпечиваются каждому;»—на бумагѣ, потому что въ дѣйствительности они нигдѣ не были менѣе надежны, чѣмъ въ Польшѣ; кто имѣлъ деньги и силу, могъ себѣ все позволять.

III. Городское сословіе. Законъ о городахъ или о городскомъ сословіи утверждается;—мы знаемъ его; онъ имѣлъ цѣлью не дать возникнуть городскому сословію.

IV. Крестьяне. Пустыя, напыщенныя слова. Послѣ пышнаго вступленія, что «сельское сословіе есть плодотворнѣйшій источникъ богатства всякой страны, составляетъ многочисленнѣйшую часть націи и могущественнѣйшую защиту государства,» ожидаешь, разумѣется, дарованія ему большихъ льготъ и правъ. Не угодно-ли выслушать: «Всѣ вольности, льготы и уговоры, въ отношеніи которыхъ помѣщики вступили въ законное соглашеніе съ крестьянами своихъ помѣстій, должны возлагать общія или обоюдныя обязательства» (мы сокращаемъ здѣсь наборъ словъ).—«Такого рода уго-

---

(30) Во всѣхъ цитатахъ мы слѣдуемъ главному сочиненію объ этомъ, о происхожденіи и паденіи польской конституціи 3-го мая, переведенному великимъ знатокомъ польскаго языка Линде. I, стр. 200 и др.

воры, *добровольно* взятые на себя землевладѣльцемъ, съ проистекающими изъ нихъ обязательствами, должны обязывать его и наслѣдниковъ его ничего не смѣть произвольно измѣнять въ нихъ.»— Кромѣ повторенія, что̀ заключаютъ въ себѣ обѣ эти фразы, какъ не то, что контракты должны быть контрактами, кто заключаетъ обязательства въ формѣ контрактовъ, тотъ долженъ соблюдать ихъ. Вся трудность—въ словѣ *добровольно*. Многіе-ли изъ этихъ землевладѣльцевъ, привыкшихъ къ произвольнымъ поступкамъ, свяжутъ себя обязательствами! Слѣдовательно и тутъ, не смотря на всѣ звучныя фразы, все осталось по старому.

V. Правленіе. Удивительные выводы! «Всякая власть въ человѣческомъ обществѣ проистекаетъ отъ воли націи» (французская фраза о верховной власти народа!). Какой же изъ этого сдѣланъ выводъ?—Что польское правительство должно состоять изъ трехъ властей, законодательной, исполнительной и судебной (народъ имѣетъ верховную власть, слѣдовательно — должны быть три власти!);—и эти власти должны быть для того, чтобы, кромѣ гражданскихъ свободы и порядка, навсегда обезпечить также и неприкосновенность владѣній республики.» — Оттого, что три власти въ государствѣ, неприкосновенность владѣній навсегда обезпечена! (Въ Польшѣ это обезпеченіе не продолжалось и двухъ лѣтъ).

VI. Государственный сеймъ. Двѣ палаты: *сенатъ* и *палата депутатовъ*. — Послѣдняя должна быть «святилищемъ законодательства,» и въ ней должны рѣшаться всѣ проекты, политическіе, гражданскіе и уголовные законы, налоги, государственные займы, расходы, война и миръ, и заключеніе всякихъ трактатовъ и дипломатическихъ актовъ. — Правительство имѣетъ иниціативу, но не исключительно. Сенатъ имѣетъ право на отсрочивающее veto до слѣдующаго государственнаго сейма, на которомъ вновь утвержденное депутатами рѣшеніе содѣлается закономъ; иначе онъ голосуетъ вмѣстѣ съ депутатами по большинству голосовъ.

Вездѣ должно̀ рѣшать большинство голосовъ, а liberum veto, равно какъ конфедераціи и конфедераціонные сеймы отмѣняются.— Обыкновенный государственный сеймъ собирается каждые два года.— Каждые 25 лѣтъ конституція должна быть пересмотрѣна и исправлена на чрезвычайномъ сеймѣ.—Никакой, изданный на сеймѣ законъ не можетъ на томъ же сеймѣ быть взятъ обратно. (Но если онъ явно вреденъ и былъ изданъ помощію поспѣшности и внезапности? И все-таки его должно свято соблюдать въ продолженіе двухъ лѣтъ!)

VII. *Король—власть исполнительная.* Исполнительная власть

должна принадлежать королю и его государственному совѣту, а послѣдній—именоваться «стражемъ закона» (straż).—Она можетъ вести переговоры, но не заключать трактатовъ или дипломатическихъ актовъ.

Король неотвѣтственъ; все дѣлается его именемъ, онъ имѣетъ право помилованія, исключая государственныхъ преступленій.

Онъ имѣетъ верховную власть надъ войскомъ, а также право назначенія предводителей и офицеровъ, и равнымъ образомъ епископовъ, сенаторовъ, министровъ.—Въ государственномъ совѣтѣ мнѣніе его рѣшаетъ вопросы; но чтобъ быть дѣйствитетьнымъ, оно должно быть скрѣплено однимъ изъ министровъ.

Стражъ или совѣтъ министровъ состоитъ изъ *примаса*, имѣющаго въ своемъ вѣдѣніи учебно-воспитательную коммиссію, и *пяти министровъ*: полиціи, юстиціи, военнаго, казначейства и иностранныхъ дѣлъ,—съ двумя при немъ секретарями безъ голоса.—Министры отвѣтственны предъ депутаціей, назначенной для повѣрки (контролированія) ихъ дѣйствій, и судятся сеймовыми судами. Для лучшаго приведенія въ дѣйствіе ихъ исполнительной власти, имъ придаются въ помощь четыре коммиссіи: 1) учебно-воспитательная, 2) полиціи, 3) военная и 4) государственнаго казначейства, члены которыхъ избираются сеймомъ.

Послѣ нынѣ царствующаго короля престолъ долженъ наслѣдовать *курфирстъ саксонскій* съ своимъ мужскимъ потомствомъ; если же онъ останется безъ наслѣдниковъ мужскаго поколѣнія, то новая династія должна начаться съ избраннаго для его дочери супруга. Каждый новый король долженъ присягнуть конституціи и pacta conventa, имѣющимъ быть заключенными съ курфирстомъ саксонскимъ.

VIII. *Судебная власть.* Поименованы разнаго рода суды, для которыхъ судьи должны быть вновь избираемы на провинціальныхъ сеймахъ каждые два года.—Верховнымъ судомъ есть судъ государственнаго сейма, избирающаго каждый разъ членовъ въ оный.

IX. *Несовершеннолѣтіе.* Въ этомъ случаѣ королева съ министрами должна принимать на себя регентство.

X. *Воспитаніе королевскихъ дѣтей.* Учебно-воспитательная коммиссія предлагаетъ планъ онаго, а государственный сеймъ—воспитателя.

XI. *Вооруженная сила.* Она присягаетъ королю и конституціи, и можетъ быть употребляема не только извнѣ, но и внутри для поддержанія силы закона.

И такъ, каковъ же былъ конечный результатъ? Какъ относилось это вновь утвержденное учрежденіе къ предшествовавшимъ, равно и къ основнымъ началамъ теоріи? Каково было взаимное отношеніе властей между собою и что̀ выиграли сословія? Отвѣтъ на это коротокъ: изъ *сословій*, *дворянство* выиграло подтвержденіе всѣхъ своихъ преимуществъ, *городское сословіе*—только право быть возводиму въ дворянство, *крестьянское сословіе*—только одни слова.—Что касается *властей*, то палата депутатовъ или земскихъ пословъ сохранила всю власть, не только законодательную, но и верховную, рѣшавшую въ послѣдней инстанціи;—король увеличилъ свою власть лишь незначительно, а сенатъ—нисколько;—судебная власть осталась такою же испорченною, какою была прежде, такъ какъ представителями своими получила не независимыхъ, свѣдущихъ въ законахъ исполнителей, но избираемыхъ каждые два года, напрашивавшихся интригантовъ, либо людей, доступныхъ всякому подкупу, либо инымъ чѣмъ зависимыхъ.

Въ отношеніи къ предшествовавшимъ конституціямъ, новая имѣла то преимущество, что отмѣнила три большіе недостатка, о которыхъ было много говорено: *избирательное престолонаслѣдіе*, *единогласіе рѣшеній* и *конфедерацiи*. Четвертое зло, *независимость министровъ*, было уже уничтожено прежде учрежденіемъ коммиссій, а позже—департаментовъ въ постоянномъ совѣтѣ. Это обстоятельство и модныя фразы о верховной власти народа, о представительномъ правленіи, объ уравновѣшеніи властей и о двухъ палатахъ пріобрѣли конституціи 3-го мая у людей, судившихъ поверхностно, большую хвалу, собственно мало заслуженную ею. Устранивъ нѣкоторые недостатки, она сохранила болѣе важные. Правленіе не было представительнымъ, потому что представителей имѣло только одно сословіе, а оба другія были отданы на его произволъ. Столь же мало были уравновѣшены и власти: палата депутатовъ присвоила всѣ ихъ себѣ и предоставила исполнительной власти (королю и министрамъ) только то, чего не могла дѣлать сама, да и это подъ большою отвѣтственностью. Двѣ палаты были собственно *одною*, такъ какъ во всѣхъ важныхъ случаяхъ сенатъ и депутаты голосовали вмѣстѣ, слѣдовательно рѣшало большинство послѣднихъ.—А впрочемъ все почти осталось по старому.

Истинный смыслъ британской конституціи не былъ постигнутъ, какъ позже случилось и съ другими народами: онъ заключается въ отношеніи королевской власти къ прочимъ властямъ. При всѣхъ, столь разнообразныхъ формахъ правленія въ древнія времена, кам-

немъ преткновенія и поводомъ паденія всегда служило столкновеніе властей между собой. Англійская конституція предупреждаетъ это зло тѣмъ, что не вмѣшиваетъ королевскую власть въ механизмъ прочихъ властей, но ставитъ ее выше ихъ, какъ власть умѣряющую, согласующую, улучшающую, и помощію ея охраняетъ правильный ходъ прочихъ. Если законодательная палата выходитъ изъ предѣловъ своихъ правъ, король распускаетъ ее и велитъ избрать другую; если министры, или власть исполнительная, преступаютъ свои права, король увольняетъ ихъ; если судьи судятъ слишкомъ строго, слишкомъ по буквѣ закона, король смягчаетъ ихъ приговоры своимъ правомъ помилованія. Такимъ образомъ король возвышается надъ всѣми тремя властями, не будучи ни одною изъ нихъ; имѣетъ право давать имъ правильное направленіе и сохранять ихъ въ ономъ, безъ всякаго вліянія на него или вреда для него самаго со стороны взаимныхъ столкновеній ихъ. Онъ вдохновляетъ ихъ всѣхъ въ послѣдней инстанціи, но не составляетъ части ихъ; онъ господствуетъ какъ разумъ надъ споромъ ума и страстей, и остается въ вѣчной ясности внѣ области ихъ борьбы.

Ничего этого не было въ Польшѣ. Высшую, рѣшающую власть имѣла палата депутатовъ; король съ своими министрами былъ только подчиненнымъ исполнителемъ. Собственною властію онъ почти ничего не могъ сдѣлать, а могъ только дѣйствовать подъ надзоромъ палаты депутатовъ; еще менѣе имѣлъ онъ право дѣйствовать *противъ* этой палаты. Если она преступала свои права, позволяла себѣ произвольныя, противозаконныя дѣйствія, шла ложнымъ путемъ, король не могъ распустить ее, но долженъ былъ слѣдовать за потокомъ.—Онъ имѣлъ, конечно, право назначать и увольнять министровъ, но и въ этомъ онъ зависѣлъ отъ партій въ палатахъ, и долженъ былъ избирать министровъ изъ тѣхъ лицъ, которыхъ онѣ указывали ему. Онъ имѣлъ право помилованія; но именно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно всего нужнѣе, гдѣ страсть болѣе всего искажаетъ приговоры судей, при политическихъ преступленіяхъ, онъ былъ лишенъ этого права. При веденіи переговоровъ и заключеніи трактатовъ съ иностранными державами, въ вопросахъ о войнѣ и мирѣ, гдѣ такъ необходимы единство, послѣдовательность и тайна, онъ не могъ рѣшать ничего: все это зависѣло отъ совѣщаній и постановленій палатъ, гдѣ часто одно лукаво вставленное рѣченіе (какъ напр. о неприкосновенности владѣній, отчуждившее Пруссію) или недостаточное знаніе обстоятельствъ, торопливость, страстное увлеченіе могли уничтожать лучшія соображенія и давать имъ пагубныя направленія. Палаты пред-

ставляютъ собою стремящіяся врознь людскія страсти; а гдѣ разумъ не смѣетъ согласить ихъ и дать имъ правильный ходъ, но самъ долженъ послѣдовать имъ, тамъ не спасеніе, а погибель.

Наконецъ, выборъ безсильнаго государя былъ также ошибкой. Напротивъ, еслибы Поляки выбрали принца одной изъ трехъ, окружавшихъ ихъ, великихъ державъ, то расторгли бы соединеніе ихъ и пріобрѣли бы себѣ въ предпочтенной державѣ союзника, заинтересованнаго въ ихъ благоденствіи.

Противъ всего этого остается, конечно, возразить, что при существовавшихъ въ это время препятствіяхъ ничего больше нельзя было сдѣлать;—и это правда; сколько неблагородныхъ средствъ нужно было употребить, чтобъ привести въ исполненіе даже ту малость, которая была сдѣлана. Но виною въ этомъ былъ болѣе самъ народъ, нежели иностранныя державы, ни въ чемъ не препятствовавшія ему. Мы уже выше упоминали о повелѣніи, данномъ русскому посланнику, держать себя поодаль и никакъ не вмѣшиваться во внутреннія дѣла Польши. Точно такъ же поступала Австрія, и Пруссія въ этомъ даже поощряла ее. Слѣдовательно, съ этой стороны имъ не было никакихъ преградъ: оставалось только преодолѣть ихъ склонность къ раздорамъ и своеволію, (31) никогда не хотѣвшую уступить чужому убѣжденію и, при большомъ невѣжествѣ, всегда однако выказывавшую въ тоже время величайшее упорство. Въ такихъ обстоятельствахъ новая конституція, устранившая многіе недостатки прежнихъ, была, конечно, большимъ шагомъ впередъ и могла бы удержаться нѣсколько времени, еслибы со стороны Поляковъ не было передъ тѣмъ столькихъ поступковъ, раздражавшихъ и вызывавшихъ ихъ сосѣдей, хотя всякій, знавшій характеръ и упадокъ нравственности господствовавшей части націи, предвидѣлъ, что и безъ вмѣшательства иностранцевъ, внутреннія смуты и кровавыя распри скоро приготовятъ новымъ государственнымъ учрежденіямъ упадокъ или и конецъ. Зародыши смерти, въ слѣдствіе продолжительной анархіи, были уже слишкомъ развиты въ сердцѣ націи (т. е. въ дворянствѣ; ибо собственно ядро народа, крестьянское сословіе, было здорово, хотя и грубо), для того, чтобы Польша, при тѣхъ обстоятельствахъ, ко-

---

(31) Или, какъ говорятъ коллонтаисты и повторяющіе ихъ слова, «русскіе партизаны», не размысливъ, что они не оправдываютъ этимъ націю, по скорѣе поносятъ ее, тѣмъ, что она допустила руководить собою и властвовать надъ нею небольшому числу людей чужемысленныхъ или чужеземныхъ (смотря потому, какъ понимать это многознаменательное выраженіе). Но это было лишь Польское «Питтъ и Кобургъ» французскихъ якобинцевъ.

торыя сложились всюду вокругъ нея, могла долго просуществовать какъ самостоятельная держава. Когда настанетъ роковой часъ, никакое средство не можетъ болѣе пособить! (32)

Между тѣмъ, какъ Поляки совершали свою революцію и затѣмъ снова впали въ старое дѣловое бездѣйствіе (33), не безъ нѣкотораго непріятнаго чувства неизвѣстности, страха и надежды касательно того, что вскорѣ произойдетъ, такъ какъ они, будучи въ отношеніи къ Пруссіи въ напряженномъ, а къ Россіи — во враждебномъ положеніи, отъ обѣихъ, въ сознаніи собственной вины, ожидали не много хорошаго, — въ мысляхъ и политикѣ европейскихъ владыкъ произошелъ полный переворотъ. Выступавшая изъ всѣхъ предѣловъ французская революція сблизила между собою разъединенныхъ. Декламаціи якобинцевъ, бѣгство короля, фанатизмъ апостоловъ свободы, броженіе умовъ во всѣхъ странахъ, наконецъ склоненіе среднихъ классовъ въ пользу возмутительныхъ идей свободы новыхъ Франковъ, исполнили государей тревогъ, и даже тѣхъ, которые прежде благопріятствовали стремленіямъ Поляковъ, отвратили отъ ихъ дѣла, которое ставилось на уровень съ дѣломъ Французовъ. Такова была реакція духа времени, такъ на Вислѣ было ощущено отраженіе событій на Сенѣ и заблужденіями французской революціи нанесенъ вредъ лучшимъ направленіямъ польской, на которую теперь также начали смотрѣть недовѣрчивымъ окомъ. На обѣ революціи имѣли большое вліяніе творенія французскихъ философовъ (34);

---

(32) Кто хочетъ удостовѣриться, какъ глубоко упали характеръ и нравы, того мы отсылаемъ къ современнымъ наблюдателямъ, которые болѣе прочихъ вникли въ нихъ, какъ напримѣръ Фридриху II, Вотрено (Vautrin), Мегэ (Méhée) (противъ обоихъ послѣднихъ, конечно, сильно кричали Поляки, чувствовавшіе себя обиженными ими) и особенно къ беззаботному, но рѣзкому и вѣрному наблюдателю Фридриху Шульцу, который находился въ Варшавѣ именно во время длиннаго сейма. Въ чужихъ краяхъ, обманутыхъ криками Поляковъ и мнимою, сдѣланною имъ несправедливостью, не досмотрѣли, что послѣдніе сами были настоящими, а иностранцы только случайными орудіями ихъ паденія. Двѣнадцать милліоновъ людей, находящихся въ здравомъ состояніи, не вычеркиваютъ по произволу изъ карты.

(33) Такъ сеймъ, въ эти минуты крайнихъ обстоятельствъ, многіе мѣсяцы занимался порядкомъ дѣлопроизводства стража и коммиссій, которыя имѣли быть присоединены къ нему.

(34) Руссо и Мабли уже во времена Барской конфедераціи написали, для поученія Поляковъ, собственныя разсужденія о средствахъ, какими помочь ихъ народу.

обѣ были совершены образованнѣйшими сословіями каждой страны; разница состояла только въ томъ, что образованнѣйшее сословіе во Франціи было городское (bourgeoisie), а въ Польшѣ—дворянство, поэтому революція вышла тамъ болѣе демократическою, а здѣсь болѣе аристократическою. Однако польской принадлежитъ безконечное преимущество передъ французскою. Между тѣмъ какъ послѣдняя опрокинула все безъ различія, первая продолжала созидать на существующемъ, улучшила лишь его недостатки и заставляла надѣяться и на другія еще улучшенія. Но дни ея уже были сочтены!

Фридрихъ-Вильгельмъ прусскій, столько разъ поджигавшій Поляковъ, все болѣе и болѣе отвращался отъ нихъ и обращалъ свои взоры на Францію. Весною 1791 г. онъ послалъ своего повѣреннаго, полковника Бишофсвердера, съ предложеніями къ императору Леопольду, который въ это время путешествовалъ по Италіи и 20 мая имѣлъ въ Мантуѣ свиданіе съ графомъ Артуа, при чемъ, кромѣ Бишофсвердера, находились также лордъ Эльджинъ изъ Лондона и графъ Дюрфоръ, съ жалобами и тайными порученіями отъ Людовика XVI, изъ Парижа. Графъ Артуа и сопровождавшій его Калоннъ побуждали къ войнѣ, однако миролюбивый Леопольдъ желалъ иными средствами пособить своему несчастному зятю. Онъ адресовалъ 6-го іюля 1791 г. изъ Падуи циркулярную ноту къ главнымъ державамъ, въ которой приглашалъ ихъ къ соединенію по поводу французскихъ обстоятельствъ. Однако, кромѣ воинственнаго короля шведскаго и короля Фридриха-Вильгельма прусскаго, прочія державы оказали себя довольно равнодушными къ содѣйствію. Напротивъ Фридрихъ-Вильгельмъ, устремивъ взоры частію на Польшу, частію на Францію, заключилъ съ Леопольдомъ 25-го іюля 1791 г. предварительный договоръ, котораго три главныя условія были слѣдующія ([35]):

1) Обѣ стороны хотятъ стараться о приведеніи въ дѣйствіе соединенія главныхъ европейскихъ державъ по поводу французскихъ обстоятельствъ.

2) Онѣ обоюдно обѣщаютъ себѣ помощь и содѣйствіе, въ случаѣ нарушенія внутренняго спокойствія одной изъ участвующихъ державъ.

3) Онѣ хотятъ пригласить русскую императрицу, обще съ прочими державами, постановить: что державы эти не хотятъ предпринимать ничего для измѣненія цѣлости или сохранности свободной кон-

---

(35) Приводя эти условія, мы слѣдуемъ архивнымъ свѣдѣніямъ. У Мартенса V, 5 и Шёлля I, 524 они изложены нѣсколько иначе.

ституціи въ Польшѣ; что *онъ не хотятъ стараться о возведеніи принца своего дома на польскій престолъ*, будетъ ли то посредствомъ бракосочетанія съ юною принцессою саксонскою, либо въ случаѣ новаго выбора; наконецъ, что онѣ никогда не хотятъ положительно и иначе употребить въ дѣйствіе свое вліяніе на выборъ республики въ пользу другаго принца, какъ только съ общаго между собою соглашенія.

Изъ этого видно, что о раздробленіи Польши тогда еще вовсе не было рѣчи. Этотъ достовѣрный трактатъ достаточно опровергаетъ также мнимый трактатъ 6-го іюля 1791 г. въ *Павіи* ([36]), въ которомъ ни о чемъ болѣе не говорится, какъ только о вознагражденіяхъ и раздѣлахъ, но который, для каждаго знающаго обстоятельства времени, носитъ на себѣ печать *неподлинности*, потому что мысли, возникшія отчасти позже, относитъ къ болѣе раннему періоду, въ который онѣ еще были невозможны.

Фридрихъ-Вильгельмъ, дабы, при измѣнившихся обстоятельствахъ, снова сблизиться съ Россіей, которая, какъ ему извѣстно было, чуждалась его, и возстановить прежнія дружественныя отношенія къ ней, воспользовался для этого французскими дѣлами и приказалъ своему посланнику графу Гольцу вручить 15-го августа 1791 г. въ Петербургѣ слѣдующую ноту: «Австрійскій посланникъ князь Рейсскій представилъ королю въ особенной аудіенціи письмо своего императора относительно французскихъ обстоятельствъ и въ тоже время депешу канцлера князя Кауница отъ 17-го іюля 1791 г., въ которой изложены предложенія императорскаго двора о соединеніи главныхъ европейскихъ державъ въ виду положенія и обстоятельствъ Франціи.

«Король призналъ причины вмѣшательства въ дѣла Франціи справедливыми и приличными, такъ какъ духъ дерзости и непокорности грозитъ заразительно распространиться оттуда,—и онъ весьма расположенъ принять дѣятельное участіе въ мѣрахъ державъ по этому предмету, какъ только переговоры въ Шистовѣ и Петербургѣ о мирѣ съ Портою будутъ окончены.

«Первымъ шагомъ долженствовала бы быть совокупная декларація державъ въ Парижѣ, но на случай, еслибъ она была отвергнута, ее нужно было бы подкрѣпить достаточною вооруженною силою.

---

(36) У Мартенса (на основаніи Collection of state papers) V, 5 и у Шёлля I, 522.

Поэтому слѣдовало бы заранѣе согласиться касательно числа и употребленія вооруженныхъ силъ.

«Тутъ возникаютъ три вопроса: 1) какія были бы сообразнѣйшія съ цѣлію мѣры? 2) Можно-ли предаваться видамъ увеличенія владѣній? 3) Какую форму правленія дать Франціи?

«На 1): Достигнуть цѣли можно было бы только насильственными мѣрами.— На 2): Особенные виды увеличенія владѣній повредили бы общей цѣли, поэтому всѣ державы должны были бы дать положительныя и одинаковаго содержанія объясненія. — На 3): Тутъ слѣдуетъ ожидать различныхъ, значительно расходящихся между собою мнѣній. Мнѣніе короля было бы слѣдующее: дабы не слишкомъ затруднить дѣла и не подвергнуть себя непреодолимому сопротивленію, слѣдовало бы сохранить составленную уполномоченными націи и присягой короля утвержденную конституцію, усиливъ только уваженіе къ королевской власти, дабы она болѣе соотвѣтствовала существенной формѣ монархіи. — Однако это нужно было бы еще сообразить съ обстоятельствами и общественнымъ мнѣніемъ» ([37]).

Затѣмъ 25—27 августа 1791 г. произошло знаменитое свиданіе императора Леопольда и короля Фридриха-Вильгельма, съ ихъ наслѣдниками престоловъ, въ *Пильницѣ*. И графъ Артуа, который усиленно хлопоталъ о томъ, чтобы подвигнуть державы къ вмѣшательству въ дѣла Франціи, вѣрный помощникъ его Калоннъ, принцъ Нассаускій и особенно-призванный генералъ Булье (Bouillé) также явились туда.—27 августа оба союзника обнародовали объявленіе: «что хотятъ употребить дѣйствительнѣйшія мѣры для того, чтобы поставить короля французскаго въ состояніе съ полною свободой начертать основанія такого монархическаго правленія во Франціи, которое лучше всего соотвѣтствовало бы правамъ короля и благу французской націи. «Со стороны французскаго принца въ это, впрочемъ мирное, объявленіе, съумѣли въ заключеніи ввернуть еще угрозу: «что для достиженія этой общей цѣли союзники будутъ держать въ готовности потребныя войска, дабы затѣмъ имѣть возможность дѣйствовать.»— О польскихъ дѣлахъ тутъ ничего не было постановлено, а вѣроятно утверждено только рѣшенное въ Вѣнѣ. «Курфирстъ Саксонскій, возразилъ одинъ изъ государей принцу Нассаускому, хочетъ принять

(37) Мы приводимъ эту ноту на основаніи архивныхъ источниковъ, но очистивъ ее отъ дипломатическаго набора словъ и выраженій, дабы тогдашніе виды государей, столько искаженные, изобразить согласно съ ихъ собственными, довѣренными объявленіями.

предложенія польскаго сейма только на тотъ случай, если всѣ три двора будутъ на то согласны; кромѣ того, онъ недоволенъ, что ему хотятъ связать руки въ отношеніи бракосочетанія его дочери» ([38]).

Позже, когда Людовикъ XVI 14-го сентября утвердилъ новую французскую конституцію, императоръ Леопольдъ объявилъ: «Король французскій кажется свободнымъ, поэтому утвержденіе имъ конституціи можно считать добровольнымъ.»—Однако Швеція, Россія и Испанія не хотѣли признавать короля свободнымъ и поддерживали принцевъ въ ихъ протестахъ.

Таково было положеніе европейскихъ дѣлъ въ концѣ 1791 года, а чтобы представить также и обозрѣніе польскихъ дѣлъ до этого же времени, здѣсь могутъ послужить нѣкоторыя извлеченія изъ донесеній посланника Булгакова. Штакельбергъ уже болѣе года не былъ посланникомъ въ Польшѣ. Постоянно чернимый Браницкимъ передъ Потемкинымъ, онъ уже давно не пользовался милостію, а подъ конецъ еще раздражилъ щекотливость императрицы тѣмъ, что, разсматривая въ Варшавѣ дѣла съ своей односторонней точки зрѣнія, настоятельно склонялъ къ миру, какъ будто онъ зависѣлъ отъ одной императрицы;—въ одномъ позднѣйшемъ донесеніи (отъ 6-го февраля 1790 г.) онъ даже прямо сказалъ: «Миръ необходимъ и находится въ рукахъ Потемкина.» — Послѣдній былъ въ то время въ Петербургѣ; шесть недѣль спустя Штакельбергъ былъ отозванъ. Въ нотѣ вице-канцлеру по этому случаю государыня выразилась такъ: «Онъ ничего не сдѣлалъ изъ того, что̀ ему было приказано, и сдѣлалъ все, что̀ ему было запрещено; кромѣ того онъ все разумѣетъ гораздо лучше всѣхъ насъ.» ([39]) Булгаковъ, любимецъ Потемкина, прибылъ въ Варшаву въ августѣ 1790 года.

Булгаковъ отъ 15 іюля 1791. «Во всякой другой странѣ такая перемѣна (новая конституція) скоро пустила бы корни. Но въ Польшѣ, гдѣ нѣтъ ни твердости, ни силы, ни единодушія, гдѣ многіе недовольны ею и однако не смѣютъ ни слова вымолвить противъ нея, гдѣ, наконецъ, все зависитъ отъ посторонникъ вліяній, теперь колеблятся даже сами зачинщики революціи, разсчитывавшіе на содѣйствіе Пруссіи, на политическую поддержку Саксоніи, на про-

---

(38) Комаржевскій, стр. 215.

(39) «Il n'a rien fait de ce qu'on lui a ordonné, et il a fait tout ce qui lui était défendu; outre cela il entend tout infiniment mieux que nous autres.»

должавшуюся войну и на другія обстоятельства, какія обыкновенно производитъ время, и уже не знаютъ болѣе, что имъ дѣлать для того, чтобы созданію своему дать болѣе прочности. Предвидѣніе скораго мира мучитъ ихъ, ибо они заранѣе предполагаютъ, что сосѣди ихъ, развязавъ себѣ руки, снова займутся ими, въ какомъ случаѣ области, которыя теперь не смѣютъ возвысить ни головы, ни голоса, выскажутъ свое правдивое мнѣніе, а оно, статься можетъ, будетъ не совсѣмъ-то въ пользу наслѣдственности и усиленія королевской власти.»

Отъ 17 сентября 1791. «Получивъ отъ князя Репнина увѣдомленіе о заключеніи предварительныхъ условій мира (съ Портой), я счелъ нужнымъ прежде всего сообщить оныя королю, дабы видѣть, какое впечатлѣніе произведетъ на него это неожиданное извѣстіе. Дѣйствительно, онъ смутился и въ первую минуту изумленія сказалъ: «Какъ я счастливъ, что до сихъ поръ могъ сдерживать здѣшнія насильственныя стремленія.» Затѣмъ онъ спросилъ меня объ условіяхъ мира; я отвѣчалъ: «Мнѣ извѣстно только назначеніе новой границы, которою долженъ служить Днѣстръ, какъ Ея Императорское Величество сначала того желала и требовала; впрочемъ всякому извѣстна готовность Ея Величества содѣйствовать всѣмъ своимъ друзьямъ и союзникамъ.»—Онъ понялъ смыслъ моихъ словъ и сказалъ: «Онъ всегда былъ, есть и будетъ преданъ Ея Императорскому Величеству.»—Два раза настоятельно просилъ онъ меня довести это до свѣдѣнія Ея Величества.

«Новый порядокъ никому такъ не противенъ, какъ королю прусскому; поэтому ему невозможно поддерживать оный.—Недостатокъ въ деньгахъ вынуждаетъ Поляковъ прибѣгать къ налогамъ; налоги раскрываютъ глаза областямъ, такъ какъ онѣ и безъ того уже вздыхаютъ, что съ окончаніемъ войны прекратятся и тѣ большія выгоды, которыя онѣ получали отъ продажи своего хлѣба, и увѣряютъ, что не въ состояніи платить новыхъ налоговъ.»

Отъ 11 октября 1791. »Я открываю здѣсь новые планы. Поступки курфирста саксонскаго показываютъ, что онъ не приметъ польской короны безъ согласія В. И. В. и безъ нѣкоторыхъ измѣненій въ новой конституціи. Сколько мнѣ извѣстно, король извѣщенъ о томъ самимъ курфирстомъ и медлитъ только для выиграния времени. Это очень озабочиваетъ его, и чтобъ устранить всѣ препятствія, онъ придумалъ новый планъ и ведетъ переговоры, только не черезъ министровъ, а черезъ частныхъ лицъ, съ императоромъ и прусскимъ королемъ о томъ, чтобъ они совмѣстно уговорили курфирста

выдать свою дочь за принца Станислава Понятовскаго, племянника короля. Дѣло это ведется черезъ извѣстнаго аббата Піатоли.—По другому плану, въ случаѣ, если вступятъ иностранныя войска, хотятъ провозгласить освобожденіе крестьянъ и призвать всю націю къ оружію.

«Броженіе умовъ продолжается и, не смотря на угрозы короля и Потоцкихъ, не проходитъ дня, чтобъ на сеймѣ не было нападокъ на новую конституцію.»

Отъ 23-го ноября 1791. «Послѣ тайнаго совѣщанія между кородемъ, Игнатіемъ Потоцкимъ, аббатомъ Піатоли и Коллонтаемъ, было положено: «Такъ какъ курфирстъ саксонскій не хочетъ, какъ кажется, дать своего согласія, съ наслѣдствомъ же престола вся конституція рушится, то избрать, вмѣсто него, другаго кандидата, австрійскаго, прусскаго или русскаго принца. Противъ всѣхъ нихъ возникли затрудненія; Піатоли предложилъ принца Станислава Понятовскаго (племянника короля); противъ него привели нелюбовь къ нему въ странѣ, въ слѣдствіе чего король предложилъ своего племянника *Іосифа*, (40) имѣющаго превосходное сердце, любимаго всѣми, храбраго воина и противъ избранія котораго не было бы много затрудненій. Этимъ и было порѣшено, и они сговорились и въ этомъ дѣлѣ поступить, какъ съ конституціей: сначала составить въ пользу его большую партію, а потомъ, когда всего менѣе будутъ ожидать того, внезапно выступить съ предложеніемъ и увлечь за собою сеймъ.

«Луккесини имѣлъ свиданіе съ Адамомъ Чарторыйскимъ въ Познани. Онъ говорилъ, какъ прежде того Гольцъ, о новой конституціи, что она не имѣетъ ни малѣйшей связи съ трактатомъ о союзѣ и не обязываетъ короля побуждать курфирста саксонскаго къ принятію короны.—По свѣдѣніямъ изъ Берлина явствуетъ, что тамошній дворъ очень старается снова сблизиться съ русскимъ. Луккесини также не хочетъ болѣе вести переговоровъ *о торговомъ трактатѣ.*»

Отъ 28 ноября 1791. «Планъ о принцѣ Іосифѣ, предложенный королемъ, теперь также рушился. Въ послѣднемъ совѣщаніи короля съ его тремя (названными выше) совѣтниками, снова зашла рѣчь объ этомъ дѣлѣ, но мнѣнія и заявленія очень измѣнились. Игнатій Потоцкій далъ уразумѣть, что этотъ выборъ нимало не нравится

(40) Того самаго, который, послѣ разныхъ перемѣнъ судьбы, наконецъ въ званіи французскаго маршала утонулъ въ рѣкѣ Эльстерѣ.

ему, а также не годится въ настоящихъ обстоятельствахъ. Короля это тѣмъ болѣе смутило, чѣмъ менѣе онъ ожидалъ того. Піатоли былъ пораженъ и не зналъ что̀ сказать; онъ обязанъ своимъ большимъ довѣріемъ у короля согласію послѣдняго съ Потоцкимъ и, въ случаѣ ихъ разлада, легко могъ бы совершенно лишиться милости. Поэтому онъ не осмѣлился противорѣчить великому маршалу, но и боялся также показать нерасположеніе къ желаніямъ короля.»

Отъ 14 декабря 1791. «Поляки начинаютъ все болѣе раскрывать глаза и желаютъ сблизиться съ Россіей. Они уже очень измѣнили обращеніе свое со мною. Самъ Луккезини, какъ здѣсь разсказываютъ, будто бы совѣтовалъ королю обратиться къ Вашему Величеству, можетъ быть въ надеждѣ, что недружелюбный отвѣтъ могъ бы снова воспалить здѣсь головы, дабы онѣ опять прибѣгли къ Пруссіи».

Отъ 30 декабря 1791. «Нерѣшительность курфирста саксонскаго держитъ ихъ всѣхъ здѣсь въ недоумѣніи и немало тревожитъ короля и революціонную партію.

«Луккезини, спрошенный въ одномъ обществѣ о судьбѣ Польши, отвѣчалъ: «Наибольшимъ счастіемъ для Польши было бы подпасть еще большей зависимости, нежели прежде. Положеніе страны, характеръ націи, колеблющіеся законы никогда не позволятъ Польшѣ сдѣлаться независимою и пользоваться полною своею свободою, имѣть твердое, благоустроенное правленіе и еще менѣе сильную и многочисленную армію для обороны своихъ границъ.» — Но содѣйствіе Пруссіи, развѣ Польша не могла бы возвыситься помощію его? — «На союзы, которые неопредѣлительны, нельзя полагаться; я не думаю также, чтобъ одна держава была обязана на собственный счетъ поддерживать чужія. Польша не достигла своей цѣли; она могла бы привязать къ себѣ Пруссію такъ, что это обѣщало бы всякую помощь съ ея стороны.» — На вопросъ, не разумѣетъ-ли онъ Данцига и Торна? — онъ уклонился дать отвѣтъ. — Поэтому-то здѣсь и говорятъ, что Пруссія хочетъ прервать свой союзъ съ Польшей, такъ какъ положеніе дѣлъ при новой конституціи здѣсь стало совершенно иное.

«Король говорилъ съ своимъ племянникомъ Іосифомъ о планѣ избранія его въ короли, но онъ ничего не хотѣлъ знать объ этомъ, а желалъ лишь остаться *солдатомъ*, не имѣя способностей быть *королемъ*.

«Недавно король сказалъ:» Республика сдѣлала большую ошибку, что не извѣстила въ свое время Россію о новой конституціи;

это упущеніе можетъ быть гибельно для насъ; но виною тому прусская партія: она объявила, что это привлеченіе Россіи не нужно.— Мы слишкомъ положились на благорасположеніе и поддержку Берлинскаго двора, но все болѣе убѣждаемся, что поступки его въ отношеніи къ намъ очень двусмысленны; и такъ было всегда.»

ЧЕТВЕРТЫЙ ОТДѢЛЪ.

1792 ГОДЪ.—СУВОРОВЪ ВСЕ ЕЩЕ ВЪ ФИНЛЯНДІИ.

Суворовъ.—Первыя важныя событія въ году.—Союзъ Австріи съ Пруссіею 7 февр. 1792 года.—Въ слѣдствіе убіенія Густава III, Суворовъ долженъ еще остаться въ Финляндіи.—Извлеченія изъ его писемъ оттуда (въ примѣчаніяхъ біографическія замѣтки о Каховскомъ, Кречетниковѣ, Прозоровскомъ, Поповѣ, Марковѣ, Альтести, Грибовскомъ).—Суворовъ переведенъ въ южную Россію.—Онъ оссіанизируетъ.—Расположеніе его къ благотворительности. — Отъѣздъ.

Между тѣмъ, какъ тысячи нитей, сотканныхъ завистью и ненавистью, все болѣе и болѣе запутывали русско-польскій узелъ, такъ что наконецъ не оставалось инаго способа разрѣшить его, какъ только мечомъ, — тотъ, которому въ послѣдствіи суждено было направлять этотъ мечъ и разомъ разсѣчь узелъ, все еще пребывалъ среди извилистыхъ озеръ и скалистыхъ долинъ Финляндіи, въ почетной командировкѣ—какъ говорили его противники, или въ позорномъ изгнаніи—какъ жаловался онъ самъ. Его душа была въ тревогѣ: онъ слышалъ слабый отголосокъ народныхъ бурь, бушевавшихъ на дальнемъ западѣ; онъ предчувствовалъ, что предстоитъ эпоха серьозной борьбы, и былъ подавленъ мыслію, что его станутъ держать вдалекѣ отъ поприща великихъ дѣлъ. Кто знакомъ съ свойствомъ страстей и самой пылкой изъ нихъ—честолюбія, тотъ пойметъ, какія тернія должны были терзать грудь его.

То было могучее время, въ которомъ великія, оживленныя страстію силы боролись между собою; время перехода отъ старыхъ порядковъ къ новымъ, когда все должно было принять иной видъ, не такъ, какъ обыкновенно, тихимъ, постепеннымъ измѣненіемъ вещей, но порывистымъ, насильственнымъ преобразованіемъ. Кто

въ подобное время сознаѣтъ въ себѣ силу, тотъ чувствуетъ себя несчастнымъ, если обстоятельства воспрещаютъ ему участіе въ борьбѣ, сугубо-несчастнымъ, если онъ полагаетъ, что это происходитъ по недоброжелательству другихъ. Въ такомъ почти положеніи находился Суворовъ, и потому онъ не переставалъ бороться съ обстоятельствами и съ враждою людей, которые держали его въ удаленіи отъ его настоящаго призванія. Какъ это происходило въ теченіе настоящаго 1792 года и какъ наконецъ увѣнчалось успѣхомъ, мы узнаемъ въ предлежащемъ отдѣлѣ.

Годъ открылся пятью событіями, обѣщавшими важныя послѣдствія; за ними должно было послѣдовать еще шестое, имѣвшее не менѣе роковое значеніе. Событія эти были слѣдующія: въ самомъ началѣ 1792 года, 9 января—заключеніе въ Яссахъ мира между Россіей и Турціей; 7 февраля — тѣсный союзъ Фридриха-Вильгельма прусскаго съ императоромъ Леопольдомъ, преимущественно направленный противъ французской революціи; 1 марта—смерть Леопольда; 16 марта—убіеніе шведскаго короля Густава III, паладина, который долженъ былъ явиться передовымъ бойцемъ противъ французскихъ колебателей престоловъ; 20 апрѣля—объявленіе французскимъ національнымъ собраніемъ войны противъ австрійскаго монарха и немедленно затѣмъ вспыхнувшая въ Нидерландахъ война; наконецъ шестымъ, великимъ возмущеніемъ европейскихъ обстоятельствъ было—вступленіе русскихъ войскъ въ Польшу, съ цѣлію отмстить за понесенныя въ послѣднее время обиды и возстановить прежнее положеніе дѣлъ. И такъ, почти одновременно два нашествія противъ Французовъ запада и востока, противъ республиканцевъ въ зародышѣ и противъ республиканцевъ уже въ разложеніи; оба, веденныя съ различнымъ успѣхомъ, отчасти потому, что развивающаяся сила сильнѣе замирающей, отчасти же потому, что съ одной стороны съ высокомѣріемъ слишкомъ легко смотрѣли на вещи и употребили недостаточныя средства, а съ другой, напротивъ, скорѣе преувеличивали, нежели уменьшали силу сопротивленія, и потому употребили вполнѣ достаточныя средства.

Разсмотримъ эти событія ближе.

О мирѣ въ Яссахъ, доставившемъ Россіи границу по Днѣстру, мы уже говорили. Онъ вполнѣ развязалъ руки Екатеринѣ и даровалъ ей средства — всею тяжестію силъ ея государства вліять на ходъ внѣшнихъ событій. Теперь она снова могла возстать въ полномъ своемъ величіи и, въ европейскихъ дѣлахъ, говорить тѣмъ языкомъ, на который подвиги, слава и могущество давали ей право. Но (въ этомъ-

то и состоитъ признакъ превосходнаго ума), такъ какъ она никогда ничего не предпринимала, не взвѣсивъ напередъ всѣхъ средствъ своихъ и противника, и не разсчитавъ силъ, потребныхъ для выполненія предпріятія, то прежде, нежели приступить къ дѣйствіямъ, она сначала сгладила себѣ пути и устранила всякое, возможное съ какой бы то ни было стороны, сопротивленіе. Какъ это было сдѣлано, мы узнаемъ въ послѣдствіи.

Въ предшествовавшемъ отдѣлѣ мы видѣли, какъ переворотъ во Франціи взаимно сблизилъ Фридриха-Вильгельма прусскаго и Леопольда австрійскаго, бывшихъ прежде наслѣдственными врагами, и повелъ къ заключенію предварительнаго договора 25 іюля 1791 г. и затѣмъ къ устнымъ переговорамъ въ Пильницѣ. Дѣйствительный союзъ между ними заключенъ былъ въ Берлинѣ 26 янв. (7 февр.) 1792 года. Сверхъ постановленія о взаимномъ вспомоществованіи въ 20,000 чел. войскъ, особыя условія этого союза были тѣ же, какія приведены нами выше; прибавлена была только 4-я, тайная статья касательно Курляндіи, въ которой все имѣло быть сохранено въ настоящемъ положеніи и ничего не слѣдовало измѣнять безъ согласія обѣихъ державъ. Такимъ образомъ два противника, долго дѣйствовавшіе одинъ противъ другаго, теперь, вынужденные обстоятельствами, нерѣшительно подали другъ другу руки для союза; но едва былъ заключенъ этотъ союзъ, какъ снова пробудилась старая недовѣрчивость и со всякаго рода задними мыслями продолжали они подозрительно наблюдать одинъ за другимъ и, гдѣ только могли, препятствовать обоюднымъ желаніямъ и намѣреніямъ. Поэтому-то и было такъ мало достигнуто изъ того, къ чему они совокупно стремились.—Договоръ былъ подписанъ съ австрійской стороны княземъ Рейсскимъ (XIV), а съ прусской—Финкенштейномъ, Шуленбургомъ и Альвенслебеномъ. Король ратификовалъ его 19 февраля и полковникъ Бишофсвердеръ былъ посланъ въ Вѣну для полученія ратификаціи Леопольда; но онъ пріѣхалъ лишь для того, чтобъ быть свидѣтелемъ его кончины, послѣдовавшей 1 марта отъ болѣзни, схожей съ холерою (1). Договоръ былъ утвержденъ уже его преемникомъ. Такимъ образомъ Австрія и Пруссія были въ союзѣ между собой противъ революціонной Франціи, не обнажая однако меча; онъ былъ

(1) Какъ вообще въ случаѣ внезапной смерти высокопоставленныхъ людей, такъ и тутъ разсказывали басни объ отравленіи; но сколько извѣстно изъ симптомовъ этой болѣзни, тогда еще мало постигнутыхъ, она была, по видимому, скорѣе нѣчто въ родѣ холеры. Рвота, судороги, сильнѣйшія боли въ нижней части живота и быстрая смерть.

вложенъ имъ въ руки опрометчивымъ объявленіемъ, 20 апрѣля, войны со стороны господствовавшей во Франціи партіи жирондистовъ. Ни съ одной стороны не были достаточно приготовлены къ войнѣ, да и не дѣлали большихъ приготовленій къ ней, такъ какъ союзники, въ особенности Пруссаки, вспоминая о легкомъ усмиреніи Голландцевъ и Бельгійцевъ, смотрѣли на это дѣло довольно легко и думали все покончить вооруженною прогулкою въ Парижъ. Полагались на свои тактически-выработанныя войска, на многихъ, еще живыхъ учениковъ и учителей семилѣтней войны, герцога Брауншвейгскаго, Мёллендорфа, Калькрейта, Вурмзера, принца Кобургскаго, Клерфэ, и издѣвались надъ разстроеннымъ французскимъ войскомъ, всѣ полководцы котораго, образовавшіеся въ вышеупомянутой войнѣ, Бролье, Кастри, Булье, Віомениль эмигрировали, въ слѣдствіе чего предводительствованіе совершенно распущеннымъ въ дисциплинѣ войскомъ осталось, какъ полагали, за новичками или, самое большое, за генералами, ознакомившимися лишь съ малою войною въ американскихъ пустыняхъ, но еще мало имѣвшими боевой опытности, какъ напр. Лафайэтомъ, Рошамбо, Келлерманомъ, Бирономъ и другими. Но высокомѣріе всегда ошибается въ своихъ разсчетахъ.

Всѣ эти событія отражались издалека и на Россіи; но то, что ближе касалось ея, было убіеніе Густава III дворянскою партіей, наступившее сближеніе и соглашеніе съ Пруссіей и наконецъ война съ Польшей.

Въ виду этихъ обширныхъ приготовленій и вооруженій, Суворовъ навѣрное надѣялся получить соотвѣтствовавшее его военнымъ заслугамъ назначеніе, особенно теперь, когда его могущественный гонитель, кончившій и жизнь, и дѣятельность свои, уже не могъ болѣе вредить ему. Но надежды его были разрушены убіеніемъ Густава, находившагося въ дружественныхъ отношеніяхъ къ императрицѣ, въ слѣдствіе чего отношенія Россіи къ Швеціи снова сдѣлались ненадежными, такъ какъ регентство въ послѣдней принялъ на себя двусмысленный герцогъ Зюдерманландскій, врагъ Россіи и другъ Франціи. Въ этотъ критическій моментъ не хотѣли отзывать изъ Финляндіи такого опытнаго полководца: онъ долженъ былъ докончить укрѣпленіе границы, и въ тоже время, по отъѣздѣ принца Нассаускаго, ему передали главное начальство надъ всѣми военными силами въ Финляндіи, не только сухопутными, но и морскими. Онѣ состояли изъ одной сильной пѣхотной дивизіи и изъ флотиліи галеръ и канонирскихъ лодокъ съ ихъ экипажами, подъ началь-

ствомъ контръ-адмирала Траверсѐ и генералъ-маіора Германа, всего около 25,000 человѣкъ.

Къ этимъ обстоятельствамъ относится современная переписка Суворова съ его другомъ и повѣреннымъ Хвостовымъ, жившимъ въ Петербургѣ. Въ ней старый воинъ безъ лжи, чистосердечно, высказалъ всю свою душу и всѣ волновавшія его въ это время чувства и мысли. Но какъ переписка эта, въ полномъ ея объемѣ, съ ея отчасти менѣе важными подробностями, не имѣла бы большаго интереса, то мы довольствуемся приведеніемъ здѣсь нѣкоторыхъ болѣе замѣчательныхъ мѣстъ изъ оной, для лучшей характеристики нашего героя и современныхъ обстоятельствъ.

Хвостовъ къ Суворову.

3–го апрѣля 1792.

Праздникъ свѣтлаго Христова Воскресенія проводилъ держася правилъ вашихъ въ удалѣніи отъ шума, и забавлялся дома невинно катаніемъ яицъ и пр. Но и въ городѣ большихъ весельевъ нѣтъ по причинѣ кончины короля шведскаго, о которой извѣстился въ великую суботу.... троуръ наложенъ на 6 недѣль и внутренно государыня огорчена.... Истинно не въ лесть, что по могущимъ случится въ Швеціи перемѣнамъ, надѣятся на васъ какъ на стену.... Благоволеніе и мысль у ней объ васъ велико, сіе достовѣрно. П.Н. (принцъ Нассаускій) самъ будетъ писать, жду его письма. По вашему онъ докладывалъ и сказалъ мнѣ что ген. въ Роченсальмѣ вашей же дивизіи Штрандманъ.

О польскихъ дѣлахъ слѣдующее, превѣрно изъ чистаго источника... По гадательности васъ не трогаютъ, и паче по кончинѣ короля (2). Обстоятельство что не обратится ли Швеція къ старому правленію. Недавно союзъ (3), вниманіе великое.... О Польшѣ нѣтъ рѣшительнаго въ кабинетахъ, ни въ умѣ, ни съ Прусскимъ. Если и будетъ что, ни К. Р. (Репнинъ), ни Г. И. (Иванъ) Салтыковъ, ближе всѣхъ вы, сіе будетъ въ завѣсѣ тайны до половины лѣта; движеніе вѣрно, войска пойдутъ черезъ Польшу подъ командою г. Каховскаго, и подъ нимъ 2 части: Полякъ Коссаковскій и Дерфельденъ вами рекомендованный. Г. И. П. С. (графъ Иванъ Петровичь Салтыковъ) съ малою частію на Двинѣ; много отдѣляет-

---

(2) Шведскаго.

(3) Заключенный между Россіей и Швеціей 8 (19) октября 1791 года; онъ налагалъ на Россію большія денежныя пожертвованія, но долженъ былъ поощрить Густава къ походу противъ новыхъ Франковъ.

ся къ г. Кречетникову въ Кіевъ, и подъ нимъ Нащокинъ; вотъ вѣрное.... кормчій корабля Г. А. А. Безбородко.... П. А. (Платонъ Александровичь Зубовъ) къ вамъ хорошъ.... Г. Р. (Гавріилъ Романовичь Державинъ) почти въ нуляхъ (4).

Отъ Суворова къ Хвостову.

Безъ числа.

Разставте меня съ Роченсалмомъ, опознайтесь съ П. Нассау просто, говорите съ П. И. Т. (Петромъ Ивановичемъ Турчаниновымъ) (5) догмою съ легка—паче чтобъ отъ сей гавени прочь, ибо торжественно въ людяхъ обманутъ. Г. Н. И. (графъ Николай Ивановичь Салтыковъ) (6) жертвуетъ мною за косаго жениха (7) И. Салтыкову и интригамъ Репнина; мнежъ и такъ здесь дѣла полны руки.

Отъ Хвостова къ Суворову.

23-го апрѣля (4 мая) 1792.

Области на Югѣ, вѣрно что ежели не всегда долго будутъ безъ правителя, подъ Собственнымъ руководствомъ, докладываетъ Поповъ (8) (замѣчаніе Суворова: «добрый человѣкъ!») (9).

К. Р. (князь Репнинъ) ни посолъ, ни что, нуль, и будетъ такъ развѣ въ будущемъ столѣтіи («коли доживетъ!» *Суворовъ*).

Въ Польше дѣйствующіи Кречетниковъ и Каховскій, обратитеся на прежнее письмо. Развѣ нужда востребуетъ перемѣну, ближе вы, или кто другой, сіе грядущее, но повторяю не къ К. Р. (Репнину) онъ нуль. («Кто меня двуличитъ: притворщикъ Ширяевъ, дипломатъ Сакенъ, иллюминатъ Бейеръ?» *Суворовъ*).

И. В. Гудовичь, г. губ. на Кубанѣ.

Г. И. П. С. (Иванъ Петровичь Салтыковъ) командиръ Двинской арміи, состоящей въ 3-хъ полкахъ.

«Эскадра» писали и чужеземныя газеты.... вѣрно что П. Н.

---

(4) Онъ былъ въ то время статсъ-секретаремъ по сенатскимъ дѣламъ, но не имѣлъ большаго значенія.

(5) Статсъ-секретарь по военной части.

(6) Начальникъ военнаго департамента.

(7) Сынъ Салтыкова, который долженъ былъ жениться на дочери Суворова; но сватовство это разстроилось.

(8) Онъ долгое время былъ директоромъ канцеляріи Потемкина и пользовался полнымъ довѣріемъ его.

(9) Суворовъ имѣлъ привычку, въ письмахъ, къ нему адресованныхъ, если они особенно интересовали его, надписывать между строками собственныя краткія замѣчанія.

(пр. Нассаускій) ѣдетъ, но одинъ въ качествѣ посла съ деньгами. Ежели можетъ быть или будетъ помощь людьми, то сухопытныя отхватятъ отъ Польши и особенный надежный генералъ, и отнюдь не Принцъ.... Надобно чтобы былъ общей планъ всѣхъ дворовъ, который еще не утвержденъ. Болтаютъ что уже Австрія съ Французами начала.

Замѣчаніе Суворова: Мечта! Надежный генералъ!

1) Кречетниковъ въ титлѣ мудраго. 2) Михельсонъ—интригана 2) Братъ (министра) г. Илья Андреевичь (Безбородко).

Отъ Хвостова къ Суворову.

14-го мая 1792.

Манифестъ о Польшѣ есть, но не обнародованъ, смыслъ что сія держава состоя подъ нашимъ покровительствомъ, дѣлала непріязни многія въ прошедшую войну, и что многія польскія вельможи и дворяне недовольныя новымъ постановлѣніемъ прибѣгли къ покровительству Россіи, и для защищенія ихъ вѣлено вступить войскамъ, войны не будетъ. И помощь противъ Франціи до сего времяни отвлеченна; Французы были побиты вѣрно. Внутреннее, благодареніе Богу, утихло. Кончено раззореніемъ гнѣзда мартинистовъ въ Москвѣ, и удалѣніемъ ихъ начальника Новикова въ Соловки.

Отъ Суворова къ Хвостову.

Безъ числа.

Къ П. И. Т. (Турчанинову) не пишу, но не менше съ нимъ вамъ чаще сообщатся: матерія одна, мне нетерпеливо въ мой элементъ къ употрѣбленію! Пушкинъ, Каменской, Элмтъ—тріумвиратъ; Репнинъ, Г. И. С. (Иванъ Салтыковъ), Долгорукій (?) (*) другой; въ немъ одинъ другаго сломали. 3-й Каховскій, Кречетниковъ.... пристанетъ Игелштромъ и подкрѣпитъ Румянцовъ (**) будетъ захрѣбѣтникъ.

Дѣйствительно къ осени я кончу; додѣлки Тучкову или иному инженеру; я ихъ тогда опишу... Команды какому генералъ-поручику... По трудамъ и неспанью я потерялъ грудь, горло, желудокъ и слабъ а паче отъ недоволствія. Послѣднѣе похоже на честное кассированье. Отставши доволенъ буду кончать въ одинъ годъ противъ 10-ти для другихъ, но часто ли это знаетъ милліонная доля, какъ и малой разходъ. Предъ симъ въ реляціяхъ видѣлъ я себя; ныне и слушать стыдно, кромѣ патріотства...

(*) У Смита—Долгорукій, но въ подлинникѣ нельзя разобрать фамиліи.
(**) Тоже нельзя разобрать фамиліи въ подлинникѣ.

Буде тайной гневъ безвинно, и отъ притчинъ хотя собственныхъ моихъ П. И. Т (Турчаниновъ) никогда не остережетъ: осенью его конецъ, какъ здесь отработаюсь—и буду въ С. П. Б.

Отъ Суворова къ Хвостову.

Безъ числа. (*)

...после работъ, мнѣ надлежитъ утвердить субординацію дисциплину ордеръ, въ осень прогнать скорбутъ съ болезньми, зимой есть дѣло по гавени и готовить матеріалы; съ вѣсны достроить благоустроенный Роченсалмъ кромѣ круглой башни, «Нейшлотъ,» принятся за Вилманштрандъ и сколко можно за к. (*крѣпость*) депотную Давыдовскую—толко!.. въ С. П. Б.ѣ развѣ учится входить въ интриги въ чемъ и ораторъ Репнинъ мало успѣваетъ.

Г. И. П. С. (Ив. Салтыковъ) силится наслѣдовать отцу ([10]), К. Р. (Репнинъ) травитъ и топчетъ всѣхъ невозбранно, Г. Н. И. С. (Никол. Ив. Салтыковъ) не пуститъ черезъ шею перешегнуть да и Пушкинъ самъ у себя подъ крыломъ, и на то не мечтаю—полно съ меня!.. но чегожъ ради не употребленъ? П. А. З. (Плат. Ал. Зубовъ) и вообще хотятъ доказать что править умѣютъ, иначе отнеслось бы на меня: славнѣе настоящіи операціи ([11]) ихъ огромностію прошлой нашей конфедераціи и П. И. Т. (Турчанинова) политическая война не безславнѣе истинной.

Суворовъ къ Хвостову (**).

Вильманстрандъ 13-го іюля 1792.

Мои три извѣстныя намѣренія суть: *отставка*, *путешествіе* или *иностранная служба*. Для двухъ послѣднихъ мнѣ понадобилось бы единовременно 10,000 рублей въ червонцахъ.

Хвостовъ къ Суворову.

16-го іюля 1792.

Я отъ васъ утаить не могу что молва въ городѣ, что во Францію съ 40,000 употребляется К. Реп. (Репнинъ), другая молва и всенародная что онъ не хочетъ. Его здѣсь нѣтъ, сіе не помѣха, вѣроятно что войска пойдутъ, не даромъ Вѣна, Берлинъ предали Польшу. Я сіе сказывалъ откровѣнно сего утра П. И. (Турчанинову) и что его письмо слова, нужно дѣло. Отвѣтъ: я не знаю. Говорилъ съ Державинымъ: изъ обоихъ сношеній вижу, что ежели

(*) У Смитта—отъ 26 іюня 1792.

(10) Это былъ фельдмаршалъ Петръ Семеновичъ Салтыковъ, которымъ (или подъ начальствомъ котораго) было выиграно сраженіе при Куннерсдорфѣ.

(11) Въ Польшѣ.

(**) Подлинникъ не отысканъ.

начальникъ не назначенъ, походъ болѣе нежели вероятенъ. Нужна расторопность и скорость. П. И. Т. (Турчаниновъ) удерживаетъ меня здѣсь обѣщаніями, и надобенъ надъ нимъ глазъ и глаза... вы не изволите дремать, къ 20 Сентября кончите. Но драгоцѣнность времени... П. А. (Плат. Зубовъ) видѣлъ «я бѣдненькой» ([12]), отвѣтъ его двуобразный, но вы хотите прямо чисто употреблѣнія какъ патріотъ. Письмо къ нему въ ясныхъ терминахъ истребятъ мысли о предлогѣ важности.

О 3-хъ вашихъ намѣреніяхъ, абшидѣ и пр. сего не будетъ и не должно быть. Передѣлайте.

Суворовъ написалъ прямо къ императрицѣ и просилъ о назначеніи въ Польшу. Императрица приказала отвѣтить ему черезъ Турчанинова, что «польскія дѣла не имѣютъ такого значенія, чтобы для нихъ употребить Суворова; назначеніе его приберегаютъ для болѣе важныхъ дѣлъ.» Подлинныя слова государыни были слѣдующія: «польскія дѣла не требуютъ такого человѣка, какъ Суворовъ; Поляки уже просятъ о перемиріи, чтобы опять поставить все на старое положеніе.»

Турчаниновъ (генералъ-поручикъ и статсъ-секретарь) къ Суворову.

16-го іюля 1792.

Примѣтивъ изъ многаго, что вы огорчаитесь, скучаите и вмѣсто самыхъ легчайшихъ средствъ прибѣгаите къ крайнимъ, поставляю себѣ за грѣхъ, неисповѣдать вамъ сердечныхъ чувствъ моихъ.

Письмо Ея Величества, Матери и Благодѣтельницы вашей, ясно изображая, что Польскія дѣла васъ не стоятъ, коротко, чисто и правильно. Настоящее служеніе ваше, есть собственной Ея и вашъ произволъ, и подлино вы всегда и тамъ и здѣсь, дочь подъ глазами, единственной вашъ предмѣтъ.

Кто болѣе знаетъ васъ и службу и нужду въ васъ, какъ не Оная благодѣтельница; посредникъ же между вами есть прямой сынъ вашъ ([13]), который имѣлъ время всячески испытать васъ во время бурное, какому быть сумнѣнію и для кого и для чего продать васъ!

---

(12) Въ одномъ письмѣ, представленномъ Зубову Державинымъ, Суворовъ говоритъ: «А я бѣдненькой потерялъ двѣ кампаніи.»

(13) Такъ Турчаниновъ называетъ самаго себя.

Лѣта, служба и опытность ваши, поставляютъ васъ свыше всякаго совѣта, и мнѣли, а тѣмъ менше другому кому подавать вамъ совѣты? но остеречь и буде можно гдѣ и къ статѣ упомянуть, есть истинная моя обязанность и сія знаетъ: Богъ, Она, вы и моя совѣсть.

Дорого бы я далъ, чтобы видѣть васъ здоровымъ и спокойнымъ въ духѣ; но сіе зависитъ собственно отъ васъ, и вамъ ли колебатся!

Кречетниковъ, Каховскій и протчія замѣченныя вами идутъ ли вправленіе, награда ихъ можетъ ли васъ смущать и впрочемъ кто смѣетъ противоборствовать высочайшему произволенію, я такъ малъ что не смѣю и помышлять, а по себѣ сужу и о другихъ.

Желаніе ваше извѣстно Самой, отъ которой безпосредственно происходитъ благо, нужна ли тутъ чья помощь?

Естли бы достовѣрно зналъ я, что совѣтъ или представленіе мое имѣетъ мѣсто; то бы чистосердечно сказалъ, чтобъ были спокойны и увѣрены, что достойное и воздастся, безъ всякихъ исканій, кои по истиннѣ излишни.

Отъ Суворова къ Хвостову

Вилманштрандъ, 18-го іюля 1792.

Писмо запискою П. И. Т. (Турчанинова) ласково но ненадежно, вида къ употребленію ни малаго нѣтъ. Всюду берегитесь vagues incertitudes, и отъ васъ сами ея никому.

Марченко меня держитъ въ непрестанной по часу и по два горячке. Наконецъ я съ нимъ очень какъ прежде разстроился, такъ что теперь съ нимъ уже о важностяхъ не говорю. Покойнѣе.

Корицкій ли, Марченко ли или иной когда отъ васъ ко мнѣ ѣдутъ, не отдавайте мнѣ ихъ лицомъ, они пуще запутаютъ: но подробнѣе описывайте сами. Ни Бееръ, ни Сакенъ негодились.

...на всякую судбу я готовъ: не долго жить, лишь бы предваренъ былъ.

Отъ Суворова къ Хвостову.

Кюменгородъ Ильинъ день. 1792.

Глаза очень болятъ, при слабомъ здоровье.... весьма наскучило о сихъ матеріяхъ писать и безъ нужды не буду. Да будетъ воля Божія и Матери Отечества.

Смертной помнитъ смерть, она мнѣ недалека: сего 23 октября 50 лѣтъ въ службѣ, тогда не лутче ли кончить мнѣ непорочной карьеръ? Бѣжать отъ мира въ какую деревню, гдѣ мнѣ доволно въ годъ содержанія 1000 рублей, готовить душу на пресѣленіе—ежели вовсе мнѣ употреблѣнія предусмотрено не будетъ.

Между тѣмъ мне великія недосуги, будте краткосложнѣе и ясны... П. И. Т. (Турчаниновъ) не имѣетъ интересса въ моемъ униженіи.... Онъ клонитъ на жадность мою къ награжденіямъ которой нетъ, развѣ ихъ благопріятіе. Коли вѣрно кончаны польскія дѣла то о семъ заднемъ нѣтъ мнѣ ни слова въ воспоминовѣнія. Но думайте о преднѣмъ.... Соблюдайте дружбу П. И. Т. (Турчанинова) и времянно не обремѣняйте его.

Хвостовъ къ Суворову.

20-го іюля 1792.

Въ суботу пріѣхалъ полковникъ П. А. Салтыковъ куръеромъ отъ ген. Каховскаго. Перешедъ Бугъ у бѣлаго Стога было жаркое сраженіе ([14]) подъ командою самаго ген. Каховскаго. Подробностей не привезъ и не знаютъ; у насъ убиты полковникъ Золотухинъ, Палмбахъ, волонтеръ Ламбертъ и многіе штабъ-офицеры. Царица не довольна, огорчалася о Золотухинѣ ([15]), курьеръ туманенъ, доселѣ не награжденъ..... «Просятъ перемиріе» а между тѣмъ что! Смотрите иностранныя газеты, мы вездѣ побѣждаемся ([16]) и по истиннѣ гдѣ выигрышъ? ([17]) Къ крайности не извольте приступать. Будьте великодушнѣе, нежели напитать абшитомъ вашихъ злодѣевъ. Ваше желаніе извѣстно у Престола. Письмо къ Зубову васъ не обнажитъ, не иначе одасса (отдастся?) какъ привлекше его и завязавъ къ вашей пользѣ.... П. И. Т. (Турчаниновъ) 20 разъ мнѣ говорилъ, «я малъ, я паутина, я не смѣю вспоминать». Да Пл. Ал. (Зубовъ) смѣетъ.

.... П. И. Т. говоритъ: на иностраную службу не пойдутъ никакъ. Абшитъ не почли бы упорою. Не именуя ни Франціи, ни Рѣпнина, ни кого. У васъ благородная дорога: прошу употреблѣнія, мой элементъ. Вы начали сіе, предположили. Настаивайте.

О Туркахъ кроется. Съ мѣсяцъ подавали медаль на миръ. Самойлову ([18]) не хорошо, ни является и у двора за болѣзнію.

---

(14) При Дубенкѣ, 7 (18) іюля 1792 года.—Въ слѣдующемъ отдѣлѣ мы ближе узнаемъ объ этомъ.

(15) Храбрый полковникъ Фанагорійскихъ гренадеръ, столь отличившійся при штурмѣ Измаила.

(16) Т. е. въ газетахъ, сообразовавшихся съ польскими донесеніями, которыя тогда такъ же лгали, какъ и 40 лѣтъ спустя.

(17) Онъ однакоже бросался въ глаза. Польская армія была оттѣснена изъ Подоліи до Люблина и не могла нигдѣ держаться. Но Хвостовъ, чтобы подѣлаться къ Суворову, желалъ унизить Каховскаго.

(18) Племянникъ Потемкина.

Ежели изволите спросить: кому хорошо у двора? Противъ собственной моей привычки сказать долженъ: не знаю; всѣ ползутъ какъ раки и часто назадъ.

Суворовъ къ Хвостову.

Кюменгородъ. 29-го іюля 1792.

Переходя Богъ потеряли, взяли 8 пушекъ ([19]) .... атака праваго крыла; ранжиръ назадъ.... здѣшнія газеты. Вы не пишитѣ! курьеровъ у васъ много, это интересуетъ.

Субсистенція: Г. Н. И. (*Графъ Николай Ивановичъ Салтыковъ*) дастъ мнѣ хорошаго провіантмейстера. Онъ меня учитъ; худаго—я его учу, бывши самъ провіантмейстеромъ.

Г. А. А. (*Безбородко*) недоволенъ за родню: мнѣ всѣхъ быковъ, козловъ, лисокъ не употчивать, помнить ему должно брата.

Каховскій ([20]) въ прусской войнѣ подпоручикъ, я—подполковникъ.... Кречетниковъ ([21]) с. маіоромъ, какъ К. А. А. (*Прозо-*

---

(19) У Дубенки.

(20) Михаилъ Васильевичъ Каховскій, родился въ 1734 г., воспитанъ въ кадетскомъ корпусѣ, вступилъ въ дѣйствительную службу въ 1752 г. и участвовалъ въ семилѣтней войнѣ; ближайшихъ подробностей о немъ неизвѣстно. При Екатеринѣ онъ былъ назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ и получилъ въ управленіе Могилевскую и Витебскую губерніи. Въ 1773 г. онъ былъ уже генералъ-поручикомъ, а въ 1783 предводительствовалъ отдѣльнымъ корпусомъ въ Крыму, когда страна эта была пріобрѣтена Россіею; въ 1784 г. произведенъ въ генералъ-анъ-шефы. Онъ умѣлъ пріобрѣсть милость Потемкина, который съ тѣхъ поръ всегда выставлялъ его впередъ, рекомендовалъ императрицѣ и, передъ самою своею смертію, призвалъ чрезъ гонца къ себѣ, чтобы передать ему главное начальствованіе надъ арміею (1791 г.), которое, однако, Каменскій оспоривалъ у него. Императрица рѣшила споръ въ пользу Каховскаго. Затѣмъ, въ слѣдствіе Тарговицской конфедераціи, онъ ввелъ войска въ Польшу и вблизи отъ Варшавы принудилъ короля приступить къ этой конфедераціи. Однако, кажется, императрица не осталась довольна имъ: въ концѣ 1792 г. войска его были раздѣлены: Игельстрёмъ съ одною частію остался въ Польшѣ, а Кречетниковъ съ другою въ Волыни; Каховскій же въ 1793 г. былъ назначенъ Нижегородскимъ и Пензенскимъ генералъ-губернаторомъ. (Императоръ Павелъ, въ день своего коронованія, въ апрѣлѣ 1797 г., пожаловалъ ему графское достоинство и 2,000 душъ крестьянъ, но въ слѣдующемъ году уволилъ отъ службы. Онъ умеръ въ 1800 году, 67 лѣтъ отъ роду).—Онъ былъ человѣкъ честный, безкорыстный и справедливый, судившій безъ лицепріятія и строго соблюдавшій воинскую дисциплину: въ концѣ 1792 года онъ отнялъ у брата (Валеріана) могущественнаго Зубова начальство надъ ввѣренною ему дивизіею, за найденные въ ней безпорядки; но за это самъ былъ лишенъ начальствованія.

(21) Михаилъ Никитичъ Кречетниковъ былъ воспитанъ въ кадетскомъ корпусѣ и участвовалъ въ семилѣтней войнѣ въ чинѣ маіора. Въ 1769 г. онъ уже былъ

ровскій) (22); В. С. Поповъ (23) въ недружбѣ съ Г. Н. И. (*Николаемъ Салтыковымъ*). Лутче со мною въ дружбѣ.... Гавр. Ром.

полковникомъ въ арміи князя Голицына; затѣмъ, въ чинѣ генералъ-маіора, отличился въ сраженіи при Кагулѣ (1770 г.).—Въ 1772 г. перешелъ въ гражданскую службу и назначенъ Псковскимъ губернаторомъ. Въ 1775 г. произведенъ въ генералъ-поручики и назначенъ губернаторомъ въ Твери, а потомъ въ Калугѣ; въ 1778 г. генералъ-губернаторомъ Калужскимъ, Тульскимъ и Рязанскимъ; въ 1790 г.—произведенъ въ генералъ-анъ-шефы и въ этомъ чинѣ начальствовалъ войсками, собранными въ Малороссіи. Въ 1792 г. предводительствовалъ частію арміи, назначенною для дѣйствій въ Литвѣ, и умеръ въ маѣ 1793 года.—Онъ былъ храбрый воинъ, но безъ высокихъ дарованій; возвысился быстро потому, что Потемкинъ благоволилъ ему; впрочемъ былъ хорошимъ товарищемъ и имѣлъ характеръ доброжелательный, хотя былъ нѣсколько склоненъ къ щегольству и высокомѣренъ.

(22) Князь Александръ Александровичъ Прозоровскій родился въ 1732 году; девяти лѣтъ отъ роду (1742) записанъ солдатомъ въ гвардію; 21 года (1753) гвардіи сержантъ и переведенъ въ полевой полкъ съ чиномъ поручика. Капитаномъ участвовалъ въ семилѣтней войнѣ, сражался при Гроссъ-Егернсдорфѣ, при Цорндорфѣ (въ обоихъ сраженіяхъ раненъ), при Цюллихау, при Куннерсдорфѣ и въ продолженіи войны достигъ чина полковника; въ 1765 г. произведенъ въ генералъ-маіоры.—Въ 1769 г., когда началась турецкая война, начальствовалъ авангардомъ князя Голицына и отличился въ тогдашнихъ дѣлахъ. Въ 1770 г. служилъ во второй арміи подъ начальствомъ графа Петра Панина и во время осады Бендеръ наблюдалъ, съ тремя конными полками, за Очаковымъ, причемъ имѣлъ съ непріятелемъ нѣсколько удачныхъ дѣлъ. Въ 1771 г. былъ при покореніи Крыма княземъ Долгорукимъ; въ 1773 г. произведенъ въ генералъ-поручики и получилъ начальство надъ войсками въ Крыму, который защитилъ отъ покушеній Турокъ и Татаръ. Въ 1782 г. произведенъ въ генералъ-анъ-шефы, а въ 1790 г. назначенъ генералъ-губернаторомъ Москвы и сенаторомъ.—(Императоръ Павелъ переименовалъ его въ генералы-отъ-инфатеріи и назначилъ начальникомъ Смоленской дивизіи, по вслѣдъ затѣмъ уволилъ его въ отставку.—При императорѣ Александрѣ, когда снова стали вызывать старыхъ полководцевъ побѣдоносной Екатерины, онъ былъ произведенъ въ 1807 г. въ фельдмаршалы, а въ 1808, будучи 75 лѣтъ отъ роду, назначенъ главнокомандующимъ арміею противъ Турокъ, съ которыми такъ счастливо сражался прежде. Но время его прошло. Старчески-слабый, болѣзненный и здоровьемъ своимъ озабоченный болѣе, нежели дозволено полководцу, онъ подверженъ былъ и нравственнымъ немощамъ старости: былъ нерѣшителенъ, упрямъ и подозрителенъ. Поэтому онъ и совершилъ немного. Его штурмъ Браилова, 19 апрѣля 1809, стоилъ до 5,000 человѣкъ и не удался; Сербовъ онъ оставилъ безъ надлежащей поддержки; ничто болѣе ему не удавалось и онъ постепенно угасалъ и физически, и нравственно. Умеръ въ августѣ 1809 года).—Онъ былъ большимъ поклонникомъ Фридриха, храбрымъ воиномъ, строгимъ предводителемъ и любилъ строгую дисциплину, но главнокомандующимъ былъ малозначущимъ, какъ и всѣ генералы фридриховой школы; послѣдніе годы его жизни даже умалили славу прежнихъ. Онъ представилъ новое доказательство тому, что, кромѣ нѣкоторыхъ необычайныхъ исключеній (Суворова, Блюхера, Радецкаго), только до извѣстныхъ лѣтъ можно быть хорошимъ воиномъ и полководцемъ.

(23) Василій Степановичъ Поповъ, род. въ 1745 году и, хотя былъ сы-

(*Державинъ*) честный человѣкъ, связь съ П. А. (*Плат. Зубовымъ*); П. И. Т. (*Турчаниновъ*) менторъ въ пучину, где забывшись топитъ свою совѣсть безъ намѣреннаго зла. Благочестивому Г. Н. С. (*Николаю Салтыкову*) пониженіе мое такъ нужно—какъ смерть К. Н. В. (*Репнину*). Я же толко умираю за Великую Екатерину.

P. S. всѣ такія эпистоліи жгитѣ.

Хвостовъ этого не сдѣлалъ и навлекъ этимъ на себя сильное негодованіе Суворова. Послѣдній, въ минуты досады, набросалъ на бумагу горькія выраженія противъ своихъ преслѣдователей, дѣйствительныхъ и мнимыхъ, особенно же противъ Потемкина; кажется прибавилъ еще къ тому въ своемъ родѣ колкія вирши и отослалъ все это Хвостову. Послѣдняго, который въ высшей степени мучился страстію къ стихотворству, это подстрекнуло: онъ подбавилъ своихъ собственныхъ фантазій и сочинилъ стишки, относившіеся къ Суворову, которыхъ первыя слова «*почто почилъ нашъ Геркулесъ?*»—уже указываютъ на содержаніе. Съ авторскимъ самодовольствомъ, онъ

номъ священника, вступилъ въ 1765 году въ военную службу; но, при его ловкости, дѣятельности и трудолюбіи, ему суждено было блистать и возвышаться не столько посредствомъ меча, сколько посредствомъ пера. Долгорукій Крымскій, сдѣлавшись Московскимъ губернаторомъ, ввѣрилъ ему (въ 1780 г.), въ слѣдствіе ясности и ловкости его письменныхъ работъ, управленіе своею канцеляріею. Долгорукій умеръ въ 1782 г., и тогда могущественный Потемкинъ взялъ Попова къ себѣ и послѣдній сдѣлался его правою рукою. Всѣ канцелярскія занятія этого могучаго человѣка, его счеты, особенныя работы по администраціи возлагались на Попова и исполнялись имъ съ неутомимою дѣятельностію. Такимъ образомъ онъ возвысился быстро: въ 1784 г. былъ уже полковникомъ, въ 1787—бригадиромъ, въ 1788—генералъ-маіоромъ, знаки отличія сыпались на него такъ же быстро, какъ и чины: вскорѣ онъ имѣлъ ихъ всѣ, даже ордена Александра Невскаго и Владиміра 1-й степени въ чинѣ генералъ-маіора.—По смерти Потемкина, императрица почтила его большимъ довѣріемъ: онъ былъ назначенъ начальникомъ коммиссіи прошеній, горнаго корпуса и наконецъ—императорскаго кабинета. (Императоръ Павелъ произвелъ его въ тайные совѣтники, назначилъ президентомъ камеръ-коллегіи и сенаторомъ; однако вскорѣ исключилъ его изъ службы и, обманутый ложнымъ доносомъ, предалъ суду.—Императоръ Александръ снова возвысилъ униженнаго и ввѣрилъ ему главное управленіе различными отраслями государственныхъ дѣлъ. Его постигла участь трудолюбивыхъ людей: онъ подъ конецъ совершенно ослѣпъ и умеръ въ 1822 году, 78 лѣтъ отъ роду).—Онъ былъ, какъ выразился о немъ Суворовъ, славный, честный человѣкъ, въ дѣлахъ ловкій и опытный. Легко-доступный, безъ всякой гордости, охотно принимавшій участіе въ несчастныхъ, онъ умѣлъ снискать общія уваженіе и любовь.

показалъ эти стихи, вмѣстѣ съ стихами Суворова, а въ видѣ комментарія, и длинное, сердитое письмо его, доброму пріятелю, подполковнику Корицкому, который намъ уже извѣстенъ, какъ надзиратель за дочерью Суворова. Корицкій показалъ ихъ далѣе, и такимъ образомъ письмо и стихи попались наконецъ на глаза Державину и Турчанинову, большимъ приверженцамъ Потемкина, а теперь Зубова. Чрезъ одного изъ офицеровъ, безпрестанно разъѣзжавшихъ между Финляндіею и Петербургомъ по служебнымъ и частнымъ дѣламъ, по фамиліи Максимовича, Суворовъ былъ извѣщенъ о злоупотребленіи его довѣріемъ и разразился противъ Хвостова. Въ первой горячности онъ мало стѣснялся въ своихъ выраженіяхъ; между ними попались и названія «предателя», «обманщика», «глупой няньки». Хвостовъ былъ уничтоженъ. Сознавая свою вину, но глубоко оскорбленный горячностію и вспыльчивостію Суворова, онъ сначала не зналъ, что̀ дѣлать. Наконецъ онъ избралъ лучшій исходъ: откровенно сознался въ своей винѣ и, обнаруживая непритворную печаль, старался загладить вину эту кротостію и удвоенною готовностію къ услугамъ. Къ этому случаю относятся нижеприведенныя письма. Но къ тому присоединилось еще другое обстоятельство. Около этого времени было условлено, чтобъ Суворовъ самъ написалъ Зубову и просилъ о его посредничествѣ, дабы снова быть назначену на дѣйствительную полевую службу. Чувство чести стараго воина сильно возставало противъ подобнаго поступка.

«Прямо писать къ П. А. (Зубову)—возражалъ онъ Хвостову ([24])—низкая просьба, а иначе орудіе къ злоупотребленію, что очень опасно; въ крайностяхъ моихъ къ Г. Г. Ор. (*Григорію Григорьевичу Орлову*) моему другу я не писывалъ, и ни къ кому; токмо послѣ эклипса блисталъ. Особливое при К. Г. А. (*Григ. Алекс. Потемкинѣ*)—часто я ему былъ нуженъ въ видѣ Леонида.»

Между тѣмъ это все-таки пришлось сдѣлать, чтобъ избавиться отъ ненавистнаго для него занятія постройкою крѣпостей. Нерѣшительно и съ отвращеніемъ написалъ онъ наконецъ нижеслѣдующее письмо, которое потомъ помѣтили 30-мъ числомъ іюля ([*]).

«Предъявителя сего, Г. Максимовича, который служитъ со мною. поручаю покровительству вашего сіятельства.

«Я не обременялъ васъ; если благоволите вспомнить обо мнѣ, я по прежнему вамъ преданъ.

---

(24) Въ письмѣ отъ 20 іюля.

([*]) Подлинникъ не отысканъ.

«Здѣсь я скоро кончу; второстепенныя укрѣпленія пусть довершаетъ другой. Вашему сіятельству извѣстно, чего я жажду: это не завистливая жадность почестей или искательство наградъ, я засыпанъ ими, но это моя старая, пятидесятилѣтняя привычка, побуждающая меня, гдѣ и съ какими бы то ни было войсками, пролить остатокъ моей крови на алтарѣ матери отечества. — Поручая себя Вашему покровительству, имѣю честь и т. д.»

Хвостовъ сдѣлалъ на это слѣдующее замѣчаніе: «Пролить свою кровь на алтарѣ матери отечества» могло бы быть дурно истолковано — ея алтарь въ сердцахъ. Этой мысли должно бы было дать другой оборотъ. Это «педантизмъ.» Въ теченіи десяти дней дѣло должно рѣшиться.»

Но тутъ-то и произошла вышеупомянутая досадная исторія съ недовольнымъ письмомъ и стихами въ немъ Суворова. Первое упоминаніе о ней сдѣлано Хвостовымъ въ слѣдующемъ письмѣ.

Хвостовъ къ Суворову.

29-го іюля 1792.

....Сіе для успокоенія вашего о запискѣ.... Оное сдѣлано было весьма нехорошо, истинно радикальная вина моя..... я самъ оттого былъ сутки безъ ѣды и очень досадно. Вскрылося, что я напалъ на чеснаго человѣка. Стихи «почилъ нашъ Геркулесъ» къ вамъ уже отправлены были, отвѣту не было; въ 6 часовъ утра въ Сарскомъ селѣ; П. И. Т. (*Турчаниновъ*) ушелъ въ верьхъ. Я къ Державину. Принятъ грубо противъ обыкновеннаго, и по открытой душѣ все исповѣдалъ. Г. Р. (*Державинъ*) *меценатъ*. Я цѣлыя сутки былъ въ Сарскомъ селѣ: не только переувѣрилъ его, но онъ и прочихъ и деликатно я сказалъ сіе и П. И. Т. (*Турчанинову*) самому.

.....Каховскому не хорошо, явное неблаговолѣніе. По собственному постиженію моему—пользоваться обстоятельствами, я тогда же, въ прошедшую пятницу въ Сарское: первый на глаза Г. Р. (*Державинъ*).—Я: «минута благопріятна, Каховскому не хорошо.»—Онъ: «очень не хорошо правда, и близко было схватится за иного.» Я: «что же?» Онъ: «теперь все кончено, отъ Кречетникова сей-часъ бригадиръ Гудовичь. Король подписалъ конфедерацію.» ([25]) ....Вышелъ П. И. Т. (*Турчаниновъ*): «что ты сударикъ мой?»—Я тоже о Каховскомъ.—«Я не знаю ничего; графъ будь спокоенъ.» Пустился возвышать ваше состояніе.... Я спросилъ: «зачѣмъ Гудовичь?»—«Не знаю.»—Мимо шедъ Ал. Як. Пот. публично возгласилъ, что миръ

(25) Тарговицскую.

съ Польшею. Я говорю: съ Польшею кончено, какъ высочайшее начертаніе и гласило, но Франція?—въ городѣ говорятъ вѣрно, что за Кн. Рѣпнинымъ посланъ курьеръ. «Вздоръ; ради Бога не пишите къ графу; попусту его вы безпокоите.» Лучше по напрасну обезпокоить, нежели прозѣвать.... «Его отсюда не возьмутъ»—послѣднее слово П. И. Т. (въ гарнизонъ! *замѣч. Суворова*).

Польскія дѣла кончены; французскія при концѣ; коли продолжатся до весны, есть время, но ежели въ мигъ — отдѣлить вѣлятъ Кутузова, что весьма ближе К. Р. (*Репнина*).... Письмо ваше къ П. А. (*Зубову*) можетъ послужить къ французской экспедиціи, ежели она на столѣ.

Я Державину стихи «Геркулесъ не отдыхалъ» явилъ, но ручаюся головою, ибо его знаю, что они не откроются. Ибо двоесмысліе: «*Полифемъ пьяной*» ([26]) «Цышка у барабана» ([27]).

.....По моему, каріера ваша лишь начата («кассированъ!» *зам. Суворова*); П. И. Т. говоритъ: кончена..... я ему тягостенъ, по пользамъ вашимъ; онъ недавно вздумалъ отучить меня бранью, называя шпіономъ вашимъ. Я на брань не смотрю. Воспламененъ предмѣтомъ дѣла иду своею дорогою. Хастатовъ и прочіе истинно черви («кусаютъ» *зам. Суворова*), а онъ армянинъ ([28]).

Я виноватъ, но я годенъ; не лишите меня милости и довѣренности вашей—она мнѣ жизнь. Болѣе ничего не хочу.... Наставлѣнія ваши мнѣ собственно питаніе.

Суворовъ къ Хвостову.

Кюменгородъ, 29-го іюля 1792.

Спѣшу увѣдомить сегодня другимъ курьеромъ. Кажется Дивовъ мнѣ сказывалъ: марсовы дѣла польская кончена и король приступаетъ къ конфедераціи, отчего будетъ прежняя конституція:—выбѣги мои въ воду!—Кутузовъ съ 18,000 къ французамъ—кои уже въ Полше отдѣлены и Репнинъ на образъ Тешенскаго коммиссіонера ([29]).

Турки, даже Баннатъ, спокойны. Иловайской въ С. П. Б. по Закубанцамъ ничего незначущимъ. Съ королемъ Прусскимъ утверди-

---

(26) Намекъ на Потемкина, который при какой-то ссорѣ потерялъ глазъ.

(27) Суворовъ написалъ: «тѣнь его (Потемкина) страшна! Ежели кожу на барабанъ, какъ у Цышки, то будетъ робятъ пугать....»

(28) Армянъ считали особенно хитрыми, по пословицѣ: «одинъ Грекъ обманетъ семерыхъ Жидовъ, но одинъ Армянинъ—семерыхъ Грековъ».

(29) Князь Репнинъ велъ переговоры со стороны Россіи при заключеніи Тешенскаго мира.

тельной трактатъ. Съ Готѳами тишина и Брауншвейгскій вступилъ во французскія границы и будетъ то, что съ Полшею.

(Этимъ, по видимому, кончились надежды Суворова на дѣйствительную военную службу и онъ заключаетъ съ покорностію:) «Падаю ницъ предъ Божіимъ Провидѣніемъ! Россія возведена на высшую степень. Великая Монархиня вѣчна!

«Пишите чаще и ясно. Бѣгайте лѣпоумныхъ, ярыгъ, безтолковъ и разсѣялщиковъ. Христосъ съ вами, Наташею и домашними.»

Суворовъ къ Хвостову.

30-го іюля 1792.

....Г. А. А. (*Безбородко*) по связи, для самоблюденія, съ Г. Н. И. (*Гр. Никол. Салтыковымъ*). Назначенъ Каховскій былъ К. Г. А. (*Потемкинымъ*).—Утвердъ Каховскаго унижательно мнѣ, я не захочу быть въ повелителствѣ у онаго..... хоть я червь—не человѣкъ, но владѣю еще чувствами... Г. Н. И. (*Никол. Салтыковъ*) — сей топчетъ достоинства титломъ старшинства. П. А. (*Зубовъ*) невиненъ лестновратными воображеніями; посему кончаю здесь: здаю крѣпости инженеръ-маіору, додѣлка гавени—Прево.

Примѣтте: пишу, забываю, копій нѣтъ, вы архивъ — въ свое время напоминайте и непрестанно соображайте по обстоятельствамъ.

.....Въ Полше вспомогательный ли корпусъ? — къ Цесарцамъ, моимъ друзьямъ, что вѣрно безъ лѣпоумія ближе; но ближе абшидъ, чужая служба, смерть, все равно, только не захребѣтникъ Г. Н. И. и Г. Н. С.—сколь же это подло—и такого, что ни одной баталіи не выигрывалъ.—Тюреннь Мазарину опрокинулъ на карту стаканъ воды.

Еще скажу: въ судьбѣ есть страданію заплата. Пользуйтесь нещастьемъ. Достоинство зарыто—открывайте недостоинство клевретовъ..... я ползать не могу—вались хоть Вавилонъ.

П. И. Т. (*Турчаниновъ*) въ писмѣ, совѣсти: 1-е отторженіе меня осенью отъ С. П. Б. 2-е наклоненіе мое выезда изъ С. П. Б. и его орудіе гнѣвъ, 3-е холодность на то П. А. (*Зубова*), 4-е отдаленіе П. А. отъ разговоровъ со мною безъ людей, 5-е связь П. А. и Г. Н. И. (*Ник. Салтыкова*) съ Репнинымъ, 6-е сего противъ меня гнусные поступки, на то натурально не безъ ободренія, 7-е запутанность и направленіе ярыги Хастатова, 8-е еще въ прошлую осень наклонность препорученія укрѣпленія мне всей Финляндіи, что безконечно, 9-е для разорванія и права мѣсти—кривой женихъ, 10-е Святая недѣля, узолъ отзыва П. И. Т. съ злоупо-

треблѣніемъ моего желанія, 11-е ублажительное сокровѣніе его о произшествіяхъ, 12-е подаваніе его и другихъ видовъ, 13-е злоупотреблѣніе термина служащѣе до сей поры важности въ моемъ для васъ письмѣ Г. А. А., 14-е незнаніе мое въ субсистенціи,— о томъ много говорено, 15-е вспомните изреченіе—бунтовники; это слово П. И. Т. точно не Репнина, 16-е ужасное его наклоненіе Высочайшаго отзыва! и—ежели правда—злоразсѣяніе его моей для васъ одного записки, для отвращенія чего я бы всѣ мои деревни Корицкому подарилъ, чтобы онъ не смѣлъ сдѣлать безъ цѣли угодность инымъ. Я боюся злоупотреблѣнія письма моего П. А. (*Зубову*), пусть сіе послѣднее не приключится, но верхнѣе отъ болшей части правда и Колумбъ шагъ въ заключеніе—записка, помните, солдатской лай. По всему сему мнѣ одно пристанище у мощей моего отца....

Я къ вамъ ежедневно пишу или ежесуточно, сливая ночь со днемъ въ моемъ колѣбаніи. Вы неписаніемъ, имѣя много курьеровъ, оставляетѣ меня въ страдательномъ недоумѣніи — пишите гораздо чаще.

Забываю вамъ напомнить, чтобы стереглися отъ *бьса полуденнаго* ([30]) въ касающемся до честолюбія.... ждите удобнѣйшаго времяни....

Суворовъ къ Хвостову (*).

31-го іюля 1792.

Не опоздалъ-ли я съ моимъ письмомъ къ Платону Александровичу (Зубову)? Не испорчено-ли все черезъ открытіе Корицкимъ моей приписки къ вамъ? («Потемкинъ прилетѣлъ» и т. д.). Я наконецъ испугался: мнѣ показалось это явнымъ предательствомъ.— Какъ вы могли позволить Корицкому сдѣлать это — ему, который уже много разъ повергалъ меня въ величайшія затрудненія; лучше бы мнѣ потерять всѣ мои имѣнія. Развѣ вы не подумали, что я мои письма и предположенія, даже касающіяся службы, довѣряю вамъ въ соображеніе съ обстоятельствами, для того, чтобы вы ихъ хорошенько разсмотрѣли, и тѣ, которыя не совсѣмъ годны, отсылали назадъ, съ объясненіемъ причинъ этого, или же уничтожали ихъ; какъ же вы можете довѣрять ихъ Корицкому, Марченкѣ или прочимъ?

Въ вашемъ письмѣ, присланномъ съ Максимовичемъ, вы ни-

---

(30) Подразумѣвается жена Хвостова.

(*) Подлинникъ не отысканъ.

чего не упоминали объ этомъ дѣлѣ, и я едва повѣрилъ ему. Вы были у Турчанинова и не принесли назадъ этого проклятаго письма. Если вы не нашли его дома, то должны были дожидаться его, хотя бы болѣе 24 часовъ.

Извѣстите меня подробно, какъ вы получили назадъ это письмо. Отличайте лесть, которая ведетъ только къ дурному, отъ правды и скажите, какой оборотъ приняло это дѣло и какія мѣры вы приняли, чтобъ отвратить бѣду.

О Боже мой! въ эту игру со мною запутали тоже и Попова: у него нѣтъ близкихъ связей со мною, но съ Каховскими, оттого и роковой ходъ дѣла. «Потемкинъ прилетѣлъ» — «Пресмыкающіеся» и т. д. не возстановляю-ли противъ себя всей этой толпы? И какъ могъ Турчаниновъ рѣшиться показать это письмо не только Державину, но и Попову? Какія причины? Обвиняя его, вы думаете уменьшить собственную вину. Вздоръ! первою причиною всему—вы.

Рибасъ мнѣ другъ и можетъ вамъ помочь совѣтомъ; нужно только понимать его фразы, и не дѣлайте противорѣчущей мины.

Вамъ говорятъ, что я долженъ пріѣхать въ Петербургъ, для моего успокоенія; это могло бы быть въ Успеніе (15 августа). Но тутъ у меня будутъ арлекинады, нужно будетъ поднять флагъ въ гавани въ знакъ окончанія работъ и пр. Разузнайте прежде, не дѣлается-ли это для того, чтобы присутствующаго легче наказать?

«Покорность» — обезьяна отъ чрезмѣрной нѣжности ломаетъ милому дитяти ногу—это обезьянство!

Эти люди для малѣйшей выгоды жертвуютъ отцомъ и матерью, не говоря уже про меня.

Но не хочу оскорблять—*миръ!*—Мнѣ здѣсь хорошо; здоровье же мое поправлю въ Петербургѣ. Нигдѣ не чувствую себя лучше, какъ на эскадрѣ,—хоть куда!

Называйте каждый разъ то лицо, отъ котораго вы передаете что-либо слышанное; если кто скажетъ вамъ это по секрету, то онъ тѣмъ болѣе предатель.

Предательствуя и губя, они ищутъ причины къ тому въ самомъ страдальцѣ; вѣдь можетъ быть и это поведетъ къ какой нибудь наградѣ.

Ради Бога, возвратите покой душѣ моей, не предавайтесь сну, держитесь середины между *festina lente* и чрезмѣрною торопливостью, чтобы я былъ приготовленъ увидѣть васъ 20 сентября или въ иной день или никогда!

Мое письмо къ Платону Александровичу не отдавайте. — Роковое письмо, надѣюсь, вы взяли назадъ и уничтожили.

Хвостовъ къ Суворову.

31-го іюля 1792.

П. С. Максимовичь вчера поутру пріѣхалъ, записку вашу мнѣ вручилъ. Спѣшу, приступая къ дѣлу, возвратить курьера вашего.

1-е о запискѣ вашей.

Она давно возвращена... большіе листы никогда ни у кого не бывали. Никто не свѣдущь объ нихъ, ничье расположеніе къ вамъ не премѣнилося. Оныя большія листы, признался мнѣ П. Г. Корицкой, какъ отъ васъ врученныя ему, по добродушію своему, показалъ г. Максимовичю, надѣяся на его преданность. Мнѣ до отъѣзда къ вамъ г. Максимовичь говорилъ о сей запискѣ.... Моя обида личная была, исключая васъ, что она попалася къ Г. Р. (*Державину*). Мое дѣло было его успокоить—и успокоилъ, и ежели бы что вышло отъ сей записки, или бы Державинъ къ вамъ пошатнулся, я порука, мое слово вѣрно, и онъ докажетъ опытами. Въ противномъ бы случаѣ гнѣвъ Вашего Сіятельства праведенъ будетъ на меня, но оный мнѣ всегда чувствителенъ. Мои правила въ дѣлахъ: размышленіе, молчаніе, недовѣреніе; по сему блюденіе вашихъ пользъ для меня священно...

Я вчера въ его комнатѣ, двучасной съ П. И. Т. имѣлъ разговоръ откровенной; въ преданности его къ вамъ нѣтъ сомнѣнія; но безпокровность дѣлаетъ робкимъ приступить къ дѣйствію. Къ употребленію васъ мгновѣнно онъ не видитъ средствъ и остается при письмѣ отъ 16 іюля.

Дѣла польскія совершеннѣйше кончены и Понятовскій племянникъ подписалъ конфедерацію; одинъ Малаховскій уѣхалъ въ Кальзбатъ и протестовалъ на короля; въ Краковѣ есть еще не спокойствіе; войска наши въ 12 верстахъ отъ Варшавы и тамъ и зимовать будутъ вѣрно, т. е. часть Кречетникова. Ржевуцкій и Вільгурскій пріѣхали сюда депутатами. Франціи грозитъ паденіе. Герцогъ Брауншвейгскій къ нынѣшней осени и всѣ силы двигнулися. Стоголовная скотина публика послала 2 куръеровъ за К. Репнинымъ и ждетъ его съ минуты на минуту для командованія корпуса. Истинно о немъ, К. Реп. сіё: отъ П. И. Т. племянника его, кн. Алексѣя Б. Куракиныхъ, что онъ по собственному произволу будетъ въ исходѣ Августа или началѣ Сентября ко двору, какъ подполк. и ген. ад., для пребыванія съ женою. Положеніе его не лутче, еще хуже, по мартинизму.

....дворъ собирается въ Петерговъ, оттолѣ въ Нарву; предлогъ сыщутъ, истинно для доктора, чтобъ сюда не огласить о подагрѣ.

31-го іюля. 10 часовъ вечера.

Въ канцеляріи Пл. Ал. Зубова, Грибовскій ([31]) утверждаетъ—слуху нѣтъ о посылкѣ корпуса, но симптомы; Вал. Ал. Зубову вѣрно позволено ѣхать волонтиромъ въ Кобленсъ, такъ же (сіе говорятъ) гв. маіору Корсакову ([32]). П. И. Т. преточно утверждалъ, что въ то время экспедиціи во Францію не будетъ, что и сбылося вчера же:—«я не знаю и не могу (сирѣчь) не смѣю сказать—будетъ ли, не будетъ ли корпусъ во Францію, но избраніе Собственное знаютъ всѣхъ и его съ лутчей стороны, и я и всѣ—помогать—портить. Мы всѣ противоборствовали Каховскому. Здѣлалось напротивъ.» Онъ утверждаетъ, что всѣ дворскія равныя исполнители. Князя нѣтъ,—никто не смѣетъ пикнуть.

За Гав. Р. (*Державина*) я поручаюсь какъ за себя, что много. Онъ честенъ, бурливъ, открылся—успокоился, и еще паче усерденъ. Въ С.П.Б. безъ намѣренія и плану не зачѣмъ. Сыщутъ не въ Нейшлотѣ—въ Кубанѣ, въ случаѣ нужды.

Черви подъядающіи, ихъ паче всего стеречься должно. Г. Хастатовъ ([33]) получилъ Атестатъ отъ П. Кобурха, присовокупилъ атестатъ Г. М. Познякова о Фокшанахъ, при письмѣ черезъ почту въ собственныя руки, проситъ креста Ег. безъ коего дышать не можетъ. Ссылается о храбрости на ваше поручительство, но что атестата отъ васъ не имѣетъ; относитъ на неблаговоленіе.... Сіе бездѣлица, не вредъ, но не благодарность досадна. Вотъ доброе сердце. Случитесь вы употреблены, или надобны, Хаст. не даю шести мѣсяцевъ, паки старое. Ваша довѣренность—ковчегъ изъ топазовъ. П. И. Т. предупрежденъ, но и отъ васъ, хотя бы и формально,—пристойно. Удостовѣрены мною, и изъяснить, не благоволенія вашего не было. За усердіе его, Хаст. вы платили своимъ усердіемъ, атестаты даются по правиламъ.

Отъ Хвостова къ Суворову.

1-го августа, день рожд. Наташи. 1792.

Вѣсти Андр. Ив. (*Альтести*) справедливы о Польшѣ; о корпусѣ вчера писалъ—болѣе никто не вѣдаетъ....

---

(31) Грибовскій и Альтести были канцелярскими чиновниками при Зубовѣ.

(32) Въ послѣдствіи—герой Цюриха.

(33) См. о немъ часть I. Онъ прежде былъ адъютантомъ Суворова.

....послѣдняя строчка о *бѣсѣ полуденномъ* мнѣ оскорбленіе до духа. Вамъ грѣшно сіе помыслить. Опыты докажутъ. Боюсь, чтобы не отняло рукъ. Мнѣ предстательство Г. Максимовича у васъ не нужно. Я обстоятельство знаю—о себѣ забылъ и забываю. У меня честолюбія нѣтъ, ибо позно въ 40 лѣтъ ([34]). Ограничиваюсь случая ждать... крестъ С. В. (Владимірскій), табакерка мнѣ не нужны. Вотъ все чистосердечнѣйшее исповѣданіе. Я слуга.

Хвостовъ къ Суворову.

2-го августа 1792.

Я на г. Максимовича не сердитъ, и его зову къ себѣ, но поелику совѣсть велико дѣло, онъ не ходитъ. (Къ этому примѣчаніе Суворова: «зѣло дурно съ болной головы на здоровую. Совѣсть въ Корицкомъ глупа и странная, въ Максимовичѣ дружна. Помиритесь же! Я въ зеркалѣ смотрется долженъ и масломъ жаръ не утушаютъ... пожаръ водою потушаютъ»).

...о запискѣ вы теперь успокоены, но я не буду покоенъ никогда уже... титло глупой няньки ([35]) меня не оскорбитъ — титло предателя и мошенника изъ вашихъ устъ. О предосторожности отъ кривыхъ жениховъ. Я съ начала замкнулъ уста о выборѣ всякомъ; разчухаю что полѣзно для васъ, что нѣтъ. Ваши приказанія мнѣ святы. Не смѣю даже и помышлять и не буду смѣть васъ отъ себя избавить. Изліяніе пылкостей чувствъ вашихъ мнѣ всегда сносно, но мракъ посѣянной на душѣ дѣло другое. Гр. слава Богу здорова. Впротчемъ я съ особымъ почтеніемъ есть и буду и т. д.

Суворовъ раскаялся въ своей горячности и подалъ Хвостову руку примиренія. Послѣдній съ радостію ухватился за нее и обѣщалъ на будущее время быть осторожнымъ; такимъ образомъ прекращено было это досадное дѣло, переговоры о которомъ мы описали въ подробности потому, что характеры всего лучше обнаруживаются въ страстяхъ. Такъ и тутъ у Суворова: въ негодованіи и досадѣ за отстраненіе его—горькая насмѣшка и солдатскій лай, какъ онъ его называетъ; сильные взрывъ и вспышка, при видѣ своихъ задушевныхъ изліяній въ рукахъ противниковъ; онъ страшится, что вся его будущность, самыя тайныя надежды его нѣкогда выказать еще

---

(34) Хвостовъ родился въ 1753 году.

(35) Глупая нянька—намекъ на ввѣренное ему наблюденіе за интересами Суворова въ Петербургѣ.

въ себѣ великаго полководца, будутъ поставлены вопросомъ и разрушены. Его живое воображеніе рисуетъ передъ нимъ всевозможныя страшныя картины: гнѣвъ его противъ Хвостова, небрежности котораго онъ все это приписываетъ, не имѣетъ границъ. Но когда послѣдній смиренно сознается въ своей винѣ, а пугавшія сначала опасности являются ничтожными, онъ тотчасъ же обезоруженъ, жалѣетъ о выраженіяхъ, вырвавшихся у него въ пылу гнѣва и, протягивая руку примиренія, снова даритъ Хвостова своимъ прежнимъ довѣріемъ.

Въ одномъ изъ писемъ безъ означенія числа и мѣсяца, но писанномъ въ это время (*), онъ дѣлаетъ слѣдующее описаніе своей жизни въ Финляндіи:

«Великолѣпна главная квартира въ Выборгѣ. По воскресеньямъ балъ, большой обѣдъ и вечеръ; въ праздники вахтпарадъ по правиламъ тактики. Я не всегда сплю въ полдень, но иногда хожу охотиться за зайцами или за морскими скорпіонами. Въ свое время принимаю рапорты и, ради субординаціи, надѣляю частыми выговорами. Проектовъ не дѣлаю никакихъ и чѣмъ позже кончу, тѣмъ дольше останусь нужнымъ. Я послужилъ; пусть теперь послужатъ другіе. Какая противуположность! Вмѣсто ухода за больными, я ихъ ненавижу; бѣгаю, скачу кругомъ, какъ дневальный ординарецъ; стараюсь вмѣсто десяти лѣтъ покончить въ одинъ годъ, вмѣсто великолѣпныхъ баловъ домогаюсь гарпагонскихъ изворотовъ; ревную ко всему, гдѣ дѣло идетъ о моей стихіи, и вздыхаю по боевомъ полѣ, какъ будто бы оно было священною долиною девяти сестеръ; бѣгу напыщенности славою, взирая на наклонность къ ней, какъ на давно-привычное дѣло; удаляю отъ себя ненасытную жадность къ наградамъ, такъ какъ уже осыпанъ ими; въ моемъ воодушевленіи неуклонно слѣдую руководству Минервы и непоколебимо убѣжденъ, что ничего не совершилъ, пока, въ качествѣ незначительнаго участника, не испущу моего послѣдняго издыханія въ постоянномъ исполненіи Ея (императрицы) намѣреній».

Едва была прекращена непріятная исторія по поводу злоупотребленнаго довѣрія, какъ новыя неудовольствія ожидали Суворова. Онъ создалъ себѣ свой собственный идеалъ солдата, къ которому и хотѣлъ приблизить своихъ подчиненныхъ. Солдатъ, какимъ онъ его

(*) Подлинникъ не отысканъ.

желалъ, долженъ былъ съ высшею нравственною силою соединять и высшую физическую и желѣзное здоровье. Солдатъ и болѣзненность казались ему противорѣчіями: больные солдаты были для него противны, госпитали—предметъ отвращенія. Этимъ духомъ онъ старался проникнуть и своихъ подчиненныхъ: на небольшіе физическіе недуги воинъ вовсе не долженъ былъ обращать вниманія, если хотѣлъ быть достойнымъ называться Суворовскимъ солдатомъ; а крѣпкая натура и суровое воспитаніе русскаго простолюдина пособили ему въ этомъ. Только немногія болѣзни принималъ онъ въ уваженіе, т. е. только такія, которыя происходили отъ природнаго расположенія или отъ заразы, и которыхъ не могъ избѣгнуть даже самаго крѣпкаго сложенія человѣкъ; всѣ прочія, небольшія физическія страданія долженствовали быть подавляемы душевною силою, а въ случаѣ нужды — діэтою, свѣжимъ воздухомъ и небольшими домашними средствами, какія возились при артеляхъ. «Здоровому—говаривалъ онъ—питье, воздухъ, ѣда; больному тожъ воздухъ, питье, ѣда; — бойся богадѣльни (лазарета); — въ богадѣльнѣ первой день мягкая постель, во второй день офицерская похлебка, въ третій день въ ней, братецъ, и домовище, къ себѣ и тащитъ.—Одинъ умираетъ, десятки товарищей хлѣбаютъ его смертный дыхъ» (*). Въ этомъ духѣ дѣйствовалъ онъ, въ этомъ духѣ писалъ: «нужно совершенно уничтожить госпитали; они служатъ только къ тому, чтобы «незнатные припадки» дѣлать еще хуже, потому что заразительный смертоносный воздухъ въ нихъ вредно отражается даже и на здоровыхъ.»— Эти теоріи, которыя, безспорно, заключали въ себѣ много правды, слишкомъ расходились съ старыми обычаями, чтобы пройти безнаказанно. Все новое, чтобъ получить пощаду, должно имѣть за себя успѣхъ; нѣтъ его хоть въ чемъ нибудь, по какой бы то ни было причинѣ, хотя бы изъ-за совершенно постороннихъ обстоятельствъ — новое осуждается приверженцами стараго. Естественно было, что рѣшительныя мѣры Суворова породили нѣсколькихъ недовольныхъ ими; они имѣли своихъ друзей и доброжелателей въ Петербургѣ, особенно во всѣхъ тѣхъ, которые, по какимъ-либо причинамъ, не были друзьями и доброжелателямя Суворова. Дюжинные люди никогда не прощаютъ необыкновеннымъ ихъ превосходства; низвесть послѣднихъ на свою высоту или, лучше сказать, на свою низость есть самое любимое ихъ стремленіе. Вскорѣ въ высшихъ военныхъ

(*) Собраніе писемъ и анекдотовъ, относящихся до жизни А. В. Суворова, Москва 1814: «Разговоръ съ солдатами ихъ языкомъ».

управленіяхъ раздались обвиненія и жалобы противъ Суворова: «онъ черезъ мѣру строгъ съ солдатами, гоняетъ ихъ въ дальніе походы, не принимаетъ въ уваженіе болѣзней, хочетъ даже уничтожить всѣ больничныя заведенія. Онъ не понимаетъ искуства заботливости о войскахъ, слишкомъ утомляетъ солдатъ на общественныхъ работахъ за малую плату, возбуждаетъ недовольство и этимъ подстрекаетъ солдатъ къ бѣгамъ».—То были тяжкія обвиненія, возбуждавшія сильное неудовольствіе. Выслушаемъ опроверженіе ихъ самимъ Суворовымъ, въ томъ видѣ, какъ онъ изложилъ ихъ въ многихъ письмахъ къ главному начальнику военной администраціи, президенту военной коллегіи, графу Николаю Ивановичу Салтыкову.

«Гофшпитали давно во зло употребляются; я ихъ не терпѣлъ. Полковые и ротные командиры, не радѣющіе о здоровьѣ солдатъ, часто въ оные отправляютъ издалека, и еще съ незнатными припадками, и часто чрезъ тотъ транспортъ они вступаютъ полумертвыми въ смертоносный воздухъ отъ умирающихъ. «*Минералы и ингреденціи*» (искуственныя лекарства) не по ихъ воспитанію!... У меня ботаническія средства въ артеляхъ. Одинъ изъ медиковъ имѣетъ на своихъ рукахъ сто и болѣе, при невѣжественныхъ надзирателяхъ. Вступя въ командованіе войскъ Финляндіи въ началѣ сего года, Фридризгамскій и Кюменскій (госпитали) заключали въ себѣ тысячу человѣкъ. Первые мѣсяцы былъ съ умѣреніемъ убытокъ, послѣ въ оныхъ не осталось кромѣ четырехъ болѣзней: чахотки, водяной, камня и венерической, а падучая для свидѣтельства. При отъѣздѣ моемъ было въ Фридрихсгамѣ въ назначающихся въ отставку отъ Невскаго (полка) до 40 человѣкъ; прочіе въ маломъ числѣ въ лазаретахъ полковыхъ и иныхъ, на то учрежденныхъ. Строгимъ блюденіемъ солдатскаго здоровья *егоизмъ* (*) мнѣ непріязненъ!

«Скорбутъ! пустое!... Нѣтъ въ Финляндіи скорбута, но чрезвычайно можетъ быть и у меня, коль паче иныхъ болѣзней. Посредствомъ кислой капусты, табаку и хрѣна нѣтъ скорбута, а паче при чистотѣ. Подъ словомъ *отпъненія* (госпиталей) разумѣю я: *опорожненіе оздоровленіемъ человѣколюбивымъ*... У меня изъ больныхъ въ слабые, изъ сихъ въ хворые, изъ сихъ въ прохладные, откуда уже въ роты;наконецъ въ сихъ послѣднихъ—по малому числу больныхъ не было почти нужды».

Затѣмъ онъ насмѣшливо присовокупляетъ: «У него (т. е. его предшественника) былъ день, въ которой пошло гулять на другой

(*) Т. е. эгоисты, заботящіеся болѣе о себѣ, нежели о больныхъ.

больше или столько, нежели при мнѣ въ 10 мѣсяцовъ, то есть 500 человѣкъ. Бѣглыхъ на очистку у меня было менѣе 300; у него по одному *Псковскому* полку 700. Прошлаго года при Брюсѣ и Германѣ я во внутренности войти не могъ. Послѣдній завелъ Кюменской гофшпиталь, въ которомъ умирало по 50 человѣкъ въ недѣлю....» (*).

Относительно усиленныхъ маршей, въ которыхъ его упрекали, онъ выразился такъ: «Въ началѣ прежней войны отъ Ладоги до Смоленска въ грязь и слякоть мертвой одинъ, слабыхъ полдюжины; въ разбѣгѣ по Уральской степи взадъ и впередъ ни одного мертваго; съ корпусомъ за Кубань и Лабу отъ Копыля одинъ мертвой; за Дунай съ корпусомъ въ прежнюю войну до Козлуджи мертваго ни одного, а въ Измаилѣ учредилъ гофшпиталь... Кончу, какъ оздоровѣли въ Тавридѣ гофшпитали, паки для завеленія оныхъ мнѣ подрядчики давали задатку 7,000 рублей» (**). — «*З...ъ* (***), *что вы бѣжите въ роту, развъ у меня вамъ худо, скажите по совѣсти?*— Мнѣ тамъ на прожитокъ въ годъ тысяча рублей.—*Откуда?*— Отъ мертвыхъ солдатъ» (****).

Но какъ клеветы продолжались, то онъ потерялъ терпѣніе и выразилъ президенту военной коллегіи свое справедливое неудовольствіе: «Государственной военной коллегіи извѣстно, что я во время командованія Финляндской дивизіею, чрезъ 10 мѣсяцовъ имѣлъ умершихъ болѣе 400, бѣжавшихъ свыше 200, а больныхъ, слабыхъ и хворыхъ оставилъ свыше 300 человѣкъ. Сіе довольно обличаетъ клевету, недоуміе и лжесвидѣтельство. Хотя оное теперь оставляю: но впредь за такія плевелы буду государственную военную коллегію утруждать о разбирательствѣ, поелику мнѣ честь службы священна!» (*****).

Потворство, съ которымъ принимались всѣ взводимыя на него обвиненія, раздражало его и дѣлало для него пребываніе въ Финляндіи все болѣе и болѣе невыносимымъ. Съ этого времени письма его дышатъ еще болѣе тоскливымъ желаніемъ уйти оттуда. Онъ

(*) Жизнь Суворова и пр. С. Н. Глинки : письма графамъ Николаю Ивановичу и Ивану Петровичу Салтыковымъ.

(**) Жизнь Суворова и пр. С. Н. Глинки: письмо графу Ивану Петровичу Салтыкову.

(***) Принадлежавшій къ штабу Суворова.

(****) Жизнь Суворова и пр. С. Н. Глинки: письмо Петру Ивановичу Турчанинову.

(*****) Тамъ же : письмо графу Николаю Ивановичу Салтыкову.

обращается ко всѣмъ, кого полагаетъ вліятельнымъ: къ Турчанинову, Безбородко, Зубову. Долго это оставалось тщетнымъ: Турчаниновъ былъ боязливъ и ненадеженъ, Безбородко предупрежденъ противъ него, Зубовъ равнодушенъ. Если кто могъ помочь, такъ послѣдній, потому что въ настоящее время былъ солнцемъ, къ которому все обращалось: его всемогущество распространялось на всѣ отрасли управленія, такъ какъ старость и сопряженныя съ нею немощи, да и вообще женскія качества препятствовали императрицѣ Екатеринѣ наблюдать за всѣмъ столь же зорко, сколько прежде. Чрезъ совершенно покорнаго ему Николая Салтыкова, Зубовъ господствовалъ надъ военнымъ управленіемъ; кромѣ того ему, какъ фельдцейхмейстеру, было подчинено управленіе инженерною и артиллерійскою частями; внѣшними дѣлами онъ руководилъ посредствомъ еще болѣе послушнаго орудія—Аркадія Маркова, котораго онъ вывелъ и противупоставилъ Безбородкѣ. Столь же значительнымъ было его вліяніе и на внутреннія дѣла: словомъ—онъ замѣнилъ Потемкина въ могуществѣ и силѣ, но не въ умѣ, проницательномъ взглядѣ и политической мудрости, которые послѣдній, не смотря на всѣ свои значительные недостатки, выказывалъ всюду и преимущественно въ выборѣ своихъ орудій. Все преклонялось теперь передъ Зубовымъ, какъ прежде передъ Таврическимъ, и хотя онъ сначала держалъ себя скромно, но не устоялъ противъ слабости человѣческой природы и скоро превзошелъ послѣдняго въ высокомѣріи и спѣси. При такихъ качествахъ его, Суворову, который (какъ онъ самъ говорилъ) не умѣлъ ни пресмыкаться, ни интриговать, мало оставалось падежды, а потому и дѣло о переводѣ его на югъ, не смотря на старанія его и друзей его, затянулось еще до самой зимы. За это старикъ отомстилъ горькою насмѣшкой и, кажется, имѣлъ въ виду преимущественно самаго Зубова и его ближайшихъ помощниковъ: Маркова ([35]), Альтес-

---

(35) Марковъ, Аркадій Ивановичь, родился въ Москвѣ, въ 1747 году; онъ былъ сынъ надворнаго совѣтника, рано обнаружилъ хорошія способности и, въ слѣдствіе знанія имъ иностранныхъ языковъ и особенно ловкаго владѣнія французскимъ, въ 1764 году былъ опредѣленъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. Черезъ четыре года онъ былъ назначенъ въ посольство въ Испаніи, въ качествѣ переводчика; въ 1772 г. секретаремъ посольства въ Варшавѣ; въ 1775 г. совѣтникомъ нашей миссіи въ Гаагѣ; въ этомъ же званіи переведенъ въ 1776 году къ Репнину въ Константинополь и въ 1779 г. получилъ званіе канцеляріи (или статскаго) совѣтника. Такъ какъ въ коллегіи на него было возложено составленіе французскихъ депешъ и актовъ, то онъ имѣлъ случай привлечь на себя вниманіе императрицы и въ слѣдствіе

ти ([36]) и Грибовскаго ([37]), когда говорилъ о «тріумфѣ Терзитовъ».

Нѣкоторыя выдержки изъ современныхъ писемъ его могутъ изобразить волновавшія его мысли и чувства.

того въ 1782 г. былъ назначенъ чрезвычайнымъ министромъ въ Гаагу, а затѣмъ въ 1785 г. въ Стокгольмъ. Въ слѣдствіе жалобъ Густава III на него, императрица отозвала его въ Петербургъ, произвела въ дѣйствительные статскіе совѣтники и снова обратила его къ занятіямъ по иностранной коллегіи. Тутъ онъ принималъ участіе во всѣхъ тогдашнихъ договорахъ русскаго двора. Когда Безбородко отправился въ Яссы, для заключенія мира, Марковъ, благодаря покровительству Зубова, довѣріемъ котораго вполнѣ обладалъ, пріобрѣлъ первенствующее значеніе въ коллегіи и все болѣе и болѣе оттѣснялъ Безбородку. Тогда внѣшнія дѣла очутились въ рукахъ его и Зубова. Онъ былъ пожалованъ тайнымъ совѣтникомъ, графомъ и т. д.—(Съ вступленіемъ на престолъ императора Павла прекратилось вліяніе его и его покровителя, Безбородко снова возвысился, а Марковъ удалился въ свои помѣстья. Императоръ Александръ снова вызвалъ его, какъ и вообще всѣхъ служившихъ Екатеринѣ, и назначилъ его посланникомъ при консульскомъ дворѣ въ Парижѣ. Но здѣсь онъ своимъ высокомѣріемъ навлекъ на себя общую ненависть и немало содѣйствовалъ разрыву между Россіей и Франціей. Императоръ Александръ отозвалъ его и дѣятельность Маркова, какъ государственнаго человѣка, кончилась. Онъ умеръ въ 1827 году, 80 лѣтъ отъ роду). — Мелочной въ своихъ идеяхъ, интригантъ характеромъ и высокомѣрный въ обращеніи, онъ вездѣ, гдѣ ни былъ, пріобрѣлъ мало любви къ себѣ. Одна черта, которую разсказываютъ о немъ, можетъ характеризовать его. Разъ, во время пребыванія своего въ Парижѣ, онъ разговаривалъ съ первымъ консуломъ о садоводствѣ и убѣдилъ его сойдти съ нимъ въ садъ. Но когда они были уже внизу у дверей, Марковъ приказалъ подать свою карету и откланялся, высокомѣрно торжествуя, что перехитрилъ консула и заставилъ его проводить себя до дверей. Одна эта черта рисуетъ всего человѣка.

(36) Альтести, уроженецъ Рагузы, изъ купеческой лавки въ Константинополѣ былъ переведенъ русскимъ посланникомъ Булгаковымъ въ собственную его канцелярію. Когда началась война, онъ сталъ искать счастія въ Петербургѣ и, по своему знанію языковъ, попалъ въ канцелярію Зубова, довѣріе котораго умѣлъ пріобрѣсть, и сдѣлался главнымъ дѣльцомъ его. Ему принадлежитъ написанное въ послѣдствіи сочиненіе противъ Поляковъ (**Mémoires sur la révolution de Pologne, St. Pétersbourg, 1792, 8, 76** страницъ), которое немало увеличило его значеніе въ глазахъ Зубова и при дворѣ, хотя было въ высшей степени жалкимъ произведеніемъ: плоско, надуто и преисполнено лицемѣрнаго усердія и гнѣва. Тутъ посыпались на него награды; такъ, въ то время, цѣнились нравственныя заслуги, хотя имъ оказанная была весьма незначительна, потому что брошюра его понравилась, можетъ быть, только въ Петербургѣ и давно забыта. Онъ получилъ послѣ этого въ свои руки почти всѣ дѣла, касавшіяся Польши, и при этомъ немало обогатился; въ равной степени возрастали его гордость и кичливость, какъ обыкновенно бываетъ съ людьми малообразованными. При вступленіи на престолъ императора Павла дѣятельность всѣхъ этихъ людей была прекращена, и Альтести, вмѣстѣ съ своимъ покровителемъ, удаленъ.

(37) Грибовскій, сынъ священника, имѣлъ еще менѣе школьнаго образованія.

О непріятностяхъ по поводу госпиталей онъ писалъ въ началѣ августа Хвостову:»

«Я въ судебномъ бассейнѣ углубленной,—легко утонить! Здесь: смертелность относимая на меня по работамъ. На себя принятое шестидесяти-лѣтнее—въ одинъ годъ, по сему конечная разстройка войскъ.

«П. И. Т. (*Турчаниновъ*) плащъ по вѣтру: гдѣ не обманъ, тамъ онъ самъ обманутъ т. е. направленъ благовидностію.... бойтесь робкости измѣнъ, не верте тенетному лѣпоумію....»

Другое письмо обнаруживаетъ его надежды и желанія: «Здѣшнія вихри одинъ несетъ меня на Кубань, другой съ Кавказами, третій въ Херсонъ до Очакова. Я готовъ, лутче послѣднѣе, лутче дать играть судбѣ: я здесь слѣпъ.

«Прежде противъ меня бѣсъ К. Г. А. (*Потемкинъ*) но съ благодѣяніями, а ныне безъ нихъ 7 бѣсовъ: Луциферъ Мартинистъ, Асмодей благочестивой, Астаротъ Иванъ Ц. съ прочими бесятами безъ щету.....»

Въ другомъ письмѣ онъ жалуется: «Тонкій Веймарнъ, великій Румянцовъ, мудрой Вяземской, имѣютъ и конецъ. Репнинъ на колесѣ, Г. Н. С. (*Никол. Салтыковъ*) вертитъ, Г. И. С. (*Иванъ Салтыковъ*) мажетъ, тебѣ кончатся: и за то на чертѣ лишь бы было съ честью».

На лоскуткѣ бумаги читаемъ слѣдующее: «Безъ денегъ, безъ мызы и саду, безъ экипажа и ливрѣи, безъ банкета: тако безъ друзей и безъ славы; никому не равенъ — желать ли мнѣ быть ровнымъ?.... Безъ имѣнія я получилъ себѣ имя — судите — никому не ровное.

- «Его (*Безбородки*) пріятели Зав. (*Завадовскій*) Г. А. Р. В. (*Александръ Воронцовъ*) питаются вѣрхнимъ. Свойство мое — къ отечественному употребленію—не въ инструментъ.

«Прошлолѣтнѣе блистающѣе, наступающѣе солидное мнѣ здесь дѣло и жаль съ легка кончить. 3-е лѣто важенъ Роченсалмъ (сойти можетъ) и внутренности Вильманстранда—Давидовская чуть Нейшлотъ. 4-е педантизмъ—окончаніе башни въ морѣ».

нежели Альтести; сначала былъ писцомъ въ канцеляріи Потемкина; оттуда перешелъ къ Зубову, въ два года выслужился въ полковники и раздѣлялъ съ Альтести кредитъ, которымъ пользовался послѣдній; и онъ также пріобрѣлъ большое богатство, которое однако же скоро и промоталъ. Паденіе его покровителя повлекло за собою и его собственное.

«Безбородко въ свое время удалитъ меня въ дѣйствующей департаментъ, какъ то всегда со мною было: и при К. Г. А. (*Потемкинѣ*) не были-ль въ 1-й ролѣ?»—

Соображаясь съ этимъ, онъ писалъ къ Безбородкѣ:

Каналъ при Кевке Сильдѣ, 27-го сент. 1792.

Ваше Сіятельство помните ваши мнѣ благодѣянія чувствительныя по мой гробъ, обновите ихъ! не предавайте меня моимъ завистникамъ, я имъ не мѣшаю, изобилую милосердіями Великой Монархини хотя еще на другія пятьдесятъ лѣтъ службы. Не отсылайте меня на дальновидныя предопредѣленія: я не закулиссной солдатъ. Здѣсь другой легко окончитъ.

Вы министръ! настоитъ дѣло съ Франціею: число войскъ важной предлогъ, победительнымъ оружіемъ я сражался съ 500 съ 5,000 противъ десяти численныхъ, и Галлы не Прусаки. Нѣтъ сего, есть вакансія Кречетникова. Въ сомракѣ моемъ остаюся и пр.

Онъ самъ въ сентябрѣ поѣхалъ въ Петербургъ, чтобы подкрѣпить свое прошеніе, и, черезъ Безбородко, передалъ письменную просьбу императрицѣ. Все напрасно. Онъ впалъ въ глубокую горесть; но тутъ нижеслѣдующее письмо отъ Хвостова снова возстановило его.

Хвостовъ къ Суворову.

15-го октября 1792.

Письмо ваше и всѣ вложенія сегодня получилъ и спѣшу возвратить курьера; Петру Ивановичю ваше письмо показывалъ и оно паки у меня. Онъ сказалъ, что предувѣдомилъ П. Ал. (*Зубова*) о прибытіи вашемъ, и самъ онъ васъ ждетъ *всю правду сказать*. К. Репн. долго отрѣкался немецкимъ языкомъ, и наконецъ Рижской Г. Губ.— Отъѣздъ его медлится приготовлѣніемъ людей сильныхъ въ языкѣ и нравахъ, но долженъ послѣдовать въ исходѣ сего мѣсяца необходимо. П. Ив. (*Турчаниновъ*) признается, что онъ ему для васъ бельмо на глазу, и что сіе ему *retraite*. Государыня крайне занята Фр. дѣлами. Король въ заточеніи срамномъ, королевство уничтожено, республика объявлена. Къ вящему прискорбію Эстафетъ пріѣхалъ, что за болѣзнями, недостаткомъ провіянта и фуража союзныя арміи отступили, кончили компанію и вошли въ переговоры. Сюды обращеніе глазъ и близновидность сущая. Ежели зимой не передѣлается, наша честь потребуетъ сильно ударить и —не мѣсто Ген. Порутчика. П. Ив. говоритъ, что вы теперь одни,

«отвѣдали Каховскаго». Но лишь бы съ кротостію и терпѣніемъ, не выставляяся».

..... по настройкѣ К. Реп. изволила паки отозваться *«въ полѣ»* съ крайнею осторожностію. Письмо ваше къ Г. А. А. (*Безбородко*) къ статіи было, онъ предувѣдомленъ, и всѣ способы даны, и не вредитъ. Записку вашу и письмо къ П. А. (*Зубову*), по отъѣзду К. Реп. ясно ненужныя, не вручу.

Турецкія—вмѣстѣ съ дальновидностію близковидность. Французы, что и въ газетахъ есть, очень работаютъ ихъ разстроить, и сіе будетъ часть наша..... Словомъ—или Франція, или Херсонь, вотъ куды цѣлить должно.....

Замѣчаніе Суворова: «Сіе писмо мнѣ душу облегчаетъ.»

«Если Репнинъ губернаторомъ, то онъ не воспрепятствуетъ моему переводу въ Херсонъ. Николай Салтыковъ ничего для этого не сдѣлаетъ; но я надѣюсь на Безбородко. Здѣсь я чувствую себя, какъ въ аду» (*).

Суворовъ ошибся относительно расположенія къ нему Безбородки; послѣдній по видимому раздѣлялъ всеобщее предубѣжденіе противъ Суворова. Изъ дневника Храповицкаго (ноябрь 1792 г.) видно, что Безбородко былъ очень недоволенъ, когда въ послѣдствіи Суворову ввѣрено было начальствованіе надъ войсками на турецкой границѣ. «Онъ всѣхъ изнуритъ, говорилъ онъ, и будетъ ихъ также гонять, какъ въ Финляндіи. Намъ нуженъ человѣкъ, который бы все щадилъ, подготовлялъ и доставлялъ сюда подробныя извѣстія, такъ какъ Турки производятъ большія вооруженія. Суворовъ, напротивъ, будетъ писать Турчанинову однѣми загадками.»— Это было выраженіемъ господствовавшаго при дворѣ мнѣнія о Суворовѣ; только одна императрица въ своей прозорливости составила себѣ лучшее о немъ мнѣніе и она-то, не смотря на сопротивленіе своихъ министровъ, и возвратила его наконецъ къ настоящему его призванію. Какъ вѣрно она оцѣнивала дѣла, даже при недостаточныхъ данныхъ, доказываетъ слѣдующая черта, о которой Хвостовъ въ это время увѣдомилъ Суворова. Императрица спросила Репнина: «Говорятъ, что герцогъ Брауншвейгскій отступилъ (изъ Шампаніи)»?—*Репнинъ*: «Онъ сдѣлалъ это, какъ мудрый и ве-

---

(*) Послѣдн ей замѣтки въ подлинникѣ не отыскано.

ликій полководецъ, потому что не пошелъ далѣе, какъ безумный, и не подвергъ всего войска своего опасности погибели.»—*Императрица* иронически : «Я не желаю, чтобъ мои генералы были столь мудры.»—Ея проницательный взглядъ отличалъ мудрость, которая предварительно все спокойно взвѣшиваетъ и затѣмъ дѣйствуетъ рѣшительно, отъ слабости характера и нерѣшительности, которыя такъ любятъ выдавать себя за мудрость, ничего не предвидятъ и потому всего пугаются, то превозносятся кичливостью, то впадаютъ въ малодушіе, хотятъ и не хотятъ и, прибѣгая къ однѣмъ полумѣрамъ, приводятъ наконецъ и себя, и другихъ къ погибели.

Еще незадолго до своего избавленія, Суворовъ, почти въ совершенномъ упадкѣ духа, писалъ Хвостову 23 окт. 1792 г.: «Сего дня исполнилось 50 лѣтъ! (т. е. со времени вступленія его въ службу, которое, значитъ, слѣдуетъ отнести къ 23 окт. 1742 г.). У Салтыкова (президента военной коллегіи) значитъ только старшинство, а не достоинство: тутъ разставлены сѣти, и для меня нѣтъ тутъ мѣста; подъ покровомъ ласкательныхъ словъ я уничтоженъ. И кто поможетъ мнѣ? развѣ плащъ по вѣтру (Турчаниновъ)? — Пора до бурь гавани поискать» (*).—Часто, когда послѣдняя надежда изчезаетъ, помощь всего ближе. Въ ноябрѣ онъ снова пріѣхалъ въ Петербургъ, и его старанія были счастливѣе. Подстрекательства и происки республиканскихъ Французовъ въ Константинополѣ, старанія ихъ снова возбудитъ Турцію къ войнѣ противъ Россіи, дабы удержать послѣднюю отъ участія въ борьбѣ съ Франціей, ихъ обѣщанія дѣятельной помощи, какъ флотомъ, такъ и сухопутными войсками, наконецъ имѣли успѣхъ, и сильныя вооруженія и приготовленія Порты заставляли съ вѣроятностію предвидѣть скорый разрывъ едва заключеннаго мира. Кого, въ такихъ обстоятельствахъ, всего приличнѣе можно было бы противупоставить Османамъ, какъ не человѣка, который долго наводилъ страхъ на нихъ? Это рѣшило дѣло, и 10 ноября 1792 года воспослѣдовалъ рескриптъ Суворову, въ которомъ было сказано: «Графъ Александръ Васильевичъ! Препоручивъ въ начальство Ваше войски, расположенныя въ Екатеринославской губерніи, Тавридѣ и во вновь-пріобрѣтенной области, возлагаемъ на Васъ и всѣ предположенныя для безопасности тамошнихъ границъ, и опробованныя Нами по проектамъ

(*) Подлинника не отыскано.

Инженеръ-Маіора де-Волана въ разныхъ мѣстахъ укрѣпленія, немедленно привесть къ исполненію, истребовавъ подлежащія свѣденія отъ Генералъ-Маіора и правителя Екатеринославскаго намѣстничества Каховскаго, касающіяся какъ до опробованныхъ всему тому плановъ, такъ объ асигнованной на то суммѣ и всѣхъ нужныхъ для того пособіяхъ. Мы совершенно полагаемся на усердіе, дѣятельность и искуство ваше, что все предположенное Нами къ обезпеченію тамошнихъ предѣловъ наилучшимъ образомъ и къ особливой Нашей благоугодности вами исполнено и устроено будетъ» (*).

Это было двойнымъ порученіемъ: начальствованіе надъ арміей и укрѣпленіе границы; отозваніе отъ ненавистныхъ построекъ крѣпостей, но и порученіе другихъ такихъ же. Это доказывало довѣріе императрицы и довольство ея тѣмъ, что онъ до сихъ поръ сдѣлалъ; но сколько одно порученіе его обрадовало, столько другое было для него противно; только виды на имѣвшую скоро возобновиться военную дѣятельность противъ непріятеля, съ которымъ онъ столь часто со славою сражался, заставляли его не обращать вниманіе на все остальное и съ радостію и восторгомъ принять новое доказательство довѣрія обожаемой имъ государыни.

Такимъ образомъ онъ снова долженъ былъ постепенно вступить на новое, или, лучше сказать, на старое свое поприще.

Въ заключеніе приводимъ еще нѣкоторыя черты, служащія для ознакомленія съ старымъ воиномъ; о необыкновенныхъ людяхъ интересны и мелочи, и мы до сихъ поръ еще благодарны Плутарху за многія небольшія черты его героевъ, которыя рисуютъ человѣка и безъ него навсегда пропали бы для насъ.

Лѣтомъ этого года стихотворецъ Ермилъ Костровъ (†1796) посвятилъ Суворову свой переводъ Оссіана—весьма блѣдный снимокъ, потому что былъ переведенъ съ французскаго перевода, сдѣланнаго съ англійскаго перевода или скорѣе обрѣзка старыхъ гаэлическихъ пѣсенъ, исполненнаго Макферсономъ.—Но и въ этомъ видѣ онъ произвелъ сильное впечатлѣніе на стараго воина, подобно тому, какъ въ тоже время и на другаго, юнаго воина, имя и слава котораго скоро должны были исполнить весь міръ. Переводъ этотъ воодушевилъ Суворова къ поэтическому подражанію; но какъ направленіе ума у старика

(*) У Смитта приведена только сущность начала этого рескрипта, но здѣсь онъ приведенъ вполнѣ изъ Собранія писемъ и анекдотовъ о Суворовѣ и пр. Москва 1814.

было болѣе сатирическое, нежели эпическое, то и произошла своеобразная, полу-шуточная смѣсь. Вотъ подобное посланіе въ оссіановскомъ тонѣ, которое онъ адресовалъ Хвостову:

«Странствую въ сихъ каменомшистыхъ мѣстахъ, пою изъ Оссіана; о въ какомъ я мраке! пронзающей темноту лучь деннаго свѣтила даритъ меня: переводъ съ аглицкаго

Оставшихъ тѣней всѣхъ предтѣкшихъ пораженьевъ
Пятнадцать тысячь вихрь подъ Мачинъ накопилъ.
Герой ударилъ въ нихъ, въ Ѳаготъ свой возопилъ!
Здесь самъ визирь и съ нимъ сто тысячь привидѣньевъ.

«Облисталъ Нейшлотъ, я вознесенъ туда на крыльяхъ легкаго вѣтра изходящаго изъ нѣдръ Кутвенетайполя, проходящъ пустыню Пумалы, содрагаю отъ стремины дольнѣй. Обратясь, я въ Кевкеншильдѣ; брега его не столь облачены камнемъ—какъ въ Кутвенетайполе где еще не успѣли омшится, и здесь толко видна ихъ бахрама. Воззри на сей донной плитникъ: сто сухихъ дубовъ его пожигаютъ безконечно. Составъ изъ лены мещетъ его въ густыя облака, они падаютъ и воздухъ наполненъ мглою. Но что я вижу! толстота земли изгибается подъ непрозрачными волнами быстротечнаго Сайма. Гдѣ мой другъ Штейнгель ([38]). Въ объятіяхъ ли его любезной супруги, или въ бесѣдѣ съ душами пересѣленными въ густые туманы, онъ повергаетъ меня въ уныніе, умножаетъ мою печаль летящую съ Юга. О Барды! воспойтѣ тамошнюю радость поелику о ей отъ Кулдѣевъ слыхали, скоро ли меня перенесутъ тамошняя орлы въ тѣ медомлечныя страны гдѣ я толико упразднялся съ бранноносцами, и гдѣ бы я тонкой воздухъ въ ваше спѣшное время наполненной зеѳирами пріятно раздѣлилъ хотя на рогѣ мира».

Такъ онъ постоянно возвращался къ той же мысли—перемѣщенію на югъ. Чтобъ доказать нуждавшемуся переводчику свою благодарность за наслажденіе, доставленное ему Оссіаномъ, и за посвященіе онаго, Суворовъ хотѣлъ сдѣлать Кострову значительный подарокъ и даже назначить ему пенсію послѣ своей смерти. Но, какъ обыкновенно бываетъ, приближенные возстали противъ этого и адъютантъ Суворова Курисъ писалъ по этому случаю 16-го августа 1792 Хвостову:

---

(38) Въ то время полковникъ генеральнаго штаба, въ послѣдствіи генералъ, извѣстный по походу 1812 года.

«Костровъ сочинитель на имя Его Сіятельства перевелъ съ французскаго на Руской древнего воина *Оссіана* подобнаго подвигамъ Графа. Онъ заботится чемъ наградить ево. Разъ мыслитъ—вдругъ 500 рублей; потомъ—производить по смерти Графа 100 рублей въ годъ. Последнее некчему и не имѣетъ виду. Первое очень много. А кажется 200 или 300 р. приличнѣе подарить. Какъ вы изволите думать—решите».

Какъ въ этомъ случаѣ Кострову, такъ и другимъ нуждавшимся Суворовъ втайнѣ оказывалъ свою благотворительность, о которой мы ничего не узнали бы, еслибъ не существовало еще указаній его на это Хвостову. Точно такъ же онъ поддерживалъ обѣихъ сестеръ своихъ, Горчакову и Олешеву, годовыми пенсіями, равно и нѣкоторыхъ бѣдныхъ офицерскихъ вдовъ. Слѣдующее письмо къ его повѣренному въ дѣлахъ Хвостову свидѣтельствуетъ объ этомъ:

«Ежегодныя деньги 1,500 р. въ первыхъ числахъ изъ Ундала М... М... прямо доставлять ей. — Капитанше Мейеръ извольте ей опредѣлить 100 р. въ годъ, отдавать вдругъ 1-го Генваря... тетке Анне Васильевнѣ (*Горчаковой, тещь Хвостова*) изъ оброку 225 р. отвози прямо»...

Далѣе мы увидимъ еще другія черты его добросердечія, благотворительности и готовности помогать; любимой его поговоркой было: «добро дѣлать не слѣдуетъ медлить ни минуты.»

Въ вышеупомянутомъ сборникѣ генералъ-адъютанта князя Суворова существуетъ еще одно письмо къ нему отъ сестры Маріи Васильевны, которое мы приведемъ здѣсь по причинѣ его наивности:

«Батюшка братецъ графъ Александра Васильевичь за присылку грибовъ покорно благодарю посылаю тебе мой батюшка бергамотъ 20; кушій на сдаровья. Прашу Бога о продложеніи тебя здаровья, цалую твои ручьки остаюсь покорьноя и благодарьноя сестра твоя Марья Олешева.»—Въ другомъ письмѣ къ Хвостову, онъ говоритъ въ припискѣ:» Сестрица Марья, не стыдно-ли тебѣ, до сихъ поръ не умѣешь писать правильно.» (*)

Еще прежде, нежели Суворовъ покинулъ Финляндію, онъ получилъ отъ своей государыни новое доказательство ея великаго довѣрія къ нему: онъ былъ обязанъ не только представить предположеніе, какъ окончить начатыя постройки, но и указать мѣры, которыя слѣдовало бы принять въ случаѣ новой войны съ Швеціей. Неизвѣстно, какія предположенія онъ сдѣлалъ и воспользовались-ли

(*) Подлинникъ не отысканъ.

ими при позднѣйшемъ завоеваніи Финляндіи; но положительно извѣстно только то, что они заслужили полное одобреніе императрицы.

Къ концу 1792 года, Суворовъ, полный великихъ надеждъ и ожиданій, отправился къ новому назначенію своему въ южную Россію. Но какъ ему должно было обмануться въ нихъ! Онъ надѣялся на улучшеніе своего положенія, а сдѣлалъ его еще хуже. Въ Финляндіи его удручали маленькія страданія, здѣсь же его должны были постигнуть бо̀льшія и онъ попалъ въ такія непріятныя, запутанныя обстоятельства, что наконецъ, въ отчаяніи, хотѣлъ пожертвовать всѣмъ своимъ состояніемъ и удалиться изъ отечества. То были испытанія судьбы, которыя всего чувствительнѣе поражаютъ достойнѣйшихъ; униженія, предшествующія возвышенію и находящіяся въ соотношеніи съ нимъ; затмѣнія, служащія къ тому, чтобы еще болѣе усилить блескъ послѣдующаго сіянія!

Мы оставляемъ его на пути туда и возвращаемся къ польскимъ дѣламъ (которыя въ теченіе 1792 года потерпѣли сильный переворотъ), для того, чтобы представить ихъ въ связи и какъ введеніе къ послѣдней катастрофѣ, которую произвелъ мечъ Суворова.

ПЯТЫЙ ОТДѢЛЪ.

1792-Й ГОДЪ ВЪ ПОЛЬШѢ.—ПЕРЕВОРОТЪ ОБСТОЯТЕЛЬСТВЪ.—ТАРГОВИЦСКІЕ КОНФЕДЕРАТЫ.

Беззаботность въ Варшавѣ.—Двѣ крайне-противуположныя партіи.—Потоцкіе, Ржевускіе, Браницкіе обращаются къ Россіи.—Предостереженія Деболи изъ Петербурга.—Королю предоставляется почти неограниченная власть.—Разъясненіе тогдашняго положенія Польши.—Отказъ курфирста саксонскаго.—Императрица Екатерина вооружается съ цѣлію низпроверженія новой польской конституціи.—Она склоняетъ на свою сторону вѣнскій и берлинскій дворы.—Проектъ Тарговицской конфедераціи.—Инструкція Булгакову.—Настроеніе умовъ въ Варшавѣ.—Русскій манифестъ $^{7}/_{18}$ мая.—Ближайшія обстоятельства при передачѣ манифеста и послѣ.—Неудачная поѣздка Игнатія Потоцкаго въ Берлинъ.—Постановленія сейма и его отсрочка.—Учрежденіе конфедераціи въ Тарговицахъ. — Состояніе польской арміи. — Первыя мѣры Понятовскаго.—Русская армія и планъ дѣйствій ея.—Сила и распредѣленіе украинской арміи.—Русская армія переходитъ черезъ границы.—Дѣла при Любарѣ.—Очищеніе Полоннаго.—Бой 7 (18) іюня при Зѣлинцахъ.—Понятовскій отступаетъ къ Острогу.—Переговоры о перемиріи.—Дальнѣйшее отступленіе польской арміи.—Она отступаетъ за Бугъ.—Дѣйствія въ Литвѣ.—Планъ дѣйствій русско-литовской арміи Кречетникова.—Сила и распредѣленіе арміи.—Ходъ военныхъ дѣйствій.—Провозглашеніе литовской конфедераціи въ Вильнѣ.—Дѣло при Мирѣ.—Михаилъ Забѣлло принимаетъ начальство надъ литовско-польскою арміею въ Гродно.—Онъ отступаетъ за Бугъ.—Верховный военный совѣтъ въ Варшавѣ. — Каховскій переходитъ черезъ Бугъ у Кладнева.—Бой при Дубенкѣ 7 (18) іюля. — Каховскій преслѣдуетъ польскую армію за Люблинъ. — Дѣло при Грабовѣ 15 (26) іюля. — Прекращеніе военныхъ дѣйствій.

Теперь Поляки имѣли свою новую форму правленія и ликовали; но вмѣсто того, чтобы напрягать всѣ силы и всею мощью отстоять это пріобрѣтеніе, они погрузились въ обычную свою беззаботность и, вмѣсто устройства войска, финансовъ и другихъ средствъ къ своей оборонѣ, въ продолженіе цѣлыхъ мѣсяцевъ занимались установленіемъ правилъ дѣлопроизводства для отдѣльныхъ отраслей управленія, мелочными ссорами, празднествами

и кознями партій.—Эта беззаботность заключалась въ самомъ характерѣ націи. Вполнѣ занятый настоящимъ, Полякъ не предусматриваетъ даже самой ближайшей будущности и не въ состояніи расчитать даже вѣроятнѣйшихъ послѣдствій. Оттого и столько необдуманныхъ, даже безразсудныхъ поступковъ, къ которымъ они искони увлекались легкомысліемъ и буйностью своего характера, и въ слѣдствіе которыхъ довели наконецъ государство свое до паденія. Теперь, не заботясь ни о чемъ въ мірѣ, они предались обычной склонности къ наслажденіямъ: никогда не жилось такъ весело въ Варшавѣ, какъ въ этомъ году (1). Уже слышались издали глухіе раскаты грома, но они не пробуждались изъ своего упоенія. Вѣсть о заключеніи мира въ Яссахъ, развязавшаго руки Русскимъ, хотя испугала ихъ, но лишь на одно мгновеніе. Такъ какъ не послѣдовало тотчасъ разрыва, то они уже вовсе и не ожидали его. Они низпровергли, попрали ногами то, что было утверждено и гарантировано дипломатическими договорами, и питались надеждою, что это преспокойно сойдетъ имъ съ рукъ. Драгоцѣнныя минуты пропадали безъ пользы, и ничего не было сдѣлано для лучшихъ: приготовленія къ войнѣ и обороны страны.

И еслибы еще существовало въ націи согласіе; но далеко было до этого. Правда, молодежъ, менѣе разсуждающая, нежели надѣющаяся и желающая, была вполнѣ за новую конституцію, въ которой думала видѣть залогъ будущаго величія Польши. Но люди зрѣлаго возраста, болѣе обращавшіе взоры на прошедшее, еще были привязаны къ стариннымъ формамъ польской необузданности, которую называли свободой. Землевладѣльцы, сельскіе дворяне вздыхали о большихъ налогахъ, съ трудомъ ими собираемыхъ, о затрудненіяхъ къ сбыту своихъ сельскихъ произведеній со времени мира, объ угрожавшихъ бѣдствіяхъ войны, имѣвшихся въ виду. Такимъ образомъ партія, настроенная *противъ* новыхъ перемѣнъ, или партія воспоминанія, была немногимъ слабѣе партіи *въ пользу* перемѣнъ или партіи надежды. Она состояла даже изъ людей съ большимъ вѣсомъ, владѣльцевъ, опытныхъ, которые по этой самой причинѣ не раздѣляли одушевленія, буйности молодыхъ людей или надѣявшихся, которые всѣ свои надежды и желанія возлагали на будущее и на свою неиспытанную силу.—Къ тому же господствовавшая теперь партія, въ силу новой конституціи, имѣла въ своихъ

(1) Это свидѣтельствуетъ Фридр. Шульцъ (Reise eines Livländers). Онъ состоялъ въ это время въ свитѣ самой герцогини курляндской въ Варшавѣ.

рукахъ всѣ средства къ устрашенію и наказанію, армію, казну, суды, и всякое возстаніе, всякое сопротивленіе было строго сдерживаемо и наказываемо. Поэтому недовольные не смѣли шевелиться; только нѣкоторые изъ вождей ихъ, слишкомъ уже выставившіе себя, какъ-то *Феликсъ Потоцкій*, *Северинъ Ржевускій* и нѣкоторые другіе, исполненные злобы, покинули страну, дабы огласить иностранные дворы своими воплями объ угнетеніи свободы своего отечества. Такимъ образомъ польскія ссоры и раздоры возникли теперь въ Дрезденѣ, Берлинѣ и Вѣнѣ, точно также, какъ и въ Варшавѣ, потому что и господствовавшая партія послала туда своихъ приверженцевъ, для противодѣйствія первымъ. Потоцкій и Ржевускій изъ Вѣны, Антонъ Четвертинскій и другіе предводители изъ Варшавы отправились въ концѣ осени 1791 года въ Яссы, чтобы склонить въ свою пользу могущественнаго Потемкина, но нашли только трупъ его и долго оставались въ Яссахъ, не зная что̀ дѣлать. Тутъ къ нимъ присоединился и *Бранщкій*, который, подъ предлогомъ принятія наслѣдства жены своей, племянницы Потемкина, не безъ труда ускользнулъ изъ Варшавы, откуда его не хотѣли выпускать. Они въ совокупности просили дозволенія прибыть въ Петербургъ, получили оное только по заключеніи 29 дек. 1791 (9 янв. 1792) мира съ Турками и въ февралѣ 1792 г. поспѣшили туда. Здѣсь они явились какъ преслѣдуемые, изгнанники, лишенные политическими врагами своими, бывшими и врагами Россіи, своихъ званій и имѣній, просили императрицу о защитѣ и о возстановленіи прежней гарантированной ею конституціи. Они были приняты радушно и съ участіемъ. «Какъ не принять ихъ, сказала императрица одному изъ довѣренныхъ у нея лицъ (2), одинъ изъ нихъ уже тридцать лѣтъ другомъ Россіи, а другой изъ врага сдѣлался другомъ.» —Теперь и польскій посланникъ въ Петербургѣ, Деболи, началъ бить тревогу въ Варшавѣ и посылалъ туда самыя ужасныя вѣсти о козняхъ эмигрантовъ, о вооруженіяхъ Россіи и обширныхъ ея планахъ, о неудовольствіи императрицы противъ короля и націи.—Въ апрѣлѣ онъ сообщилъ положительное извѣстіе, что скоро разразится гроза. Это произвело наконецъ испугъ въ Варшавѣ и тамъ поспѣшно принялись теперь за то, на что̀ имѣли времени цѣлые годы, но не воспользовались ими. Теперь всѣ мѣры стали приниматься въ торопяхъ: начали вооружаться, разрѣшили продажу старостъ, какъ за-

(2) Дневникъ Храповицкаго.

логъ займовъ, имѣвшихъ быть совершенными, пріискивали искусныхъ офицеровъ и генераловъ, и вели переговоры съ иностранными дворами. Но принятыя въ самыя послѣднія минуты, мѣры эти запоздали. Все настойчивѣе, все грознѣе становились предостереженія Деболи изъ Петербурга: тогда коноводы господствовавшей партіи употребили искуственный маневръ, чтобы при грозившей опасности спасти шею свою отъ петли, избѣгнуть негодованія и проклятія націи, и избавиться отъ всякой отвѣтственности за свои поступки. Именно, вмѣсто того, чтобъ совокупными силами, какъ бы слѣдовало, самимъ стать передъ пропастью, они положили передать всю власть королю и предоставить ему выпутать себя и страну, какъ можетъ, изъ опаснаго положенія, въ которое поставили ее—адскій планъ, внушенный, вѣроятно, Коллонтаемъ. Еслибы спасеніе удалось, то они были довольно близко, чтобъ снова захватитъ кормило правленія и приписать себѣ всю заслугу; а еслибы пришлось пасть, какъ было вѣроятнѣе, предъ превосходствомъ силъ противника, то имѣлся человѣкъ, на котораго можно было свалить всю вину. Они, которые всю свою жизнь жаловались на слабость и непостоянство короля, заподозрѣвали его образъ мыслей, порицали его покорность волѣ царицы, вдругъ явились исполненными довѣрія къ его силѣ, твердости и проницательности, до того, что рѣшились предоставить ему совершенно неограниченную власть надъ казною, войскомъ и даже судами: все было передано ему, предоставлено въ его распоряженіе; это значило: вытаскивай государственную колесницу изъ болота, въ которое мы погрузили ее. Откуда вдругъ явилось у нихъ это неограниченное довѣріе?—Король, съ своей стороны, всю жизнь свою бывшій связаннымъ по рукамъ, признававшій новую конституцію зрѣлымъ плодомъ своихъ ученій, въ сердечной радости объ оказанномъ ему довѣріи, о неограниченной почти власти, которою его облекли, не разглядѣлъ разставленной ему за этимъ сѣти: ибо, принявъ на себя всю власть и верховное руководство дѣлъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ принялъ на себя и всю отвѣтственность, и прежніе руководители и производители дѣлъ, Игнатій и Станиславъ Потоцкіе, Коллонтай и ихъ товарищи, могли при неудачѣ, которую легко было предвидѣть, невинно умыть себѣ руки и обвинить и осудить короля за всѣ, дѣйствительно или мнимо учиненныя имъ ошибки. Они и сдѣлали это честно, и то проклятіе націи, которое собственно должно было бы пасть на нихъ самихъ, за ихъ неискусныя политическія продѣлки, навлекли на короля: они первые подняли на него камень и предали его общественнымъ ненависти и проклятію. И среди

бури событій, возмущавшихъ тогда всю Европу, имъ дѣйствительно удалось до такой степени ввести въ заблужденіе общественное мнѣніе, что сами они явились какъ бы гонимыми святыми, политическіе же противники ихъ, которыхъ они, подъ названіемъ «русскихъ партизановъ», всячески старались заклеймить, были признаваемы величайшими злодѣями. И однако: Jliacos intra muros peccatur et extra! Ни тѣ, ни другіе не были ни столько добродѣтельны, ни такими злодѣями, какъ ихъ изображали. Но все же возбуждается чувство отвращенія, когда видишь, что злость и низость, если только кричатъ очень громко, почти всегда торжествуютъ надъ безвинностью и слабостью, которыя молчатъ, а неразсудительность вторитъ затѣмъ ихъ клеветамъ.

15 апрѣля сеймовый маршалъ Малаховскій представилъ сейму планъ, по которому 1) королю предоставлялась полная власть привести государство въ оборонительное положеніе и для этого располагать войсками по своему усмотрѣнію; 2) ему дозволялось призвать изъ-за границы двухъ или трехъ искусныхъ генераловъ (чему прежде такъ сильно противились на сеймѣ), для предводительствованія арміею, какъ равно хорошихъ инженерныхъ и артиллерійскихъ офицеровъ, и назначать имъ чины, содержаніе и награды (имѣлось въ виду совсѣмъ устранить великихъ гетмановъ, какъ уже прежде устранены были гетманы); 3) коммиссіи скарбовой (скарба или казны) давалось приказаніе сдѣлать въ Польшѣ или за границей заемъ въ 30 милліоновъ польскихъ злотыхъ (5 мил. тал.), какъ только король признаетъ это нужнымъ, и обезпечить оный продажею староствъ; 4) королю предоставлялось право, изъ суммъ скарбовой коммиссіи или изъ займа, 10 мил. злотыхъ употребить на необходимыя оборонительныя мѣры, а въ случаѣ объявленія войны, откуда бы оно ни послѣдовало, потребовать и всю сумму. (Только въ томъ была бѣда, что всѣ суммы, находившіяся въ коммиссіи скарбовой или въ воеводскихъ коммиссіяхъ, составляли едва 9 мил. злотыхъ ($1^1/_2$ мил. тал.) ([3]), а заемъ могъ быть заключенъ очень не скоро). 5) Министры стража должны были, чрезъ два мѣсяца, представлять сейму отчетъ объ израсходованіи означенныхъ суммъ, какъ скоро кто-либо изъ членовъ сейма того потребуетъ. (Это была лазейка, которую партія сохранила себѣ, дабы, когда сочтетъ это выгоднымъ, снова захватить въ свои руки все управленіе).

Такимъ образомъ сеймъ полагалъ, что постановленіемъ рѣшеній

---

(3) Депеша Булгакова отъ 7 (18) апрѣля 1792.

исполнилъ всѣ свои обязанности; будутъ-ли они приведены въ исполненіе или исполнимы-ли они, о томъ онъ не заботился;—и на этихъ-то рѣшеніяхъ, между постановленіемъ и исполненіемъ которыхъ лежала глубокая пропасть, клевета основывала въ послѣдствіи обвиненіе: «Что королю предоставили милліоны, *непомпрныя* средства и *нужныя* для обороны государства военныя силы, ввѣрили ему всю республику, которую онъ затѣмъ предалъ» (4).—Но надобно замѣтить, что эти рѣшенія были постановлены 16-го апрѣля 1792 г., за четыре недѣли до открытія военныхъ дѣйствій; слѣдовательно, что̀ можно было сдѣлать въ такое короткое время? ибо, безпечно проспавъ три года, предстояло еще сдѣлать все; а что касается до *непомпрныхъ* средствъ, то мы хотимъ разсмотрѣть ихъ нѣсколько ближе и руководствоваться при этомъ небольшимъ сочиненіемъ, не бывшимъ въ продажѣ, которое появилось въ 1792 г., въ Варшавѣ, подъ заглавіемъ: Opinion sur le roi de Pologne, и приписывалось то Тенгоборскому, то, съ большею вѣроятностію, самому королю (5).

«По введеніи конституціи 3-го мая, сказано тамъ, требовалось увеличить армію, озаботиться объ оружіи и денежныхъ средствахъ; но и безъ того значительные налоги не дозволяли возвысить ихъ, дабы не устрашить совершенно націю. Безъ налоговъ не было денегъ, безъ вѣрной ипотеки не возможенъ былъ заемъ. Ипотеки (обезпеченія) займа искали въ продажѣ староствъ; но какъ эта мѣра непріятно затрогивала многія сотни богатѣйшихъ людей въ странѣ, то дѣло это не подвигалось ни легко, ни скоро; оно тянулось цѣлый годъ. Но въ продолженіе этого года дѣла измѣнились вездѣ вокругъ; Польша была въ состояніи представить достаточное ипотечное обезпеченіе займовъ не прежде, какъ уже буря бушевала на ея границахъ, а въ слѣдствіе того именно, что она бушевала, замкнулись и кошельки, и того элемента, безъ котораго не возможно вести войны—не стало. Далѣе, слѣдовало вооружить дворянъ и горожанъ; король постоянно напоминалъ объ этомъ, но ему возражали: «Если мы вооружимъ всю націю, то здѣсь случится тоже, что̀ и во

---

(4) Это пишетъ не какой-нибудь пустоголовый изъ большой толпы, но ученый, признаваемый особенно свѣдущимъ въ этихъ дѣлахъ, хотя онъ большею частію повторяетъ слова жалкихъ сочиненій Коллонтая и Феррана, именно—Лелевель, въ своей исторіи Польши, 2 изд. Лейпцигъ 1847, стр. 382.

(5) Что сочиненіе это не можетъ происходить ни отъ кого инаго, кромѣ самаго короля, доказываетъ находящееся въ Московскомъ государственномъ архивѣ продолженіе его въ рукописи, написанное все собственною рукою короля.

Франціи: масса, почувствовавъ свою силу, не позволитъ управлять собою и захочетъ сама управлять сеймомъ, и мы обратимъ всю страну въ огонь и пламя. Когда буря поднимется противъ насъ извнѣ, тогда мы дадимъ оружіе въ руки націи». Король же возражалъ: «Дабы въ минуту опасности дать народу оружіе, мы должны имѣть его въ готовности, но у насъ нѣтъ его; наши недавніе оружейные заводы изготовляютъ едва 2,000 ружей въ годъ; поэтому ихъ надобно привезти изъ-за границы». Но и этого можно было достигнуть лишь поздно. Послали уполномоченныхъ, но въ Пруссіи и Саксоніи имъ не позволили закупать оружіе; Австріи самой нужно было ея оружіе; въ прочей Германіи все скупили для себя французскіе эмигранты. Слѣдовательно оружіе нужно было заказать, но на это требовалось нѣсколько мѣсяцевъ, а когда оно было готово, его уже нельзя было употребить. Закупили въ другихъ странахъ, но король прусскій задержалъ его при провозѣ—этого нельзя было ожидать отъ такого союзника! Такимъ образомъ, ничего необходимаго для войны не было, въ то самое время, когда появилась грозная русская декларація (отъ 7 (18) мая 1792), а за нею слѣдомъ и русская армія.»—Затѣмъ онъ продолжаетъ разъяснять другія превратныя мѣры: «Почему вся польская армія не была собрана въ началѣ 1792 г. на русской границѣ?—Почему Іосифъ Понятовскій, назначенный начальствовать ею, не былъ тогдаже посланъ въ Украйну?—Почему во всей Литвѣ не было сдѣлано ни малѣйшихъ военныхъ приготовленій?—Въ продолженіе цѣлаго года тщетны были всѣ домогательства короля у сейма, чтобъ привести войска въ надлежащее положеніе, а почему?—Потому что мелочные, частные интересы были причиной, что многіе военные, и именно тѣ, которые всѣхъ громче кричали на сеймѣ, упорно противились всякому улучшенію состоянія войскъ и всѣмъ мѣрамъ коммиссаріатскимъ, безъ которыхъ невозможно было припасти ни палатокъ, ни кожевеннаго матеріала, ни пороху, ядеръ, картечи и всѣхъ прочихъ потребныхъ военныхъ запасовъ, безъ которыхъ однако никто не въ состояніи вести съ успѣхомъ войну. Когда принцъ Іосифъ спрашивалъ: «Гдѣ мои магазины, мои военныя депо, для пополненія военной убыли? — какой пунктъ въ Украйнѣ будетъ моимъ плацдармомъ (складочнымъ пунктомъ), ибо одинъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ необходимъ? — гдѣ мнѣ устроить военные госпитали? — гдѣ военные хирурги и медикаменты?—гдѣ я найду свою резервную артиллерію, лошадей, обозъ и запасные лафеты? — кто будетъ интендантомъ для продовольствованія войскъ? кто будетъ моимъ генералъ-квартирмей-

стеромъ?»—На все это ему отвѣчали : «Мы озаботимся скорѣйшею поставкою всѣхъ этихъ военныхъ запасовъ и будемъ высылать ихъ по мѣрѣ изготовленія. Будьте сами своимъ генералъ-интендантомъ и генералъ-квартирмейстеромъ; совершите такія чудеса, какія совершили мы, приведя армію въ три года изъ 18,000 въ 55,000 человѣкъ, изъ которыхъ почти половина конницы. Правда, половина этой конницы не имѣетъ понятія о регулярныхъ строѣ и дѣйствіяхъ; сѣдла, узды, огнестрѣльное оружіе не имѣютъ должнаго однообразія;—но нельзя медлить, надобно спѣшить на границу, собрать войскъ сколько можно и защищаться какъ можно. Мужество и любовь къ отечеству должны замѣнить все прочее».—Такъ говорилъ и король своему племяннику, посвящая его общественной службѣ, а племянникъ отвѣчалъ, вздыхая: «Иду, я Полякъ, но иду какъ на смерть, и еще на самую худшую, ибо жертвую моимъ добрымъ именемъ».—Ему приходилось защищать 100 (700 верстъ) миль протяженія отъ Могилева на Днѣстрѣ до Лоева на Днѣпрѣ, едва съ 24,000 войскъ, раздробленныхъ по этой длинной линіи, даже до Полоннаго, на малые отряды, и это Полонное, отстоявшее на 50 миль (350 верстъ) отъ Днѣстра и Днѣпра, должно было служить ему плацдармомъ, но укрѣплять его стали только 6-го мая, когда принцъ Іосифъ уже выѣхалъ изъ Варшавы. Прибывъ въ главную квартиру свою Тульчинъ, онъ не нашелъ тамъ и 2,000 человѣкъ. Въ этомъ центральномъ пунктѣ онъ долженъ былъ собрать свои разсѣянные отряды, изъ которыхъ многіе были удалены оттуда болѣе нежели на 50 миль (350 верстъ), между тѣмъ какъ изъ Кіева, Балты и Могилева шли противъ него три непріятельскіе корпуса, изъ которыхъ каждый равнялся силою почти всей его арміи.—Ему именно было предписано, ни въ какомъ случаѣ не допускать отрѣзать своего сообщенія съ Варшавою. Это приказаніе почти столько же стѣсняло его, сколько и всѣ прочія неблагопріятныя обстоятельства, и однако оно было необходимо для сохраненія сообщенія съ нимъ и постепеннаго доставленія ему артиллеріи, боевыхъ снарядовъ , палатокъ , денегъ, словомъ всего, чего ему недоставало.—Что наконецъ сказать о Литвѣ, гдѣ только тогда начали формировать 8 вторыхъ баталіоновъ, недостававшихъ еще полкамъ; гдѣ былъ совершенный недостатокъ въ артиллеріи и всѣхъ предметахъ вооруженія? Туда все нужно было посылать изъ Варшавы, все изготовлять въ Варшавѣ. Нуженъ былъ генералъ, къ которому Литовцы имѣли бы довѣріе, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, пріобрѣтшій и достаточно искуства за границей. Когда ко-

роль прусскій отказалъ во всѣхъ генералахъ (6), то думали найти желаемаго генерала въ принцѣ Лудвигѣ Виртембергскомъ (7). Король назначилъ его. Извѣстно, какъ онъ отказался отъ начальствованія (8), когда Русскіе уже заняли половину страны.—Таково было положеніе дѣлъ, когда сеймъ передалъ королю верховное начальствованіе на время войны. Король чувствовалъ тяжесть отвѣтственности, возлагаемой на него; личный интересъ его требовалъ бы отказаться отъ этого; но онъ долженъ былъ принять оное, дабы избѣжать упрека: «что во время бури не захотѣлъ взяться за кормило».

Въ это время, въ концѣ апрѣля 1792 года, и курфирстъ саксонскій, долгое время державшій Поляковъ въ недоумѣніи касательно престолонаслѣдія, приказалъ вручить, чрезъ своего коммиссара въ Варшавѣ, графа Лёбена, отвѣтъ, почти равносильный отказу. Мудрый государь, которому слишкомъ хорошо извѣстно было положеніе дѣлъ въ Европѣ, опасаясь навлечь несчастіе на собственныя свои, любимыя родовыя земли, уклонился отъ принятія престола, надъ которымъ видѣлъ готовую разразиться грозу. Въ этомъ отвѣтѣ онъ обращалъ вниманіе: *во-первыхъ* на неизмѣнные, основные законы конституціи 1768 года и на включенныя въ русскую гарантію 1775 года четыре статьи трехъ дворовъ, въ силу которыхъ статей Польша должна была оставаться *избирательною державой*; онъ ссылался на протестъ Штакельберга отъ 5 ноября 1788 г. противъ всякой перемѣны, на отвѣтъ сеймоваго маршала отъ 17 ноября 1788, гдѣ было ясно сказано: «въ случаѣ, если потребуется перемѣна конституціи, Поляки обратятся къ тремъ дворамъ съ переговорами»; — и заключилъ: «и такъ пусть обратятся къ тремъ дворамъ».

Во-вторыхъ онъ выражалъ свои сомнѣнія касательно новой конституціи. «Достаточно законенъ-ли былъ актъ 3-го мая?» спрашивалъ онъ. Признано-ли было число голосовъ достаточнымъ и законнымъ? Не требовалось-ли для этого *свободнаго сейма*, (9) которому

---

(6) Преимущественно желали имѣть генерала Калкрёйта, о чемъ долго переговаривались.

(7) Онъ былъ женатъ на дочери старшаго Адама Чарторыйскаго и поддерживаемъ партіею Чарторыйскихъ.

(8) Принцъ писалъ королю прусскому: «Что онъ не предприметъ ничего противнаго интересамъ великой княгини, сестры своей». — Письмо было перехвачено, и принцъ, лишенный начальствованія, былъ принужденъ удалиться изъ страны.

(9) Въ противоположность конфедераціонному, какимъ былъ продолжитель-

предшествовали бы обыкновенные провинціальные сеймы? или, по-крайней мѣрѣ, не долженъ-ли былъ настоящій сеймъ, для рѣшенія объ этой конституціи 3-го мая, предварительно созвать эти сеймы, какъ то сдѣлано было относительно закона о престолонаслѣдіи? (10)— Многія воеводства протестовали противъ престолонаслѣдія, слѣдовательно земскіе послы дѣйствовали противно своимъ наказамъ.

Въ-третьихъ онъ требовалъ, чтобъ королю оставлено было *безусловное veto*, неограниченное ни временемъ, ни чѣмъ-либо инымъ; иначе король не въ состояніи воспрепятствовать никакому злу, никакой несправедливости. Для короля въ особенности важно такое *veto* при конституціонныхъ сеймахъ, имѣвшихъ собираться чрезъ каждыя 25 лѣтъ, для исправленія конституціи, равно и въ томъ случаѣ, если сеймъ захочетъ предпринять несправедливую войну.

Въ-четвертыхъ курфирстъ предоставлялъ себѣ выдать дочь свою замужъ, независимо отъ престолонаслѣдія.

Въ-пятыхъ онъ требовалъ полнаго права помилованія, а не такъ, какъ оно было ограничено въ конституціи.

Въ-шестыхъ королю слѣдовало предоставить верховное начальствованіе войсками также и въ мирное время, и право во всякое время отрѣшать генераловъ отъ начальствованія.

Наконецъ *въ-седьмыхъ* онъ требовалъ, чтобы войско присягало впредь, какъ то и прежде было, только королю и республикѣ; ибо если оно будетъ присягать *націи*, а потомъ королю, то тѣмъ дано будетъ солдатамъ право или по крайней мѣрѣ предлогъ входить сначала въ разбирательство, согласно-ли дѣло, за которое они должны были поднять оружіе, съ конституціей или нѣтъ. Вообще присяга, раздѣлявшая націю и короля, могла бы подать поводъ къ различнымъ, опаснымъ толкованіямъ, такъ какъ подъ неопредѣленнымъ выраженіемъ *нація* всегда скрывалась господствовавшая партія.»

Эти возраженія, дѣлавшія честь мудрости курфирста, служили, вмѣстѣ съ тѣмъ, косвеннымъ осужденіемъ торопливаго, неконституціоннаго способа, которымъ націю надѣлили врасплохъ новою конституціею и прикрыли многіе изъ самыхъ существенныхъ недостат-

---

ный сеймъ съ 1788 по 1792 г.; ибо, по польскому государственному праву, рѣшенія конфедераціоннаго сейма, чтобъ быть законными, всегда долженствовали еще прежде быть утверждены свободнымъ сеймомъ.

(10) Но еслибы захотѣли соблюсти эти условія, то конституція эта никогда не состоялась бы. Какъ дѣло одной партіи, она была взята и осуществлена только внезапностію, штурмомъ и съ устраненіемъ всѣхъ существовавшихъ законовъ.

ковъ ея—истины, непріятныя для учредителей новой конституціи и заставлявшія ихъ сожалѣть объ избраніи курфирста ([11]). Но прежде, нежели они успѣли дать удовлетворительный отвѣтъ на эти сомнѣнія, дѣла приняли такой оборотъ, который лишь вполнѣ ясно показалъ всю основательность этихъ сомнѣній.

Лишь только императрица Екатерина освободилась отъ войны съ Турками, какъ начала обращать все свое вниманіе на польскія дѣла. Еслибъ она и не хотѣла придавать значенія всѣмъ неистовствамъ въ словѣ и дѣлѣ, причиненнымъ ей и ея подданнымъ высокомѣрными Поляками въ послѣдніе четыре года, то все-таки она никакъ не могла допустить, чтобы всѣ, гарантированныя ею учрежденія (справедливо или несправедливо было ручательство за нихъ) и даже постановленныя послѣдними договорами съ Пруссіей и Австріей, внушенныя политикою правила относительно Польши, были низпровергнуты; чтобы приверженцы ея и всѣ сторонники Россіи были изгоняемы, преслѣдуемы, притѣсняемы, между тѣмъ какъ противная партія хвастала и немало чванилась своею побѣдой; словомъ, чтобы вліяніе Россіи на Польшу, существовавшее со временъ Петра Великаго, при ней, продолжательницѣ его дѣйствій, было совершенно уничтожено. Ея могущество и достоинство требовали отъ нея не дозволять доселѣ покровительствуемому сосѣднему народу упорствовать противъ нея и издѣваться надъ нею. Поляки забыли или пренебрегли политикою слабыхъ, которую такъ настоятельно внушалъ имъ король ихъ, въ знаменитой рѣчи своей 6-го ноября 1788 года: «не мѣшаться въ споры сильныхъ, но удаляться отъ нихъ.» Они всячески вмѣшивались въ эти споры, заключая союзъ и дружбу съ однимъ противъ другаго и стараясь, гдѣ только могли, вредить этому другому и ставить его въ затруднительное положеніе. Теперь они должны были ожидать послѣдствій своей неразумной политики, если только можно назвать политикой страстныя внушенія заблужденной массы народной.

Хотя императрица и имѣла такимъ образомъ твердое намѣреніе низпровергнуть все, безъ нея и вопреки ея сдѣланное въ Польшѣ, но тутъ возникло тяжкое недоумѣніе. Прусская политика, безъ вѣрной путеводной звѣзды со смерти Фридриха Великаго, клонившая-

---

(11) Вотъ почему условія курфирста, при обнародованіи ихъ, были искажены партіей, и всѣ обвинительныя противъ нихъ замѣчанія запрещены. Того, кто хочетъ удостовѣриться въ этомъ, отсылаемъ къ изложенію этихъ условій у Феррана III, 170 и согласно съ нимъ у Лелевеля стр. 326 въ примѣчаніи.

ся то туда, то сюда, опиралась то на одно, то на другое государство, прежде на Англію, Швецію, Порту, теперь, въ внезапномъ поворотѣ или лучше сказать крутомъ оборотѣ, на Австрію. Въ союзномъ договорѣ съ этой державой, предварительно постановленномъ 25-го іюля 1791 года, потомъ ближе обсужденномъ въ Пильницѣ и наконецъ дѣйствительно заключенномъ 7-го февраля 1792 года, обѣ державы постановили въ 3-й секретной статьѣ, какъ мы видѣли выше ([12]): «что все произшедшее въ послѣднее время въ Польшѣ, и *именно конституція 3-го мая*, должно быть сохранено въ цѣлости». Слѣдовательно, чтобъ низпровергнуть это, слѣдовало быть готовымъ къ рѣшительному сопротивленію означенныхъ двухъ державъ. Какъ устранить его или по крайней мѣрѣ лишить оное силы? Два способа представлялись къ тому: устраненіе дѣйствіемъ или убѣжденіемъ; стараясь занять договаривавшіяся державы въ иномъ мѣстѣ и дѣлами болѣе важными; или обративъ вниманіе каждой изъ нихъ отдѣльно на ея особенные интересы и ясно показавъ имъ противорѣчіе послѣднихъ съ ихъ договорами. Императрица предприняла то и другое, и, благопріятствуемая обстоятельствами, съ успѣхомъ. Смуты во Франціи, постоянно возраставшія, проповѣдуемыя тамъ ученія, грозившія гибелью всѣмъ престоламъ, позорное обращеніе съ королевскимъ семействомъ, бѣгство и заточеніе его, наконецъ надежда насильственнымъ вмѣшательствомъ положить конецъ грозившему оттуда злу; все это было побудительными причинами, которыя императрица старалась внушить ближе всѣхъ заинтересованнымъ въ этомъ дѣлѣ государямъ, императору Леопольду и королю Фридриху-Вильгельму прусскому, показавъ при этомъ рѣшимость и съ своей стороны употребить всѣ усилія для подкрѣпленія дѣйствій, направленныхъ къ столь похвальной цѣли. «Я ломаю себѣ голову, сказала она Храповицкому ([13]), какъ бы замѣшать вѣнскій и берлинскій кабинеты въ дѣла Франціи. Развѣ я не права? Есть столько причинъ, которыхъ нельзя высказать; я хотѣла бы вмѣшать ихъ въ дѣла, чтобъ развязать себѣ руки; у меня столько неоконченныхъ предпріятій, а тѣмъ надо дать занятіе, чтобъ они не могли мѣшать мнѣ». Фридрихъ-Вильгельмъ, по рыцарскому духу своему, готовъ былъ на все и жаждалъ военной славы: онъ уже ознаменовалъ себя въ Голландіи какъ освободитель угнетеннаго царственнаго рода, за что осыпанъ былъ похвалами; еще заман-

---

(12) См. отд. III стр. 175 и 176.

(13) См. Дневникъ его, 14 декабря 1791 г.

чивѣе была надежда спасти и французскую королевскую фамилію, возстановить правильный порядокъ во Франціи и возвести этимъ Пруссію на высшую степень значенія и военной славы. Сверхъ того воспоминаніе о Россбахѣ, легкій успѣхъ въ Голландіи, наконецъ увѣренія разсѣянныхъ всюду французскихъ эмигрантовъ, заставляли смотрѣть на это предпріятіе, какъ на дѣло, не сопряженное съ большими затрудненіями; Фридрихъ-Вильгельмъ полагался при этомъ также на свою армію, богатую геройскими подвигами, на своихъ полководцевъ, друзей и учениковъ Фридриха Великаго.—Осторожнѣе казался императоръ Леопольдъ—онъ не любилъ войны—онъ только что кончилъ такую, которая нанесла странѣ тяжкія раны;—но нетерпѣливые люди въ французскомъ національномъ собраніи сами побуждали къ войнѣ, дабы, пользуясь увеличившимися смутами, ввести во Франціи республику со всѣми ихъ правительственными идеалами, между тѣмъ какъ способные изъ нихъ къ войнѣ, подстрекаемые честолюбіемъ или корыстолюбіемъ, расчитывали на военную славу или награбленныя сокровища. Такимъ образомъ преемникъ императора Леопольда, Францъ II былъ противъ воли вовлеченъ въ войну съ Франціей и тѣмъ отвлеченъ отъ Польши. Король Фридрихъ-Вильгельмъ, союзникъ его, былъ обязанъ помогать ему только 20,000 чел. войскъ; но приведенныя выше причины, поощренія императрицы Екатерины, а можетъ быть и нѣкоторые собственные, тайные виды побудили его дать обѣщаніе возстать со всѣми своими силами противъ французскихъ нарушителей покоя. Переговоры по этимъ дѣламъ возстановили снова дружественныя сношенія съ Петербургомъ, и этимъ воспользовалась императрица, чтобъ обратить вниманіе короля на истинные интересы прусской государственной политики, какіе постоянно имѣлъ въ виду великій его предшественникъ. Они требовали: 1) не допускать усиленія Польши, ибо величіе Польши было упадкомъ Пруссіи; 2) не допускать саксонскій домъ, ближайшій сосѣдъ Пруссіи, до польскаго престола. Саксонія, въ соединеніи съ Польшею, опутала бы нѣкоторымъ образомъ Пруссію; Польша, возвышенная лучшими государственными учрежденіями и наслѣдственнымъ престоломъ, въ союзѣ съ Саксоніей стѣснила бы только-что возникавшее и усиливавшееся могущество Пруссіи во всѣхъ ея предпріятіяхъ и наконецъ, можетъ быть, со всѣмъ подавила бы ее; ибо нельзя было расчитывать на то, чтобы Пруссія постоянно производила однихъ Фридриховъ. Эти уваженія были представлены прусскому двору во врученной посланнику его въ Петербургѣ, графу Гольцу, такъ называемой изустной нотѣ отъ 17-го февраля 1792 года.

Въ ней было сказано: «Въ продолженіе дружественныхъ сообщеній и объявленій, происходившихъ между петербургскимъ и берлинскимъ дворами, по поводу событій во Франціи, министерство его королевскаго величества сдѣлало нѣкоторыя замѣчанія относительно польскихъ дѣлъ, имѣвшихъ, по видимому, цѣлью узнать мнѣніе ея величества по сему предмету. Послѣ счастливаго окончанія всѣхъ причинъ къ ссорѣ между обоими дворами, нельзя было бы видѣть въ этой попыткѣ прусскаго министерства одно простое любопытство и еще менѣе желаніе вывѣдать намѣренія Россіи, дабы потомъ противодѣйствовать имъ. Императрица, оцѣнивая настоящія намѣренія прусскаго монарха относительно нея по тѣмъ, какія она имѣетъ относительно его, и совершенно допуская равенство существующихъ между ними по этому предмету интересовъ, не могла, по сей причинѣ, видѣть въ этой попыткѣ что-либо иное, кромѣ желаніе сблизиться другъ съ другомъ и согласиться о предметѣ столь очевидной важности для обоихъ. Ея величество уже и ранѣе съ полною довѣренностію соотвѣтствовала бы этому желанію, еслибы не была намѣрена сперва привести къ концу миръ съ Турками. Такъ какъ теперь онъ уже заключенъ, то она и спѣшитъ изложить мысли свои относительно предмета, о которомъ идетъ рѣчь.

«Если дѣло 3-го мая прошлаго года должно сохраниться и утвердиться, то нельзя сомнѣваться, что Польша, образовавъ съ Саксоніей одно государство и вновь устроившись, составитъ силу, могущую имѣть значительное вліяніе на своихъ сосѣдей или, по крайней мѣрѣ, сдѣлаться для нихъ весьма неудобною. Конечно, Россія имѣетъ при этомъ только охранять протяженіе своихъ границъ; но Пруссія, кромѣ того, должна обратить свое вниманіе на Германію, въ которой Саксонія, посредствомъ этого соединенія, значительно выиграетъ во вліяніи и могуществѣ. Это обстоятельство могло бы подать поводъ къ серьознымъ размышленіямъ и склонить Пруссію и Россію къ принятію мѣръ, требуемыхъ ихъ обоюдными интересами. Для приведенія къ такому соглашенію, эти идеи сообщаются графу Гольцу, дабы онъ передалъ ихъ своему двору».—Нота эта была мастерски соображена съ цѣлью и произвела въ Берлинѣ глубокое впечатлѣніе. Фридрихъ-Вильгельмъ, доселѣ поощрявшій курфирста саксонскаго къ принятію польской короны и еще недавно постановившій въ своемъ договорѣ съ Австріей поддержаніе конституціи 3-го мая, вполнѣ измѣнилъ свое мнѣніе и сдѣлался теперь столь же холоднымъ къ Польшѣ и ея наслѣдственному престолу, сколько прежде показалъ рвенія къ нимъ. Онъ даже завязалъ пе-

реговоры о возобновленіи прежде существовавшаго оборонительнаго союза съ Россіей.

Такъ сломлено было жало грозной третьей тайной статьи австро-прусскаго союза и императрица могла теперь рѣшительнѣе дѣйствовать далѣе противъ Поляковъ. Причинъ къ открытой войнѣ у нея было довольно; но она опасалась снова пробудить зависть сосѣднихъ державъ и усыпленное сочувствіе ихъ къ Полякамъ. Поэтому она рѣшилась пойти прежнимъ путемъ, именно: сильною поддержкою контръ-конфедераціи низпровергнуть сдѣланныя въ сосѣдней державѣ нововведенія и привести дѣла, а съ ними и свое униженное значеніе, въ прежнее положеніе. Недовольныхъ Поляковъ было множество; въ странахъ, раздираемыхъ партіями, всегда можно расчитывать на только-что падшую партію, такъ какъ ближайшія цѣли партій, при той страстности, съ которою онѣ преслѣдуются, обыкновенно предпочитаются болѣе отдаленнымъ цѣлямъ отечества. Важнѣйшіе вожди противной партіи, Феликсъ Потоцкій, Северинъ Ржевускій, Браницкій, Коссаковскій, Сухоржевскій, поспѣшили, какъ мы видѣли, въ Петербургъ, и здѣсь-то были обсуждены основанія плана поставить польскія дѣла на прежнюю ногу, или, какъ говорилось языкомъ партіи: «уничтожить деспотизмъ и снова призвать къ жизни старинную польскую вольность.» Положено было въ какомъ-нибудь пограничномъ пунктѣ Польши образовать конфедерацію, объявить себя противъ всѣхъ несогласныхъ съ конституціей нововведеній и, будучи поддержаны русскими войсками, сломить сопротивленіе противниковъ и возстановить конституцію Польши въ томъ видѣ, какъ она была утверждена въ 1768 и 1775-мъ годахъ.

Но прежде, нежели императрица ввела свои войска въ Польшу, она увѣдомила вѣнскій и берлинскій дворы о своихъ намѣреніяхъ. Первый, хотя неохотно взиралъ на предпринимаемое измѣненіе послѣдней конституціи и еще неохотнѣе далъ на то свое согласіе, однако, во вниманіи къ обстоятельствамъ, уступилъ и даже послалъ рѣшительное объявленіе польскому правительству, чтобъ оно не расчитывало на помощь или посредничество Австріи.—Берлинскій дворъ, хотя совершенно измѣнившійся и теперь во всемъ согласный съ русскимъ, не желалъ однако предоставить игру одной Россіи и предложилъ другіе способы и средства. Но императрица не отклонилась тѣмъ отъ своего намѣренія, а смѣло и прямо пошла впередъ по избранному ею пути.

Изъ всего вышесказаннаго видно, что *о раздѣлѣ Польши* до

сихъ поръ вовсе небыло еще рѣчи, хотя писатели, писавшіе объ этомъ, по невѣдѣнію-ли, или чтобъ возбудить больше ненависти, повсюду вплетали этотъ раздѣлъ. Время для него еще не настало, оно только приближалось; тайныя мысли, подобно длиннымъ тѣнямъ, могли предшествовать ему, пока онъ не предсталъ внезапно съ такой стороны, откуда всего менѣе можно было ожидать его.

Когда все было надлежащимъ образомъ подготовлено, императрица сообщила отъ 19 (30) апрѣля, посланнику своему въ Варшавѣ, слѣдующее повелѣніе: «Между 1 (12) и 10 (21) числами мая генералъ Каховскій вступитъ въ Польшу. Въ это время онъ, Булгаковъ, имѣетъ передать прилагаемую декларацію, но до этого воздержаться отъ всякаго намека о ней, ибо чѣмъ неизвѣстнѣе ея содержаніе, тѣмъ сильнѣйшаго можно ожидать дѣйствія оной; онъ не долженъ также входить съ польскими министрами ни въ какіе переговоры объ измѣненіяхъ, для сохраненія того, что̀ императрица положила низпровергнуть.—Печатные экземпляры декларації, на русскомъ и польскомъ языкахъ, онъ долженъ разослать ко всѣмъ друзьямъ Россіи, и, сверхъ того, знатнѣйшимъ изъ нихъ особенную записку графа Безбородко, а примасу собственноручное письмо императрицы.

«Новая конфедерація, верховнымъ маршаломъ которой назначенъ фельдцейхмейстеръ *Феликсъ Потоцкій*, объявитъ себя на границѣ, какъ только русскія войска вступятъ въ Польшу. Для охраненія интересовъ Россіи, при конфедераціи назначенъ состоять, въ качествѣ уполномоченнаго, статскій совѣтникъ *Бюлеръ*.

«Австрійскому и прусскому посланникамъ Булгаковъ имѣетъ доставить въ скорѣйшемъ времени французскій переводъ русской декларації».

Особенностію высшихъ умовъ есть то, что они все, потребное къ великому предпріятію, созерцаютъ въ себѣ, какъ въ ясной картинѣ, предвидятъ всякое обстоятельство, могущее имѣть вѣсъ, и вѣрно расчитываютъ и, на сколько должно, исполняютъ всѣ нужныя мѣры и приготовленія. Менѣе высокостоящіе умы, напротивъ, не имѣютъ яснаго представленія грядущаго, совершаютъ слишкомъ много или слишкомъ мало и приходятъ въ смущеніе отъ всякаго непредвидѣннаго обстоятельства. Доказательство тому должна была представить экспедиція въ Польшу, въ сравненіи съ почти одновременною во Францію, которая вѣроятно была бы столь же удачна, еслибъ была вѣрнѣе расчитана, лучше подготовлена и рѣшительнѣе исполнена. Императрица же взвѣсила и приготовила все необходимое, склонила на свою сторону всѣ средства къ успѣху и,

дабы, при исполненіи своего предпріятія, не употребить также слишкомъ мало силъ, двинула массу войскъ почти въ 100,000 чел., достаточную для того, чтобъ сокрушить и самое рѣшительное сопротивленіе Поляковъ, какъ того ожидали. Бо́льшая часть этихъ войскъ, около 65,000 чел., только-что возвратившихся изъ похода противъ Турокъ, должна была, подъ начальствомъ генерала Каховскаго, наступать съ юга противъ расположенныхъ тамъ польскихъ главныхъ силъ, между тѣмъ какъ меньшая часть, 32,000 чел., подъ начальствомъ генерала Кречетникова, должна была съ сѣвера и востока двинуться чрезъ литовскія области, въ которыхъ со стороны Поляковъ почти ничего не было приготовлено для серьознаго отпора.

Незадолго передъ тѣмъ, что разразилась буря, Булгаковъ доставилъ еще слѣдующія свѣдѣнія о настроеніи умовъ въ Варшавѣ. «Здѣсь, писалъ онъ отъ 19 (30) апрѣля, вполнѣ рѣшились на войну съ Россіей. Ожесточеніе противъ нея, равно какъ радость и самоувѣренность вождей партіи, столь же велики, сколько ихъ ослѣпленіе: они полагаютъ, что сдѣлали все и что имъ нечего страшиться; они даже желаютъ войны съ Россіей, потому что полагаются на польскую храбрость.» «А въ случаѣ несчастія, говорятъ они, мы имѣемъ вѣдь еще средства въ поголовномъ ополченіи, въ вооруженіи гражданъ, въ дарованіи свободы крестьянамъ, которые, въ такомъ случаѣ, употребятъ всѣ усилія для защиты конституціи 3 мая».—Трудно описать сумасбродство этихъ людей: съ ихъ свободою крестьянъ они сами себѣ вырыли бы могилу и, можетъ быть, похоронили бы въ ней и всю Польшу; и поголовное ополченіе также было бы имъ опасно, такъ какъ оно состоитъ изъ мелкой шляхты, которую они вооружили противъ себя устраненіемъ ея отъ участія на сеймахъ».—А отъ 23 апр. (4 мая) онъ доносилъ: «Здѣсь, кажется, готовы къ сопротивленію, для чего увеличиваютъ власть короля, который самъ долженъ отправиться въ армію, но съ чѣмъ и какъ?—Чтобъ добыть денегъ, писали въ Голландію о заключеніи займа, генераловъ и офицеровъ ожидаютъ изъ Пруссіи.—Болѣе горячіе расчитываютъ на особенныя случайности, на всеобщее ополченіе и, можетъ быть, также на помощь Пруссіи; но въ послѣднемъ отношеніи есть сильное подозрѣніе, что они ошибаются.—Лица, имѣющія со мною сношенія, подвергаются явнымъ угрозамъ».

Наконецъ 6 (17) мая, наканунѣ рѣшительнаго дня, онъ писалъ: «Кажется, что они до сихъ поръ считали вступленіе нашихъ войскъ одною угрозою; ([14]) но послѣднія извѣстія Деболи разувѣ-

(14) Они полагались на договоръ между Австріею и Пруссіею о сохраненіи ихъ конституціи.

рили ихъ, и вотъ причина торопливыхъ мѣръ сейма. Сильнѣйшее разгорячение. Хотятъ призваніемъ посполитаго рушенія (всеобщаго ополченія) и объявленіемъ свободы крестьянъ произвесть во всей Польшѣ пожаръ, долженствующій распространиться и за ея предѣлы. Они расчитываютъ навѣрное на возмущеніе жителей Бѣлоруссіи и другихъ мѣстъ. Игнатій Потоцкій велѣлъ перевесть на русскій языкъ конституцію 3-го мая, чтобъ переслать ее за границу; въ Вильнѣ, говорятъ, велятъ печатать сочиненія съ цѣлію возмущенія, въ которыхъ крестьяне поощряются къ возстанію и пріобрѣтенію свободы. Хотѣли разослать татарскіе и казачьи (польскіе) полки небольшими партіями, чтобъ возбуждать къ возстанію. Наконецъ въ Константинополѣ они интригуютъ чрезъ своего посланника Потоцкаго, чтобы снова подвигнуть Порту къ войнѣ».

Таковы были намѣренія, планы, угрозы господствовавшей въ Польшѣ партіи. Какъ мало осуществилось изъ нихъ! Они доказали этимъ только свое желаніе вредить—и притомъ свое безсиліе.

Наступилъ рѣшительный день—7 (18) мая; Булгаковъ передалъ императорскій *манифестъ* (15). Онъ содержалъ въ себѣ, въ сущности, слѣдующее: въ началѣ его императрица жаловалась, что намѣренія ея въ отношеніи къ Польшѣ были подвергнуты клеветѣ и ложному истолкованію, а именно акты, которыми она приняла на себя ручательство въ законно-установленной конституціи республики, между тѣмъ какъ другія державы, и именно Германія, даже желали и просили такихъ гарантій. И даже новѣйшія событія доказали, какъ необходимо было такое ручательство за существующее. — Затѣмъ слѣдовалъ рядъ жалобъ на нарушеніе польской конституціи послѣднимъ сеймомъ или, лучше сказать, господствовавшею на немъ партіею, кончившею полнымъ низпроверженіемъ гарантированной конституціи, подъ которою Польша процвѣтала столько столѣтій, дабы, въ замѣнъ оной, съ помощію черни и всякаго рода насильствъ, ввести конституцію 3-го мая, о которой имѣли дерзость утверждать: «что она есть выраженіе свободной воли націи.»—Далѣе, манифестъ исчислялъ всѣ неистовства, учиненныя противъ Россіи, начиная словами: «недовольная тѣмъ, что вызвала внутреннія опасности, партія эта старалась поставить страну въ непріязненныя отношенія къ сосѣднимъ державамъ, и особенно къ Россіи, столь дол-

(15) Его почти нигдѣ нельзя найти въ печати; что сдѣлалось изъ него извѣстнымъ, состоитъ изъ однихъ отрывковъ, помѣщенныхъ въ сочиненіи Коллонтая о происхожденіи и пр. польской конституціи 3-го мая.

гос время дружественной съ Польшей»,—и заключая въ себѣ жалобы: 1) На недружелюбныя, буйныя требованія немедленнаго очищенія польскихъ владѣній отъ русскихъ войскъ и магазиновъ, причемъ, даже тогда, когда это было исполнено, дозволили себѣ всякаго рода дрязги и докучливости.—2) На притѣсненіе и истязаніе русскихъ подданныхъ, спокойно предававшихся своимъ занятіямъ. Въ этомъ мѣстѣ было сказано: «Пытками вынуждали у нихъ произвольныя сознанія и пользовались послѣдними для наложенія на нихъ тяжкихъ наказаній ([16]).»—3) На преслѣдованіе епископа Переяславскаго, архимандрита Слуцкаго ([17]).—4) На вторженіе польскихъ солдатъ въ русскую посольскую церковь и увлеченіе оттуда одного церковно-служителя оной въ тюрьму, а изъ тюрьмы въ судъ, которому онъ вовсе не подлежалъ,—и на отказъ въ требованномъ за то удовлетвореніи. — 5) На сдѣлавшееся извѣстнымъ посольство въ Константинополь и домогательство союза противъ Россіи ([18]), съ которою Порта была въ войнѣ.—6) На безпрестанныя поношенія и оскорбленія императрицы на сеймѣ, которыя предводителями партіи были только поощряемы.

«И менѣе важныя причины, чѣмъ эти, сказано въ заключеніи, были бы достаточны для требованія справедливаго удовлетворенія. Но императрица ставитъ различіе между партіею и націею. Она готова забыть неистовства противъ нея лично, но ей невозможно отказать настоятельнымъ просьбамъ столь многихъ Поляковъ, отличныхъ по происхожденію, сану и патріотическимъ доблестямъ, о возстановленіи прежней свободы и независимости ихъ отечества. Для этой цѣли, они образовали конфедерацію и просили императрицу о покровительствѣ и помощи, которыя государыня имъ и обѣщала, и приказала части своихъ войскъ вступить въ Польшу, для содѣйствія въ возстановленіи старинныхъ польскихъ правъ и вольностей.»

---

(16) Самъ Коллонтай (II. 55) сознается, что «въ первомъ разгарѣ страстей нѣкоторые Русскіе пали подъ мечемъ закона, по польскому судопроизводству, но безъ пытокъ».—Его смутный, бездоказательный разсказъ доказываетъ, какъ мало онъ самъ ему вѣрилъ.

(17) Оно дѣйствительно было возмутительно. «Онъ, говоритъ Коллонтай (II. 57); безъ всякой обдуманности, при поученіяхъ, молитвахъ и бесѣдахъ перемѣшивалъ одни съ другими духовные и свѣткіе, даже политическіе предметы и тѣмъ навлекъ на себя подозрѣніе гражданъ и вниманіе правительства». — Изъ этихъ смутныхъ жалобъ уже ясно видна неосновательность всего обвиненія. — Кромѣ того епископъ вообще былъ вполнѣ безупречною личностью.

(18) Коллонтай полагаетъ, что «имѣли въ виду заключить только оборонительный союзъ:» тайныя статьи договора доказываютъ противное

Хорошо составленный государственный актъ долженъ быть точенъ и ясенъ, не содержать въ себѣ ничего лишняго, не упускать ничего важнаго; наконецъ, онъ долженъ достаточно выставлять тѣ пункты, которые составляютъ сущность его. — Этого нельзя было вполнѣ сказать о декларацiи, вышедшей вѣроятно изъ подъ пера Маркова: она была многословна, неясна и перемѣшивала важное съ менѣе важнымъ, даже съ неосновательнымъ, чѣмъ ослабляла впечатлѣнiе главныхъ предметовъ и представляла противнику легкую возможность возраженiя; ибо, лишь поверхностно коснувшись того, что̀ въ декларацiи было основательнаго, онъ могъ устремить всю тяжесть своихъ возраженiй на многiя, менѣе основательныя жалобы, напримѣръ на то, что конфедерировали сеймъ, что его чрезъ мѣру продолжили и наконецъ даже удвоили. Все это были предметы, касавшiеся однихъ Поляковъ; конфедерацiи же пособлялъ самъ русскiй посланникъ, пока находилъ это полезнымъ для своихъ цѣлей. Тоже самое можно было сказать и о гарантiи: если другiя державы испрашивали себѣ таковую, то это было только въ отношенiи къ *внѣшней безопасности*, а не къ *внутреннему развитiю*, на которое всякое независимое государство имѣетъ право; государственное учрежденiе и улучшенiя его не должны быть въ зависимости отъ иностранцевъ, но отъ воли гражданъ. Гарантiя существующаго образа правленiя иностраннымъ государствомъ дѣлаетъ невозможнымъ всякое измѣненiе онаго, требуемое обстоятельствами. А на это именно и жаловались Поляки.

Въ Европѣ существуетъ особенно благопрiятное предубѣжденiе о превосходствѣ русской дипломатiи. Это зависитъ отъ того, кто̀ стоитъ въ главѣ ея: если онъ человѣкъ съ превосходнымъ умомъ, то выбираетъ и способныхъ исполнителей.—Во времена императрицы Екатерины, государственные акты этой дипломатiи отнюдь не отличались своимъ превосходствомъ, а скорѣе напротивъ: они болѣе или менѣе страдали многословiемъ, неясностiю и недостаткомъ строгой логики. Только то, что̀ исходило непосредственно изъ кабинета императрицы, отличалось проницательностiю соображенiя, опредѣленностiю идей и указанiемъ на истинные, главные пункты. Въ нихъ тотчасъ можно было узнавать вдохновенiе монархини, перо Безбородки.—Напротивъ, что̀ исходило отъ ея вице-канцлеровъ, часто оставляло многаго желать.

Ближайшiя обстоятельства при передачѣ этого манифеста можетъ сообщить намъ самъ Булга̀ковъ. «7 (18) мая, пишетъ онъ ([19]), въ

(19) Депеша отъ 16 (27) мая 1792 г.

6 часовъ по полудни, я вручилъ министру иностранныхъ дѣлъ, литовскому подканцлеру Хрептовичу декларацію, помѣченную мною «7 (18) мая», вмѣстѣ съ французскимъ переводомъ ея. Принимая ее, онъ сказалъ, что «угадываетъ ея содержаніе, но не будетъ читать ее теперь, дабы немедленно передать королю»,—къ которому тотчасъ же и отправился, послѣ краткаго, дружественнаго, неминистерскаго разговора со мною, при чемъ сказалъ: «лучше было бы, еслибъ все уладилось мирнымъ образомъ». Я возразилъ: «это зависѣло, да и теперь еще зависитъ отъ васъ самихъ, на основаніи смысла декларації; вступленіе войскъ происходитъ не съ враждебными противъ Польши видами, но составляетъ дружественную помощь для возстановленія ея прежнихъ вольностей и формы правленія;—самыя мѣры строгости могли бы еще быть смягчены, если не будетъ встрѣчено никакого сопротивленія».—Затѣмъ я отправился къ примасу и вручилъ ему сперва письмо Вашего Императорскаго Величества, а потомъ декларацію. Вскрывая первое, онъ сказалъ, что «угадываетъ его содержаніе», а по прочтеніи: «Ея Императорское Величество воздаетъ ему должную справедливость, признавая его хорошимъ патріотомъ». Онъ полагалъ, что можно было бы все уладить безъ употребленія строгихъ мѣръ, и въ заключеніе сказалъ, что тотчасъ поѣдетъ къ королю. Съ тѣхъ поръ я его болѣе не видалъ, потому что на другой же день онъ отправился въ свои помѣстья и не присутствовалъ ни на одномъ засѣданіи сейма.

Послѣ того я былъ у Луккесини и де-Кашѐ, для передачи декларації. Перваго не было дома, но вскорѣ онъ пріѣхалъ ко мнѣ и спросилъ: «всѣ-ли посланники получили такую декларацію?»—Только онъ и австрійскій.—На это онъ сказалъ: «королемъ его сдѣлано нашему двору предложеніе, чтобы, для избѣжанія насильственныхъ мѣръ, передать здѣсь совокупную декларацію отъ всѣхъ трехъ дворовъ».—Впрочемъ онъ въ сужденіяхъ своихъ соглашался со мною.—Въ тотъ же день я разослалъ печатные экземпляры ко всѣмъ благонамѣреннымъ лицамъ здѣсь и въ областяхъ.

Когда Хрептовичь передалъ декларацію королю, послѣдній пришелъ въ большое смущеніе и безпокойство, какъ будто не ожидалъ этого.

8 (19) мая собрали стражъ (straż) и прочли декларацію. Игнатій Потоцкій сказалъ: «это—объявленіе войны»; другіе молчали. Положили передать ее въ понедѣльникъ 10 (21) мая сейму, а между тѣмъ спросить у Луккесини и Лёбена (саксонскаго коммиссара),

можетъ-ли Польша надѣяться на помощь съ ихъ стороны? Далѣе было положено ограничить сеймъ. Прочли донесеніе Деболи: «что конфедерація уже подписана въ Петербургѣ и что составленъ также проскрипціонный списокъ многимъ здѣшнимъ лицамъ».

Хрептовичь поѣхалъ къ Луккесини. Послѣдній просилъ оставить его въ покоѣ, пока не получитъ приказаній изъ Берлина. 10 (21) мая декларація была прочитана на сеймѣ. Не смотря на большое стеченіе зрителей, все обошлось спокойно, ибо королемъ наканунѣ были приняты мѣры предосторожности. Онъ произнесъ рѣчь и передалъ ее маршалу Малаховскому, съ порученіемъ сдѣлать нужныя распоряженія.

Жалуются, «что декларація не обращена ни къ кому именно, даже не къ королю; что сеймъ названъ факціей, а патріотическая партія клятвопреступною. Стараются всячески, позволительными и непозволительными средствами, воспалить духъ, поощряютъ къ войнѣ и ускоряютъ приготовленія къ ней».

Въ другой депешѣ ([20]) Булгаковъ сообщаетъ: «Въ понедѣльникъ 10 (21) мая переданная мною декларація была прочитана на сеймѣ. Король произнесъ длинную рѣчь, въ которой сказалъ: «Вы видите, съ какимъ презрѣніемъ въ этой нотѣ говорится о вашемъ твореніи 3-го мая, равно и о всѣхъ вашихъ прежнихъ дѣйствіяхъ, и какъ велико стараніе уничтожить значеніе настоящаго сейма. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, вы видите также, что мы должны употребить всѣ средства для нашей защиты. Мы должны теперь противупоставить все наше мужество, и искать также помощи въ переговорахъ съ другими державами. Прежде всего мы должны обратиться къ королю прусскому. Вы помните, что, съ открытія настоящаго сейма, важнѣйшія дѣла, совершенныя имъ, были предприняты по внушенію и совѣту Его прусскаго Величества, а именно: освобожденіе наше отъ гарантіи, посольство въ Турцію, очищеніе страны нашей отъ русскихъ войскъ и магазиновъ. Этотъ же могущественный сосѣдъ нашъ желалъ, чтобъ мы учредили твердое правленіе, на основаніи котораго онъ хотѣлъ заключить съ нами союзъ; и въ этомъ союзѣ онъ обѣщалъ намъ сперва bona officia, а потомъ и дѣйствительную помощь, если первыя не помогутъ обезпечить нашу независимость и наши границы. Теперь эта минута настала».—Затѣмъ въ особенномъ засѣданіи у маршала приняты были разныя мѣры, а вчера на сеймѣ королю была ввѣрена полная власть надъ войсками

---

(20) Отъ 12 (23) мая 1792.

и всемъ, касающимся войны, а также утверждена іерархія послѣдователей греческаго (*) исповѣданія въ Польшѣ. Еще на этой недѣлѣ намѣреваются дать форму законовъ различнымъ другимъ предложеніямъ и распустить сеймъ, уполномочивъ короля снова созвать его, когда сочтетъ это нужнымъ. Король готовится отправиться въ Дубно къ арміи; отъѣздъ его назначенъ 19 (30) мая.

«Игнатій Потоцкій и братъ его Станиславъ, Вейсенгофъ, Мостовскій и Піатоли работали цѣлую ночь надъ отвѣтомъ на нашу декларацію. — Волненіе здѣсь весьма сильно; конференціи слѣдуютъ за конференціями; въ обществахъ не видно никого; они въ такомъ смущеніи, что изъ ихъ рѣчей нельзя сдѣлать никакого опредѣленнаго заключенія».

Наконецъ отъ 22 мая (2 іюня) онъ пишетъ. «Вчера, въ 6 часовъ вечера, Хрептовичь вручилъ мнѣ отвѣтъ на декларацію. Пробѣгая его, я сказалъ, «что читаю его лишь для того, чтобъ видѣть, не заключаетъ-ли онъ, по принятому здѣсь обычаю, неприличныхъ и рѣзкихъ выраженій; ибо, что касается содержанія, то нѣтъ ни одной строки въ немъ, которую я не могъ бы тотчасъ же опровергнуть; впрочемъ я представлю его моему двору». Хрептовичу, вѣроятно, было приказано не входить со мною ни въ какія дальнѣйшія объясненія; но онъ выразилъ свое довѣріе къ великодушію императрицы и желаніе, чтобъ настоящія смуты кончились безъ вреда и гибели для Польши. «Это, возразилъ я, всегда зависѣло и теперь еще зависитъ только отъ васъ самихъ».

«По поводу этого отвѣта были большія объясненія и споры; наконецъ, чтобъ сохранить полное равенство, положили написать отвѣтъ на польскомъ языкѣ, съ приложеніемъ французскаго перевода, подписать его сеймовымъ маршаламъ и передать мнѣ чрезъ министра иностранныхъ дѣлъ, въ тѣ же самые день недѣли и часъ, въ которые я вручилъ декларацію, т. е. въ пятницу, въ 6 часовъ вечера, что и было исполнено.

«Какъ ни велики были горячность и неразуміе вождей здѣшней революціонной партіи, но послѣдніе начинаютъ уже очень укрощаться, хотя все еще продолжаютъ подстрекать толпу. Такъ какъ дѣло идетъ теперь къ развязкѣ и они видятъ, что ошиблись въ своихъ ожиданіяхъ (они считали все за однѣ угрозы); такъ какъ и надежда на помощь ихъ союзниковъ также изчезаетъ, то они уже начинаютъ поговаривать: «что безъ Россіи они ничего не могутъ сдѣлать, надобно соединиться съ нею и, при помощи ея, отомстить

(*) Православнаго.

предательскому союзнику, который, повергнувъ Польшу во всѣ эти бѣдствія, теперь совершенно ее оставляетъ». Таково въ настоящее время всеобщее настроеніе умовъ въ Варшавѣ. Поэтому-то уже и не говорятъ больше о высылкѣ меня или отозваніи Деболи, чтобъ не лишить себя послѣдняго средства къ примиренію. Страхъ вождей революціи обнаруживается также и тѣмъ, что они, подъ разными предлогами, готовятся покинуть Польшу. Игнатій Потоцкій поѣхалъ интриговать въ Берлинѣ, маршалъ Малаховскій, подканцлеръ Коллонтай, Піатоли ѣдутъ на воды ([21]); Массей ([22]) въ Италію; семейство короля и многіе другіе хотѣли покинуть Варшаву, но, слыша о дружелюбномъ обращеніи русскихъ войскъ, остались.

«Отъѣздъ короля къ арміи составляетъ загадку; многіе думаютъ, что онъ не состоится. Игнатій Потоцкій, пріобрѣтшій перевѣсъ надъ всѣми, утверждалъ: «что онъ (отъѣздъ) привлекъ бы сотни тысячъ защитниковъ,» и вынуждаетъ короля къ этому отъѣзду, къ которому дѣлаются большія приготовленія.»

Игнатій Потоцкій отправился, какъ упоминаетъ здѣсь Булгаковъ, еще въ маѣ въ Берлинъ, чтобы подѣйствовать на берлинскій кабинетъ, но нимало не достигъ своей цѣли, хотя взялъ съ собою значительныя суммы денегъ. На аудіенціи король спросилъ его о цѣли его прибытія и, выслушавъ его, сказалъ: «Потоцкій могъ бы избавить себя отъ труда этой поѣздки. Онъ, король, имѣетъ въ Варшавѣ своего уполномоченнаго министра, который пользуется полнымъ его довѣріемъ; къ нему и слѣдуетъ обращаться со всѣми вопросами и желаніями, чрезъ него онъ дастъ и отвѣтъ.»—Потоцкій воротился ни съ чѣмъ, но съ убѣжденіемъ, что отъ Пруссіи ждать нечего, что̀ до высшей степени увеличило смущеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и злобу противъ Пруссіи. Мщеніе, мщеніе Пруссіи — было теперь господствовавшимъ чувствомъ, одушевлявшимъ Поляковъ и заставлявшимъ ихъ почти забыть старинную, братскую ненависть къ Россіи.

Еще до этого они получали отъ Луккесини отвѣты, долженствовавшіе внушить имъ сомнѣнія. Когда, въ виду угрожавшихъ опасностей, въ апрѣлѣ они обратились къ нему съ вопросами, онъ отвѣтилъ: «невѣроятно, чтобъ Русскіе произвели вторженіе въ Польшу; впрочемъ дѣло самихъ Поляковъ взвѣсить свое положеніе и

(21) Піатоли, пишетъ Булгаковъ въ другомъ мѣстѣ, получилъ отъ короля три векселя, каждый въ 6000 червонцевъ, обратилъ ихъ въ деньги и уѣхалъ.

(22) Тоже одинъ изъ итальянскихъ собесѣдниковъ, окружавшихъ короля и руководившихъ имъ. Архи-демократъ.

заслужить дѣятельную помощь иностранцевъ; ибо мѣры, которыя будутъ ими предприняты, послужатъ и для иностранныхъ державъ руководствомъ при оказаніи имъ помощи».—Это былъ отвѣтъ, который можно было истолковать какъ угодно. Болѣе ясною уже сдѣлалась рѣчь его, когда 4-го мая, на повторенный спросъ ихъ, онъ изустно объявилъ: «Король его не имѣлъ ни малѣйшаго участія въ конституціи 3-го мая и потому, если приверженцы ея намѣреваются защищать ее вооруженною рукою, никоимъ образомъ не считаетъ себя обязаннымъ помогать имъ въ томъ». ([23]) Наконецъ теперь, на повторенные, неотступные спросы ихъ, онъ передалъ имъ ноту своего короля отъ 8-го іюня, въ которой послѣдній объявлялъ: «что они, безъ его вѣдома и согласія, дали себѣ конституцію, поддерживать и защищать которую ему никогда не приходило на умъ; напротивъ, онъ часто предсказывалъ, что они, своими угрожающими мѣрами и вооруженіями, навлекутъ на свою страну именно тѣ бѣдствія, которыхъ хотѣли избѣжать. Образъ его мыслей и рѣчи его министровъ никогда не измѣнялись. Но какъ съ тѣхъ поръ обстоятельства совершенно измѣнились, и настоящее положеніе дѣлъ, причиненное конституціей 3-го мая, непримѣнимо болѣе къ обязательствамъ прежняго его договора, то онъ и не можетъ въ этомъ отношеніи соотвѣтствовать ихъ желаніямъ. Однако, еслибы патріотическая партія, во вниманіи къ возникающимъ со всѣхъ сторонъ затрудненіямъ, захотѣла вернуться назадъ съ избраннаго ею пути, то онъ готовъ условиться съ императрицей и вѣнскимъ дворомъ о мѣрахъ, которыя могли бы возвратить Польшѣ ея спокойствіе ([24]).»—Этимъ уничтожена была всякая надежда на прусскую помощь, потому что низпроверженіе только-что введенной конституціи своей, которою они такъ величались, они отвергли какъ постыдное дѣло. Они обратились къ вѣнскому двору и получили почти такой же отвѣтъ: отказъ въ помощи и совѣтъ возстановить прежній образъ правленія. Тогда они разгадали соглашеніе державъ и что дѣятельная политика незамѣтно лишила ихъ всѣхъ опоръ, на которыя они довѣрчиво расчитывали. Отъ безсильной Саксоніи, отъ униженной Порты еще менѣе можно было ожидать помощи: слѣдовательно они были предоставлены самимъ себѣ.

Возбудило-ли это въ нихъ сознаніе силы, подстрекнуло-ли оно ихъ дѣятельность? Нисколько. Они заботились только о томъ, чтобъ отвратить отъ себя всю отвѣтственность и ввѣрили теперь королю

---

(23) См. соч. о происхожденіи и паденіи польской конституціи 3-го мая, I, 75.

(24) См. у Феррана III, 198, въ примѣчаніи.

власть и полномочія, въ большей мѣрѣ, нежели онъ въ силахъ былъ совладать. Когда король, послѣ представленія русскаго манифеста, потребовалъ у сейма средствъ къ оборонѣ, послѣдній постановилъ 22-го мая: «увеличить армію до 100,000 человѣкъ» (но какъ? въ три года не могли этого сдѣлать, когда никто имъ не мѣшалъ, а теперь хотѣли это исполнить въ нѣсколько недѣль, когда непріятель уже былъ въ ихъ странѣ). «Если и ихъ будетъ недостаточно, то созвать всеобщее ополченіе (pospolite ruszenie)» (эта, извлеченная изъ стараго арсенала мѣра давно уже вышла изъ употребленія, потому что всегда приносила болѣе вреда, нежели пользы, болѣе вредила собственной странѣ, нежели непріятелю). «Король долженъ принять главное начальствованіе надъ всѣми этими силами и тотчасъ учредить нужные магазины» (на эту мѣру они въ особенности настаивали, какъ будто предводительствованіе слабаго, отнюдь невоинственнаго короля не увеличило бы еще болѣе всякаго рода замѣшательствъ и затрудненій въ арміи).—Два дня спустя сеймъ прибавилъ къ этому еще постановленіе: «что всѣ налоги должны быть удвоены» (но даже и обыкновенныхъ невозможно было собрать) и наконецъ 29-го мая: «во всей странѣ имѣли быть выставлены кружки для сбора добровольныхъ пожертвованій» (вполнѣ достойная смѣха мѣра) и «квитанціи начальниковъ войскъ за всѣ поставки натурой имѣли быть принимаемы вездѣ какъ бумажныя деньги и въ послѣдствіи повѣрены особо-назначенною коммиссіей.»—Легко было издавать такія постановленія на бумагѣ, но трудно было исполнять ихъ.

Сдѣлавъ эти постановленія, сеймъ, какъ будто уже озаботясь о всемъ, 29-го мая, въ самый моментъ приближавшейся, имъ же самимъ накликанной опасности, закрылъ свои засѣданія и предоставилъ королю и наблюдательному совѣту (стражу) извлечь, какъ они могли, страну изъ бѣды.

Вступленіе русскихъ войскъ уже началось, и подъ ихъ защитой контръ-конфедерація собралась въ Тарговицахъ, небольшомъ мѣстечкѣ Украйны (*), образовалась, назначила Феликса Потоцкаго своимъ верховнымъ маршаломъ, Браницкаго и Ржевускаго совѣтниками, и обнародовала свой конфедераціонный актъ. Двѣнадцать знатныхъ Поляковъ, министровъ, сенаторовъ или земскихъ пословъ, подписали его, выше всѣхъ фельдцейгмейстеръ Феликсъ Потоцкій, корон-

(*) Правильнѣе Торговица, къ сѣверу отъ Ольвіополя, къ востоку отъ Умани, въ нынѣшней Кіевской губерніи на р. Синюхѣ и границѣ Херсонской губерніи.—На приложенной къ I части этого перевода картѣ, по ошибкѣ, назначено не это м. Тарговицы, а другое, въ сѣверо-западной части Волыни.

ный великій гетманъ Францъ-Ксаверій Браницкій, коронный гетманъ Северинъ Ржевускій, сенаторъ Антонъ Четвертинскій, кастелянъ Пржемысльскій; за ними земскіе послы: Георгій Віельгорскій, ученый правовѣдъ Мошинскій, боецъ 3-го мая Сухоржевскій, далѣе земскіе послы изъ Подоліи и Волыни: Злотницкій, Загорскій, Кобылецкій, Швейковскій и Гулевичь. Они клятвенно обязались въ этомъ актѣ: «уничтожить новую конституцію, *могилу свободы*, и не прежде расторгнуть свой союзъ, пока не низринутъ ее и не возстановятъ прежній, свободный, республиканскій образъ правленія.» Затѣмъ они предъявили господствовавшей партіи длинный списокъ ея прегрѣшеній, какъ водится при борьбѣ партій: «Обманъ и обольщеніе націи; конфедерированіе сейма, не смотря на то, что ему слѣдовало быть сеймомъ свободнымъ; чрезъ мѣру увеличенная продолжительность его; низпроверженіе старинной формы правленія и введеніе новой; удвоеніе, посредствомъ новыхъ выборовъ, числа членовъ сейма; исключеніе изъ областныхъ сеймовъ безпомѣстнаго дворянства; ограбленіе республики продажею староствъ; упраздненіе избирательнаго правленія и введеніе престолонаслѣдія; наклонность къ демократическимъ правиламъ; наконецъ обманъ націи, распространеніемъ ложныхъ слуховъ и употребленіемъ насильственныхъ мѣръ 3-го мая.»

Духъ партій жестоко обвинилъ вождей тарговицской конфедераціи. Такъ въ сочиненіи о началѣ и паденіи польской конфедераціи 3-го мая ([25]) (чтобъ привести только небольшой обращикъ) сказано: «Эти *чернѣйшіе преступники* на землѣ вполнѣ принесли свое отечество въ жертву своей *бѣшеной гордости*». Развѣ этого нельзя было примѣнить точно также и къ противной партіи? Развѣ и ихъ главными двигателями не были также самолюбіе, гордость (Игнатій Потоцкій) и корыстолюбіе (Гуго Коллонтай)?—Какъ бы кто ни былъ склоненъ къ осужденію тарговицскихъ конфедератовъ, однако слѣдуетъ принять во вниманіе, что они, точно также какъ и противники ихъ, составляли партію и потому имѣли одинаковыя права; они хотѣли сохраненія существующаго, противники ихъ — низпроверженія его; они хотѣли примкнуть къ Россіи, такъ какъ Польша не могла удержаться одна, а противники ихъ—къ Пруссіи; спрашивается, не лучше-ли было бы для Польши, еслибы послѣдовали ихъ совѣтамъ, а не совѣтамъ ихъ противниковъ?—Но они призвали иностранную помощь? — А противники ихъ развѣ поступили иначе, развѣ они не искали помощи Пруссіи, даже помощи и со-

(25) См. часть II., стр. 35.

юза Турціи?—А впрочемъ Россія вмѣшалась бы и безъ нихъ, потому что имѣла достаточныя на то причины. Еще менѣе можно поставить имъ въ вину послѣдующій раздѣлъ Польши, какъ то̀ сдѣлали злонамѣренные писатели, потому что онъ произошелъ, какъ мы скоро увидимъ, отъ другихъ причинъ и скорѣе слѣдовало бы сдѣлать этотъ упрекъ ихъ противникамъ, потому что, безъ неразумныхъ поступковъ ихъ, которыми они совершенно оттолкнули отъ себя покровительствующую державу, Россію, и бросились въ объятія всѣмъ врагамъ ея, императрица съ трудомъ согласилась бы на дальнѣйшій раздѣлъ ([26]). Наконецъ, на нихъ дѣйствовали также и личныя побужденія. Противная партія довела ихъ до крайности, лишила ихъ должностей, званій, имѣній и принудила ихъ искать за границей защиты отъ преслѣдованій;—врасплохъ навязала ихъ отечеству конституцію, которую они, по господствующимъ идеямъ ихъ страны, почитали уничтоженіемъ своихъ старинныхъ вольностей и потому гнушались ею. Духъ партій всегда видитъ только одну сторону предметовъ и ненавидитъ всякаго, кто не смотритъ на нихъ съ одной съ нимъ точки зрѣнія. Дать восторжествовать своимъ воззрѣніямъ надъ таковыми же своихъ противниковъ, становится высшею цѣлію его, и при этомъ онъ и не замѣчаетъ опасностей, которыя накликаетъ на свое отечество. Польша всегда останется для другихъ странъ зеркаломъ, въ которомъ имъ можно будетъ видѣть слѣдствія внутреннихъ раздоровъ и расколовъ на партіи, себялюбія, любви къ спорамъ и ослѣпленія страстей.

Съ русской стороны на тарговицскую конфедерацію, слѣдовавшую за украинскою арміей, смотрѣли какъ на настоящее правительство Польши, и при ней былъ акредитованъ особый уполномоченный, статскій совѣтникъ Бюлеръ. Въ данной ему инструкціи было сказано: «Старинный интересъ Россіи возстановить въ Польшѣ прежній, свободный образъ правленія, согласуется съ желаніями трехъ четвертей націи. Удовлетворить тому и другимъ нельзя ничѣмъ лучше, какъ низпроверженіемъ противной имъ конституціи 3-го мая. Вотъ *единственная* цѣль настоящей конфедераціи и помощи, ей оказываемой Ея Императорскимъ Величествомъ. Перемѣны, произведенныя временемъ въ нравахъ, характерѣ и образѣ мыслей польской націи, безъ сомнѣнія, не позволяютъ въ минувшихъ вѣкахъ республики почерпать образцовъ для формы правленія. Но и законы, принятые въ 1768 и 1775 годахъ, были не столько недостаточны и не-

(26) Доказательства тому мы приведемъ ниже.

удовлетворительны сами по себѣ, сколько въ слѣдствіе ихъ дурнаго исполненія и злоупотребленій, которыя Поляки дозволяли себѣ. Поэтому Ея Императорское Величество полагаетъ, что возстановленіемъ по крайней мѣрѣ части этихъ законовъ, равно какъ и равновѣсія, существовавшаго прежде между властями въ государствѣ, не трудно было бы согласить ихъ съ цѣлями, которыя имѣютъ Ея Императорское Величество и Поляки, взывающіе къ ней о защитѣ. Въ слѣдствіе сего, она начертала слѣдующій планъ правленія». Затѣмъ слѣдуютъ главныя черты этого плана, которыя, за исключеніемъ нѣкоторыхъ улучшеній, большею частію снова возводятъ положеніе дѣлъ къ конституціи, учрежденной въ 1768 и 1775 годахъ.

Конфедерація, подобная тарговицской для коронныхъ земель или королевства, образовалась, посредничествомъ Коссаковскихъ, и въ Литвѣ. Въ послѣдствіи обѣ соединились въ одну въ Брестѣ-Литовскомъ.

Такимъ образомъ противники съ обѣихъ сторонъ стояли теперь другъ противъ друга и споръ ихъ долженъ былъ рѣшиться мечемъ!

Послѣ многолѣтнихъ вооруженій, польская армія состояла теперь, когда должна была оправдать надежды страны, едва изъ 56,000 человѣкъ (27), изъ числа которыхъ, по отчисленіи 7,000 чел. на гарнизоны Каменца, Кракова, Ченстохова, Познани и Варшавы, и 4,000 чел. при военныхъ депо и другихъ назначеніяхъ, для дѣйствій въ полѣ оставалось едва 45,000 человѣкъ, разсѣянныхъ сверхъ того на большомъ пространствѣ. Изъ нихъ бо̀льшая половина, 20,000 чел., разсѣянныхъ по Подоліи и Украйнѣ, и 10,000 чел., собиравшихся подъ начальствомъ Любомірскаго у Дубно, должна была, подъ начальствомъ князя *Іосифа Понятовскаго*, племянника короля, дѣйствовать въ Украйнѣ противъ русской главной арміи; другая же, меньшая половина, около 15,000 человѣкъ—въ Литвѣ, сперва подъ начальствомъ принца виртембергскаго, а по удаленіи его—генерала *Юдыцкаго*. Князь Іосифъ, въ то время полный жизни свѣтскій молодой человѣкъ, 28 лѣтъ, совершилъ первую военную школу свою въ австрійской военной службѣ, но военную опытность пріобрѣлъ только въ несчастномъ походѣ 1788 года, въ которомъ былъ раненъ подъ Шабачемъ, и затѣмъ отозванъ своимъ дядей въ Вар-

---

(27) Точнѣе: 37,394 чел. для Польши
18,245 — — Литвы

Всего 55,639 человѣкъ. Комаржевскій стр. 121.

шаву и пожалованъ въ генералъ-маіоры. Слѣдовательно, при наилучшей доброй волѣ, военноначальническія способности его не могли еще быть значительны. Однако онъ имѣлъ хорошихъ помощниковъ въ *Михаилѣ Вielьгорскомъ* и особенно *Ѳаддеѣ Косцюшко*, который, получивъ образованіе въ варшавскомъ кадетскомъ корпусѣ, въ послѣдствіи развилъ свои природныя военныя дарованія на дѣйствительной войнѣ, въ французской и потомъ въ американской службѣ, подъ начальствомъ Вашингтона. Онъ былъ способнѣйшимъ изъ польскихъ генераловъ и на немъ покоилось все.—Войска были молодыя, еще мало привыкшія къ дисциплинѣ, но храбрыя и сначала, въ слѣдствіе національнаго характера, слишкомъ самоувѣренныя. Такъ напр. когда одинъ изъ частныхъ начальниковъ войскъ, бригадиръ Держко, стоявшій съ 2,000 чел. на границѣ, получилъ приказаніе отступить передъ превосходнымъ въ силахъ непріятелемъ, то послалъ спросить: «серьозно или въ шутку дано ему такое приказаніе? Теперь не до отступленія, а надо сражаться, и онъ не покинетъ своего поста». Понятовскій велѣлъ арестовать его.

Русскія войска южной арміи, ветераны, только-что кончившіе войну съ Турками, собирались изъ Бессарабіи, гдѣ еще находились, на Днѣстрѣ, частію у Дубоссаръ, выше Бендеръ, частію у Сорокъ и еще выше у Могилева, а четвертая часть у Василькова, къ югу отъ Кіева.—Когда Понятовскій, расположившійся лагеремъ у Тульчина, гдѣ старался собрать разсѣянныя войска свои, увидѣлъ, что непріятель угрожаетъ ему съ трехъ сторонъ, то впалъ въ ошибку, свойственную неопытнымъ генераламъ, раздѣливъ свое войско, силою едва въ 20,000 чел. ([28]), также на три части, дабы противопоставить ихъ частямъ русской арміи. Вielьгорскаго съ одною частію онъ выдвинулъ къ Чечельнику (близъ нынѣшняго Ольгополя), гдѣ онъ, находясь въ равномъ разстояніи отъ Сорокъ и Дубоссаръ, долженъ былъ наблюдать за русскими войсками на Днѣстрѣ; Косцюшку съ другою частію—къ Фастову, противъ Василькова; самъ же съ третьею, большею частію, расположился у Брацлава, дабы,

---

(28) Польскія показанія о тогдашней числительности его войскъ колеблятся между 14,000 чел. (Заіончекъ—Платеръ) и 20,000 (король, Комаржевскій, даже Коллонтай). Можно согласить оба показанія, принявъ, что въ моментъ русскаго вторженія или когда Понятовскій раздѣлилъ свое войско на три части, оно состояло только изъ 14,000 чел., но непосредственно затѣмъ прибывавшими подкрѣпленіями усилилось до 20,000 человѣкъ, до тѣхъ поръ, когда подъ конецъ Любомірскій привелъ ему къ Заславу еще 6–7000 чел. (вмѣсто ожидаемыхъ 10,000) изъ Дубно.

смотря по обстоятельствамъ, подать помощь той или другой части. Четвертая, небольшая часть войскъ, подъ начальствомъ подполковника Гроховскаго, охраняла Могилевъ. Косцюшко порицалъ эти распоряженія и замѣтилъ: «что вмѣсто такого раздѣленія, слѣдовало дѣйствовать соединенными силами противъ отдѣльныхъ частей русскихъ войскъ и стараться разбить ихъ порознь, что̀ немало послужило бы къ возвышенію духа неопытныхъ войскъ» ([29]). Это замѣчаніе, въ тогдашнее время, дѣлаетъ честь его военной проницательности, потому что распоряженіе Понятовскаго основано было на господствовавшемъ тогда стародавнемъ обычаѣ — не смотря на несоразмѣрную слабость собственныхъ силъ, дробить ихъ на столько же частей и частичекъ, сколько ихъ было у противника, вездѣ быть такимъ образомъ слабѣе его и лишать себя всякой возможности одерживать болѣе значительные успѣхи сосредоточенными силами.—Но непомѣрное превосходство силъ Русскихъ не подавало Полякамъ никакой надежды на частные успѣхи, даже еслибъ они оставались въ соединеніи.

Императрица Екатерина, слѣдуя правилу, что для большаго предпріятія потребны и большія средства, и исчисляя выше дѣйствительной мѣры вооруженія Поляковъ, о которыхъ они немало трубили, двинула, какъ мы видѣли, до 100,000 чел. подъ начальствомъ генераловъ Каховскаго и Кречетникова, для вторженія въ Польшу одновременно съ юга, востока и сѣвера. Планы дѣйствій, составленные для обѣихъ армій, были основаны на томъ правилѣ, что для скорѣйшаго покоренія страны слѣдовало вторгнуться въ нее и овладѣть ею одновременно съ нѣсколькихъ сторонъ, дабы какъ можно скорѣе лишить противника средствъ поднять ее и воспользоваться ею для своихъ цѣлей. Хотя это основное правило было одинаково для обѣихъ армій, однако планы для нихъ были составлены различно. Планъ дѣйствій для украинской арміи, подъ начальствомъ Каховскаго, былъ составленъ, кажется, генералъ-квартирмейстеромъ *Пистоломъ*, такъ какъ императрица уже и прежде употребляла его для подобныхъ цѣлей ([30]); для литовской же арміи — генералъ-квартирмейстеромъ *Германномъ*. Оба, почти одновременно, перешли изъ

---

(29) Мнѣніе Косцюшки изложено въ небольшой статьѣ его объ этомъ походѣ, напечатанной въ изданномъ графомъ Рачинскимъ сочиненіи: Obraz Polakow i Polski (Изображеніе Поляковъ и Польши), T. XVI, стр. 93.—Мы пользовались преимущественно ею при описаніи движенія польскихъ войскъ.

(30) Напр. въ шведской войнѣ.

иностранной службы въ русскую и назначены состоять по квартирмейстерской части: подполковникъ гессенъ-кассельской службы Яковъ Писторъ (род. въ 1740 г.)—въ 1771 году премiеръ-маiоромъ, а саксонскiй поручикъ Iоаннъ Германнъ (род. въ 1741 г.)—въ 1769 г. прапорщикомъ.—Оба были даровитые и свѣдущiе люди; но Писторъ отличался высшимъ военнымъ взглядомъ; онъ смотрѣлъ на предметы въ болѣе широкомъ объемѣ;—Германнъ обладалъ бо̀льшимъ знанiемъ подробностей: онъ въ одно и тоже время былъ хорошимъ инженеромъ, строителемъ, былъ весьма искусенъ въ черченiи картъ и съемкѣ, и имѣлъ немаловажныя свѣдѣнiя въ близкихъ этому техническихъ отрасляхъ знанiй. Уже давно употребленный генераломъ Бауеромъ при составленiи карты Молдавiи и Валахiи, онъ оказалъ необыкновенныя заслуги военною съемкой почти всѣхъ пограничныхъ губернiй и начертанiемъ плановъ и постройкою крѣпостей (онъ построилъ Херсонъ; первая кавказская линiя, между Кизляромъ и Моздокомъ, заложена имъ же); но онъ ознаменовалъ себя и какъ практическiй воинъ, участвовалъ въ походахъ противъ Пугачева, а потомъ на Кавказѣ, гдѣ 30 сент. 1790 года атаковалъ и совершенно разбилъ трехбунчужнаго Баталъ-пашу, при переходѣ его чрезъ Кубань, и самаго его взялъ въ плѣнъ.—Но, не смотря на всѣ свои заслуги, и онъ не могъ отрѣшиться отъ господствовавшей тогда рутины, былъ нѣсколько педантъ и высокорѣчивъ. Но, можетъ быть въ слѣдствiе именно этого, онъ пользовался большимъ почетомъ: его считали посвященнымъ во всѣ таинства прусскаго военнаго искуства. Въ особенности подняла его и дала ему большое значенiе побѣда надъ Баталъ-пашею; и однако, что̀ могло быть, въ то время, легче побѣды съ превосходными русскими войсками надъ большими толпами Турокъ? это и до него удавалось людямъ весьма посредственнымъ; заслуга не *ихъ*, а ихъ *солдатъ* рѣшала дѣло. — Какъ бы то ни было, военное поприще Германна было блистательное; прапорщикъ скоро перегналъ премiеръ-маiора и теперь былъ уже генералъ-маiоромъ, тогда какъ тотъ дошелъ только до полковника. Оно понятно: высшая, разумная заслуга рѣдко находитъ такое же признанiе, какъ низшая, непосредственно практическая, потому что для оцѣнки первой требуется сродственный ей, постигающiй ее умъ, между тѣмъ какъ очевидное бросается въ глаза самому слабому умомъ человѣку.

Планъ, составленный теперь Писторомъ для украинской армiи, былъ превосходный, истинно геniяльный—а какое военное сочиненiе, какой историкъ упоминаютъ о немъ?

Въ то время преобладала прусская военная система; Фридрихъ былъ владыка и мастеръ, у котораго всѣ, стремившіеся быть полководцами или полководцы-новички искали примѣровъ и уроковъ. Каждый вѣкъ беретъ за образецъ предшествовавшій; только одни геніи забѣгаютъ впередъ и сами становятся образцами. Фридрихъ бралъ свои военные уроки (но съ проницательнымъ взглядомъ превосходнаго дарованія) у полководцевъ Людовика XIV; образцами ему послужили прежде Тюреннь, потомъ Люксамбургъ, къ которымъ онъ изъ своего народа присоединилъ еще великаго курфирста. Полководцы послѣ Фридриха, до самой французской революціи и Бонапарте, изучали уже походы Фридриха и старались примѣнять его распоряженія къ текущимъ, современнымъ обстоятельствамъ, или свои предположенія составлять по его образцамъ. Въ то время военные педагоги, вліявшіе на массы, въ особенности удивлялись вторженію Фридриха, въ 1757 году, въ Богемію, совершенному, какъ извѣстно, въ трехъ весьма удаленныхъ одна отъ другой колоннахъ. Бонапарте еще не показалъ, какъ встрѣчать порознь такія разъединенныя колонны (хотя уже древность представила небольшой образецъ того, въ разсказѣ о борьбѣ Гораціевъ и Куріаціевъ), а ученики тѣхъ учителей всюду восхваляли эти охватывающія колонны. Писторъ, также принадлежавшій къ числу этихъ учениковъ, но только къ наиболѣе остроумнымъ, положилъ теперь, при вступленіи русскихъ войскъ въ Польшу, подражать этому вторженію, и превзошелъ его. Что при вторженіи Фридриха было ошибочно и должно было повести къ пораженію, еслибы, вмѣсто Броуна, онъ имѣлъ противъ себя, хотя и не Бонапарта, а крайней мѣрѣ ученика его, то у Пистора-Каховскаго было превосходно расчитано и сообразно съ обстоятельствами. Дѣло было въ томъ, чтобъ быстро и рѣшительно двинуться впередъ и не задерживать себя сильными позиціями, которыхъ такъ много представляетъ эта страна, дабы какъ можно скорѣе достигнуть цѣли. Хотя армія Каховскаго состояла болѣе, нежели изъ 60,000 человѣкъ, а сопротивная ей польская—немного болѣе 20,000, однако, находясь въ собственной странѣ и поддержанная народомъ, послѣдняя могла бы оказать значительное сопротивленіе. Поэтому планъ Пистора былъ такого рода, чтобы польскія войска не смѣли долго держаться ни на какомъ пунктѣ, даже и въ самой сильной позиціи, и чтобъ самыя обширныя пространства края были пріобрѣтены только однимъ совокупнымъ дѣйствіемъ искусно-расчитанныхъ маршей. По этому плану русская армія была раздѣлена на четыре отдѣленія, изъ которыхъ каждое почти равнялось совокупнымъ си-

лямъ Поляковъ, слѣдовательно не подвергалось опасности быть подавлену превосходствомъ силъ, и столь искусно ведено было противъ непріятеля, что въ то время, когда одно отдѣленіе арміи наступало на него съ фронта, другія охватывали его съ фланговъ, а четвертое угрожало его тылу и сообщеніямъ. Такимъ образомъ непріятель не смѣлъ останавливаться даже на самыхъ лучшихъ позиціяхъ, потому что иначе подвергался опасности быть совершенно отрѣзаннымъ; онъ долженъ былъ идти назадъ и вездѣ назадъ, и всѣ его запасы и собранныя военныя средства послужили въ пользу Русскихъ.

Правда, что охватывающія движенія, какъ стратегическія, такъ и тактическія, произведенныя противъ искуснаго непріятеля, имѣютъ ту невыгоду, что послѣдній легко можетъ прорвать центръ и разбить противника по частямъ. Такъ при Абенсбергѣ Наполеонъ прорвалъ далеко охватывавшую его армію эрцъ-герцога Карла и разбилъ ее потомъ по частямъ; такъ онъ прорвалъ и россійско-австрійскую армію подъ начальствомъ Кутузова, когда она, подъ Аустерлицемъ, слишкомъ растянулась, чтобъ охватить его флангъ; тоже самое сдѣлалъ Веллингтонъ при Аропилахъ, когда Мармонъ производилъ обширныя движенія, чтобъ охватить его,—не упоминая о сотнѣ другихъ, подобныхъ случаевъ. Это и побудило новѣйшихъ военныхъ педагоговъ осудить всѣ обходныя или охватывающія движенія.—На войнѣ нѣтъ ничего положительнаго, но все относительно: что̀ не годится при однихъ обстоятельствахъ, можетъ быть превосходно при другихъ. Тутъ — просторъ для проницательнаго взгляда полководца. Но указаніемъ служитъ то, что кто хочетъ охватить непріятеля, зайти ему во флангъ, долженъ имѣть значительный перевѣсъ въ силахъ и необходимую предосторожность, чтобы всегда содержать вѣрное сообщеніе между отдѣльными частями. Тогда охватываніе фланговъ ведетъ и къ значительнымъ результатамъ. Кто же, напротивъ, хочетъ охватить непріятеля при равныхъ или даже меньшихъ силахъ, подвергается, противъ искуснаго непріятеля, неминуемому пораженію. Конечно, не всѣ противники искусны, а потому иной охватывалъ и съ меньшими силами, безъ всякаго отъ того вреда для себя, какъ напр. Фридрихъ при вторженіи въ Богемію въ 1757 году и тактически при Лейтенѣ, Торгау и т. д.— У Каховскаго такой образъ дѣйствій былъ избранъ отлично, чтобъ быстро достигнуть цѣли и не допустить Поляковъ, подобно исполину въ баснѣ, прикосновеніемъ къ собственной землѣ и сохраненіемъ оной постоянно почерпать свѣжія силы. Этимъ способомъ онъ вытѣснилъ польскую армію изъ Подоліи и Волыни и за Бугъ въ та-

(къ стр. 255-й.)

А. Состояніе украинской арміи подъ начальствомъ генерала Каховскаго, 7-го мая 1792 года.

Названія частей арміи и войскъ.	Баталіоновъ.	Эскадроновъ.	Казач. полк.	Пѣхоты.	Артиллеріи.	Регулярной кавалеріи.	Казаковъ.	Всего.	Примѣчанія.
Первое отдѣленіе—Ген.-пор. Голенищевъ-Кутузовъ.									
Кавалерія: 5 Донскихъ казачьихъ полковъ: *Орлова, Астахова, Денисова, Янова, Серебрякова*	—	—	5	—	—	—	2.000	2,600	1) Здѣсь показано число чиновъ, дѣйствительно находившихся въ строю.
1 полкъ Малоросс. регулярныхъ казаковъ	—	—	1	—	—	—	600		2) Слѣдов. первое отдѣленіе состояло изъ: 17,000 чел. пѣхоты, 6,600 — кавалеріи.
2 гусарск. полка 6-ти эск.: *Ольвіопольскій* и *Воронежскій*	—	12	—	—	—	1,500		4,000	3) Среднимъ числомъ приходилось: на 1 казачій полкъ 400 чел., на 1 эскадронъ 125 чел., на 1 баталіонъ 750 чел.
2 караб. полка 5-ти эск.: *Кіевскій* и *Глуховскій*	—	10	—	—	—	1,200			
1 конно-егерскій полкъ 10-ти эск.: *Елисаветградскій*	—	10	—	—	—	1,300			
Пѣхота: 1 егерск. полкъ 4-хъ бат.: *Екатеринославскій*	4	—	—	3,200					
2 гренад. полка 4-хъ бат.: *Екатеринославскій* и *Кіевскій*	8	—	—	6,000				15,000	
4 мушкетерскихъ полка 2-хъ бат.: *Днѣпровскій, Апшеронскій, Смоленскій* и *Угличскій*	8	—	—	5,800					
Полев. артиллерія: первый канонирскій полкъ	—	—	—	—	2,000	—	—	2,000	
Всего	20	32	6	15,000	2,000	4,000	2,600	23,600	
Второе отдѣленіе — Ген.-пор. Дунинъ.									
Кавалерія: 4 Донскихъ казачьихъ полка: *Кулбакова, Ивана Грекова, Григорія Грекова* и *Мѣшкова*	—	—	4	—	—	—	1,300	1,300	4) Слѣдоват. второе отдѣленіе состояло изъ: 13,100 чел. пѣхоты, 4,300 — кавалеріи.
2 караб. полка: *Сѣверскій* и *Нѣжинскій*	—	10	—	—	—	1,300		3,000	5) Среднимъ числомъ приходилось: на 1 казачій полкъ 325 чел., на 1 эскадронъ 136 чел., на 1 баталіонъ 750 чел.
2 полка легко-конныхъ: *Харьковскій* и *Ахтырскій*	—	12	—	—	—	1,700			
Пѣхота: 1 егерскій полкъ: *Бѣлорусскій*	4	—	—	2,700					
2 гренад. полка: *Фанагорійскій* и *Сибирскій*	8	—	—	6,100				12,000	
2 мушкет. полка: *Черниговскій* и *Новгородскій*	4	—	—	3,200					
Артиллерія: 1 бомбардирскій полкъ	—	—	—	—	1,100	—	—	1,100	
Всего	16	22	4	12,000	1,100	3,000	1,300	17,400	
Третье отдѣленіе—Ген.-пор. Дерфельденъ.									
Кавалерія: 3 казач. полка: *Кутейникова, Чернозубова* и *Сулина*	—	—	3	—	—	—	600	600	6) Слѣдоват. третье отдѣленіе состояло изъ: 6,600 чел. пѣхоты, 4,600 — кавалеріи.
4 полка легко-конныхъ: *Херсонскій, Александрійскій, Сумскій* и *Маріупольскій*	—	24	—	—	—	3,100		4,000	7) Среднимъ числомъ приходилось: на 1 казач. полкъ 200 чел., на 1 эскадронъ 153 чел., на 1 батал. 825 ч.
1 кирасирскій полкъ 6-ти эск.: *Князя Потемкина*	—	6	—	—	—	900			
Пѣхота: 1 егерскій полкъ: *Лифляндскій*	4	—	—	3,000				6,200	
2 мушкет. полка: *Новоингерманландскій* и *Ярославскій*	4	—	—	3,200					
Артиллерія: канонировъ	—	—	—	—	400	—	—	400	
Всего	8	30	3	6,200	400	4,000	600	11,200	
Четвертое отдѣленіе—Ген.-пор. Леванидовъ.									
Кавалерія: 1 конно-егерскій полкъ: *Кіевскій*	—	10	—	—	—	1,300			8) Слѣдоват. четвертое отдѣленіе состояло изъ: 8,300 чел. пѣхоты, 3,500 — кавалеріи.
1 карабинерн. полкъ: *Рязанскій*	—	5	—	—	—	700		3,500	
1 драгунскій полкъ: *С.Петербургскій*	—	10	—	—	—	1,500			
Пѣхота: 1 гренадерскій полкъ: *Астраханскій*	4	—	—	3,100				7,800	9) Среднимъ числомъ приходилось: на 1 эскадронъ 140 чел., на 1 баталіонъ 780 чел.
3 мушкет. полка: *Орловскій, Тульскій* и *Ростовскій*	6	—	—	4,700					
Артиллерія: канонировъ	—	—	—	—	500	—	—	500	10) Слѣдов. во всей арміи было: 45,000 чел. пѣхоты, 19,000 — кавалеріи.
Всего	10	25	—	7,800	500	3,500	—	11,800	
Всего во всей арміи	54	109	13	41,000	4,000	14,500	4,500	64,000	

кое же короткое время, какое потребовалось бы на то и при совершеніи обыкновеннаго марша.

Украинская армія подъ начальствомъ генерала Каховскаго имѣла въ своихъ четырехъ отдѣленіяхъ 64,000 человѣкъ ([31]). *Первое отдѣленіе* было подъ начальствомъ главнаго помощника Суворова подъ Измаиломъ, генералъ-поручика *Голенищева-Кутузова*, и въ числѣ 23,600 чел. имѣло 17,000 чел. пѣхоты и 6,600 чел. кавалеріи. При этой сильнѣйшей и отборнѣйшей части, на которой лежала главная задача, находился самъ главнокомандующій Каховскій. — *Второе отдѣленіе*, подъ начальствомъ генералъ-поручика *Дунина*, храбраго воина, было силою въ 17,400 чел., изъ коихъ 13,100 чел. пѣхоты и 4,300 чел. кавалеріи. — *Третьимъ отдѣленіемъ* начальствовалъ другъ Суворова, рекомендованный имъ генералъ-поручикъ *Дерфельденъ*, въ высшей степени неустрашимый воинъ и честный человѣкъ; это отдѣленіе было слабѣйшее и состояло изъ 11,200 человѣкъ, изъ коихъ только 6,600 чел. пѣхоты и 4,600 чел. кавалеріи.—Наконецъ *четвертое отдѣленіе* было подъ начальствомъ генералъ-поручика *Леванидова* и состояло изъ 11,800 человѣкъ, изъ коихъ 8,300 чел. пѣх. и 3,500 чел. кавалеріи.

27 марта (8 апрѣля) генералъ Каховскій получилъ въ Яссахъ первое приказаніе готовиться къ вступленію въ Польшу. Въ слѣдствіе того, онъ приказалъ своей арміи, находившейся еще, по окончаніи похода предъидущаго года противъ Турокъ, въ Молдавіи и Бессарабіи, сдѣлать предварительныя передвиженія оттуда: Кутузовъ долженъ былъ идти къ Могилеву, Дунинъ — къ Сорокамъ, на Днѣстрѣ, Дерфельденъ — собрать свои войска у Дубоссаръ, а Леванидовъ, съ противоположной стороны — вести свои полки чрезъ Кіевъ къ границѣ у Василькова.

Южную границу Польши съ Молдавіею и Бессарабіею тогда составляла р. Днѣстръ; съ Новороссійскимъ же краемъ или только-что пріобрѣтеннымъ Очаковскимъ округомъ и прежде отнятыми у Татаръ землями, ее составляли двѣ небольшія рѣчки Ягорлыкъ и Кодыма до самаго Буга ([32]), а отсюда рѣчки Синюха и Высь до степи ([33]), по которой граница продолжалась до Днѣпра у Крылова (выше Кременчуга) и потомъ вдоль этой рѣки, оканчиваясь близъ Кіева.

---

(31) См. прилагаемую таблицу А.

(32) Ягорлыкъ впадаетъ въ Днѣстръ выше Дубоссаръ, а Кодыма въ Бугъ выше Ольвіополя.

(33) Синюха впадаетъ въ Бугъ у Ольвіополя, а Высь въ Синюху выше Тарговицъ.

Первый и второй корпуса или собственно главная армія, силою въ 41,000 чел., должны были вступить въ Польшу со стороны Днѣстра, охватить непріятельскую армію и угрожать сообщеніямъ ея съ внуренностію страны и Варшавой; Дерфельденъ съ третьимъ корпусомъ, силою въ 11,000 чел.—изъ Новороссіи, отъ Ольвіополя на Бугѣ, двинуться въ непріятельскую страну во флангъ Полякамъ, и наконецъ Леванидовъ съ 12,000 чел.—отъ Василькова идти имъ въ тылъ.

По свѣдѣніямъ, какія имѣлись о польской арміи, она была расположена вдоль Буга въ четырехъ отдѣленіяхъ: въ Тывровѣ, Немировѣ, Брацлавѣ и Тульчинѣ. На основаніи этихъ свѣдѣній приказано было произвесть дальнѣйшія движенія: Дерфельденъ, первый перейдя 7 (18) мая черезъ границу у Ольвіополя, долженъ былъ привлечь въ эту сторону вниманіе непріятеля, тѣмъ болѣе, что въ его лагерѣ находились и вожди конфедераціи; затѣмъ обѣ главныя части арміи, Кутузова и Дунина, должны были перейти черезъ Днѣстръ у Могилева и Сорокъ, и направиться: первый—быстрымъ движеніемъ противъ праваго флага непріятеля къ Винницѣ, второй—болѣе противъ центра его, угрожая и удерживая его, на Немировъ; Леванидову же, перешедшему 10 (21) числа черезъ границу у Василькова, ближайшею цѣлью движенія былъ указанъ Бердичевъ, въ тылу непріятеля, откуда, при малѣйшемъ замедленіи послѣдняго, онъ могъ черезъ Махновку или Хмѣльникъ войти въ сообщеніе съ Кутузовымъ въ Винницѣ и тѣмъ довершить отрѣзаніе и окруженіе польскихъ войскъ. Каждый изъ отдѣльныхъ корпусовъ имѣлъ достаточно силы и самостоятельности противостать всему, что Поляки могли отрядить противъ него; сверхъ того, всѣ они; кромѣ Дерфельдена, находились въ надлежащей связи между собою, дабы въ случаѣ нужды поддерживать другъ друга; Дерфельденъ же имѣлъ надежную опору въ корпусѣ князя Волконскаго (шестомъ), прикрывавшемъ русскія границы между Бугомъ и Днѣпромъ. Такъ была отстранена всякая опасность разъединенія и однако пріобрѣтены всѣ выгоды обходнаго, охватывающаго движенія. Еслибъ этотъ планъ былъ исполненъ съ такими же быстротою и рѣшительностію, съ какимъ искуствомъ былъ составленъ, то польская армія съ трудомъ избѣжала бы совершеннаго разсѣянія или и уничтоженія.

Согласно съ этими основными чертами плана, отдѣльные корпуса начали теперь подлинно мастерскую игру (*), не дозволяя непріятелю,

(*) У Смитта Kunstspiel.

постепенными ходами своими на флангахъ и въ тылу его, нигдѣ стать твердою ногой, чтобъ опомниться, но гоня его изъ одной позиціи въ другую до самыхъ окрестностей Варшавы. Разсмотримъ это ближе.

7 (18) мая Дерфельденъ прежде всѣхъ, какъ было назначено по плану, перешелъ черезъ границу у Ольвіополя и въ тылу непріятеля направился на Умань. Потоцкій, Ржевускій и Браницкій отправились черезъ Новороссію въ пограничное мѣстечко Тарговицы и тутъ обнародовали свою контръ-конфедерацію. Когда такимъ образомъ вниманіе непріятеля было привлечено сюда, Дунинъ и Кутузовъ перешли 8 (19) мая черезъ Днѣстръ у Косницы и Могилева и двинулись усиленными переходами, первый черезъ Томашполь и Шпиковъ къ Рогознѣ на Бугѣ (противъ Немирова), а послѣдній черезъ Шаргородъ и Браиловъ къ Винницѣ на верхнемъ Бугѣ, противъ крайняго праваго фланга Поляковъ. Польскіе предводители тотчасъ усмотрѣли опасность своего положенія, почему, не вдаваясь въ обманъ демонстраціями Дерфельдена, начали чрезвычайно быстро отступать изъ различныхъ позицій своихъ чрезъ Винницу и Яновъ на Пиковъ, гдѣ 31 мая (11 іюня) Понятовскій благополучно присоединилъ къ себѣ отдѣльныя части Віельгорскаго, Гроховскаго и Косцюшки, отступившаго передъ Леванидовымъ чрезъ Бердичевъ. Но войска были чрезвычайно утомлены усиленными переходами, которые принуждены были совершить, упали духомъ въ слѣдствіе пораженія въ нѣсколькихъ небольшихъ кавалерійскихъ стычкахъ и наконецъ отъ гордой самонадѣянности своей перешли къ совершенному унынію ([34]). Но и по соединеніи своемъ, они не должны были имѣть ни минуты покоя, потому что Каховскій и Дунинъ уже соединились 31 мая (11 іюня) въ Литинѣ и двигались противъ праваго фланга непріятеля къ Хмѣльнику, между тѣмъ какъ Дерфельденъ, угрожая его лѣвому флангу, направился на Погребище (между Винницей и Сквирой). Такимъ образомъ польская армія, повсюду угрожаемая и вытѣсненная изъ Подоліи, отступила усиленными переходами къ Любарю на Волыни, гдѣ на обширной равнинѣ заняла позицію, примыкая лѣвымъ флангомъ къ городу, правымъ къ болотамъ, и имѣя передъ собою р. Случь, на которой уничтожены были всѣ мосты. Здѣсь польскій главнокомандующій надѣялся держаться нѣсколько времени. Тщетная надежда! потому что

(34) См. Zayonczek (Histoire de la révolution de Pologne en 1794, par un témoin oculaire. Paris, 1797), стр. 34—40.

Русскіе уже приближались, обходя ихъ со всѣхъ сторонъ. Теперь роль Кутузова перешла къ Леванидову, который, перейдя отъ Бердичева къ Чуднову, долженъ былъ оттуда идти на Мирополье, въ тылъ непріятельскаго лагеря у Любаря, между тѣмъ какъ Каховскій, съ двумя другими соединенными частями, двинулся 12 и 13 іюня отъ Хмѣльника чрезъ Старую Сѣняву на Острополье, дабы здѣсь перейти черезъ р. Случь и атаковать непріятеля. Генералъ Марковъ съ 4 баталіонами и 12 эскадронами долженъ былъ производить демонстраціи противъ фронта непріятельской позиціи, дабы скрыть обходное движеніе Каховскаго. Наконецъ, Дерфельденъ съ своею частію получилъ приказаніе оставаться въ Погребищѣ, для прикрытія тыла и сообщеній главныхъ силъ, при дальнѣйшемъ ихъ движеніи, и чтобъ поддержать тарговицскихъ конфедератовъ въ распространеніи ихъ конфедераціи.

До сихъ поръ еще не происходило никакихъ серьозныхъ дѣлъ, только маневрировали; теперь дѣло должно было дойти до первыхъ боевыхъ дѣйствій. Послѣ удачно-совершенной переправы у Острополья, обѣ соединенныя части русской арміи двинулись 3 (14) іюня на Вышнеполь, съ цѣлію на слѣдующій день атаковать Поляковъ у Любаря, между тѣмъ какъ Леванидовъ изъ Мирополья заградитъ имъ путь въ Полонное. Казалось, насталъ конецъ польской арміи, еслибы всѣ движенія были произведены въ точности и согласіи; но въ этомъ-то именно и сокрушается на войнѣ большая часть искусно соображенныхъ предпріятій. Такъ случилось и здѣсь. Понятовскій, вѣрно оцѣнивъ грозившую ему опасность, по первому извѣстію о наступленіи Леванидова противъ его лѣваго фланга, отрядилъ, для прикрытія его, Косцюшку къ Чарторыѣ, а когда узналъ и о приближеніи съ другой стороны главныхъ силъ русской арміи, то 4 (15) числа рано утромъ сломя голову снялся съ лагеря при Любарѣ и скорѣйшимъ образомъ двинулся тремя колоннами черезъ Чарторыю, Борушковичи и Деревичи на Полонное, чтобы предупредить тамъ Леванидова. Все зависѣло отъ того, кто прибудетъ туда первый, Леванидовъ-ли, которому отъ Мирополья нужно было сдѣлать всего одинъ небольшой переходъ, или Понятовскій, которому предстоялъ туда дальній путь. Тутъ Леванидовъ, недостаткомъ рѣшимости, испортилъ превосходно составленный планъ для совершеннаго пораженія или плѣненія польской арміи. Мостъ его чрезъ р. Случь былъ наведенъ и онъ самъ уже готовъ выступить, какъ вдругъ узналъ, что Косцюшко готовится переправиться у Чарторыи и напасть на его сообщенія. Эта демонстрація — ибо то было не что

иное — заставила его остановиться и, изъ опасенія быть атакованнымъ съ фронта Понятовскимъ, а съ тыла Косцюшкой или, говоря военнымъ языкомъ того времени, попасть между двухъ огней, онъ не тронулся изъ Мирополья. Такимъ образомъ Понятовскій съ головою арміи безпрепятственно прибылъ въ Полонное; но хуже обошлось это обѣимъ другимъ его колоннамъ, обоза и Віельгорскаго, шедшимъ чрезъ Борушковичи. Каховскій обошелъ 4 (15) іюня изъ Вышнеполя правый флангъ Поляковъ у Любаря, дабы, при ожидаемомъ боѣ, припереть ихъ къ рѣкѣ; передовыя войска его уже приближались къ этому мѣстечку, когда узнали, что непріятель только-что очистилъ его и находится въ полномъ отступленіи. Они тотчасъ бросились преслѣдовать его. Бригадиръ Орловъ съ 2-мя полками казаковъ и генералъ Тормасовъ съ отрядомъ легкой кавалеріи опрокинули 10 эскадроновъ, долженствовавшихъ прикрывать отступленіе непріятеля, перешли, подкрѣпленные 2-мя баталіонами екатеринославскихъ егерей, по двумъ, на-скоро устроеннымъ мостамъ, чрезъ болотистую лощину и напали на третью колонну, шедшую лѣвѣе и состоявшую изъ обоза. Бо́льшая часть его была взята, а другая бросилась прямо черезъ поле, къ ближайшей, второй колоннѣ Віельгорскаго. Русская кавалерія и егеря преслѣдовали ее и у дер. Деревичи ([35]) произошло дѣло съ Віельгорскимъ. Поляки были притѣснены къ деревнѣ и когда хотѣли начать отступленіе, то подъ тяжестью повозокъ и орудій сломался мостъ чрезъ длинный прудъ. Тутъ колонна Віельгорскаго, все сильнѣе тѣснимая русскими передовыми войсками, усиленными еще 3-мя свѣжими баталіонами подъ начальствомъ князя Лобанова, попала въ большую бѣду, изъ которой вышла только съ тяжкими пожертвованіями. Хотя Понятовскій, услыхавъ пальбу, поспѣшилъ на помощь съ полкомъ кавалеріи, но засталъ бой уже конченнымъ и войска Віельгорскаго въ быстромъ отступленіи и могъ только прикрыть его. Поляки потеряли до 600 чел. убитыми и ранеными, и 375 чел. плѣнными, кромѣ того 7 орудій и бо́льшую часть обоза, въ томъ числѣ подвижный магазинъ и военную казну.

Какъ ни чувствительны были эти потери, но онѣ были бы гораздо значительнѣе, еслибъ Леванидовъ преградилъ Полякамъ, какъ и могъ, путь въ Полонное. Онъ не сдѣлалъ этого и польская армія благополучно достигла этого мѣстечка, гдѣ находились значительные мага-

---

(35) Такъ оно было названо въ русскихъ реляціяхъ; у Поляковъ же названо дѣломъ при Борушковицахъ. Обѣ деревни лежатъ одна близъ другой.

зины и уже болѣе мѣсяца, подъ руководствомъ инженернаго полковника Сѣраковскаго, производились работы по укрѣпленію города и устройству укрѣпленнаго лагеря. Полонное было предназначено складочнымъ мѣстомъ и крѣпкимъ оборонительнымъ пунктомъ, гдѣ армія должна была держаться нѣсколько времени. Но при ея слабости и охватывавшихъ движеніяхъ русскихъ войскъ, нельзя было и думать гдѣ-либо держаться. Приведенные въ упадокъ духа потерями при Деревичахъ, тревожимые близостію Леванидова на ихъ флангѣ, польскія войска, съ наступленіемъ ночи, не безъ замѣшательства достигли города. Не было сдѣлано никакихъ приготовленій къ расположенію лагеремъ и солдаты легли отдыхать на первомъ попавшемся мѣстѣ; войска Віельгорскаго прибыли въ совершенномъ разстройствѣ и разсѣялись по близъ-лежавшимъ полямъ и въ городѣ, въ которомъ отъ того произошелъ пожаръ. Косцюшко, прибывшій послѣднимъ, въ порядкѣ, потушилъ пожаръ и далъ Понятовскому время возстановить порядокъ ([36]).

Польскій главнокомандующій счелъ невозможнымъ держаться въ Полонномъ и, угрожаемый наступленіемъ частей русской арміи, теперь уже дѣйствовавшихъ въ непосредственной связи, отказался отъ всякаго здѣсь сопротивленія. По мѣрѣ перевозочныхъ средствъ, какія были найдены, онъ отправилъ, изъ собранныхъ тутъ военныхъ и продовольственныхъ запасовъ, сколько могъ въ направленіи къ Заславлю, зажегъ потомъ остальные и 6 (17) іюня на разсвѣтѣ выступилъ тудаже чрезъ Шепетовку. Косцюшко долженъ былъ на этотъ разъ составлять арріергардъ и прикрывалъ отступленіе спокойно и твердо. На пути Понятовскій, получивъ донесеніе, что Любомірскій съ 6,000 чел. уже прибылъ въ Заславль ([37]), приказалъ ему выслать на встрѣчу къ себѣ въ Зѣлинцы (*) половину его войскъ, для прикрытія своего лѣваго фланга. Эта половина, подъ начальствомъ генераловъ Трохина и Заіончека, еще того же дня поздно вечеромъ прибыла въ Зѣлинцы, между тѣмъ какъ Понятовскій расположился на ночь неподалеку оттуда у Шепетовки, на большой дорогѣ въ Заславль.

Между тѣмъ русскія войска Каховскаго, непосредственно послѣ отступленія непріятеля, заняли совершенно очищенное имъ Полонное и спасли отъ огня бо́льшую часть зажженныхъ запасовъ (до 6,000 мѣшковъ муки); въ покинутыхъ веркахъ найдены были 45 орудій. Тутъ Каховскій, не сообразивъ какъ слѣдовало обстоятельствъ,

---

(36) Zayonczek, стр. 41.

(37) По другимъ свѣдѣніямъ 7,000 чел.

(*) На теперешнихъ нашихъ картахъ — Жилинцы.

поступилъ необдуманно. Извѣстясь, что непріятель везетъ съ собою, въ большой колоннѣ повозокъ, спасенные запасы, онъ вознамѣрился повторить маневръ предпрошлаго дня и отрядилъ генерала Маркова съ 8,000 чел. (8 бат. и 22 эск.), (38) чтобъ окольною дорогой чрезъ Зѣлинцы предупредить непріятеля, ударить ему во фланъ и отрѣзать часть обоза. Необдуманность состояла въ томъ, что онъ, до сихъ поръ постоянно употреблявшій для своихъ обходныхъ движеній цѣлыя отдѣленія арміи, тутъ употребилъ только одинъ авангардъ, даже не поддержавъ его болѣе значительною частію войскъ иославъ его прямо во фланъ непріятельской арміи. Это былъ маневръ, подобный движенію Вандамма при Кульмѣ, и легко могъ бы повести къ подобнымъ же результатамъ, еслибъ войска Маркова были менѣе способны.—Марковъ быстро двинулся 7 (18) іюня на разсвѣтѣ впередъ и въ 7 часовъ утра прибылъ къ Зѣлинцамъ, гдѣ Трохинъ и Заіончекъ заняли позицію на возвышеніи, имѣвшемъ видъ полумѣсяца, примыкая правымъ флангомъ къ Зѣлинцамъ, а лѣвымъ къ болотистой низменности. 3,000-ный отрядъ ихъ былъ построенъ только въ одну линію; вторую и третью составилъ позже Понятовскій, который, по первому извѣстію о приближеніи Русскихъ, поспѣшилъ сюда съ своими силами изъ Шепетовки. Онъ усилилъ еще передовую линію Заіончека 12-ю орудіями и полкомъ кавалеріи подъ начальствомъ Мокрановскаго.

Русскіе приближались четырьмя небольшими колоннами (39), нашли непріятеля построеннымъ въ боевой порядокъ и быстро построили свой также въ одну линію: 6 баталіоновъ въ центрѣ, кавалерію по флангамъ, 1 егерскій баталіонъ въ резервѣ, и наконецъ 1 баталіонъ и 2 эскадрона оставили для прикрытія обоза. — Огонь, открытый изъ орудій, продолжался нѣсколько часовъ; польская кавалерія праваго фланга сильно пострадала и, атакованная около полудня русскою, была опрокинута. Но, преслѣдуя ее, русская кавалерія наткнулась на вторую линію, была встрѣчена сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ и перешедшею снова въ наступленіе польскою кавалеріею Мокрановскаго, и принуждена отступить съ потерей. Поляки нѣсколько разъ пытались затѣмъ атаковать Русскихъ, но были

---

(38) У Маркова было: 4 бат. екатеринославскихъ егерей,
4 бат. екатеринославскихъ гренадеровъ,
10 эскад. елисаветградскихъ конныхъ егерей,
12 эскад. ольвіопольскихъ и воронежскихъ гусаровъ.

(39) См. прилагаемый планъ (III).

неустрашимо отражаемы ими. Понятовскій, не смотря на свое превосходство въ силахъ, не отваживался дѣйствовать рѣшительно, ежеминутно опасаясь появленія русскихъ главныхъ силъ, почему, послѣ того, что бой продолжался еще нерѣшительно до 6 часовъ вечера, онъ приказалъ отступать къ Заславлю. Въ самую минуту отступленія, съ противуположной стороны появился Косцюшко съ своимъ отрядомъ, составлявшимъ арріергардъ. Марковъ съ частію своихъ войскъ построилъ фронтъ противъ Косцюшки, между тѣмъ какъ другая часть оставалась обращенною къ отступавшему Понятовскому. Перестрѣливались часа два; Косцюшко не могъ силою перейти черезъ отдѣлявшую его отъ Маркова болотистую лощину и наконецъ долженъ былъ снова возвратиться въ лѣсъ, изъ котораго вышелъ, и оттуда, взявъ вправо, окольными дорогами присоединился на другой день къ главнымъ силамъ у Заславля.

Изъ этого разсказа, въ которомъ мы, сверхъ русскихъ донесеній, преимущественно слѣдовали донесенію Косцюшки, видно, что Марковъ, не смотря на то, что имѣлъ противъ себя болѣе, нежели вдвое превосходнаго силами непріятеля, удержалъ за собою мѣсто боя и даже принудилъ слѣдовавшаго въ хвостѣ Косцюшку искать окольными дорогами соединенія съ своими главными силами. А между тѣмъ польскіе повѣствователи, съ свойственною имъ хвастливостью, провозглашали тутъ свою побѣду и утверждали, что навѣрное уничтожили бы Русскихъ, «*еслибы* тому не помѣшали: неспособность нѣкоторыхъ генераловъ, неисполненіе данныхъ приказаній, неизвѣстность о числѣ Русскихъ, такъ какъ нельзя было добыть хорошаго шпіона,» (40) и — какъ къ тому еще присовокупляетъ Заіончекъ, по личной ненависти своей къ Понятовскому — неспособность этого полководца. Заіончекъ не устыдился утверждать явную ложь: «Напослѣдокъ русскій генералъ составилъ изъ своей дивизіи одно каре и отступилъ; когда же Поляки отступили, на мѣсто боя воротились опять два баталіона егерей и прокричали побѣду!» (41) — Собственный разсказъ Косцюшки, какимъ образомъ Русскіе, удержаніемъ мѣста боя, воспрепятствовали ему соединиться съ Понятовскимъ, достаточно опровергаетъ басню, расчитанную лишь на одинъ ребяческій разсудокъ (42).

---

(40) Слова изъ донесенія Косцюшки. — Не имѣть лазутчиковъ въ собственной странѣ!—Безъ «еслибъ» нельзя обойтись ни при какомъ пораженіи.

(41) Заіончекъ, стр. 45.

(42) И Платеръ въ своемъ атласѣ честно сознается: «что хотя Поляки имѣли

Потери съ обѣихъ сторонъ были кажется равныя. Марковъ показываетъ свою въ 730 человѣкъ, Заіончекъ и Коллонтай потерю Поляковъ въ 800 чел., за то послѣдній, по своему обычаю, опредѣляетъ потерю Русскихъ въ 3,000 человѣкъ. Русскіе взяли 3 орудія.

Понятовскій отступилъ затѣмъ къ Заславлю, гдѣ соединился съ Любомірскимъ, 6-ю тысячами чел. свѣжихъ войскъ котораго не только пополнилъ потери свои дотолѣ, но и довелъ свою армію до 23,000 человѣкъ. Послѣ 24-хъ часоваго отдыха въ Заславлѣ, Понятовскійвыступили оттуда на Острогъ, а Любомірскій на Куневъ. А цѣль этого раздѣленія? Заіончекъ высказываетъ ее: «хотѣли побудить русскую армію къ преслѣдованію Любомірскаго и затѣмъ поставить ее *между двухъ огней*. Но Русскіе не попали въ западню.»—Едва вѣришь глазамъ своимъ! 50,000-ную армію хотѣли поставить въ тиски между однимъ корпусомъ въ 6,000 чел. и другимъ въ 17,000!—Таковы были воззрѣнія того времени! Маленькіе мастера прусской военной школы, мало понимавшіе своего великаго мастера, придумали это выраженіе, имѣвшее на современниковъ, по-истинѣ, волшебное дѣйствіе: тогдашній генералъ не рѣшился бы даже съ большими силами войти въ промежутокъ двухъ отдѣльныхъ баталіоновъ, «чтобъ не попасть между двухъ огней.»—Такъ польскіе предводители думали, что сдѣлали глубокое соображеніе, раздѣливъ слабыя свои силы для того, чтобъ русская армія попалась между ними!—Еще четыре года спустя Больё хотѣлъ «поставить между двухъ огней» юнаго Бонапарте въ генуэзской ривіерѣ — но плохо пришлось ему.

Каховскій, слѣдуя по пятамъ за Поляками, вступилъ 9 (20) іюня въ Заславль. Здѣсь явились къ нему адъютанты Понятовскаго съ предложеніемъ четырехъ-недѣльнаго перемирія. Русскій главнокомандующій отказалъ, не имѣя на то полномочій. Да еслибъ онъ и имѣлъ ихъ, то въ положеніи, въ какое была приведена польская армія, не слѣдовало давать ей ни покоя, ни отдыха, чтобы скорѣе достигнуть рѣшительныхъ результатовъ. Однако переговоры эти доставили Полякамъ ту выгоду, что военныя дѣйствія были пріостановлены тѣмъ на нѣсколько дней и Каховскій выступилъ изъ Заславля только 14 (25) іюня. Вѣрно оцѣнивъ измѣнившіяся обстоятельства, онъ угро-

---

здѣсь перевѣсъ въ силахъ, однако честь этого дня принадлежитъ Маркову и его русскимъ войскамъ.»

жалъ теперь уже не правому флангу Поляковъ, а лѣвому, чѣмъ отчасти отрѣзывалъ ихъ отъ сѣверныхъ воеводствъ, отчасти же, при малѣйшемъ промедленіи ихъ, могъ притѣснить ихъ къ границѣ Галиціи. А потому, не обращая вниманія на безразсудное движеніе Любомірскаго къ Куневу, самъ онъ съ главными силами двинулся на Острогъ, направивъ Дунина правѣе на Черняховъ, а Леванидова еще правѣе на Гущу, для перехода въ этихъ двухъ пунктахъ чрезъ р. Горынь и для того, чтобъ польскую армію въ крѣпкой позиціи у Острога либо атаковать, либо охватить съ лѣваго фланга ея. Позиція у Острога была весьма сильна и Поляки надѣялись долго держаться на ней. Самый городъ лежитъ на крутыхъ высотахъ, которыя Поляки заняли и укрѣпили; у подошвы ихъ, по болотистой мѣстности, многими рукавами протекаетъ рѣчка Вилія, такъ что подступить къ позиціи можно было только по нѣсколькимъ узкимъ мостамъ, обстрѣливаемымъ польскою артиллеріей. Съ фронта позиція эта была почти неприступна и овладѣть ею можно было только обходомъ. Подступивъ къ ней вечеромъ 14 (25) іюня, Каховскій приказалъ нѣсколькимъ егерскимъ баталіонамъ овладѣть лежавшимъ по сю сторону предмѣстьемъ и двумя мостами; третій же и послѣдній мостъ, обороняемый съ нѣсколькихъ сторонъ перекрестнымъ огнемъ, равно и продольно картечнымъ и ружейнымъ, остался во власти Поляковъ. Однако противъ него выставили значительное число орудій и отчасти заставили молчать непріятельскій огонь. Въ такомъ положеніи наступила ночь. На слѣдующее утро 15 (26) іюня съ обѣихъ сторонъ возобновилась канонада; но Каховскій, приказавъ Маркову производить демонстраціи противъ праваго фланга непріятеля у францисканскаго монастыря Мензиржичи, послалъ генераламъ Дунину и Леванидову приказаніе ускорить переходъ ихъ чрезъ Горынь, чтобъ взять непріятеля во флангъ и въ тылъ. Канонада у Острога продолжалась, безъ рѣшительныхъ результатовъ, до поздняго вечера, при чемъ часть предмѣстій сгорѣла. Но ночью польскій главнокомандующій получилъ извѣстіе, что легкія войска Дунина уже перешли черезъ Горынь у Черняхова и что прочія войска его корпуса готовятся послѣдовать за ними. Тогда онъ отказался отъ дальнѣйшей обороны у Острога, тѣмъ болѣе когда ему донесли, что огнестрѣльные снаряды были большею частію разстрѣляны и что оставалось только по двѣнадцати зарядовъ на каждое орудіе. Рано утромъ 16 (27) іюня онъ предпринялъ отступленіе по двумъ дорогамъ на Дубно. Каховскій тотчасъ же приказалъ возстановить мосты на Виліи, занялъ Острогъ и двинулся

далѣе для преслѣдованія непріятеля, послав Дунину приказаніе, чтобъ и онъ, съ своей стороны, изъ Черняхова быстро перешелъ къ преслѣдованію. Но у Дунина еще не былъ оконченъ мостъ. Въ этотъ день Поляковъ гнали до Варковичъ ([43]), откуда они на слѣдующее утро 17 (28) іюня потянулись на Дубно. Здѣсь солдаты ожидали найти покой, отдыхъ, новую обмундировку, хорошее продовольствіе, свѣжія подкрѣпленія, даже, какъ увѣрили ихъ, присутствіе самаго короля. Ничего изъ всего этого не осуществилось. Король не покидалъ Варшавы; сукно на плащи не было поставлено; палатки и другія необходимыя принадлежности еще не изготовлены; въ хлѣбѣ и фуражѣ былъ недостатокъ, не смотря на учрежденные здѣсь большіе магазины; и ожидаемыхъ покоя и отдохновенія также не должно было достаться имъ. По глупости-ли или по обычному подлогу, всѣ запасы были сложены въ мнимыхъ безопасныхъ мѣстахъ, гдѣ они достались не Полякамъ, но вступившимъ туда вскорѣ Русскимъ. Вѣрно то, что здѣсь въ руки Русскимъ достались значительныя средства всѣхъ родовъ, въ особенности продовольственныя. Польская же армія, вмѣсто ожидаемаго изобилія, нашедшая одни недостатки и лишенія, была принуждена какъ этимъ, такъ преимущественно угроженіемъ лѣвому своему флангу, уже черезъ два дня, въ ночь на 20 іюня (1 іюля), снова взяться за свой страннический посохъ. Въ слѣдствіе того, въ арміи возникли, какъ обыкновенно, неудовольствіе и раздоръ. Солдаты и офицеры роптали на вѣчное отступленіе, бывшее однако неизбѣжнымъ; поносили Любомірскаго, которому принадлежало Дубно и не сдѣлавшаго необходимыхъ приготовленій; войну называли лишь борьбою *Потоцкихъ*, Феликса противъ Игнатія; зачѣмъ же было жертвовать собою за Игнатія? ([44]) «Лучше уже уступить, говорили они, превосходству русскихъ силъ; ибо продолженіе войны противъ столь превосходнаго въ силахъ непріятеля должно повлечь за собою гибель арміи». Возникла сильная ссора между Понятовскимъ и Любомірскимъ, и они, съ приближеніемъ Русскихъ, отступили каждый своею особенной дорогой, а дойдя до Владиміра, даже расположились въ двухъ отдѣльныхъ лагеряхъ, Понятовскій у Владиміра, а Любомірскій четыре версты сѣвернѣе, у Вербы, на этотъ разъ уже не съ тѣмъ, чтобы поставить Русскихъ между двухъ огней. Между тѣмъ потребовали изъ Варшавы бое-

(43) Косцюшко разсказываетъ: «войска арріергарда (вѣроятно Любомірскаго) едва не опередили его, шедшаго въ авангардѣ, у Варковичъ!»

(44) См. Заіончекъ, стр. 48.

выхъ припасовъ, даже по почтѣ. Ихъ выслали, но за Люблиномъ они взлетѣли на воздухъ, не принеся пользы войску, которое вѣроятно снабдилось ими помощью иныхъ средствъ, потому что за Бугомъ у него не было недостатка въ нихъ.

Между тѣмъ Русскіе нѣсколько отстали, задержанные преимущественно значительнымъ числомъ рѣкъ этого края, на которыхъ мосты были уничтожены. Цѣлый день 17 (28) іюня Дунинъ и Леванидовъ провели, каждый съ своей стороны, въ построеніи мостовъ чрезъ Горынь, а по переходѣ чрезъ нее, Леванидовъ, продолжая охватывать Поляковъ въ Дубнѣ, былъ направленъ чрезъ Ровно и Клевань на Миховъ, между тѣмъ какъ Дунинъ, въ ближайшемъ сообщеніи съ Каховскимъ, долженъ былъ идти чрезъ Варковичи на Дубно, къ которому оба корпуса и подступили 20 іюня (1 іюля), Дунинъ сѣвернѣе у Ивани, гдѣ, на лѣвомъ флангѣ непріятеля, долженъ былъ перейти черезъ Икву, Каховскій же къ самому Дубно. Здѣсь они узнали, что Поляки уже въ предшествовавшую ночь отступили по дорогѣ въ Луцкъ. Каховскій далъ своимъ войскамъ нѣсколько дней отдыха и только 23 іюня (4 іюля) выступилъ изъ окрестностей Дубно, для дальнѣйшаго преслѣдованія непріятеля, чрезъ Красное, Скуржы и Локачь на Владиміръ, между тѣмъ какъ Леванидовъ шелъ въ сѣверномъ направленіи отъ Михова чрезъ Ковель на Любомль.

26 іюня (7 іюля) рано утромъ Каховскій появился предъ Владиміромъ, который, будучи прикрытъ р. Лугъ, доставлялъ непріятелю довольно выгодную позицію. Но послѣдній не выждалъ нападенія Русскихъ, а продолжалъ дальнѣйшее отступленіе по дорогѣ на Дубенку, какъ только Русскіе стали готовиться къ переходу черезъ р. Лугъ, и былъ лишь слегка преслѣдуемъ казаками, между тѣмъ какъ Русская армія, построивъ мосты черезъ р. Лугъ, заняла позицію у Владиміра. Здѣсь обнаружились послѣдствія вражды между польскими предводителями. Понятовскій не далъ знать Любомірскому о своемъ отступленіи, и послѣдній, какъ только услыхалъ выстрѣлы у Владиміра, то приблизился изъ густаго лѣса, покрывавшаго окрестности, къ позиціи Русскихъ. Казаки Орлова тотчасъ завязали дѣло, Тормасовъ съ частію кавалеріи поспѣшилъ поддержать ихъ, а за нимъ и полковникъ Салтыковъ съ двумя баталіонами своихъ неутомимыхъ егерей. Любомірскій, внезапно увидя передъ собою лагерь всей русской арміи, быстро поспѣшилъ обратно въ лѣсъ, гдѣ трудно было настичь его, а оттуда окольными путями къ Бугу; однако при этомъ

ему нанесенъ былъ уронъ до 200 чел. убитыми и взята часть его обоза съ военною казною въ количествѣ до 40,000 рублей.

Тутъ Заіончекъ снова дѣлаетъ остроумное замѣчаніе: «Русскіе поступили неблагоразумно, преслѣдуя Понятовскаго частію войскъ, между тѣмъ какъ Любомірскій былъ еще у Вербы, чрезъ что они легко могли бы попасть между двухъ огней». Это было постоянною мыслію его, которая не покидала его. Неблагоразуміе было не такъ велико, какъ онъ полагаетъ: тутъ была вся армія ихъ, и Любомірскій долженъ былъ считать себя счастливымъ, что ушелъ цѣлъ.

Польская армія поспѣшно отступила теперь за Бугъ, который, въ слѣдствіе приказаній изъ Варшавы, должна была оборонять. Но, по воззрѣніямъ того времени, оборону эту вздумали произвесть такъ, что раздробили все войско на небольшіе отряды, поставленные за рѣкою, начиная отъ Дубенки, на тогдашней австрійской границѣ, до самаго впаденія Буга въ Вислу: войска Понятовскаго отъ Дубенки за Влодаву, литовскія же, подъ начальствомъ Забѣлло, отъ Бреста за Нуръ. Это вынуждаетъ насъ бросить бѣглый взглядъ на военныя дѣйствія въ Литвѣ.

Въ этомъ обширномъ краѣ польская армія была еще слабѣе, чѣмъ въ Украйнѣ, считая не свыше 15,000 чел., разбросанныхъ всюду вокругъ, и не имѣя даже необходимыхъ орудій, которыя еще имѣли быть доставлены изъ Варшавы. Назначенный, по вліянію Чарторыйскихъ, главнокомандующимъ, принцъ Лудвигъ Виртембергскій, братъ русской великой княгини, не показывалъ особенной охоты серьозно обнажить мечъ противъ сестры своей и потому былъ замѣненъ Юдыцкимъ, хотя и храбрымъ лично, но не много смыслившимъ въ веденіи войны. Сначала онъ не могъ сдѣлать ничего лучшаго, какъ собрать разсѣянныя войска: но пока онъ былъ занятъ этимъ, Русскіе уже вступили съ нѣсколькихъ сторонъ въ страну.

Планъ дѣйствій русской арміи въ Литвѣ былъ составленъ, какъ сказано выше, генералъ-квартирмейстеромъ Германомъ. На основаніи его, 32,000 чел. войскъ этой арміи, подъ начальствомъ генерала *Кречетникова*, были раздѣлены на четыре коллоны, которыя наступали однако не такъ, какъ въ арміи Каховскаго, въ непосредственной, взаимной связи и содѣйствуя одна другой, но вступили въ страну съ четырехъ различныхъ сторонъ театра войны, каждая отдѣльно сама по себѣ, и гнали передъ собой небольшіе непріятельскіе отряды. Однако между обѣими сѣверными и обѣими южными колоннами оставалась нѣкоторая связь, которая, по мѣрѣ приближенія колоннъ отъ обширной исходной окружности къ централь-

нымъ пунктамъ, служившимъ цѣлями ихъ движеній, постепенно становилась тѣснѣе. А этими центральными пунктами были : для сѣверныхъ колоннъ — Вильно и Гродно , главные города страны , а для обѣихъ южныхъ — сначала Минскъ и Несвижъ , а потомъ Брестъ-литовскій. Въ отношеніи къ искуству , плана этого нельзя было и сравнивать съ планомъ дѣйствій украинской арміи; но въ отношеніи къ цѣли, онъ достигалъ ее столько же, сколько и послѣдній, потому что здѣсь еще менѣе, нежели тамъ, было приготовлено средствъ къ сопротивленію, не смотря на большое хвастовство въ томъ. Цѣлію же этой было очистить отъ войскъ противника всю страну къ сѣверу отъ р. Припети и склонить ее на сторону новой конфедераціи.

Эти четыре колонны или отдѣленія, на которыя раздѣлялась армія Кречетникова, были слѣдующія: (45).

Первое отдѣленіе, подъ начальствомъ генералъ-поручика *Симона Коссаковскаго*, при которомъ находился и главнокомандующій Кречетниковъ, состояло изъ 7 бат., 15 эскадр. и 1 полка казаковъ, или изъ 5,800 чел. пѣхоты, 2,100 чел. кавалеріи и 400 казаковъ, при 16 полевыхъ орудіяхъ, всего изъ 8,300 человѣкъ.—Они собирались у Полоцка.

Вторымъ отдѣленіемъ начальствовалъ генералъ-поручикъ *князь Долгорукій*; оно было сильнѣйшее и состояло изъ 9,000 чел. (7 бат., 12 эскадр., 2 каз. полка или 6,400 чел. пѣхоты, 1,840 чел. кавалеріи и 760 казаковъ) при 16 полевыхъ орудіяхъ. Они собирались у Динабурга.

Третьимъ отдѣленіемъ начальствовалъ генералъ-поручикъ *графъ Меллинъ*; оно было слабѣйшее, считая только 6,400 чел. при 13 полевыхъ орудіяхъ (5 бат., 10 эскадр. и 1 каз. полкъ, или 4,500 чел. пѣхоты, 1,500 кавалеріи и 400 казаковъ). — Сборнымъ мѣстомъ ихъ былъ Толочинъ, на дорогѣ изъ Смоленска въ Минскъ

Наконецъ четвертымъ отдѣленіемъ начальствовалъ генералъ-поручикъ *баронъ Фергенъ*. Оно состояло изъ 8,300 чел. при 13 ти полевыхъ орудіяхъ: 7 бат. (6,200 чел.), 12 эскадр. (1,760 чел) и 1 полкъ казаковъ (340 чел.), и собиралось у Рогачева на Днѣпрѣ.

Ближайшій ходъ военныхъ дѣйствій былъ слѣдующій: Долгорукій, который отъ Динабурга долженъ былъ идти кратчайшимъ путемъ на Вильну, дабы склонить этотъ главный городъ на сторону

---

(45) См. прилагаемую таблицу подъ лит. Б.

(Къ стр. 268-й).

Б. Состояніе Литовской арміи подъ начальствомъ генерала Кречетникова, 1-го мая 1792 года.

НАЗВАНІЯ ЧАСТЕЙ АРМІИ И ВОЙСКЪ.	Баталіоновъ.	Эскадроновъ.	Казач. полк.	Пѣхоты.	Регулярной кавалеріи.	Казаковъ.	Всего.	Полевыхъ орудій.	ПРИМѢЧАНІЯ.
Первое отдѣленіе—Ген.-Пор. Симонъ Коссаковскій.									
Генералъ-маіоры: *Денисовъ*, при кавалеріи. *Хрущовъ*, при пѣхотѣ. *Германъ*, генералъ-квартирмейстеръ.									1) Слѣдоват. первое отдѣленіе состояло изъ: 2,500 ч. кав. и 5,800 ч. пѣх. 8,300 ч. съ 16 пол. орудіями.
Кавалерія: 1 казачій полкъ: *Денисова*	—	—	1	—	—	400	400		
1 драгунскій полкъ: *Псковской*	—	10	—	—	1,440	—	2,100		
къ тому еще гусары	—	5	—	—	660	—			
Пѣхота: 1 егерск. бат.: 1-й *Эстляндскаго* полка	1	—	—	780			5,800		
1 гренад. полкъ: *С.Петербургскій*	4	—	—	3,300					
1 мушкет. полкъ: *Нарвскій*	2	—	—	1,720					
Всего	7	15	1	5,800	2,100	400	8,300	16	
Второе отдѣленіе—Ген.-Пор. князь Долгорукій									
Генералъ-маіоры: *Раутенфельдъ* (кав.), *Арсеньевъ* (пѣх.). *Оберъ-квартирмейстеръ:* баронъ *Розенъ*.									2) Слѣдоват. второе отдѣленіе состояло изъ: 2,600 чел. кав. и 6,400 чел. пѣх. 9,000 чел. съ 16 пол. орудіями.
Кавалерія: 2 полка донскихъ казаковъ: *Леонова*, и *Кирѣева*	—	—	2	—	—	760	760		
2 карабин. полка: *Ямбургскій* и *Ингерманландскій*	—	12	—	—	1,840		1,840		
Пѣхота: 1 егерск. баталіонъ: 4-й *Эстляндскаго* полка	1	—	—	800			6,400		
3 мушкет. полка: *Ревельскій*, *Псковской* и *Курскій*	6	—	—	5,600					
Всего	7	12	2	6,400	1,840	760	9,000	16	
Третье отдѣленіе—Ген.-Пор. графъ Меллинъ.									3) Слѣдоват. третье отдѣленіе состояло изъ: 1,900 чел. кав. и 4,500 чел. пѣх. 6,400 чел. съ 13 пол. орудіями.
Генералъ-маіоры: *Берманъ* (кав.), *Буксгевденъ* (пѣх.).									
Кавалерія: 1 казачій полкъ: *Грекова*	—	—	1	—	—	400	400		
1 драгунскій полкъ: *Смоленскій*	—	10	—	—	1,500	—	1,500		
Пѣхота: 1 егерск. баталіонъ: 2-й *Эстляндскаго* полка	1	—	—	600			4,500		
2 мушкет. полка: *Муромскій* и *Козловскій*	4	—	—	3,840					
Всего	5	10	1	4,500	1,500	400	6,400	13	4) Слѣдоват. четвертое отдѣленіе состояло изъ: 2,100 чел. кав. и 6,200 ч. пѣх. 8,300 чел. съ 13 пол. орудіями.
Четвертое отдѣленіе—Ген.-Пор. баронъ Ферзенъ.									
Генералъ-маіоры: *Ланской* (пѣх.), бригадиръ *Беннигсенъ* (кав.)									5) Вся армія изъ: 9,100 чел. кав. и 22,900 ч. пѣх. 32,000 чел. съ 58 пол. орудіями.
Кавалерія: 1 казачій полкъ: *Саринова*	—	—	1	—	—	340	340		
2 полка легко-конныхъ: *Украинскій* и *Изюмскій*	—	12	—	—	1,760	—	1,760		
Пѣхота: 1 егерскій баталіонъ: 3-й *Эстляндскаго* полка	1	—	—	680			6,200		
3 мушкет. полка: *Низовскій*, *Азовскій* и *Тамбовскій*	6	—	—	5,520					
Всего	7	12	1	6,200	1,760	340	8,300	13	Среднимъ числомъ приходится:
Во всей арміи	26	49	5	22,900	7,200	1,900	32,000	58	на 1 казачій полкъ. 380 чол.
									на 1 эскадронъ . . 147 —
									на 1 баталіонъ . . 880 —

новой конфедераціи, перешелъ 11 (22) мая черезъ границу у Динабурга и направился чрезъ Видзы и Михалишки, гдѣ перешелъ чрезъ Вилію. — Въ тѣсной связи съ нимъ должно было дѣйствовать первое отдѣленіе Коссаковскаго и сперва направиться изъ Полоцка чрезъ Глубокое на Михалишки, пунктъ переправы чрезъ Вилію. Но въ слѣдствіе извѣстія, что Вильна занята 4,000 польскихъ войскъ, Коссаковскій долженъ былъ съ одною половиною своего отдѣленія присоединиться къ Долгорукому, дабы вытѣснить Поляковъ изъ Вильны, между тѣмъ какъ другая половина должна была, по возможности, чрезъ Лиду отрѣзать имъ отступленіе на Гродно. Но Поляки не выждали приближенія Русскихъ, а поспѣшно отступили, избравъ изъ двухъ путей, ведущихъ въ Гродно, западный чрезъ Ораны. Коссаковскій съ своими войсками, имѣя позади отдѣленіе Долгорукаго, вступилъ 31 мая (11 іюня) въ Вильно, безъ малѣйшаго сопротивленія со стороны жителей, и принялъ дѣятельныя мѣры для привлеченія этой столицы Литвы, безъ видимаго насилія, къ новой конфедераціи. Было объявлено, что всякому дается полная свобода, безъ дальнѣйшихъ послѣдствій для него, удалиться изъ города или остаться въ немъ, приступить къ новой конфедераціи или нѣтъ. Когда болѣе тысячи человѣкъ явилось для подписанія акта, то день 14 (25) іюня былъ назначенъ для торжественнаго провозглашенія литовской генеральной конфедераціи. Наканунѣ этого дня прибылъ Кречетниковъ, не упускавшій случая присутствовать при пышныхъ торжествахъ, и былъ встрѣченъ вновь назначенными совѣтниками конфедераціи и многочисленнымъ дворянствомъ.

14 (25) іюня съ ранняго утра звонъ колоколовъ созвалъ жителей въ соборъ, гдѣ собралось все духовенство многочисленныхъ церквей и монастырей Вильны; затѣмъ, въ торжественной процессіи, пришли гильдіи и цѣхи съ своими знаменами и барабанами, окруженные безчисленною толпою народа. Въ 11 часовъ явилось дворянство, епископы, высшее духовенство, наконецъ и Кречетниковъ, большой охотникъ до всякаго рода представительности, окруженный многочисленнымъ генералитетомъ; затѣмъ еще училища и университетъ. По окончаніи обѣдни, прочтена была прокламація Кречетникова, въ которой объяснялись причины вступленія русскихъ войскъ въ предѣлы республики и жители приглашались соотвѣтствовать благонамѣреннымъ видамъ русской императрицы. Затѣмъ прочтенъ былъ актъ генеральной конфедераціи великаго княжества литовскаго. Епископъ Коссаковскій, какъ коадъюторъ Виленскій, первый воспѣлъ потомъ, при громѣ пушечныхъ выстрѣловъ, хвалебную пѣснь:

«Тебя, Бога, хвалимъ!» и благословилъ народъ, котораго подъ конецъ угостили еще богатымъ пиромъ, съ многими бочками вина, на рыночной площади.—Это было въ своемъ родѣ повтореніе торжества 3-го мая въ Варшавѣ и принято безразсуднымъ народомъ съ такою же радостію, съ такимъ же восторгомъ, какъ и тамъ; тѣмъ самымъ народомъ, который, два года спустя, вздернулъ на висѣлицу виновниковъ этого торжества.

Такъ была обнародована генеральная конфедерація Литвы и Коссаковскій наименованъ ея верховнымъ маршаломъ. Этимъ первая цѣль вступленія Кречетникова была достигнута; другая состояла въ уничтоженіи противниковъ или изгнаніи ихъ изъ Литвы. На этотъ конецъ войска Долгорукова и Коссаковскаго были направлены теперь на Гродно.

Во время этихъ дѣйствій первыхъ двухъ отдѣленій арміи Кречетникова, и другія два, Меллина и Ферзена, вступившія въ Литву съ восточной стороны, были въ полной дѣятельности. Графъ Меллинъ двинулся изъ Толочина чрезъ Борисовъ, гдѣ безъ сопротивленія переправился черезъ Березину, на Минскъ и, склонивъ этотъ городъ къ новой конфедераціи, продолжалъ свое движеніе на Миръ, гдѣ долженъ былъ войти въ ближайшую связь съ Ферзеномъ, который шелъ отъ Рогачева на Днѣпрѣ чрезъ Бобруйскъ, Глускъ, Слуцкъ на Несвижъ и, по минованія этой болотистой и лѣсистой мѣстности, вошелъ съ нимъ въ сообщеніе, пославъ къ нему бригадира Беннигсена (въ послѣдствіи столь часто упоминаемаго) съ его полкомъ (изюмскимъ легко-конным). — Въ одной милѣ отъ Мира, Меллинъ встрѣтилъ 31 мая (11 іюня) польскія войска. То была собранная новымъ главнокомандующимъ Юдыцкимъ литовско-польская армія, считавшая однако немногимъ больше 7,000 человѣкъ и теперь шедшая на встрѣчу слабѣйшему отдѣленію русской арміи. Съ обѣихъ сторонъ построились въ боевой порядокъ, открыли огонь изъ орудій; Поляки держались недолго и отступили. Тутъ Меллинъ сдѣлалъ необыкновенное для тогдашняго времени распоряженіе. Видя, что непріятеля нельзя преслѣдовать съ достаточною скоростью линіями, онъ приказалъ каждому баталіону построиться въ колонну изъ середины и скорымъ шагомъ идти впередъ, между тѣмъ какъ артиллерія, подъ прикрытіемъ кавалеріи, галопомъ выѣзжала на лежавшій впереди высоты и осыпала непріятеля своими снарядами. Тщетно пытались Поляки отъ времени до времени останавливаться: мѣткій огонь русской артиллеріи и неустрашимо наступавшія пѣхотныя колонны принуждали ихъ снова отступать. Они оставили

небольшой гарнизонъ въ замкѣ Мира и поспѣшно отступили по двумъ дорогамъ: генералъ Бѣлякъ, начальникъ конницы, съ пѣхотой на Новогрудекъ, а главнокомандующій Юдыцкій съ кавалеріей на Слонимъ, первый—преслѣдуемый полковникомъ Николаемъ Зубовымъ съ смоленскими драгунами, послѣдній—бригадиромъ Беннигсеномъ съ изюмскимъ легко-конным полкомъ и однимъ баталіономъ пѣхоты. Въ дѣлѣ и преслѣдованіи у Поляковъ было взято болѣе 100 чел. плѣнныхъ, 2 орудія, богатый обозъ, палатки, зарядные ящики и даже экипажи генерала Бѣляка (46).

Въ этомъ, незначительномъ самомъ по себѣ дѣлѣ отличились однако многіе офицеры, пріобрѣтшіе въ послѣдствіи бо́льшую или меньшую извѣстность, какъ-то генералъ-маіоръ *Буксгевденъ*, бригадиръ *Беннигсенъ*, полковники *Николаи Зубовъ*, *Сипягинъ* и князь *Алексѣй Горчаковъ*, племянникъ Суворова.

Между тѣмъ генералъ Ферзенъ, выйдя изъ полосы дремучихъ лѣсовъ, 1 (12) іюня, на другой день послѣ дѣла Меллина при Мирѣ, подступилъ къ Несвижу, главной крѣпости этого края и важнѣйшему имѣнію богатаго Радзивилла. Здѣсь снова присоединился къ нему отъ графа Меллина Беннигсенъ, покрытый лаврами вчерашней побѣды. Обложили Несвижъ, потребовали его сдачи, но онъ хотѣлъ обороняться. Тотчасъ начали строить батареи; когда онѣ 6 (17) іюня были готовы, комендантъ предложилъ капитуляцію. Тогда уже со стороны Русскихъ послѣдовалъ отказъ, послѣ чего гарнизонъ въ числѣ 1,000 чел. сдался безусловно 7 (18) іюня, въ тотъ самый день, въ который Марковъ побѣдоносно сражался при Зѣлинцахъ. Въ Несвижѣ нашли 42 орудія и значительные военные запасы.

Разсѣянныя или разбитыя польскія войска устремились теперь со всѣхъ сторонъ къ Гродно, куда должны были двинуться изъ королевства еще четыре полка (Дзялынскаго изъ Варшавы, Водзицкаго изъ Кракова, принца Виртембергскаго изъ Пулавы и Потоцкаго изъ Красностава) и изъ Варшавы послано было много орудій, такъ какъ въ нихъ особенно былъ недостатокъ. Генералъ Юдыцкій, съ которымъ не ладилъ новый генералъ-фельдцейгмейстеръ Станиславъ Потоцкій, братъ Игнатія, былъ представленъ имъ какъ неспособный и замѣненъ приверженцемъ партіи, Михаиломъ Забѣлло, который и принялъ главное начальствованіе надъ 14,000 чел. войскъ, собравшихся къ Гродно. Хотя онъ такимъ образомъ имѣлъ

(46) Того самаго Бѣляка, которому хвастливый разсказъ Коллонтая приписываетъ такъ много побѣдъ надъ Русскими, а они ничего и не знали о нихъ.

въ своемъ распоряженіи довольно значительныя силы, однако не зналъ, что̀ съ ними предпринять. Вмѣсто того, чтобъ сосредоточенными силами обратиться противъ той или другой изъ русскихъ колоннъ, онъ раздѣлилъ свои войска на три части, двѣ изъ нихъ послалъ по дорогѣ въ Слонимъ, противъ обоихъ южныхъ отдѣленій русской арміи, а съ третьею, по приближеніи князя Долгорукова съ частію войскъ Коссаковскаго къ Гродно, отступилъ къ Гранно на Бугѣ. Тогда Долгорукій 25 іюня (6 іюля) безъ сопротивленія вступилъ въ эту вторую столицу Литвы, почти въ тоже время, когда Каховскій на югѣ, на одной съ нимъ высотѣ, появился предъ другимъ главнымъ городомъ, Владиміромъ волынскимъ.

Оба другія отдѣленія литовской арміи, Меллина и Ферзена, также приближались уже: Меллинъ чрезъ Новогрудокъ и Бѣлицу, имѣя сначала въ виду поддержать движеніе обоихъ сѣверныхъ отдѣленій къ Гродно; когда же городъ этотъ былъ занятъ безъ сопротивленія, онъ обратился на Волковискъ. Узнавъ здѣсь, что передъ Свислочемъ, у Мсцибора показались непріятельскія войска, онъ оставилъ позади тяжелый обозъ и выступилъ туда 28 іюня (9 іюля). Авангардъ его, подъ начальствомъ Буксгевдена, имѣлъ 29 іюня (10 іюля) горячее дѣло съ сильнымъ отрядомъ непріятельской кавалеріи, который былъ опрокинутъ назадъ въ Свислочь. Отъ плѣнныхъ узнали однако, что въ Свислочѣ находится болѣе 10,000 чел. непріятельскихъ войскъ, тѣхъ самыхъ, которыя Забѣлло послалъ изъ Гродно къ югу. Меллинъ выждалъ соединенія своего съ приближавшимся чрезъ Слонимъ и Зельву Ферзеномъ, и по воспослѣдованіи онаго 30 іюня (11 іюля), оба соединенныя отдѣленія двинулись противъ непріятеля въ Свислочѣ. Но послѣдній не выжидалъ ихъ и поспѣшно отступилъ на Брестъ.

Такъ Поляки нигдѣ не умѣли воспользоваться обстоятельствами и выгодами своего положенія. У Гродно они были сильнѣе и превосходили каждую изъ наступавшихъ противъ нихъ русскихъ колоннъ, но не придумали ничего лучшаго, какъ раздѣлиться. Такимъ образомъ они, и безъ того уже слабѣйшіе, стали слабѣйшими даже и противъ каждой отдѣльной части противника, тогда какъ искуство слабѣйшаго въ томъ именно и состоитъ, чтобъ обращаться съ превосходными силами противъ отдѣльныхъ частей непріятеля, не имѣя возможности исполнять этого противъ совокупныхъ его силъ. — Съ русской стороны, напротивъ, генералы дѣйствовали смѣло, но вмѣстѣ и осторожно, постоянно сохраняли непосредственное сообщеніе между собою и лишь только непріятель показывался гдѣ-нибудь въ пре-

восходныхъ силахъ, соединялись для встрѣчи его съ равными силами. Меллинъ оказалъ повсюду осмотрительность и смѣлость, а Ферзенъ уже заставлялъ предугадывать въ себѣ будущаго побѣдителя Косцюшки.

Здѣсь, въ Свислочѣ, получено новое приказаніе: Ферзенъ долженъ былъ преслѣдовать отступавшаго на Брестъ непріятеля, выбить его изъ этого города и остаться тамъ для защиты генеральной конфедераціи, долженствовавшей водвориться въ Брестѣ;—Меллинъ же—обойдя Бѣловѣжскую пущу, идти чрезъ Наревъ, Орлу и Семятычи къ Дрогичину, для поддержанія движенія обоихъ сѣверныхъ отдѣленій, подъ начальствомъ Долгорукова, шедшихъ изъ Гродно чрезъ Бѣлостокъ, Бѣльскъ и Брянскъ къ Гранно противъ корпуса Михаила Забѣлло, который принимали за главную армію. Такимъ образомъ почти въ тоже время, когда польская южная армія Понятовскаго прибыла на Бугъ, туда же прибыла и польская армія Забѣлла, обѣ имѣя приказаніе оборонять эту рѣку. Приказаніе это было дано новымъ военнымъ совѣтомъ и подписано королемъ, который въ военныхъ дѣлахъ вполнѣ слѣдовалъ его распоряженіямъ. Армія на Бугѣ имѣла еще быть поддержана резервомъ, подъ начальствомъ генерала Бышевскаго, въ Прагѣ (гвардейскіе полки и нѣкоторыя другія войска), силой около 5,000 человѣкъ. Такъ какъ королю все еще не довѣряли, то сеймъ ничего не хотѣлъ сдѣлать для этихъ войскъ; лишь въ послѣдствіи, по недостатку въ людяхъ и когда Русскіе уже прошли чрезъ Вильну и Заславль, около половины іюня, позаботились о нихъ, вооружили ихъ съ нуждою и двинули для подкрѣпленія дѣйствующихъ войскъ, долженствовавшихъ защищать линію Буга. Бугъ, умѣренно широкая, но мелководная рѣка, лѣтомъ представляетъ повсюду броды; поэтому предпріятіе оборонять проходимую въ бродъ рѣку, болѣе чѣмъ на 25 миль (175 верстъ) протяженія отъ Дубенки и выше Нура, было безумно, и еще болѣе въ слѣдствіе принятыхъ для того мѣръ. Вмѣсто того, чтобъ держать войска сосредоточенными въ нѣкоторомъ разстояніи отъ рѣки и наблюдать главные пункты переправы только небольшими постами, дабы противустать непріятелю со всѣми соединенными силами на томъ пунктѣ, гдѣ онъ намѣревался бы переправиться, раздѣлили и безъ того слабыя силы на многія отдѣльныя части, изъ которыхъ каждой было назначено оборонять опредѣленную полосу рѣки: Косцюшкѣ съ своимъ корпусомъ—у Дубенки, Понятовскому—у Дорогуска и ниже, Віельгорскому — отъ Стульны (противъ Опалина) до Влодавы. Ниже Бреста рѣку охранялъ Симонъ Забѣлло, а отъ Дрогичина и

Гранно до Нура—главнокомандующій литовскою арміею Михаилъ Забѣлло. Можно было заранѣе предвидѣть, что Русскіе вездѣ, гдѣ ни захотятъ, легко овладѣютъ переправой. Поэтому весьма благоразуменъ былъ совѣтъ короля, вмѣсто раздробленія войска позади этой мелководной рѣки, поставить его въ центральной позиціи за Вислой, которую можно было бы оборонять съ бо̀льшимъ успѣхомъ. Хотя тогда еще не знали естественной силы треугольника между Варшавой, Сѣроцкомъ и Новыдворомъ (Модлинъ тогда еще не существовалъ),—только проницательности Наполеона предоставлено было открыть ее; но оборона такой широкой рѣки, какъ Висла, подкрѣпленная такою столицей, какъ Варшава, представляла совсѣмъ иныя ручательства успѣха (если уже хотѣли продолжать войну до крайности), нежели сопротивленіе за мелководнымъ, вездѣ проходимымъ въ бродъ Бугомъ. Но премудрыми руководителями новой военной коммиссіи, главнѣйшими членами которой были люди совершенно невѣжественные въ военномъ дѣлѣ, совѣтъ короля былъ не только отвергнутъ съ презрѣніемъ, но даже приписанъ предательству короля и измѣнѣ ихъ дѣлу; ибо, чтобы ни дѣлалъ, чтобы ни совѣтовалъ бѣдный король, партія и общественное мнѣніе, надъ которымъ она господствовала, всюду чуяли измѣну, лукавство или сѣти, а если потомъ принятыя ею мѣры оказывались ложными или безумными, то она всегда умѣла свалить вину на короля, который однако отсовѣтывалъ ихъ. Такъ случилось и здѣсь съ предпринятою обороною линіи Буга, которую, послѣ жалкой неудачи ея, представили приказанною королемъ, между тѣмъ какъ онъ вполнѣ предоставилъ руководить военными дѣйствіями, частію верховному военному совѣту (новой военной коммиссіи), частію главнокомандующимъ, и только подписывалъ рѣшенія перваго.—Этотъ верховный военный совѣтъ былъ учрежденъ незадолго до распущенія сейма, по предложенію новаго генералъ-фельдцейгмейстера, Станислава Потоцкаго, брата Игнатія, номинально для того, чтобъ содѣйствовать королю въ главномъ руководствѣ военныхъ дѣйствій и облегчить его трудъ, на самомъ же дѣлѣ для того, чтобъ имѣть надзоръ за королемъ и военными дѣйствіями и держать ихъ въ своихъ рукахъ; а потому члены этого военнаго совѣта и назначались не по дарованіямъ или военнымъ познаніямъ, но по ревности къ дѣлу партіи. Такимъ образомъ онъ состоялъ большею частію изъ людей, не имѣвшихъ никакого понятія о войнѣ, которые, какъ выражался Булгаковъ, никогда не видали даже полка, построеннаго въ боевой порядокъ, но за то блистали какъ запѣвалы и передовые бойцы партіи. Къ нимъ

принадлежали оба сеймовые маршала, Малаховскій и Сапѣга, Цицеронъ ораторской каѳедры и новый фельдцейгмейстеръ, Станиславъ Потоцкій, а также и мастеръ въ адвокатскихъ увертках, новый подканцлеръ Коллонтай; ревнитель партіи, подскарбій Островскій, и наконецъ также и военный, о подвигахъ котораго конечно никто, никогда и ничего не слыхалъ—генералъ Горзенскій. И всѣ члены сейма должны были имѣть доступъ къ совѣщаніямъ, чтобъ поддерживать, какъ говорилось, военный совѣтъ своими воззрѣніями, а неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого было, что все, о чемъ въ немъ разсуждали, вскорѣ дѣлалось извѣстнымъ urbi et orbi.—Составленный такимъ образомъ военный совѣтъ, совершенное ничтожество котораго доказывается протоколами его засѣданій, (47) захватилъ теперь въ свои руки высшее руководство военными дѣйствіями, а королю предоставилъ только подписывать свои распоряженія.

Длинная оборонительная линія Поляковъ, какъ можно было предвидѣть, вскорѣ была прорвана войсками какъ Кречетникова, такъ и Каховскаго. 12 (23) іюля Ферзенъ разбилъ укрѣпившихся у Бреста Поляковъ подъ начальствомъ Симона Забѣлло; Меллинъ насильно овладѣлъ переправой у Дрогичина, а Долгорукій у Гранно, послѣ чего оба эти отдѣленія направились на Венгровъ и соединились для дальнѣйшаго движенія на Варшаву; Ферзену же было приказано остаться въ Брестѣ.—Точно также, какъ Кречетниковъ, и еще раньше, насильно овладѣлъ переправой на нѣсколькихъ пунктахъ и Каховскій, при чемъ произошелъ бой, самый серьозный въ продолженіе этой войны.

26 іюня (7 іюля), какъ мы видѣли, Каховскій занялъ Владиміръ, куда въ слѣдующіе затѣмъ дни явились, въ сопровожденіи многочисленнаго дворянства, многіе вожди тарговицской конфедераціи, дабы и здѣсь учредить оную, подобно тому, какъ недавно открыли ее въ Луцкѣ. Такъ требовалъ обычай: всякій сколько нибудь значительный городъ учреждалъ собственную свою конфедерацію, приступавшую къ акту или генеральной конфедераціи, обнародованной главными учредителями. Это обстоятельство нѣсколько замедлило движеніе Каховскаго и дозволило Полякамъ приготовить на Бугѣ всѣ возможные способы обороны: мосты были разрушены, всѣ лодки, барки и поромы собраны и сожжены, броды испорчены погруженіемъ на дно рогатокъ или боронъ, обитыхъ желѣзными остріями, и другихъ подобныхъ предметовъ, а всѣ пункты, казавшіеся

(47) Извлеченіе изъ нихъ можно видѣть у Комаржевскаго ст. 225—239.

выгодными для наведенія мостовъ, обезпечены укрѣпленіями.—Только 3 (14) іюля авангардъ украинской арміи двинулся отъ Владиміра на Устилугъ, между тѣмъ какъ Тормасовъ съ частію перваго отдѣленія шелъ сѣвернѣе на Турчаны противъ Понятовскаго, а Леванидовъ съ своимъ отдѣленіемъ прибылъ въ Любомль. 5 (16) іюля двинулись отъ Владиміра къ Бугу и всѣ прочія войска. Пунктъ переправы былъ назначенъ у Кладнева, деревни, лежавшей у самой австрійской границы, выше Дубенки, гдѣ Поляки, слѣдуя первоначальному плану оборонять Бугъ отъ самой границы Галиціи, построили по обѣимъ сторонамъ рѣки укрѣпленія. Передовыя русскія войска прибыли сюда 6 (17) іюля по полудни, а вслѣдъ за ними и самъ Каховскій съ казаками Орлова и четырьмя егерскими баталіонами Салтыкова. Онъ приблизился къ рѣкѣ на ружейный выстрѣлъ, чтобъ точнѣе опредѣлить пунктъ переправы, такъ какъ въ укрѣпленіяхъ, казалось, никого не было; но лишь только онъ подъѣхалъ на разстояніе выстрѣла, какъ скрывавшіяся въ противоположномъ укрѣпленіи войска внезапно произвели залпъ. Продолжавшейся затѣмъ стрѣльбѣ оттуда вскорѣ былъ положенъ конецъ подоспѣвшими егерями и артиллеріей. Но какъ перейти, чтобъ прикрыть наведеніе моста? потому что непріятель уничтожилъ всѣ бывшія здѣсь суда. Тутъ егеря замѣтили на противуположной сторонѣ два порома, только на половину обгорѣвшіе; они переплыли черезъ рѣку, овладѣли ими и торжествуя перевезли ихъ на правый берегъ. На нихъ немедленно перевезены были четыре егерскіе баталіона съ орудіями; въ тоже время конвой главнокомандующаго переправился черезъ рѣку вплавь: пунктъ, назначенный для наведенія моста, былъ занятъ и работы начались, такъ какъ въ это время прибыли и понтоны. Казаки Григорія Грекова перешли черезъ рѣку правѣе въ бродъ; но, не смотря на принятую ими величайшую осторожность, ибо извѣстно было, что броды были испорчены погруженными воронами, восемь лошадей были однако сильно повреждены. Это побудило другіе два казачьи полка, Астахова и Денисова, переправиться вплавь. Находившійся по ту сторону рѣки, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нея, полкъ непріятельской кавалеріи былъ прогнанъ и спасся только поспѣшнымъ бѣгствомъ. Быстро наведенъ былъ понтонный мостъ, и весь авангардъ перешелъ по немъ на другую сторону и въ 9 часовъ вечера расположился лагеремъ у Дубенки, имѣя непосредственно за собою отдѣленіе Дунина у Корытницы.

Такимъ образомъ Русскіе переправились почти безъ сопротивленія. Причиною было то, что Косцюшко, обозрѣвая мѣстность, тот-

часъ усмотрѣлъ, для войскъ, оборонявшихъ здѣсь переправу, опасность отступленія по длинной плотинѣ, которая вела чрезъ лежавшія позади болота и могла быть обстрѣливаема русскою артиллеріей. А потому, вмѣсто того, чтобъ оборонять Бугъ непосредственно, онъ отодвинулъ нѣсколько войска свои отъ рѣки и поставилъ ихъ въ сильной позиціи между австрійскою границей и рѣкой. Правый флангъ его примыкалъ къ деревнѣ Воля, близъ границы, а лѣвый къ деревнѣ Уханкѣ на Бугѣ. Передъ фронтомъ простиралась обширная, болотистая низменность, поросшая мелкимъ кустарникомъ и только мѣстами проходимая; справа и позади позиціи были обширные лѣса, которые должны были благопріятствовать отступленію, а чтобъ еще больше затруднить приближеніе непріятеля съ фронта, передъ нимъ былъ сооруженъ, въ значительномъ числѣ, рядъ шанцевъ и флешей отъ Воли до Уханки, такъ что приближеніе по узкимъ пространствамъ, гдѣ болотистый грунтъ имѣлъ еще нѣкоторую твердость, подъ убійственнымъ огнемъ батарей, казалось почти невозможнымъ. Въ этой, почти недоступной по природѣ и искуству, позиціи, на которой Косцюшко построилъ войска свои въ двѣ линіи, онъ съ увѣренностью выжидалъ Русскихъ. Силы его, по показаніямъ Поляковъ, какъ извѣстно, заслуживающимъ мало довѣрія, состояли изъ 5,000 а по показаніямъ Русскихъ изъ 10,000 человѣкъ. Истина и здѣсь, кажется, находится въ срединѣ, какъ явствуетъ изъ разсказа Заіончека. Согласно съ нимъ, польская армія Понятовскаго за Бугомъ была силой въ 23,000 человѣкъ, но дивизія Любомірскаго, состоявшая изъ 6,000 чел., была расформирована, самъ онъ удаленъ, а войска его распредѣлены между тремя другими дивизіями ([48]). Но какъ передъ тѣмъ въ каждой изъ этихъ трехъ дивизій считалось отъ 5 до 6 тыс. человѣкъ,то каждая, получивъ до 2,000 чел. подкрѣпленія изъ войскъ Любомірскаго (къ Косцюшкѣ поступили полки подъ начальствомъ Заіончека и Чапскаго, которые также показываются въ бою), теперь должна была состоять изъ 7 до 8,000 человѣкъ. Таковы, кажется, и были настоящія числительныя силы Косцюшки. Его позиція была ключемъ линіи Буга и вполнѣ прикрывала другія дивизіи, Понятовскаго и Віельгорскаго, на ихъ правомъ флангѣ;въ случаѣ овладѣнія ею, обѣ эти дивизіи не смѣли ни минуты долѣе держаться за Бугомъ.

Это побудило Каховскаго употребить здѣсь главное усиліе; а для того, чтобы, во время его атаки, сюда не были посылаемы под-

---

(48) Заіончекъ, стр. 52.

крѣпленія отъ другихъ частей арміи, онъ еще ночью послалъ приказаніе Леванидову у Опалина (противъ Віельгорскаго) и Тормасову у Дорогуска (противъ самаго Понятовскаго) поставить въ полдень, на берегу рѣки, батареи противъ укрѣпленій противуположнаго берега и въ 3 часа по полудни открыть изъ нихъ огонь, какъ бы для предположенной переправы.

7 (18) іюля, едва стало разсвѣтать, Каховскій сѣлъ на коня, чтобъ съ казаками Орлова и отважными егерями Салтыкова обозрѣть укрѣпленный лагерь Поляковъ между Волей и Уханкой ([49]). Онъ нашелъ его весьма сильнымъ, но полагался на храбрость своихъ войскъ и сдѣлалъ свои распоряженія. Авангардъ, усиленный отдѣленіемъ Дунина, которому приказано ускорить свое движеніе, долженъ былъ приблизиться къ непріятельскимъ укрѣпленіямъ и атаковать ихъ въ 5 часовъ по полудни. Авангардъ этотъ, вмѣстѣ съ войсками Дунина, состоялъ изъ 18 бат. (12,200 чел.,) 49 эск. (5,600 чел.) и 1,200 казаковъ, всего изъ 19,000 чел. при 56 полевыхъ орудіяхъ ([50]).

Въ 3 часа по полудни Каховскій выступилъ изъ лагеря при Дубенкѣ съ передовыми войсками въ трехъ колоннахъ: въ правой шли полки харьковскій и ахтырскій легко-конные, сѣверскій карабинерный и воронежскій гусарскій, 23 эск. въ 2,700 коней; въ лѣвой — елисаветградскій конно-егерскій, кіевскій карабинерный и ольвіопольскій гусарскій полки, 23 эск. въ 2,300 коней; въ середней — екатеринославкій егерскій и кіевскій гренадерскій, 8 бат. (5,500 чел.) съ 20 полевыми орудіями. Когда войска приблизились на разстояніе пушечнаго выстрѣла къ непріятельскимъ батареямъ, послѣднія открыли огонь. Тогда Каховскій послалъ полковника Салтыкова съ двумя баталіонами его егерей и три казачьи полка подъ начальствомъ Орлова влѣво къ Волѣ, дабы выбить легкія войска, поставленныя тамъ въ лѣсу, передъ правымъ непріятельскимъ крыломъ; другіе два баталіона егерей подъ начальствомъ подполковника Пустовалова, поддержанные двумя казачьими полками, онъ послалъ вправо къ Уханкѣ;—артиллерійскому генералу Бражникову приказалъ поставить передъ фронтомъ батарею въ 20 полевыхъ орудій, подъ прикрытіемъ кіевскихъ гренадеровъ подъ начальствомъ генералъ-маіора Валеріана Зубова; за ними во второй линіи сталъ генералъ-маіоръ Марковъ со всею кавалеріею. Когда затѣмъ стали приближаться войска Дунина, выдвинута была еще

(49) См. планъ IV.
(50) См. прилагаемую таблицу B.

(Къ стр. 278-й).

B. Состояніе русскихъ войскъ подъ начальствомъ генерала Каховскаго, въ бою при Дубенкѣ 7 (18) іюля 1792 года.

НАЗВАНІЯ ЧАСТЕЙ АРМІИ И ВОЙСКЪ.	Баталіоновъ.	Эскадроновъ.	Пѣхоты.	Кавалеріи.	Всего.	ПРИМѢЧАНІЯ.
Изъ перваго отдѣленія:						1) Мы приводимъ здѣсь число войскъ хотя по спискамъ, но въ круглыхъ числахъ.
Кавалерія: *Елисаветградскій* конно-егерскій полкъ.		10	—	1,100		2) Бо́льшая часть перваго отдѣленія находилась при *Тормасовѣ*, который долженъ былъ удерживать и занимать корпусъ Понятовскаго ложною и дѣйствительно совершенною переправою у *Дорогуска*; между тѣмъ, какъ *Левандовъ* сталъ у *Опалина*, противъ Вѣльгорскаго.
Кіевскій карабинерный		5	—	500	3,000	
Ольвіопольскій гусарскій		6	—	700		
Воронежскій гусарскій		6	—	700		
Пѣхота: *Екатеринославскій* егерскій	4	—	2,700		5,500	
Кіевскій гренадерскій	4	—	2,800			
Всего . . .	8	27	5,500	3,000	8,500	
Изъ третьяго отдѣленія:						
Подъ начальствомъ *Дунина*:						
Кавалерія: *Харьковскій* легко-конный полкъ.		6	—	700		
Ахтырскій. »		6	—	700	2,600	
Сѣверскій карабинерный		5	—	600		
Нѣжинскій. »		5	—	600		
Пѣхота: *Сибирскій* гренадерскій	4		2,700			
Фанагорійскій.	4		2,600		6,700	
Черниговскій мушкетерскій	2		1,400			
Всего . . .	10	22	6,700	2,600	9,300	
Всего обоихъ отдѣленій . . .	18	49	12,200	5,600	17,800	
Къ этому казаковъ обоихъ отдѣленій (3) . . .				1,200	1,200	3) Бо́льшая часть казаковъ находилась при *Тормасовѣ*.
Всего всѣхъ . . .	18	49	12,200	6,800	19,000	

батарея въ 12 орудій, которая, подъ прикрытіемъ сибирскихъ гренадеровъ, стала правѣе батареи Бражникова; самъ же Дунинъ получилъ приказаніе съ шестью баталіонами (фанагорійскихъ гренадеровъ и черниговскихъ мушкетеровъ) и съ 24-мя орудіями, въ сопровожденіи 11-ти эскадроновъ кавалеріи (нѣжинскихъ карабинеровъ и воронежскихъ гусаровъ) идти вправо, противъ лѣваго непріятельскаго крыла у Уханки. Генералъ-маіору Милашевичу было поручено начальствованіе всею пѣхотою лѣваго русскаго крыла.

Въ такомъ порядкѣ войска двинулись впередъ и были встрѣчены пушечнымъ огнемъ изъ всѣхъ непріятельскихъ укрѣпленій и батарей; ему отвѣчали изъ русскихъ орудій, которыя, будучи соединены въ большія батареи, вскорѣ взяли перевѣсъ надъ разсѣянными по укрѣпленіямъ, полевыми орудіями непріятеля и многія изъ нихъ заставили замолчать. Этимъ тотчасъ воспользовались. Генералъ Милашевичь послалъ пять ротъ гренадеровъ (кіевскихъ и сибирскихъ) противъ нѣкоторыхъ, лежавшихъ между деревнями, шанцевъ, въ которыхъ замѣчено было замѣшательство. Роты эти съ трудомъ пробрались чрезъ болото и кустарникъ, затѣмъ отважно бросились на шанцы и взяли три изъ нихъ, одинъ за другимъ. Почти въ тоже время храбрые фанагорійцы, питомцы Суворова, подъ начальствомъ полковника Золотухина, по приказанію Дунина одолѣли лѣвое крыло непріятеля у Уханки и овладѣли тамъ всѣми укрѣпленіями, но при этомъ лишились своего геройскаго предводителя, столь часто водившаго ихъ къ побѣдамъ. Теперь, когда центръ и лѣвое крыло непріятеля были поколеблены и оттѣснены, Каховскій приказалъ полковнику елисаветградскаго конно-егерскаго полка Палменбаху быстро броситься съ своимъ полкомъ на укрѣпленія праваго польскаго крыла, прикрывавшія отступленіе ихъ войскъ, и овладѣть ими на всемъ скаку; прочіе кавалерійскіе полки должны были слѣдовать за нимъ въ отдаленіи и въ случаѣ надобности поддерживать его (*). Палменбахъ, одинъ изъ храбрѣйшихъ офицеровъ арміи, сталъ передъ своимъ полкомъ, взмахнулъ саблей и тѣмъ подалъ храбрымъ конно-егерямъ своимъ знакъ идти впередъ. Крупною рысью двинулись они противъ передняго шанца, обскакали его и изрубили его защитни-

(*) Явное, но неискусное подражаніе дивной атакѣ русской и австрійской кавалеріи противъ турецкихъ укрѣпленій въ сраженіи при Рымникѣ, по геніяльной мысли геніяльнаго Суворова! — Блѣдное и жалкое подражаніе подлиннику: у Суворова за всею кавалеріей скорымъ шагомъ слѣдовала вся линія пѣхоты, а у Каховскаго и Пистора — за однимъ елисаветградскимъ полкомъ должны были въ отдаленіи (!) слѣдовать другіе полки кавалеріи и, въ случаѣ надобности (!), во время атаки въ карьеръ, поддерживать его!—Нѣчто подобное случилось и въ 1831 году подъ Гроховымъ.

ковъ; затѣмъ понеслись на другой шанецъ; тутъ Палменбахъ, постоянно находившійся впереди, былъ раненъ, но непоколебимо повелъ своихъ противъ третьяго шанца; здѣсь наконецъ его поразила смертельная пуля. Конные егеря его, смущенные его смертію, разстроенные взятіемъ шанцевъ, преслѣдовали бѣжавшаго непріятеля съ бо̀льшимъ ожесточеніемъ, нежели порядкомъ, наткнулись на выстроенную въ порядкѣ часть польской кавалеріи подъ начальствомъ Віеловейскаго и были опрокинуты съ урономъ. Подполковникъ Бауеръ съ тремя эскадронами харьковскаго легко-коннаго полка встрѣтилъ непріятеля; елисаветградцы собрались и построились за ними и съ ожесточеніемъ, чтобъ загладить стыдъ, снова понеслись впередъ—и тутъ завязался жестокій кавалерійскій бой.

Между тѣмъ русская пѣхота все болѣе и болѣе овладѣвала мѣстностью; непріятельскія укрѣпленія, смѣло атакованныя, были или взяты силой, или покинуты, а вслѣдъ за ними и самый лагерь. Всѣ земляные валы, прикрытія и опорные пункты Поляковъ, на которые они возлагали свои надежды, были изторгнуты у нихъ и, не взирая на храбрую защиту, они съ наступленіемъ темноты были отброшены къ находившемуся въ тылу ихъ лѣсу, который принялъ ихъ въ свою чащу и доставилъ защиту ихъ отступленію, покрылъ мракомъ своимъ ихъ безпорядокъ. Такъ отступали они здѣсь, такъ бѣжали они тамъ, вмѣстѣ, порознь, по одиначкѣ и въ кучахъ, по двумъ различнымъ дорогамъ чрезъ чащу лѣса: одни на Хельмъ, другіе по дальнѣйшей дорогѣ на Красноставъ. Дремучій лѣсъ казался оживленнымъ смутными человѣческими голосами, призывами, барабаннымъ боемъ, ружейными и пушечными выстрѣлами, порою озарявшими ночную темноту, потому что русскія легкія войска преслѣдовали бѣжавшаго непріятеля нѣсколько верстъ лѣсомъ. Когда Косцюшко съ передовыми войсками прибылъ въ Куневъ, на пути въ Красноставъ, то едва не лишился чувствъ отъ скорби, увидя при себѣ только небольшую горсть пребывшихъ вѣрными ему—только два баталіона и одинъ кавалерійскій полкъ изъ всей прекрасной дивизіи его ([51]). Но постепенно болѣе и болѣе собирались бѣглецы, искавшіе и нашедшіе исходъ по разнымъ тропинкамъ лѣса, а подъ конецъ храбрый Віеловейскій, прикрывавшій отступленіе, привелъ къ Косцюшкѣ еще остатокъ спасенныхъ и три пушки. Конечно, недоставало большей части его храбрецовъ, которые убитыми или ранеными лежали на полѣ боя, или были взяты въ плѣнъ, или заблудились въ лѣсу, или

(51) См. Заіончекъ, стр. 54.

спаслись чрезъ австрійскую границу; притомъ, за исключеніемъ упомянутыхъ выше трехъ пушекъ, всѣ прочія орудія съ принадлежностями были потеряны.

Таковъ былъ бой при *Дубенкѣ* или, какъ его называютъ Русскіе, при *Уханкѣ*, послѣдній и кровопролитнѣйшій въ этой, впрочемъ довольно некровопролитной войнѣ, превознесенный польскою хвастливостью далеко выше своего значенія, хотя былъ пораженіемъ для Поляковъ, но восхваленный ими почти какъ побѣда и пріобрѣтшій большую извѣстность и отголосокъ въ особенности за границей. А чтожъ онъ былъ въ сущности? съ чьей стороны была бо̀льшая заслуга?—Не труднѣе-ли было сильную позицію, прикрытую болотами и текучими водами, кустарникомъ и лѣсомъ, деревнями и множествомъ укрѣпленій и защищаемую войсками, отнять, съ штыкомъ и саблею въ рукѣ, у храбрыхъ, воодушевленныхъ своимъ предводителемъ, войскъ, нежели удержать ее? И она была изторгнута у нихъ и взята съ бою.—Но превосходство силъ? Если Русскіе и имѣли больше войскъ на полѣ боя, то не всѣ, показанныя въ спискахъ, были употреблены въ дѣло; гдѣ дѣйствительно происходилъ бой одного на одного, тамъ, по тѣснотѣ мѣста, дѣло рѣшало не числительное превосходство, но непобѣдимая стойкость ветерановъ Каховскаго, готовыхъ лучше умереть, чѣмъ уступить. Даже самъ Косцюшко, въ своемъ донесеніи, не можетъ скрыть своего удивленія упорной храбрости противниковъ. «Напрасно, говоритъ онъ, три раза отбивали москалей на одномъ и томъ же пунктѣ;» они снова возвращались и наконецъ восторжествовали—даетъ онъ, конечно, только разумѣть, прибавивъ вслѣдъ затѣмъ: «и егеря оказали такое же упорство ([52]).»—То были екатеринославцы Салтыкова, участники Измаильскаго штурма!—Слѣдовательно, если кто-нибудь имѣлъ причину гордиться, то скорѣе тѣ, которые пулей, штыкомъ, саблей и своими тѣлами штурмовали и взяли почти неодолимую позицію, нежели тѣ, которые обороняли ее, правда храбро, но несчастливо. И еслибъ не ночь и лѣсъ, что стало бы подъ конецъ съ польскими храбрецами? Болѣе 900 убитыхъ и раненыхъ ([53]) оставили они на мѣстѣ боя и при отступленіи, въ томъ числѣ много офицеровъ; двухъ храбрѣйшихъ, полковниковъ Гаумана и Піотровскаго, о которыхъ мы еще неразъ услышимъ, они унесли съ собою. Изъ десяти орудій, которыя они имѣли по показанію Косцюшки, семь

([52]) См. донесеніе его въ приложеніи Г.

([53]) По показанію Косцюшки.

были отняты у нихъ. — Уронъ Русскихъ, въ слѣдствіе отважной (*) атаки шанцевъ кавалеріей, состояла болѣе въ убитыхъ лошадяхъ, нежели людяхъ: 640 лошадей были приведены въ негодность; потеря же въ людяхъ не превышала, кажется, 500 человѣкъ; но она была прискорбна смертію двухъ храбрѣйшихъ офицеровъ арміи, Золотухина и Палменбаха, тѣлами своими указавшихъ путь къ побѣдѣ.

Побѣжденные, во всѣ времена, приписывали свое пораженіе не недостатку личныхъ преимуществъ, мужества, стойкости, нравственной силы, но совершенно особеннымъ причинамъ: то измѣнѣ, то неискуству или неповиновенію того или другаго, то какой-нибудь преждевременной или запоздалой мѣрѣ, то тому, то другому. Поляки, по своему большому національному тщеславію, искони сильные въ подобныхъ оговоркахъ и оправданіяхъ, приводятъ причиною своего пораженія здѣсь: «что Русскіе обошли ихъ чрезъ австрійскую территорію» (54). Ничего этого не бывало. Мы видѣли, что вездѣ бились грудь съ грудью, всѣ укрѣпленія были взяты съ фронта, защитники ихъ опрокинуты изъ нихъ съ фронта; русскія кавалерія и пѣхота соперничали между собой, кто больше отниметъ у непріятеля его земляныхъ насыпей. Бой былъ чисто фронтальный, для обхода не было употреблено никакой части русскихъ войскъ; только два баталіона екатеринославскихъ егерей, поддержанные казаками Орлова, получили приказаніе, не обойти, а атаковать съ фронта и и отбросить непріятельскія легкія войска, расположенныя въ лѣсу между д. Волей и австрійской границей. Предположеніе, оправданіе, упрекъ, какъ бы ни назвать его, было поэтому совершенно неосновательно, такъ какъ бой вообще былъ рѣшенъ не обходомъ, но прямымъ боемъ человѣка съ человѣкомъ, солдата съ солдатомъ, лицомъ къ лицу.

Приведя эти пустыя отговорки къ ихъ настоящей ничтожности, должно однако отдать достойную справедливость храбрости польскихъ войскъ, равно какъ и благоразумнымъ распоряженіемъ Косціюшки. Польскій военачальникъ превосходно избралъ мѣсто для боя, превосходно и воспользовался имъ; молодые солдаты сражались му-

---

(*) Но неблагоразумной и неосторожной.

(54) Косціюшко въ своемъ донесеніи не говоритъ этого прямо, но упоминаетъ только вообще объ обходѣ (na okolo zajmowali); только Коллонтай и весь рой его переписчиковъ прокричали о нарушеніи неприкосновенности неутральной земли и о

жественно и стойко, и кто могъ бы упрекнуть ихъ въ томъ, что они съ честью уступили отборной и гораздо превосходной силѣ?

Въ то же самое время, когда Каховскій атаковалъ позицію Косцюшки, перешли черезъ Бугъ Леванидовъ у Опалина, а Тормасовъ у Дорогуска, и, послѣ жаркаго сопротивленія, принудили противниковъ къ отступленію, тѣмъ скорѣе, что, послѣ пораженія Косцюшки, они должны были опасаться быть атакованными во фланг и въ тылъ. Длинная оборонительная линія, прорванная въ одномъ пунктѣ, нигдѣ уже больше не можетъ быть удерживаема.

Каховскій далъ войскамъ своимъ два дня отдыха у Уханки; но Леванидовъ получилъ приказаніе 11 (22) іюля идти къ Бресту, чтобъ установить сообщеніе съ литовскою арміей Кречетникова.

Армія Понятовскаго отступила теперь черезъ Бискупице, гдѣ перешла черезъ Вепржъ, и Люблинъ на Куровъ; арріергардъ остался въ Маркушовѣ. Отступленіе за Вислу было обезпечено мостомъ, наведеннымъ у Пулавы.

14 (25) іюля Каховскій, послѣдовавшій за польскою арміей, вступилъ въ Люблинъ. Вечеромъ этого дня адъютантъ польскаго главнокомандующаго, Хоментовскій, привезъ ему письмо отъ русскаго посланника въ Варшавѣ, Булгакова, который увѣдомлялъ: «что король 13 (24) іюля приступилъ, вмѣстѣ съ арміей, къ тарговицской конфедераціи, съ чѣмъ и слѣдуетъ сообразовать дальнѣйшія мѣры».— Каховскій отрядилъ два казачьи полка къ Грабову, для нападенія на непріятельскій арріергардъ; для поддержанія ихъ, еще утромъ того дня выступилъ туда Орловъ съ другими казачьими полками и четырьмя баталіонами екатеринославскихъ егерей; туда же готовились слѣдовать и всѣ прочія войска. Теперь всѣ получили отмѣну приказаній.—Но тутъ съ передовыхъ постовъ было получено донесеніе, «что Поляки усиливаются у Маркушова, какъ будто для атаки».—Каховскій приказалъ отвѣчать: «стоять на мѣстѣ, а если атакуютъ, обороняться».—Между тѣмъ Полякамъ попался казакъ, отъ котораго они узнали, что у Грабова стоятъ только два казачьи полка. Они захотѣли воспользоваться этимъ, чтобы, вопреки приказанію изъ Варшавы о прекращеніи военныхъ дѣйствій, подъ конецъ еще пріобрѣсть успѣхъ. Тогда его порядочно пріукрасили бы, возвели бы на степень побѣды надъ большею частію русской арміи, прокричали бы о воинственномъ пылѣ войскъ и готовности ихъ къ продолженію войны, что все подавало надежду на величайшіе успѣхи, въ то самое время, когда приказаніе короля остановило войска среди побѣдъ. Понятовскій, въ слѣдствіе того, приказалъ двѣнадца-

ти эскадронамъ отборной кавалеріи напасть слѣдующимъ утромъ на эти два казачьи полка у Грабова и по возможности отрѣзать ихъ и совершенно уничтожить. Но вышло иначе. Лишь только Орловъ лично прибылъ 15 (26) іюля въ Грабовъ, какъ замѣтилъ со стороны непріятеля движенія, показавшіяся ему подозрительными. Онъ немедленно приказалъ передовымъ казакамъ, въ случаѣ нападенія, отступить на приближавшіяся подкрѣпленія, которыя поставилъ скрытно по обѣимъ сторонамъ дороги; четыре баталіона егерей съ ихъ артиллеріей должны были стать дальше позади, поперегъ дороги. Когда два полка польской кавалеріи, видя скачущихъ отъ нихъ казаковъ, погнались за ними съ радостнымъ крикомъ, то внезапно попали подъ пушечный и ружейный огонь егерей. Не давъ имъ опомниться отъ изумленія, казаки Орлова ударили имъ во флангъ. Послѣ жаркой схватки, потерявъ до 200 человѣкъ, Поляки спаслись съ трудомъ и были преслѣдуемы за Маркушовъ. Понятовскій, лично находившійся при этомъ, былъ окруженъ и едва не убитъ, но простая одежда спасла его. Въ то время, какъ онъ спасался вмѣстѣ съ однимъ офицеромъ, одинъ преслѣдовавшій ихъ казакъ, замѣтивъ, что офицеръ одѣтъ наряднѣе, проскакалъ мимо Понятовскаго и свалилъ офицера съ коня. Пока казакъ сошелъ съ коня, чтобъ обобрать упавшаго, Понятовскій успѣлъ ускакать ([55]).

Вскорѣ послѣ этого дѣла, когда русскія передовыя войска расположились лагеремъ у Маркушова, прискакалъ самъ Понятовскій и пожелалъ переговорить съ главнокомандующимъ. Такъ какъ послѣдній находился далѣе назади, то генералъ Марковъ подъѣхалъ къ Понятовскому и узналъ отъ него, что онъ пріѣхалъ съ предложеніемъ о прекращеніи военныхъ дѣйствій. Марковъ обѣщалъ донести о томъ главнокомандующему. Каховскій послалъ, въ слѣдствіе того, къ Понятовскому Валеріана Зубова съ объявленіемъ: «что, такъ какъ онъ, Понятовскій, хотя былъ увѣдомленъ самимъ королемъ о присоединеніи его къ тарговицской конфедераціи, однако продолжалъ военныя дѣйствія, то Каховскій не можетъ вступить съ нимъ ни въ какіе дальнѣйшіе переговоры, но требуетъ, чтобъ польскія войска положили оружіе и приступили къ конфедераціи». — Едва удалился Зубовъ, какъ Понятовскій, разъѣхавшійся съ нимъ по другой дорогѣ, снова появился лично и, допущенный къ Каховскому, предложилъ заключить перемиріе. Русскій главнокомандующій объявилъ ему изустно тоже самое, что̀ поручалъ Зубову, прибавивъ: «что на-

(55) Изъ донесенія Каховскаго.

ходясь въ столь близкомъ разстояніи отъ польскихъ войскъ, онъ немедленно возобновитъ противъ нихъ военныя дѣйствія». — Понятовскій, смущенный, просилъ полтора часа на размышленіе, и прежде; нежели этотъ срокъ кончился, явился опять въ сопровожденіи Косцюшки и большаго числа штабъ и оберъ-офицеровъ, и объявилъ, «что онъ только сейчасъ получилъ отъ короля извѣщеніе о присоединеніи его къ конфедераціи, а потому проситъ прекратить военныя дѣйствія, такъ какъ онъ будетъ повиноваться приказаніямъ короля».

Такъ и было сдѣлано. Трудный шагъ былъ исполненъ, все, совершенное въ послѣдніе три года, отмѣнено и передѣлано по старому, и, послѣ совѣщанія въ большомъ совѣтѣ министровъ, рѣшено приступить къ тарговицской конфедераціи. — Это приводитъ насъ опять въ Варшаву, средоточіе политическихъ событій, и принуждаетъ насъ, не хотѣвшихъ прерывать разсказа о военныхъ дѣйствіяхъ, возвратиться по времени нѣсколько назадъ.

(*Къ стран. 281*).

Г. Собственное донесеніе Косцюшки о боѣ при Дубенкѣ 7 (18) іюля 1792 года.

(Изъ Raczyński: Obraz Polakow i Polski, XVI, 105).

Косцюшко, предоставленный самому себѣ, пользовался всѣми средствами, предписанными осторожностью, избралъ для своего лагеря превосходную, соотвѣтственную мѣстность и укрѣпилъ ее батареями и флешами. Правое его крыло примыкало къ границѣ Галиціи, лѣвое къ Бугу. Русскіе, произведя ложную атаку на позицію князя Іосифа, направили корпусъ въ 18,000 чел. при 60 двѣнадцати-фунтовыхъ орудіяхъ, между которыми находились даже двадцати-фунтовыя, противъ Косцюшки, у котораго было только 2 двѣнадцати-фунтовыя и 6 шести-фунтовыхъ орудій и 2 гаубицы. Канонада съ обѣихъ сторонъ продолжалась семь часовъ (1) безпрерывно, но причинила Полякамъ потерю только одного офицера и двухъ рядовыхъ (!) (2). Затѣмъ послѣдовала атака кавалеріею, пѣхотою и егерями. Полковникъ Пальменбахъ, отважный офицеръ, въ главѣ кавалеріи бросился на батареи, вскорѣ былъ убитъ и изъ его людей только немногіе вернулись назадъ. Московская (москальская) пѣхота была три раза отбита на одномъ и томъ же пунктѣ (3); и егеря оказали такое же упорство. Но какъ москали, по причинѣ ихъ превосходства въ силахъ, охватили (4) насъ, а бригада Бернацкаго отошла прежде времени, хотя совсѣмъ не была въ бою,

---

(1) Русскіе начали атаку около 5 часовъ по полудни; а по этому показанію канонада должна была бы продолжаться до полуночи и только тогда послѣдовали бы атаки пѣхотою и кавалеріею, что́, какъ доказано, ложно.

(2) Послѣ семичасовой канонады?—Это нѣсколько похоже на современное донесеніе Бёрнонвилля о продолжительномъ и упорномъ боѣ, въ которомъ однако Французы подъ конецъ не потеряли ничего болѣе, кромѣ мизинца одного барабанщика!

(3) Послѣдующее рѣченіе: «и каждый разъ снова возвращалась» онъ выпускаетъ, но указываетъ на него слѣдующимъ затѣмъ рѣченіемъ: «и егеря оказали такое же упорство.»

(4) Въ польскомъ оригиналѣ таже неопредѣленность: na okolo zajmowali.— Это охватываніе Коллонтай (разсказъ котораго составленъ впрочемъ по донесенію Косцюшки) разукрасилъ потомъ по своему, сильно налегая на то, что Русскіе только нарушеніемъ неприкосновенности галиційской (неутральной) границы могли принудить Поляковъ къ отступленію.

то мы и начали отступать къ Красноставу (5), при безпрерывномъ ружейномъ и пушечномъ огнѣ противъ непріятеля, который преслѣдовалъ насъ двѣ мили (6), но не пріобрѣлъ тѣмъ никакихъ выгодъ, кромѣ увеличенія своего урона (!). Все дѣло стоило Полякамъ 900 человѣкъ (7), Русскимъ же, какъ говорятъ, 4,000.

Изъ этаго донесенія видно, что и Косцюшко не въ состояніи былъ вполнѣ отрѣшиться отъ своей національной особенности — naturam expellas furca, tamen usque recurret!

---

(5) Какъ неопредѣленно, какъ неясно, для того только, чтобъ не сказать: «такъ какъ мы были выбиты изъ укрѣпленій, то и принуждены отступать.»

(6) Слѣдовательно онъ сознается въ преслѣдованіи непріятелемъ и въ уронѣ, понесенномъ въ бою; но разумѣется для того только, чтобъ хвастливо прибавить, что «преслѣдовавшіе потерпѣли болѣе (вопреки всѣмъ извѣстному опыту) преслѣдуемыхъ.»

(7) Коллонтай мигомъ исправляетъ это сознаніе, вычеркнувъ одинъ нуль, отъ чего выходитъ 90 чел. (II, стр. 129), 4,000 же, какъ говорятъ (jak mowią ludzie), остаются во всей своей красѣ. — Но Заіончекъ устыдился этой цифры и поставилъ 2,000.—Такъ пишутъ «исторію по документамъ,» какъ Шлоссеръ называетъ сочиненіе Коллонтая!

ШЕСТОЙ ОТДѢЛЪ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ. — СОБЫТІЯ ВЪ ПОЛЬШѢ ДО КОНЦА 1792 ГОДА.

Трудное положеніе.—Слѣдовало-ли королю отправиться въ армію?—Дурныя вѣсти изъ арміи.—Король обращается съ просьбой къ императрицѣ.—Письмо короля.—Россія заключаетъ съ Австріей и Пруссіей союзные договоры.—Причины уклончиваго отвѣта императрицы Станиславу.—Рѣзкая нота Остермана.—Затруднительное положеніе короля.—Голосованіе въ совѣтѣ министровъ.—Король приступаетъ къ тарговицской конфедераціи.—Сильныя обвиненія партіи противъ короля.—Многочисленная эмиграція приверженцевъ партіи.—Двусмысленное поведеніе Коллонтая.—Достойное сожалѣнія положеніе короля.—Господство тарговицскихъ конфедератовъ.—Свиданіе императора Франца съ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ въ Майнцѣ.—Планъ территоріальныхъ вознагражденій.—Неудачный походъ герцога Брауншвейгскаго въ Шампаніи.—Сличеніе обоихъ походовъ 1792 года въ Польшѣ и Франціи.—Пруссія возобновляетъ свои притязанія въ отношеніи къ Польшѣ.—Графъ Гаугвицъ.—Нота 25 октября 1792 года изъ Мерля.—Гаугвицъ отправляется въ Вѣну для довершенія переговоровъ о вознагражденіяхъ.—Соображенія русской императрицы.—Радость короля прусскаго по поводу согласія императрицы на раздѣлъ.—Доводы въ пользу онаго, предъявленные въ Лондонѣ.

Послѣ отсрочки сейма, король, съ совѣтомъ министровъ (Straż), остался одинъ въ главѣ правленія, съ властію, почти неограниченною. Положеніе было трудное и ежедневно становилось труднѣе, въ слѣдствіе быстрыхъ успѣховъ русскихъ войскъ. И по мѣрѣ того, какъ послѣднія подвигались впередъ, страна въ тылу ихъ присоединялась къ тарговицкимъ конфедератамъ, и всѣ ожидаемые оттуда рекруты, подати, деньги поступили въ пользу конфедераціи. Такимъ образомъ недостало главнѣйшихъ средствъ для сопротивленія, людей и денегъ, денегъ и людей; мало помощи извнутри и никакой извнѣ. Поэтому, что̀ было дѣлать?

Люди безразсудные или лукавые, господствовавшіе въ партіи и на бывшемъ сеймѣ, тотчасъ нашлись дать отвѣтъ, первые — по убѣжденію, послѣдніе — съ цѣлію, смотря по успѣху, истолковать сдѣланный шагъ, обжаловать его или присвоить себѣ честь онаго.

«Король долженъ, утверждали они. отправиться въ армію, топнуть ногою въ землю—и тысячи воиновъ во всеоружіи возстанутъ, соберутся вокругъ него и, предводимые имъ , возобновятъ зрѣлище, бывшее при Іоаннѣ-Казимірѣ , который, будучи тѣснимъ Шведами, Пруссаками, Трансильванцами и Русскими , помощію ополченія и возстанія массъ изторгнулъ государство свое изъ рукъ враговъ.» Высказавъ это, они думали, что уже все порѣшили!—Величайшія политическія ошибки и заблужденія совершаются тогда, когда человѣкъ, безъ строгаго изслѣдованія современныхъ обстоятельствъ, судитъ или дѣйствуетъ на основаніи воспоминаній и темныхъ , неопредѣленныхъ чувствъ. Изъ всего, что̀ есть , нѣтъ ничего совершенно одинаковаго, все, что̀ было, не повторится при одинаковыхъ обстоятельствахъ. Лейбницъ доказалъ, что нѣтъ даже двухъ листковъ на деревѣ, совершенно схожихъ между собою. Поэтому только одни безумцы ищутъ тождественности въ обстоятельствахъ, въ которыхъ оной нѣтъ, хотя бы то было лишь сходство времени. — Не заслуги Казиміра или слабыя усилія народа спасли тогда Польшу, но раздоры ея противниковъ, уклоненіе Пруссіи, дѣла Швеціи въ иномъ мѣстѣ, помощь Австріи и Монтекукули, безсиліе Трансильванцевъ и грубая, неловкая, еще неопытная сила Россіи. Съ тѣхъ поръ время пронесло надъ этимъ сто пятьдесятъ своихъ лѣтъ, и эти сто пятьдесятъ лѣтъ все вокругъ измѣнили , преобразовали, ослабили здѣсь, усилили тамъ, малое сдѣлали великимъ, а великое малымъ; остались тѣже названія, но не предметы.—Поэтому рабски подражать дѣяніямъ того времени , при совершенно измѣнившихся обстоятельствахъ, какъ совѣтовали мудрые совѣтники королю, подобно Іоанну-Казиміру, отправиться въ Галицію и созвать pospolite ruszenie — было просто смѣшно, потому что Галиція уже вовсе не была польскою областью , а pospolite ruszenie было военною мѣрою, которая пережила сама себя. Прежде, во времена младенчества военнаго искуства, войны велись посредствомъ народныхъ ополченій; но что̀ значатъ они нынѣ противъ регулярныхъ войскъ? тысячи и тысячи разсыпаются предъ одиночными полками, подобно мякинѣ, развѣваемой вѣтромъ. Барскіе конфедераты имѣли почти всю страну за себя, всюду сзывали дворянство и крестьянъ, собирали большія толпы, и однако 10,000 чел. русскихъ войскъ держали цѣлую страну въ страхѣ и покорности, и гдѣ дѣло доходило до столкновенія, тамъ эти ополченцы разсыпались, какъ вспугнутые зайцы. А гдѣ регулярныя польскія войска ничего не могли сдѣлать , что̀ могли неустроенныя, грубыя массы?

И такъ объ ополченіи тутъ не могло быть и рѣчи; но посмотримъ, какую пользу могло принесть присутствіе короля при войскѣ.— А что было дѣлать при немъ этому невоинственному королю? Предводительствовать имъ?—Но онъ не имѣлъ никакого понятія о практикѣ въ войнѣ, война же требуетъ не однихъ только проницательности ума и искуства, но прежде всего величайшей дѣятельности и силы характера, двухъ качествъ, которыхъ совершенно лишенъ былъ изнѣженный Станиславъ. Слѣдовательно — онъ нисколько не годился собственно для предводительствованія. «Хорошо, такъ пусть другіе начальствуютъ его именемъ.»—На войнѣ это—самое печальное сочетаніе идей, потому что лишаетъ необходимаго единства. Безъ единства нѣтъ ни прочнаго плана, ни твердой рѣшимости;— многоличность можетъ совѣщаться, но гдѣ дѣло доходитъ до быстрыхъ дѣйствій, какъ въ войскѣ, тамъ долженъ быть одинъ владыка, одинъ неограниченный повелитель. Тѣмъ, упомянутымъ выше, мнимымъ исходомъ настежъ раскрывается дверь интригѣ, наушничеству, раздору, колебанію и нерѣшимости, наконецъ происками и многоначалію, не говоря уже о неизбѣжной при этомъ потерѣ времени, между тѣмъ какъ на войнѣ всего драгоцѣннѣе время, и быстрое, какъ молнія, исполненіе мгновенной, какъ молнія же, мысли, часто рѣшаетъ успѣхъ. Съ растерзанною душею долженъ бы былъ полководецъ, облеченный исполнительною властію, столько же помышлять о своихъ завистникахъ и врагахъ при особѣ короля, сколько и о врагахъ внѣшнихъ. Верховный военный совѣтъ, извѣстный намъ, послѣдовалъ бы, долженъ бы былъ послѣдовать за королемъ, чтобъ не выпустить руля изъ рукъ. Онъ господствовалъ бы, руководилъ бы—и что вышло бы изъ этого, еслибъ Малаховскіе, Потоцкіе, Коллонтаи и имъ подобные герои сейма имѣли верховное начальствованіе? — потому что король долженъ былъ исполнять ихъ волю, особенно при войскѣ, гдѣ они преобладали и чрезъ своихъ приверженцевъ, и слѣпой мечтою, что *ихъ* конституція содѣлаетъ Польшу великою державой. — Если Понятовскій и особенно Косцюшко устроили въ порядкѣ отступленіе арміи и съ честью совершили его, что стало бы, еслибъ король, съ этою обременительною свитой, привелъ все въ безпорядокъ и замѣшательство? Поэтому, какъ безразсуденъ былъ упрекъ: «да, еслибъ наименѣе воинственный король, какого когда-либо видѣлъ свѣтъ, сталъ въ главѣ арміи, то Поляки вышли бы изъ борьбы побѣдителями;»—какъ безразсудно было оправданіе: «потому именно, что король не отправился къ арміи, и армія, и Польша были одо-

лѣны.» — Духъ партій произнесъ и тотъ упрекъ, и это оправданіе, а безсмысленность всюду вторила ему (1).

Находясь подъ давленіемъ вождей партіи, король обѣщалъ все, съ тѣмъ только, что гвардію, его, умышленно пренебреженную сначала сеймомъ, слѣдовало прежде всего привесть на военное положеніе, такъ какъ, по его мнѣнію, онъ не иначе могъ отправиться въ армію, какъ въ сопровожденіи оной. Поэтому теперь только начали заботиться о необходимѣйшихъ нуждахъ ея, а это потребовало времени. Между тѣмъ изъ арміи стали приходить печальныя вѣсти, распространившія смущеніе въ средѣ партіи. Заіончекъ, рѣшительный приверженецъ ея, послѣ дѣлъ при Любарѣ, гдѣ такъ сильно пострадали польскія войска, писалъ друзьямъ своимъ: «Войско Понятовскаго было окружено и, хотя пробилось, но потеряло много людей, обозы, равно и Полонное съ магазинами; дѣла происходили пять дней сряду, пока войска наконецъ достигли Заславля». Адъютантъ Понятовскаго, князь Сапгушко подтвердилъ эти извѣстія, опредѣлилъ уронъ въ людяхъ до 2,000 чел., увѣрялъ въ недостаткѣ пороха, свинца и провіанта, и увѣдомлялъ о настроеніи умовъ въ главной квартирѣ, гдѣ готовы на заключеніе договора и союза съ Россіей.—Устрашенные этими извѣстіями и непосредственными донесеніями главнокомандующаго, издали почитая неудачи болѣе значительными, нежели какими онѣ дѣйствительно были, наконецъ убѣдившись въ недостаточности средствъ сопротивленія, въ Варшавѣ начали сомнѣваться въ счастливомъ исходѣ его и сознали необходимость покориться обстоятельствамъ и превосходству силъ. Въ слѣдствіе того рѣшено было обратиться съ просьбой къ императрицѣ, до полученія же отвѣта изъ Петербурга, войти съ Каховскимъ въ переговоры о перемиріи. Глава партіи, Игнатій Потоцкій, разочарованный посольствомъ своимъ въ Берлинъ и не видя инаго исхода, печально и въ упадкѣ духа самъ совѣтовалъ рѣшиться на этотъ шагъ (2). И шагъ этотъ былъ сдѣланъ,

---

(1) Стóитъ только сличить всѣ сочиненія, касающіяся этого предмета, и вездѣ встрѣтишь повтореніе этого безумнаго упрека Коллонтая.

(2) Что Игнатій Потоцкій самъ сдѣлалъ такое предложеніе, въ томъ положительно увѣряетъ Комаржевскій на стр. 228: «Dans des circonstances aussi embarrassantes, le Chef de la majorité de la diète exposa au Roi et au conseil de surveillance (Straż) la nécessité urgente de s'adresser directement à l'Impératrice. Suivant cet avis, le roi écrivit à l'Impératrice etc....» — Le Chef de la majorité de la diète былъ Игнатій Потоцкій. Комаржевскій имѣлъ обыкновеніе ясно обозначать лица, никогда однако не называя ихъ по именамъ.

какимъ образомъ и что при этомъ произошло, можетъ разсказать намъ Булгаковъ, бывшій посредникомъ въ этомъ. Онъ начинаетъ свое донесеніе отъ (11) 22 іюня торжествующими словами: «Плотина прорвалась ранѣе, нежели я ожидалъ; Польша лежитъ у ногъ Вашего Величества и предаетъ себя Вашей милости;» — и затѣмъ продолжаетъ разсказывать: «8 (19) іюня ночью, вице-канцлеръ Хрептовичъ былъ присланъ ко мнѣ королемъ просить перемирія. Я отвѣчалъ: «оно зависитъ не отъ меня и не прежде можетъ получить согласіе, пока здѣсь не раскаются во всемъ совершившемся, не примутъ переданной мною деклараціи за основаніе переговоровъ и искренно, безъ заднихъ мыслей не обратятся къ великодушію императрицы.»—На вопросъ Хрептовича: «могутъ-ли начальствующіе генералы заключить перемиріе?»—я отвѣчалъ: «не имѣя возможности быть въ сношеніяхъ съ ними, я нахожусь въ неизвѣстности о данныхъ имъ инструкціяхъ; но вѣроятно онѣ согласны съ моими, и исполненіе желанія короля прекратить кровопролитіе зависитъ только отъ васъ самихъ.»—На это Хрептовичъ заявилъ: «сегодня же два королевскіе адъютанта должны отправиться къ князю Іосифу, съ тѣмъ, чтобъ предложить русскому главнокомандующему заключить перемиріе.» Затѣмъ онъ открылся мнѣ, что «присланъ спросить моего совѣта, что имъ дѣлать?»—Я сказалъ: «въ переговоры я не могу вступить иначе, какъ въ смыслѣ деклараціи, которую они прежде всего должны принять за основаніе, и если имѣютъ ко мнѣ довѣріе, то единственный мой совѣтъ былъ бы—не теряя времени обратиться къ великодушію императрицы, но безъ заднихъ мыслей, иначе не будетъ достигнуто ничего прочнаго». Тогда Хрептовичъ открылъ мнѣ, что «не только король, но и маршалъ Малаховскій, подканцлеръ Коллонтай и другіе вожди партіи склонны къ этому».— «Если такъ, сказалъ я, то я готовъ выслушать предложенія».— Онъ изложилъ ихъ слѣдующимъ образомъ: «Мы всѣ убѣдились, что для насъ нѣтъ другаго спасенія. Желаніе и рѣшительное намѣреніе короля и всѣхъ истинныхъ друзей отечества суть—предложить польскій престолъ, съ правомъ наслѣдства, великому князю Константину и просить Ея Величество даровать Польшѣ новое и прочное государственое учрежденіе. — Если это предложеніе не будетъ соотвѣтствовать желаніямъ Ея Императорскаго Величества или встрѣтитъ политическія препятствія, то мы удовольствуемся и тѣмъ, еслибъ Ея Императорское Величество избрала намъ въ короли кого Ей угодно, еще при жизни настоящаго короля. — Если Ея Величество отклонитъ и это, то мы просимъ о заключеніи съ нами союза, вѣч-

наго или временнаго, на какихъ Ея Беличеству угодно будетъ условіяхъ, и которымъ мы съ нашей стороны обяжемся въ случаѣ войны оказывать помощь, дозволять русскимъ войскамъ входъ въ наши владѣнія и проходъ чрезъ нихъ, какъ было прежде, равно и другими подобными условіями, какихъ потребуютъ отъ насъ;—и сверхъ того еще о заключеніи выгоднаго для обѣихъ сторонъ торговаго договора. — Еслибы же и это не удостоилось одобренія Ея Императорскаго Величества, то мы просимъ объ улучшеніи формы нашего образа правленія, устраненіи изъ него того, что̀ Ей въ немъ не нравится, и прибавленіи того, что̀ Ей угодно.—Наконецъ, сказалъ онъ въ заключеніе, если и это не понравится, «то мы безусловно предаемся волѣ Ея Императорскаго Величества и отъ извѣстныхъ всѣмъ мудрости и великодушія Ея ожидаемъ нашего спасенія, благосостоянія и обезпеченнаго существованія Польши и желаемъ, чтобъ она и Россія впредь составляли, такъ сказать, *одинъ народъ*».

«Онъ сообщилъ мнѣ это не только словесно, но и повторилъ письменно. Выслушавъ его до конца, я сказалъ: «Относительно перваго пункта, воля императрицы мнѣ неизвѣстна, а потому я долженъ обойти его молчаніемъ;—однако изъ всѣхъ предложеній, послѣднее есть наилучшее. Союзный и дружественный договоръ между Россіей и Польшей уже существуетъ, не взирая на дерзкіе поступки теперешняго сейма; еслибы же обстоятельства потребовали распространенія его, то Ея Императорское Величество не воспротивится тому; все прочее тѣмъ легче согласить съ декларацiей, что, по основнымъ законамъ и государственнымъ учрежденіямъ 1768 года, конституція Польши твердо упрочена. Свобода и независимость Польши нисколько не страдаютъ при этомъ, а напротивъ скорѣе укрѣпляются тѣмъ, что никакой сеймъ (потому что они, какъ напр. теперешній, состоятъ большею частію изъ новыхъ партій и даже факцій) не смѣетъ коснуться первыхъ (т. е. законовъ); послѣднія же (т. е. учрежденія) могутъ быть измѣнены только единодушнымъ согласіемъ; ибо такъ какъ столь трудно сохранить ихъ, то сама собою оказывается необходимость ихъ измѣненія, въ случаѣ проявленія оной. Все это, замѣтилъ я далѣе, не можетъ быть предпринято съ теперешнимъ сеймомъ, но необходимо, съ помощію новой генеральной конфедераціи, созвать другой».—Тутъ Хрептовичь прервалъ меня словами: «Этого-то именно мы и боимся. Кто будетъ на новомъ сеймѣ?—Все тѣже Поляки, тѣже вражды, взаимное ожесточеніе, жажда мщенія; тѣже легкомыслiе, неразумiе, несогласiе, упрямство, личный интересъ. Слѣдовательно они могли бы

составить конституцію еще хуже настоящей, и дабы избѣжать этого, мы именно и желаемъ, чтобъ Ея Императорское Величество сама усовершенствовала форму нашей конституціи, или даровала намъ другую, совершенно готовую».—Я успокоилъ его увѣреніемъ, что какъ конфедерація образовалась подъ покровительствомъ Вашего Императорскаго Величества, то не переступитъ границъ, ею самою себѣ начертанныхъ и означенныхъ также въ декларації. Затѣмъ я выразилъ желаніе, чтобъ король представилъ Вашему Императорскому Величеству вышеупомянутыя предложенія письменно, *не краснорѣчиво, но откровенно*.

«Хрептовичъ уѣхалъ отъ меня съ непритворнымъ удовольствіемъ, чтобъ обо всемъ увѣдомить короля и вскорѣ доставить мнѣ отвѣтъ. Но отвѣтъ замедлился, вѣроятно въ слѣдствіе ожиданія возвращенія изъ Бердина великаго маршала Потоцкаго (Игнатія). Король ждалъ его съ нетерпѣніемъ, но привезенныя имъ извѣстія очень сбавили его прежнія рыцарскія идеи, тѣмъ болѣе, что и изъ арміи получаются весьма худыя вѣсти. Тамъ господствуетъ большой безпорядокъ, въ порохѣ и другихъ боевыхъ припасахъ недостатокъ, народное конное ополченіе не хочетъ тронуться съ мѣста, генералы не умѣютъ начальствовать. Станиславъ Потоцкій, назначенный, вмѣсто Феликса, начальникомъ артиллеріи, возвратился изъ Литвы, прогнанный оттуда пушечной лихорадкой. За то онъ обжаловалъ Юдыцкаго, котораго затѣмъ и отрѣшили.

«Въ четвергъ 10 (21) іюня Хрептовичъ привезъ мнѣ письмо короля къ Вашему Императорскому Величеству, уже запечатанное, и вмѣстѣ съ тѣмъ копію съ него и ноту, заключающую въ себѣ предложенія; но все это было изложено такъ кратко, темно и поверхностно, что я тотчасъ сказалъ: «эти бумаги несходны съ тѣмъ, въ чемъ и какъ мы уговорились, и слѣдовательно не могутъ произвесть желаемаго дѣйствія». — Все было перепутано маршаломъ Потоцкимъ, какъ я легко догадался; ибо, хотя онъ былъ одного мнѣнія съ королемъ касательно принятаго рѣшенія, однако слишкомъ настаивалъ на достоинствѣ республики и равенствѣ ея съ другими державами. — Замѣтивъ мое неудовольствіе, Хрептовичъ сказалъ мнѣ именемъ короля: «Если я нахожу эти бумаги изложенными не такъ, какъ слѣдуетъ, то онъ измѣнитъ ихъ, какъ я того потребую». — Я возразилъ: «если король придаетъ вѣсъ моему мнѣнію, то письмо должно бы быть изложено такъ, какъ мы о томъ уговорились съ нимъ, Хрептовичемъ; въ томъ же смыслѣ должна бы

быть измѣнена и прилагаемая нота и подписана королемъ, или же содержаніе ея включено въ самое письмо».

«Чрезъ нѣсколько часовъ Хрептовичь воротился и привезъ мнѣ проектъ новаго письма. Пробѣгая его, я сдѣлалъ нѣкоторыя замѣчанія; онъ вычеркнулъ эти мѣста и сегодня прислалъ мнѣ прилагаемый при семъ пакетъ, вмѣстѣ съ копіей, прося подкрѣпить моимъ ходатайствомъ выраженныя въ нихъ желанія.

«Король считаетъ дни и часы, когда можетъ получить отвѣтъ, и ласкаетъ себя надеждой, что послѣдній будетъ благопріятенъ.

«Велика здѣсь перемѣна въ состояніи умовъ, даже самыхъ горячихъ. Всѣ кричатъ теперь: надобно прибѣгнуть къ Россіи, бранятъ и поносятъ короля прусскаго и осыпаютъ Потоцкихъ и другихъ вождей партіи упреками въ томъ, что они погубили Польшу. Послѣдніе оправдываютъ себя, говоря, что: «желали своему отечеству добра, но обстоятельства тому воспротивились, а прусскій король измѣнилъ имъ».

«Легкомысленное большинство ласкаетъ себя надеждой, что Польша подъ покровительствомъ Россіи будетъ въ состояніи отомстить Пруссіи; можетъ быть этимъ самымъ приманили ихъ, чтобы тѣмъ легче склонить къ согласію на принятое королемъ рѣшеніе; самъ Хрептовичь, въ разговорѣ со мной, намекалъ на это; но я просилъ его не предаваться ложнымъ надеждамъ, что Россія согласится поддержать ихъ желаніе мести».

Содержаніе приложеннаго къ этому донесенію королевскаго письма (отъ 11 (22) іюня 1792 г.) къ императрицѣ было вкратцѣ слѣдующее: послѣ предварительнаго вступленія, въ немъ было сказано: «Ваше Величество желаете имѣть вліяніе въ Польшѣ и право безпрепятственно проводить чрезъ нее Ваши войска каждый разъ, когда будете находиться въ столкновеніи съ Турціей или съ Европой;— мы хотимъ быть обезпеченными противъ вѣчныхъ революцій, какъ неизбѣжныхъ слѣдствій каждаго междуцарствія, потому что оно подаетъ поводъ къ вмѣшательству сосѣднихъ державъ и насъ самихъ вооружаетъ однихъ противъ другихъ. Сверхъ того мы нуждаемся въ правительствѣ, устроенномъ лучше, нежели прежде.

«Теперь настало время и готовы средства согласить то и другое. Дайте намъ внука Вашего, Великаго Князя Константина, моимъ преемникомъ престола; пусть вѣчный союзъ соединитъ оба государства и къ этому будетъ присовокупленъ взаимно полезный торговый договоръ, и ничего не было бы легче при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, какъ привести этотъ планъ въ исполненіе.

«Сеймъ дозволяетъ мнѣ заключить перемиріе, но не миръ, а потому прошу, умоляю В.И.В. сколь можно скорѣе даровать намъ это перемиріе, и я отвѣчаю Вамъ за все остальное, если только дадите мнѣ время и средства. Въ настоящее время здѣсь произошла такая перемѣна въ образѣ мыслей, что—Ваше Величество можете быть увѣрены въ томъ—предложенія мои будутъ встрѣчены съ бо̀льшимъ восторгомъ, нежели что̀ иное, совершенное этимъ сеймомъ, и Вы легко угадаете причину тому.—Но еслибы Вашему Величеству было угодно строго настаивать на всемъ томъ, что̀ заключается въ Вашей декларації, то не въ моей власти будетъ исполнить то, чего я такъ сильно желаю» (3).

Въ тоже время два королевскіе адъютанта, Голковскій и Бышевскій были отправлены къ князю Іосифу, для заключенія перемирія съ русскимъ главнокомандующимъ. Это предложеніе было сдѣлано Каховскому въ Заславлѣ, но имъ, какъ мы видѣли, отклонено.—Тогда Потоцкіе и Малаховскій снова стали настаивать, чтобъ король отправился въ армію; но противъ этого возстали многозначущіе голоса: многіе изъ министровъ и даже посланники дружественныхъ державъ совѣтовали: «дождаться прежде отвѣта императрицы; еслибы король отправился теперь въ армію, то это значило бы желать, чтобъ предложенія его были отвергнуты» (4).

Но они и безъ того были отвергнуты. По особенному стеченію обстоятельствъ, въ Петербургѣ усматривали въ нихъ только ложъ, коварство и намѣреніе посѣять раздоръ между тремя сосѣдними державами. Это требуетъ нѣкотораго поясненія.

Война съ Франціей началась, сперва съ успѣхомъ, и обѣ германскія державы, для усиленія своего вѣса и обезпеченія себя въ тылу, пригласили императрицу присоединиться къ ихъ союзу, заключенному 7 февраля этого, 1792 года (5). Но императрица предпочла заключить съ каждою изъ сихъ державъ отдѣльный оборонительный союзъ. Переговоры о томъ были въ это самое время въ ходу; договоръ съ Австріей былъ заключенъ 3 (14) іюля на восемь лѣтъ, а съ Пруссіей тремя недѣлями позже, 27 іюля (7 августа) (6).

---

(3) См. въ приложеніи подъ лит. Д. полное письмо короля въ подлинникѣ (и переводѣ).

(4) См. Opinion sur le roi de Pologne. Эта маленькая брошюра не имѣетъ нумерованныхъ страницъ, почему мы и не можемъ указать здѣсь страницу.

(5) Въ ст. 7 союзнаго договора было формально постановлено пригласить къ участію въ немъ русскую императрицу.

(6) Подписались съ русской стороны: вице-канцлеръ Остерманъ, графъ Безбородко

Оба договора были почти одинаковаго содержанія: взаимно гарантировалась неприкосновенность владѣній, особенно послѣднія пріобрѣтенія отъ Польши въ 1772 году, (7) и взаимно обѣщана помощь въ 10,000 чел. пѣхоты и 2,000 чел. кавалеріи; это число войскъ, смотря по обстоятельствамъ, но по предварительному соглашенію, могло еще быть увеличено. Въ особенныхъ случаяхъ, напримѣръ еслибъ Австрія была атакована въ Нидерландахъ, Пруссія въ Вестфаліи, а Россія со стороны Швеціи, въ замѣнъ помощи войсками были обѣщаны денежныя субсидіи, именно въ 400,000 талеровъ. Прежній договоръ касательно Польши, отъ 25 іюля (5 августа) 1772 года (договоръ о раздѣлѣ), (8) именно былъ подтвержденъ во всей полнотѣ, отъ слова до слова, и присовокуплена секретная статья, относившаяся къ современнымъ обстоятельствамъ, въ которой было сказано:

«О старинной конституціи Польши, сохраненіи въ ней *избирательнаго престола* и о правахъ различныхъ сословій республики, равно и объ основныхъ законахъ ея, въ прежнихъ трактатахъ между договаривающимися державами были заключены условія, какъ о предметахъ особенной важности относительно собственныхъ границъ, равно и благосостоянія самой Польши. Поэтому высокія договаривающіяся державы обязуются устремить совокупныя усилія свои къ той цѣли, чтобъ нововведенія, установленныя конституціей 3-го мая 1791 года, частію насильственно, частію внезапностію, и совершенно несогласныя съ видами сихъ державъ, были устранены въ скорѣйшемъ времени. Онѣ взаимно обѣщаютъ себѣ дѣятельную помощь, дабы возстановить дѣла въ Польшѣ на основаніяхъ конституцій, утвержденныхъ сеймами 1768, 1773 и 1775 годовъ. А дабы устранить всякій поводъ къ недовѣрію между ними, онѣ взаимно обязуются никогда не домогаться *о возведеніи на польскій престолъ одного изъ принцевъ своего дома* или имѣть вліяніе на выборъ рес-

---

и Аркадій Марковъ; со стороны Австріи: графъ Лудвигъ Кобенцель; со стороны Пруссіи: графъ Гольцъ.

(7) Статья 2: «Les hautes Parties contractantes conviennent de donner une plus grande étendue à la garantie d'une partie de leurs possessions, stipulée par la convention conclue à St. Pétersbourg le 25 juillet (5 Août) 1772;» и эта распространенная гарантія, дальше, въ ст. 3 и 4, опредѣлена подробнѣе «европейскими владѣніями» этихъ государствъ

(8) Статья 2: «laquelle convention est censée renouvellée par cet article dans toute son étendue et valeur, comme si elle y etait insérée mot à mot.»

публики въ пользу какого-либо другаго принца—иначе, какъ совокупно» (9).

И такъ желаніе короля прямо противорѣчило этой статьѣ договора. Правда, онъ и министры его могли возразить, что «имъ не возможно было знать или предвидѣть такой статьи, о которой еще въ тайнѣ производились переговоры»; но и такая отговорка не имѣла значенія; ибо, если они и не могли знать этой статьи трактатовъ, о которыхъ въ это самое время велись переговоры между Россіей, Австріей и Пруссіей, то имъ очень хорошо была извѣстна почти одинаковая статья договора, заключеннаго между Австріей и Пруссіей 7-го февраля 1792 года, на которой именно была основана статья вышеупомянутыхъ трактатовъ (10). А именно третья секретная статья договора 7-то февраля 1792 г. гласила: «что договаривающіяся державы, со включеніемъ Россіи, имѣющей быть приглашенною къ участію, не хотятъ домогаться о возведеніи одного изъ принцевъ *своего дома* на польскій престолъ». Поэтому на предложеніе дать въ преемники Станиславу-Августу русскаго великаго князя, въ Петербургѣ должны были смотрѣть съ негодованіемъ, какъ на коварную попытку посѣять раздоръ между Россіей и обоими ближайшими союзниками ея. Это произвело съ самаго начала предубѣжденіе противъ всѣхъ предложеній короля, которыя и безъ того казались направленными противъ упомянутаго выше уговора трехъ державъ—не рѣшать ничего о Польшѣ иначе, какъ съ общаго согласія, и имѣвшими цѣлію заманчивыми условіями отторгнуть Россію отъ союза и привлечь на сторону Польши. Къ тому же король глубоко палъ во мнѣніи императрицы: его непостоянство въ послѣднее время, его отчужденіе отъ Россіи, дабы гоняться за тѣнью (ибо вліяніе и вѣсъ Россіи въ Польшѣ были слишкомъ прочно утверждены для того, чтобы мгновенное сопротивленіе имъ могло быть продолжительнымъ); его тѣсный союзъ съ прусскою партіей и съ злѣйшими врагами Россіи; его, хотя и похвальное, стремленіе доставить престолу бо̀льшія власть и силу, и, введеніемъ престоло-

---

(9) Договоръ съ Австріей (содержаніе котораго, впрочемъ, почти тоже, что̀ и договора съ Пруссіей) находится у Мартенса VII, стр. 497, но безъ секретной статьи; также и у Шёлля (брюссельское изд.) I, стр. 529.—Мы почерпнули секретную статью изъ договора съ Пруссіей. См. въ приложеніи подъ литерою E. оригинальный текстъ, съ измѣненіями, сдѣланными Пруссіей.

(10) Что она была извѣстна имъ, доказываютъ Коллонтай и Потоцкій, которые говорятъ о ней въ своемъ сочиненіи о происхожденіи и проч. ч. II, стр. 194.

наслѣдія, предотвратить междуцарствія съ ихъ разслабляющимъ вліяніемъ; его горячее усердіе къ новой конституціи; наконецъ его, недостойное короля, поведеніе 3-го мая, когда онъ своимъ королевскимъ словомъ подтверждалъ завѣдомыя неправды,—все это, похвальное и непохвальное, весьма измѣнило благосклонность и уваженіе императрицы къ тому, на котораго она доселѣ взирала какъ на свое созданіе и котораго поддерживала. Признаки этого обнаружились въ суровости, съ какою королевскія предложенія были отвергнуты. Хотя собственный отвѣтъ императрицы былъ еще довольно умѣренъ, за исключеніемъ упрека въ нарушеніи pacta conventa; но что̀ по чувству деликатности не высказала сама императрица, то прямо высказалъ въ жесткихъ выраженіяхъ вице-канцлеръ ея.

Отвѣтъ императрицы (отъ 2 (13) іюля) въ сущности заключалъ въ себѣ слѣдующее: «Согласно желанію короля, она охотно хочетъ избѣжать разбирательства причинъ, породившихъ настоящій кризисъ, но желала бы, чтобы сдѣланныя королемъ примирительныя предложенія были дѣйствительно такими и особенно согласовались съ послѣднею декларацією императрицы. Теперь дѣло идетъ о томъ, чтобы снова даровать республикѣ прежнюю ея свободу и гарантированную договорами конституцію, низпровергнутую революцією 3-го мая, съ презрѣніемъ священнѣйшихъ законовъ и именно pacta conventa, на соблюденіи которыхъ однако основывались столько же права короля, сколько и повиновеніе его подданныхъ Только принятіемъ этихъ спасительныхъ возврѣній король можетъ убѣдить Ее въ искренности теперешнихъ своихъ намѣреній и въ желаніи содѣйствовать благу своей націи; здравая часть которой составила конфедерацію, дабы востребовать обратно незаконно похищенныя права. Императрица обѣщала ей свое содѣйствіе и окажетъ оное всѣми своими силами и средствами; она надѣется, что король не будетъ выжидать послѣдняго мгновенія, дабы присоединиться къ столь рѣшительнымъ желаніямъ. Скорымъ присоединеніемъ къ образовавшейся подъ ея покровительствомъ конфедераціи, онъ поставитъ ее въ положеніе снова называть себя *его доброю сестрою, другомъ и сосѣдкой*» (11).

Если уже и этотъ отвѣтъ заключалъ въ себѣ чувствительныя колкости, то совсѣмъ иное было въ отвѣтѣ вице-канцлера Остермана, входившемъ ближе въ разбирательство сдѣланныхъ предложеній.

---

(11) Мы прилагаемъ полный текстъ письма, на французскомъ языкѣ, въ приложеніи подъ лит. Ж.

Онъ былъ адресованъ отъ 3 (14) іюля на имя посланника Булгакова и состоялъ въ слѣдующемъ:

«Въ отвѣтъ на вашу депешу отъ 11 (22) іюня и на приложенное къ ней письмо короля, Ея Императорское Величество не признала возможнымъ входить въ разбирательство столь неожиданныхъ и совершенно несогласныхъ съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ предложеній; но дабы въ будущемъ дѣйствовать съ полнымъ знаніемъ дѣлъ, она считаетъ нужнымъ воспользоваться настоящимъ случаемъ, чтобы высказаться ясно; изъ видовъ же деликатности она возложила исполненіе этого на своихъ министровъ.

«Все содержаніе нашей декларації ясно показало, что она отнюдь не была обращена къ собранному тогда въ Варшавѣ сейму, но скорѣе была направлена *противъ* него, объявила его незаконнымъ и какъ бы несуществующимъ, за нарушеніе гарантированной Россіею конституціи и по причинѣ протеста благоразумной части націи. Сеймъ этотъ, вполнѣ непризнанный обѣими, наиболѣе заинтересованными въ этомъ сторонами, менѣе всѣхъ имѣлъ право отвѣчать именемъ націи. А посему на этотъ отвѣтъ и взирали не иначе, какъ на обыкновенную бумагу, исходившую отъ двухъ подписавшихъ ее (Малаховскаго и Сапѣги), и не удостоили его вниманія. Мы и вовсе не упомянули бы о немъ, еслибы въ немъ не принимали участія министры короля и лица, пользующіяся величайшимъ довѣріемъ его. Въ этой бумагѣ былъ принятъ тонъ притворной умѣренности только для того, чтобы придать болѣе вѣсу коварнымъ софизмамъ и отрицанію фактовъ, основанныхъ на самыхъ твердыхъ началахъ. Прискорбно видѣть, что все это стараніе употреблено лишь для того, чтобы привести въ заблужденіе легковѣріе какого-нибудь журналиста или празднаго политическаго болтуна; ибо кабинетамъ державъ слишкомъ хорошо извѣстно, что теперь происходитъ въ Польшѣ, для того чтобъ дозволить обмануть себя касательно побужденій и намѣреній господствующей факціи. Но эта притворная умѣренность тотчасъ же получила свою кару въ насильственныхъ декретахъ противъ тѣхъ людей, которые домогались возстановленія своихъ старинныхъ вольностей посредствомъ конфедераціи, единственнаго оставшагося имъ средства. Нѣкоторые изъ этихъ декретовъ исполнены самыхъ оскорбительныхъ выраженій противъ Россіи и имѣютъ единственною цѣлію то, чтобы коварными внушеніями возбудить ненависть и недовѣріе націи къ ней. И въ то самое время, когда король заставилъ облечь себя полнымъ авторитетомъ и всею властію правительства, всего чаще исходили подобные

государственные акты; заточеніе епископа переяславскаго, столь долго и противузаконно содержимаго въ темницѣ, сдѣлалось тѣснѣе и суровѣе, и рѣшенія, которыя должны были глубоко оскорблять Ея Императорское Величество, быстро слѣдовали одно за другимъ. Въ это же время послѣдовало отправленіе въ Берлинъ великаго маршала литовскаго (Игнатія Потоцкаго), главнаго виновника и поспѣшника теперешнихъ-безпорядковъ, равно и приверженца его, гетмана Подоліи князя Адама Чарторыйскаго, въ Вѣну. Цѣль и неудачные результаты этихъ посольствъ извѣстны. Соображая эти обстоятельства вмѣстѣ съ событіями 4 (15) и 7 (18) прошедшаго мѣсяца (дѣла при Борушковичахъ и Зѣлинцахъ), можно было бы этимъ политическимъ и военнымъ пораженіямъ приписать то, что Его Польское Величество рѣшился обратиться къ Ея Императорскому Величеству. Какъ ни непріятна (facheux) эта мысль, все же менѣе той, что всѣ эти предложенія, сдѣланныя королемъ, не что иное, какъ западни (pièges), внушенныя вѣроломными совѣтниками, которые его окружаютъ.

«Въ самомъ дѣлѣ, предложить Ея Величеству, чтобъ она назначила внука своего, Великаго Князя Константина, наслѣдникомъ польскаго престола, между тѣмъ какъ она торжественно объявила, что одною изъ главныхъ причинъ ея вооруженнаго вмѣшательства есть возстановленіе старинныхъ законовъ и порядковъ республики относительно избранія короля, значитъ предложить ей идею, столь же противную ея образу мыслей и намѣреніямъ пристроить (pour l'établissement) членовъ своей фамиліи (на что у нее есть довольно средствъ), сколько и способною возбудить подозрѣніе въ ея безкорыстіи и подорвать довѣріе и доброе согласіе съ вѣнскимъ и берлинскимъ дворами относительно польскихъ дѣлъ.

«Предложить ей союзный и торговый договоръ, между тѣмъ какъ она признаетъ заключенные съ истинною республикою еще существующими, не взирая на безчисленныя нарушенія оныхъ, какія дозволили себѣ похитители власти въ Польшѣ, и домогаться вовлечь ее въ переговоры съ этими послѣдними, значитъ не что иное, какъ выманить у нея родъ признанія опасныхъ нововведеній, которыхъ они были виновниками и которыя именно Ея Величество теперь хочетъ низпровергнуть.

«Наконецъ, требовать отъ нея перемирія, значитъ допустить, что существуетъ родъ войны государства съ государствомъ, что нисколько не соотвѣтствуетъ настоящему случаю, который есть только тѣсное и совершенное единеніе съ истинною республикою противъ ея

внутреннихъ враговъ. На этомъ основаніи, какъ законное право, приводимое Его Польскимъ Величествомъ, для переговоровъ о заключеніи перемирія, а не окончательнаго мира, такъ и авторитетъ, изъ котораго Его Величество производитъ это право, совершенно ничтожны въ глазахъ Ея Императорскаго Величества, ибо этотъ авторитетъ не признанъ ни ею, ни конфедераціею, единственною представительницею республики.»

Отвергнувъ такимъ образомъ королевскія предложенія, вице-канцлеръ хочетъ опредѣлить положеніе вопроса болѣе вѣрнымъ образомъ, нежели онъ, по видимому, представляется мыслямъ короля, и продолжаетъ: «Всеконечно Ея Императорскому Величеству важно имѣть вліяніе въ Польшѣ, уже по непосредственному сосѣдству ея государства, но она желаетъ упрочить это вліяніе не иначе, какъ возстановленіемъ старинныхъ правъ и вольностей республики, похищенныхъ у нея конституціей 3-го мая. Эта услуга, которую она ей оказываетъ, въ соединеніи съ другими правами ея на уваженіе къ ней, которыя республика никогда не отрицала, пока не была насильственно совращена съ истиннаго пути притѣснителями или обольстителямп, упрочитъ отношенія, долженствующія существовать между сосѣдственными государствами, болѣе тѣснымъ и твердымъ образомъ, нежели сколько можно было бы ожидать отъ уступчивости въ отношеніи новаго порядка вещей.

«Королю или скорѣе партіи, мнѣнія и системы которой, къ несчастію, обрѣли у него перевѣсъ, не столько важно оградить себя отъ предполагаемыхъ бурь междуцарствія или исправить мнимыя ошибки старинной конституціи, сколько сохранить болѣе обширную власть, присвоенную ему новымъ порядкомъ вещей. Но это намѣреніе несогласно ни съ трактатами, существующими между Россіей и Польшей, ни съ неизмѣнными интересами сосѣдственныхъ державъ: все это слѣдуетъ стараться привести въ соглашеніе иными средствами, нежели тѣ, которыя предложилъ Его Польское Величество. Средства эти представляются естественно въ томъ, чего требуютъ справедливость, разумъ и клятвы, данныя имъ при принятіи короны отъ свободнаго народа, и притомъ на условіяхъ, которыя послѣдній имѣлъ право постановить. Если Его Величество снова сблизится съ этимъ народомъ, то найдетъ объятія его отверзтыми, а сердца готовыми забыть прошедшее, и въ тоже время, въ пользованіи законною и непоколебимою властію, получитъ и всѣ вознагражденія за сомнительное и оспориваемое могущество. Но нимало не должно терять времени. Дѣло идетъ о воспрепятствованіи дальнѣйшему

кровопролитію, которое, увеличивая національную ненависть, въ тоже время могло бы умалить постоянное, великодушное участіе Ея Императорскаго Величества, съ которымъ она до сихъ поръ поддерживала короля на престолѣ, тогда какъ его довольно часто пытались свергнуть съ него. Лишь съ прискорбіемъ Ея Императорское Величество ставитъ на видъ такой исходъ, одинаково печальный какъ для нея, такъ и для короля. Но въ томъ положеніи, въ какое теперь пришли дѣла, пощада изъ деликатности была бы неумѣстна, ибо весьма легко могла бы привести къ тому самому, чего можно избѣжать, объяснившись обоюдно со всевозможною откровенностью.»

Затѣмъ вице-канцлеръ переходитъ къ ближайшему разсмотрѣнію мѣръ, которыя король долженъ бы былъ принять, для избѣжанія угрожавшаго ему несчастія. «Отъ Его Польскаго Величества зависитъ,—говоритъ онъ,—выйти изъ настоящаго положенія честнымъ и вѣрнымъ способомъ. Онъ долженъ отказаться отъ несбыточныхъ притязаній, а дабы показать, что дѣлаетъ это искренно, долженъ распустить всѣ войска, находящіяся теперь въ полѣ для противудѣйствія движенію нашихъ войскъ; или, еще лучше, приказать имъ подчиниться конфедераціи и находящимся съ нею великимъ гетманамъ, какъ естественнымъ и законнымъ ихъ начальникамъ. Если мѣра эта противна Его Польскому Величеству, то мы удовольствуемся тѣмъ, если войска эти будутъ отдѣлены и размѣщены на своихъ прежнихъ квартирахъ мирнаго времени, равно какъ и артилерія по тѣмъ крѣпостямъ, откуда была взята. Съ этимъ вмѣстѣ, какъ естественно, и наши войска прекратятъ военныя дѣйствія, и перемиріе или скорѣе всеобщее спокойствіе наступило бы само собою и утвердилось бы предпринятыми затѣмъ мирными занятіями конфедераціи. Король приглашается приступить къ ней и притомъ безъ замедленія, дабы ускорить успѣхъ ея дѣйствій, равно какъ и съѣздъ новаго сейма, для полнаго умиренія страны. Далѣе, король долженъ употребить свое вліяніе на то, чтобъ воспрепятствовать исполненію несправедливыхъ проскрипціонныхъ декретовъ послѣдняго сейма противъ конфедератовъ и ихъ приверженцевъ, потому что иначе мы примемъ скорыя и справедливыя мѣры возмездія.

«Все это,—говоритъ онъ въ заключеніе длиннаго посланія своего, — вы имѣете, именемъ императрицы, представить королю къ исполненію, если онъ хочетъ изгладить въ глазахъ императрицы и своей націи недовѣріе, которое внушили прежніе его поступки. Чтобы какъ можно легче достигнуть этого, ему необходимо удалить отъ своей особы тѣхъ, которыхъ общественное мнѣніе справедливо

обвиняетъ въ томъ, что они сплели и подожгли всѣ эти заговоры. Пока они окружаютъ короля и пользуются его довѣріемъ, всегда должно будетъ недовѣрять искренности его намѣреній. Надобно также озаботиться объ удаленіи отъ предстоящаго сейма всѣхъ поджигателей (boute-feux), равно и приверженцевъ новыхъ ученій, которыми все въ республикѣ было низпровергнуто, такъ какъ они не могутъ участвовать въ совѣщаніяхъ, главною цѣлію которыхъ будетъ все снова привесть въ прежнія формы и видъ.

«Таковы виды и намѣренія Императрицы, которыя вы имѣете сообщить Его Польскому Величеству или лично на аудіенціи, или чрезъ посредство вице-канцлера Хрептовича. Присовокупите къ сему, что это есть послѣднее выраженіе воли Ея Императорскаго Величества, на которомъ Она настаиваетъ и неизмѣнно будетъ настаивать. Между тѣмъ генералы имѣютъ приказаніе не вступать ни въ какіе переговоры и продолжать военныя дѣйствія до тѣхъ поръ, пока Его Польское Величество не приметъ окончательнаго рѣшенія».

Суровы и язвительны были эти требованія, необыкновенно жестокъ былъ языкъ, которымъ они были выражены,—но что оставалось дѣлать королю?—На оборонительныя силы государства нельзя было полагаться: одна армія съ 25,000 чел. уменьшилась до 15,000 и отъ границъ Молдавіи оттѣснена до Пулавы на Вислѣ; другая, едва считавшая 14,000 чел., изъ отдаленнѣйшихъ мѣстъ Литвы—за Бугъ, почти до Варшавы. 23 іюня (4 іюля) послѣдовалъ призывъ всеобщаго ополченія, но почти никто не явился: (12) Русскіе же, напротивъ, силой въ 90,000 чел., съ двухъ сторонъ неудержимо шли къ Варшавѣ, отъ которой уже находились въ нѣсколькихъ миляхъ, одна армія у Люблина, другая у Венгрова. Варшаву должно было очистить, но куда бѣжать? Бо̀льшая половина страны была во власти тарговицскихъ конфедератовъ; Великой Польшѣ угрожало вторженіе Пруссаковъ; изъ Малой Польши оставались свободными только воеводства сандомірское и краковское, гдѣ ничего не было приготовлено къ войнѣ, слѣдовательно и тутъ побѣдоносная русская армія не замедлила бы пріобрѣсть перевѣсъ. И такъ сопротивленіе открытою силою было невозможно; что же дѣлать? Оставался-ли другой исходъ, кромѣ покорности побѣдителю?

---

(12) «Да,—говорили сторонники партіи,—это случилось только потому, что возваніе послѣдовало слишкомъ поздно и нечистосердечно со стороны короля» (Коллонтай II, 130). Но какимъ образомъ народъ могъ изъ универсала, составленнаго въ обыкновенной формѣ, уразумѣть мысль короля? Истинною причиною было то, что никто, и по справедливости, не расчитывалъ ни на малѣйшій успѣхъ.

Оставалась еще, конечно, борьба до крайности, до ножа—но у кого была на то охота? гдѣ было здѣсь глубокое одушевленіе одною великою идеей, которой добровольно приносятъ себя въ жертву?—Даже небольшое число тѣхъ, которые доселѣ стояли въ передовыхъ рядахъ, не имѣло охоты къ тому, а скорѣе они же первые помышляли, какъ бы уйти: дорожные экипажи ихъ были уже уложены.

У польскихъ приверженцевъ партій на языкѣ всегда двѣ, далеко расходящіяся цифры, одна—очень небольшая, чтобъ доказать свою необычайную храбрость, когда дѣло дошло до открытой борьбы, другая—весьма большая, когда дѣло въ томъ, чтобъ оправдать свои безумныя идеи или показать, какія громадныя дѣла они свершили бы, еслибъ имъ не помѣшала измѣна. Такого рода люди, конечно, много кричали о многочисленныхъ войскахъ, которыми они еще располагали, объ огромныхъ сокровищахъ, которыми обладали, объ ополченіяхъ, которыя стоило только созвать, о богатѣйшихъ средствахъ къ оборонѣ и сопротивленію, которыя единственно измѣна короля задержала и сдѣлала недѣйствительными ([13]). Но кому извѣстенъ языкъ партій, знаетъ, какъ ему цѣнить подобныя рѣчи; кому не безъизвѣстны тогдашнія обстоятельства Польши, слишкомъ хорошо сознаётъ, что дальнѣйшее сопротивленіе стоило бы странѣ еще бо̀льшихъ жертвъ, но не измѣнило бы окончательнаго результата и, вмѣсто поправленія дѣла, скорѣе испортило бы его.

То, что̀ прежде и болѣе всего держало тогда Польшу въ безсиліи, истинный ракъ, точившій ея жизнь и высасывавшій всю ея силу и крѣпость, былъ раздоръ въ странѣ. Съ одной стороны тарговицкіе конфедераты или поборники старины и ихъ приверженцы, съ другой поборники конституціи 3-го мая, а съ этимъ—расколъ мнѣній и въ городахъ, и въ странѣ; приверженцы Русскихъ и приверженцы Пруссаковъ, но эти теперь повержены въ прахъ; раздоръ

---

(13) Какъ образчикъ нелѣпостей самаго плохаго вкуса, которыя были распускаемы, вотъ что̀ говоритъ одинъ (Заіончекъ стр. 61): «Маршалъ Малаховскій предложилъ королю 100,000 червонцевъ, т.е. 2 милліона польскихъ злотыхъ, изъ собственнаго кармана».—Это что-то похоже на романъ, гдѣ герои расточаютъ вокругъ себя милліоны; но еслибъ и дѣйствительно онъ имѣлъ ихъ у себя въ карманѣ, на долго-ли стали бы 100,000 червонцевъ?—Другіе (Потоцкій) говорили: «Для спасенія ихъ случилось бы еще, можетъ быть, какое нибудь неожиданное событіе», подобно тому какъ въ послѣдствіи Лелевель, когда Русскіе уже штурмовали Варшаву, «выжидалъ еще свѣтлой идеи, которая могла бы внезапно озарить и спасти ихъ». Когда люди выжидаютъ свѣтлыхъ идей и неожиданныхъ событій, тогда-то именно они и не являются.

въ высшемъ дворянствѣ, раздоръ въ низшемъ, часть котораго была исключена изъ сеймовъ; раздоръ между низшимъ дворянствомъ и городами. Первое, завидуя незначительнымъ правамъ, дарованнымъ послѣднимъ, провозглашали: «Чья кровь проливается теперь? ваша или наша?» Угнетенные горожане отвѣчали: «и мы готовы на всякія жертвы; пусть только Русскіе придутъ въ Варшаву, и мы угостимъ ихъ сицилійскими вечернями» (14). Они сдержали слово—два года спустя всѣ увидѣли эти сицилійскія вечерни или скорѣе «варшавскую пасху»; только, увы! торжественный звонъ колоколовъ возвѣщалъ имъ, не новое воскресеніе, какъ они полагали, но—похороны, потому что шесть мѣсяцевъ позже они умерли.

Когда король получилъ 10 (21) іюля вышеприведенные, поразительные отвѣты изъ Петербурга, то, послѣ двухдневнаго предварительнаго совѣщанія съ своими ближайшими довѣренными лицами, 23-го числа созвалъ совѣтъ своихъ министровъ и къ этому еще примаса, обоихъ сеймовыхъ маршаловъ и нѣкоторыхъ изъ прежнихъ верковныхъ сановниковъ. Онъ открылъ собраніе представленіемъ полученныхъ бумагъ, указалъ на тѣснѣйшій союзъ трехъ державъ, обѣщавшій мало хорошаго, и на совершенный недостатокъ средствъ къ дальнѣйшему продолженію борьбы, и затѣмъ спросилъ мнѣнія собранія и слѣдуетъ-ли, какъ требуетъ петербургскій дворъ, приступить къ тарговицской конфедераціи?—Примасъ первый совѣтовалъ: «для спасенія отечества пожертвовать новою конституціей и какъ можно скорѣе приступить къ конфедераціи». Тоже мнѣніе подали великій маршалъ коронный Мнишекъ, вице-канцлеръ литовскій Хрептовичь и, къ удивленію всѣхъ, вице-канцлеръ коронный Колонтай, который началъ развѣвать плащъ свой по новому направленію вѣтра съ востока и совѣтовалъ тотчасъ же приступить, для избѣжанія кровопролитія (15). Великій канцлеръ коронный Малаховскій говорилъ въ сильныхъ выраженіяхъ въ пользу присоединенія; точно также и литовскіе: великій подскарбій Тышкевичь и подскарбій надворный Дзеконскій. Это составляло уже семь голосовъ, къ которымъ непостоянный Сапѣга присоединилъ осьмой, объявивъ, что

---

(14) Булгаковъ отъ 27 іюня (8 іюля).

(15) Онъ умышленно умалчиваетъ объ этомъ въ своемъ сочиненіи и старается отдѣлаться нѣсколькими общими фразами (II, 135); поэтому-то позднѣйшіе переписчики его, вопреки всякой истины, причислили его къ тѣмъ, которые подали противное мнѣніе, хотя уже Комаржевскій (стр. 244) свидѣтельствовалъ противное. Донесеніе посланника прямо называетъ его въ числѣ подавшихъ голоса въ пользу присоединенія.

«готовъ послѣдовать мнѣнію короля». И такъ восемь голосовъ были въ пользу присоединенія. Противъ него, какъ естественно, первый подалъ голосъ Игнатій Потоцкій, поддержанный сеймовымъ маршаломъ Малаховскимъ, надворнымъ маршаломъ литовскимъ Солтаномъ и надворнымъ подскарбіемъ короннымъ Островскимъ. Они допускали возможность тѣснѣйшаго союза трехъ державъ, но полагали, что польская храбрость и какое-нибудь непредвидѣнное событіе можетъ разторгнуть этотъ союзъ или уничтожить его послѣдствія. Они отрицали, вопреки очевидности, невозможность продолжать борьбу, указывали на мужество арміи и ревность соединенной съ королемъ націи. Это значило толочь воду, ибо ни мужество арміи (которой никто не оспоривалъ, а только ея силу), ни ревность націи (весьма незначительная внѣ Варшавы), не помѣшали Русскимъ проникнуть въ самую средину страны. Но это говорили больше для людей, внѣшнихъ, тщеславныхъ и несвѣдущихъ, гоняясь за aura popularis.—Но что же дѣлать?—«Пусть король, возражали они, отправится въ Куровъ, станетъ въ главѣ арміи и отважится еще на одно сраженіе».—А если оно будетъ проиграно? ибо съ 15,000 противъ 50,000 пораженіе слишкомъ вѣроятно, что тогда?—«Ну, тогда пусть онъ отступитъ чрезъ сандомірское воеводство въ краковское и ведетъ въ этой гористой странѣ малую войну.»—Но, возразилъ король, превосходство русскихъ силъ скоро и тутъ возьметъ верхъ, кромѣ того въ Сандомірѣ и Краковѣ недостатокъ въ продовольствіи и нѣтъ магазиновъ; чѣмъ же продовольствоваться арміи?—въ казнѣ нѣтъ денегъ, чѣмъ платить ей?—«Сколько въ казнѣ денегъ?» — спросилъ сеймовый маршалъ Малаховскій.—«300,000 (польскихъ) злотыхъ (50,000 талеровъ)», отвѣчалъ казначей.—Если присоединить къ нимъ, продолжалъ король, и всѣ суммы, назначенныя для другихъ цѣлей, все же этого недостанетъ, чтобъ содержать армію и четыре недѣли.—«Такъ если король не въ состояніи будетъ держаться въ краковскомъ воеводствѣ, то пусть отправится въ Галицію.»—Въ Галицію, съ удивленіемъ спросилъ король, а что мнѣ тамъ дѣлать? Я не имѣю, какъ Іоаннъ-Казиміръ, матерью австрійскую принцессу, поэтому въ Галиціи найду не помощь и поддержку, но скорѣе бѣдствіе, униженіе, а можетъ быть и плѣнъ.—Еще одно слово, прибавилъ король, обдумайте, къ чему приведетъ насъ дальнѣйшее промедленіе; когда русскій посланникъ вручилъ мнѣ эти бумаги, онъ сухо сказалъ: «до сихъ поръ одна Россія удерживала Пруссаковъ отъ вступленія въ Великую Польшу; при дальнѣйшемъ сопротивленіи, ихъ не будутъ болѣе удерживать, а разъ вступивъ въ страну, они не уйдутъ изъ нея съ

пустыми руками» ([16]). Не смотря на эти неопровержимые доводы и сомнѣнія, названные четыре вождя партіи, заботясь болѣе о своей популярности, упорно оставались при своемъ мнѣніи. Островскій воскликнулъ: «Пусть король присоединяется, я — нѣтъ!» — Солтанъ полагалъ: «Часто въ самомъ безнадежномъ положеніи является еще наконецъ помощь, а потому не слѣдуетъ отчаяваться, но вспомнимъ борьбу Нидерландовъ противъ Филиппа II». — Игнатій Потоцкій сказалъ холодно: «онъ хочетъ выждать;» — Малаховскій: «Ужъ если хотятъ переговариваться, то по крайней мѣрѣ прямо съ петербургскимъ дворомъ, а не съ измѣнниками». — Такъ какъ никто изъ нихъ не могъ предложить основательнаго способа къ исходу, то король, вмѣстѣ съ большинствомъ осьми голосовъ противъ этихъ четырехъ, и рѣшился уступить необходимости. 13 (24 іюля) ([17]) онъ подписалъ свое присоединеніе слѣдующими словами: «Я соглашаюсь на подписаніе акта тарговицской конфедераціи и присоединяюсь къ ней со всею арміею, въ надеждѣ, что предложенныя императрицею россійскою мѣры возвратятъ счастіе моему отечеству». — Этимъ онъ подписалъ и отреченіе свое отъ партіи, до сихъ поръ господствовавшей надъ нимъ. Послѣдняя увидѣла теперь увѣнчанною свою коварную козни, которою, въ минуту возникавшей грозы, передала королю неограниченную власть (весьма ограниченную однако ея вліяніемъ на него); всѣ неудачи она приписала ему, забывъ, что сама побуждала его ко всѣмъ тѣмъ мѣрамъ, которыя теперь вели къ погибели. Дабы самимъ не быть обвиненными, вожди и приверженцы ея стали ревностнѣйшими обвинителями и, выставляя дѣйствіе вмѣсто причины, выдали вынужденное присоединеніе короля къ конфедераціи за причину неудачи національнаго дѣла. Политику ихъ въ этомъ случаѣ, какъ и послѣ, раскрылъ самъ Коллонтай въ одномъ мѣстѣ своего пресловутаго сочиненія: тамъ сказано: ([18]) *Сначала отражаешь отъ себя клевету и борешься съ нею; наконецъ вѣчное повтореніе оной оглушаетъ и обольщаетъ; ибо кто могъ бы признать возможнымъ, чтобъ безъ всякой причины безпрестанно клеветали*». — Напрасно король издалъ манифестъ къ націи, въ которомъ, въ трогательныхъ выраженіяхъ, изображалъ: «Было сдѣлано все возможное, но какъ

---

(16) См. Opinion sur le roi de Pologne.

(17) А не 12 (23), какъ показываетъ бо́льшая часть польскихъ писателей и ихъ переписчиковъ. Булгаковъ именно показываетъ 13 (24) число.

(18) См. о происхожденіи и упадкѣ и проч., II, 245.

въ казнѣ нѣтъ денегъ, заемъ не состоялся, сосѣднія державы расположены къ Россіи, ощущается недостатокъ въ рекрутахъ, лошадяхъ, оружіи, коммиссаріатскихъ вещахъ и особенно въ средствахъ продовольствованія, то онъ спрашиваетъ: въ правѣ-ли упрекать его въ такомъ поступкѣ, на который онъ былъ вынужденъ,—и въ заключеніи выражалъ надежду, что хотя бы и невозможно было сохранить всѣ узаконенія сейма, но можно было бы спасти, покрайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ нихъ и положить конецъ кровопролитію и междоусобному раздору». Напротивъ вожди партіи и ихъ приверженцы всюду распространяли и изустно, и въ плакатахъ (отдѣльныхъ листкахъ), а потомъ и въ сочиненіяхъ, послужившихъ источниками для исторіи, что «королю даны были въ руки всѣ средства для обороны государства, армія, казна, ополченіе, даже вся нація, еслибъ онъ явился въ лагерь; но онъ, изъ страха царицы и ухватившись за свой колеблющійся престолъ, парализировалъ всякую силу дѣятельности, сдѣлалъ недѣйствительными всѣ средства и наконецъ предалъ Поляковъ».—Эти внушенія, обвиненія, поджигательства произвели преднамѣренное дѣйствіе, какъ въ Польшѣ, такъ и за границей, а какъ буря событій увлекала за собой все, не оставляя времени для опроверженія, то эти раскрашенные разсказы партіи были приняты за чистую истину, распространялись все болѣе и болѣе въ историческихъ сочиненіяхъ и, при возбужденномъ тогда состояніи народовъ, часто также употреблялись во зло для поджигательства противъ государей.

Лишь только въ Варшавѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что король приступилъ къ конфедераціи, какъ собрался клубъ друзей конституціи; сотни людей стеклись туда, произнесены были возмутительныя рѣчи и вскорѣ слышенъ былъ только общій, съ скрежетомъ зубовъ произносимый крикъ: «клятвопреступный король! измѣнникъ король!»—Съ шумомъ и крикомъ двинулась оттуда толпа, спугнула мирно гулявшихъ въ саксонскомъ саду, прошлась по улицамъ города и выбила стекла въ домѣ ненавистнаго канцлера Малаховскаго, громко угрожая королю смертію, а его министрамъ висѣлицей. Случайно наткнулась она на Сапѣгу, подняла его на руки и понесла съ тріумфомъ, затѣмъ пошла къ дому маршала Малаховскаго, который готовился къ отъѣзду. Его не застали, однако отыскали въ другомъ домѣ, прокричали ему *niech żyie!* (да здравствуетъ!) и распростились съ нимъ. Потомъ съ тою же цѣлію отправились къ Игнатію Потоцкому, который однако также удалился.—Вдоволь нашумѣвъ, накричавшись и нагрозившись, толпа постепенно разо-

шлась (19).—То было послѣднее лихорадочное трепетаніе умирающаго больнаго. Дѣло, которое партія защищала цѣлые три года, было потеряно, и всѣ вожди ея, страшась реакціи угнетенныхъ дотолѣ, готовились бѣжать за границу. Они на время сошли со сцены, чтобъ уступить мѣсто другимъ, но не надолго: скоро мы увидимъ ихъ опять за работой, чтобъ окончательно похоронить свою страну.

Бо̀льшая часть изъ нихъ избрала дружественно расположенную къ нимъ Саксонію, Лейпцигъ, Дрезденъ, гдѣ искала временнаго пристанища, пока дѣло противниковъ ихъ или рушится само собой, или будетъ разрушено ими; ибо всѣ были убѣждены, что оно продолжится недолго.—Туда бѣжалъ честный,но недальновидный и руководимый другими *Малаховскій*, даровитые братья *Игнатій и Станиславъ Потоцкіе*, которые искренно желали блага своему отечеству, хотя иногда ошибались въ средствахъ; туда же *Піатоли*, совѣтникъ и другъ ихъ и короля, который его, украшеннаго честною бѣдностью, передъ тѣмъ долженъ былъ, еще снабдить средствами къ побѣгу (20); тудаже и многіе другіе, искренніе приверженцы послѣдней конституціи, съ убитою душой, съ злобой и мщеніемъ въ сердцѣ противъ короля и тарговицкихъ конфедератовъ. Наконецъ, туда же, послѣ долгаго колебанія, отправился и *Коллонтай*.

Въ Дрезденъ и другія мѣста удалились также и начальники войскъ: рыцарскій *Іосифъ Понятовскій*, волнуемый противуположными чувствами: любовію и уваженіемъ къ дядѣ своему, королю, которому былъ обязанъ всѣмъ, скорбью и негодованіемъ за слишкомъ поспѣшное, по его мнѣнію, отреченіе короля отъ предпринятаго дѣла (21);—Баярдъ арміи, *Косцюшко*, котораго дѣтская, чистая душа и геройская храбрость, соединенныя съ умомъ, снискали ему всеобщую любовь и довѣріе націи;—пылкій, страстный *Заіончекъ*, склонный къ самымъ крайнимъ мѣрамъ; *Михаилъ и Іосифъ Вѣльгорскіе* (братъ ихъ *Георгій* былъ противъ нихъ въ числѣ конфедератовъ), которымъ мало улыбалось военное счастіе; бывшій великій гетманъ литовскій *Михаилъ Забѣлло*, болѣе искусный поборникъ партіи, нежели воинъ; наконецъ тонкій, статный и ловкій начальникъ конницы, *Станиславъ Мокрановскій*, достойный питомецъ уважаемаго дяди (22), воспитанный въ парижской военной школѣ и съ природ-

(19) Депеша Булгакова отъ 14 (25) іюля.

(20) См. выше стр. 244, выноску 21.

(21) См. письма его къ королю въ Raczyński: Obraz Polski etc. XVI.

(22) Генерала, часто упоминаемаго во время барской конфедераціи и до нея, и котораго нѣкогда идеализировалъ Рюльеръ.

нымъ мужествомъ соединявшій и познанія. Храбрые воины, они удалились, какъ честные люди, чтобъ не служить тѣмъ, противъ которыхъ сражались.

Но изъ этихъ эмигрантовъ не всѣ дѣйствовали чистосердечно и изъ внутренняго убѣжденія; для многихъ это было дѣломъ моды, какъ прежде у французскихъ эмигрантовъ, или стыда оставаться въ отечествѣ; у другихъ хитрый расчетъ, чтобы, при предвидимой близкой перемѣнѣ, воротиться съ популярностью, которая должна была проложить имъ дорогу къ высшимъ почестямъ и мѣстамъ.

Къ этимъ послѣднимъ принадлежалъ *Коллонтай*. Мы видѣли какъ онъ, въ общихъ фразахъ, подалъ голосъ въ пользу присоединенія. Ему ближе всего къ сердцу лежало его канцлерство и виды на епископство; поэтому онъ, на другой день послѣ совѣщанія, тайно пришелъ къ королю и со слезами умолялъ не отнимать у него печати. Король, при неизвѣстности о собственной своей участи, ничего не могъ обѣщать ему, кромѣ своего ходатайства. Такъ какъ приверженцы партіи настаивали на его отъѣздѣ, то онъ и былъ принужденъ рѣшиться на это и наконецъ исполнилъ, сказавъ: «Вамъ, господа, хорошо говорить; гдѣ бы вы ни были, вы ни въ чемъ не будете имѣть недостатка; я же бѣдняга, едва добившись мѣстечка, которымъ питаюсь, долженъ уже пожертвовать всею своею будущностью. Не лучше-ли было бы мнѣ остаться и примкнуть къ тарговицкимъ конфедератамъ, тогда я могъ бы отражать всѣ удары, направленные противъ васъ?» ([23])—Для бо̀льшей безопасности и дабы не разладить ни съ какою партіей, онъ уѣхалъ, но сперва только въ краковское воеводство, оставивъ актъ своего присоединенія къ конфедераціи въ двухъ экземплярахъ, одинъ у канцлера Хрептовича, другой у довѣреннаго лица, дабы, смотря по обстоятельствамъ, сдѣлать изъ него употребленіе. Еще до того имъ сдѣланы были косвенныя попытки къ сближенію у русскаго посланника ([24]); но этотъ презиралъ его. «Коллонтай, доносилъ онъ своему двору, ([25]) отправился въ Краковъ и ищетъ примкнуть къ нашей партіи. Его можетъ купить всякій. Отъ герцогини курляндской онъ взялъ 2,000 червонцевъ и чрезъ него она выиграла свою тяжбу»; а восемь дней спустя, 21 іюля (1 авг.): «Коллонтай, хотя и уѣхалъ изъ Варшавы, но оставилъ актъ своего присоединенія

(23) См. Kollątai w revolucyi Kościuszkowej, стр. 10.
(24) Тамъ же стр. 9.
(25) Отъ 14 (25) іюля.

къ тарговицской конфедераціи и извѣстилъ меня о томъ письменно. Конфедерація вѣроятно не захочетъ принять его услугъ; впрочемъ и то хорошо, по крайней мѣрѣ онъ воздержится между тѣмъ отъ интригъ». Пока онъ находился въ этой неизвѣстности, онъ точно воздержался отъ нихъ; но лишь только конфедераты назначили ему преемника, какъ въ немъ пробудились вся его злоба, весь бурный потокъ его ярыхъ страстей, и плодомъ ихъ было сочиненіе его: *о началѣ и паденіи польской конфедераціи 3-го мая.*

Честнѣе поступили другіе. Они искренно желали блага своей странѣ, а не себѣ только; въ этомъ смыслѣ Малаховскій даже принесъ большія жертвы. Онъ съ искреннимъ убѣжденіемъ, а Сапѣга по недовѣрію къ новому порядку вещей и по свойственному ему непостоянству, распространили передъ своимъ отъѣздомъ манифесты, въ которыхъ протестовали противъ тарговицской конфедераціи, хотя Сапѣга еще въ совѣтѣ министровъ обѣщалъ королю во всемъ послѣдовать за нимъ.

Болѣе всѣхъ, можетъ быть, убитъ былъ духомъ *Игнатій Потоцкій*, который видѣлъ, что всѣ прекрасныя мечты его для блага его отечества привели къ противному, не безъ собственной его вины. Онъ до конца хранилъ надежду, постоянно настаивалъ на отъѣздѣ короля въ армію и, когда его увѣщанія остались тщетными, въ заключеніе, въ полномъ пылу духа партіи, еще совѣтовалъ королю: «лучше отказаться отъ престола и покинуть Польшу, нежели присоединиться къ противной партіи». Но какъ король не хотѣлъ оторваться отъ своихъ старыхъ привычекъ, то разстался съ нимъ сильно озлобленный. Онъ былъ самый значущій изъ всѣхъ приверженцевъ партіи. «Игнатій Потоцкій, писалъ посланникъ, одинъ изъ всѣхъ ихъ имѣетъ дарованія, но мало государственной мудрости. Три главные недостатка его суть чрезмѣрныя: самонадѣянность, самолюбіе и увѣренность. Самолюбіемъ его искусно воспользовался Луккесини: льстя ему и безпрестанно повторяя, что онъ великій человѣкъ, единственный великій человѣкъ въ Польшѣ, дѣлалъ изъ него, что хотѣлъ».

И другія лица, сильно запутанныя въ послѣднихъ событіяхъ, удалились въ это время отсюда, дабы начать ту же или еще бо́льшую дѣятельность въ другихъ мѣстахъ: таковыми были три иностранные посланника: *Луккесини*, *Декоршъ* (Descorches) и *Энгестрёмъ* (Engeström). Энгестрёмъ, шведскій повѣренный въ дѣлахъ, усердно раздувалъ пламя во время продолжительнаго сейма и поддерживалъ враждебную Россіи партію; Декоршъ, бывшій маркизъ де-Сентъ-

Круа (de S-te Croix), но теперь ревностный якобинецъ, старался пріобрѣсть приверженцевъ французскимъ идеямъ между воспріимчивыми Поляками и способствовалъ также учрежденію у нихъ клубовъ, въ подражаніе французскимъ. Еще 17 (28) февраля Булгаковъ писалъ: «Здѣсь усердно стараются распространить французскія идеи. Въ городѣ учреждены клубы даже для слугъ, гдѣ имъ читаютъ и поясняютъ все, что̀ теперь происходитъ во Франціи, въ особенности о правахъ людей и о свободѣ крестьянъ. Главными подстрекателями къ этому суть французскій посланникъ Декоршъ и извѣстный Массей, принадлежащій также къ самому тѣсному кружку̀ короля и каммердинеръ котораго главнымъ ораторомъ въ этихъ собраніяхъ». По воспослѣдованіи переворота, Декоршъ получилъ приглашеніе удалиться изъ Польши, которую и покинулъ въ сентябрѣ, дабы продолжать свои интриги противъ Россіи, усиленныя жаждою мщенія, въ другомъ, болѣе удобномъ мѣстѣ — Константинополѣ. Наконецъ Луккесини былъ недоволенъ и за себя, и за своихъ друзей, что король такъ скоро приступилъ къ конфедераціи. Онъ надѣялся на сопротивленіе и усиленіе смутъ, а съ тѣмъ и на предлогъ ввести прусскія войска въ Польшу. Теперь онъ отправился къ своему королю, чтобъ оказать свои дарованія къ интригамъ на болѣе обширномъ поприщѣ; на мѣсто его воротился опять Бухгольцъ.

Но всего достойнѣе сожалѣнія во всѣхъ этихъ событіяхъ было положеніе короля. Онъ искренно желалъ блага своей странѣ, большею частію имѣлъ правильный взглядъ на предметы; но только слабость его характера и зависимость положенія всюду ставили ему преграды. На него теперь взваливали, и притомъ съ горечью, всю вину, заслуженную и незаслуженную. Онъ сидѣлъ теперь, какъ говорится, между двухъ стульевъ, подъ давленіемъ двухъ яростно ненавидѣвшихъ одна другую партій и служилъ имъ обѣимъ мишенью для ихъ острѣйшихъ стрѣлъ. Онъ не зналъ уже что̀ и говорить, и дѣлать, и, отъ одновременнаго напора на него столькихъ страданій, впалъ въ совершенное почти отчаяніе. Трогательны нѣкоторыя его выраженія, сдѣлавшіяся извѣстными. Сестрѣ своей, Madame de Cracovie, освѣдомлявшейся объ его здоровьѣ, онъ отвѣчалъ: «оно не можетъ быть хорошо, потому что въ настоящихъ обстоятельствахъ мнѣ остается только стыдъ, позоръ и отчаяніе (la honte, l'opprobre et le désespoir)». На него находили минуты совершенной безсознательности, заставлявшія опасаться за его разсудокъ. «Прискорбное оцѣпенѣніе (stupeur), писалъ Булгаковъ, вотъ состояніе его души». Онъ видѣлъ себя теперь покинутымъ, поносимымъ, униженнымъ всѣми, безъ всякой

опоры, потому что императрица покинула его, какъ прежде и онъ ее. Ненавидимый націей, мало уважаемый Россіей, презираемый тарговицскими конфедератами, угрожаемый чернью, одинокій и печальный сидѣлъ онъ въ своемъ замкѣ и едва смѣлъ выходить. Послѣдній изъ послѣднихъ считалъ себя теперь въ правѣ дать почувствовать ему, какъ въ извѣстной баснѣ, свои ослиныя копыта.

И такъ тарговицкіе конфедераты одержали полное торжество, конечно не сами собою, но только какъ орудіе Россіи. Теперь они играли двойную роль: съ одной стороны покорные, смиренные, пресмыкавшіеся и усердно кадившіе ѳиміамомъ, съ другой являлись суровыми, крутыми, мстительными и высокомѣрными. Одна господствующая партія смѣнила другую (ибо, хотя молодые патріоты имѣли на своей сторонѣ числительный перевѣсъ, почти всю молодежь и потому всю будущность, но все же они были не иное что, какъ партія, между тѣмъ какъ противники ихъ господствовали надъ значительнѣйшею, хотя и наименѣе образованною частію націи). — И, какъ обыкновенно бываетъ при господствѣ партій, она стремилась не столько къ общему благу, сколько къ своему собственному: только ея собственный взглядъ на предметы, а не взглядъ другихъ, долженъ былъ имѣть вѣсъ, хотя бы то были и предразсудки; все, что совершили другіе, хотя бы то было и полезное, имѣло быть низпровергнуто. Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ высшія должности, почести, староства и доходныя мѣста имѣли быть отняты у ихъ противниковъ и розданы имъ самимъ или ихъ приверженцамъ. Таковы были, въ краткихъ словахъ, вся политика и все управленіе этой партіи; ибо управляла теперь она – разумѣется, на сколько это допускалъ русскій посланникъ. Онъ стоялъ выше ея, одинъ знакъ съ его стороны опредѣлялъ ея рѣшенія, и если она уже слишкомъ круто дѣйствовала, то въ карательныхъ выговорахъ изъ Петербурга недостатка не было. Такъ напр. уже 3 (14) августа этого года, въ депешѣ вице-канцлера къ барону Бюлеру, акредитованному при конфедераціи, воспослѣдовало строгое предостереженіе. «Императрица, сказано было въ ней, желаетъ блага націи, а не отдѣльныхъ личностей. Она лучше знаетъ истинную пользу Польши и сдѣлаетъ согласныя съ нею распоряженія, которыя могли бы служить руководствомъ для конфедератовъ. Опытъ показалъ, какъ сильно эти господа подвержены заблужденію, когда слѣдуютъ собственнымъ своимъ мнѣніямъ. Ея Величество, напротивъ, желаетъ спокойствія Польши на твердыхъ основаніяхъ, а для этого необходимо, чтобы частные интересы и личности замолкли».

Обѣ генеральныя конфедераціи, польская и литовская, собрались 11 сентября въ Брестѣ-литовскомъ, откуда, тотчасъ по открытіи засѣданій, отправили торжественную депутацію въ Петербургъ, благодарить императрицу за возстановленіе стариннаго блеска республики; и королю также было положено выразить благодарность за то, что онъ приступилъ къ конфедераціи. Затѣмъ рѣшено созвать въ будущемъ году сеймъ, для исполненія дальнѣйшихъ распоряженій. — Такъ какъ въ незначительномъ Брестѣ не было достаточнаго помѣщенія и положеніе города между болотами было нездорово, то 14 (25) октября конфедераціи перенесли свое засѣданіе въ Гродно, гдѣ съ этихъ поръ и было средоточіе правленія.

Тарговицкіе конфедераты, подобно предшественникамъ своимъ, поставили себѣ цѣлію низпровергнуть то, что установили послѣдніе, дабы, въ замѣнъ этого, частію возстановить старое, частію учредить новое, сообразное съ обстоятельствами. Въ низпроверженіи они имѣли успѣхъ, но не въ созиданіи новаго, потому что событія, шедшія скорѣе, нежели они, опередили ихъ, увлекли за собой и схоронили и ихъ, и страну ихъ подъ развалинами.

Прежде всего они начали съ уничиженія отступившагося отъ нихъ короля и, хотя онъ уже подписалъ свое присоединеніе, поднесли ему къ подписанію новый актъ; въ которомъ было сказано: «Безсмысленные нововводители, зараженные правилами, подкапывающими безопасность государствъ, дерзнули низпровергнуть основные законы республики, освященные столькими годами, дабы дать ей *монархически-демократическую конституцію*». Они мѣтили здѣсь, частію на увеличенныя права монарха, частію на права, дарованныя городамъ и ихъ гражданамъ.—Король благопріятствовалъ этимъ нововводителямъ, самъ всею душею принадлежалъ къ нимъ и долженъ былъ теперь предать проклятію и ихъ, и себя.—Затѣмъ у него отняли верховное начальствованіе арміей, право располагать казной и всѣ присвоенныя ему послѣднею конституціей права, до дальнѣйшаго рѣшенія чиновъ, имѣвшихъ собраться на сеймѣ; и они также, какъ и противная партія, не довѣряли ему, однако съ бо́льшимъ правомъ, нежели послѣдняя, ибо король былъ дѣйствительно всею душою преданъ низпровергнутой конституціи и только вынужденно приступилъ къ тарговицскимъ конфедератамъ. — Маршалъ конфедераціи, Феликсъ Потоцкій, чтобы еще болѣе унизить его, написалъ ему рѣзкое, высокомѣрное письмо, въ которомъ, въ горькихъ выраженіяхъ, напоминалъ поступки его за послѣднее время.—Несчастный, всѣми покинутый и оскорбляемый, обратился къ

императрицѣ съ умоляющею просьбой не дозволять конфедератамъ такъ худо поступать съ нимъ.

Дальнѣйшія и наиболѣе чувствительныя мѣры поразили армію. Полагали, что если ее оставить въ соединеніи, то она, хотя и лишенная своихъ предводителей, могла въ минуту внезапнаго негодованія, не удерживаемая уже болѣе королемъ, безъ дальнихъ разсужденій снова поднять оружіе. Для отвращенія этого, войска снова подчинили ихъ прежнимъ великимъ гетманамъ, коронныя—Браницкому и Ржевускому, а литовскія—назначенному между тѣмъ регименталіемъ Симону Коссаковскому, и размѣщены порознь по всей странѣ, съ расположенными между ними русскими полками, которые должны были наблюдать за ними и сторожить ихъ. У нихъ отобрали артиллерію и свезли ее въ варшавскій цейхгаузъ, гдѣ вступившія русскія войска взяли ее подъ свой надзоръ.

Но главная дѣятельность конфедератовъ была устремлена на уничтоженіе всѣхъ законовъ, изданныхъ продолжительнымъ сеймомъ, какъ мѣръ деспотическихъ; такимъ образомъ былъ отмѣненъ законъ о гражданахъ или городахъ, а дворянамъ, записавшимся въ число гражданъ, пригрозили лишеніемъ дворянскихъ правъ ихъ. Виновники послѣдней конституціи, Станиславъ Малаховскій, Игнатій Потоцкій и Гуго Коллонтай были потребованы къ отвѣту, какъ поспѣшники деспотизма, однако, во вниманіи къ общественному мнѣнію, не преслѣдованы далѣе. Литва по управленію снова была отдѣлена отъ Польши и получила свои особенныя должности и званія. У военной коммиссіи отняли власть и передали ее опять великимъ гетманамъ. Король учредилъ въ 1791 году военный орденъ (virtuti militari) въ награду за храбрость, и въ послѣднемъ походѣ многіе офицеры и генералы были украшены имъ; теперь запретили носить этотъ орденъ. Многія отмѣненныя злоупотребленія были возстановлены.

Такъ какъ ни король, ни сеймъ не правили болѣе, то вся власть досталась въ руки конфедератовъ, и они щедро пользовались ею для своихъ выгодъ. Потоцкіе, Браницкій, Ржевускій господствовали въ королевствѣ, оба Коссаковскіе, епископъ и вновь назначенный регименталій—въ Литвѣ. Епископъ Коссаковскій былъ въ этой парти тѣмъ же, чѣмъ Коллонтай въ противной, самый хитрый, наиболѣе свѣдущій въ законахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и въ средствахъ извращать ихъ, самый ловкій и увертливый, но и самый властолюбивый и корыстный. Предшествовавшій сеймъ, по смерти стараго Каэтана Солтыка, обратилъ въ государственную казну богатые доходы

епископства краковскаго, составлявшіе свыше 700,000 злотыхъ, за исключеніемъ изъ нихъ 100,000 злотыхъ для новаго епископа, Турскаго. Іосифъ Коссаковскій, вліяніемъ своимъ здѣсь и въ Петербургѣ, съумѣлъ добиться, что эти отобранные въ казну доходы были отданы ему, такъ какъ его епископство (in partibus) лифляндское не приносило ему ничего. Онъ и братъ его, подъ могущественнымъ покровительствомъ Платона Зубова, благосклонность котораго успѣли пріобрѣсть, правили въ Литвѣ почти неограниченно, а какъ правятъ польскіе магнаты, когда имѣютъ неограниченную власть, доказываетъ исторія.

Перемѣнили властителей, но положеніе нисколько не сдѣлалось лучше, а напротивъ хуже. Какой нибудь польскій Суворовъ съ большею справедливостію могъ бы сказать здѣсь: «я за кулисами прислушиваюсь къ торжеству Терситовъ». (*) Къ чему должно было это повести? Или къ поставленію преграды съ единственной стороны, откуда можно было ее поставить, или, при столь легко склонномъ къ возбужденію народѣ, къ насильственнымъ возстаніямъ.

Въ Петербургѣ Платонъ Зубовъ, поощряемый и поддерживаемый Марковымъ, овладѣлъ, подъ верховнымъ надзоромъ императрицы, управленіемъ дѣлъ въ Польшѣ. Искуснѣйшій государственный человѣкъ въ Россіи, Безбородко, держалъ себя совершенно въ сторонѣ ([26]). Въ Зубовѣ правители Польши и находили сильную опору. Но заклятіе Польши—внутренній раздоръ тяготѣлъ надъ ними. Ржевускій былъ противъ Потоцкаго, Потоцкій противъ Браницкаго, этотъ противъ того, генералитетъ ([27]) Литвы противъ генералитета Польши, Коссаковскіе противъ всѣхъ прочихъ. Каждый изъ нихъ имѣлъ своихъ приверженцевъ, которыхъ покровительствовалъ и старался выдвигать впередъ. Такимъ образомъ партія распалась на

(*) Терситъ или правильнѣе Θерситъ (Thersites) былъ Грекъ при войскѣ, осаждавшемъ Трою, безумное и злобное пустословіе котораго Гомеръ изображаетъ въ Иліадѣ. Онъ былъ крайне безобразенъ тѣломъ, косой, горбатый и плѣшивый, особенно ненавидѣлъ Ахилла, Улисса и Агамемнона, настойчиво совѣтовалъ снять осаду и воротиться въ Грецію, дерзко бранилъ предводителей войска и позже былъ, кажется, убитъ Ахилломъ (См. Conversations-Lexikon, Thersites).—Выраженіе Терзиты, Θерзиты часто встрѣчается въ письмахъ Суворова и иногда въ устахъ Потемкина, какъ выше можно было видѣть въ 1-й и 2-й частяхъ этого перевода сочиненія Смитта.

(26) Дневникъ Храповицкаго, 20 дек. 1792.

(27) Подъ словомъ генералитетъ слѣдуетъ разумѣть высшій совѣтъ конфедераціи;—это былъ обычный техническій терминъ въ Польшѣ.

партіи, взаимно враждовавшія, конечно, за недостаткомъ оружія, только словами, интригами, очерненіемъ, навлеченіемъ подозрѣнія, какъ здѣсь, такъ и въ Петербургѣ. Не было ни единства, ни согласія. Вожди партіи, особенно Коссаковскіе въ Литвѣ, дѣлали, что̀ хотѣли; казалось, изъ опасенія, что это не долго будетъ продолжаться, они не могли достаточно скоро насытить свою алчность къ земнымъ благамъ. Но умножая свои богатства, они не предчувствовали, что сокращаютъ свою жизнь, потому что своею алчностью и страстью къ грабежу накликали на себя Немезиду. И она грозно витала надъ ихъ главами.

А страна и народъ, подобно королю своему, впали въ оцѣпенѣніе, предчувствуя тягчайшее, страшась худшаго. Тяжкая духота передъ грозой, боязнь будущаго тяготѣли надъ цѣлою страной.

Но гибель произошла не отъ тарговицскихъ конфедератовъ, не изъ Россіи — сокрушающая молнія сверкнула изъ такого мѣста, откуда ея не ожидали—изъ Майнца. Доселѣ не было еще произнесено ни слова о раздѣлѣ—теперь его произнесла, впервые и серьозно—*Пруссія*.

Революціонная война, долженствовавшая въ продолженіе двадцати лѣтъ опустошать Европу изъ края въ край и поколебать ее въ глубочайшихъ ея основахъ, началась, весьма счастливо для союзниковъ, подобно игрокамъ, которые должны проиграться, но которымъ сначала богиня счастія улыбается. Французскія войска оказались еще ниже самыхъ низкихъ ожиданій. Гдѣ бы они ни сошлись съ Австрійцами (послѣдніе воевали еще одни), при первомъ звукѣ оружія бѣжали и, оправдываясь крикомъ «измѣна!», убивали своихъ офицеровъ и генераловъ. Противъ такихъ недисциплинированныхъ и мятежныхъ полчищъ, которыя не выдерживали пушечнаго огня и также быстро разбѣгались, какъ и сбѣгались, безъ опытныхъ генераловъ и офицеровъ (потому что бо̀льшая часть ихъ эмигрировала), всякій успѣхъ казался несомнѣннымъ. За то же и самоувѣренность союзниковъ, особенно Пруссаковъ, возрасла до высокомѣрія, и «повтореніе голландской игры» (Wiederholung des Holländischen Spiels) и «военная прогулка въ Парижъ» (ein militairischer Spaziergang nach Paris) сдѣлались модными фразами. Среди этихъ обстоятельствъ, въ Майнцѣ, 19-го іюля (въ этомъ несчастномъ для Польши мѣсяцѣ) произошло свиданіе между Фридрихомъ-Вильгельмомъ и вновь коронованнымъ императоромъ римскимъ, Францомъ II. Въ конференціяхъ, продолжавшихся три дня, регулированы были прежніе пункты и обсуждены успѣхи и надежды, открывавшія-

ея при настойчивомъ продолженіи войны. Фридрихъ-Вильгельмъ, король военной монархіи и, что еще важнѣе, воинственнаго народа, долженъ былъ принять главное предводительствованіе войскомъ. Какъ новый Агамемнонъ, долженъ онъ былъ вести въ Парижъ не только своихъ храбрыхъ Пруссаковъ, но и Австрійцевъ, Гессенцевъ, Французовъ-эмигрантовъ, разогнать тамъ 700 законодателей, обуздать банды якобинцевъ, освободить сильно угнетеннаго и устрашеннаго короля съ его семействомъ изъ заточенія и возстановить прежнее монархическое правленіе. Великая задача, достойная напряженія всѣхъ силъ! Но слишкомъ много было бы требовать выполненія ея безъ вознагражденія; спрашивалось, только, за какое?—Въ обнародованныхъ дотолѣ прокламаціяхъ обѣщано было вести войну не завоевательную, но только освободительную, слѣдовательно у Французовъ не должно было отнимать ничего. Во Францію вступили въ качествѣ союзниковъ ея принцовъ, союзниковъ самаго плѣннаго короля. Французы, цвѣтъ націи, какъ они называли себя, по крайней мѣрѣ цвѣтъ дворянства, должны были сражаться въ рядахъ союзниковъ. Франція имѣла быть снова переустроена только на умѣренныхъ и справедливыхъ основаніяхъ, не исключая даже усовершенствованія государственнаго учрежденія ея въ смыслѣ конституціономъ. Слѣдовательно, гдѣ и какія должно было взять вознагражденія?—Тутъ опять, съ новою эластичностью, предстали старыя, долго оспориваемыя и устраняемыя желанія: Австрія, дабы лучше сплотить свое государство, желала *обмѣнять свои Нидерланды на Баварію*, чему, съ такимъ упорствомъ противился нѣкогда старый Фрицъ; Пруссія, для лучшаго округленія своихъ владѣній и болѣе соразмѣрнаго вознагражденія за принятыя ею на себя издержки и пожертвованія, выступила съ притязаніемъ на столь давно желанные, столь часто ей отказанные, но тѣмъ горячѣе поэтому требуемые ею *Данцигъ и Торнъ, съ нѣкоторыми воеводствами Великой Польши* въ придачу. Уступчивость съ одной стороны требовала уступчивости съ другой, и обѣ стороны дружески обѣщали себѣ обоюдно исполненіе своихъ желаній. Но вознагражденіе на счетъ Польши оставалось тщетнымъ до тѣхъ поръ, пока могущественная императрица русская, которая въ этомъ дѣлѣ тоже могла промолвить свое слово и именно теперь была повелительницею цѣлой Польши, не изъявитъ своего согласія. Поэтому положено было представить ей обоюдныя желанія, какъ заслуженное вознагражденіе за выполненіе такого предпріятія, столько же желаннаго и споспѣшествуемаго и ею самою, какимъ была война противъ ново-франкскихъ под-

рывателей и возмутителей. Оба двора, одинъ за другимъ, представили императрицѣ Екатеринѣ условленный между ними планъ, приглашая и ее присоединить къ себѣ отъ Польши, по своему произволенію, сколько было бы соразмѣрно ихъ обоюднымъ пріобрѣтеніямъ.—Для императрицы это предложеніе было неудобно, потому что она была теперь, если и не по формѣ или праву, то на самомъ дѣлѣ повелительницею цѣлой Польши; притомъ же она обѣщала конфедератамъ неприкосновенность ихъ владѣній и не хотѣла безъ причины нарушить своего обѣщанія. Съ другой стороны однако, занятая теперь приведеніемъ въ порядокъ, по своей мысли, польскихъ смутъ, она не хотѣла, чтобъ ей въ этомъ мѣшали, и потому желала бы видѣть обоихъ могущественныхъ сосѣдей своихъ еще долѣе занятыми въ иномъ мѣстѣ, пока у нея не будутъ развязаны руки. Чтобъ согласить то и другое, она не дала опредѣленнаго отвѣта, не сказала прямо, но и не обѣщала ничего, показавъ однако тѣнь надежды, что въ послѣдствіи, можетъ быть, и согласится, дабы не отвратить Пруссіи и Австріи отъ предпринятой ими борьбы за престолы противъ революціоннаго духа, но скорѣе ободрить ихъ къ оной. Да и предпріятіе это, когда отвѣтъ ея былъ полученъ, уже началось и было въ полномъ исполненіи. Армія въ 85,000 чел. (42,000 Пруссаковъ, 25,000 Австрійцевъ, 6,000 Гессенцевъ и 12,000 французскихъ эмигрантовъ), по плану знаменитаго, прославившагося въ американской войнѣ, генерала *Булье* (Bouillé, которому незадолго передъ тѣмъ не удалось, конечно не по его винѣ, спасти Людовика XVI), должна была направиться вверхъ по р. Мозель до Трира, а оттуда, по взятіи Лонгви и Вердюна, вторгнуться во внутренность Франціи съ той стороны Шампаніи, гдѣ опоясывавшія страну крѣпости были расположены всего рѣже, и быстрымъ движеніемъ идти прямо на Парижъ. Планъ былъ хорошъ и сообразенъ съ цѣлію, только требовалъ двухъ условій: чтобъ былъ исполненъ съ *достаточными* силами и съ *быстротою*. Весьма низко цѣня тогдашнее состояніе французскихъ войскъ и расчитывая, по обѣщанію эмигрантовъ, на содѣйствіе части націи, союзники совершенно ошибочно полагали 85,000 человѣкъ достаточными для одолѣнія такого государства, какъ Франція, и такой столицы, какъ Парижъ, охваченныхъ революціоннымъ безуміемъ и подстрекаемыхъ фанатизмомъ равенства, и для предписанія имъ законовъ. Но при распущенномъ состояніи французской арміи, при внутренней неурядицѣ, когда главноначальствовавшіе генералы постоянно переводились изъ одной арміи въ другую, слѣдовательно нигдѣ не успѣвали ближе ознакомиться съ обстоятельствами и пріобрѣсть распо-

ложеніе войскъ; наконецъ при незначительныхъ силахъ въ полѣ, выставленныхъ Франціей и притомъ разбросанныхъ на многихъ пунктахъ, подъ начальствомъ независимыхъ другъ отъ друга генераловъ,—быстрое и съ настойчивостію исполненное движеніе на столицу могло бы, можетъ быть, имѣть успѣхъ, еслибы, быстро покончивъ съ отдѣльными корпусами, встрѣченными на пути, и усилившись, такимъ образомъ, нравственнымъ впечатлѣніемъ неодолимости, двинулись прямо на столицу. Изъ живыхъ тогда полководцевъ, такъ поступилъ бы Суворовъ, какъ онъ и сдѣлалъ это, въ послѣдствіи, въ Польшѣ. Но здѣсь случилось иначе. Полагали поступить весьма умно, поставивъ въ главѣ арміи полководца, стоявшаго тогда на верху своей славы — *герцога Брауншвейгскаго*, но этимъ сдѣлали большую ошибку ([28]). На войнѣ успѣхъ еще болѣе зависитъ отъ характера, нежели отъ ума. Герцогъ имѣлъ, правда, умъ, но никакого характера. Онъ былъ смиреннѣйшій придворный, который отступался отъ наилучшаго убѣжденія, если могъ угодить тѣмъ; вѣчно колебался, склонялся и изгибался на всѣ стороны, безъ твердой рѣшимости, безъ вѣрной опоры. Онъ со славой участвовалъ въ семилѣтней войнѣ, много читалъ и, можетъ быть, размышлялъ о войнѣ, но, кажется, не глубоко: съ своими воззрѣніями онъ еще порядочно стоялъ на той низкой матеріальной степени, которую семилѣтняя война ввела въ моду. Не было у него ни плановъ, исполненныхъ идей и созданныхъ съ проницательностью, ни энергическаго исполненія ихъ, ни стремленія къ высшимъ военнымъ цѣлямъ, ни глубокихъ соображеній, но только мелочные расчеты, тактическія мелочи, равненіе въ маршировкѣ, быстрые ружейные пріемы, ловкость въ выполненіи тактическихъ построеній, часто весьма сложныхъ, но мало примѣнимыхъ на войнѣ, — въ чемъ большинство тогдашнихъ генераловъ поставляло и искало духъ военнаго искуства. И въ этомъ преимущественно отличалась прусская школа; нравственный элементъ мало принимался въ соображеніе, если только не пренебрегался; названіе *ученый офицеръ* было почти бранным словомъ. Относительно продовольствія войскъ, связывали себѣ руки или, лучше сказать, ноги пяти-маршевою системою хлѣбо-

(28) Въ нѣкоторомъ, не совсѣмъ ошибочномъ предчувствіи, онъ незадолго передъ тѣмъ сказалъ Мирабо: «Война есть азартная игра; я не былъ несчастливъ въ ней, и однако, хотя нынѣ имѣю о ней лучшія понятія, нежели прежде, все же счастіе можетъ измѣнить мнѣ. Разумный человѣкъ не захочетъ на старости лѣтъ рисковать въ этомъ своей славой». И однако онъ рискнулъ ею, къ несчастію своему и общаго дѣла!

печенія, не очень-то благопріятною дальнимъ движеніямъ и ежеминутно причинявшею остановку въ военныхъ дѣйствіяхъ, по причинѣ хлѣбопеченія. Какъ будто въ странѣ съ такимъ густымъ населеніемъ, какъ Франція, и притомъ тотчасъ послѣ уборки хлѣба, вторгнувшаяся армія, безъ этихъ фокусовъ; но при всякой другой заботливости, могла бы терпѣть недостатокъ въ продовольствіи, еслибы только не медлила, но быстро шла впередъ! Такимъ образомъ предпріятіе, которое, будучи смѣло задумано и быстро исполнено, было возможнымъ, сдѣлалось невозможнымъ въ слѣдствіе мелочнаго, медлительнаго, нерѣшительнаго, неувѣреннаго и колеблющагося; совершеннаго ощупью, тяжелаго и неповоротливаго способа исполненія онаго. Преградами герцогу служили не одни его военныя воззрѣнія, не одинъ его нерѣшительный, малодушный, придворный характеръ, но и личная наклонность его къ французамъ, которые и предсказали, и предсказывали ему: «что онъ великій человѣкъ,» которые даже хотѣли поставить его въ главѣ своего правительства или, по крайней мѣрѣ, своей арміи и уже дѣлали ему предложенія о томъ (29).—Это льстило его самолюбію и, въ своей признательности, онъ хотѣлъ соединить противорѣчія, показать себя достойнымъ ихъ удивленія и однако не слишкомъ вредить имъ, и такимъ образомъ былъ увлекаемъ то туда, то сюда двойною волею или, какъ въ немъ не могло и рѣчи быть о волѣ, двойнымъ желаніемъ воли. Тоже самое было и въ другомъ отношеніи. Король, въ полномъ убѣжденіи, что идетъ на встрѣчу вѣрному тріумфу, хотѣлъ самъ быть при арміи, пожать плоды ея усилій, принять дань признательности освобожденныхъ, личную благодарность прекрасной королевы. Будучи горячаго, нетерпѣливаго темперамента, онъ все торопилъ идти впередъ, чтобъ быстротою дѣйствій вознаградить запоздалость начала ихъ; герцогъ же, напротивъ, собственно довѣренный главнокомандующій, медлилъ, скорѣе пятился назадъ и охотнѣе вовсе не двинулся бы впередъ, или только шагъ за шагомъ и предварительно обезпечивъ себя надлежащимъ образомъ, въ военномъ отношеніи, со всѣхъ сторонъ. При такомъ противорѣчіи воззрѣній и характеровъ, необходимо должно было снова произойти колебаніе въ дѣйствіяхъ туда и сюда, то торопливость (но это было рѣдко), то медленность; планы съ одной стороны составленные, а съ другой отмѣненные; приказанія, съ одной стороны

(29) Они были сдѣланы Кюстиномъ, сыномъ генерала. См. Mémoires d'un homme d'état etc. I, стр. 187 и 340, и Barante, Histoire de la convention (ed. de Bruxelles), I, стр. 295.

отданныя, а съ другой также отмѣненныя: могло-ли же при этомъ выйти что-нибудь цѣлостное, связное, послѣдовательное въ движеніяхъ? Тутъ обнаружился весь вредъ присутствія при арміи высшаго надъ главнокомандующимъ лица, отнимавшаго у него свободу дѣйствій и связывавшаго ему руки. Еслибъ герцогъ дѣйствовалъ одинъ, то, видя надежду на содѣйствіе націи не осуществившеюся, остановился бы у Вердюна, какъ того хотѣлъ и предлагалъ, утвердился бы на Маасѣ, овладѣлъ бы немногими, лежавшими вокругъ въ тылу его, крѣпостями Монмеди, Седаномъ, Тіонвилемъ, и, какъ время года уже было позднее, приготовился бы къ слѣдующему походу съ увеличенными силами. Такъ какъ герцогъ умѣлъ вести только медленную, методическую войну, то все же это было бы лучше, нежели то, что̀ было сдѣлано на половину. Но главнокомандующій былъ увлекаемъ высшею властію и потому дѣйствовалъ теперь противъ своего убѣжденія, вдвое неохотнѣе и съ сугубою досадой. Если онъ и прежде упускалъ благопріятные для рѣшительныхъ дѣйствій случаи, то теперь дѣлалъ это вполнѣ, не смотря на всѣ побужденія короля. Каждый *потерянный* день казался ему выигранным̀ъ, потому что сближалъ его съ позднимъ временемъ года и, слѣдовательно, съ надеждой остановиться на Маасѣ, такъ какъ нельзя же было ожидать, чтобъ король захотѣлъ позднею осенью идти во внутренность Франціи. Съ своей стороны король, въ своихъ надеждахъ на побѣды, какъ ни торопилъ и ни гналъ впередъ, какъ нетерпѣнію его ни казалось все слишкомъ медленнымъ, также напрасно терялъ иногда день—другой, когда затронута бывала его слабая сторона и дѣло шло о балахъ, парадахъ и другихъ публичныхъ торжествахъ. При такомъ противоборствѣ воли и дѣйствія, благопріятнѣйшіе случаи пропадали безъ пользованія ими, такъ напр. когда у Седана французская армія, силою всего едва въ 20,000 чел., бѣгствомъ *Лафайетта* была лишена предводителя и цѣлые десять дней (съ 19 до 28 августа) безъ главы и близка къ совершенному разсѣянію. Прусская армія, только-что овладѣвшая крѣпостью Лонгви (23 августа), была лишь въ двухъ переходахъ оттуда и однимъ быстрымъ ударомъ, который имѣлъ бы важныя нравственныя послѣдствія, могла бы навсегда устранить это главное препятствіе послѣдующимъ ея успѣхамъ. ([30]) Герцогъ сознавалъ это, даже показалъ на половину охоту воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, но пока онъ еще колебался, хотѣлъ и не хотѣлъ,

(30) Самъ Дюмурье сознается, что еслибы по близости показался хоть какой-нибудь непріятельскій корпусъ, то армія безъ предводителя разбѣжалась бы.

и раздумывалъ, благопріятный моментъ улетѣлъ и скоро подоспѣвшій *Дюмурье* принялъ начальствованіе надъ этими войсками (28 августа) и съ быстрою рѣшимостью тотчасъ же вознамѣрился занять впереди Пруссаковъ Аргоннскій лѣсъ съ его проходами. Это было нелегко. Онъ стоялъ у Седана въ разстояніи болѣе четырехъ переходовъ отъ главнаго прохода, les Jslettes, чрезъ который пролегала большая дорога изъ Вердюня въ Парижъ, между тѣмъ какъ Пруссаки, которымъ Вердюнь сдался 2 сентября, находились только въ одномъ переходѣ отъ него; и однако герцогъ, потерявъ въ бездѣйствіи цѣлые десять дней (съ 2 по 11 сент.) у Вердюня, для печенія хлѣба и подъ другими ничтожными предлогами, допустилъ Дюмурье, передъ своими глазами, занять (съ 2-го по 5-е сент.) какъ этотъ, такъ и другіе проходы Аргонновъ и такимъ образомъ заградить ему прямую дорогу для наступленія. *Аргоннскій горный лѣсъ*, вѣтвь Арденнскихъ горъ, длиной въ 13 часовъ пути, тянется отъ Седана за Сенъ-Мену (St. Menehould) и, будучи пересѣченъ высотами, рѣчками, озерами, прудами и болотами, непроходимъ для арміи, кромѣ пяти болѣе открытыхъ пунктовъ, образующихъ вышеупомянутые проходы, которые, начиная съ сѣвера, называются: *le Chêne porileux, la Croix aux bois, Grandpré, la Chalade* и *les Jslettes.* — И теперь еще, когда генералъ Диллонъ занялъ 6,000-ми человѣкъ les Jslettes, герцогъ, при своемъ значительномъ перевѣсѣ силъ, легко могъ бы силою пройти чрезъ этотъ проходъ и тѣмъ выиграть ближайшую дорогу на Шалонъ; но онъ не отважился на это и снова потерялъ, въ позднее уже время года, нѣсколько дней въ дѣйствіи ощупью (т. е. въ бездѣйствіи). Между тѣмъ Клерфэ (*Clairfait*), съ своими Австрійцами, силою прошелъ, 12 сентября, чрезъ сѣверный проходъ *Croix aux bois* и зашелъ у *Grandpré* въ тылъ Дюмурье, который, при быстрыхъ дѣйствіяхъ, могъ бы совершенно быть запертъ въ лѣсу. Но вмѣсто того, чтобъ дѣйствовать, герцогъ вступилъ въ переговоры, вмѣсто того, чтобъ побѣдить Дюмурье оружіемъ, вздумалъ обмануть хитреца, но самъ былъ обманутъ. Пока онъ переговаривался на передовыхъ постахъ чрезъ своего Массенбаха, Дюмурье (въ ночь на 15 сент.) высвободилъ свою шею изъ петли. Ничто еще не было потеряно, нужны были только рѣшимость и быстрое исполненіе. Король сердился, что дали ускользнуть непріятелю, поощрялъ, торопилъ, но герцогъ былъ твердъ только *въ одномъ*—въ избѣжаніи что-либо дѣлать или наносить удары непріятелю; изъ каждой бездѣлицы онъ умѣлъ выводить неодолимое затрудненіе. Французы быстро отступили; но близъ Отри половина

арміи ихъ разбѣжалась въ паническомъ страхѣ передъ полкомъ прусскихъ гусаровъ и разсѣялась по окрестнымъ деревнямъ; и вся армія вѣроятно разбѣжалась бы (потому что страхъ нѣсколько разъ возобновлялся), еслибъ герцогъ сталъ рѣшительно напирать на нее съ болѣе значительными силами; но онъ, вмѣсто того, послѣ небольшаго перехода въ одну милю (7 верстъ), 15 числа утромъ остановился у Grandpré—чтобы печь хлѣбъ. Такимъ образомъ опять были потеряны три рѣшительные дня (съ 15 по 18 сент.), въ которые Дюмурье, имѣя едва 17,000 войскъ, упавшихъ духомъ и на плохой позиціи, могъ бы быть уничтоженъ нападеніемъ втрое сильнѣйшей арміи союзниковъ. Но герцогъ оставался въ бездѣйствіи и допустилъ французскаго главнокомандующаго укрѣпиться въ позиціи при Сенъ-Мену и усилиться поспѣшившими съ сѣвера и юга корпусами *Бёрнонвиля* и *Келлермана* (18 и 19 сент.), въ слѣдствіе чего армія его, еще столь слабая, возросла до 50,000 человѣкъ. Побѣда сдѣлалась уже труднѣе, но все еще не слишкомъ, если принять въ соображеніе качества войскъ съ обѣихъ сторонъ: съ одной—способныя, тактически образованныя, а съ другой—мятежныя толпы, безъ всякой дисциплины, подъ начальствомъ различныхъ, независимыхъ одинъ отъ другаго предводителей, (31) готовыя при первомъ поводѣ впасть въ подозрѣніе и разбѣжаться.

Такимъ образомъ герцогъ, нерѣшительно и медленно подвигаясь впередъ, съ постояннымъ хлѣбопеченіемъ въ рѣшительный моментъ, наружно покорный, но внутренно непокорный волѣ короля и расположенный противодѣйствовать ему, употребивъ болѣе двухъ мѣсяцевъ на переходъ разстоянія, которое можно было удобно пройти въ три или четыре недѣли, и потерявъ благопріятнѣйшіе случаи дать выгодный оборотъ войнѣ, наконецъ, все еще однако въ выгодномъ положеніи, сталъ у *Вальми* противъ французской арміи, которая, даже послѣ своего сосредоточенія, все еще не была равносильною арміи союзниковъ, имѣя 53,000 чел. противъ 60,000. Французы стояли въ дурномъ, безпорядочномъ расположеніи у Вальми и Сенъ-Мену, тыломъ къ проходу les Jslettes, замкнутому для нихъ 6,000-ми Гессенцевъ, поддержанныхъ 10,000-ми Австрійцевъ, подъ начальствомъ принца Гогенлоэ, фронтомъ къ Парижу, отрѣзанные отъ всѣхъ путей во внутренность страны, кромѣ единственнаго на лѣвомъ флангѣ ихъ, къ Витри, который тоже легко могъ быть прегражденъ. Противъ нихъ—герцогъ, съ превосходною въ силахъ, отборною арміей войскъ, болѣе способныхъ къ маневрированію и одушевлен-

(31) Келлерманъ и Бёрнонвиль были подчинены Дюмурье только позже.

ныхъ жаждою славы. Побѣда казалась и была бы вѣрною, еслибъ герцогъ захотѣлъ побѣдить. Никогда и никакой арміи не представлялось болѣе благопріятнаго случая для одержанія блистательнѣйшихъ успѣховъ. Армія герцога двинулась впередъ: съ обѣихъ сторонъ началась канонада: вскорѣ ряды Келлермана, находившагося впереди, стали колебаться; ибо даже не вся французская армія была на полѣ сраженія, но болѣе половины оной, именно войска Дюмурье находились еще на часъ пути назади у Сенъ-Мену, откуда часть ихъ была послана къ правому крылу, гдѣ была бы болѣе у мѣста въ случаѣ наступленія, нежели при оборонѣ. Рѣшительнымъ пунктомъ былъ лѣвый флангъ французской арміи, гдѣ она могла быть оттѣснена отъ единственнаго своего пути отступленія на Витри и затѣмъ совершенно окружена. Особенно она должна была удерживать дорогу въ Шалонъ, и однако имѣла тамъ наименѣе силъ. Слѣдовательно сюда должны были Пруссаки направить свою атаку, отсюда они могли взять непріятеля у Вальми во флангъ и ожидать величайшихъ результатовъ, между тѣмъ какъ атака ихъ на высоты, т. е. прямо на центръ и сильнѣйшій, усѣянный артиллеріею пунктъ непріятельской позиціи, могла быть важною только въ слѣдствіе нравственнаго вліянія одолѣнныхъ затрудненій. — Канонада становится все сильнѣе, два пороховые ящика у Французовъ взлетаютъ на воздухъ и тотчасъ между молодыми воинами распространяется совершенное замѣшательство; многіе уже предаются бѣгству. Король видитъ это и, съ вѣрнымъ взглядомъ, приказываетъ атаковать. Три колонны быстро и въ отличномъ порядкѣ идутъ противъ высотъ у Вальми; въ это время прискакалъ герцогъ и приказалъ имъ остановиться: осмотрѣвъ въ зрительную трубу расположеніе непріятеля и услыхавъ у него въ это самое мгновеніе крикъ: «vive la nation», онъ, какъ бы въ испугѣ, воскликнулъ: «здѣсь мы сражаться не будемъ» и послалъ тремъ шедшимъ впереди колоннамъ, уже готовымъ штурмовать высоты, занятыя колебавшимися Французами, приказаніе отступить. Увидавъ это, Французы подумали, что непріятель страшится ихъ, и подняли дружный, громкій, радостный крикъ. Со скрежетомъ зубовъ отступили храбрыя прусскія войска передъ непріятелемъ, который разбѣжался бы при рѣшительной атакѣ (какъ еще недавно часть его разбѣжалась передъ немногими гусарами Кёлера), и едва смѣли раскрыть глаза. И это *отступленіе* въ самый рѣшительный моментъ имѣло вліяніе на весь послѣдующій ходъ революціонной войны: въ эту минуту испытанія, на этомъ перепутьѣ, должно было рѣшиться, что будетъ изъ моло-

дыхъ французскихъ воиновъ, герои-ли Россбаха или герои Іены. Еслибы герцогъ не остановилъ атаки (хотя она была поведена не на надлежащій пунктъ), но сильно и настойчиво поддержалъ ее, то французская армія была бы прорвана или, еще вѣрнѣе, разбѣжалась бы, потому что войско, которое стоитъ на мѣстѣ и кричитъ, труситъ и хочетъ заглушить страхъ ([32]). Но герцогъ, для котораго значеніе имѣли только матеріальныя причины, нравственныя же были у него въ презрѣніи, отступленіемъ своимъ передъ колебавшимися рядами непріятеля возвысилъ до высшей степени чувство его самоувѣренности. Послѣдній убѣдился, что стойкость есть уже *полупобѣда*, и съ этихъ поръ стойко выдерживалъ натискъ противника, этимъ незначительнымъ боемъ бывъ подлинно воспитанъ для побѣдъ, потому что солдаты, считавшіеся лучшими въ мірѣ, были устрашены ихъ стойкостью; могли-ли они знать, что Пруссаки отступили по приказанію или по собственному побужденію; тщеславіе, естественно, давало послѣднему толкованію преимущество. Урокъ, данный имъ при этомъ случаѣ, былъ: стойте поэтому твердо, и никакое войско не устоитъ противъ васъ, когда даже храбрые Пруссаки не устояли; и съ тѣхъ поръ эти самые люди, только что колебавшіеся передъ тѣмъ, бѣжать-ли имъ или стоять на мѣстѣ, стали героями, выдерживавшими самыя кровопролитныя битвы. И такимъ образомъ герцогъ брауншвейгскій внушилъ имъ стойкость и самоувѣренность, два качества, именно образующія побѣдителей.— Но такія нравственныя оцѣнки войны были далеки отъ герцога, какъ и отъ всѣхъ тогдашнихъ полководцевъ: они цѣнили все только на основаніи очевидности, презирали Французовъ, потому что они были оборванцами, не нарядными и неопрятными, дурно дѣлали пріемы ружьемъ и еще хуже маршировали. Поэтому отступленіе передъ такими презрѣнными толпами тѣмъ глубже и прискорбнѣе чувствовали ихъ войска.

Слѣдствіемъ этой неудавшейся или лучше сказать прерванной побѣды, было самое затруднительное, самое бѣдственное отступленіе, погубившее половину арміи; постыдное униженіе предъ

---

(32) Крикъ атакующаго войска не имѣетъ такого же дурнаго значенія: онъ служитъ къ одушевленію атакующихъ, имъ хотятъ внушить страхъ непріятелю, онъ знаменуетъ радость по случаю атаки и надежду на успѣхъ. Здѣсь имѣется въ виду болѣе объективное дѣйствіе, между тѣмъ какъ у войска, стоящаго на мѣстѣ, оно совершенно субъективно.—Тоже самое можно сказать и о политикѣ: молчаливая болѣе страшна, чѣмъ крикливая и угрожающая.

непріятелемъ, на котораго еще недавно смотрѣли такъ свысока, съ которымъ обращались съ такою гордостью.—Старинная прусская самоувѣренность, вынесенная изъ семилѣтней войны, претерпѣла чувствительный ударъ, (33) и хотя мужество и сила солдатъ еще часто проявлялись на дѣлѣ, но слава ихъ упала, потому что весь способъ веденія ими войны принялъ теперь мелочной размѣръ войны постовъ и кордоновъ, между тѣмъ какъ у Французовъ Вальми сдѣлалось переходомъ къ побѣдамъ и толчкомъ къ величайшимъ подвигамъ, потому что побѣда, повторяемъ еще, сверхъ военной мудрости полководца, заключается также въ гордости и твердой самоувѣренности солдата.

Въ слѣдующемъ году мы увидимъ, какъ продолжатель дѣйствій герцога брауншвейгскаго, принцъ кобургскій заимствовалъ его систему и даже превзошелъ его въ совершенной ничтожности и отсутствіи идей, и тѣмъ довершилъ военное воспитаніе Французовъ, начатое герцогомъ. Изъ рукъ этихъ двухъ наставниковъ, столь распущенныя дотолѣ французскія банды окончательно вышли вполнѣ храбрыми войсками.

Если съ этихъ поръ союзники съ лучшими и бо́льшими силами не отваживались болѣе предпринимать ничего рѣшительнаго противъ Франціи, если они только робко бродили вокругъ пограничныхъ крѣпостей, ощупывали и обстрѣливали ихъ, и сражались только съ одиночными, отчаянными, «потерянными» отря́дами (troupes perdues) непріятеля, безъ всякой высшей и великой цѣли, то это происходило отчасти отъ похода герцога брауншвейгскаго въ Шампаніи; потому что австрійскіе полководцы, когда ихъ побуждали къ наступленію во внутренность Франціи, возражали: «Взгляните только на походъ герцога брауншвейгскаго и храброй прусской арміи въ Шампаніи и посмотрите, что изъ такого наступленія выходитъ». — Такимъ образомъ несчастный походъ герцога брауншвейгскаго въ

---

(33) Сто́итъ только прочитать въ сочиненіяхъ Гёте, въ походѣ въ Шампаніи, какъ глубоко оскорблена и унижена была честь Пруссаковъ. Такъ въ 30-й части на стр. 75 сказано: «Величайшее смущеніе распространилось въ арміи. Еще утромъ только и думали, какъ приколоть и проглотить всѣхъ Французовъ; — теперь каждый шелъ самъ по себѣ своей дорогой, никто не смѣлъ взглянуть другъ на друга, а если это и случалось, то для того, чтобы произносить проклятія.»—И далѣе на стр. 161: «Не щадили верховныхъ вождей, и довѣріе, которое столько лѣтъ имѣли къ знаменитому полководцу, казалось потеряннымъ навсегда».—Еслибъ въ самомъ дѣлѣ было такъ!

Шампаніи сдѣлался образцомъ и для союзниковъ, и для Французовъ, для первыхъ—образцомъ бездѣйствія, для послѣднихъ—отважности на все.

Теперь начались лукавые переговоры, въ которыхъ каждая сторона старалась обмануть другую. Дюмурье, все еще опасавшійся превосходства силъ противниковъ и нападенія на свои ненадежныя толпы, и весьма желавшій отклонить Пруссаковъ отъ коалиціи, требовалъ непосредственнаго очищенія французскихъ владѣній, отдѣленія Пруссаковъ отъ имперцевъ, и отдѣльнаго мира; — съ прусской стороны требовали сначала возстановленія короля и прекращенія пропаганды. Но какъ въ продолженіе этихъ переговоровъ время года становилось хуже и опасность отступленія по распустившимся дорогамъ, передъ непріятелемъ, ободреннымъ своимъ послѣднимъ успѣхомъ, увеличивалась, то въ послѣдствіи переговаривались только для того, чтобы мнимымъ согласіемъ на французскія предложенія задерживать непріятеля и имѣть время высвободить шею изъ петли, что̀ и удалось въ нѣкоторой мѣрѣ пожертвованіемъ всего пріобрѣтеннаго въ этомъ походѣ. И только достигнувъ безпрепятственно и безъ боя Люксембурга, Пруссаки почувствовали себя внѣ опасности быть совершенно разбитыми, потому что даже самыя крѣпкія натуры почти изнемогали подъ бременемъ тѣхъ страданій, которыя пагубно обрушились на нихъ во время отступленія: болѣзней, истощенія силъ въ вязкой грязи дорогъ, при постоянныхъ холодныхъ дождяхъ, голода, падежа лошадей, недостатка въ необходимѣйшемъ и всего что̀ еще дополняетъ длинный списокъ бѣдствій въ подобныхъ случаяхъ. Спасеніемъ для нихъ было то, что непріятель, усыпленный переговорами и надеждой на разъединеніе противниковъ, не тревожилъ ихъ плачевнаго отступленія.

Такъ различенъ былъ исходъ двухъ походовъ, препринятыхъ почти въ одно время и съ одинаковою цѣлію перемѣны правленія: съ одной стороны полный успѣхъ, съ другой постыдная неудача; — и изъ всего сказаннаго явствуетъ, что иначе и быть не могло. Съ одной стороны были тщательно взвѣшены цѣль, трудности и необходимыя для ихъ устраненія средства, и сдѣланы сообразныя съ тѣмъ усилія, поддержанныя еще притомъ мудрою политикой; — съ другой стороны, къ великому предпріятію приступили нисколько не обращая вниманія на препятствія и съ недостаточными средствами, строя на авось планы, основанные на ненадежныхъ обѣщаніяхъ эмигрантовъ, которые всегда видятъ свыше дѣйствительности и свои желанія принимаютъ за факты; и вмѣсто того, чтобы благоразумными

дѣйствіями склонить народъ и край на свою сторону, ихъ оттолкнули съ самаго начала высокомѣрною прокламаціей, глубоко оскорбившею чувство ихъ собственнаго достоинства, и возбудили всѣхъ къ сопротивленію. Въ Польшѣ мы видимъ, что предводители вторгнувшейся арміи дѣйствуютъ съ большою обдуманностью, по здраво расчитанному и сообразному съ обстоятельствами операціонному плану, и съ строгою послѣдовательностью, быстротою и настойчивостью прямо идутъ къ предположенной цѣли;—въ болѣе сильной Франціи предпріятіе начинаютъ не только съ недостаточными силами, но, вмѣсто настойчивости, быстроты, послѣдовательности въ дѣйствіяхъ, обнаруживаютъ только неувѣренность, колебаніе, бездѣйствіе и медлительность предъ каждымъ препятствіемъ и наконецъ совершенно теряютъ изъ виду свою цѣль. Война должна быть нашественною, а ее ведутъ съ величайшею медленностью. Въ нашественной войнѣ имѣются двѣ цѣли: прежде всего непріятельское войско, а потомъ средоточіе всей дѣятельности страны, столица, дающая, такъ сказать, тонъ, мѣстопребываніе правительства. Первою цѣлію есть порядочно разбить непріятельское войско и привесть его на время въ невозможность дѣйствовать; второю—пользуясь первымъ страхомъ, тотчасъ быстро появиться предъ устрашенною столицей и предписать ей законы; а для этого, при тогдашнемъ состояніи военныхъ силъ Франціи, достаточно было даже 85,000 чел. войскъ герцога брауншвейгскаго, еслибъ они были употреблены сообразно съ цѣлію и усилены подходившими резервами. Герцогъ имѣлъ *три раза* удобный случай уничтожить непріятельскую армію : *первый разъ* при Седанѣ, гдѣ она была безъ предводителя, *другой разъ* у Grandpré, гдѣ Клерфэ, взявъ силою проходъ у Croix aux bois и поддержанный находившимся позади его Калькрёйтомъ, быстрымъ движеніемъ на близлежащій Берси могъ бы запереть Дюмурье въ его лагерѣ, а Дюмурье могъ бы спастись только бѣгствомъ чрезъ горы, бросивъ всѣ свои парки, артиллерію, обозъ и лошадей; — въ *третій разъ* рѣшительною атакой при Вальми, притянувъ сперва всѣ ближайшія войска, которыми можно было располагать. Положеніе французской арміи было таково, что она могла быть лишена своихъ сообщеній и поставлена въ совершенную невозможность принять сраженіе. Нравственное впечатлѣніе и страхъ содѣйствовали бы тогда всякому успѣху въ Парижѣ; еслибы же хотѣли отойти назадъ къ линіи Мааса, чтобъ притянуть бо́льшія силы, то во всякомъ случаѣ имѣли бы болѣе славное и безопасное отступленіе. Наконецъ, медленность въ этой нашественной войнѣ была такъ велика, что герцогъ, чтобъ

пройти разстояніе меньше 50-ти миль (350 верстъ) отъ Кобленца до Вальми ([34]), гдѣ въ началѣ вовсе не было непріятеля для противодѣйствія ему, употребилъ болѣе времени, нежели русскій полководецъ, постоянно имѣвшій непріятеля передъ собою, употребилъ на двойное разстояніе отъ Молдавіи по другую сторону Буга (больше 100 миль или 700 верстъ въ два мѣсяца) ([35]). Въ послѣдствіи (1814) и Блюхеръ прошелъ почти тотъ же путь, которымъ слѣдовалъ герцогъ, и притомъ еще зимою, въ одинъ мѣсяцъ ([36]). Такимъ образомъ оказывается, что между тѣмъ, какъ при вторженіи въ Польшу было все, что̀ требовалось: достаточныя средства, благоразумное употребленіе ихъ, быстрое исполненіе, при политической поддержкѣ,—при вторженіи во Францію недоставало всего: достаточныхъ средствъ, разумнаго употребленія ихъ, энергическаго исполненія и мудрой политики. Можно-ли послѣ того удивляться совершенно различнымъ результатамъ?—Еслибъ герцогъ велъ свою нашественную войну противъ Польши, то онъ и въ ней совершилъ бы столь же мало и скоро содѣлалъ бы Поляковъ побѣдителями; вспомнимъ только то, что̀ случилось тамъ спустя два года. Медленный, методическій образъ веденія войны, въ которомъ армія подвигается лишь шагъ за шагомъ, неумѣстенъ противъ возставшаго народа; тутъ дѣло рѣшается только великими, сильно дѣйствующими ударами.

Франція была очищена, Пруссаки отступали къ Рейну, король исполненъ гнѣва и внутренняго неудовольствія противъ своего полководца, мало соотвѣтившаго высокой своей славѣ, противъ имперцевъ, недостаточно поддержавшихъ его, и въ особенности противъ французскихъ эмигрантовъ, слишкомъ много обѣщавшихъ и ничего не исполнившихъ. Сверхъ того, приготовленія къ этому походу, равно какъ и предшествовавшія, къ предполагавшемуся рейхенбахскому и къ походу противъ Русскихъ, для предписанія имъ мира съ Турціей, въ соединеніи съ безпримѣрною щедростью къ любимцамъ и къ покровительствуемымъ лицамъ, опорожнили казну великаго Фридриха, накопленную имъ въ продолженіе многихъ лѣтъ талеръ за талеромъ, и потому громадныя издержки, требуемыя новымъ походомъ и ис-

---

(34) Выступленіе изъ Кобленца 31-го іюля—сраженіе при Вальми 20-го сентября.

(35) 8 (19) мая переходъ у Могилева и Косницы; 7 (18) іюля бой при Дубенкѣ на Бугѣ.

(36) Въ ночь на новый годъ переходъ черезъ Рейнъ у Кауба,—31 января бой при Бріеннѣ.

пытанныя теперь на дѣлѣ, наводили страхъ. Не хотѣли, чтобы сдѣланныя уже и имѣвшія быть сдѣланными издержки остались тщетными, но желали заранѣе обезпечить себѣ вознагражденіе, а имъ была, какъ мы видѣли, часть Польши. Еще при предварительныхъ переговорахъ въ Вѣнѣ, графъ Гаугвицъ, въ качествѣ прусскаго посланника, неоднократно представлялъ, что «право Пруссіи на вознагражденіе существенно отличается отъ такого же права Австріи. Австрія есть главная держава, сторона атакованная, Пруссія же— побочная держава, сторона воспомогательная. Слѣдовательно, сдѣлавъ значительныя пожертвованія для дѣла, которое не было ея собственнымъ, она имѣетъ и самыя справедливыя притязанія на вознагражденіе. Если она возьметъ это вознагражденіе въ Польшѣ, то получитъ только обратно свои издержки. Австрія же, напротивъ, если имѣетъ притязаніе на вознагражденіе, должна получить оное на счетъ своего врага—Франціи.»

Теперь, не смотря на неудавшійся походъ, снова взялись за это дѣло и хотѣли страхомъ и надеждой изторгнуть то, чего нельзя было добыть успѣхомъ оружія: страхомъ—предоставивъ Австрію, своимъ уклоненіемъ, одну напору всѣхъ силъ Франціи; надеждой—обѣщая впредь, въ случаѣ согласія, еще болѣе сильную, нежели доселѣ, помощь.—Австрійскій государственный референдарій, баронъ Шпильманъ, открылъ въ октябрѣ конференціи въ Люксембургѣ, на которыхъ, сверхъ посланниковъ: австрійскаго (князя Рейсскаго) и русскаго (Алопеуса), присутствовали еще прусскіе первые министры Гаугвицъ и Луккесини, и представитель Людовика XVI, баронъ Бретёйль. Мы уже знаемъ хитраго Луккесини; *Гаугвицъ* былъ равенъ ему, не хитростью и знаніями, но образомъ мыслей, мало одаренъ способностями, недальновиденъ, болѣе гибкій придворный, нежели государственный человѣкъ. Для достиженія своихъ цѣлей онъ не былъ разборчивъ въ средствахъ, а жажда пріобрѣтенія заставляла его упускать изъ виду послѣдствія. Императоръ Леопольдъ, узнавшій его въ Италіи, просилъ о назначеніи его посланникомъ въ Вѣну; но онъ прибылъ туда лишь по смерти императора и сопровождалъ молодаго короля Франца, для императорскаго коронованія и для совѣщаній, въ Майнцъ, затѣмъ былъ назначенъ, на мѣсто Шуленбурга, первымъ кабинетъ-министромъ, за то, что, стараясь войти въ милость, явился самымъ ревностнымъ поборникомъ присоединеній отъ Польши, «*дабы*, какъ онъ говорилъ, *подарить Прус-*

ей новую и прекрасную провинцію» (37). Принятая имъ теперь система состояла въ томъ, чтобы какъ можно болѣе требовать для Пруссіи, но мало тому содѣйствовать; это привело къ обманчивой политикѣ, которая никогда еще не приносила хорошихъ плодовъ, да и не принесла ихъ для Пруссіи. Подъ его руководствомъ политика Пруссіи пришла въ неуваженіе, отъ котораго ее освободили только Гарденбергъ и Штейнъ. Подобно герцогу брауншвейгскому неспособный къ нравственнымъ оцѣнкамъ и жадный только къ матеріальнымъ выгодамъ, онъ повсюду гнался за пріобрѣтеніями, ничего нестоившими—кромѣ славы, и тѣмъ ослаблялъ нравственное достоинство государства, которому полагалъ оказать услугу. Здѣсь, въ Люксембургѣ, онъ защищалъ противъ государственныхъ людей Австріи прусскія притязанія на Польшу. «Король его, — доказывалъ онъ,—имѣетъ собственно право требовать отъ Австріи вознагражденія за оказанную ей помощь; но чтобы не быть въ тягость своему союзнику, онъ хочетъ взять оное въ Польшѣ. Онъ полагаетъ даже оказать этимъ услугу императору, но требуетъ за то, чтобъ императоръ первый обратился съ предложеніями по сему предмету въ Петербургъ.» — Въ продолженіе этихъ переговоровъ армія приблизилась и главная квартира короля прибыла въ *Мерль*, неподалеку отъ Люксембурга. Гаугвицъ и Луккесини отправились къ королю, и въ этомъ небольшомъ мѣстечкѣ выработана была, наконецъ, 25-го октября, рѣшительная нота, заключавшая въ себѣ предложенія Пруссіи и ея послѣднія условія sine qua non. Вотъ ея содержаніе (38):

«Въ случаѣ, еслибы жедаемое, по поводу французской революціи, соединеніе европейскихъ государствъ состоялось, для того, чтобъ положить предѣлъ анархіи во Франціи, поддержать въ ней монархическое правленіе и даровать Людовику XVI силу для сохраненія онаго, Его Королевское Прусское Величество объявляетъ, что онъ готовъ принять въ этомъ соединеніи дѣятельное участіе и приступить ко всѣмъ условіямъ, какія будутъ установлены при этомъ. Еслибы же такое соединеніе не состоялось, но государственныя интересы Германіи потребовали войны имперіи противъ Франціи, то и въ такомъ случаѣ также король готовъ принять дѣятельное и со-

(37) См. брошюру: Fragment des Mémoires inédits du Cte. de Haugwitz. Jena 1837.

(38) Мы приводимъ здѣсь всѣ эти документы не слово въ слово, а только въ краткомъ извлеченіи, для избѣжанія многословія. Кто можетъ сличить подлинники, найдетъ, что ничего существеннаго не упущено.

размѣрное участіе, какъ членъ имперіи. Наконецъ, даже въ томъ случаѣ, еслибы Его Величество Императоръ пожелалъ продолжать войну противъ Франціи со всѣми своими силами, безъ участія другихъ державъ, Его Прусское Величество обѣщаетъ помогать Императору и въ предстоящемъ походѣ такими же силами, какъ и въ настоящемъ.

«Но какъ настоящій походъ потребовалъ такихъ значительныхъ издержекъ и причинилъ такую большую потерю въ людяхъ, а при продолженіи войны потребуются еще болѣе значительныя издержки, *то Его Королевское Прусское Величество считаетъ себя въ правѣ ожидать совершеннаго и скораго вознагражденія уже сдѣланныхъ имъ военныхъ издержекъ, и прежде, нежели приметъ дальнѣйшее участіе въ войнѣ, требовать вознагражденія и за издержки, какія будутъ сдѣланы еще въ послѣдствіи.*

«Поэтому король ожидаетъ, что тотъ округъ въ *Польшѣ*, о которомъ онъ уже объявлялъ прежде, императорскимъ—королевскимъ и императорскимъ россійскимъ дворами *будетъ гарантированъ ему и что ему можно будетъ вступить въ дѣйствительное обладаніе онымъ.*»

Возвратившись въ Люксембургъ, Гаугвицъ передалъ эту ноту барону Шпильману и вмѣстѣ съ тѣмъ представилъ ему подлинный экземпляръ карты Польши, на которомъ король собственноручно провелъ линію, обозначавшую то, что онъ имѣлъ притязаніе присоединить отъ Польши, присовокупивъ: «какъ только король вступитъ въ обладаніе этимъ вознагражденіемъ, то будетъ готовъ оказать императору и въ будущемъ походѣ точно такую же помощь, какъ доселѣ; *въ случаѣ же отказа въ этомъ непремѣнномъ условіи, Пруссія тотчасъ же отзоветъ свои войска* и будетъ строго держаться только числа войскъ, опредѣленнаго союзнымъ договоромъ, но при этомъ все таки будетъ настаивать на *удовлетворительномъ вознагражденіи* за издержки прошедшаго похода, и это вознагражденіе всегда будетъ состоять въ разширеніи границъ Пруссіи со стороны Польши, съ тою только разницей, что его будутъ соразмѣрять съ употребленными дотолѣ средствами».

Чтобы дѣятельнѣе вести это дѣло въ самой Вѣнѣ, Гаугвицъ отправился туда еще въ ноябрѣ. Прибывъ туда, онъ представилъ вице-канцлеру, графу Филлиппу Кобенцелю все то, о чемъ договаривался относительно вознагражденія съ барономъ Шпильманомъ въ Люксембургѣ. Получивъ наконецъ 10 декабря 1792 г., послѣ долгихъ переговоровъ, согласіе вѣнскаго двора на вступленіе Пруссіи

въ обладаніи польскими округами, онъ, до отправленія извѣстія о томъ, потребовалъ еще увѣдомленія о тѣхъ сообщеніяхъ, какія вѣнскій дворъ сдѣлаетъ по этому предмету императрицѣ россійской и въ которыхъ объявитъ свое согласіе на пріобрѣтенія Пруссіи и притомъ на немедленное занятіе ихъ. Достигнувъ этого и получивъ рѣшительное согласіе вѣнскаго двора на занятіе округовъ и обѣщаніе сдѣлать по этому предмету настоятельнѣйшія представленія русской императрицѣ, дабы увѣриться также и въ ея согласіи, не ставя его впрочемъ въ зависимость отъ равномѣрнаго вознагражденія для Австріи,—онъ отправился обратно къ своему королю, чтобъ сообщить ему результатъ своихъ переговоровъ. На прощальной аудіенціи 23 дек. 1792 г. императоръ сказалъ ему еще, что «онъ неизмѣнно полагается на дружбу прусскаго короля, но, хотя и изъявилъ свое согласіе на расширеніе Пруссіи на счетъ Польши, такъ какъ король объявилъ это пріобрѣтеніе условіемъ sine qua non своего будущаго содѣйствія, однако озабочивается тѣмъ, что въ Петербургѣ могли бы возникнуть затрудненія въ полученіи согласія императрицы».—Но заботу объ этомъ прусскій кабинетъ принялъ уже на самаго себя, отправивъ туда еще въ ноябрѣ посланнику своему при петербургскомъ дворѣ, графу Гольцу, ноту изъ Мерля, съ инструкціей вступить въ переговоры, для чего король послалъ ему собственноручное полномочіе. Такимъ образомъ снова повторилось это предложеніе, отложенное прежде императрицею на отдаленное будущее время. Что ей было дѣлать въ такихъ обстоятельствахъ? Дальнѣйшая отсрочка была невозможна, такъ какъ король требовалъ положительнаго отвѣта, который долженъ былъ рѣшить его будущія дѣйствія и отношенія. Отказать, воспротивиться?—Какія были бы послѣдствія? — Тщательно, со всѣхъ сторонъ взвѣсила императрица этотъ вопросъ и результатъ взвѣшенія его изложила въ *тайной инструкціи* своей *графу Сиверсу*, назначенному ею въ это время (въ дек. 1792 г.), вмѣсто Булгакова, посланникомъ въ Варшаву. Этотъ документъ важенъ, потому что содержитъ въ себѣ всю политику ея въ отношеніи къ Польшѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ отвѣчаетъ на вышеозначенный вопросъ. Здѣсь приводится въ извлеченіи все, касающееся этого предмета:

«При вступленіи своемъ на престолъ, сказано въ инструкціи ([39]), императрица хотѣла утвердить на прочныхъ основаніяхъ отношенія свои къ польской республикѣ; но старанія о томъ, вмѣсто друже-

(39) Инструкція графу Сиверсу отъ 22 дек. 1792.

ственной встрѣчи со стороны Поляковъ, произвели только вражду къ Россіи, междоусобную войну и раздоръ, приведшіе наконецъ къ раздѣлу 1772 года. «Всякому свѣдущему Поляку, продолжаетъ императрица, извѣстно, *до какой степени было вынуждено обстоятельствами Наше согласіе на то* и съ какою великою умѣренностію Мы и въ этомъ случаѣ ограничили Наши притязанія и по возможности старались удерживать алчность другихъ дворовъ. Казалось, это событіе могло бы послужить Полякамъ урокомъ, что дальнѣйшая неприкосновенность и спокойствіе ихъ государства неразрывно связаны съ тѣснѣйшимъ ихъ сближеніемъ съ Нами и съ соблюденіемъ непрестанныхъ добрыхъ отношеній къ Намъ и Нашему государству». Но время, и притомъ весьма краткое, показало, что легкомысліе, высокомѣріе, вѣроломство и неблагодарность, столь свойственныя сему народу, неисправимы даже несчастіемъ; ибо лишь только руководители ихъ правленія увидѣли, что императрица вовлечена разомъ въ двѣ войны и опутана происками своихъ завистниковъ, какъ тотчасъ же отвергли всѣ торжественныя обязательства въ отношеніи къ ней и дозволили себѣ самые враждебные поступки противъ нея, ея арміи и ея безвинныхъ подданныхъ, пріѣзжавшихъ по пропленнымъ дѣламъ въ Польшу, а наконецъ уничтожили еще и гарантированную императрицею конституцію, замѣнивъ ее конституціей 3-го мая. Хотя Она, говорится дальше, имѣла бы право на открытую войну, но, предпочитая кроткія, мирныя мѣры, рѣшилась на столь употребительное въ Польшѣ, въ подобныхъ случаяхъ, средство — конфедерацію. Между тѣмъ, какъ ни мало было въ началѣ число конфедератовъ, тотчасъ можно было замѣтить у нихъ различіе въ видахъ, которые не обѣщали ни твердаго, единодушнаго хода дѣлъ, ни прочнаго основанія возводимому зданію. Одни помышляли о сохраненіи или умноженіи преимуществъ своихъ должностей, другіе о пріобрѣтеніи равномѣрныхъ правъ, третьи хотѣли бы оставить въ силѣ постановленія послѣдняго сейма въ отношеніи къ арміи; словомъ, за исключеніемъ одного начальника артиллеріи (Феликса) Потоцкаго, никто не занимался дѣлами своего отечества, не замѣшивая въ нихъ личныхъ своихъ видовъ и выгодъ. Но какъ дѣло состояло не въ томъ, чтобы согласить эти боровшіеся умы, но скорѣе въ томъ, чтобы придти наконецъ къ какому нибудь рѣшительному результату, то императрица приказала своимъ генераламъ наискорѣе вступить въ Польшу и подъ защитою Ея оружія провозгласить генеральную конфедерацію, которая и осуществилась подъ названіемъ *тарговицкой*. Тогда король сталъ стараться

вооружить противъ Россіи близкія и отдаленныя державы, и даже оказать вооруженное сопротивленіе ей; однако наконецъ самъ былъ принужденъ приступить къ конфедераціи. Но его предшествовавшіе и послѣдовавшіе затѣмъ поступки доказали, какъ мало было съ его стороны искренности въ нихъ; ибо, не говоря уже о лукавыхъ предложеніяхъ, посредствомъ которыхъ онъ хотѣлъ посѣять раздоръ между императрицею и сосѣдними державами, онъ и теперь еще питаетъ въ польскомъ народѣ ненависть и ожесточеніе противъ Россіи и ея войскъ, въ чемъ ежедневно обнаруживаются новые признаки. И посланная конфедератами въ Петербургъ депутація также увѣряла, что лишь только русскія войска очистятъ Польшу, то въ ней все придетъ въ прежнее замѣшательство и все, учрежденное ими, снова вскорѣ будетъ низпровергнуто. «Но, говоритъ императрица, это возможное событіе не столько безпокоитъ Меня, сколько вліяніе пагубныхъ французскихъ ученій, которыми, по всѣмъ доходящимъ до Насъ свѣдѣніямъ, склонные ко всякому своеволію умы Поляковъ уже заражены до такой степени, что послѣдніе учредили у себя въ Варшавѣ клубы, по образцу якобинскихъ, гдѣ дерзко проповѣдуются ихъ ученія и откуда легко могутъ распространиться по всей Польшѣ и даже проникнуть въ сосѣднія страны.»—Таковы отношенія къ Польшѣ; отношенія же къ сосѣднимъ державамъ слѣдующія. Тутъ она упоминаетъ то, что уже приведено нами выше, какъ она, еще до открытія военныхъ дѣйствій, предварительно сообщила это вѣнскому и берлинскому дворамъ; какъ первый изъ нихъ не изъявилъ желанія перемѣны конституціи, однако потомъ согласился и объявилъ Полякамъ, чтобъ они не надѣялись на него; берлинскій же дворъ, напротивъ, согласный во всемъ главномъ, предлагалъ только другія средства. «Но какъ Мы не нашли ихъ столь же дѣйствительными, сколько приготовленныя нами, то и рѣшились дѣйствовать по собственному Нашему усмотрѣнію.»—Оба эти двора заключили тогда тѣснѣйшій союзъ между собой и дѣйствовали совокупно противъ французскихъ революціонеровъ, объявившихъ войну императору. Первоначальные успѣхи ихъ породили мысль доставить себѣ соотвѣтственныя выгоды. Тогда они представили императрицѣ согласненный между ними планъ, состоявшій въ томъ, что *императорскій дворъ, въ замѣнъ Нидерландовъ, получитъ Баварію, прусскій же—Данцигъ и Торнъ съ нѣкоторыми воеводствами Великой Польши*; при чемъ они приглашали императрицу взять и себѣ часть Польши, соразмѣрную обоюднымъ ихъ пріобрѣтеніямъ. На это императрица вскорѣ затѣмъ отвѣчала только въ общихъ выраженіяхъ, подавая однако надежду, что можетъ быть и согласится, главнѣйше для того,

чтобы ободрить ихъ къ продолженію войны съ цѣлію низложенія революціоннаго духа, одинаково важной для всѣхъ государей и правильно устроенныхъ правительствъ. Несчастный оборотъ послѣдняго похода показалъ королю прусскому, съ какими трудностями и большими издержками сопряжено предпринятое имъ дѣло. Въ своемъ нетерпѣніи относительно сего, онъ объявилъ обоимъ императорскимъ дворамъ: походъ этотъ причинилъ ему такія большія потери, что онъ находится въ невозможности продолжать долѣе войну въ союзѣ съ Австріей и потому приметъ мирныя предложенія, сдѣланныя ему французскими мятежниками, если ему не будетъ гарантировано полное вознагражденіе всѣхъ его потерь и дозволено вступить немедленно въ обладаніе тѣмъ, чего онъ требуетъ для такого вознагражденія по вновь представленному имъ плану, болѣе обширному, чѣмъ предшествовавшій, въ какомъ случаѣ обѣщалъ не только пребыть въ союзѣ съ вѣнскимъ дворомъ, но съ большею еще ревностію и съ бо̀льшимъ напряженіемъ силъ содѣйствовать достиженію общей цѣли. «Посланникъ его былъ уполномоченъ вступить съ Нашимъ министерствомъ въ переговоры по сему предмету, при чемъ онъ въ тоже время представилъ карту, гдѣ были ближе обозначены земли, на которыя объявлялись притязанія.» — Тутъ императрица переходитъ къ сдѣланному выше вопросу, что̀ ей слѣдовало дѣлать въ такихъ обстоятельствахъ? Она говоритъ: «Это рѣшительное объявленіе, сопровожденное настоятельными представленіями, принудило Насъ войти въ ближайшее разсмотрѣніе всѣхъ обстоятельствъ. Тогда ясно оказалось:

Во-первыхъ, что по пріобрѣтеннымъ опытамъ и по настоящему состоянію умовъ въ Польшѣ, при непостоянствѣ и легкомыслiи сего народа, при его ожесточеніи и ненависти противъ Насъ, въ особенности же при обнаруживающихся у него французскихъ своеволіи и безумствѣ, Мы никогда не будемъ имѣть въ немъ спокойнаго и безопаснаго сосѣда, если только не приведемъ его въ совершенное безсиліе.

«*Во-вторыхъ*, что еслибы Мы не согласились на предложенія, сдѣланныя королемъ прусскимъ, и онъ отпалъ по сей причинѣ отъ римскаго императора, то Мы поставили бы сего естественнаго и важнаго союзника Нашего въ величайшую опасность, такъ что въ слѣдствіе сего все европейское равновѣсіе легко могло бы быть низпровергнуто, такъ какъ оно и безъ того уже значительно поколеблено настоящимъ состояніемъ Франціи.

«*Въ-третьихъ*, что король, въ своемъ огорченіи и неудовольствіи по поводу великихъ, тщетно сдѣланныхъ имъ издержекъ,

не взирая на непринятіе Нами его предложеній, при его горячемъ нравѣ, могъ бы однако завладѣть землями, на которыя объявляетъ притязанія въ упомянутомъ планѣ; или, дабы проложить себѣ путь къ тому, могъ бы опять замѣшать Насъ въ новыя дѣла и непріятности, къ умноженію которыхъ Поляки тотчасъ же явили бы себя послушнымъ орудіемъ.

«При этихъ разсужденіяхъ Мы говорили только о невыгодахъ Нашего отказа, но если Мы взвѣсимъ и выгоды, въ слѣдствіе Нашего согласія, то онѣ сами бросятся всякому въ глаза.

«Эти и многія другія причины побудили Насъ изъявить согласіе на дѣло, начало и конецъ котораго есть: *освободить отъ угнетѣнія древнія русскія земли и города, населенные или основанные русскими единоплеменниками, исповѣдующими единую съ Нами вѣру*, и, присоединеніемъ ихъ къ Нашему государству, возвести ихъ на одинаковую высоту славы и благосостоянія, которыми, какъ Мы надѣемся, наслаждаются всѣ наши любезные подданные.»

Эти доводы были важны, они показывали всю опасность, угрожавшую не только императрицѣ и ея государству, но и общему дѣлу порядка, въ случаѣ ея отказа, равно какъ и великія выгоды, сопряженныя съ ея согласіемъ; и что, по ближайшемъ разсмотрѣніи, въ концѣ концовъ то были все-таки области, нѣкогда принадлежавшія Россіи и отторгнутыя отъ нея Литвою, которыя, принятіемъ прусскихъ предложеній, снова присоединялись къ древнимъ родовымъ землямъ. Если благо своего государства составляетъ главнѣйшую задачу государя, то что̀ могла, что̀ должна была, въ такихъ обстоятельствахъ, иначе сдѣлать императрица? Должна-ли она была, щадя ожесточеннаго врага, обратить друга во врага и къ тому еще такого, который могъ очень вредить ей и котораго даже снова поддержали бы пощаженные ею?—Должна-ли она была снова ввергнуть свое государство въ опасное положеніе, изъ котораго съ трудомъ извлекла его, и притомъ единственно въ угоду старымъ родовымъ врагамъ, которые содѣйствовали приведенію его въ такое положеніе и теперь еще имѣли полное желаніе раздробить его, еслибы могли, какъ раздробили его нѣкогда?—И такъ согласіемъ своимъ она избѣгала великой опасности, обезпечивала себѣ вознагражденіе за свои военныя издержки, карала Поляковъ за ихъ отпаденіе и присоединеніе къ ея противникамъ и совершала возмездіе за всѣ, нѣкогда испытанныя отъ нихъ неправды и бѣдствія. Жизнь народовъ въ вѣчномъ движеніи: нѣкогда были сильны Литва и Польша, и Россія пала предъ ними въ прахъ; теперь очередь

силы наступила для Россіи, и предъ ея силой изчезали онѣ съ своей стороны. Наконецъ, право Россіи противъ нихъ было такое же, какое онѣ прежде имѣли противъ Россіи, и еще большее, ибо Россія дѣйствовала не изъ тщеславной жажды завоеванія, но только стремилась, для обезпеченія собственной нравственной и политической безопасности, привести смертельнаго врага въ невозможность вредить ей.

Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ, графъ Гольцъ уже 30 ноября (11 декабря) могъ донести королю, что императрица россійская соглашается на предложенный уговоръ. Радость короля была чрезмѣрная. «Нечего и говорить вамъ, писалъ онъ посланнику своему 15 (26) дек., какимъ удовольствіемъ исполнило меня содержаніе вашей депеши. Я заранѣе расчитывалъ на полное вліяніе моего довѣрія къ дружбѣ императрицы. Передайте графу Остерману, въ сильнѣйшихъ и самыхъ дружественныхъ выраженіяхъ, всю мою благодарность за поступокъ Ея Величества, и скажите ему, что министерство мое тотчасъ вышлетъ вамъ послѣднія инструкціи; между тѣмъ оно и теперь уже можетъ дать удостовѣреніе, что я не буду питать никакой зависти къ притязаніямъ императрицы въ отношеніи Польши; если они, въ первую минуту, и могли изумить меня своею обширностью, то все-таки преданность и дружба мои къ моей союзницѣ заставятъ меня устранить всѣ сомнѣнія». Этой снисходительности много могло содѣйствовать неожиданное сопротивленіе австрійскаго двора. Не взирая на всѣ доводы графа Гаугвица, на самыя рѣшительныя увѣренія, что король его отнюдь не приметъ болѣе участія въ настоящей войнѣ, если ему не будетъ дозволено войти въ дѣйствительное обладаніе требуемыми округами Польши,— вѣнскій дворъ не иначе хотѣлъ дать свое согласіе, какъ подъ условіемъ, чтобъ и онъ также получилъ свое вознагражденіе въ Польшѣ, еслибы предположенный сначала и принятый на конференціяхъ въ Майнцѣ и Люксембургѣ обмѣнъ Нидерландовъ на Баварію не могъ состояться. Вступленіе Пруссіи въ обладаніе польскими областями должно было, поэтому, быть только предварительнымъ (éventuel).—Это возбудило большое неудовольствіе со стороны Пруссіи: вѣдь уже было обѣщано содѣйствовать этому обмѣну всѣми возможными способами, «и императорскій дворъ, — прибавляли къ этому,—долженъ бы былъ почитать себя счастливымъ, сбывъ за такую цѣну свои бельгійскія области, которыя, хотя и приносили нѣкогда значительный доходъ, но въ настоящее время стали только невѣрнымъ и дорого стоющимъ владѣніемъ. Правда, области эти

заняты въ настоящее время французскими войсками и раздираемы внутреннимъ возстаніемъ, слѣдовательно представляютъ плохое вознагражденіе пфальцскому дому; однако можно полагать, что въ слѣдующемъ походѣ дѣла не останутся въ такомъ положеніи; еслибы же однако это и случилось, то императора можно было бы, какъ уже дано уразумѣть со стороны Пруссіи, вознаградить какою-нибудь секуляризаціею въ Германіи».

Король, до введенія своихъ войскъ въ Польшу, ожидалъ еще только прибытія въ Варшаву новаго русскаго посланника, графа Сиверса, и назначеннаго на мѣсто Каховскаго, новаго главнокомандующаго русскихъ войскъ, генерала Игельстрёма, дабы начальствовавшій прусскимъ кордономъ, генералъ Мёллендорфъ могъ вступить съ ними въ соглашеніе касательно взаимнаго содѣйствія, такъ какъ тогдашніе русскіе: посланникъ и главнокомандующій войсками, не зная новыхъ уговоровъ, воспротивились бы, можетъ быть, вступленію прусскихъ войскъ. Это вступленіе ихъ Пруссаки сначала хотѣли представить только въ видѣ мѣры предосторожности противъ ненадежнаго поведенія Поляковъ, до тѣхъ поръ, пока въ Петербургѣ не будетъ заключено соглашеніе касательно обоюдныхъ пріобрѣтеній. Новыхъ сценъ безпорядковъ и волненій, которыя могли бы возникнуть въ Варшавѣ, не опасались, ибо они, какъ говорилось, могли бы послужить только къ тому, чтобъ еще болѣе оправдать этимъ принятыя мѣры.

Англійское министерство не было еще извѣщено о соглашенныхъ въ Майнцѣ и Люксембургѣ планахъ вознагражденія, и объ стороны были очень озабочены касательно его согласія. Вѣнскій дворъ предложилъ теперь сообщить ему оные. Графъ Гаугвицъ удивился и воспротивился этому, «ибо, изъ всѣхъ державъ, Англія болѣе всѣхъ была заинтересована воспрепятствованіемъ обмѣну Нидерландовъ и раздробленію Польши.»—Вице-канцлеръ графъ Филиппъ Кобенцель, хотя сначала оказалъ уступчивость, но не менѣе того, въ надеждѣ, можетъ быть, возбудить новыхъ противниковъ прусскимъ притязаніямъ, предписалъ австрійскому посланнику въ Лондонѣ, графу Стадіону, открыть эту тайну британскому министерству, даже и въ томъ случаѣ, еслибы прусскій посланникъ, баронъ Якоби, отказалъ въ своемъ содѣйствіи. Чтобъ отразить этотъ ударъ, барону Якоби было приказано объявить, что «эти виды на пріобрѣтенія въ Польшѣ суть только проекты и прежде подлежатъ еще ближайшему обсужденію съ сосѣдними дворами, въ особенности съ петербургскимъ». Это было сдѣлано для выиграния времени, пока

исполненіе предположенныхъ мѣръ не защититъ отъ дальнѣйшихъ настояній британскаго министерства.

Затѣмъ ему было представлено, что «въ походѣ противъ Франціи имѣлись въ виду самыя спасительныя для цѣлой Европы намѣренія, а именно поддержаніе монархическаго правленія во Франціи, съ соблюденіемъ равновѣсія между властями, подавленіе анархіи и утушеніе пагубныхъ правилъ господствующей факціи, наконецъ удовлетвореніе за нарушенныя права имперскихъ князей Германіи и справедливое вознагражденіе за военныя издержки. — Дѣло это теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, стало дѣломъ всѣхъ державъ, съ тѣхъ поръ, какъ французскіе революціонеры начали распространять свои пагубныя ученія и внѣ Франціи и стремиться при этомъ присоединить къ своей республикѣ ближайшія къ ней государства, и сверхъ того обѣщаютъ всѣмъ мятежникамъ въ другихъ странахъ помощь и содѣйствіе. Но нельзя же требовать, чтобы король прусскій сдѣлался жертвою своего рвенія и ни за что, ни про что предалъ себя на общую пользу. Тоже самое правило принято и союзникомъ Пруссіи, императоромъ римскимъ; а потому обѣ стороны, еще до начала послѣдняго похода, согласились доставить себѣ справедливое вознагражденіе за употребленныя военныя издержки. Только подъ такимъ условіемъ Пруссія употребила больше средствъ, нежели можно было ожидать отъ нея, и готова повторить свои усилія въ предстоящемъ походѣ.

«Но Пруссія не можетъ надѣяться найти вознагражденіе со стороны Франціи, или, какъ Англія, уничтоженіемъ морской торговли ея, и самыя блистательныя завоеванія съ этой стороны не представили бы ей желаемыхъ выгодъ. Даже Австрія, хотя по географическому положенію своему болѣе близкая къ Франціи, противится искать себѣ вознагражденій съ этой стороны. Поэтому нужно было обратить свои взоры въ другія стороны: вѣнскій дворъ полагалъ обмѣнять Нидерланды на Баварію, Пруссія же имѣетъ въ виду только одинъ предметъ, который можетъ достаточно вознаградить ее, это—расширеніе ея границъ со стороны Польши. Допустивъ право вознагражденія, должно также допустить, что страна, постоянно раздираемая внутренними факціями, даже и въ настоящую минуту подверженная всѣмъ возможнымъ безпокойствамъ и раздорамъ, уже зараженная пагубными правилами французской демократіи и мятежа, вынуждаетъ своихъ сосѣдей привести ее въ невозможность вредить имъ, и кромѣ того нисколько нельзя будетъ сожалѣть, если она отъ анархическаго и угнетающаго правленія

перейдетъ къ правильно устроенному и умѣренному. — Впрочемъ,— присовокуплено было для успокоенія,—все это существуетъ только въ проектѣ, который долженъ еще созрѣть и быть обсужденъ ближе. Такова цѣна, которую назначаетъ король, если долженъ оказывать дальнѣйшее содѣйствіе общему дѣлу.» (40)

Таковы были предварительные переговоры, предшествовавшіе второму раздѣлу Польши. Договоръ соглашенія о немъ между Пруссіей и Россіей былъ заключенъ только въ слѣдующемъ году, 12 (23) января 1793, въ Петербургѣ, и вѣнскій дворъ приглашенъ приступить къ нему, отъ чего, однако, сначала уклонился.— Исполненіе этого договора о раздѣлѣ, переговоры о томъ въ Польшѣ и шумныя сцены въ Гродно мы узнаемъ въ слѣдующемъ отдѣлѣ (*).

Тѣмъ кончился этотъ мощный и насильственный годъ, положившій начало многимъ бѣдствіямъ, долженствовавшимъ вскорѣ удручить Европу: тамъ—опустошительнымъ для всѣхъ государствъ побѣдамъ Французовъ, грозившимъ уничтожить всякую независимость народовъ; здѣсь—пронзительному воплю Поляковъ, вызвавшему еще не одну бурю.

---

(40) Мы привели здѣсь въ краткомъ извлеченіи длинные дипломатическіе переговоры и акты, покоящіеся въ пыли архивовъ. Намъ не трудно было бы подтвердить каждое изъ сдѣланныхъ здѣсь показаній, почти каждое сообщенное нами слово документомъ или приложить къ нимъ дипломатическій актъ.

(*) Къ крайнему сожалѣнію, ни этого отдѣла, ни всей третьей части этого сочиненія Смитта, за смертію послѣдняго, въ изданіи не имѣется. Прискорбный перерывъ на самомъ любопытномъ мѣстѣ!

Къ стран. 297.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

D. Lettre du Roi de Pologne à l'Impératrice de Russie.

Madame ma Soeur!

Je n'emploierai ni détours ni longueurs; elles ne conviennent ni à mon caractère ni à ma situation. Je vais m'expliquer avec franchise, car c'est à vous que j'écris. Daignez me lire avec bonté et sans préoccupation. Daignez vous souvenir de ce que je vous ai remis par écrit sur votre galère à Kaniow. Si mes efforts pour la réussite de ce plan là n'eurent point d'effet, Votre Majesté Impériale sait trop bien que ce n'est pas en moi qu'en a été la faute.

Toute discussion sur ce qui a suivi serait superflue ici et ne remédierait à rien. Je passe donc d'abord au moment présent et je parlerai clair. Il vous importe, Madame, d'influer en Pologne et de pouvoir y faire passer vos troupes sans embarras, toutes les fois que vous voudrez vous occuper ou des Turcs ou de l'Europe.

Il nous importe d'être à l'abri des révolutions continuelles, dont chaque interrègne doit nécessairement devenir la cause, en y faisant intervenir tous nos voisins, en nous armant nous-mêmes les uns contre les autres. Il nous faut de plus un gouvernement intérieur mieux réglé que ci-devant.

Or, voici le moment et le moyen de concilier tout cela. Donnez nous pour successeur à moi votre petit-fils, le Prince Constantin; qu'une alliance perpetuelle unisse les deux pays; qu'un traité de commerce réciproquement utile y soit joint. Je n'ai pas besoin de dire, que toutes les circonstances sont telles, que jamais l'exécution de ce plan n'a pu être plus facile; car ce n'est pas à Votre Majesté qu'il faut donner des conseils ni suggérer des vues. Mais il faut, que je Vous adresse mes prières, et les plus ardentes, pour que Vous daigniez m'écouter et entrer dans ma situation.

La diète m'a accordé le pouvoir de faire un armistice, mais non pas la paix finale sans elle. Je commence donc par Vous demander, par Vous prier, par Vous conjurer, de nous accorder un armistice au plutôt, et j'ose Vous répondre du reste, pourvu que vous m'en laissiez le tems et les moyens. Il se fait actuellement ici un si grand changement dans les esprits, que Vous pouvez être certaine de voir, pour tout ce que je viens de Vous proposer, un enthousiasme peut-être plus grand qu'il n'y en a eu pour tout ce qui a été opéré à cette diète; et vous en appercevrez sans doute facilement la cause.

Mais je ne dois pas Vous cacher que, si Vous exigiez à la rigueur tout ce que porte Votre déclaration, il ne serait pas en mon pouvoir d'effectuer ce que je desire tant de faire.

Je sais bien que Vous pouvez penser, que la force que Vous avez en main suffira à tout ce que Votre déclaration annonce sans adoucissement. A cela je ne répondrai rien autre, sinon que je ne puis croire que Votre coeur, que je me flatte de connaitre, veuille préférer les voies de l'extrême rigueur à celles qui, beaucoup plus douces, satisferaient pourtant à Votre gloire et nos voeux.

Encore une fois, ne rejetez pas, je Vous en conjure, mon instante prière. Accordez nous l'armistice au plus tôt, et j'ose répéter, que tout ce que je Vous ai proposé sera accepté et exécuté par ma nation, pourvu que Vous daigniez condescendre aux moyens que j'ai proposés.

Pardonnez, Madame, si je n'ai mis ni phrases, ni style dans cette lettre. J'ose espérer que, si même pour mon malheur Vous rejetiez mes idées, du moins Vous ne serez pas blessée de ma sincérité.

Je ne desire rien au monde autant que de pouvoir me dire à jamais

De Votre Majesté Impériale
le bon frère, ami et voisin
Stanislas-Auguste, roi.

Varsovie ce 22 Juin 1792
nouveau style.

Переводъ. *Къ стран. 297.*

Д. Письмо Короля Польскаго Императрицѣ Всероссійской.

Государыня Сестра моя!

Не употреблю ни уловокъ, ни многословія; они неприличны ни моему характеру, ни моему положенію. Изъяснюсь откровенно, по-

тому что пишу Вамъ. Благоволите прочитать мое письмо благодушно и безъ предубѣжденія. Благоволите припомнить, что̀ я вручилъ Вамъ письменно на Вашей галерѣ въ Каневѣ. Если усилія мои къ успѣху сего плана не достигли цѣли, Ваше Императорское Величество слишкомъ хорошо знаете, что не моя была вина въ томъ.

Всякое разбирательство того, что̀ послѣдовало, было бы излишнимъ и не помогло бы ничему. Посему перехожу къ настоящему времени и буду говорить ясно. Вамъ, Государыня, важно имѣть вліяніе въ Польшѣ и возможность проводить чрезъ нее Ваши войска всякій разъ, когда Вамъ угодно будетъ заняться Турками или Европой.

Намъ важно быть въ безопасности отъ непрестанныхъ революцій, причиною которыхъ по необходимости должно̀ быть каждое междуцарствіе, побуждая всѣхъ сосѣдей нашихъ къ вмѣшательству, вооружая насъ самихъ, однихъ противъ другихъ. Сверхъ того намъ нужно внутреннее управленіе, лучше устроенное, нежели прежде.

И такъ, вотъ моментъ и средство согласить все сіе. Дайте намъ въ преемники мнѣ Вашего внука, Великаго Князя Константина; вѣчный союзъ да соединитъ обѣ страны; да будетъ присоединенъ къ нему торговый договоръ, обоюдно выгодный. Не имѣю нужды говорить, что всѣ обстоятельства благопріятствуютъ тому и никогда исполненіе сего плана не могло быть легче; ибо не Вашему Величеству слѣдуетъ мнѣ давать совѣты или внушать виды. Но я долженъ обратить къ Вамъ мои просьбы, и самыя пламенныя, чтобъ Вы благоволили выслушать меня и войти въ мое положеніе.

Сеймъ предоставилъ мнѣ власть заключить перемиріе, но не окончательный миръ, безъ него. И такъ начинаю съ того, что прошу, умоляю, заклинаю Васъ даровать намъ сколь можно скорѣе перемиріе; и я смѣю отвѣчать Вамъ за остальное, лишь бы только Вы оставили мнѣ время и средства на то. Здѣсь теперь происходитъ такая великая перемѣна въ умахъ, что Вы можете быть увѣренною видѣть, въ пользу всего, мною предложеннаго, расположеніе, можетъ быть, еще болѣе восторженное, нежели бывшее въ пользу всего, сдѣланнаго на семъ сеймѣ; и Вы легко усмо̀трите, безъ сомнѣнія, причину того.

Но я не долженъ скрыть отъ Васъ, что еслибъ Вы въ строгости потребовали всего, что̀ заключаетъ въ себѣ Ваша декларація, то не въ моей власти было бы исполнить, чего я такъ желаю.

Я знаю хорошо, Вы можете подумать, что силы, которую имѣете въ рукахъ, будетъ достаточно для исполненія всего, объявляема-

го Вашей декларацiей безъ смягченiя. На сiе не возражу ничего, кромѣ того, что не могу повѣрить, чтобъ Ваше сердце, которое, льщу себя надеждой, мнѣ извѣстно, захотѣло предпочесть средства крайней строгости тѣмъ, болѣе кроткимъ, которыя удовлетворили бы однако Вашей славѣ и нашимъ желанiямъ.

Еще разъ, не отриньте, умоляю Васъ, моей убѣдительной просьбы. Даруйте намъ перемирiе сколь можно скорѣе, и смѣю повторить, что все, Вамъ мною предложенное, будетъ принято и исполнено моею нацiей, лишь бы только Вы благоволили согласиться на предложенныя мною средства.

Простите, Государыня, если я не украсилъ письма сего ни фразами, ни слогомъ. Смѣю надѣяться, что еслибы даже, къ моему несчастiю, Вы отринули мои мысли, Вы не оскорбитесь по крайней мѣрѣ моею искренностiю.

Ничего на свѣтѣ не желаю столько, сколько имѣть возможность именовать себя навсегда

Вашего Императорскаго Величества
добрымъ братомъ, другомъ и сосѣдомъ
Станиславъ-Августъ, Король.

Варшава сего 22 iюня 1792
новáго стиля.

Propositions d'un Article séparé et secret.

L'ancienne Constitution de la Pologne, le maintien du trône électif et celui des prérogatives des différents ordres de la République et de ses loix fondamentales ayant fait partie des stipulations des Traités, qui ont subsisté précédemment entre les hautes Parties contractantes, comme autant d'objets dignes de leur plus sérieuse attention par la double considération et de la tranquillité de leur propres frontières, qui en dépend, et du bien-être propre de cet état voisin, qui y est intéressé, S. M. l'Impératrice de toutes les Russies et S. M. le Roi de Prusse s'engagent réciproquement **à travailler d'un commun accord et effort au prompt redressement de toutes les innovations**, que la Constitution du 3 May 1791, établie moitié par force, moitié par surprise, a introduit illégalement dans l'ancienne Constitution légitime de la Pologne, **innovations totalement** incompatibles avec les vues ci-dessus énoncées des deux hautes Parties contractantes. En conséquence de quoi Leurs dites Majestés Impériale et Royale se promettent et s'obligent de la manière la plus formelle, de s'entre-aider et de s'appuyer efficacement dans les mesures, qui seront nécessaires, **pour rétablir** en Pologne la forme du Gouvernement **sur les bases** qui lui ont été assignées par les Constitutions des Diètes de 1768, 1773 et 1775, et si les mesures actuellement prises par la Cour de Russie ne suffisent pas, pour remplir le but que se proposent les deux Hauts Alliés, ils se réservent de s'entendre et de se concerter sur d'autres encore plus efficaces, pour assûrer à cet égard leurs intérêts respectifs et la tranquillité commune **de leurs Etats.**

Къ стран. 299.

Changements de la Prusse.

à poursuivre entres Elles et conjointement avec S. M. le Roi de Hongrie et de Bohème également interessée à cet objet, un concert intime, ayant pour but de travailler d'un commun accord au rédressement des innovations

et qui sont

pour rétablir et maintenir
sur les bases approchant celles

de leurs Etats; le tout en conformité du concert ci-dessus indiqué avec S.M. le Roi de Hongrie et de Bohême. Enfin pour cimenter d'une façon indissoluble cet accord et écarter à jamais tout sujet d'ombrage, qui pût altérer l'union heureusement établie, les deux hautes Parties contractantes promettent, qu'Elles ne chercheront jamais à placer un Prince de leur maison sur le trône de Pologne, et n'employeront point leur influence pour déterminer le choix de la République en faveur d'un autre Prince, hors d'un concert mutuel entre les trois Puissances voisines de la Pologne.

Предложенія отдѣльной и тайной статьи.

Такъ какъ старинная конституція Польши, сохраненіе избирательнаго престола и преимуществъ различныхъ сословій Республики и ея основныхъ законовъ составляли часть условій трактатовъ, существовавшихъ предъ симъ между высокими договаривающимися Сторонами, какъ предметы, достойные самаго серьознаго вниманія въ двоякомъ уваженіи и спокойствія собственныхъ ихъ границъ, которое зависитъ отъ того, и собственнаго благосостоянія сей сосѣдственной державы, интересованной въ томъ,—то Е. В. Императрица Всероссійская и Е. В. Король Прусскій взаимно обязуются стараться общими согласіемъ и усиліемъ о скоромъ исправленіи всѣхъ нововведеній, которыя конституція 3 мая 1791 г., учрежденная отчасти силой, отчасти внезапностью, незаконно ввела въ старинную, законную Конституцію Польши,—нововведеній вполнѣ несогласныхъ съ вышеизъясненными видами обѣихъ высокихъ договаривающихся Сторонъ. Въ слѣдствіе того Ихъ упомянутыя выше Императорское и Королевское Величества обѣщаютъ себѣ и обязуются самымъ формальнымъ образомъ взаимно помогать себѣ и поддерживать себя дѣятельно въ мѣрахъ, которыя будутъ нужны для возстановленія въ Польшѣ образа правленія на основаніяхъ, указанныхъ оному конституціями Сеймовъ 1768, 1773 и 1775 годовъ, и если мѣры, принятыя нынѣ Россійскимъ Дворомъ не будутъ достаточны для достиженія цѣли, предполагаемой обоими Высокими Союзниками, то они предоставляютъ себѣ снестись и сговориться между собою о другихъ мѣрахъ, еще болѣе дѣйствительныхъ, для обезпеченія въ семъ отношеніи своихъ особенныхъ интересовъ и спокойствія общаго ихъ государствамъ.

Къ стран. 299.

Измѣненія, сдѣланныя Пруссіей.

продолжать между Собою и совокупно съ Е. В. Королемъ Венгріи и Богеміи, равномѣрно интересованнымъ по сему предмету, тѣсное согласіе, имѣющее цѣлію стараться общимъ уговоромъ объ исправленіи нововведеній
и которыя несогласны
для возстановленія и сохраненія
на основаніяхъ, подходящихъ къ тѣмъ, которыя были указаны оному

ихъ государствамъ; все сіе въ сообразности съ вышеозначеннымъ согласіемъ съ Е. В. Королемъ Венгріи и Богеміи. Наконецъ, дабы укрѣпить неразрывнымъ образомъ сіе соглашеніе и навсегда устранить всякій поводъ къ недовѣрію, который могъ бы возмутить благополучно установленное единеніе, обѣ высокія договаривающіяся Стороны обѣщаютъ, что Онѣ никогда не будутъ стараться возвесть Принца своего Дома на престолъ Польши и не употребятъ своего вліянія для опредѣленія выбора Республики въ пользу другаго Принца, иначе, какъ съ взаимнаго согласія между тремя Державами, сосѣдственными съ Польшей.

Къ стран. 300.

Ж. Lettre de l'Impératrice de Russie au Roi de Pologne.

à Zarsko-Selo ce 2 (13) Juillet 1792.

Monsieur mon Frère!

J'ai reçu la lettre qu'il a plu à Votre Majesté de m'écrire le 22 Juin nouveau style. Je me conforme volontiers à son désir d'écarter toute discussion directe entre nous sur ce qui a produit enfin la crise actuelle des affaires; mais j'aurais désiré à mon tour, que les moyens que Votre Majesté propose comme conciliatoires, le fussent en effet, et que surtout ils eussent pû s'accorder avec les intentions pures et simples, que j'ai manifestées dans la déclaration publiée dernièrement de ma part en Pologne. Il s'agit de rendre à la république son ancienne liberté et sa forme de gouvernement, garantie par mes traités avec elle, et renversée violemment par la révolution du 3 May, au mépris des loix les plus sacrées, et nommément des Pacta conventa, à la stricte observance desquels se tiennent immédiatement et les droits de Votre Majesté et l'obéissance de Ses sujets.

C'est en entrant dans des vues aussi saines et aussi salutaires, que Votre Majesté pourra me convaincre et de la sincérité des dispositions qu'Elle me témoigne à présent, et du désir qu'Elle a de concourir au véritable bien de la nation polonaise. La plus saine partie de celle-ci vient de se confédérer pour réclamer des droits injustement ravis. Je lui ai promis mon appui, et je le lui accorderai avec toute l'efficacité, que mes moyens peuvent me permettre.

Je me flatte, que Votre Majesté ne voudra pas attendre la dernière extrémité pour se rendre à des voeux aussi prononcés, et qu'en accédant promptement à la confédération formée sous mes auspices, Elle me mettra à même, conformément à mes souhaits les plus sincères, de pouvoir me dire, Monsieur mon Frère

de Votre Majesté
la bonne soeur, amie et voisine
Catherine.

Къ стран. 300.

Переводъ.

Ж. Письмо Императрицы Всероссійской Королю Польскому.

въ Царскомъ Селѣ сего 2 (13) іюля 1792.

Государь Братъ мой!

Я получила письмо, которое Вашему Величеству угодно было написать мнѣ 22 іюня новаго стиля. Я охотно сообразуюсь съ Вашимъ желаніемъ устранить всякое прямое разбирательство между нами того, что̀ произвело наконецъ настоящій кризисъ въ дѣлахъ; но я желала бы въ свою очередь, чтобъ средства, которыя Ваше Величество предлагаете какъ примирительныя, дѣйствительно были таковыми, и чтобы въ особенности они могли быть соглашены съ чистыми и простыми намѣреніями, которыя я провозгласила въ декларацiи, недавно изданной мною въ Польшѣ. Дѣло въ томъ, чтобъ возвратить республикѣ старинную свободу ея и образъ правленія, гарантированный моими договорами съ нею, и насильственно низпровергнутый революцiей 3-го мая, вопреки священнѣйшимъ законамъ, и именно Pacta conventa, отъ строгаго соблюденія которыхъ непосредственно зависятъ и права Вашего Величества, и повиновеніе Вашихъ подданныхъ.

Ваше Величество, войдя въ столь здравые и столь спасительные виды, будете имѣть возможность убѣдить меня и въ искренности намѣреній, которыя Вы оказываете теперь, и въ желаніи, которое имѣете, чтобъ содѣйствовать истинному благу польской нацiи. Самая здравая часть сей послѣдней составила конфедерацiю, для востребованія правъ, несправедливо похищенныхъ. Я обѣщала ей мою помощь, и окажу ей оную со всею силою, которую средства мои могутъ дозволить мнѣ.

Ласкаю себя надеждой, что Ваше Величество не захотите ждать послѣдней крайности для того, чтобъ удовлетворить желаніямъ, столь рѣшительнымъ, и что, приступивъ вскорѣ къ конфедерацiи, составленной подъ моимъ покровительствомъ, Вы поставите меня въ возможность, согласно съ моими искреннѣйшими желаніями, именовать себя, Государь Братъ мой,

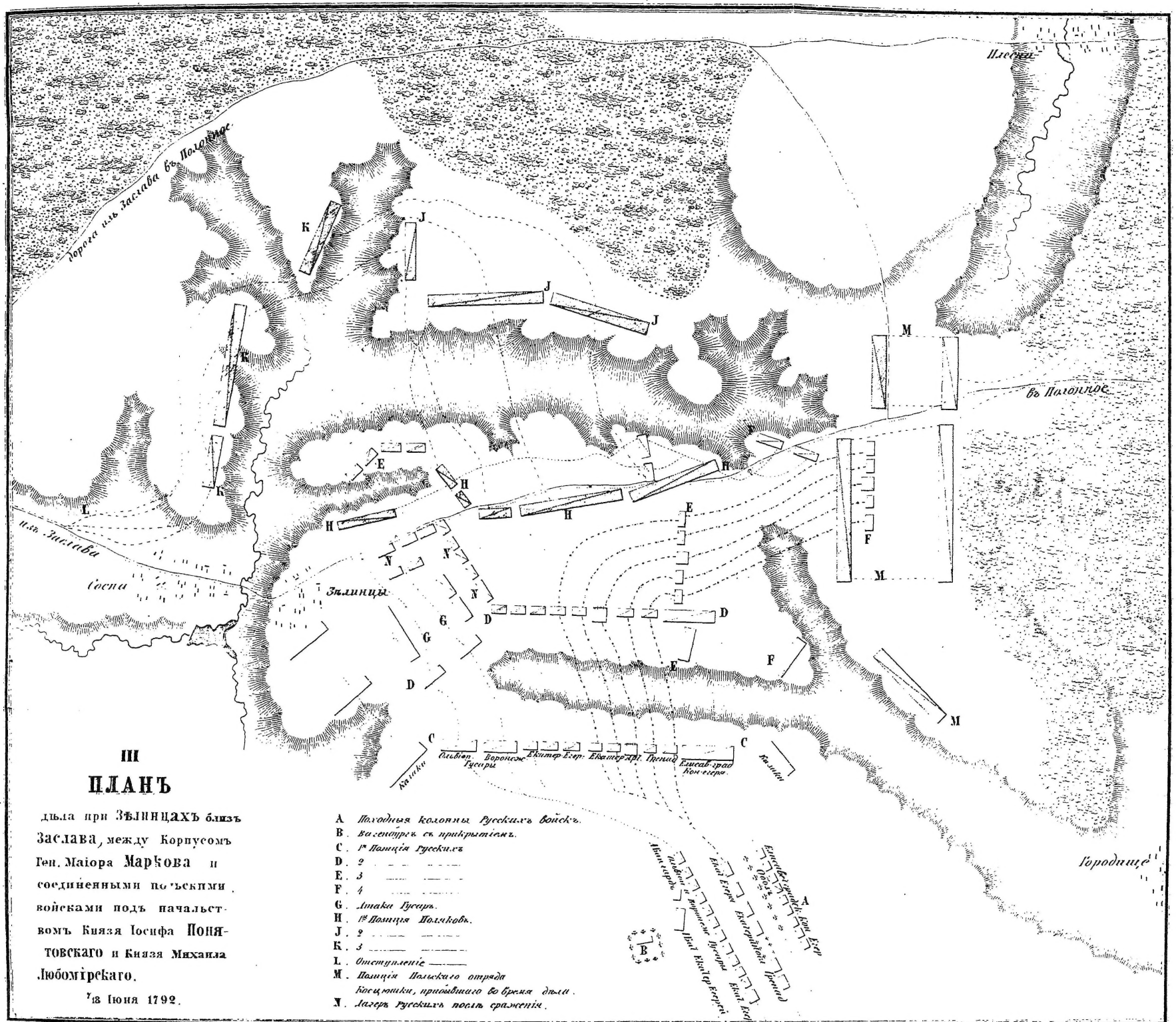
Вашего Величества
доброю сестрою, другомъ и сосѣдкой
Екатерина.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ОПЕЧАТКИ.

—

Стр.	Строка.	Напечатано:	Должно быть:
1	4 сверху,	Потемкинъ	Потемкинъ
3	12 —	послѣдовательности	послѣдовательности
—	20 снизу,	conférences	conférences
8	12 сверху,	съ высока,	свысока,
11	8 —	разстроганъ,	разтроганъ,
20	18 снизу,	крайнѣ	крайне
33	8 сверху,	помошь.	помощь.
34	9 снизу,	на статсъ-	на статсъ-
38	14 сверху,	опъ	опъ
—	6 снизу,	нэ	не
42	17 —	Колберга	Кольберга
43	12 —	зе что	за что
45	5 —	цвѣгѣ	цвѣтѣ
50	8 —	всѣ. здоровы,	всѣ здоровы,
59	3 —	народа—Слѣдовательнэ,	народа.—Слѣдовательно,
64	1 сверху.	которые	которыя
65	2 —	нолучаетъ	получаетъ
81	1 —	крест ьянамъ	крестьянамъ
83	4 снизу,	явилпсь	явились
92	10 —	коституцію,	конституцію.
107	13 сверху,	Конституція. 3-го мая.—	Конституція 3-го мая.—
114	3 —	опъ	онъ
115	4 снизу,	О происхожденіі	О происхожденіи
116	15 сверху,	расчетамъ, Съ тѣхъ	расчетамъ. Съ тѣхъ
118	4 снизу,	было	была
122	13 сверху,	Цольши».	Польши».
132	1 —	нредварительныхъ	предварительныхъ
137	2 снизу,	Штакельберъ,	Штакельбергъ,
155	16 и 17 —	немногочислепны;	не многочисленны,
159	11 —	восклицаніями». Ужасныя	восклицаніями: «Ужасныя
173	2 снизу,	Польское	польское:
210	7 сверху,	управленія,	управленія,
—	15 —	Везбородкѣ.	Безбородкѣ.
227	19 —	армія».—	армія.—
242	4 —	здѣшнимь	здѣшнимъ
263	10 —	Понятовскійвыступили оттуда	выступили оттуда: Понятовскій
271	10 снизу,	Вир тембергскаго	Виртембергскаго
278	17 снизу.	екатеринославкій	екатеринославскій
282	2 сверху,	состояла	состоялъ
292	4 —	гвардію, его,	гвардію его,
300	17 снизу,	подданныхъ Только	подданныхъ. Только
301	5 —	выражепій	выраженій
302	16 —	у нее	у нея
307	14 сверху,	ближайщими	ближайшими
311	16 —	былъ, еще	былъ еще
324	9 снизу,	разсѣянію.	разсѣянію,
330	12 —	препринятыхъ	предпринятыхъ



III

ПЛАНЪ

дѣла при Зѣлинцахъ близъ Заслава, между Корпусомъ Ген. Маіора Маркова и соединенными полъскими войсками подъ начальствомъ Князя Іосифа Понятовскаго и Князя Михаила Любомірскаго.

7/18 Іюня 1792.

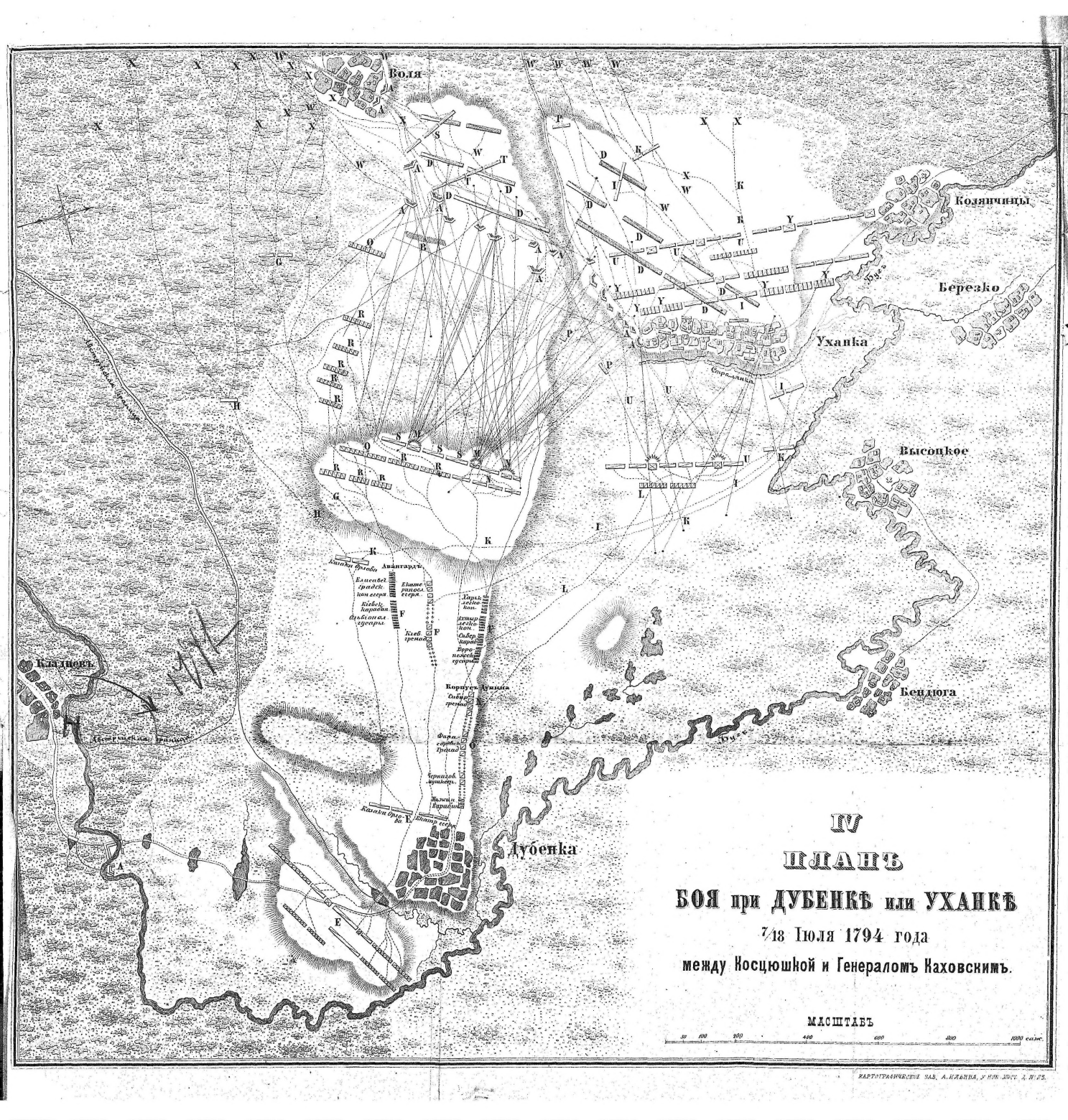
A. Походныя колонны Русскихъ войскъ.
B. Вагенбургъ съ прикрытіемъ.
C. 1ва Позиція Русскихъ
D. 2 — — — —
E. 3 ——— ———
F. 4 ——— ———
G. Атаки Гусаръ.
H. 1ва Позиція Полъковъ.
J. 2 ——— ———
K. 3 ——— ———
L. Отступленіе ———
M. Позиція Полъскаго отряда Косцюшки, прибывшаго во время дѣла.
N. Лагерь Русскихъ послѣ сраженія.

Снятъ съ подлинника въ военномъ архивѣ.

ОБЪЯСНЕНІЕ ЗНАКОВЪ

на IV планѣ боя при Дубенкѣ или Уханкѣ 7 (18) іюля 1792 г. между Косцюшкой и генераломъ Каховскимъ.

A. Многочисленные польскіе шанцы, устроенные изъ фашинъ и земли.
B. Палисады, состоящіе изъ крѣпкихъ свай, вбитыхъ въ землю.
C. Польская открытая батарея. подъ прикрытіемъ пѣхоты въ Уханкѣ.
D. Польскій корпусъ позади шанцовъ.
E. Русскій авангардъ въ лагерѣ при Дубенкѣ.
F. Войска этого авангарда въ наступленіи тремя колоннами.
G. Оба первые баталіона Екатеринославскихъ егерей, посланные налѣво въ лѣсъ, чтобъ выбить засѣвшаго въ немъ непріятеля.
H. Казачья бригада генералъ-маіора Орлова, назначенная въ подкрѣпленіе егерямъ.
I. 3-іі и 4-іі баталіоны Екатеринославскихъ егерей, посланные вправо, для атаки непріятеля въ Уханкѣ.
K. Казачьи полки: Янова и Новороссійскій регулярный, посланные въ подкрѣпленіе имъ.
L. Воронежскіе гусары, посланные на правый флангъ.
M. Двѣ батареи въ 20 полевыхъ орудій, подъ прикрытіемъ Кіевскихъ гренадеровъ.
N. Сибирскіе гренадеры и 12 полевыхъ орудій, отряженные туда изъ корпуса Дунина.
O. Полки Фанагорійскій гренадерскій, Черниговскій мушкетерскій и Нѣжинскій карабинерный съ 24-мя полевыми орудіями, въ наступленіи одною колонною.
P. Одинъ баталіонъ Кіевскихъ и одна рота Сибирскихъ гренадеровъ, посланные для вытѣсненія непріятеля изъ кустарника и овладѣнія непріятельскими батареями, разстроенными огнемъ русской артиллеріи. Они преслѣдуютъ непріятеля до лѣса.
Q. Елисаветградскіе конные егеря, посланные для взятія батарей праваго непріятельскаго фланга.
R. Полки Харьковскій и Ахтырскій легко-конные, Ольвіопольскій гусарскій, Кіевскій и Сѣверскій карабинерные слѣдуютъ за ними въ подкрѣпленіе.
S. Три баталіона Кіевскихъ гренадеровъ, выбивъ непріятеля изъ его шанцовъ, преслѣдуютъ его до лѣса.
T. Сибирскій гренадерскій полкъ наступаетъ въ подкрѣпленіе имъ.
U. Полки: Фанагорійскій гренадерскій и Нѣжинскій карабинерный, вытѣснивъ лѣвый непріятельскій флангъ, строятся по ту сторону Уханки.
W. Общее отступленіе Поляковъ.
X. Преслѣдованіе ихъ русскими войсками въ лѣсъ.
Y. Окончательное расположеніе русскихъ войскъ по вытѣсненіи непріятеля изъ Уханки.



IV

ПЛАНЪ

БОЯ при ДУБЕНКѢ или УХАНКѢ

7/18 Іюля 1794 года

между Косцюшкой и Генераломъ Каховскимъ.

МАСШТАБЪ

30 100 200 400 600 800 1000 сажен.

КАРТОГРАФИЧЕСКОЕ ЗАВ. А. ИЛЬИНА, У НИК. ПОСТ. Д. № 23.